

РАДЖЕНДРА ПРАСАД

АВТОБИОГРАФИЯ

РАДЖЕНДРА
ПРАСАД

АВТОБИОГРАФИЯ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · 1961

T-4124
1770

RAJENDRA
PRASAD

AUTOBIOGRAPHY

ASIA PUBLISHING HOUSE
BOMBAY • 1957

024

1125378

ВСЕСОЮЗНАЯ
ГОС. БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

* U 1 0 0 6 9 7 7 1 4 *

О Т А В Т О Р А
К Р У С С К О М У И З Д А Н И Ю

Выход в свет на русском языке моей книги «Автобиография», выпускаемой Издательством иностранной литературы в Москве, естественно, доставляет мне радость. Помимо удовольствия, которое я испытываю как автор, видя свои произведения переведенными на иностранные языки, я склонен придавать большое значение международному обмену литературой путем ее перевода с одних языков на другие. В этой области Издательство иностранной литературы в Москве проявляет большую активность. Я желаю ему успехов в его деятельности.

*Рашигранати Бхаван,
Дели,
6 января 1961 года*

Раджендра Прасад

ОТ АВТОРА

Большую часть этой книги я написал в тюрьме между 1942 и 1945 годами. История моей жизни доведена в ней до 1946 года. Оригинал был написан на моем родном языке — хинди. Книга вышла уже в двух изданиях, но только сейчас представилась возможность опубликовать ее в переводе на английский.

Я имел непосредственное отношение ко многим политическим и другим событиям в Индии и в последние десять лет. Однако у меня не было возможности довести свое повествование до наших дней ни во втором издании книги на языке хинди, вышедшем в начале 1957 года, ни в настоящем, английском ее варианте, выпускаемом в конце того же года. Многого можно было бы сказать о работе Учредительного собрания Индии, которое я имел честь возглавлять и которое выработало и приняло конституцию страны; о передаче власти англичанами в руки индийцев, к чему я имел отношение как председатель Учредительного собрания; о разделе Индии на Индию и Пакистан (как член комиссии по разделу я прилагал все усилия к тому, чтобы разделение страны прошло справедливо); о тяжелом продовольственном положении, которое страна переживала в 1946—1947 годах, когда я был министром продовольствия и сельского хозяйства; о последствиях раздела в 1947—1948 годах и, наконец, об управлении независимой Индией, которое я осуществлял как ее президент с 1950 по 1952 год в соответствии с временными положениями конституции, и затем после всеобщих выборов как президент, избранный согласно закону в мае 1952 года. У меня, однако, не было

времени написать обо всем этом, да, пожалуй, мне и не подобает это делать, пока я занимаю президентский пост, будучи избранным на второй срок.

Годы, истекшие после второй мировой войны, принесли не только Индии, но и всему миру колоссальные изменения, особенно в области науки и техники. Одновременно они поставили целый ряд самых трудных и сложных проблем, с какими человечеству еще не приходилось сталкиваться. Индия не может уклониться от их решения: она должна сделать свой выбор и занять достойное ее место в мире. Я был очевидцем многих событий, происходивших в нашей стране, даже когда не играл в них сколько-нибудь значительной роли. Но все это должно быть рассказано и оценено позже, и, пожалуй, будет лучше, если это сделают другие.

*Раштрапати Бхаван,
Дели,
30 октября 1957 года*

Раджендра Прасад

* Глава I *

*

МОИ ПРЕДКИ

В деревне Аморха в штате Уттар-Прадеш проживает большое число *каястхов* *. Много лет назад одно из семейств каястхов уехало из родной деревни и поселилось в Баллии. Затем одна ветвь этого семейства перекочевала в Гаю, а другая перебралась на север и обосновалась в деревне Зерадеи, которая по современному административному делению находится в *дистрикте* Саран, штат Бихар. К этой второй ветви принадлежу и я. Мои предки переселились в Зерадеи за семь или восемь поколений до моего появления на свет.

Семья эта, бедная, но образованная, была радушно принята жителями Зерадеи, которым как раз недоставало образования. Одному из членов семьи удалось устроиться на работу поблизости, в Хатхуа Радже, который в те дни был небольшим имением, приносящим скромный доход. Так было положено начало связи с Хатхуа Раджем **, которой суждено было просуществовать несколько поколений.

Мои предки обитали в крытых тростником хижинах, в каких ютились все их односельчане. Жители Зерадеи были *райятами* другого крупного *заминдара* — каястха. Наша семья и по сей день не имеет земельного участка в этой деревне, хотя со временем мы приобрели *заминдари* в нескольких других селениях.

Мой дед Мишри Лал умер молодым, оставив своего единственного сына, моего отца Махадева Сахаи, на попечении своего старшего брата Чаудхур Лала. Чаудхур Лал воспитал Махадева Сахаи вместе со своим родным сыном Джагдевом

---

* Объяснения смысла индийских слов и выражений, а также исторических, правовых и других терминов, выделенных курсивом, даны в примечаниях редакции (стр. 593). — *Прим. ред.*

** Закон о постоянном *заминдарстве* (1793 год) был отменен в Бихаре в результате земельной реформы, принятой в 1952 году. С проведением ее Хатхуа Радж и другие имения *заминдаров* прекратили свое существование.

Сахаи. Чаудхур Лал пользовался большим уважением в имени Хатхуа. Он дослужился до поста *дивана* и занимал его свыше двадцати пяти лет. В те дни жалование платили небольшое, и брат моего деда получал всего сто рупий в месяц. Но он бесплатно питался и, кроме того, *раджа* отдавал ему в аренду большое число деревень, а с этих земель снимали прекрасный урожай риса, который сам по себе служил достаточным источником дохода.

Махараджа Чхатрадхари Сахи переживал трудные дни: он лишился своего сына наследства и сделал наследником внука Раджендры Пратапа Сахи. Махараджа питал такое доверие к Чаудхур Лалу, что, умирая, оставил на его попечение своего внука. Молодому правителю пришлось столкнуться с многочисленными трудностями, и Чаудхур Лал помогал ему преодолеть их. Некоторые члены семьи *раджи* пытались оспаривать наследство в суде, и дело дошло до *Тайного совета*. Однако Тайный совет решил, что имение неделимо и что его владелец имел полное право составить завещание. Тем самым было подтверждено право Раджендры Пратапа Сахи на имение Хатхуа Радж.

Пока шла тяжба, жизнь Раджендры Пратапа Сахи находилась в опасности. Чаудхур Лал спал у его постели и, опасаясь, что молодого правителя отравят, даже пробовал подаваемые ему блюда.

Но Чаудхур Лал не только защищал жизнь *раджи* — он немало способствовал и процветанию имения. Поселив людей на необработанных землях и применив другие передовые методы, он поднял доходность имения на 300 процентов. *Раджа* питал к нему глубокое уважение и, говорят, в знак почтения никогда не курил в его присутствии.

Чаудхур Лал не притеснял своих арендаторов, и они платили ему величайшим доверием. Об этом можно судить хотя бы по тому, что, когда в дни движения несотрудничества с властями я совершал поездку по этим местам, старики особенно тепло встречали меня, так как я был внуком Чаудхур Лала.

Чаудхур Лалу удалось приумножить и благосостояние своей семьи. Он купил заминдари, приносившее около 7 тысяч рупий в год. Многие деревни были приобретены на имя обеих моих бабушек, так как именно они занимались очисткой и продажей риса, который выращивался на землях *зеруата*, арендованных моим дедом, и давали деньги для покупки.

Позаботился Чаудхур Лал и об образовании своего сына Джагдева Сахаи и моего отца Махадева Сахаи. Изучение английского языка еще не вошло в моду. Вероятно, предложение послать мальчиков в Чапру для получения английского образования выдвигалось не раз, и мой дядя проштудировал не-

сколько английских книг, но раджа не одобрил этой идеи, и братьям пришлось удовольствоваться изучением персидского языка под руководством того же *моули*, который воспитывал сына раджи, ставшего впоследствии махараджой Кришна Пратап Сахи.

После смерти махараджи Раджендры Пратап Сахи управление его владениями перешло на некоторое время опекунскому совету. Поскольку Чаудхур Лал не владел английским языком, ему пришлось оставить должность дивана, принять же меньший пост он считал унижительным для себя. Это означало разрыв долгой связи с поместьем Хатхуа.

Покинув Хатхуа Радж, Чаудхур Лал вернулся в Зераден. Немного спустя он стал диваном поместья Тамукхи в округе Горакхпур, но, найдя местный климат неблагоприятным, вскоре бросил службу. Последние дни своей жизни он провел в Зераден.

Здесь, в Зераден, 3 декабря 1884 года (по индийскому летоисчислению — 1-го числа месяца Пауш Кришна 1941 года) и родился я — младший ребенок в семье, в которой было три дочери и два сына. Одна из моих сестер умерла еще ребенком, другая — старшая сестра — Бхагвати Деви, рано овдовела и с тех пор живет с нами, третья умерла, не оставив потомства. За ней шел мой брат, Махендра Прасад, старше меня на восемь лет.

Джагдев Сахан, мой дядя, был старше моего отца. У него была только одна дочь, которая умерла совсем юной.

ДЕТСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Мою старшую сестру Бхагвати Деви выдали замуж в очень богатую семью. Лет четырех или пяти я побывал у нее, и одним из моих детских впечатлений является роскошь, в которой жила эта семья. Мой зять был одним из шести сыновей, и каждый из них имел своего слугу. Все они жили вместе в доме, похожем на дворец, держали породистых лошадей и даже слонов. За несколько лет буквально на наших глазах это имение, приносящее 70—75 тысяч рупий в год, захирело и было продано. Мой зять умер у нас в доме, в Зераден, когда я был еще совсем ребенком, но мне никогда не забыть громких стенаний членов нашей семьи. Так я впервые увидел смерть, и эти сцены навсегда запечатлелись в моей памяти.

Другие детские впечатления связаны со свадьбам моей второй сестры и старшего брата.

Моя двоюродная сестра, которая была на пять-шесть месяцев моложе меня, и я сам являлись любимцами Чаудхур Лала; он играл с нами, как только у него выдавалась свободная минута. В то время дядя управлял заминдари и часто приезжал в Чапру в связи с одной из тех нескончаемых тяжб, которые неизменно сопутствуют всякому заминдари. Дядя навещал также моего брата, изучавшего там английский язык. Я до сих пор помню, как, завидев его издалека, мы с веселыми криками бежали ему навстречу, требуя лакомств и фруктов, которые он никогда не забывал прихватить для нас.

Мой отец также жил в Зераден. Поскольку он почти не касался управления помещьем, то большую часть своего времени тратил на занятия садоводством, к которому очень пристрастился. Он посадил множество деревьев, и у нас до сих пор сохранились два выращенных им манговых сада — их чудесные плоды воскрешают воспоминания о былом.

Отец был большим знатоком персидского языка и немного знал санскрит. Его очень интересовали медицинские системы «Аюрведы» и «Унани». Он собрал большую библиотеку по

этим вопросам и мог часами рыться в книгах. Так он стал хорошим *вайдыя*, или *хакимом*, хотя и не получил систематического образования. Многие прибегали к его помощи. Беднякам он давал лекарства бесплатно, изготовляя их с помощью слуги, которого держал специально для этой цели, а богатым людям выписывал рецепты. Чтобы установить диагноз, он никогда не щупал пульс и не осматривал больного: ему достаточно было знать симптомы болезни и состояние пациента. Многих он вылечил и это снискало ему немалую славу.

Мой отец был хорошо сложен и отличался ловкостью, ибо с детства очень любил физические упражнения и борьбу. Я вспоминаю, как он, когда я приезжал домой на каникулы из школы или колледжа, к нашему общему восхищению, размахивал тяжелой дубинкой и показывал нам немало всяких приемов. Он даже выучил всему этому нас. Довольно искусный наездник, он всегда держал для себя хорошую лошадь. Отец научил брата и меня ездить верхом, и во время каникул мы не раз предпринимали прогулки в окрестностях Зерадеи.

Мы увлекались такими сельскими играми, как *кабадди* и *чикка*, и увлечение это продолжалось до самого окончания колледжа. Мой брат любил еще одну игру, для которой требовалось умение лазить по деревьям. Не решаясь последовать его примеру, я не мог принимать участие в этой забаве. Сожалею также о том, что не научился плавать — поблизости от Зерадеи не было реки.

Наш дом представлял собой массивное строение старого стиля круглой формы с многочисленными комнатами и верандами и внутренним двором. В каждой комнате была только одна дверь и два небольших вентилятора под самой крышей.

С детства я привык рано ложиться и просыпаться до рассвета. В долгие зимние ночи я просыпался затемно и будил свою мать. Тогда она принималась рассказывать мне *бханды*. Иногда она знакомила меня с историями из *«Рамаяны»*, которые оставили глубокий след в моей душе. Увлеченный, я часто, лежа в постели, уговаривал мать рассказывать все новые и новые бханды и истории, и так продолжалось до тех пор, пока сквозь вентилятор не начинал пробиваться первый утренний свет.

К вечеру меня одолевала такая сонливость, что мать укладывала меня в постель сразу же после захода солнца, еще до обеда. В те времена обед у нас поспевал только к вечеру, а слуги иногда заканчивали свою последнюю трапезу перед рассветом. Мать всегда будила меня ночью к обеду. Ей нелегко было накормить сонного ребенка, но зато одна из служанок в доме делала это очень ловко.

Я так привык ложиться с заходом солнца и рано просыпаться, что не мог отделаться от этой привычки и в колледже. Сохранил я ее и в годы своей адвокатской практики. В 1914—1915 годах, когда я готовился к экзаменам на звание магистра права, произошел забавный случай. В Калькутте я проходил практику в Верховном суде и вел сразу несколько дел. Кроме того, я преподавал в Юридическом колледже. Занятый по утрам делами и подготовкой к лекциям, а днем в суде, я мог заниматься только ночью. Но стоило мне взяться за книгу, как меня начинало клонить ко сну. Экзамены приближались, и я прилагал героические старания работать до девяти часов вечера; пытался даже читать на ходу, шагая из угла в угол. Но однажды на меня напала такая сонливость, что я споткнулся и упал, больно ушибся, и было просто чудо, что я не разбил себе голову. С тех пор с опасным экспериментом было покончено. Отныне я довольствовался тем, что читал только в те свободные минуты, которые мне удавалось выкроить.

МОУЛВИ САХИБ

Я начал учиться пяти или шести лет вместе с двумя своими двоюродными братьями, старшим из которых был Джамуна Прасад, зачинщик всех наших игр и проказ. По обычаю посвятить нас в тайны азбуки должен был моулви *сахиб*. В первый день он начал учить нас от имени аллаха и получил подношение. Всем в округе были розданы лакомства.

Один из наших дядей, Балдев, младший брат моего отца, человек нестоимый на шутки, во многом походил на него. Как и отец, он был прекрасным наездником, любил ухаживать за больными и раздавать лекарства, метко стрелял, искусно владел катапультой, хорошо играл в шахматы, был знатоком персидской литературы. Однако во всем этом он признавал превосходство моего отца. У него было доброе сердце, и весь он искрился юмором. Моулви — человек со странностями и непомерными претензиями — служил замечательной мишенью для шуток дяди Балдева. Дядя находил большое удовольствие в том, чтобы поддразнивать его, а затем разбивать всю несостоятельность его претензий, но ничто не помогало, и моулви оставался верен себе. Он заявлял, например, что прекрасно играет в шахматы, но ему ни разу не удалось обыграть дядю. Мы, дети, хотя нас все это и забавляло, не смеялись над моулви из уважения к его авторитету.

Однажды на прогулке мы увидели стоявшего посреди дороги буйвола. Кто-то сказал, что это животное с бешеным нравом, нападающее на прохожих. Моулви, которого дядя просил не приближаться к буйволу, заявил, что ничего не боится и вплотную подошел к животному, презрительно вскинув голову. В следующее мгновение буйвол поднял его на рога и бросил на землю.

Другой раз дядя Балдев подбил моулви взять ружье — тот уверял, что прекрасно стреляет. Чтобы проверить его таланты, дядя позвал его с собой, а мы увязались за ними. Указав на хищную птицу, сидевшую на дереве на некотором расстоянии

от нас, дядя попросил моульви продемонстрировать свое искусство. Тот с усилием поднял тяжелое ружье старого образца, заряжавшееся с дула, и выстрелил. В птицу он, понятно, не попал, но отдача отбросила его, и он грохнулся на землю. Пришлось уносить его с поля на руках.

Тем временем наше изучение персидского языка продвигалось быстро. За шесть месяцев мы выучили персидский алфавит и приступили к чтению «*Каримы*». Затем прежний моульви покинул нас, и его заменил другой. Это был серьезный человек и хороший учитель. Он занимался с нами два года, и мы успели закончить «*Кариму*», «*Мамкиму*», «*Кушахал симью*», «*Дастур-ус-симью*», «*Гулистан*», «*Бустан*» и другие произведения. Вечер четверга и пятница были для нас праздниками — в эти дни мы учились считать и писать на *кайтхи*.

Моульви жил в соседнем доме. Наш класс размещался на веранде. Мы сидели на одной такхатноше (деревянной скамье), а моульви — на другой. Занятия начинались рано утром. Нам приходилось повторять вчерашний урок, который мы учили наизусть. Закончив повторение, мы приступали к следующему уроку. Нередко я первый приходил в школу и успевал повторить старый урок и начать новый раньше других. Когда солнце высоко стояло в небе, слуга приходил звать меня завтракать. После часового перерыва все начиналось сначала. Мы учились также писать на деревянных дощечках. Занятия казались нескончаемыми, так как после полуденного перерыва мы возвращались к своим книгам и делали перерыв только за час до захода солнца. После захода мы возобновляли занятия и учились при свете масляной лампы. Когда моульви отпустил нас, мы почтительно кланялись ему и шли домой.

Вечером нас клонило ко сну, но мы боялись дремать, чтобы моульви не побил нас. Мой старший двоюродный брат Джамуна Прасад пускался на всевозможные выдумки, лишь бы побудить моульви отпустить нас пораньше. Одна из его проделок заключалась в том, чтобы притвориться, будто поправляешь фитиль, и незаметно для моульви высыпать в масло пригоршню пыли. Пыль поглощала масло, и через несколько секунд лампа начинала гаснуть. Моульви ругал служанку за то, что она налил масло не до верху, и прерывал занятия.

Теми небольшими познаниями в персидском языке, которые мы приобрели, мы обязаны целиком этому моульви. Мы полюбили его и, когда нам пришлось ехать в Чапру, с сожалением распрощались с ним.

ЖИЗНЬ В ДЕРЕВНЕ

В те годы сельская жизнь была куда проще, нежели сейчас. Зераден и ближайшая к ней деревня Джамапур так тесно прижимают друг к другу, что трудно сказать, где кончается одна и начинается другая. Поэтому можно с полным основанием считать эти две деревни за одну; их население составляло в общей сложности не многим более двух тысяч человек.

Почти все нужное для жизни можно было достать в самой деревне, и люди редко покидали ее пределы. Там имелось несколько лавок, торговавших всевозможными тканями и полностью удовлетворявших потребности местных жителей; наведывались к нам и мелкие торговцы из окрестных сел. Все необходимые продукты — рис, бобы, муку и приправы — также можно было приобрести на месте. В одной-двух лавках продавались даже народные лекарственные средства. Сигарет и листов *бетеля* в то время в продаже не было, хотя некоторые лавочники торговали табаком-сырцом. Не существовало тогда и мелочных лавочек, торгующих сладостями.

Два дня в неделю были базарные: из соседних деревень съезжались торговцы верхом и в повозках, запряженных буйволами, а то приходили пешком и раскладывали свои товары. В эти дни можно было купить лакомства и даже мясо и рыбу. Когда мы не могли найти чего-либо на месте, мы отправлялись в Сиван, районный городок, где имелся полицейский участок, мировой суд и большие магазины.

В нашей деревне проживало много *коери*, которые поставляли нам овощи, всегда имевшиеся в изобилии. Молоко и творог мы покупали у *ахиров* в соседних деревнях. Было широко распространено домашнее ткачество, и множество живших в деревне прядильщиков без перебора снабжали нас пряжей.

Мусульманское население составляли в основном кустари, изготавливавшие стеклянные украшения, мелкие разносчики, каменщики, портные и ткачи. Среди них не было ни *шейхов*, ни *сейидов*. Индусская община состояла из *брахманов*, *раджпугов*,

бхумихаров, *каястхов*, *коери*, *мури*, *кумхаров*, *турха*, *гондов*, *домов*, *чамаров*, *дусадхов* и других. Больше всего насчитывалось *раджпутов*; некоторые из них были *заминдарами* и принадлежали к старинным уважаемым родам, другие — простыми земледельцами. В Зераден проживало всего пять семейств *каястхи*, в том числе наша и две семьи наших родственников. Посетители *извне*, если не считать близких родственников, бывали редко. Раз в несколько месяцев к *моульви* заходил разносчик со связкой персидских книг и одной-двумя бутылками черных чернил, всякий раз возбуждая наш живейший интерес. Иногда зимой навещался лоточник с апельсинами. В нашей жизни это было целое событие. В полном восторге мы спешили поделиться радостным известием с матерью. Однажды, рассказав ей о появлении торговца апельсинами, я помчался обратно, но споткнулся и упал, разбив себе губу. Другой раз я глубоко порезал щеку под правым глазом. Рубец на месте пореза до сих пор красуется у меня на лице.

Единственными *фруктами*, которые нам перепадали, были *манго* и иногда *бананы*. Наш дядя, которого мы звали *Нуну*, время от времени привозил из Чапры *виноград*, но это было дорогое удовольствие. В те времена *виноград* перевозили не *гроздьями*, а в небольших *деревянных ящиках* и *перекладывали ватой*.

В деревне было два небольших *матха* (*монастыря*), в каждом из которых имелся свой *садху* для отправления обрядов *пуджи*. Кормились *садху* за счет жителей деревни. В дни праздников *Ратнавали* и *Джанмашта* *матхи* красиво украшались. Даже дети вносили *посильную лепту*, изготовляя *бумажные цветы* и *флажки*. По этим дням мы *постились*. В день *Дадхикандо* мы *мазали друг друга творогом* и *куркумой*.

Почти каждый год в месяц *картхика* в *матх* приходил *пандит*, читавший «*Рамаяну*», «*Бхагават*» или какие-либо другие *пураны*. В последний день *катхи* жители деревни делали *приношения*. Дары нашей семьи всегда были *наибольшими*, так как мы считались *самыми состоятельными людьми* в деревне. Часто *катху* *рассказывали*, *сидя у нашего порога*, и мы *несли все расходы*. Когда праздник *устроивали жители деревни*, *пандит* *гостил у всех по очереди*. Другим источником развлечения служил *Рамлил* в месяц *ашвин*. В деревню *приезжала труппа*, *разыгрывавшая сцены Рамлила*, и две *недели все были страшно возбуждены*. *Сцену устраивали то в Джамапуре, то в Зераден*. Большинство *актеров* было *неграмотно*, и поэтому *пандит читал вслух отрывки из «Рамаяны» Тулси Даса*, а *актеры повторяли за ним текст*. Из-за *огромного скопления народа* и из-за того, что *представление устраивалось на большой площади*,

мало кто мог слышать диалог, но прыжки актеров и сцены битв доставляли зрителям огромное удовольствие. С большой помпой разыгрывались сцены женитьбы Рама, его венчания на царство и боя с *Раваной*. Для сцен свадьбы приводили лошадей и слонов и устраивалось настоящее пышное свадебное шествие. В день разрушения *Ланки* строились небольшие дома, которые затем сжигали.

Игравшие *Ханумана* и демонов надевали маски, пугавшие детей. Рама, Сита и Лакшман наряжались в пышные одеяния, а на их гримировку уходило один-два часа. Рама и Лакшман не ходили, как простые смертные, а важно выступали особым величественным шагом. В день коронации жители соседних деревень приносили Раме свои дары. Дневной сбор составлял главный доход устроителей Рамлила. На следующий день Рама, Сита и Лакшман в парадных одеждах обходили дома состоятельных семей, причем женщины не могли видеть Рамлила из-за *парды*.

Особенно глубокое впечатление производило на меня в детстве чтение отрывков из «Рамаяны». В деревне было очень мало грамотных, и не только в Зерадеи, но и во всей округе не имелось ни одной начальной школы. Обучавший нас моульви брал по четыре рупии в месяц, не считая стола и квартиры. Был у нас в деревне ткач, знавший кайтхи и деши — систему счета, куда входил также способ исчисления цен, учета посевных площадей и т. д. Он открыл частную школу, в которой обучались некоторые мальчики. Хотя грамотные были наперечет, вечерами люди часто собирались у монастыря, и кто-нибудь читал вслух «Рамаяну», а вся паства повторяла слова вслед за чтецом под аккомпанемент барабана, цимбал и других сельских музыкальных инструментов. Поэтому, несмотря на неграмотность, многие знали на память целые строфы из «Рамаяны».

Наиболее популярным праздником был *Холи*, во время которого забывались все кастовые и имущественные различия. Пение гимнов Холи начиналось с дня *басант*. Люди собирались группами и пели хором под звуки барабана и цимбал. Иногда приходили жители соседних деревень, и начиналось дружеское состязание. Пение продолжалось всю ночь напролет. Однажды уже взошло солнце, а люди все пели, и пришлось уговаривать соревнующиеся группы прекратить пение. Тяжелее всего приходилось барабанщику. Как-то раз в группе оказался только один барабанщик, и он играл всю ночь. Он натер себе на руках волдыри, которые лопнули, однако он все продолжал бить в барабан. Волдыри появлялись и лопались снова, но честь родной деревни была спасена. Когда на другое утро люди узнали о подвиге барабанщика, на него стали смотреть как на героя.

В день Холи было принято распевать сатирические куплеты. Толпа двигалась по деревне из конца в конец, распевая куплеты и бросая грязью в каждого встречного. Чамары, брахманы и раджпуты поносили друг друга и швырялись комьями грязи. Так продолжалось до полудня. Затем после отправления религиозных обрядов и трапезы, состоявшей из *пури-мальпуа*, начиналась новая забава: разбрызгивание краски и *абира*, продолжавшееся весь день. Люди встречались, брызгались краской и абиром и угощали друг друга фруктами и орехами бетеля.

В других деревнях праздники, возможно, сопровождалась попойками, но у нас раджпуты, брахманы и бхумихары считали пьянство грехом. Даже каястхи никогда не пили из-за старинного поверья, что тот, кто возьмет в рот вина, станет прокаженным. Поэтому обычай пить не привился в нашей семье и по сей день.

С большой пышностью праздновался и *Дивали*. Дома белились и освещались небольшими глиняными светильниками. Люди побогаче и с большим вкусом украшали свои жилища ветвями платана, арками из бамбука и освещали длинным рядом светильников. Иллюминации предшествовала пуджа в честь *Лакиши*. После иллюминации по обычаю играли в ракушки. Мы просто следовали традиции, но кое-кто играл по-настоящему азартно. Хотя иллюминацию полагалось зажигать только в ночь Дивали, некоторые весь месяц вывешивали зажженные светильники на высоких шестах перед своими домами.

Дашарха считалась праздником заминдаров. Иногда в *навараграс* отправлялась пуджа в честь богини *Кали* и устанавливалось ее изваяние. В нашей деревне мне не случалось этого видеть, но как-то раз я присутствовал на такой церемонии в соседней деревне. Я как сейчас помню изваяние богини Кали: она была вся черная с ног до головы, а в руках держала человеческий череп и кинжал. Во время представления Рамлила коронация Рамы совершалась обычно в день Дашарха, иногда накануне или на другой день. В праздник Дашарха наш дедушка в сопровождении многочисленных взрослых и детей отправлялся взглянуть на священную птицу *Нилакантху*.

Еще одним общинным праздником был *Анант Чатурдаши*. В этот день люди постились до полудня, а потом слушали катху и ели по-особому приготовленную пищу. Затем уже не разрешалось есть весь день, а после захода солнца — даже пить. Существовал один любопытный обычай, очень забавлявший детей. После катхи пандит оставлял на большом блюде два огурца и наливал туда немного воды. Слушатели клали руки на блюдо, а пандит спрашивал их: «Чего вы ищете?» На что следовал традиционный ответ: «Анантфал» (вечный плод). Тогда пандит

интересовался, получили ли они его, и, услышав утвердительный ответ, просил положить этот плод на голову, и слушатели обрызгивали себя священной водой. Пандит раздавал всем присутствующим сплетенные из ниток амулеты. Мы, дети, получали красивые разноцветные амулеты. Кое-кто перевязывал амулетом запястье и ходил так круглый год, давая при этом зарок воздерживаться от мяса, подобно тем, кто носит четки.

Из всего сказанного видно, что религия занимала большое место в жизни деревни и что между мусульманами и индусами царил полное согласие. Мусульмане участвовали в шумном индусском празднике Холи. К праздникам Дашарха, Дивали и Холи моулви сочинял стихи. Мы, дети, рисовали на бумаге картинки, а моулви снабжал их стихотворными подписями, представлявшими любопытное смешение двух языков — персидского и хиндустанского. Затем мы расходились по домам и читали стихи своим родным, а те давали нам деньги для моулви. Мы заучивали стихи и распевали их на празднике.

Индусы принимали участие в *Мохарраме*, устраивая *тазии*. У богатых индусов в Зерадеи и Джаманпуре тазии бывали больше и пышнее, чем у бедных мусульман. В конечном счете тазии направлялись в Карбалу. По пути люди выкрикивали девизы Али и Имама и играли в *затку*. В атмосфере общего ликования всякие различия между индусами и мусульманами исчезали. Когда начиналась раздача лакомств, все протягивали руки, однако индусы отказывались брать воду у мусульман. Тем не менее последние понимали чувства индусов и не обижались.

Большинство споров в деревнях разрешалось миром, и до суда дело не доходило. Всякая распря, которую не могли разрешить старейшины, поступала на рассмотрение к моему деду или дяде.

Если в деревне случалось воровство, там поселялись на несколько дней для расследования полицейский инспектор и констебли. Это всегда являлось большой сенсацией. В домах тех, на кого падало подозрение (обычно это были люди, пользовавшиеся плохой репутацией), устраивался обыск. Подозреваемых связывали по рукам и ногам и избивали. Я не помню, помогала ли подобная процедура обнаружить виновных.

Наше заминдари было невелико, и мы ладили со своими арендаторами. Нам никогда не приходилось судиться с ними. Но однажды мы были вовлечены в долгую тяжбу из-за земли с другим заминдаром, которому принадлежала половина деревни. Возникнув еще при дяде, этот процесс тянулся на протяжении всей жизни моего отца, а после его смерти мой брат разрешил спор полюбовным соглашением.

АНГЛИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Для получения английского образования родные решили послать меня в Чапру, где уже учился мой брат. Когда решение было принято, дядя Нуну счел необходимым свозить меня в Чапру, так сказать, с разведывательными целями. Прогостив несколько дней у брата, я вернулся домой. Это было мое первое путешествие по железной дороге, естественно, очень памятное для меня.

Затем нашу семью постигло большое горе — безвременная смерть, в возрасте сорока пяти лет, дяди Нуну. Как-то он поехал в соседнюю деревню на свадьбу отца Фулана Прасада Вармы *, где заболел холерой, однако вскоре выздоровел и вернулся домой. В нашей деревне тоже свирепствовала эпидемия холеры; он заболел вторично и скончался, не дождавшись врачебной помощи: в те времена средства передвижения были медленными, и врач прибыл только в полночь на слоне, но к этому времени дядя был уже мертв. Неожиданная беда повергла весь дом в печаль и растерянность. Дядя был единственным сыном нашего деда Чаудхур Лала, которому шел в ту пору седьмой десяток, и вел все хозяйство, тогда как мой отец не проявлял к этому делу большого интереса. В связи с этими событиями мою поездку в Чапру пришлось отложить.

Только спустя год с лишним я уехал учиться в Чапру. Мой брат жил в небольшом доме, за аренду которого платил три рупии в месяц. Он держал повара. Одно время был у брата и репетитор, но от его услуг отказались еще до моего приезда. Я поступил в школу дистрикта Чапра в восьмой класс, в который тогда принимали начинающих. Репетитора мне не взяли, и необходимую помощь оказывал мне брат. Я приучился быть внимательным в классе и полагаться на свои силы. В конце года я держал классные испытания и занял первое место. От-

---

* *Фулан Прасад Варма*, впоследствии породнившийся с нами, до своей безвременной кончины в 1957 году был членом корпорации долины Дамадара с момента ее основания.

метки у меня были такие хорошие, что это привело к интересным последствиям.

Директором школы был Кширод Чандра Рой, слывший очень способным человеком. Перед ним одинаково благоговели учителя и учащиеся. О моем переводе в следующий класс было уже объявлено, и я только собрался отпраздновать свои успехи, как вдруг меня вызвали к директору. Поскольку директор обычно приглашал к себе учащихся, только если они в чем-нибудь провинились, я шел к нему с трепетом. Но мне была уготовлена приятная неожиданность: директор сразу же спросил меня, хочу ли я перешагнуть через класс. Я слегка смутился, отчасти из-за охватившей меня радости, а отчасти потому, что боялся не справиться с занятиями в старшем классе, и попросил разрешения посоветоваться с братом. Директор спросил, кто мой брат, и, услышав ответ, засмеялся: он знал моего брата, так как тот у него учился.

— Разве твой брат лучше меня разбирается в таких вещах? — спросил он, но тем не менее позволил мне с ним посоветоваться.

Выйдя от директора, я помчался прямо к брату, который готовился в это время к вступительным экзаменам вместе с Банкеем Бихари Лалом и моулви Шафи Дауди. Они очень обрадовались, услышав мои новости, а затем устроили короткое совещание. Брат полагал, что мне будет трудно угнаться за другими учениками, и поэтому повел меня к директору и поделился своими опасениями. Директор снова рассмеялся, заметив:

— Вы что же, понимаете в этом больше меня?

В конце концов он перевел меня двумя классами выше.

Несколько дней спустя брат уехал держать экзамены в Патну, откуда вернулся в Зерадеп. Я остался один со слугой. Затем в нашу школу поступили мои деревенские друзья Джамуна Прасад и Ганга Прасад, и мы весело проводили время вместе. Мне было тогда десять лет.

Брат успешно выдержал вступительные экзамены, и было решено отдать его в колледж Патны. Меня тоже пришлось перевести в Патну. Таким образом оба мои товарища и я сопровождали моего брата в Патну. Он поступил в колледж, а мы — в пользовавшееся очень хорошей репутацией училище Т. К. Гхоша, где обучалось большое число учеников. Поступив в новый класс, я почувствовал, что взгляды брата на мое усердное продвижение были, пожалуй, более разумны, нежели мнение директора школы: мне казалось, что другие мальчики знали больше меня. Но я твердо решил наверстать упущенное. Так как репетитора у меня не было, приходилось полагаться на помощь брата и друзей, и я усердно трудился.

И хотя я много занимался, но не забрасывал и игр. Будучи в Чапре, я играл в футбол, в Патне же не было никаких приспособлений для игр, и школа наша не имела даже спортивной площадки. Однако мы отправлялись туда по вечерам и играли в мяч. Мой брат был очень ловок в играх: он хорошо играл в футбол, крикет и занимался другими видами спорта, был членом спортивной команды своего колледжа. По понедельникам в месяц *шраван* в Патне проводились еженедельные ярмарки. Мы страшно любили посещать их и осаждали брата просьбами купить нам разные мелочи. Однажды он по моей просьбе купил мне красивую игрушку. В другой понедельник какой-то ворюшка залез Банкею Бихари Лалу в карман. Карманника поймали и судили. Брату и Лалу пришлось давать показания. Так я впервые побывал в суде.

Однажды в Патну из нашей деревни приехал в поисках работы приятель моего брата, остановившийся у нас. Он занимался борьбой и часто тренировался. Построив во дворе нашего дома небольшой гимнастический городок, он принялся учить нас всех борьбе и разнообразным физическим упражнениям. Как-то раз Банкей Бихари Лал, тоже живший с нами, вывихнул себе ногу во время борьбы. Это охладило наш пыл, и больше о борьбе и тренировках речи не заводилось.

В Патне мы впервые услышали о чуме. Она вспыхнула в Чапре, опустошив перед тем Бомбей. Эпидемия совпала со страшным голодом. Вернувшись домой на каникулы, мы застали в своем доме правительственных чиновников: они приехали организовать помощь голодающим.

Спустя два года брат выдержал *промежуточные экзамены* в колледже Патны и вернулся в Зерадеи, а я с друзьями остался в Патне. Все эти годы я регулярно переходил из класса в класс.

ЗАМИНДАРИ

Наше заминдари принадлежало к числу преуспевающих. Доход с него составлял 7—8 тысяч рупий в год, и после уплаты налога на землю у нас оставалось чистых 5—6 тысяч. Мы владели сотнями *бигхов* пахотной земли, которые засеивались рисом, пшеницей, кукурузой, бобовыми и другими культурами. Выращивался также сахарный тростник, который после переработки в сахар приносил нам доход. Мы всегда снимали с полей богатый урожай. Водился у нас и молочный скот и несколько пар буйволов. Но всему этому изобилию суждено было скоро исчезнуть.

Как я уже говорил, заминдари было куплено и сохранено моим дедом. Позже управление им принял на себя Нуну, но после его смерти эта обязанность легла на моего отца. Какие-то любители сеять раздоры сказали деду, что после его смерти единственная дочь моего дяди и моя тетя останутся беззащитными, и посоветовали ему написать завещание, чтобы обеспечить их будущее. Долгие уговоры возымели действие, и мой дед решил оставить завещание. Согласно проекту, подготовленному в Сиване, тетя получала две деревни с пожизненным ежегодным доходом в тысячу рупий, а моей кузине выделялось семь анн из каждой рупии дохода от заминдари. Остальное получали мы.

Наша семья была единой, поэтому неизвестно, имел ли наш дед право оставлять такое завещание. Если бы завещания не было, все заминдари унаследовал бы мой отец, моя тетя имела бы право только на пожизненное содержание, а ее дочь вообще не могла бы претендовать ни на что. Отец не подозревал ни о чем до самой последней минуты, когда в Зераден прибыл чиновник, чтобы зарегистрировать завещание. Советчики моего деда подсказали ему, что если завещание будет засвидетельствовано моим отцом, последний тем самым лишит себя права оспаривать в дальнейшем его законность. Поэтому дед попро-

сил отца засвидетельствовать этот акт. Деда убеждали, что отец станет возражать, но, хотя отец и был поражен всем этим, он сказал дрожащим от волнения голосом:

— Я с радостью выполню ваше желание. Вы воспитали нас, и это заминдари — плод ваших трудов. Я не стал бы возражать, даже если бы вы отдали Чандрамукхи [моя кузина] все. Мое единственное богатство — мои сыновья. И я прошу только, чтобы вы благословили их.

Дед послал за нами. Он горько плакал и порицал всех тех, кто подстрекал его и пытался заронить в его душу ненужные сомнения. Отец подписал завещание как свидетель, и документ был зарегистрирован.

Дед и бабушка заболели во время нашего пребывания в Чапре. Узнав об этом, мы поспешили в Зерадеп, где они вскоре скончались один за другим. Главой семьи стал мой отец, и управление помещьем легло на него, человека малоопытного. Заминдари постигло несчастье. Те земли, которые приносили богатые урожаи, теперь не позволяли покрыть даже расходы на хозяйство. Видя кругом сплошное разорение, отец перестал на некоторое время сеять. То были тяжелые для нас дни.

Когда я готовился в Чапре к вступительным экзаменам, а брат собирался держать в Аллахабаде экзамен на звание бакалавра искусств, отцу было трудно содержать нас, но он ни разу не пал духом и был тверд в своем решении изыскать средства, чтобы дать образование сыновьям. Мне помнится, что, когда брату понадобилось внести 50 рупий за право допуска к экзамену, у отца не оказалось денег. Диван (главный управляющий), работавший у нас еще при деде и надзиравший за заминдари, не смог достать нужной суммы. Поэтому отец скрепя сердце заложил золотое ожерелье моей матери и погасил задолженность. Брат нередко говорил, что в состоянии дел нашего заминдари всецело виноват диван, но мы тут ничего не могли поделать.

К несчастью, Чандрамукхи умерла до замужества, проболев всего несколько дней. Тетя прожила долгую жизнь и тратила свою долю дохода на благотворительность и паломничество. Она посетила почти все святые места в стране, и ее постоянной спутницей в этих странствиях была моя вдовая сестра. После смерти тети единственными наследниками заминдари стали мой брат и я.

ЖЕНИТЬБА

Мне исполнилось тринадцать лет, и я был, вероятно, в пятом классе, когда был устроен мой брак. Я приехал в Зерадеи на летние каникулы. Отец невесты, *мухтар* в Аррахе, и его младший брат, адвокат из Баллии, прибывшие в нашу деревню, посетили нас, чтобы повидать меня. Отец послал за мной. Гости задали мне несколько вопросов, и немного погодя я ушел. Они остались довольны и дали свое согласие на брак. Через несколько дней был получен тилак (символ обручения) и, по обычаю, одежда, утварь и две тысячи рупий наличными. Отец не требовал денег, но родня невесты настаивала, и поэтому он принял денежный подарок.

Две тысячи рупий считались по тем временам большими деньгами. А чем больше подарок по случаю помолвки, тем пышнее должно быть свадебное шествие, тем богаче уборы и другие подношения невесте. В этот период наше финансовое положение было далеко не блестящим. Смерть родственников повлекла за собой большие расходы, замидари почти не приносило дохода вследствие бедственного положения крестьян, а тут еще наше учение и затянувшаяся судебная тяжба требовали средств. Несмотря на эти трудности, отец, чтобы не ударить лицом в грязь, решил сыграть пышную свадьбу. Он щедро потратился на украшения. Не менее внушительными были и другие расходы.

У нас существовал обычай устраивать пышные свадебные процессии на лошадях и слонах. Так как день, на который пришлась моя женитьба, был один из самых счастливых в году, когда игралось много свадеб, лошади и слоны пользовались большим спросом, и нам удалось заполучить только одного слона и несколько лошадей.

Бракосочетание должно было состояться в Далан-Чапре, в округе Баллия, в сорока милях от Зерадеи, или в двух днях пути. Так как народу собралось много, а всего-то имелся один

слон и несколько лошадей, было использовано большое количество *палки*. Брат ехал верхом на крепком коне, отец и другие родственники — в *палки*, а мне отвели особые *палки*. *Палки* жениха представляют собой занятое сооружение. Отлитые из серебра, они были тяжелым бременем для носильщиков. Над открытыми *палки* был натянут тент для защиты седока от палящего июньского солнца. Ветер надувал тент, затрудняя движение носильщиков. В солнечную погоду и при суховеях путешествие в *палки* было далеко не забавой.

Вечером мы разбили лагерь в деревне на берегу реки Сарды. Наутро мы начали переправляться через реку. Багаж, *палки*, лошади и повозки, запряженные волами, были перевезены на лодках, а слона погнали вплавь. Но у животного были на этот счет свои соображения: оно, видимо, решило вернуться домой. Напрасно *магоут* погонял его: сделал несколько шагов, слон поворачивал назад. После часа такой игры была сделана попытка привязать его к лодкам и тащить на буксире, но ничто не помогало. Столь решительные действия слона вынудили нас отказаться от мысли взять его с собой. *Магоут* со своим слоном вернулся восвояси. Это было большим ударом по самолюбию отца. В его собственном свадебном шествии участвовали десятки слонов, и теперь отца, естественно, огорчало, что свадебный кортеж его сына не будет почтен даже одним гигантом. Но мы и без того опаздывали, и поэтому двинулись ускоренным шагом. Однако вечером желание отца сбылось. Приближаясь к месту назначения, мы увидели двигавшихся нам навстречу слонов. Они были наняты для другого свадебного шествия и теперь, по окончании свадьбы, возвращались домой. С *магоутами* мы перекинулись несколькими словами, и дело было улажено: слоны присоединились к нашему шествию. К дому невесты мы подъехали в одиннадцать часов ночи.

Родные невесты стали уже беспокоиться из-за нашего опоздания, но, несмотря на чувство облегчения, которое они испытали, когда мы благополучно прибыли, они были несколько разочарованы, так как наш кортеж не был, на их взгляд, достаточно пышным и внушительным. Но, увидев украшения, платья, лакомства и другие подарки, привезенные невесте, они несколько повеселели. Были ли они рады видеть также жениха, я не знаю!

Как я уже говорил, мы прибыли ночью, и я успел заснуть в своих *палки*. Необходимо было совершить свадебные обряды, и мои родные не без труда разбудили малолетнего жениха. После двухдневного утомительного путешествия я делал поистине героические усилия, чтобы держать глаза открытыми во время церемонии. Бракосочетание состоялось в ту же ночь.

Подробностей церемоний я не помню. Ребенком я играл в кукольную свадьбу. В моих глазах собственная женитьба не многим отличалась от этих игр. Я не понимал значения брака и не чувствовал всей ответственности этого шага — вопрос о моем браке был решен без меня. Я прошел через все церемонии, словно автомат, послушно выполняя все, что мне велели пандит и женщины нашей семьи. Вряд ли я понимал, что, собственно, произошло. Мне было известно только, что в нашем доме появится кто-то в качестве моей жены, как раньше появилась в нем жена брата.

После свадьбы новобрачная не всегда сразу следует за своим мужем. Спустя некоторое время за ней снаряжают другое небольшое шествие. Этот обряд называют дурагман. Так было и в данном случае. Прогостив два дня в доме невесты, мы вернулись домой. Дурагман был совершен через год, и тогда моя жена вошла в наш дом.

Мы строго соблюдали обычай парды. Я припоминаю, что, когда в наш дом вошла жена брата, она привела с собой двух служанок, и только с ними ей дозволялось говорить. Она имела отдельную комнату и не могла выходить даже на веранду. Во двор не разрешалось заходить никому, кроме повара и малолетних слуг, которые бывали у нас со своими матерями с ранних лет. Повар, прежде чем пройти через двор на кухню, должен был громко предупреждать об этом. Если ему что-нибудь требовалось, он посылал служанку. Когда моя невестка отправлялась совершать омовение, все уходило со двора — даже мальчишкам не разрешалось там оставаться. Когда наконец она направлялась в купальню, то для пущей безопасности две служанки прикрывали ее с обеих сторон простынями. Она закрывала лицо, даже когда в ее комнату входили моя мать, тетя или сестра. Ни одна служанка из Зерадеи не имела доступа к ней. Если не считать одного-двух раз в детстве, я никогда не видел ее лица.

Моей жене, когда она прибыла в Зерадеи, пришлось вести себя точно так же, и только много лет спустя правила были несколько смягчены. Поскольку горничная, которую моя жена привела с собой, ушла, была нанята служанка из местных, и моей жене позволили с ней разговаривать. Приезжая в Зерадеи на праздники, я спал в отдельной комнате. Ночью мать посылала служанку будить меня, и та вела меня в комнату к жене. Вернуться к себе я должен был до наступления утра, когда все еще спали.

Так встречались муж и жена, соблюдавшие обычай парды. Поскольку я с десяти лет жил вне дома, мы виделись подобным образом только на каникулах. Хотя со времени нашей женитьбы

прошло сорок пять лет, я думаю, что мы с женой не прожили вместе и сорока пяти месяцев. Даже в дни своей адвокатской практики в Калькутте я вынужден был жить один. Когда я поселился в Патне, мои родные лишь недолго пожили со мной. А когда началось движение несотрудничества, я не мог держать жену в Патне или навещать ее в деревне: дела было столько, что мои занятия оставляли мне мало времени для личной жизни.

В один из моих приездов в Зерадеи моя жена заболела холерой. Ее здоровье меня очень беспокоило, но в те дни считалось неприличным выражать беспокойство о своей жене. Мне хотелось повидать ее, но я не смел в этом признаться. Вероятно, моим родным не приходило в голову, что здоровье жены может интересовать и меня. Однако отец своими методами полностью вылечил ее, и я почувствовал большое облегчение. Не знаю, как долго я соблюдал бы обычай парды, если бы ее болезнь затянулась.

Затворничество в четырех стенах, несомненно, вредно отражалось на здоровье моей невестки и жены. Обе они страдали ревматизмом, от которого им удалось избавиться лишь впоследствии, когда им было разрешено свободно гулять по двору.

СНОВА В ШКОЛЕ ЧАПРЫ

Выдержав промежуточные экзамены, брат изъявил желание поступить в Медицинский колледж в Калькутте. Было решено послать его туда, но отправлять меня вместе с ним сочли нецелесообразным, и отец отдал меня в школу Хатхуа Радж. Поступить туда было нелегко, и меня допустили к занятиям только после того, как я выдержал испытания.

Моего брата не приняли в Медицинский колледж, поэтому он вернулся в Патну и поступил в класс подготовки бакалавров искусств. Но поскольку я был уже зачислен в школу Хатхуа, было решено оставить меня там.

Порядки в новой школе были совсем другие, чем в Чапуре или в училище Т. К. Гхоша. Уроки, задаваемые нам на день, особенно по истории, требовалось заучивать наизусть и повторять на следующий день. Я не привык зубрить, и за все шесть месяцев, проведенные в школе, мне ни разу не посчастливилось совершить подобный подвиг, хотя нельзя сказать, чтобы я не прилагал стараний. Кто-то уверил меня, что любой отрывок можно выучить, если повторить его сто двадцать раз. Я обычно вставал рано и пытался следовать этому золотому правилу, но только еще больше запутывался. Учителя сердились и грозили перевести меня классом ниже. Ни в одной школе мне не жилось так плохо.

В это время я серьезно заболел и пролежал в постели до экзаменов. Я не мог явиться на экзамены, хотя был уверен, что выдержу их. Когда брат приехал домой на каникулы, он посоветовал отцу послать меня снова в школу округа Чапра. Поэтому, как только я поправился, меня отдали в старую школу в тот же четвертый класс.

В Чапуре я жил у знаменитого астролога Викрамадитьи Мисры, который был чем-то вроде моего наставника. Каждый день он совершал омовения в реке Сарде и никогда не прикасался к пище и питью, если до них дотронулась рука другого

человека. Поблизости находился храм, куда пандит водил нас почти ежедневно. Под его влиянием некоторые из общавшихся с ним мальчиков возомнили себя убежденными *санатанистами* и без колебаний вступали в спор, когда нам случалось повстречать последователей общества «*Арья самадж*».

В школе Чапры я словно обрел утраченные было способности. Класс наш был большой, поэтому учащихся разбили на три группы. Преподавателем в нашей группе был бенгалец по имени Расик Лал Рой. Преподавал он замечательно и был очень добр к ученикам, платившим ему горячей любовью и уважением. Я стал его любимым учеником. Хотя в нашем классе было много способных мальчиков-стипендиатов, которые выдержали промежуточный экзамен и очень хорошо успевали по истории, географии и математике, так как уже проходили эти предметы на языке хинди, все же вскоре и учителя и мои одноклассники убедились, что я также принадлежу к числу лучших учеников.

Хотя на экзаменах я еще ни разу не занял первого места, Расик Лал Рой говорил мне, что если я постараюсь, то стану первым учеником и обгону даже Рамануграха, самого блестящего ученика нашего класса. Как Рой сумел предугадать это, я не знаю, но два года спустя его предсказание сбылось.

На годовых экзаменах я занял четвертое место и получил награду. В следующем, третьем классе нас учили Расик Лал Рой и Раджендра Прасад. Последний читал историю и преподавал так хорошо, что уроки его легко запоминались. Метод у него был прямо противоположен тому, который применялся в Хатхуа: об уме здесь судили по способности рассказывать своими словами, а это мне очень хорошо удавалось. Безуспешные старания заучивать наизусть целые отрывки, что практиковалось в Хатхуа, обогатили, однако, мою память запасом слов, идиоматических выражений и фраз, которые я начал применять теперь. Это дало мне преимущество перед другими: я писал хорошим языком, а учителям это очень нравилось.

На годовых экзаменах в третьем классе я занял третье место, а в следующем, втором классе — первое. Рамануграх занял второе место. Предсказания Расика Лала Роя, который продолжал учить нас и в старшем классе, сбылись, одно время он уходил от нас в другую школу, но потом опять вернулся. Раджендра Прасада куда-то перевели, и больше он к нам не возвращался.

Старшим пандитом в нашей школе был Махамахопадхия Рагхунандан пандит Трипатхи. В классе я изучал персидский язык, а дома с его помощью — санскрит. Принимался я и за

грамматику, но она оказалась мне не по силам, и я отступился.

Из всех учителей в школе наибольшее впечатление произвел на меня Расик Лал Рой. Время шло, и я все сильнее привязывался к нему. Я боялся его и в то же время любил и почитал. Близость с Роем способствовала расширению моего кругозора. Он много рассказывал нам о нашей родине и объяснял, как можно занять высокое положение в жизни. Когда я перешел в последний класс, он посоветовал мне усердно заниматься, сказав, что я могу многого добиться в университете. Я тогда не понял, что он имел в виду; как мне казалось, это означало просто, что я смогу получить стипендию.

В то время, когда я сдавал годовые экзамены за второй класс, в Чап্রে свирепствовала эпидемия чумы. Я написал уже два сочинения, но тут у меня на затылке образовалась опухоль, поднялась температура, и я не мог продолжать сдачу экзаменов. Отец примчался в Чапру и увез меня в Зераден, где принялся сам лечить и вскоре поставил на ноги. (Возможно, это была всего-навсего свинка, однако многие решили, что я заболел чумой.) В суматохе отъезда мы забыли уплатить за право учения. Когда были объявлены результаты, оказалось, что я занял первое место на обоих экзаменах, которые держал; получил я хорошие отметки и за сочинения, а это давало право перехода в следующий класс без экзаменов по другим предметам. В эти же дни в школу был назначен новый заведующий. В следующий, старший класс меня перевели в мое отсутствие, но вскоре, однако, вычеркнули из списка учащихся за неуплату денег. Выздоровев, я стал добиваться восстановления.

Как-то раз Расик Лал Рой выразил сожаление, что меня вычеркнули из списков, так как по существующим правилам на университетскую стипендию после вступительных экзаменов могут рассчитывать только те учащиеся, которые посещали школу хотя бы в течение одного года без перерыва. Поэтому он посоветовал мне попросить отца подать директору Управления народного образования просьбу сделать исключение из правила, требующего непрерывной посещаемости в течение года. Следовало написать, что из-за чумы я был вынужден оставить школу и не смог уплатить за право учения, вследствие чего меня и исключили из школы. Кроме того, нужно было указать, что, поскольку я получил высокий балл по двум предметам, были все основания ожидать, что мне дадут стипендию, если будет сделано отступление от упомянутого правила.

Заявление в этом духе было подано через нашего заведующего, но последний отказался поддержать мое ходатайство,

ибо считал, что исключения из правила недопустимы. Кроме того, он заметил, что меня лечил не врач-профессионал и что я не представил справки о своей болезни. Тем не менее он направил мое ходатайство директору через инспектора школ. Инспектор даже не счел нужным докладывать об этом директору, а переслал заявление нашему заведующему, указав, что моя просьба удовлетворена. Заведующий объявил об этом в классе, выразив, однако, сомнение, что инспектор был вправе решить этот вопрос. Как бы то ни было, заведующий убедил меня, что мне нечего больше беспокоиться на этот счет.

После этого Расик Лал Рой усадил меня за работу. Он много помогал мне и безвозмездно занимался со мной у меня дома. Существовали стипендии следующих трех категорий: 1) две или три — по 10 рупий в месяц тем, кто занял первое место в своем округе; 2) две или три — по 15 рупий для лучших учеников области и 3) десять — по 20 рупий для десяти лучших студентов университета. В административном отношении Бихар был частью Бенгалии, и юрисдикция Калькуттского университета распространялась на Бенгалию, Бихар, Ориссу, Ассам и Бирму. Во всех этих провинциях существовал единый экзамен, и занять одно из первых десяти мест казалось исключительно трудной задачей, но именно к этому поощрял меня Расик Лал Рой, и я работал не покладая рук.

В школе обычно проводились своего рода отборочные испытания, определявшие, кто будет допущен к университетским экзаменам, и здесь мне пришлось столкнуться с препятствием. Рисование было предметом факультативным, но полученные по нему отметки учитывались при предоставлении стипендии. И хотя я очень хорошо успевал по другим предметам, учитель рисования отказался допустить меня к университетским экзаменам. После долгих уговоров он согласился дать мне разрешение с условием, что я буду уделять час в день рисованию. Мое имя было внесено в списки допущенных к университетским экзаменам.

Я держал экзамены в Патне, после чего вернулся к себе в деревню, куда приехал на каникулы из Калькутты и мой брат. Получив в Патне разрешение держать экзамен на бакалавра искусств, он серьезно заболел и по совету врачей уехал продолжать образование в Аллахабад. Там он поступил в Центральный колледж Мюира и в том же году получил звание бакалавра; затем снова вернулся в Калькутту, чтобы готовиться к получению степеней магистра искусств и бакалавра права. Приезжая на каникулы домой, он много рассказывал о различных событиях, и я жадно слушал его. Кажется, в свой приезд из Аллахабада в 1899 году он заговорил об идеях *свадешии*. При-

вез он с собой и одежду свадеши. С тех пор я начал носить такую одежду, но лишь до тех пор, пока *Махатма Гандиджи* не положил начало движению *кхади*.

Идеи свадеши не ограничивались только одеждой. Покупая что-либо, мы старались по возможности помнить об этом. Мне вспоминается, что на университетских экзаменах я писал ручками индийской работы, но я уверен, что лавочники эксплуатировали последователей свадеши, выдавая многие предметы иностранного происхождения за товары местного производства, чему мы по наивности верили. Однако наша вера в свадеши не была поколеблена.

Услышав однажды, что в «Газетт» опубликованы результаты вступительных экзаменов, мы отправились в Сиван. Но нам удалось только выяснить, что я отнесен к первому разряду. Спустя несколько дней мы получили телеграмму, что я занял первое место. Брат первым прочел ее и запрыгал от радости. Мы поспешили поделиться известием с отцом, счастье которого было беспредельно.

В своем заявлении о допуске к вступительным экзаменам я писал, что если получу стипендию, то буду учиться в колледже Бенгальского президентства в Калькутте. Поэтому теперь было решено послать меня в Калькутту.

Я ЕДУ В КАЛЬКУТТУ

Как только стали известны результаты экзаменов, я отправился в Чапру. Там я узнал, что выпускники школы хорошо показали себя на экзаменах в университете. Я получил стипендию 20 рупий в месяц, так как занял первое место за успешные оценки по всем предметам, и еще 10 рупий — за лучший результат по английскому языку. Рамануграхе дали стипендию в 20 рупий, двум юношам — по 15 рупий и еще двум — по 10. Число попавших в первый разряд также было очень велико, и только один или двое провалились. Никогда еще окружная школа Чапры не отличалась подобным образом, да и вообще ни одна бихарская школа не достигала еще таких результатов. Учителя и заведующий не помнили себя от радости. Бадж Кишор Прасад, молодой преуспевающий адвокат, пользовавшийся известным влиянием в адвокатской коллегии, устроил вечер в честь этого события. Хотя его родная деревня находилась всего в шести милях от нашей, я не был знаком с ним. Вечер состоялся, но я внезапно заболел и не смог принять в нем участия.

Расик Лал Рой был безмерно счастлив. Он усердно угощал меня манго и конфетами, потом отвел в сторону и сказал, что такой результат на экзамене увеличивает лежащую на мне ответственность: впервые бихарец вышел на первое место в университете, а бенгальцы этого не потеряют. Расик Лал Рой уверял, что они приложат все усилия, чтобы обогнать меня на первых же экзаменах, а некоторые юноши похитрее, возможно, попытаются даже отвлечь меня от занятий. Поэтому в Калькутте я должен быть начеку и поддерживать достигнутое мною положение упорной работой. Он предостерегал меня от лени и небрежности, добавив, что я не должен терять связи с ним.

— Калькутта, — заметил он, — очень большой город. Там множество увеселительных заведений и развлечений, многие из которых весьма предосудительны. Держитесь подальше от

всего этого и не щадите сил, чтобы остаться на прежнем высоком уровне.

Я ответил, что всегда буду следовать его советам и постараюсь занять первое место и на промежуточных экзаменах.

Мой отъезд в Калькутту задержался из-за болезни. Когда наконец я смог сопровождать брата в Калькутту, занятия в колледжах уже начались. Из-за наплыва учащихся прием в колледж Бенгальского президентства был прекращен. Брат переговорил с директором колледжа д-ром П. К. Роем, и тот согласился принять меня. Но свободных номеров в индусской гостинице «Иден», где жил мой брат (он готовился к экзамену на звание магистра искусств в колледже Даффа и на звание бакалавра права в колледже Рипона), уже не было. Поэтому в комнату брата поставили лишнюю койку, и я поселился с ним.

Калькутта, город массивных зданий, широких улиц и быстрых трамваев, заворожил меня. По сравнению с нашим домиком в Чапре гостиница выглядела дворцом. Все, что я видел, было для меня вновь, но я не забывал советов Расик Лал Роя.

В классе тоже все казалось мне в диковинку. Большинство бенгальцев ходило с непокрытыми головами. Кое-кто носил европейское платье и шляпу. Прежде мне не доводилось видеть ничего подобного, и поэтому я принимал их за *англо-индийцев* или христиан, но на переключке выяснилось, что все они индусы. Вероятно, то были сыновья людей, которые получили образование в Англии и теперь стали практикующими юристами или врачами. Шанки носили только мусульмане, которые поступили в *медресе*, но посещали занятия в колледже Бенгальского президентства. У некоторых юношей *марвари* были модные прически. Так как учащихся было много, курс разделили на три группы.

Кроме английского и еще одного иностранного языка, истории, логики и математики, мы изучали также физику и химию. Физику у нас читал д-р Дж. К. Бос, а химию — д-р П. К. Рой. На первом уроке — то была химия — д-р П. К. Рой стал делать переключку и уже собрался было закрыть список, но я сказал, что не знаю своего номера. Взглянув на меня, он заметил:

— Минутку, я еще не назвал некоторых учащихся *медресе*, — после чего открыл другую книгу. (На мне были надеты *ачкан*, рубаха и шанка, и он принял меня за мусульманина.) Я объяснил, что я не мусульманин и что только сегодня поступил в колледж. Д-р Рой спросил мое имя. Когда я назвал себя, все студенты обернулись и посмотрели на меня (я сидел на задней скамье), так как знали, что юноша с таким именем занял первое место на вступительных экзаменах. Д-р Рой спросил, почему я так опоздал, и я объяснил, что болел. Тогда он сказал,

что меня еще не внесли в списки, а когда это будет сделано, он отметит, что я присутствовал и сегодня.

На нашем курсе мало кто говорил на хинди. Я подружился с Деви Прасад Кхетаном, марвари родом из Бихара, отец которого был тюремщиком. Общался я и с бенгальцами, а с некоторыми из них мы остались добрыми друзьями и по сей день. Здесь я упомяну лишь нескольких: Иогендра Нараян Маджумдара, ныне прокурора Бенгалии*; Гириш Чандра Сена, ставшего заместителем *коллектора*, а затем секретарем бенгальского правительства**, и Авинаш Чандра Маджумдара***, правительственного переводчика. Учился со мной и покойный Дж. М. Сен Гупта, с которым мы жили в одной гостинице. Предостережение, сделанное мне Расик Лал Роем, было, казалось, лишено всякого основания.

Я посещал колледж с неделю и заболел снова. Это был приступ малярии, которая терзала меня еще в Чапре. С небольшими промежутками недуг продержал меня в постели несколько месяцев. Несмотря на прекрасный врачебный уход, болезнь не проходила. Однажды в городской ратуше должен был состояться большой митинг, на котором известные деятели Бенгалии, в том числе Сурендранатх Банерджи, собирались высказать свое мнение о некоторых решениях лорда *Керзона*. У меня уже три дня не было приступа, но я все еще чувствовал себя слишком слабым, чтобы присутствовать на митинге. Брату хотелось пойти вместе с друзьями, но он боялся оставить меня одного. Я, однако, уговорил его пойти. Едва он ушел, как приступ возобновился, и меня начало трясти. Я быстро измерил температуру: температура подскочила до 39 градусов. Я совершенно растерялся и жалел уже, что отпустил брата. Но приступ прошел так же внезапно, как и начался, и к возвращению брата температура стала нормальной. Я был в том же состоянии, в каком он меня оставил, но только очень ослаб. Когда я рассказал ему, что со мной было, он поклялся никогда больше не оставлять меня одного.

Походив с неделю в колледж, я уехал домой на каникулы по случаю пуджи. Дома я поправился и ко времени возвращения в Калькутту чувствовал себя хорошо. Но спустя несколько дней начался рецидив. Я боялся, что болезнь помешает мне держать университетские экзамены. Тогда брат сводил меня к врачу Нил Ратап Саркару. Прописанное им средство помогло, и вскоре я выздоровел. Я принимал это лекарство целый год.

* В конечном счете он стал членом Верховного суда Индии, а сейчас находится в отставке.

** Сейчас он также находится в отставке.

*** Практикующий адвокат.

Бог знает, сколько хинина я проглотил за эти двенадцать месяцев! Спустя двадцать пять лет врач-гомеопат сказал мне, что своей астмой я обязан огромному количеству хинина, которое мне пришлось принять.

После выздоровления я засел за работу: я сильно отстал от курса, и теперь мне приходилось наверстывать упущенное. Я принялся изучать каждый предмет так, чтобы занять первое место. Помимо рекомендованных учебников, я прочитывал по каждому предмету три-четыре книги. Считая себя слабым в математике, я уделял особое внимание алгебре, геометрии и тригонометрии. По этим предметам я проштудировал все книги, какие только смог достать, и перерешал все задачи. Ответил я и на вопросы в тех экзаменационных билетах, которые мне удалось раздобыть. Столь пристальное внимание к математике объяснялось тем, что, как мне сказали, высшая математика была необходима для занятий естественными науками, которым я собирался посвятить себя после промежуточных экзаменов. Д-р Бос и д-р Рой преподавали так хорошо, что меня сильно влекло к естественным наукам, и я хотел больше знать по этим вопросам. Наш преподаватель истории профессор Бинайендра Натх Сен был знающий и добрый человек, он нередко навещал меня в гостинице и поощрял мои старания. Но он не мог помешать моему увлечению естественными науками. Я старался приобрести теоретические знания по физике и химии почти в объеме, требуемом от бакалавра этих наук.

На испытаниях в колледже перед университетским экзаменом я занял первое место по всем предметам. По двум-трем предметам посещаемость у меня была ниже требуемой. Но преподаватели были добры ко мне: они прочли дополнительные лекции с целью дать мне возможность набрать положенное количество часов, чтобы меня допустили к экзаменам.

Когда подошло время посылать заявления о допуске к экзаменам, произошел любопытный инцидент. Несмотря на мои успехи на испытаниях в колледже, было заявлено, что меня не допустят к университетским экзаменам. Директор-англичанин лично явился к нам, чтобы объявить результаты. Когда он кончил читать список успевающих учеников, я, к своему удивлению, убедился, что меня среди них нет. Я с тревогой вскричал, что мое имя не было названо. Директор не преподавал у нас, и все мы были для него чужие. Он ответил, что меня не назвали потому, что я провалился. Я сказал, что это невозможно. На это последовал категорический ответ, что не менее невозможно, чтобы мое имя могли опустить. Я пытался возражать, но взбешенный директор закричал:

— Замолчите или вы будете оштрафованы.

Я не замолчал.

— Штраф пять рупий! — загремел он.

Когда я заметил, что хотел только кое-что разъяснить ему, послышалось:

— Десять рупий штрафа!

Штраф возрос уже до двадцати пяти рупий, словно на аукционе, как вдруг я заметил, что главный клерк колледжа делает мне отчаянные знаки за спиной директора, умоляя молчать и заверяя, что все будет в порядке. Тогда я закрыл рот. На следующий день бланк заявления был заполнен, и я внес плату за экзамены. Никто не выдвигал никаких возражений. Клерк исправил ошибку. Не требовали с меня и уплаты штрафа, а сам я не рвался его вносить.

Я усиленно готовился к университетским экзаменам. Когда были объявлены результаты, я обнаружил, что получил высший балл по английскому и персидскому языкам и по логике, но по математике и естественным наукам отстал на несколько баллов от студента, занявшего первое место, хотя по числу баллов в целом я вышел в университете на первое место.

Я получил стипендию в 25 рупий в месяц на два года, 40 рупий — за первое место по английскому языку и еще 15 рупий — за первое место по языкам вообще. За самый высокий балл по логике меня наградили книгами.

Результаты убедили меня, что мне никогда не овладеть математикой и что поэтому естественные науки будут трудны для меня. Тогда я переменял планы и поступил в класс подготовки бакалавров искусств. В те дни все учащиеся, готовившиеся к промежуточным экзаменам, изучали одни и те же предметы. После экзамена студент мог избрать для изучения гуманитарные или естественные науки и поступить соответственно в класс бакалавров искусств или бакалавров естественных наук. Когда меня уже приняли, я встретился с д-ром П. К. Роем.

— Почему вы покинули наши ряды? — спросил он.

Я ответил, что чувствую себя слабым в математике. Улыбнувшись, он заметил:

— Почему вы не переговорили со мной? Я и сам не силен в математике, но это не заставило меня бросить естественные науки.

Он очень сожалел о моем решении, но мне было уже поздно переходить на курс естественных наук.

В какой-то мере я был рад, что сохранил свое положение, как того хотел Расик Лал Рой. Его перевели в Калькутту, и он был очень рад повидаться со мной. Мы часто встречались. Спустя некоторое время он умер.

АГИТАЦИЯ ПРОТИВ ПОЕЗДОК ЗА ГРАНИЦУ

После промежуточных экзаменов в 1904 году я вернулся на летние каникулы в Зерадеи. Там был и мой брат. Из газет мы узнали, что на родину по завершении высшего образования возвращается д-р Ганеш Прасад, принадлежавший к касте каястхи, уроженец Баллии. Получив в Аллахабаде степень доктора естественных наук, он уехал в Англию, а оттуда в Германию. Д-р Прасад снискал известность своими работами в области математики. Перед его возвращением в Индию началась агитация за допуск его в общину. В Чапре существовали в то время два течения: реформистское, возглавляемое преуспевающим адвокатом Бадж Кишор Прасадом (оно стояло за прием в касту людей, вернувшихся из-за границы), и оппозиционное во главе с двумя старыми видными юристами города, решительно возражавшее против смягчения правил *«Санатаны дхармы»*. Как-то Бадж Кишор Прасад пришел к нам домой и стал убеждать отца, что д-ра Ганеша Прасада следует принять в лоно общины и что отцу нужно присутствовать на общинном обеде, который должен был состояться в доме д-ра Ганеша Прасада. Отец согласился.

До тех пор единственным членом касты каястхов из Бихара, побывавшим за границей, был д-р Саччидананда Синха. По возвращении д-ра Синха двенадцатью годами ранее также велась агитация за допуск последнего в общину, но он отказался совершить обряд очищения и придерживаться ограничений, налагаемых кастой, и поэтому его не приняли в члены касты. Д-р Ганеш Прасад, напротив, еще до возвращения согласился считаться со всеми социальными ограничениями. За границей он жил очень просто, не притрагивался к мясу и вину. Как и реформисты, он считал это единственным способом популяризировать заграничные путешествия.

По возвращении д-ра Ганеша был назначен день для обеда, на котором должны были присутствовать двадцать человек. В последний момент оказалось, что отец не сможет пойти на обед. Вместо себя он послал меня и моего брата. Поэтому мы и

наши друзья Джамуна Прасад и Ганга Прасад отправились в Баллию, что вызвало там немалое волнение. Дело в том, что наши предки были выходцами из Баллии, и поэтому у нас нашлось в этом городе немало родичей. Жил там и брахман — жрец нашей семьи. Некоторые родственники моей жены являлись членами коллегии адвокатов Баллии. Когда мы приехали в Баллию, многие родственники принялись отговаривать нас от участия в обеде. Мы сослались на разрешение отца, что очень их огорчило; они горько сожалели, что отец с ними не посоветовался. Однако родственники моей жены, несмотря на свои убеждения, не пытались повлиять на нас. После обеда я уехал к своей второй сестре в Пайгу, под Чапрой.

Тем временем имена участников обеда общины в честь д-ра Ганеша были опубликованы в газетах, и это произвело в Чапре сенсацию. Люди начали поговаривать о том, чтобы объявить нам бойкот. Из Бенареса было получено мнение Махамахопадхии Шива Кумар Шастри, также высказавшегося против поездок за границу. Шла подготовка к созыву совещания всех членов касты каястхов этого района. Но я пребывал в неведении относительно всех этих событий.

Я покинул Пайгу и по пути в Зерадеи заехал в Чапру. Мой зять, не знавший ни о нашем участии в баллийском обеде, ни об агитации, развернувшейся в Чапре, поехал туда вместе со мной по какому-то частному делу. Я переночевал в Чапре и рано утром, простившись с ним, отправился на вокзал, чтобы сесть в поезд, идущий в Зерадеи. Дом адвоката Бадж Кишор Прасада находился возле вокзала, и я послал слугу узнать, объявлены ли результаты экзаменов. Бадж Кишор Прасад передал, что результаты уже известны, но что мне не следует уезжать, не повидавшись с ним. Я бросился к нему. Бадж Кишор сообщил мне приятное известие о моих блестящих успехах на экзаменах, и, так как спешил в суд (в те дни суды начинали работать в семь утра), а ему хотелось поговорить об агитации, он попросил меня сопровождать его туда. Когда я вошел в библиотеку коллегии, помещавшуюся в здании суда, меня окружили адвокаты и стали поздравлять с успехом, а как только Бадж Кишор Прасад ушел, они забросали меня вопросами относительно обеда общины в честь д-ра Ганеша. Они хотели знать, кто именно был на обеде, и я рассказал им все без утайки, никак не подозревая, что моя искренность послужит причиной стольких неприятностей.

Оказалось, что, когда началась агитация, кое-кто из присутствовавших на обеде испугался и стал опровергать газетные сообщения, вот почему адвокаты и старались выведать у меня, как обстояло дело в действительности.

После моего ухода в библиотеку заглянул мой зять. Его тоже стали расспрашивать. Услышав новость об обеде общины в честь д-ра Ганеша, он, как человек ортодоксальный, был совершенно ошеломлен и стал с жаром отрицать факт моего участия в обеде, заявив, что, если бы я был в Баллии, то, безусловно, поставил бы его в известность. Адвокаты возразили, что я сам признал это всего несколько минут назад и что зять мой может лично убедиться в их правоте. Но к этому времени я уже сел в поезд, отправлявшийся в Зерадеи. Мой зять был очень обижен, что я ничего ему не сказал.

Вернувшись к себе в деревню, я узнал, что, как только стали известны результаты экзаменов, отец совершил некоторые религиозные обряды и дал большой ужин, в котором приняли участие члены касты каястхов не только Зерадеи, но и окрестных деревень. Я рассказал брату об агитации в Чапре и передал просьбу Бадж Кишор Прасада послать наших сторонников на предстоящее собрание в Чапре и постараться провести резолюцию в пользу заграничных путешествий.

На собрание в Чапру съехались каястхи со всей округи. Из Бенареса явился сказать свое слово Махамахопадхия Шива Кумар Шастри. Были сделаны попытки уговорить участников обеда в Баллии либо опубликовать опровержение, либо совершить очистительный обряд, но все эти старания остались втуне. Округ разделился на два лагеря: Восточная Чапра поддерживала оппозиционную группу, возглавляемую двумя известными юристами, тогда как Западная Чапра, к которой принадлежали и мы, стояла за заграничные путешествия. Наша семья, считавшаяся вполне добропорядочной, разделяла эту последнюю точку зрения.

Собрание (на которое мы не поехали) состоялось в Панчмандире — прекрасном храме, выстроенном членом касты каястхов. Председательствовать на собрании должен был известный юрист. Как только собрание открылось, кто-то с нашей стороны предложил в председатели Сарасвати Прасада. Этот уроженец Западной Чапры, занимавшийся адвокатской практикой в Горакхпуре, тоже был на обеде в Баллии. Его кандидатуру моментально поддержали. Организаторы собрания были застигнуты врасплох, ибо в извещениях о созыве собрания они назвали в качестве председателя уже упомянутого старого юриста. Они не ожидали возражений, полагая, что их предложение будет принято подавляющим большинством голосов. Когда же оказалось, что предстоит борьба, они растерялись.

Вдруг кто-то крикнул, что нужно избрать председателя. Взбешенные консерваторы наотрез отказались принять предложение, заявив, что занять председательское место может только

человек, чье имя стояло в извещении о созыве собрания. Старый юрист уже начал пробираться к трибуне. Одновременно, с другой стороны, туда же направился Сарасвати Прасад, заявивший, что раз было названо его имя, значит он и является законным председателем. Поднялся страшный шум, и консерваторы объявили собрание закрытым, поскольку спокойное обсуждение стало невозможно. Реформисты стучали и улюлюкали; они объявили себя победителями и покинули собрание. Все было разыграно как по нотам. Если бы вопрос поставили на голосование, реформисты, несомненно, потерпели бы серьезное поражение.

Однако на следующий день консерваторы провели другое собрание без участия реформистов, на котором было принято решение изгнать из касты всех участников обеда и подвергнуть их общественному бойкоту. По всему району был распространен текст резолюции с именами «мятежников». Реформисты, со своей стороны, утверждали, что собрание не было представительным, и отказывались подчиниться решению. Они требовали новой встречи обеих сторон, на которой можно было бы обсудить резолюцию. Затем последовал поток заявлений и контрзаявлений. Вызванная этим сумятица помешала эффективному осуществлению бойкота.

Тем не менее были сделаны попытки провести публичные митинги. Однако митинг, созданный в Сиване с целью обнародовать резолюцию консерваторов, которую они приняли в Чапре, обернулся против его организаторов. На митинг собралось много народу. Большинство членов общины было на нашей стороне: Бадж Кишор Прасад, Сарасвати Прасад и наша семья принадлежали к сиванской подгруппе. На этом митинге наша группа добилась принятия решения о том, что резолюция консерваторов, принятая в Чапре, не является для нас обязательной и что сиванское братство поддерживает нас.

По отношению к нам бойкот не имел силы, и соседи оставались с нами в нормальных отношениях. Но нас очень огорчило поведение моего зятя. В районе, где он жил, движение бойкота было очень сильным, и он под известным давлением согласился написать моему отцу письмо, в котором говорилось, что, хотя у него нет других родственников, кроме нас, он будет вынужден порвать с нашей семьей, если мы не опровергнем факт своего участия в обеде или не совершим очистительных обрядов. Письмо это было доставлено моему отцу нарочным.

Как ни неприятно и ни тяжело было отцу получить такое послание от единственного оставшегося в живых зятя, все же он никогда не считал, что мы совершили какой-то проступок. Однако он заметил, что если бы мы не пошли на обед, то избе-

жали бы всех этих неприятностей и, возможно, сумели бы принести больше пользы агитации реформистов. Когда о письме узнала моя мать, она сказала:

— Теперь уж не до опровержений: это было бы наглою ложью. А об очищении надо подумать.

Ответ, составленный в этом духе, и был послан моему зятю. В таком положении дело пока что и осталось.

Когда спустя некоторое время в связи с процессом отцу понадобилось съездить в Чапру, наше дело оказалось у того самого юриста, который возглавлял консерваторов; юрист выразил пожелание, чтобы я и мой брат прошли обряд очищения. Отец отговорился, сославшись на то, что мы находимся в Калькутте, и пообещал переговорить с нами, как только мы вернемся в Зерадеи. Таким образом на нас было оказано немалое косвенное давление.

Такие же неприятности довелось испытать и нашим двоюродным братьям Джамуна Прасаду и Ганга Прасаду (они жили в Чапре и тоже принимали участие в обеде): им пришлось вкусить горечь общественного бойкота. В студенческой столовой студенты отказывались от пищи и питья, до которых дотрагивались мои кузены. Но они мужественно выдержали испытание, и через несколько месяцев бойкот прекратился.

Позже возникли разногласия среди наших родственников, принадлежавших к ортодоксальной партии. Однако враждующие группы породнились между собой, и ограничения, которых требовали консерваторы, так никому и не удалось навязать. Так были сметены препоны, закрывавшие членам касты каястхов путь за границу.

Виновник всей этой кутерьмы д-р Ганеш Прасад никогда не забывал нашей первой встречи в Баллии и до конца своих дней был расположен ко мне. Он читал математику в Аллахабадском университете, затем в Индусском институте Бенареса и, наконец, в Калькуттском университете.

ПРОБУЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Меня приняли в класс подготовки бакалавров искусств. В программу этого класса входило три предмета, два из них — английский и философия — изучались в обязательном порядке и один — по выбору. Я выбрал историю и экономику. Для получения диплома с отличием нужно было изучить несколько дополнительных источников, так как в этом случае экзамены были другие, нежели при сокращенной программе: приходилось посещать больше лекций, да и сами испытания были труднее. Разрешалось добиваться диплома с отличием по нескольким предметам. Просто для получения степени бакалавра достаточно было иметь зачет, но при распределении стипендий в пятьдесят и сорок рупий, предоставлявшихся после экзаменов на звание бакалавра искусств, учитывались дипломы с отличием. Поэтому я поступил в классы, готовившие кандидатов на получение диплома с отличием по всем трем предметам, хотя это означало, что придется много работать. Я не обладал решимостью Рамануграхи, который сделал это без колебаний. Наш профессор философии преподавал скучно, и я вскоре утратил всякий интерес к этому предмету. Я ушел из класса философии и решил добиваться диплома с отличием по английскому языку, истории и экономике.

Немного погодя класс философии стал вести д-р П. К. Рой. Он читал так хорошо, что я начал считать философию едва ли не самым легким предметом. Лекции его были настолько интересны и содержательны, что, если слушать их внимательно, можно было совсем не читать книг. Я в сущности почти ничего и не делал, только посещал лекции и все же выдержал экзамен. Я сожалел, что не стал добиваться отличия и по философии, но было уже поздно.

Профессора английского языка и истории — Персивал и Бинайендра Натх Сен — читали живо, и мой интерес к этим

предметам не ослабевал. Персивал был настоящий ученый. Это был холостяк, живший замкнуто, почти ни с кем не общавшийся; его единственными друзьями были книги, и он собрал богатую библиотеку. Персивал был очень пунктуален и никогда не тратил зря ни одной минуты ни в аудитории, ни вне ее. По окончании занятий он сразу же возвращался к своим книгам; он редко выходил из дому, разве только для того, чтобы присутствовать на заседании *сената университета*, членом которого являлся. Одевался Персивал просто и не любил франтовства. Его простота, высокое чувство долга, скромные манеры и строгость не могли не произвести впечатления на всех нас. Мы боялись и уважали его. Принимая экзамены в колледже или университете, он заполнял ведомость успеваемости. Когда студент приходил к нему за свидетельством, Персивал сверялся со своей ведомостью и выдавал свидетельство строго в соответствии с результатами экзамена, поэтому выданные им свидетельства имели большой вес. Он оставался в штате колледжа Бенгальского президентства в течение тридцати лет, а одно время был даже его директором.

Занятия всегда увлекали меня, но с поступлением в класс бакалавров искусств меня стали волновать новые чувства, отвлекавшие мое внимание от экзаменов к другим предметам: Сатиш Чандра Мукерджи основал общество «Пробуждение», куда принимали студентов. Вступительных взносов делать не требовалось. Целью этого общества было оказывать помощь студентам в занятиях, держать их в курсе современных событий и способствовать воспитанию их характера. Студентам вменялось также в обязанность выполнять некоторые общественные поручения.

Занятия общества проводились дважды в неделю; в одной из групп общества читались лекции о *«Бхагаватгите»* и по общим знаниям, на другом — о текущем положении. Занятия во второй группе вел сам Сатиш Чандра Мукерджи, иногда приглашавший и других лекторов. В числе приглашенных были директор колледжа Н. Н. Гхош и *сестра Пиведура*. Члены общества «Пробуждение» обязаны были регулярно являться на занятия — посещаемость регистрировалась. От каждого студента требовалось, чтобы он записывал лекции, а затем кратко излагал их содержание в специальной тетради, выдаваемой обществом. Позже Сатиш Чандра Мукерджи проверял эти записи и указывал каждому студенту на ошибки. В конце года он посылал тетради какому-нибудь известному лицу для оценки. Авторам лучших изложений выдавались премии.

Темы для лекций выбирались самые широкие. Они углубляли наши знания о мире и родной стране и оказывали большое

влияние на наш образ мыслей. Изложение лекций очень помогло нам научиться писать лучше и без ошибок.

В качестве примера выполнявшихся нами общественных обязанностей можно назвать работу в магазине, которым управляли члены общества. Магазин этот торговал одеждой свадеши и другими товарами и бывал открыт по вечерам в течение двух часов.

Сатиш Чандра Мукерджи успешно учился в университете, получив степень бакалавра искусств в одно время с сэром Анутошем Мукерджи. В колледже Мукерджи был современником *Свами Вивекананды*. Он вступил было в адвокатскую коллегия, но вскоре вышел оттуда и отдался общественной деятельности, которой уделял все свое внимание, оставшись на всю жизнь холостяком. Он хотел воспитать характер у студентов, так родилась идея создать общество «Пробуждение». В этом начинании ему помогали такие видные деятели, как Н. Н. Гхош, сестра Ниведита, сэр Гурудас Банерджи и другие.

Побывав на одной лекции, я вступил в общество «Пробуждение». Сатиш Чандра Мукерджи привязался ко мне и уделял мне много внимания, до самой смерти Мукерджи я пользовался его расположением*. В обществе я подружился со многими студентами, которые впоследствии приобрели широкую известность, например с Биной Кумар Саркараром, ставшим потом ученым и популярным писателем, Равиндра Нараян Гхошем, ставшим позднее директором колледжа Рипона. Недавно он скончался. Я получил также стипендию и премии, которые вручил мне с ободряющими замечаниями сэр Гурудас Банерджи.

Общество завладело моими мыслями. Экзамены уже не привлекали моего внимания — мое воображение было захвачено общественными и социальными проблемами. В школьные годы я организовал вне школы дискуссионное общество; мы собирались каждое воскресенье, читали газеты и произносили небольшие речи. Новый интерес, который я обрел в Калькутте, привел к расширению моей деятельности. Мы создали клуб бихарцев на тех же началах, что и упомянутое дискуссионное общество. Принимал я участие и в работе Союза студентов колледжа, меня даже избрали на год его председателем. Я участвовал и в выпуске ежемесячного журнала, издававшегося этим союзом.

Склонность к общественной деятельности, проявившаяся у меня еще в детстве, теперь приняла более отчетливые формы.

---

* Последние дни своей жизни, уже находясь в отставке, Мукерджи провел в Бенаресе, где и умер несколько лет назад.

Я регулярно читал газеты, во время ежегодных сессий *Индийского национального конгресса* жадно следил за ходом его работы, неизменно посещал общественные митинги, на которых выступали люди, подобные Сурендранатху Банерджи. Но именно общество «Пробуждение» и общение с Сатиш Чандра Мукерджи придали этим моим склонностям целеустремленность. Я начал уже подумывать о будущем.

В 1905 году, через год после того, как я держал промежуточные экзамены, началась кампания против раздела Бенгалии. Я был уже знаком со многими общественными организациями и ходил на созываемые ими митинги протеста против раздела, поскольку подобная деятельность студентам не запрещалась. На этих митингах выступали Сурендранатх Банерджи, Бинни Чандра Пал, А. Чоудхур и Ауробиндо Гхош. На митинге 7 августа 1905 года было решено бойкотировать иностранные товары и пропагандировать свадеши. Многие дали обет покупать только товары, изготовленные индийцами. Что до меня, то я радовался тому, что и ранее следовал этому принципу.

Кампания приобрела вскоре широкий размах. Публичные митинги созывались едва ли не каждый день. Среди постояльцев нашей гостиницы царило сильное возбуждение. Даже те, кто никогда не следовал свадеши, теперь стали его поддерживать. Не знаю, как люди постарше, но студенты, безусловно, горели энтузиазмом.

Приведу один интересный случай. Чтобы записывать лекции, я носил с собой бутылку чернил и ручку. Однажды в продаже появились новые ручки «Стилопен» — то были, вероятно, первые автоматические ручки в Индии. Я купил ее, так как она избавляла меня от необходимости таскать с собой чернильницу. Студенты, жившие в одной гостинице со мной, принялись критиковать меня за покунку вещи иностранного производства. Но мне было известно, что у одного из этих критиков имелась большая пачка заграничной бумаги, а у другого — новое дорожное пальто, сшитое из импортной ткани. Студенты решили сжечь товары иностранного производства во дворе гостиницы. Когда они стали дразнить меня, я решил вывести их на чистую воду. Пригласив юношей к себе в номер, я сказал:

— А ну-ка открывайте свои чемоданы. Пусть каждый сожжет всю одежду иностранного происхождения, какая у него имеется. Я тоже открою свой чемодан, и любая заграничная вещь, какую вы найдете, будет немедленно предана огню.

Я открыл чемодан, но, кроме авторучки, в нем не было ничего заграничного. Тогда юноши потихоньку выбрались из комнаты, и с тех пор никто уже не критиковал меня. Затею с сожжением мало кто принял всерьез, а некоторые считали,

что для выполнения обета достаточно отобрать и сжечь отдельные вещи. Вряд ли кому-либо приходило в голову бросить в огонь свой гардероб, в большинстве случаев содержащий вещи иностранного происхождения. Первый из моих критиков сжег заграничную бумагу, но у другого, обладателя нового пальто, насколько мне помнится, не хватило духу сжечь такую ценную вещь — он только долго не надевал его. Так же поступали и многие другие студенты.

Таким образом, 1905 год был годом широкой кампании и национального пробуждения. Возникли новые идеи, особенно среди студенчества. Многие забросили занятия. В это время в Калькутте открылось большое национальное учебное заведение. Сатиш Чандра Мукерджи перешел туда, и немного погодя деятельность общества «Пробуждение» пошла на убыль, так как многие бывшие его члены тоже перешли в новое учебное заведение. Но я не собирался оставлять колледж в подражание другим: задачи нового учебного заведения были мне не очень ясны, и я не был расположен круто менять свои планы.

Я с детства был несколько нерешительным по натуре, и мне всегда бывало трудно быстро предпринимать смелый шаг, к тому же в то время я не видел необходимости в подобном шаге. Во время кампании против раздела Бенгалии и во времена движения свадешти вопрос об уходе студентов из колледжей никогда не стоял так остро, как впоследствии, в период кампании 1920—1921 годов. В ту пору я был не активным участником, а только сочувствующим, но несомненным результатом этой кампании явилось то, что я стал уделять меньше времени книгам и довольно безразлично относился к экзаменам.

На каникулах по случаю *пуджи* в сентябре-октябре (я был тогда на втором курсе класса подготовки бакалавров искусств) я остался в Калькутте, так как понял, что мне следовало посвятить какое-то время занятиям, если только я намеревался выдержать экзамены в университет в марте. Позже я держал испытания в колледже и, не дожидаясь результатов, уехал кое с кем из друзей в Джамтару (округ Сантал Паргана в Бихаре). Я не боялся провалиться на испытаниях, хотя и допускал, что, возможно, не получу высшего балла, и мне хотелось без помехи подготовиться к экзаменам в университет. Однако мне было известно, что я занял первое место по истории, так как Персивал, экзаменовавший нас по этому предмету, сообщил нам результаты вскоре после испытания.

Тем временем в колледже были объявлены результаты экзаменов. Директор, не разрешавший преподавателям сообщать что-либо студентам, лично явился в наш класс, чтобы объявить отметки. Он сказал, что я допущен к экзамену на

почетный диплом только по английскому языку. Студенты, знавшие мою отметку по истории, были озадачены, однако, собравшись с духом, они сказали директору, что я, вероятно, выдержал испытание и по истории. Директор, который не преподавал у нас и не знал меня, покачал головой. Студенты заявили, что я занял первое место на всех экзаменах и получил стипендию и поэтому невозможно поверить, что я провалился. Директор возразил, что, когда я получал высокие оценки, мне предоставили стипендию, но раз я не выдержал испытания по истории, меня к экзаменам не допустят. Тогда мои товарищи добавили, что, как им стало известно, я занял первое место по этому предмету. Это рассердило директора:

— Это невозможно. Я предупредил, чтобы о результатах никому не сообщалось.— Заглянув в ведомость, он вскричал, что никакой ошибки не произошло, и вышел из комнаты.

Мои товарищи расстроились и вызвали меня телеграммой. Я немедленно вернулся в Калькутту и отправился прямо на дом к Персивалу. Студенты не осмеливались ходить к нему домой, и я явился туда с немалым трепетом. Однако Персивал был очень добр и спросил меня о причине визита. Я протянул ему телеграмму. Он удивился и сказал, что я получил очень высокие оценки. Сверившись вторично со своей ведомостью, он воскликнул:

— Я был прав: вы заняли первое место! Я сам заполнял ведомость и лично вручил ее директору. Вероятно, ошиблись в дирекции.

Персивал сразу же отправился в колледж, а я остался ждать его у дверей дирекции. Он зашел в кабинет директора и выяснил, почему произошла ошибка. Оказалось, что мои отметки были выставлены против имени другого студента, который не выдержал испытаний по истории, а его отметки приписали мне. Директор выразил сожаление по этому поводу и попросил Персивала передать мне, что меня допустят к университетским экзаменам. Выйдя от директора, Персивал сообщил мне эту приятную новость.

Эта оплошность стоила мне двух дней в момент, когда каждая минута была у меня на счету, не говоря уже о беспокойстве и расходах, которые она повлекла за собой. Однако тут имелась и своя хорошая сторона: студент, которому приписали мои отметки, получил разрешение сдавать экзамены на почетный диплом по истории. Ведомость на него была уже заполнена и отправлена в университет, и было слишком поздно отменять разрешение. Студент этот много работал и выдержал экзамен. По странному совпадению, точно такая же история приключилась со мной на промежуточных экзаменах!

С приближением экзаменов в университет я начал волноваться, чувствуя себя недостаточно подготовленным. Я думал, что, если не займу первого места, это огорчит родных, хотя сам я не очень-то ценил эту честь. Место, занятое тем или иным студентом, определялось только отметками, полученными на «почетных» экзаменах, поэтому я уделял максимум внимания лишь тем предметам, по которым слушал сокращенный курс, и совсем забросил философию, по которой мне нужно было получить лишь переходный балл. Я мало читал по этому предмету, находя достаточными лекции д-ра П. К. Роя. И эта моя точка зрения оказалась правильной: как-то раз д-р Рой заболел и не смог читать лекцию. Тогда он поставил нам несколько вопросов и попросил дать на них письменные ответы. Оценив наши сочинения, он объявил, что я написал лучше всех, лучше даже, чем студенты, которые готовились сдавать экзамены по этому предмету в расширенном объеме.

Однако накануне экзамена по философии я почувствовал, что забыл все, что знал, и стал нервничать. У меня оставалась только одна ночь, чтобы хоть просмотреть свои записи. Но я заснул на второй странице, а утром успел лишь перелистать наспех записи по психологии и этике; на логику времени у меня уже не осталось. Тогда один из моих друзей перечислил мне основные законы логики, бегло охарактеризовав каждый из них. Затем я принял душ, позавтракал на скорую руку и помчался в университет. Мне нужно было во что бы то ни стало выдержать экзамен по философии, ибо неудовлетворительная отметка по этому предмету означала общий провал. С замиранием сердца вошел я в экзаменационный зал. Прочитав билет по психологии и этике, я решил, что забыл все начисто, и начал дрожать. Потом постарался успокоиться и закрыл на минуту глаза. Затем я еще раз прочитал билет и попытался ответить на один вопрос, показавшийся мне легким, и тут же взялся за другой. Уверенность вернулась ко мне, и в конце концов оказалось, что я ответил на все вопросы. Нервозность как рукой сняло. Поэтому, когда после получасового перерыва мы получили билеты по логике, я сумел, несмотря на неподготовленность, ответить на все вопросы, кроме одного.

Когда вывесили результаты, я увидел, что занял первое место по истории, получил отличные отметки по английскому языку и хорошие по философии. В целом я опять открывал список и смог получить две стипендии — одну в пятьдесят и другую в сорок рупий. Успех на этих экзаменах не был результатом упорной работы.

СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ БИХАРА И ИНДИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС

Получив степень бакалавра искусств, я поступил в классы подготовки магистров искусств и бакалавров права. Мы, студенты-бихарцы, жившие в Калькутте, находились под сильным влиянием движения свадеши, которое было тогда в самом разгаре. Мы часто собирались в клубе бихарцев и обсуждали свою роль в движении. Мы даже написали и напечатали поэму, посвященную этому движению. Она получила широкое распространение. Кому-то пришла в голову мысль, что следовало бы создать в Бихаре студенческую организацию, и это предложение нашло горячий отклик.

Мы решили создать Конференцию студентов-бихарцев; резолюция, вынесенная нами в клубе по этому вопросу, была горячо поддержана не только студенчеством, но и людьми постарше. Меня послали в Патну, где я встретился сначала со студентами, а затем и с видными деятелями, в том числе с Саччидананда Синхой и ныне покойным Махеш Нараяном, тогда редактором газеты «Бихар таймс». Все они обещали нам свою поддержку. Было решено созвать конференцию в Патне под председательством известного адвоката Шарфуд-дина. Студенты Патны образовали организационный комитет и провели необходимую подготовку.

Заседание Конференции студентов открылось в зале колледжа Патны. В ней приняли участие представители большинства школ и колледжей Бихара. Заседание велось на английском языке. Мне поручили разъяснить цели Конференции, и я зачитал заранее приготовленную речь. Было принято решение создать в городах, где имелись колледжи, — а позже и в тех населенных пунктах, в которых существовали школы, — местные студенческие комитеты, примыкавшие к Конференции. Был создан представительный орган всех студентов Бихара с местопребыванием в Патне. Ему поручалось руководить деятельностью Конференции, контролировать и координировать работу студенческих комитетов.

Мне вспоминается, что, когда мы выработывали устав и правила, особенно горячее обсуждение вызвали два вопроса: 1) должна ли Конференция принимать участие в политике и 2) следует ли ограничиться приемом в организацию студентов-бихарцев или же можно допускать в нее и бенгальцев.

По первому вопросу мнения разделились: старшие были против нашего участия в политической жизни. Конференция вынесла мудрое, как теперь представляется, решение — воздерживаться от проведения политической пропаганды. В то время Бихар входил в Бенгалию. В культурном отношении он являлся отсталым, и там почти не было никакой общественной жизни. Студенты не имели ни малейшего представления о текущих событиях. Только небольшая горстка людей поддерживала Индийский национальный конгресс. Своей политической организации в Бихаре не было, а Конгресс еще не создал там своего отделения. Студенческая конференция, несмотря на молодость ее членов, была первой ареной, где бихарцы собирались для обсуждения вопросов, представлявших общий интерес. В этих условиях, если бы не было проявлено осторожности, Конференция, пожалуй, не имела бы такого успеха.

Вызвал разногласия и второй вопрос. Юноши вроде меня, учившиеся в Калькутте, были за то, чтобы принимать и бенгальских студентов, но наше предложение натолкнулось на сильную оппозицию, и было решено ограничить членство одними бихарцами. Хотя резолюция о допуске бенгальцев вносилась несколько лет кряду, она так и не была принята. С самого своего зарождения организация была известна как Конференция студентов-бихарцев, и такой она осталась. Только спустя несколько лет устав был изменен, и под студентами-бихарцами стали понимать всех студентов, учившихся в Бихаре.

До тех пор в Индии нигде не было студенческих конференций, которые можно было бы взять за образец. Можно сказать, что мы первые проложили путь в этом направлении. Почти во всех городах открылись отделения Конференции. Примкнул к ней и Бихарский клуб Калькутты. С открытием в Бенарсе Индусского университета там также было создано отделение Конференции. Отделения созывали еженедельные собрания, на которых устраивались читки газет, произносились речи и организовывались спортивные занятия. Каждый год проводились конкурсы на лучшее сочинение и устный доклад, и победители получали премии. В организацию принимали и девушек, которые устраивали свои конкурсы, в том числе по шитью. В некоторых городах Бихара ежегодные собрания Конференции приурочивались к празднику Дашарха. Председательствовали на них такие известные деятели, как Шарфуд-дин, Хасан Имам,

д-р Саччидананда Синха, Пармешвар Лал, Дип Нараян Синха, Бадж Кишор Прасад из Бихара, Анни Безант, г-жа Сароджини Найду, Махатма Ганди и Ч. Ф. Эндрюс.

Студенческая конференция, основанная в 1906 году, проводила свои съезды регулярно до начала движения несотрудничества, когда деятельность ее пошла на убыль, так как все наиболее активные ее участники примкнули к более широкому движению.

За время своего существования Конференция пользовалась поддержкой всех студентов Бихара. Благодаря ей студенты приобрели первый практический опыт организации и публичных выступлений. Для всех общественных деятелей, выдвинувшихся в течение этих пятнадцати лет из среды бихарцев, Конференция служила источником вдохновения. Организация принесла пользу и стране в целом. Именно деятели студенческой конференции Бихара поддержали Махатму Ганди, когда он впервые посетил Бихар. В ее лоне выросло большинство тех, кто впоследствии примкнул к движению несотрудничества. В наши дни бразды правления Индии находятся в руках людей, которых приобщила к общественной жизни Студенческая конференция.

Движение несотрудничества требовало больших жертв от студентов. Конференция не была готова к этому. Несмотря на принятие резолюции о поддержке движения, мало кто из студентов смог примкнуть к нему или остаться в его рядах. Те, кто сохранил ему верность в трудное время, были руководящими деятелями Конференции. Сыграв свою роль, в 1930 году Конференция утратила жизнеспособность. Попытки оживить ее не увенчались успехом, и организация, существующая в настоящее время, создавалась заново. В известном отношении Конференция выполнила свою задачу: она пробудила национальное самосознание в нашей провинции и расчистила почву для будущего.

В 1906 году Индийский национальный конгресс созвал в Калькутте свою ежегодную сессию. Я был *добровольцем* этой сессии, которая прошла с большим успехом. Возникли группы правых (умеренных) и левых (экстремистов). Левых возглавляли *Локаманья Тилак*, Лалла Ладжпат Рай, Бипин Чандра Пал, Ауробиндо Гхош и другие, а правых — люди, вроде сэра Фероз Шаха Мехта и Гопала Кришна Гокхале. Сурендранатх Банерджи и пандит Мадан Мохан Малавия занимали промежуточное положение между этими двумя группами. Председательствовать на сессии пригласили из Англии Дадабхай Наороджи в расчете на его сдерживающее влияние. Мне повезло дежурить в одном из *пандалов* Конгресса, и я

слышал от слова до слова все обсуждение в редакционной комиссии. В день открытия сессии я дежурил в другом месте и не мог слышать речи председателя. Здесь же я впервые услышал речи Сароджини Деви, пандита Малавии и М. А. Джинны.

После этой сессии меня потянуло к Конгрессу, но официально я вступил в него только в 1911 году, когда в Калькутте снова была проведена его очередная сессия. Тогда же меня избрали во Всеиндийский комитет Конгресса (ВИКК), членом которого я остаюсь по сей день.

В те дни Индийский национальный конгресс не был четко оформленной организацией. В Бихаре с ним были связаны лишь немногие, главным образом юристы. Бихарский провинциальный комитет Конгресса, отдельный от Бенгальского, был создан в 1907 или 1908 году, хотя Бихар стал самостоятельной провинцией только в 1912 году. Бихар был представлен на всех сессиях Национального конгресса. Даже если избранные представители не могли присутствовать на сессии, секретарь назначал таких представителей.

До тех пор я не сделал ничего особенного для Конгресса, но, вероятно, благодаря моим неизменным успехам на университетских экзаменах и моей деятельности в Студенческой конференции многие в Бихаре знали меня, и я был выдвинут во Всеиндийский комитет Конгресса.

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА ПОЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ

После того как я получил степень бакалавра искусств, мы с братом обсудили вопрос о моем будущем. Деятельность общества «Пробуждение» и движение свадешти произвели на меня глубокое впечатление, и я горел желанием служить родине, но как именно, мы не могли решить. Я считал, что мне не следует поступать на государственную службу, поэтому не хотел (брат разделял мое мнение) добиваться поста заместителя мирового судьи, как советовали мне некоторые. Отцу хотелось, чтобы я стал юристом, поэтому я продолжал готовиться в Калькутте к получению степеней магистра искусств и бакалавра прав. Мой брат тем временем не выдержал экзамена на магистра искусств и, не желая быть в тягость семье, бросил занятия и поступил учителем в школу Думраона.

После создания Студенческой конференции меня, вопреки моему прежнему нежеланию поступать на государственную службу, захватила новая мысль: поехать в Англию и держать экзамен на чиновника британской государственной службы в Индии. К моему удивлению, эту идею одобрил и мой брат. Так как отец не мог позволить себе таких расходов, нам пришлось изыскивать средства в другом месте.

Когда о моем плане узнал д-р Саччидананда Синха, он очень обрадовался и предложил свою помощь. Горячо одобрил меня и Бадж Кишор Прасад. После обеда у д-ра Ганеша Бадж Кишор Прасад оказал большую поддержку Амбик Чарану, решившему поехать в Японию, а теперь начал деятельно собирать деньги для моей поездки в Англию. Известную сумму дали Муниша Ишвар Саран и Рай Бахадур Харихар Прасад Синха из Арраха. Брат сказал, что, когда я попаду в Англию, он найдет способ посылать мне больше денег с помощью друзей или из дому. Так как мы полагали, что родители будут против моей поездки, мы держали свои планы в секрете, и было решено раскрыть их только после того, как я покину берега Индии.

Я начал хлопотать о заграничном паспорте. У меня имелось два костюма, сшитых английской фирмой в Калькутте, которые я мог носить в Англии. После 1898 года это был единственный случай, когда я купил импортную одежду. В связи со сбором средств на мою поездку Бадж Кишор Прасад, брат и я посетили Аллахабад и остановились у Муниши Ишвар Сарана. В одном из аллахабадских колледжей училось несколько юношей из семьи моего тестя. Хотя мы не встречались с ними, они каким-то образом проведали о цели нашего визита. Они заходили к Муниши Ишвар Сарану, но меня не застали. Тогда они сообщили моему отцу телеграммой, что я собираюсь тайком поехать за границу и нахожусь сейчас в Аллахабаде. Мои родные встревожились. Так как отец прихварывал, мать и сестра спешно выехали в Аллахабад, полагая, что я прямо оттуда поеду в Бомбей, чтобы сесть на пароход. Но, пробыв в Аллахабаде один день, я уехал в Калькутту. Поэтому они вернулись в Зерадеи.

В Калькутте я получил телеграмму о тяжелой болезни отца. Я немедленно помчался в Зерадеи и с удивлением обнаружил, что, хотя отцу действительно нездоровилось, состояние его было не настолько серьезно, чтобы требовать моего немедленного присутствия. Пока я ломал себе голову над этой загадкой, в комнату отца вошел мой брат. Тогда меня осенило, что наша тайна раскрыта. Все плакали, а отец стал ругать брата за то, что тот «замыслил отправить меня в Англию». Повернувшись затем ко мне, он сказал, что здоровье его пошатнулось и что если я покину Индию, это ускорит его конец. Я признался в наших планах и дал слово не уезжать против его воли. Взяв с меня обещание, отец позволил мне вернуться в Калькутту.

Незадолго до этого, когда приготовления к моему отъезду были почти закончены, произошел один небольшой инцидент. Все мои друзья, посвященные в мои тайные планы, мечтали поехать в Англию. Они надеялись, что такая возможность представится им позднее и они присоединятся ко мне, когда я обоснуюсь там. Однажды друзья решили спросить мнение астролога о наших планах поездки за границу, и с этой целью мы отправились к нему. Едва мы переступили его порог, как старый брахман заявил, что ему известна цель нашего прихода. Тогда мы спросили, исполнятся ли наши желания. Взглянув на меня, он сказал, что мое желание сбудется позже, но не сейчас. Потом он повернулся к моему другу Шукдев Прасад Варме и сказал:

— А твое желание исполнится очень скоро.— Так же он предсказал будущее и другим.

Мы дали ему рупию и ушли, но, выйдя на улицу, от души посмеялись над невежественным стариком. У меня уже было все готово — как же я мог не поехать! И неужели же поедет Шукдев, которому это и в голову не приходило? Мы пожалели бедного астролога.

Но на следующий день пришла телеграмма из Зерадеи, о которой я уже говорил. Вернувшись оттуда в подавленном настроении, я рассказал Шукдеву, какой оборот приняли события. Он очень сожалел об этом. Внезапно ему пришла в голову мысль:

— Но раз твоя поездка определенно отменяется, то почему бы не поехать мне?

Я тут же ухватился за эту мысль, сказав, что мой гардероб и деньги, собранные для поездки, к его услугам. Вопрос был решен в пять минут. Через несколько дней он выехал в Англию с моим платьем и деньгами!

Тайна Шукдева была сохранена. О ней не подозревали даже его близкие родственники, жившие в Калькутте; лишь горстка друзей явилась в Ховрах, чтобы проводить его в Бомбей. Только узнав об отплытии парохода Шукдева, мы уведомили его родственников о случившемся. Предсказание астролога сбылось!

КОНЕЦ УЧЕНИЯ

После отъезда Шукдев Прасад Вармы состоялась очередная сессия Конгресса, на которой, как уже упоминалось, я вызвался работать добровольцем. Затем я вернулся к своим занятиям. Отец не вставал с постели, и его болезнь приняла серьезный оборот. Узнав об этом, я приехал в Зерадеи; туда же прибыл из Думраона и мой брат. Спустя несколько дней, в марте 1907 года, отец скончался. У его смертного одра собралась вся семья. Он был рад, что мы все можем слышать его в последние минуты жизни. К этому времени у моего брата было две дочери и сын Джапардан. В том же году родился сын и у меня, получивший имя Мритьюнджайя. Отец очень любил внучат. Одним из последних его желаний было обнять и благословить их.

Смерть отца повергла нас всех в уныние, да и хозяйственные дела пошли очень плохо. Все же я радовался, что не поехал в Англию: трудно вообразить, каким несчастным я чувствовал бы себя, если бы отец скончался в мое отсутствие.

Спустя несколько дней я выехал в Калькутту, а брат — в Думраон. Брат и раньше присматривал за хозяйством, а теперь оно целиком легло на его плечи. Поэтому ему приходилось чаще наезжать в Зерадеи. Он выделял деньги мне на расходы и следил за тем, чтобы я не терпел нужды. Еще при жизни отца брат особенно настаивал на том, что меня следует избавить от денежных забот. Он считал, что, поскольку я хорошо занимался и с успехом выдержал экзамены в университет, мне следует целиком сосредоточиться на занятиях и ничем не отвлекаться.

Полученные мною стипендии были ценным подспорьем, но ни отец, ни брат никогда не учитывали их, выделяя мне ежемесячное содержание — они заботились о том, чтобы я ни в чем не нуждался. Из присылаемых ими денег я вносил плату за обучение, оплачивал счета в гостинице, а остальное тратил на книги. После экзамена на степень бакалавра искусств я получил две стипендии. Одну, в пятьдесят рупий в месяц, я тратил по мере получения, а другая, годовая, из расчета сорок рупий

в месяц была выдана мне целиком после сдачи экзаменов на звание магистра искусств. Я получил 480 рупий и уплатил долги, в которые залез, собираясь ехать в Англию.

Как я уже говорил, сдав промежуточные экзамены, я охладел к занятиям. Мне самому непонятно, как я смог занять первое место на экзаменах на степень бакалавра искусств. Во время подготовки к званию магистра искусств мое безразличие возросло. Завладевшая мною мысль о поступлении на британскую государственную службу в Индии, смерть отца и моя внеучебная деятельность — все это отнимало у меня много времени. На душе было беспокойно. Отец умер в марте, а экзамены на звание магистра были назначены на декабрь. На летние каникулы я вместе с несколькими друзьями уехал готовиться к экзаменам в Курсеонг. Я не занял первого места в университете, но сожалений не испытывал, так как не прилагал к этому особых усилий и не питал надежды стать первым.

«Что делать дальше?» — такой вопрос встал теперь передо мной. После экзаменов я поехал в Думраон к брату и погостил у него некоторое время. Я еще не решил, добиваться ли мне степени бакалавра права. Профессия юриста не привлекала меня. К тому же, мне казалось, что я, возможно, и не преуспею в ней — я начинал терять веру в себя.

Один из моих друзей, Байдьянатх Нараян Синха, работавший в колледже Музаффарпура, предложил мне место преподавателя. Я подал заявление и был немедленно принят. Меня зачислили в штат колледжа в июле 1908 года. Работа пришлась мне по душе, и я близко познакомился с большинством коллег. Но брат был не совсем доволен моей участью, и так как финансовое положение колледжа начало постепенно ухудшаться, было решено, что я вернусь к юриспруденции. Я уже закончил очередной курс в университете, но экзаменов не сдавал. Поэтому после десяти месяцев, проведенных в Музаффарпуре, я вернулся в Калькутту, чтобы держать экзамен и начать адвокатскую практику.

Так кончились годы моего учения, и я вступил на путь жизненной борьбы. Когда я оглядываюсь теперь на студенческие годы, они кажутся мне золотой порой: я не знал никаких забот и располагал наилучшими возможностями. У меня было одно огромное преимущество — я имел брата, который руководил мною и которому я обязан всеми своими лучшими идеями и идеалами. Иногда я сожалею, что не использовал эти преимущества в полной мере.

В Чапре и позже в Калькутте я всегда имел хороших друзей. Насколько мне помнится, я никогда ни с кем не ссорился. С некоторыми у меня установились очень близкие отношения,

сохранившиеся и впоследствии. Несмотря на то, что среди студентов всегда существовало острое соперничество и конкуренция, мы неизменно находились в наилучших отношениях. Нередко бывало, что я готовился к экзаменам вместе со студентами, которые считались моими соперниками, и мы помогали друг другу.

Калькутта открыла мне глаза на мир, а дни, прожитые в индусской гостинице «Иден», принесли мне огромную пользу. Вероятно, нигде больше я не имел бы возможности так свободно общаться со студентами-бенгальцами; мы всегда были в самых сердечных и дружественных отношениях. Дни, проведенные с ними, я считаю одними из самых счастливых в моей жизни. Я без труда выучился бенгальскому языку. Даже сейчас у меня сохранилось в Бенгалии немало друзей. Когда через много лет после окончания университета я совершал поездку по Бенгалии во время кампании гражданского неповиновения, то всюду встречал старых друзей, и мы с удовольствием вспоминали о добром старом времени.

Когда в 1938—1939 годах я стал председателем Индийского национального конгресса, в Бихаре вновь вспыхнули разногласия между бихарцами и бенгальцами. Я вынужден был принять в Конгрессе ряд мер, которые пришлось не по душе населению Бенгалии. Я стал мишенью для резкой критики, клеветы и оскорблений. Но я никогда не испытывал к людям ни малейшей вражды и не руководствовался соображениями соперничества или какими-либо иными чувствами, кроме самых дружественных. Да и как могло быть иначе? Разве можно забыть долгие годы товарищества, горячую привязанность и дорогие сердцу воспоминания о прошлом? Если долг требовал от меня взяться за выполнение задачи, которая не нравилась другим, я непременно спрашивал себя, прав ли я. Совесть неизменно отвечала мне, что я никогда не причинил никому вреда умышленно, из злых побуждений. Но как бы то ни было, память о Калькутте никогда не сотрется. Мне ни за что не забыть того огромного влияния, которое Бенгалия оказала на меня за пятнадцать лет пребывания в Калькутте.

В Калькутте я близко сошелся и со многими бихарцами. Когда я приехал в этот город первый раз, там было немного студентов-бихарцев, но постепенно число их возрастало и в последующие годы стало довольно велико. Мы встречались каждую неделю в клубе бихарцев. Кастовые понятия так тяготели над нами, что в индусской гостинице у нас была особая кухня, где пищу готовил брахман-бихарец. Должен признаться, что, хотя я и присутствовал на обеде у д-ра Ганеш Прасада, в те времена я глубоко верил в необходимость кастовых ограниче-

ний. Что бы там ни было, д-р Ганеш Прасад все же принадлежал к моей касте. В Бихаре мы не ели пицци, особенно крупных блюд, приготовленных людьми некоторых каст. Я скрупулезно соблюдал этот запрет даже в гостинице. Хотя я долго жил там, но ни разу не пробовал риса или бобов в бенгальской столовой.

К числу моих многочисленных друзей-бихарцев — кое-кого из них я еще встречаю во время своих поездок по Бихару — относятся: Авадхеш Прасад и Джаганнатх Прасад из Шикарпура (Чампаранский округ); Шукдев Прасад Варма из Шахабада; Кришна Прасад из Бхагалпура; Бадринатх Варма; Балбахдра Прасад Джайотиши из Ранчи; д-р Садху Синха, д-р Раджешвар Прасад, Батук Дав Прасад Варма, Виндьявасини Прасад Варма и другие. Одни из них уже покинули нас, другие еще живы. Семья Авадхеш Прасада и моя породнились и сблизилась еще больше.

Я ГОТОВЛЮСЬ СТАТЬ АДВОКАТОМ

В марте 1909 года я вернулся в Калькутту. Для получения степени бакалавра права нужно было выдержать два экзамена. Один я сдал сразу же по приезде, после чего начал готовиться к другому. Для того чтобы иметь право выступать в Верховном суде Индии, нужно было проработать два года клерком у какого-нибудь адвоката, а затем пройти испытания, проводившиеся самими судьями.

Мне хотелось работать у хорошего адвоката. Один из друзей повел меня к Хану Бахадур Шамсул Худе. Тот уже имел двух учеников и, по правилам, не мог взять больше. Однако он согласился принять меня, как только появится вакансия, а до тех пор решил устроить к кому-нибудь еще. Он нашел мне место у Джахадур Рахим Захида, тоже хорошего юриста, который спустя некоторое время уехал в Англию, вернувшись оттуда адвокатом. Позже он стал членом Верховного суда. Джахадур Рахим Захид добавил к своему имени Сухраварди и под этим именем приобрел широкую известность.

Работая клерком, я задался целью досконально изучить законы, к которым я относился с величайшим уважением, и поэтому много работал. В течение двух лет мне не полагалось гонорара, но я не хотел обременять брата и поэтому вначале нашел себе работу преподавателя в городском колледже. Но вскоре мне пришлось оставить это место. Тогда я взялся репетировать ученика, и денег, которые я получал за уроки, хватало на мои расходы. Мой ученик был сыном судьи Дигамбара Чаттерджи. Это послужило мне хорошей рекомендацией к судье еще до начала практики.

Когда открылась вакансия у Хана Бахадур Шамсул Худы, я перешел к нему. Здесь, как и раньше, я не тратил времени впустую, в отличие от других клерков, которые стремились только формально выдержать экзамен и стать адвокатами Верховного суда. Каждый день рано поутру я приходил в дом Хана Бахадур Худы и просматривал бумаги, связанные с теку-

щими делами. Затем по его указанию подготавливал свои замечания, в которых ссылался на соответствующие прецеденты. Вскоре Хан Бахадур нашел мои записи полезными, так как они в большой степени избавляли его от необходимости иметь помощника.

Я жил тогда в пансионе, довольно далеко от дома Хана Бахадура. Мне приходилось ездить трамваем, а потом около мили идти пешком. Несмотря на это, я приходил к семи часам утра и работал до десяти, после чего возвращался к себе в пансион. После обеда я ежедневно являлся к часу дня в Верховный суд и слушал разбор дел. Особый интерес представляли для меня те дела, по которым я готовил выписки. Из суда я отправлялся на урок в Бхаванипор, в четырех милях от пансиона, и возвращался домой часов в девять-десять вечера. Таким образом, я много работал и хорошо изучил дело.

Некоторое время спустя Хан Бахадур Худа сказал, что, поскольку мне приходится тратить много времени на дорогу, он устроит так, чтобы я мог переехать к нему. Он отвел мне комнату и кухню, и я стал жить у него. Теперь он посылал за мной вечером или рано утром, как ему было удобнее. В суд он доставлял меня в своем экипаже. Между нами установились такие тесные отношения, что он стал смотреть на меня как на члена своей семьи.

Хан Бахадур был известный адвокат и считался лидером мусульман. Однажды его выбрали председателем *Мусульманской лиги*. Он был членом сената Калькуттского университета и депутатом Законодательного собрания Бенгалии. Впоследствии он вошел в состав Исполнительного совета при губернаторе этой провинции, а затем стал членом Верховного суда Индии. Одно время он являлся также председателем Законодательного собрания Бенгалии.

Судьи и клиенты питали к Хану Бахадuru глубочайшее уважение. У него была обширная практика, и всегда имелось на руках множество дел. Человек религиозный и очень добрый, он постоянно выплачивал пособия студентам-мусульманам. Некоторые студенты регулярно питались у него в доме.

Не будет неуместным упомянуть здесь об одном небольшом инциденте. Когда я работал у Хана Бахадура, наступил праздник *Бакр-ид*. Район, где он жил, был по преимуществу мусульманским, и я опасался, что у него в доме или где-нибудь по соседству могут принести в жертву корову. Поэтому я счел за благо уехать на несколько дней. Накануне праздника я потихоньку выбрался из дому и вернулся только спустя четыре дня. Хан Бахадур Худа спросил меня, где я был, и я ответил, что гостил у друга.

Он немедленно возразил:

— Я знаю, что вы ушли из-за Бакр-ида. Вероятно, вы не хотели присутствовать во время принесения в жертву коровы. Не были ли вы несправедливы ко мне? Ведь вы — мой клерк. У меня в доме живет несколько слуг-индусов: садовник и слуга, который ходит за коровами, — индусы. Неужели вы считаете меня настолько бессердечным, чтобы я мог не подумать о их чувствах, не говоря уже о ваших? Разве я мог бы причинить им боль? Вам следовало спросить меня, прежде чем уезжать. Из-за слуг-индусов здесь никогда не приносят в жертву коров.

Я почувствовал себя пристыженным, поняв, что был несправедлив к нему. В то время проводилась кампания против раздела Бенгалии, и мусульмане были против этого. В Восточной Бенгалии, откуда Хан Бахадур был родом, происходили стычки между индусами и мусульманами. Сам он стоял за раздел Бенгалии. И все же таковы были его чувства, а ко мне он относился с неизменной добротой и уважением.

Я выдержал экзамен на звание бакалавра прав. Высоких оценок я не получил, так как не мог уделять много времени занятиям. Мое ученичество подходило к концу, когда стали распространяться слухи о предстоящем назначении Хана Бахадур членом Исполнительного совета при губернаторе. Слухи, видимо, были не лишены оснований, ибо он сказал как-то, что, возможно, не сумеет помочь мне получить практику. Я, однако, считал, что многому научился и смогу стоять на собственных ногах.

В августе 1911 года я начал свою адвокатскую практику. В первый день Хан Бахадур передал мне дело. Он сопровождал меня в суд и сидел в зале, пока я выступал. Верховный суд проработал всего несколько дней и затем закрылся по случаю праздника *Дурги*. Я же уехал из Бихара еще до праздников. В это время Мадан Мохан Малавия совершал поездку по Бихару, собирая средства на Индусский университет в Бенаресе. Я присоединился к нему на несколько дней и оказал ему кое-какую помощь. С открытием сессии Верховного суда я вернулся в Калькутту. Слухи о назначении Хана Бахадур Худы становились все упорнее. Клиенты поняли, что он больше не будет заниматься адвокатской практикой. Тем временем накопилось множество принятых к слушанию дел. Некоторые из них были переданы мне — правда, в финансовом отношении они мало что давали. Хан Бахадур Худа сказал мне, что уезжает и не сможет помогать мне, но что переданные мне дела у меня и останутся; затем он добавил, что, если я буду работать удовлетворительно, клиенты и впредь станут прибегать к моим услугам.

Спустя несколько дней началось слушание одного из дел.

Сами клиенты не нанимали меня и назвали другого адвоката, но так как на *вакилатнаме* стояла и моя подпись, мое имя тоже было включено в список. Я изучил документы и тщательно подготовил дело, в связи с которым возникло много юридических проблем. Поскольку мой старший адвокат не слишком глубоко вникал в них, я помог ему своими выписками и указал на ряд прецедентов. Судья сэр Ашутос Мукерджи видел все это и немного погоди спросил меня, не сошлюсь ли я еще на какой-либо прецедент, чтобы он мог затем навести справку по своду законов. Затем он вынес определение в нашу пользу, о чем было напечатано в «Ведомостях».

Я уже забыл об этом случае, когда два дня спустя один адвокат, с которым я часто работал и который был членом *синдиката* университета, спросил меня, не хочу ли я преподавать в Юридическом колледже. Это явилось полной неожиданностью для меня, так как я никогда никого не просил о таком назначении. Мне и в голову не приходило, что юрист, вроде меня, всего с двухлетним опытом за плечами вправе претендовать на подобный пост. Друг объяснил мне, что сэр Ашутос, являвшийся также проректором университета, остался доволен мною в связи с каким-то делом, по которому я выступал в суде. Друг посоветовал мне повидаться с сэром Ашутосом. Поэтому я побывал у него и через несколько дней получил назначение.

Это дало мне возможность досконально изучить законы во многих аспектах, что немало помогло мне в моей практике. Но получить работу помогло мне одно дело. Давая в дни своего ученичества уроки сыну судьи Дигамбара Чаттерджи, я познакомился с самим судьей, но не очень близко. Ему было известно, что я прекрасно учился, и поэтому он пригласил меня репетировать сына. Узнав, что я собираюсь заняться адвокатской практикой, он спросил, есть ли в нашей семье адвокаты. Я ответил отрицательно (некоторые родственники моего тестя работали юристами, но практиковали в Уттар-Прадеше). Судья Чаттерджи заметил, что это хорошо. Я был удивлен, так как полагал, что родственник-адвокат мог бы помочь мне получить дела, и сказал судье, что его замечание заинтриговало меня. На это он ответил:

— Считайте, что вам очень повезло, если среди ваших родственников нет адвокатов, особенно хороших. Имей вы такого родственника, вы, быть может, и получили бы через него какие-то дела, но клиенты не стали бы обращаться к вам по своей воле, полагая, что они лишь оказывают любезность старшему юристу. Не питая к вам ни доверия, ни уважения, они неизменно прибегали бы к услугам старшего адвоката. Вы же, возможно, решили бы, что раз дело поручено другому, то не

стоит и труда изучать его. У вас пропал бы интерес к работе, поскольку вам представлялось бы мало случаев выступать и вести дела. Если бы впоследствии благодаря упорной работе вы стали хорошим адвокатом, клиенты напоминали бы вам о том, что они поддержали вас, когда вы начинали свою практику. Вы чувствовали бы себя обязанным по отношению к ним и брали с них меньше. Это обычная манера богатых клиентов.

Имея богатых клиентов, вы не уделяли бы должного внимания бедным, как бы хорошо или плохо ни платили вам эти богатые клиенты, и независимо от того, кому — вам или другому — было бы поручено выступать в суде.

Если же среди ваших родственников нет адвокатов, которые могли бы вам помочь, вы не получите богатых клиентов. Бедные же клиенты придут к вам в надежде на ваше образование. Может быть, они и очень мало вам заплатят, но уж наверняка поручат свое дело целиком и не станут нанимать более опытного юриста. Поэтому вы сами приступите к изучению дела и будете полностью им поглощены. Если вы выиграете дело для такого клиента, он будет как бы вашим рекламным агентом. После этого к вам пойдут и другие бедные клиенты. Они проложат вам путь к известности, и вам не придется ни полагаться на кого-то, ни чувствовать себя обязанным. Тогда и видные клиенты автоматически найдут к вам дорогу. Они даже станут заискивать перед вами, чтобы вы взяли их дела; у них не будет основания говорить о каких-то ваших обязательствах по отношению к ним, и вы сможете поставить им свои условия. Поэтому вы должны научиться как следует работать над своими делами и станете преуспевающим адвокатом.

Беседа с судьей Чаттерджи очень ободрила меня. Каждое его слово исполнилось. Вначале я имел только бедных клиентов. С первых же шагов я получил возможность работать без чьей-либо помощи. Работал я много и приобрел ценный опыт. Лишь немногих из моих клиентов можно было назвать богатыми, да и те приходили ко мне, потому что состояли со мной в родстве.

В период моего ученичества произошел один эпизод, о котором следует упомянуть, ибо он мог круто повернуть мою жизнь. Однако этого не случилось, быть может, к лучшему. Этим эпизодом была моя встреча с Гопалом Кришна Гокхале.

ВСТРЕЧА С ГОКХАЛЕ

Как-то раз, когда я был еще учеником у адвоката, мой друг адвокат Пармешвар Лал сказал мне, что Гопал Кришна Гокхале находится в Калькутте и хочет видеть Шри Кришна Прасада и меня. Я был заинтригован желанием Гокхале видеть столь незначительную личность, как я, и заинтересовался, откуда он меня знает. Пармешвар Лал ответил, что он сам назвал наши имена Гокхале, выразившему желание познакомиться с некоторыми многообещающими студентами-бихарцами. Дело в том, что Шри Кришна Прасад и я играли главную роль в Студенческой конференции Бихара, и нас знали очень многие. Поэтому Пармешвар Лал и упомянул наши имена.

Мы отправились к Гокхале. Незадолго перед тем он основал общество «*Слуги Индии*» и теперь хотел, чтобы в него вступило несколько способных молодых людей из Бихара. Напомнив о долге молодежи служить родине, он стал уговаривать нас вступить в это общество. Он добавил, что, как ему известно, оба мы хорошо учились, а теперь готовимся вступить в коллегию адвокатов.

— Может быть, — заявил он, — вы и преуспеете в профессии юристов, скопите богатство и будете жить в довольстве и роскоши. У вас будет большой дом, экипаж и все атрибуты богатых людей. Но помните, — подчеркнул он, подняв указательный палец, — родина предъявляет требования к молодым людям. И эти требования тем выше, чем лучше вы зарекомендовали себя.

Затем, стараясь затронуть личные струны, он заметил:

— Сам я из бедной семьи. Мои родные питали большие надежды, что, закончив образование, я стану много зарабатывать и осчастливорю их всех. Когда же, разрушив все их надежды, я посвятил себя служению родине, мой брат так рассердился, что одно время даже не разговаривал со мной. Но вскоре, когда он и другие члены моей семьи поняли, что озна-

чает моя работа, они стали любить меня не меньше прежнего. Быть может, и вы находитесь в таком же положении, но будьте уверены, что в конечном счете ваши близкие станут преклоняться перед вами. Возможно, они возлагают на вас большие надежды, но, допустим, если вы скоропостижно скончаетесь, разве они как-то не выйдут из положения?

В этом духе он говорил почти два часа. Его слова, дышавшие глубокой искренностью, произвели на нас сильное впечатление. Понимая, каково воздействие его слов, Гокхале сказал:

— Это серьезный вопрос. Подумайте хорошенько и дайте мне знать, к какому решению вы пришли.

Мы ушли от него задумчивые и безмолвные. В течение многих дней мы не могли думать ни о чем другом.

Оба мы размышляли над предложением Гокхале. Я потерял аппетит и сон. В период кампании свадеши мы иногда думали о родине, и чувство патриотизма было у нас сильно развито, но до сих пор эту проблему ни разу не ставили перед нами в такой резкой форме, и мы не имели счастья слушать столь замечательные слова выдающегося человека. Мы разрывались между долгом перед родиной и семьей. Я был отцом двух сыновей, а у брата было четверо детей. Как мог я взвалить на него бремя содержания моей семьи? Наша мать была жива. Что она подумает, если я порву с семьей? И каким ударом будет это для моей жены и других родственников? Эти мысли завладели мной, и я не мог думать ни о чем другом.

В это время брат гостил у меня, но я не поделился своими сомнениями ни с ним, ни с кем-либо еще. Несколько дней я не появлялся в суде и даже не выходил на прогулку. Единственным моим желанием было остаться одному и думать, думать без конца. Так продолжалось почти десять дней. Брат заподозрил неладное и стал меня спрашивать, но я давал уклончивые ответы, так как в том состоянии нерешительности, в котором находился, я не мог обсуждать с ним этот вопрос.

После десяти дней серьезного раздумья я решил, что должен выполнить желание Гокхале и вступить в общество «Слуги Индии». Но у меня не хватало мужества открыться брату. Поэтому я написал ему длинное письмо, в котором просил одобрить мое решение; положив письмо в отсутствие брата на его кровать, я вышел на площадь Колледжа и сел там в ожидании. Брат прочитал письмо и стал искать меня, но не нашел. Вернувшись вечером в пансион, я застал его в состоянии полного смятения, но он не захотел тогда говорить со мной. Я также не заговаривал с ним, ибо понял, что его терзают те же мысли. Искренне желая, чтобы я шел по избран-

ному мною пути, брат чувствовал, что не в силах нести бремя содержания такой большой семьи. Утром он не смог совладать с собой и разразился слезами. Я также не удержался от слез — мы оба плакали. Затем брат обнял меня и попытался утешить. Я не произнес ни слова. Я знал, что мучило его. Наконец, было решено поехать домой и посоветоваться с матерью и сестрой.

Однако перед тем я пошел к Гокхале и рассказал ему все. Я объяснил, что чувствовал, сказав, что не могу порвать с семьей и хочу получить ее разрешение. К этому времени Гокхале уже оставил всякую надежду и поэтому ничего мне не ответил. Шри Кришна захотел поехать в Пуну и убедиться во всем воочию, прежде чем делать решительный шаг. Гокхале одобрил эту идею. Шри Кришна прожил некоторое время в Пуне, но в конце концов решил все же не вступать в общество. Сейчас его уже нет в живых.

Приехав в Зерадеи, мы с братом рассказали родным обо всем. Мать была глубоко взволнована и ничего не сказала. Но сестра, которая всегда откровенно выражала свое мнение, заявила:

— Своими разговорами о поездке в Англию ты причинил горе отцу. Теперь же, собираясь стать в молодые годы затворником, ты хочешь сделать несчастным своего брата.

Затем она разразилась слезами, и все тоже заплакали. Это убило во мне всякое желание вступить в общество «Слуги Индии».

Я вернулся в Калькутту, но в течение нескольких недель чувствовал себя несчастным. Я оставил мысль о вступлении в общество, но на душе у меня было тяжело. Мне было не до экзаменов, и в результате я с трудом выдержал их, не заняв почетного места.

ОБЫЧАЙ ДЕЛАТЬ ПРИДАНОЕ

Вскоре после моей неудачной попытки вступить в общество «Слуги Индии» умерла моя мать. Я приехал в Зерадеи на празднование Дашархи. Мать, обычно отправлявшая обряды пуджи вечером во время карттика, совершила, как всегда, омовение, но схватила простуду, которая перешла в бронхит. Мы окружили ее самым заботливым уходом, но, проболев пять дней, она скончалась. По обычаю, похоронные обряды совершил я, как младший сын.

Старшая дочь моего брата была уже совсем взрослой девушкой, и мы хотели устроить ее брак. Переговоры велись еще при жизни моей матери. В нашем обществе, чтобы выдать девушку замуж, нужно потратить немало нервов. Найти подходящего жениха — дело не из легких, так как выбор ограничен существованием каст и подкаст. Приходится принимать в расчет и материальное положение. Из-за ранних браков жених в момент женитьбы еще зависит от других, поэтому бремя содержания и воспитания жены ложится на семью ююппи. В связи с этим важно выяснить размеры ее состояния. Я сам женился в тринадцать лет, и хотя теперь мне шел двадцать шестой год, но, если не считать периода моего преподавания в Музаффарпуре, я еще ничего не зарабатывал. Брату также ничего не удалось отложить. Того немногo, что он зарабатывал как школьный учитель, едва хватало ему самому на жизнь в Думраоне. Поэтому главной нашей опорой был доход с заминдари. Брат хорошо управлял пмением, и нам удалось справиться с трудностями, с которыми мы столкнулись после смерти отца. Но теперь приходилось сильно потратиться в связи с замужеством племянницы.

Если удавалось найти юношу и семью, отвечавших всем требованиям, то добиться их согласия бывало нелегко. В то время согласия жениха не спрашивали — достаточно было заручиться одобрением его родителей (ныне времена сильно изменились). Но социальное положение и состояние семьи неве-

сты должны были полностью удовлетворить родителей. И только когда все это решалось к обоюдному удовлетворению сторон, вставал вопрос о помолвке.

Родители невесты обязаны приготовить к моменту тилака (обручения) деньги, утварь, одежду и другие подарки. В момент прибытия жениха они вручают также деньги и много других вещей. Долг каждого отца — хорошо обеспечить свою дочь, но в нашем обществе приданое не является делом добровольным. Этот плохой обычай сохраняется, несмотря на все усилия реформистов. Все кастовые и общинные организации принимают решения, направленные против него, но обычай не только не исчезает, а, напротив, распространяется все шире. За последнее время его стали придерживаться даже те касты, среди которых он раньше не существовал, а там, где его соблюдали и прежде, он пустил более глубокие корни.

По существующему ныне обычаю для человека с моим образованием и профессией приданое в 10—15 тысяч рупий не считалось бы особенно большим, тогда как во время моей женитьбы мы получили немногим более двух тысяч. Размеры приданого возросли и продолжают расти. Бедные юноши, ухитрившиеся получить какое-то образование, не колеблясь требуют 3—4 тысячи рупий. Между обычаями наших дней и теми, которые существовали полвека назад, имеется одно большое различие: тогда было достаточно согласия родителей, а теперь нужно заручиться также согласием жениха, и в результате двойных требований приданое сильно возросло.

Мы собирались отдать дочь брата в знакомую семью (старшие братья жениха были нашими коллегами в Калькутте) и поэтому надеялись, что все решится удовлетворительно и без особых хлопот. Но старые обычаи отмирают с трудом, и нам пришлось пережить тяжелые дни. В конце концов брак был заключен. Считаясь состоятельными людьми, мы, однако, не имели свободных денег. Зерно мы получали со своих полей, но наличные деньги — другое дело. Поэтому брату и мне пришлось залезть в долги из-за этой свадьбы. По счастью, это оказалось хорошее родство и счастливый брак.

АДВОКАТСКАЯ ПРАКТИКА

Занявшись вскоре после замужества племянницы адвокатской практикой, я довольно быстро для начинающего юриста стал получать дела, что позволило мне стать независимым в финансовом отношении и не обращаться за помощью к семье. После замужества дочери дела моего брата пошатнулись, и я не хотел обременять его. Богатые клиенты не обращались ко мне, за одним только исключением: Рай Бахадур Харихар Прасад Синха, который знал меня и даже предлагал мне свою помощь, когда я собирался поехать в Англию, с первого дня моей практики доверил мне все дела, связанные с его замнндари. Мое последнее дело как юриста также было связано с большой тяжбой, к которой он был причастен.

Я много и совершенно самостоятельно занимался тяжбами бедных клиентов. Кое-кто из судей познакомился со мной и остался доволен тем, как я вел дела. Некоторые адвокаты имеют обыкновение посещать судей, но я лично никогда этого не делал и встречался с ними только в зале суда. Сэр Лоуренс Дженкинс, бывший в ту пору главным судьей, но ушедший в отставку через год после начала моей адвокатской карьеры, был настолько доволен мной, что, покидая Калькутту, подарил мне свой портрет с автографом. Сэр Апуттош предложил мне место преподавателя в Юридическом колледже. Таким образом, у меня имелись основания быть довольным своими успехами.

Тем временем по случаю коронации английского короля, состоявшейся в 1911 году, было провозглашено отделение Бихара от Бенгалии, и в апреле 1912 года Бихар стал самостоятельной провинцией. Некоторое время он не имел своего Высшего суда и университета. Все дела жителей Бихара слушались в Калькутте, и бихарские студенты также держали экзамены в Калькуттском университете. Вскоре, однако, началось движение за создание самостоятельного Высшего суда, а опасения,

что решение этого вопроса будет отложено из-за войны с Германией, оказались неосновательными.

В Верховном суде, в Калькутте, начал выступать также мой старый сослуживец по Музаффарпурскому колледжу Байдьянатх Нараян Синха. Мы подружились.

Байдьянатх предложил мне держать экзамен на магистра права. Я был целиком поглощен своей практикой и полон решимости добиться успеха. Я опасался, как бы занятия не сказались отрицательно на моей работе, но все же последовал совету друга, и мы оба начали готовиться к экзамену, который считался самым трудным из всех, какие проводились в Калькуттском университете. У нас оставалось мало времени для занятий, к тому же у меня была дополнительная работа — я преподавал в Юридическом колледже. Порой я склонялся к тому, чтобы бросить всю эту затею, но Байдьянатх удерживал меня. Он постоянно подгонял меня, читая мне книги вслух, словно учитель.

— Ты же занимал первые места на всех экзаменах от вступительного до экзамена на бакалавра искусств,— говорил он мне. — На экзамене на звание магистра искусств ты не поддержал свою репутацию, а экзамен на бакалавра права только кое-как выдержал. Смыть это пятно со своей в остальном безупречной репутации ты можешь, только выдержав одним из первых экзамен на магистра права.

Благодаря таким рассуждениям и заботам Байдьянатха я принялся серьезно заниматься.

Экзамен должен был быть назначен на декабрь 1915 года. Никогда еще я не готовился так усердно ни к одному экзамену. Поскольку одновременно мне приходилось вести и всю свою обычную работу, я не выдержал напряжения и тяжело заболел. Я опасался, что все теперь пойдет насмарку. В марте 1916 года в Патне был учрежден Высший суд. Мы с Байдьянатхом сознавали, что если нам не удастся держать экзамены, пока мы живем в Калькутте, то после переезда в Патну это было бы навсегда исключено. Итак, то был наш последний шанс. Поэтому мы остались верны своему решению. Казалось, что эта решимость помогла мне стать на ноги.

Нам удалось на время экзамена отсрочить дела, имевшиеся у нас на руках. Большинство этих дел было из Бихара, и поэтому доверено судьям, которым предстояло, вероятно, переехать в Патну. Все они любезно согласились удовлетворить нашу просьбу об отсрочке.

После экзамена мы выехали в Патну, где нам и стало известно о результатах. Оба мы выдержали его успешно — Байдьянатх по второму разряду, а я — по первому. Позже я узнал,

что получил очень высокие отметки. Мы были первыми бихарцами, выдержавшими этот экзамен. По университетским правилам тем, кто получил звание магистра права, разрешалось добиваться звания доктора юридических наук, для чего нужно было представить диссертацию. Мы с Байдьянатхом собирались писать диссертации и в связи с этим проконсультировались с сэром Гурудасом Банерджи относительно выбора тем.

Мне вспоминается ряд забавных случаев, происшедших в Калькутте в первые дни моей практики. В начале моей карьеры меня как-то попросили написать апелляцию для одного клиента. Управляющий клиента хотел взять старшего адвоката и меня в качестве помощника. Он назвал имя этого адвоката, который имел обширную практику и вел большинство бихарских дел, но не был знаком мне лично. Меня обрадовала перспектива работать со старшим юристом, пользовавшимся такой репутацией.

Однажды вечером, подготовив вчерне апелляцию, мы с управляющим отправились домой к этому адвокату. Обычно он не работал по ночам, прекращая всю свою работу к вечеру. Когда мы пришли, он как раз заканчивал свои дневные труды. Управляющий, которого он уже знал, рассказал о цели нашего визита, и адвокат попросил его зайти на следующий день. Затем он поинтересовался, есть ли у управляющего проект апелляции, подготовленный младшим юристом, на что управляющий ответил утвердительно, назвав мое имя. Услышав его, адвокат вскричал:

— Странного выбрали вы себе младшего юриста, я никогда и не слышал его имени! Ручаюсь, что он ничего не смыслит, и помощи от него ждать нечего. Мне все придется делать самому.

Управляющий возразил ему, что младший адвокат, конечно, еще новичок в своем деле, но он замечательный человек. Однако адвокат повторил свои нелестные замечания на мой счет. Тогда управляющий указал на меня — все это время я спокойно сидел рядом с ним — и заметил, что я и есть тот самый младший поверенный. В большом смущении адвокат пророботал:

— Вам следовало сразу представиться. Я вас не знаю. Я вовсе не хотел обидеть вас своими замечаниями, ведь я вас совсем не знаю. Мне казалось, что новичок вряд ли может хорошо знать дело.

Затем он извинился передо мной. Я ответил, что, поскольку он меня не знает и поскольку я действительно новичок, его замечания вполне оправданы. Договорившись встретиться на следующий день, мы простились с ним.

Прочитав на другой день составленную мной апелляцию, адвокат остался очень доволен и принялся хвалить меня своим коллегам. Мы познакомились ближе, и впоследствии он был очень добр ко мне. Единственное, на что он жаловался, это на мое невнимание к своей одежде и внешности. Ему это не нравилось, и он всегда советовал мне одеваться элегантно.

Тогда, как и поныне, я не любил искать встреч с незнакомыми. Я практиковал уже около двух лет, но все еще не познакомился с д-ром Раш Бихари Гхошем. Хотя однажды я выиграл дело, в котором он защищал интересы противной стороны, мне не доводилось встречаться с ним. Такой случай представился в связи с одним бихарским делом. С нашей стороны защитниками были Раш Бихари Гхош и Кулвант Сахан, впоследствии ставший членом Высшего суда Патны, а противную сторону представлял сэр С. П. Синха.

Адвокаты присутствовали в судах только в том случае, если им приходилось выступать. Обремененные слишком большим количеством дел, они обычно были заняты в других судах в то время, когда противная сторона представляла свои доводы. Иногда им не удавалось присутствовать даже для того, чтобы ответить на эти доводы,— в таких случаях эта обязанность возлагалась на младшего поверенного. Во время слушания дела, которое я выиграл против сэра Раши Бихари, наш старший поверенный был занят другой тяжбой, и вести защиту пришлось мне.

Дело Гая было сложным, и стороны в течение четырех дней излагали свои доводы. Сэр С. П. Синха говорил медленно и очень ясно. Будучи самым младшим поверенным с нашей стороны, я был обязан записывать аргументацию противной стороны. Я писал быстро (эту привычку я приобрел еще в детстве и усовершенствовал в годы учения, когда полностью записывал лекции профессора Персивала, говорившего очень быстро, а также лекции в обществе «Пробуждение») и поэтому полностью занес на бумагу защитительную речь сэра С. П. Синха.

На следующий день я понес свои выправленные записи домой сэру Раши Бихари. Пока он их просматривал, я волновался, не зная, какой будет его реакция. Человек темпераментный, он часто бывал резок со своими помощниками и не терпел никакой небрежности с их стороны. Поэтому его помощники всегда боялись встречаться с ним. Даже судьи знали эту его черту. Он мог запустить в помощника книгу или папку с бумагами, которые ему предстояло зачитать в суде. Когда я со страхом следил за ним, он оторвался от заметок и спросил, кто их приготовил. Вообразив, что они его не удовлетворили,

я не мог вымолвить ни слова. Но Кулвант Сахаи, который тоже присутствовал при этом, сказал, что записи делал я. Тогда сэр Раш Бихари спросил меня:

— Вы давно работаете? Я вас совсем не знаю.

Я был убежден, что допустил какую-то грубую ошибку, и буквально онемел. Кулвант Сахаи снова ответил, что я начал работать недавно. Легко представить, какое чувство облегчения я испытал, когда сэр Раш Бихари не только не рассердился, но, напротив, похлопал меня по плечу и сказал, что записи великолепны. Здесь Кулвант Сахаи упомянул о моих академических успехах. Раш Бихари Гхош остался очень доволен и заметил:

— Если вы будете продолжать в том же духе, вы далеко пойдете.

С тех пор всякий раз, когда мне приходилось работать с сэром Раш Бихари Гхошем, он неизменно полагался на мои записи и полностью их использовал.

Однажды я был свидетелем того, как он разгневался на одного адвоката в связи с этим самым делом. Просматривая как-то записи, он спросил, имеются ли какие-либо доказательства, подтверждающие одно из выдвинутых положений. Я промолчал, но адвокат из Гаи, который вел это дело и в суде низшей инстанции, ответил, что таких доказательств нет. Сэр Раш Бихари Гхош возразил, что этого не может быть, поскольку сэр С. П. Синха сослался на наличие такого рода доказательств. Затем Гхош попросил адвоката из Гаи просмотреть еще раз бумаги и доложить ему на следующий день. Но и на завтра адвокат дал тот же ответ. Сэр Раш Бихари, который сам изучал бумаги и сделал ряд заметок на полях, вышел из себя и отбросил записи, присовокупив при этом: «Как же я могу полагаться впредь на ваши записи?» Показав ему собственные заметки, сэр Раш Бихари сделал несколько весьма резких замечаний. Я не мог не порадоваться тому, что не совершал подобного рода ошибок.

После экзамена на звание магистра права до возвращения в Патну мне довелось вести небольшое, но запутанное дело, которое я вынужден был сам защищать перед двумя судьями, позже переведенными в Патну. На обоих я произвел хорошее впечатление. В Патне они очень хвалили меня другим, говоря, что адвокаты, прибывающие в Патну из Калькутты,— люди очень многообещающие, способные отстаивать свою точку зрения против местных старших адвокатов.

Во время второй апелляции допускались только юридические доводы. Фактическая сторона дела, установленная судом низшей инстанции, считалась не подлежащей сомнению.

На вторую апелляцию принимались только дела незначительные. В Калькутте на мою долю досталось большинство вторых апелляций бедных клиентов. Нужно было очень хорошо знать законы, чтобы выдвигать юридические доводы в защиту таких апелляций. Я взял себе за правило никогда не браться за дело, не уверившись в том, что решение суда низшей инстанции было неправильным с юридической точки зрения и что я мог добиться его отмены в Верховном суде. Поэтому я выиграл большую часть апелляций, попавших мне в руки.

Далее, при рассмотрении вторых апелляций происходит краткое предварительное слушание дела, прежде чем суд, убедившись, что была допущена юридическая ошибка, дающая основание для обжалования, принимает дело и вызывает противную сторону. Регистратор Высшего суда Патны, не очень хорошо знавший законы и имевший право принимать дела к слушанию, если считал, что для этого имеются основания, отклонил многие из моих апелляций на предварительной стадии. Но, по правилам, отказ регистратора не считался окончательным, и он должен был представлять дело на окончательное решение судьям. Многие из моих апелляций попали таким образом к судьям, и почти все были приняты ими к слушанию. Те два члена суда, о которых говорилось выше, возможно, даже не просматривали представленные мною документы. Я видел также, что дела, за которые я отказывался браться из-за их необоснованности, были проиграны потом в суде другими адвокатами.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Живя в Калькутте, я продолжал поддерживать связь со Студенческой конференцией Бихара даже после того, как начал свою юридическую карьеру. Студенты верили мне и считали своим. На собравшемся в Монгхире съезде Конференции, где была принята резолюция, осуждавшая доклад Комиссии Ната-на о Бихарском университете, меня избрали председателем. Я ежегодно присутствовал на съездах Конференции и принимал активное участие в ее работе.

К этому времени относится и мое увлечение языком хинди. В младших классах школы я год или два изучал санскрит. Затем я приступил к изучению персидского, так как отец хотел, чтобы я избрал профессию юриста, и полагал, что знание персидского поможет мне, поскольку последний являлся языком юридических документов. Я пытался изучать санскрит в частном порядке, но без большого успеха, поэтому и в школе и в колледже занимался персидским. Мне не представлялось случая изучать хинди, и я был знаком лишь с алфавитом *деванагари*. Я видел, что моя мать и другие постоянно читали «Рамаяну». Я также пристрастился к этому чтению и в течение некоторого времени не садился завтракать, не прочитав предварительно отрывок из «Рамаяны». Никаких других книг на хинди я не читал. В университете давались особые задания по переводу, причем нужно было переводить английский текст на один из индийских языков и обратно. На вступительных и курсовых экзаменах я переводил тексты на язык урду, но на экзаменах на степень бакалавра искусств писал сочинение на хинди и выдержал и этот экзамен. Так было положено начало моему увлечению этим языком, усилившемуся в связи с некоторыми событиями в Калькутте.

В этом городе насчитывалось много писателей, ученых и других любителей языка хинди. В их числе был и Джаганиатх Прасад Чатурведи из Бихара, посещавший бихарский клуб. Я познакомился также с Умапати Даттом Шармой, директором

Вишудхананды сарасвати видьялайи, тоже бихарцем, а через этих людей с многочисленными другими любителями хинди. В городе был созван «*Хинди сахитья паришад*», в деятельности которого я стал принимать участие. Точную дату его образования я забыл, но мне помнится, что на некоторых заседаниях я читал свои сочинения, которые снискали одобрение литераторов, писавших на хинди. Многие из нас чувствовали необходимость во всеиндийском «*Хинди сахитья саммелане*». Эту идею приветствовали все поклонники хинди. В конце концов в Бенаресе под председательством пандита Малавийи состоялось первое собрание «Саммеланы». Таким образом моя связь с «Саммеланой» восходит ко времени его зарождения.

Третье собрание «Саммеланы» состоялось в декабре 1912 года в Калькутте под председательством Бардинараяна Чоудхури. Я был избран генеральным секретарем Организационного комитета. Еще не прошло и года, как я начал практиковать, поэтому мое имя было не так широко известно, да и сам я знал немногих, но люди все же выбрали меня, и я занял пост. В период подготовки собрания я познакомился с ведущими фигурами «Саммеланы». Близко узнал я и людей из калькуттского «*Бара базара*». Так мне впервые довелось отвечать за организацию конференции всеиндийского масштаба. Я работал много, и все сошло хорошо.

В том же месяце в Патне открылась сессия Индийского национального конгресса. Как бихарец я считал своим долгом присутствовать на ней. Хотя даты созыва конференции «Саммелана» и сессии Конгресса не совпадали, обязанности секретаря Организационного комитета не позволили мне поехать в Патну.

В 1914 году Бенгалию и Бихар постигло одно из самых опустошительных на нашей памяти наводнений. Вначале наводнение захлестнуло округ Бурдаван. В Калькутте были собраны средства для оказания помощи пострадавшим, и большое число добровольцев отправилось в район бедствия, чтобы принять участие в спасательных работах. Вскоре после этого разлилась река Пунпун, и ее воды обрушились на город Патну. Было решено поспешить на помощь пострадавшим; в Калькутте был организован сбор средств, и я поехал в Патну вместе с небольшой группой добровольцев.

При содействии Студенческой конференции Бихара, имевшей отделение в Патне, был создан добровольческий отряд. Обездоленным людям, оказавшимся в крайне тяжелом положении, были доставлены продукты и одежда. Во многих деревнях вода ворвалась в дома; подмокшее зерно начало гнить, распространяя отвратительный запах плесени. Утром мы выезжали в лодках и раздавали пострадавшим пищу и одежду, а к вечеру

возвращались на ближайшую железнодорожную станцию и спали на платформе. Эта работа продолжалась много дней, и не одну ночь я провел на перроне. Как-то раз я проснулся и почувствовал, что кто-то осторожно массирует меня, чтобы помочь прогнать усталость. Открыв глаза, я увидел, что это был мой друг Шамбху Саран. Хотя он и сам работал весь день и, должно быть, тоже устал, но по свойственной ему доброте заботился обо мне.

Так было положено начало, хотя и скромное, бихарской «*Сева самити*». По возвращении в Патну наша добровольческая организация превратилась в постоянную. Ее непосредственной целью было оказание помощи паломникам, стекавшимся на Сонеपुरскую ярмарку. Особенно интересовался деятельностью «Самити» мой брат. Каждый год он добровольно посещал ярмарку и в течение многих лет, до самой своей смерти, был председателем «Самити».

Когда мы, бихарские юристы, переселились в Патну, мы основали с помощью некоторых друзей фонд помощи нуждающимся студентам. Вначале фонд был организован под эгидой Студенческой конференции Бихара, а затем я взял управление им в свои руки.

В марте 1916 года начал функционировать Высший суд Патны. Все адвокаты-бихарцы и многие наши бенгальские коллеги, которые обычно вели дела бихарцев, переселились в Патну. Вместе с ними обосновался там я. Из-за наплыва переселенцев в Патне возник жилищный кризис. Мне, однако, удалось снять квартиру, и я занялся адвокатской практикой. Мне неплохо жилось и в Калькутте, а на новом месте дела пошли еще лучше. Я работал с душой. Но все это оказалось недолговечным.

Вскоре после моего приезда в Патну в Имперский совет в Дели был внесен законопроект об открытии в Патне университета. Законопроект нам не понравился, и мы начали кампанию против него. Еще до этого комитет, созданный для выработки предложений об открытии университета в Патне, предложил разместить его в Пулвари Шарифе и ассигновать на помещение и другие нужды около 10 миллионов рупий. Я был тогда в Калькутте и высказался против этого предложения, а став председателем Студенческой конференции Бихара, осудил его в самой резкой форме. Мы указывали, что, так как университет будет расположен далеко от города, студентам придется поселиться в гостиницах, и из-за больших расходов юношам из бедных семей трудно будет получить образование. Кроме того, это ограничило бы их свободу. Простой народ безоговорочно поддержал нашу кампанию, и предложение комитета фактически отпало, но и в новом законопроекте были моменты, вызывавшие

возражения. Одно из них было связано с образованием сената и синдиката университета. Предложение фактически исключало возможность участия в этих органах подлинных представителей народа, и оба они были бы укомплектованы правительственными чиновниками и управлялись бы ими. Имея перед собой пример Калькуттского университета, мы решительно возражали против этого положения законопроекта. Проректорами Калькуттского университета были выдающиеся люди, отважно борющиеся за распространение образования. Вдохновляющий пример показывал в этом отношении сэр Ашутос Мукерджи. Но и ему мало что удалось бы сделать, если бы не солидная поддержка со стороны сената и синдиката университета. Прежде всего мы не смогли бы заручиться услугами человека такого масштаба, как сэр Ашутос Мукерджи, на посту проректора, но даже если бы это удалось, ему было бы очень трудно проводить свою политику наперекор враждебно настроенным сенату и синдикату университета. Поэтому мы настаивали на необходимости ввести в состав руководства представителей народа.

Кампания ширилась. Во всех районах проводились публичные митинги и принимались резолюции, осуждавшие законопроект. Организаторами кампании были Байдьянатх Нараян Синха и я: мы написали несколько статей в газеты, выпускали брошюры и выступали на митингах. Мы известили членов законодательных собраний других провинций о своих жалобах и о силе народного мнения в Бихаре, и они также поддержали наше требование. Поддержку нашему делу оказали и все националистические газеты страны. Мы созвали чрезвычайную *Политическую конференцию провинции Бихар* под председательством Пурненду Нараяна Синха, который выступил с резкой критикой законопроекта, требуя исключить из него упомянутые положения. Конференция единодушно приняла резолюцию, в которой был выражен решительный протест против законопроекта об открытии университета.

Наконец, на сессии Конгресса в Лакхнау в декабре 1916 года собралось много бихарцев. Хотя законопроект имел провинциальное значение, а Конгресс, как правило, обсуждал только вопросы, представлявшие общенациональный интерес, я обратился к Сурендранатху Банерджи, Паранджапу и другим руководителям, и мне удалось добиться, чтобы в повестку сессии была включена резолюция о законопроекте. Внесенная Паранджапом, она была единодушно принята.

Когда Имперский совет приступил к обсуждению законопроекта, столь решительная оппозиция возымела свое действие. Сэр Санкаран Наир, внесший законопроект, посоветовался с членами Совета от Бихара и включил некоторые поправки во

изменение положений, послуживших объектом критики. Представитель Бихара Мазхарул Хак поддерживал постоянную связь с нами. В конечном счете законопроект, измененный в соответствии с нашими требованиями, был принят Советом. Когда университет открылся, губернатор назначил меня членом сената университета.

Это был первый случай, что я открыто выступил против правительства и успешно организовал массовую агитацию. С тех пор я начал принимать активное участие в деятельности Конгресса. Хотя я с 1911 года входил во Всеиндийский комитет Конгресса, однако в бытность свою в Калькутте вряд ли сделал что-либо, достойное упоминания. Но когда я переехал в Патну, бихарцы стали ожидать от меня многого, и я считал, что не имею права подводить их.

Вскоре после этого я стал помощником секретаря Бихарского провинциального комитета Конгресса и оставался на этом посту в течение нескольких лет. Когда же началась кампания гражданского неповиновения и многие бывшие члены Конгресса покинули организацию, я стал секретарем Бихарского провинциального комитета Конгресса.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ГАНДИДЖИ

Сессия Конгресса, происходившая в Лакхнау в 1916 году, была весьма представительной. Она ознаменовалась объединением двух противоборствующих групп и вступлением в ряды Конгресса прибывшего на нее Мохандаса Карамчанда Ганди — деятеля, которому вскоре было суждено сыграть столь видную роль в политической жизни страны. Со времени сессии 1907 года Конгресс был расколот на два лагеря. Левые вышли из этой организации, тем самым серьезно снизив ее популярность. Число участников ежегодных сессий сокращалось. Сессия, проходившая в 1912 году в Патне, была самой малочисленной. Но в Индии среди ее патриотов все шире распространялось мнение, что двум соперничающим группам необходимо сблизиться, чтобы превратить Конгресс в серьезную силу. Наконец в 1916 году их усилия увенчались успехом. На сессии присутствовали лидеры обеих групп — Локаманья Тилак, его левые сторонники и умеренные, а также Анни Безант. Махатма Гандиджи, герой движения *сатьяграха*, которое успешно развилось в Южной Африке, возвратившийся в Индию в 1915 году и совершавший поездки по стране, впервые присутствовал на сессии, но не принимал активного участия в ее работе. Казалось, что он просто изучает обстановку.

Делегация от Бихара была многочисленной. Среди ее членов наряду со многими другими были Бадж Кишор Прасад, Радж Кумар Шукла, крестьянин из Чампарана, и я. Радж Кумар был жертвой грабительских действий белых плантаторов, занимавшихся возделыванием индиго, и приехал, чтобы защищать на сессии Конгресса интересы бедствующего населения Чампарана. Я был знаком с ним, так как он всегда приходил ко мне, когда очередной конфликт, возникавший между плантатором и его арендатором, становился предметом разбирательства в Верховном суде Индии, где я обычно безвозмездно защищал интересы арендаторов.

Брадж Кишор Прасад, хорошо знакомый с обстановкой в Чампаране, знал этих людей гораздо лучше и не жалея сил помогал им. Будучи председателем Конференции провинции Бихар, он осуждал действия владельцев плантаций индиго. Как член Законодательного собрания он часто пытался поставить этот вопрос в Собрании. Используя все конституционные средства, он стремился привлечь внимание общественности к страданиям населения Чампарана и в делах, возбуждаемых против плантаторов, неизменно помогал арендаторам.

Делегаты от Бихара приехали на сессию в Лакхнау с двойной целью: они хотели, чтобы Конгресс принял две резолюции — одну по законопроекту об университете в Патне и вторую по вопросу о владельцах плантаций индиго в Чампаране. Брадж Кишор Прасад, Радж Кумар и другие делегаты из Бихара знали о репутации, которой пользовался Махатма Гандиджи, и о его успешной деятельности в Южной Африке и поэтому хотели заручиться его поддержкой. Некоторые из них уже встречались с ним и поведали ему о горькой доле крестьян Чампарана. Гандиджи со всем вниманием выслушал то, что ему рассказали, но когда делегаты попросили его поддержать резолюцию по этому вопросу, он отказался, заявив, что, прежде чем сможет сделать что-либо подобное, он должен сначала побывать в районе, о котором идет речь, и изучить обстановку на месте. Было условлено, что Гандиджи побывает в Чампаране и соберет факты. Однако Брадж Кишор Прасад на открытии сессии Конгресса внес резолюцию, а Радж Кумар, типичный крестьянин, едва владевший языком хинди, также выступил на сессии в защиту этой резолюции. Это был, пожалуй, первый случай, когда простой крестьянин высказывался с трибуны сессии Конгресса по поводу резолюции. Когда делегаты из Бихара во главе с Брадж Кишор Прасадом отправились к Гандиджи, меня с ними не было. О их визите я узнал позднее. О Гандиджи мне было известно немного: я лишь смутно знал о том, что он сделал какое-то большое и благородное дело в Южной Африке. Мне не было известно, что он является одним из крупных лидеров страны, но Радж Кумар Шукла инстинктивно верил в него, и именно он убедил Гандиджи поехать в Чампаран. Резолюция о владельцах плантаций индиго в Чампаране была принята большинством в один голос.

Несколько позднее Гандиджи приехал в Калькутту и обратился с письмом к Радж Кумар Шукле, прося его о встрече — из Калькутты они могли бы вместе выехать в Чампаран. Доставка письма задержалась, и Гандиджи выехал из Калькутты еще до того, как Радж Кумар получил его. Однако Радж Кумар ответил Гандиджи, сообщившему ему о своем приезде в Каль-

кутту на заседание Всеиндийского комитета Конгресса, и просил о встрече с ним там. Когда я участвовал в заседании комитета, я ничего об этом не знал. Я сидел рядом с Гандиджи, но ни разу не попытался заговорить с ним, ибо я по характеру робкий и застенчивый человек. Я помню, что ВИКК, в особенности его председатель, настойчиво просили Гандиджи согласиться занять пост секретаря, но он категорически отказался. Я считал, что если с просьбой обращается такое большое число людей, то отказываться не подобает, но промолчал.

Когда заседание ВИКК закончилось, Гандиджи встретился с Радж Кумар Шуклой, ожидавшим его на улице, и оба они в тот же вечер выехали в Патну. Я же задержался на заседании и не мог встретиться с Радж Кумаром. Поэтому мне ничего не было известно о его планах, и о поездке Гандиджи по провинции Бихар я узнал гораздо позже. Гандиджи также не знал тогда, что я живу в Бихаре и что Радж Кумар Шукла везет его в мой дом в Патне. Заседание комитета проходило в дни пасхи, и, так как праздник еще не кончился, я поехал в Джаганнатх Пури.

Радж Кумар привез Гандиджи ко мне. Дома был только мой слуга. Приняв Гандиджи за одного из моих клиентов-крестьян, он поместил его во флигеле и не оказал ему никакого внимания. Тем временем о приезде гостя узнал Мазхарул Хак и спешно отправился в мой дом, чтобы пригласить Гандиджи к себе. Вечером Гандиджи выехал в Музаффарпур и остановился у Ачария Крипалани. Там он разработал план своей поездки по Чампарану. Гандиджи послал телеграмму Бадж Кишор Прасаду в Дарбхангу, где последний занимался практикой, с просьбой сопровождать его в поездке. Дело в том, что Гандиджи не понимал чампаранского диалекта и поэтому хотел иметь переводчика. Гандиджи полагал, что сможет собрать все необходимые сведения в течение двух дней. Такого же мнения придерживался и Радж Кумар. Но Бадж Кишор Прасад не мог удовлетворить просьбу Гандиджи, так как должен был выехать по срочному делу в Калькутту, но он позаботился о том, чтобы Гандиджи сопровождали два адвоката. Сам он предполагал, что выедет в Чампаран прямо из Калькутты и, если будет необходимо, захватит с собой меня.

Итак, в сопровождении двух адвокатов, Дхаранидхара и Рамнауми, Гандиджи выехал в Мотихари — центр Чампаранского округа. Он уже было собрался отправиться в глубь округа, когда к нему явился вполне добропорядочный крестьянин, дом которого был разграблен несколькими днями ранее по наущению плантатора. Крестьянин заявил, что следы грабежа еще сохранились и их может видеть всякий. Поэтому Гандиджи ре-

шил сначала поехать в эту деревню. Когда Гандиджи уже находился в пути, коллектор, узнавший, по-видимому, о его планах, вручил ему предписание покинуть пределы округа. Гандиджи отказался и был готов к возможным осложнениям. В тот же день он узнал, что его привлекают к суду. Я только что вернулся в Патну и получил пространную телеграмму от Гандиджи, в которой он информировал меня о том, какой оборот приняли события, и просил приехать в Мотихари. Это был мой первый контакт с Гандиджи.

Я в свою очередь телеграфировал Бадж Кишор Прасаду, который тут же приехал в Патну. На следующий день утром я в сопровождении Бадж Кишор Прасада, Ануграх Нараян Синхи и Шамбу Саран Варны выехал в Мотихари и во второй половине дня был уже на месте. Там мы застали Мазхарул Хака и Г. С. Полака, находившегося тогда в Индии.

Мы отправились к Горакх Прасаду, у которого остановился Гандиджи. Когда нас представили Гандиджи, одетому в простое платье, он улыбнулся и сказал мне:

— Итак, вы приехали. Вы знаете, что я побывал в вашем доме?

Я уже слышал кое-что об этом и испытывал смущение из-за поведения своего слуги. Но Гандиджи, по-видимому, не замечая этого, рассказал нам вкратце о том, что произошло в суде. К тому времени дело Гандиджи уже было передано на рассмотрение суда, но в день нашего приезда отложено на некоторое время для подготовки решения.

Гандиджи отправил нас к своим переводчикам Дхаранидхару и Рамнауми, от которых мы должны были узнать дальнейшие подробности, а сам остался беседовать с Полаком. Оба адвоката рассказали нам, что предыдущей ночью Гандиджи спросил их, какие шаги они предпримут, если он будет заключен в тюрьму. Не понимая, возможно, на что он намекает, Дхаранидхар, старший из двух адвокатов, легкомысленно ответил, что они вернутся домой, так как им как переводчикам нечего будет здесь больше делать. Гандиджи спросил:

— Как пойдет дальше расследование? Не прекратят ли его?

Это заставило адвокатов задуматься. Затем Дхаранидхар сказал, что продолжит расследование, но если ему будут мешать, то он, не имея желания попасть в тюрьму, возвратится домой и пошлет других адвокатов, которые продолжают дело. Если же коллектор будет чинить им препятствия, они уедут и для продолжения расследования будет послана новая группа адвокатов. Таким образом дело не пострадает. Гандиджи, казалось, был в известной степени удовлетворен, но не сказал ничего и стал составлять проект писем вице-королю, руководителям дви-

жения, а также проект своего заявления в суд. На это ушла добрая половина ночи.

Пока Гандиджи занимался этим делом, оба адвоката не знали покоя, всю ночь обдумывая создавшееся положение. Им казалось странным, что в то время как совершенно посторонний человек готов был пойти на любой риск и даже подвергнуться тюремному заключению, лишь бы помочь бедным чампаранским крестьянам, которых он раньше никогда не видел, те, кто проживали в этом районе и говорили о своей заинтересованности в благополучии бедствующих, ничего не делали. Им не давала покоя мысль, что, когда они вернутся домой, все бремя падет тогда на плечи этого героя из Южной Африки. В то же время они думали и о своих семьях: что станет с ними, если они сами окажутся в тюрьме? Но у этого пришельца тоже наверняка была семья. Думал ли он о ней? Никто из нас никогда не допускал мысли подвергнуть себя риску тюремного заключения. Тюрьма была страшным местом, и оградить себя от нее люди могли лишь на время ценой больших усилий. Мучимые боязнью попасть в тюрьму и угрызениями совести, что покидают неизвестного человека, появившегося неожиданно-негаданно, чтобы помочь населению Чампарана, адвокаты всю ночь не смыкали глаз, но так и не нашли в себе сил принять решение о дальнейших действиях.

Утром, когда Гандиджи стал собираться в суд, оба адвоката уже не могли более сдержаться и разразились слезами. Они заявили ему, что, если он будет заключен в тюрьму, они тоже в случае необходимости последуют за ним. Гандиджи был вне себя от радости и сказал:

— Теперь победа будет за нами!

Когда мы узнали об этом волнующем заявлении адвокатов, мы подумали, что нам нужно последовать их примеру. При первой встрече Гандиджи не произвел на меня особого впечатления. Хотя мне было известно кое-что о чампаранском деле, я направился туда главным образом потому, что хотел пойти навстречу пожеланию Брэдж Кишор Прасада, считавшего, что мне следует братья за любое дело, в котором требуется моя помощь. Я совершенно не подозревал, что, прибыв туда, мы подвергнемся опасности быть посаженными в тюрьму. Но чем больше мы об этом думали, тем тверже становилась наша решимость идти на риск тюремного заключения. Мы объявили о своем решении Гандиджи. Он просиял от радости, взял кусок бумаги и начал записывать фамилии всех добровольцев. Он разбил нас на группы, поставив во главе каждой руководителя. Каждая из этих групп должна была быть готова в случае необходимости пойти на риск отправиться в тюрьму, а следующая в

порядке, установленном Гандиджи, продолжит обследование. Первой группой должен был руководить Мазхарул Хак, второй — Бадж Кишор Прасад, третьей — я. Таким образом, спустя несколько часов после прибытия в Мотихари в нашей жизни, казалось, произошла перемена: мы были готовы встретить опасность тюремного заключения.

Так как решение по делу Гандиджи ожидалось через три-четыре дня, мы решили, что должны разъехаться по-одному по домам, закончить наши незавершенные дела и возвратиться, будучи готовы к любым событиям. Мазхарул Хак и Бадж Кишор Прасад выехали первыми. Я должен был выехать после того, как вернутся они. Тем временем проводимое нами расследование возобновилось.

Я подробно писал о чампаранском деле в своей книге «Махатма Гандиджи в Чампаране», написанной мною на хинди вскоре после успешного завершения кампании. В следующей главе я лишь кратко изложу этот вопрос. В своей книге «Моя жизнь» * Гандиджи говорит, что он был доволен нашим ответом. С этого дня он полюбил Бихар, и мы стали его доверенными людьми.

Как я сказал, моя первая встреча с Гандиджи не произвела на меня особого впечатления. Но с течением времени я не только сильно полюбил его, но и проникся огромным доверием к методам его работы. К тому времени, когда закончилась кампания, все мы стали его горячими приверженцами и ревностными сторонниками его метода.

---

* Мохандас Карамчанд Ганди, Моя жизнь, Издательство восточной литературы, М., 1959.

*

ЧАМПАРАН

Многочисленная группа англичан, поселившаяся в Чампаране более сотни лет назад, занималась там выращиванием индиго. Всюду в этом округе, где только можно было возделывать индиго, англичане построили фабрики. Значительная часть годной для обработки земли принадлежала им, и они сами вели на ней хозяйство.

Большую часть округа занимало поместье раджи Беттиа. Белые плантаторы взяли на себя сбор платежей для раджи с крестьян большинства деревень, расположенных на территории поместья, и эти деревни постепенно попали под их власть. Когда раджа, оказавшись в тяжелом финансовом положении, получил с помощью белых плантаторов заем в Англии, он заложил у них большинство своих деревень. Во многих деревнях англичане приобрели так называемое право *мокарри*, которое позволяло им взыскивать с деревень деньги в любых размерах по их усмотрению, в то время как сами они вносили в кассу поместья лишь строго фиксированные суммы. Таким образом плантаторы стали фактическими владельцами деревень и пользовались правами собственников при условии внесения платежей, размер которых был установлен раз навсегда и не мог быть увеличен. Это означало, что если доход, получаемый с деревень, увеличивался, он целиком поступал к плантатору, а раджа получал лишь строго определенную, неизменную сумму. В тех деревнях, где плантаторы не имели права *мокарри*, они могли получать доходы с крестьян, уплачивая радже в течение ограниченного срока, составлявшего несколько лет, установленную ренту. Как только этот срок истекал, любые суммы, на которые возрастали доходы, должны были поступать в распоряжение раджи, причем последний имел право соглашаться или не соглашаться на возобновление аренды. При этом если раджа решал предоставить аренду на новый срок, он мог установить новые условия, определяющие размеры ежегодных пла-

тежей помещью и срок аренды. Однако раджа редко увеличивал сумму платежей плантаторов и редко отказывался возобновлять аренду, но юридически такое право существовало.

Плантаторы начали заставлять крестьян-арендаторов возделывать для них индиго. Они утверждали, что имеют право заставить любого земледельца выращивать индиго на одной четвертой или на трех двадцатых его участка. Эта система была известна как *панчкагия*, или *тинкагия*. Беспомощному крестьянину приходилось отводить под индиго лучшую часть земли. Земледельцы, у которых хватало смелости ослушаться плантаторов, подвергались преследованиям и становились жертвами всякого рода зверств: их дома подвергались разграблению, посеы уничтожались, на их земли выгоняли скот, а их самих привлекали к суду по ложным обвинениям и заставляли платить штраф; наиболее неподатливых избивали. Таким образом даже самые упрямые из крестьян оказывались под сапогом жестоких плантаторов, и тинкагия стала господствующей системой.

Обрабатывать землю под индиго приходилось в первую очередь, причем под эту культуру отводились лучшие участки. Крестьяне должны были собрать урожай индиго и доставить его на фабрику. За это они получали в качестве вознаграждения жалкую подачку, которой было далеко не достаточно, чтобы покрыть даже фактические затраты. Обязательства должны были выполняться беспрекословно: правительственные чиновники всегда были готовы привести в чувство строптивного крестьянина. Если какой-либо чиновник осмеливался справедливо обращаться с крестьянами, плантаторы либо добивались перевода его в другое место, либо того, что он начинал вести себя так, как им угодно. Некоторые честные чиновники сообщали правительству о зверствах плантаторов и о системе тинкагия, но все оставалось по-прежнему. Иногда доведенные до отчаяния крестьяне восставали и убивали одного-двух плантаторов. Но они не могли тягаться с организованной силой плантаторов, с могуществом государства, поддерживавшего их, и бунты всегда подавлялись. Целые деревни подвергались разграблению. Полицейские и судебные чиновники учиняли массовые расправы. Таким образом каждый небольшой бунт лишь заставлял бедных земледельцев почувствовать свою крайнюю беспомощность, и они превращались в послушных рабов.

Для того чтобы юридически оформить свои действия, плантаторам удалось, пользуясь своим влиянием на правительство, добиться изменения в свою пользу закона об аренде, что позволило им на «законных основаниях» заставлять земледельцев отводить часть своей земли под индиго. Исключений из этого

условия можно было добиться, лишь согласившись на уплату повышенного поземельного сбора сверх установленного законом. Обычно плантаторы не имели права увеличивать ренту более чем на 12,5 процента или повышать ее на длительный срок после того, как она уже была повышена. В результате изменений, внесенных в закон, плантаторы были освобождены от этих ограничений.

Вскоре махараджа Беттия умер. Овдовевшая *махарани* была объявлена помещанной, и поместье перешло в ведение попечительского совета. Управляющим поместьем был назначен один из плантаторов. Таким образом в течение двадцати лет плантаторы были полновластными хозяевами деревень в Беттия. Но когда в Чампаран приехал Гандиджи, поместьем управлял уже чиновник индийской государственной службы, и впоследствии оно уже никогда не переходило в руки плантатора.

Тем временем в Германии были изобретены синтетические красители, более дешевые, чем те, которые получают из индиго. Цена на индиго резко снизилась, и прибыли плантаторов уменьшились. Чтобы сохранить свои доходы, плантаторы стали оказывать давление на бедных земледельцев. С этой целью они прибегли к той статье закона об аренде, которая позволяла освобождать крестьян от обязательства выращивать индиго, если они соглашались выплачивать повышенный сбор. Но крестьяне уже узнали о том, что возделывание индиго более невыгодно плантаторам и что во всяком случае им, крестьянам, придется отказаться от этой культуры. Поэтому у крестьян не было желания вести переговоры об освобождении от лежащих на них обязательств... Однако плантаторам ничто не могло помешать добиться своего. Они начали принудительно освобождать крестьян от обязательства возделывать индиго, причем на своих условиях. В деревнях, где действовало мокарри, крестьян принуждали подписывать соглашения о более высокой ренте. Там же, где мокарри не действовало и где более высокая рента поступала в распоряжение поместья Беттия, плантаторы получали большие суммы наличными. В тех случаях, когда арендатор был в состоянии платить наличными, плантаторы получали от него долговое обязательство. С помощью этих методов плантаторы собрали почти два с половиной миллиона рупий.

В районах, где земля была совсем непригодна для выращивания индиго, плантаторы прибегали к другим средствам вымогательства денег у земледельцев. Так, они собирали всякого рода налоги, давно отмененные или запрещенные законом: номинально закрепляли некоторые участки земли за земледельцем, освобождали его от обязательства выращивать индиго, увеличивая одновременно ренту, как будто он продолжал воз-

дельвать индиго и хотел освободиться от обязательства. В некоторых случаях земля, которая подобным образом якобы закреплялась за крестьянами, на самом деле не существовала и границы, упоминаемые в соглашении, были воображаемыми. По закону максимальным пределом увеличения ренты было две анны на рупию, но на вновь закрепленный участок земли можно было устанавливать любую ренту. Плантаторы надеялись, что в конце концов доходы от более высокой ренты на старую землю и на вновь закрепленную дополнительную землю, которая в некоторых случаях существовала только номинально, а иногда и вовсе не существовала, сольются в одно целое. Таким образом, независимо от того, проживали ли земледельцы в деревне, где действовало или не действовало мокарри, выращивали ли они индиго или нет — все они должны были платить повышенную ренту или вносить деньги наличными. Все это делалось при полном попустительстве правительства и даже при его активном содействии. Правительство назначало специальных чиновников, регистрировавших соглашения о повышении арендной платы, так как по закону случаи увеличения ренты подлежали регистрации.

В это время в Европе началась война, и импорт красителей из-за границы прекратился. Индиго снова стало выгодной культурой. Невзирая на то, что плантаторы добились освобождения крестьян от обязательства выращивать индиго, они снова начали принуждать их возделывать эту культуру, и в значительной степени им это удалось. В это время правительство издало распоряжение о землеустроительных работах в Чампаранском округе. При рассмотрении вопросов о землеустройстве крестьяне жаловались, что их принуждали подписывать соглашения об увеличении ренты, но их жалобы отклонялись чиновником по землеустройству. Это вызвало сильное возмущение крестьян. Обычно правительство отказывалось выслушивать их, но теперь, когда плантаторы помогали военным усилиям, шансов на то, что правительство выступит поборником справедливости, стало еще меньше. Крестьяне были доведены до отчаяния. Когда землеустроительные работы близились к концу, в Чампаран прибыл Махатма Ганди.

Когда Радж Кумар Шукла рассказал о жестокостях в Чампаране Гандиджи, то последний едва поверил в это и именно потому пожелал лично познакомиться с положением дел. Когда Гандиджи приехал в Чампаран, среди крестьян уже началось брожение, — постепенно они начали пробуждаться. Раньше крестьяне даже боялись обращаться в суд и требовать удовлетворения за причиненные обиды, так как, если бы они это сделали, агенты плантаторов просто силой выдворили бы их из

зала суда и избили. Но теперь, когда крестьяне узнали о прибытии Гандиджи, многие из них пришли повидаться с ним в Музаффарпуре и поведали ему о своих горестях и страданиях.

Однако секретарь Ассоциации плантаторов и комиссар Тирхутской области не советовали Гандиджи ехать в Чампаран. Они заявляли, что правительство само занимается делами этого округа, что оно начало проводить землеустроительные работы и ждет доклада об их проведении. Учитывая это, а также имея в виду военное время, говорили они, Гандиджи не следует будоражить сельское население. Некоторые индийцы также придерживались этого мнения и советовали Гандиджи отказаться от своего намерения, принимая во внимание сложное положение, вызванное войной и опасностью возникновения бунтов и беспорядков. Но это лишь укрепило его решимость выполнить свою миссию.

Случилось просто чудо: крестьяне сразу избавились от страха, как только к ним приехал Гандиджи. Его приезд как-то убедил этих простодушных людей, что наконец-то явился их спаситель и мучениям скоро придет конец. Когда Гандиджи был арестован за отказ повиноваться приказу о выезде и дело было передано в суд Мотихари, там собрались тысячи крестьян. Толпа была столь многочисленной, что натиска ее не выдержали двери судебного зала. Гандиджи сделал в суде заявление, и вынесение приговора было отложено. Несколькими днями позже он был оправдан, и ему было разрешено свободно передвигаться и продолжать свои расследования. В глазах крестьян Гандиджи стал героем, и они тысячами устремлялись к нему со своими жалобами. Мы начали записывать эти жалобы. Гандиджи просил нас как юристов соблюдать осторожность и при записи жалоб прибегать к перекрестному допросу, чтобы обеспечить достоверность того, что записывалось. Так наша титаническая работа двигалась вперед.

В это время для встречи с Махатмой прибыл С. Ф. Эндрюс. Я до сих пор помню, как он приехал в экке (своеобразный экипаж). Раньше он не ездил в этой неудобной повозке и поэтому натер себе ноги, так как они постоянно касались колес. Европейец, одетый в необычное платье, приехавший в экке и свободно общавшийся с индийцами,— все это было для нас редким зрелищем. Мы слышали о том, что Эндрюс был влиятельным человеком, часто путешествовавшим по свету (чтобы служить людям), и имел даже доступ к вице-королю. Его простота и искренность тронули меня при первой же встрече, и я никогда не переставал восхищаться им. Наши отношения становились все более тесными и продолжались до самой его смерти.

Эндрюс был приглашен на острова Фиджи и должен был выехать туда после встречи с Гандиджи. Мы ждали решения суда по делу Гандиджи и считали, что, если нас присудят к тюремному заключению, присутствие такого опытного человека, как Эндрюс, будет очень полезным. Поэтому мы спросили Эндрюса, не отложит ли он свою поездку на Фиджи и не останется ли у нас на некоторое время. Он был готов это сделать, но нам надо было получить согласие Гандиджи. Мы переговорили с последним, настойчиво прося его дать свое согласие.

Но Гандиджи сразу догадался, что нас мучило. Он сказал: — Чем больше вы просите преподобного Эндрюса остаться, тем сильнее я убеждаюсь в том, что ему немедленно следует отправиться со своей миссией на Фиджи. Вы боитесь правительства и плантаторов-европейцев. Вы воображаете, что если среди вас есть англичанин, он будет для вас серьезной опорой. Вот почему вы хотите, чтобы он остался. Я хочу, чтобы вы избавились от ваших страхов перед англичанами и отказались от своего заблуждения, что они чем-то отличаются от вас. Вы должны верить в самих себя. Да, преподобный Эндрюс должен выехать завтра же.

Затем Гандиджи рассказал Эндрюсу, как важна его работа на Фиджи и что ему не следует откладывать своего отъезда. Эндрюс согласился. Мы все поняли, как прав был Ганди и как точно он угадал наши мысли.

На следующий день, перед отъездом, Эндрюс встретился с начальником округа, который сообщил ему о решении правительства прекратить дело против Гандиджи, о чем через день-два будет отдано распоряжение. Эндрюс немедленно пришел к нам, чтобы сообщить эту добрую вест. Все мы были вне себя от радости, считая, что Гандиджи одержал свою первую победу в чампаранской борьбе.

Теперь началось серьезное изучение причин чампаранских жестокостей. Мы были разбиты на группы и записывали рассказы крестьян, поток которых не прекращался. Иногда мы ездили в Беттия. В конечном итоге одна наша группа сделала своим местопребыванием Беттия, а другая — Мотихари. Мы работали без передышки и сразу обращали внимание Гандиджи на все, что было необычного в рассказах крестьян, в противном случае направляли ему свои записи для прочтения. Работа продолжалась несколько дней, причем было записано около 22—25 тысяч жалоб крестьян. О нашей деятельности стали говорить во всем округе.

Иногда Гандиджи сам выезжал в ту или иную деревню или посылал одного из нас проверить какую-нибудь жалобу. У нас были строгие указания не выступать с речами перед народом.

Поэтому в те дни ни мы, ни Гандиджи не устраивали собраний и лекций. Когда по стране прокатилась волна движения за самоуправление, Гандиджи сказал нам, что, хотя мы являемся авангардом этого движения, во время обследований, проводимых в Чампаране, мы не должны принимать в нем участия.

По мере того как наше обследование продвигалось вперед, чиновники округа проявляли все большую первозность. Им казалось, что не только плантаторы, но и они тоже теряют свою власть над населением, и они боялись, что господству англичан в Чампаране придет конец. Люди начали смотреть на Гандиджи как на высшего судью в стране, к которому можно было обратиться даже с жалобой на начальника округа. Потеряв уверенность в своем будущем, чиновники отправили доклад правительству провинции в Патну. Гандиджи было передано приглашение встретиться с одним из членов правительства, и он поехал в Патну и вручил представителю правительства предварительный доклад о своих обследованиях. Этот представитель — член правительства — передал доклад на рассмотрение Исполнительного совета при губернаторе.

Тем временем мы продолжали вести записи жалоб. Приходили к нам и плантаторы. Вместе с Гандиджи, принимавшим их приглашения, они выезжали на плантации, чтобы на месте разъяснить ему свою точку зрения и дать возможность самому ознакомиться с положением дел. Мы начали понимать, что служить народу — значит не только устраивать совещания, произносить речи и принимать резолюции. Простое записывание жалоб крестьян и установление с ними контакта дало нам возможность глубоко изучить их нужды и чаяния. Эта работа позволила избавиться от страха не только крестьянам, но и нам — мы стали бесстрашными. Методы Гандиджи были для нас новы. Мы узнали о фактах, о существовании которых никогда и не предполагали. Мы теперь считали, что действительно помогаем народу и что наша работа будет наверняка иметь далеко идущие последствия.

За нами следила полиция. Она записывала фамилии и адреса тех, кто приходил к нам. Даже лица, находившиеся на службе у плантаторов, смешивались с толпой и представляли своим хозяевам доносы на нас. Однажды, когда один из наших коллег записывал заявления группы крестьян, подошел младший инспектор полиции и уселся рядом с ним. Наш коллега пересел на другое место. Инспектор последовал за ним. Рассердившись, наш друг попросил полицейского офицера слушать и наблюдать, что ему заблагорассудится, отойдя на некоторое расстояние. Инспектор пожаловался Гандиджи, заявив:

— Нам приказано следить за происходящим. Мы не мешаем

вашим людям работать, но они не подпускают нас близко. У нас также есть обязанности, которые мы должны выполнять.

Гандиджи тут же вызвал нашего друга и спросил его, как он работает — один или вместе с другими. Тот ответил, что занят с несколькими крестьянами, излагающими ему свои жалобы. Гандиджи спросил:

— Делаете ли вы что-либо в тайне?

Наш коллега ответил отрицательно. Гандиджи поинтересовался, почему он пытался что-то скрывать от младшего инспектора. Наш коллега ответил, что не пытался ничего скрывать, но что слишком близкое соседство полицейского офицера ему мешает. Тогда Гандиджи сделал характерное замечание:

— Если вас не беспокоит множество крестьян, обступающих вас, почему же должно беспокоить присутствие еще одного человека? Почему бы вам не считать его также одним из райятов?

Это привело в смущение младшего инспектора, так как он пришел к Гандиджи порисоваться, а Гандиджи низвел его на уровень райята. Он ничего не сказал и ушел. После этого, если полицейский приходил и усаживался рядом с нами, мы не обращали на это внимания.

Однажды к Гандиджи пришел плантатор и похвалился, что в его поместье условия идеальные и что арендаторы у него всем довольны. Если Гандиджи пожелает, он может поехать туда вместе с ним и лично ознакомиться с положением дел. Гандиджи согласился и взял с собой меня. Когда мы шли в деревню, куда были приглашены, по пути нам встретилось несколько крестьян. Они рассказали, что сахиб (плантатор) велел многим крестьянам хвалить его нам. Гандиджи сказал, что если у людей имеются какие-либо жалобы, им нечего бояться встречи с плантатором для их обсуждения. Мы уже изучили заявления, сделанные населением этой округи, и Гандиджи был поэтому полностью осведомлен о том, каковы были условия в действительности.

У плантатора все, казалось, было готово для разыгрывания фарса. Собралось несколько сот человек. Приглашен был даже помощник коллектора. Вышедшие из толпы два или три крестьянина зачитали свои роли. Они заявили, что жалоб у них нет и что они всем довольны. Неожиданно из толпы раздалась возгласы:

— Они говорят неправду! Они лишь повторяют то, что им было велено говорить.

Гандиджи просил их помолчать, сказав, что им дадут слово. Таким образом, после того как работники плантатора закончили свое представление, Гандиджи вызвал тех, кто подавал реплики, и спросил их, что они хотят сказать. Крестьяне смело

вышли вперед и в точности повторили то, что заявили нам раньше. Один из них пошел дальше — пожаловался на коллектора и сказал, что плантаторы и коллекторы действуют заодно и что земледельцам нечего ждать от них справедливости. Обращаясь к коллектору, крестьянин рассказал о конкретном инциденте и задал коллектору вопрос. Вместо того, чтобы ответить на вопрос, коллектор немедленно встал и вышел. На этом собрание закончилось.

Так как задуманное представление не удалось, плантатору пришла в голову другая «блестящая» идея: на следующий день он поджег одно из своих *бунгало*, намереваясь обвинить в поджоге всех райятов. Но и эта затея провалилась.

Пожар устроили ночью. Плантатор в это время находился в соседней деревне, где ждал получения вестей о пожаре, после чего собирался с помощью полиции заняться грабежом деревень. Но человек, который должен был доставить ему эту весть, появился лишь на следующий день. Тем временем мы узнали о случившемся и уведомили правительство. Коллектор также послал от себя сообщение, в котором заявлял, что там полная анархия и дело дошло будто бы до того, что власти англичан пришел конец. Такие происшествия были нередки.

После получения этих донесений правительственная машина пришла в движение: губернатор Бихара послал за Гандиджи. В письме из Ранчи говорилось о том, что в результате приезда Гандиджи быстро распространяется анархия и беззаконие. Поэтому правительство хочет выдворить его из Чампарана, но прежде чем будут отданы какие-либо распоряжения, губернатор хотел бы встретиться с ним. Мы полагали, что Гандиджи может подвергнуться тюремному заключению или будет выслан из Бихара и что позже нам могут не разрешить вести нашу работу. Поэтому Гандиджи начал составлять планы на будущее. Он разбил нас на две группы: одна должна была вести свою работу из Беттия, а другая — из Мотихари. Он дал исчерпывающие указания, как нам следует действовать в случае ареста. Мы подготовили тысячи дубликатов имевшихся у нас документов и позаботились о надежном их хранении. Закончив разработку своих планов, Гандиджи выехал в Ранчи. Мы с нетерпением ожидали результатов его беседы. Я стоял во главе Комитета Конгресса в Беттия. Наконец я получил телеграмму с сообщением, что переговоры продолжаются. В конце концов мы услышали добрую весть: губернатор создал комиссию для расследования жалоб крестьян, причем Гандиджи попросили принять в ней участие.

Комиссия совершила поездку по округу, собрала показания правительственных чиновников, плантаторов и райятов и изу-

чила ходатайства заинтересованных сторон. В соответствии с пожеланием Гандиджи мы представили комиссии меморандум, составленный на основе имевшихся у нас письменных показаний. Хотя в комиссии наряду с правительственными чиновниками были представители плантаторов и помещиков, крестьян представлял только Гандиджи. Во время подготовки доклада Гандиджи и председатель комиссии сэр Фрэнк Слай выразили желание, чтобы доклад был согласованным. Еще в самом начале губернатор заявил, что единодушие обеспечит быстроту действий. После продолжительных переговоров комиссия представила согласованный доклад правительству.

Согласно рекомендациям комиссии, плантаторам предоставлялось право получать только три четверти повышенной земельной ренты, и они должны были возвращать одну четверть наличных, выкатых с крестьян. Правительство приняло рекомендации и провело закон, в силу которого обычай тинкатия объявлялся незаконным. Земельная рента снижалась, как и предлагалось. Поместье Беттия возвратило земледельцам 25 процентов сумм, уплаченных ими плантаторам наличными. Это было сделано после того, как деньги уже были взысканы с плантаторов. Между собой мы часто говорили, что как увеличение ренты, так и платежи наличными являются незаконными, что рента должна быть снижена до уровня, предшествовавшего ее увеличению, а все суммы, взысканные наличными, подлежат возвращению. Но этому немало мешали юридические препоны.

Многие плантаторы после получения наличных продали свою собственность, и от новых владельцев, естественно, нельзя было требовать выплаты сумм, которых они никогда не получали. Подобные же трудности мешали аннулированию повышенной ренты. По существующему закону только подачей гражданского иска можно было доказать, что земледelec согласился выплачивать повышенную ренту по принуждению. В действительности до приезда Гандиджи в Чампараи крестьяне одной деревни возбудили одиннадцать подобных исков против плантаторов. Они наняли известного адвоката. Рассмотрение исков сильно затянулось. В конце концов по пяти искам было принято решение в пользу райятов, а по шести — в пользу плантаторов. Некоторые решения были отмечены в судах второй инстанции. Дело обстояло просто: если бы каждый захотел получить удовлетворение по своей жалобе, обращаясь в суд, пришлось бы возбуждать тысячи дел, и их рассмотрение потребовало бы значительного времени и расходов. В силу этого Гандиджи счел целесообразным пойти на компромисс и поэтому согласился подписать доклад.

Предложения, сделанные комиссией крестьянам, далеко не удовлетворяли их требований. Но главное, чего удалось достичь в результате нашей кампании, продолжавшейся почти год, заключалось в следующем: господство плантаторов в Чампаране было подорвано. Их силы были слишком ослаблены, чтобы они могли продолжать тиранствовать, не говоря уже о том, чтобы позволить себе репрессии. Теперь прибыли они могли получать, лишь прибегая к принуждению, а, учитывая перемену в настроениях крестьян, сила стала бесполезным оружием. Крестьяне обрели мужество и стали сознавать свою мощь. Плантаторы быстро это поняли и в течение трех-четырех лет распродали свои земли и дома и выехали из Чампарана, захватив с собой что могли, а их земли перешли в руки земледельцев. На участках, где стояли бунгало плантаторов и где были разбиты красивые сады, теперь находятся помещения для скота, принадлежащего крестьянам. Из семидесяти или семидесяти пяти бунгало теперь осталось лишь несколько. Остатки этих бунгало напоминают теперь змей, у которых вырвано жало.

В Чампаране мы были свидетелями проводившейся Гандиджи сатьяграхи — движения, которое он позже организовал по всей стране. Эта кампания имела ограниченную задачу, и ею был охвачен небольшой район. Она проводилась в течение одного года и, несмотря на это, частично увенчалась успехом. Теперь (1943 год), когда я пишу эти строки, мне кажется, что для освобождения нашей страны нам не удалось тогда развить необходимой энергии и посвятить нашей деятельности достаточно времени. Но мы многому научились. Мы все работали дружно и в полном согласии, выполняя волю нашего вождя. Гандиджи научил нас действовать на общественном поприще по-новому. Хотя он хотел положить конец жестокостям плантаторов, у него не было неприязни к ним, не было и озлобления в отношении противника. У нас также не было ни чувства обиды, ни злобы. Борьба в Чампаране была прекрасной репетицией сатьяграхи. Результаты были достигнуты быстро и оказались вполне удовлетворительными, что объяснялось правильным проведением сатьяграхи. Я глубоко верю, что цель *свараджа* будет достигнута подобным же образом. Нам, возможно, придется пойти на большие уступки в форме компромисса, но в конце концов мы добьемся всего. К этому идет дело, хотя и существуют серьезные и веские причины, мешающие скорому достижению независимости: речь идет о сотнях миллионов людей, и задача огромна; твердой веры, одушевлявшей простых крестьян Чампарана, просто не существует, и для решения задачи не хватает преданных и самоотверженных работников; к тому же в стране не придерживались принципов ненасилия в

полном смысле этого слова. Однако то, что достигнуто за последние двадцать или двадцать пять лет, ни в коем случае не может быть сброшено со счета. Люди поймут и оценят чудодейственные методы Гандиджи, когда мы достигнем цели свараджа. Мы сами не были довольны компромиссом, заключенным Гандиджи с правительством и плантаторами, но когда через три-четыре года плантаторы исчезли, мы поняли, какое значение имела работа, проделанная Гандиджи, хотя сам он поддерживал хорошие отношения с плантаторами, часто приглашавшими его к себе домой. Некоторые из них не были хорошо к нему расположены, но нужно сказать, что в целом у них не было озлобления против него. Более того, по окончании работы комиссии Гандиджи решил открыть несколько школ для крестьян и просил плантаторов помочь. В различных частях района было открыто три школы.

В результате нашего общения с Гандиджи в нашей повседневной жизни произошла коренная перемена. Я, например, строго соблюдал кастовые правила и ограничения: никогда не ел пищи, к которой прикасался человек не браминской религии и которую обычно не употребляли люди моей касты. Гандиджи говорил нам, что, если будет продолжаться такой кулинарный сепаратизм, мы не сможем вести нашу общественную деятельность. Люди, имеющие одну и ту же цель, принадлежат к одной касте, говорил он. Против этого нечего было возразить, и я изменил свои привычки. То же самое сделали и другие. Хотя мы и принадлежали к различным кастам, но начали обедать в общей столовой. Наша жизнь также стала проще. Один за другим мы отказались от слуг — каждый оставил у себя только одного. Мы сами стирали свое белье, носили воду из колодца, мыли свою посуду и помогали повару; в близлежащие деревни всегда ходили пешком, в поездах пользовались третьим классом. Мы без колебаний отказались от удобств.

Мы имели возможность встречаться и знакомиться со многими общественными деятелями из различных частей страны, и эти контакты обогатили нас ценным опытом. Некоторые из этих деятелей по-прежнему отдают себя служению родине.

Наша победа в Чампаране оказала большое влияние на весь Бихар. В социальном и культурном отношении это была отсталая провинция, никакой общественной жизни там не было. В результате долголетней связи с Бенгалией она потеряла свое лицо. В Бенгалии было хорошо поставлено образование на английском языке, в то время как в Бихаре школ и колледжей было мало и дело просвещения развивалось очень медленно. Не удивительно, что трудно было найти бихарца, занимающего какую-либо должность в правительственных учреждениях, не

говоря уже о высоких постах. Именно плачевное положение дел в провинции вызвало движение за отделение Бихара от Бенгалии. Наиболее активными участниками этого движения были покойные Махеш Нараян и д-р Сачидананда Синха. В конце концов английское правительство удовлетворило требование, и в 1911 году на коронационном *дарбаре* в Дели король Георг V объявил об этом решении. Разделенная Бенгалия снова была объединена в одну провинцию. Из Бихара и Ориссы была образована еще одна провинция. Движение за отделение само по себе разбудило провинцию. Была создана Студенческая конференция Бихара, Политическая конференция провинции Бихар активизировала свою деятельность. Количество учащихся в школах и колледжах стало неуклонно расти, все большее число лиц стремилось получать высшее образование в Калькутте. После выделения Бихарской провинции в самостоятельную административную единицу она стала успешно развиваться во всех отношениях. Тем не менее до 1917 года там не существовало никакой серьезной общественной организации, которая вела бы систематическую работу.

Благодаря усилиям д-ра Синха Национальный конгресс создал в Бихаре свой комитет, признав его самостоятельность, но денег у комитета было мало и деятельность его носила ограниченный характер. Единственным источником дохода были пожертвования, собираемые среди делегатов ежегодных сессий Конгресса и членов Всеиндийского комитета Конгресса, а все расходы провинциального комитета Конгресса, включая членские взносы, уплачиваемые Всеиндийскому комитету Конгресса, покрывались из этого источника. Когда секретарь Конгресса Субха Рао приехал в Патну за получением членских взносов, некоторое количество денег было собрано среди видных граждан и передано ему. *Наваб* Сарфараз Хуссейн Кхан и я, занимавшие должности секретарей Бихарской организации Конгресса, брали на себя расходы по местному отделению. Речь шла о небольшой сумме, необходимой для покрытия почтовых расходов и приобретения канцелярских принадлежностей. Не было ни одного человека, которого можно было бы назвать профессиональным общественным деятелем. Члены Конгресса и лица, занимавшиеся другой общественной деятельностью, не оставляли своей основной профессии, уделяя общественной работе лишь некоторое время. Положение в других провинциях, хотя там насчитывалось несколько профессиональных общественных деятелей, целиком посвящавших себя общественной работе, было в основном таким же. Большинство из нас, примкнувших к Гандиджи в Чампаране, было адвокатами, и ни один, присоединяясь к нему, не думал бросать свою профессию. Но когда

мы начали работать в Чампаране, наша точка зрения изменилась: мы сочли невозможным, коль скоро вступили на общественное поприще, снова вернуться к своей профессии, не доведя до конца дело, за которое взялись. Таким образом, те, кто отправился в Чампаран с намерением провести там лишь несколько дней, остались на несколько месяцев. Закончив работу в Чампаране, мы вернулись домой с новыми идеями, с большим мужеством и с новой программой.

По провинции прокатилась волна энтузиазма. Признаки пробуждения наблюдались повсюду. Мы глубоко сознавали, что для того, чтобы общественная жизнь в Бихаре носила более действенный характер, некоторым из нас придется посвятить себя только ей и не заниматься ничем другим.

РЕФОРМЫ МОНТЭГЮ — ЧЕЛМСФОРДА

Первая мировая война вызвала в Индии большое сочувствие делу союзников. Индийские войска, а также деньги Индии существенно содействовали ведению войны, и английские государственные деятели в тяжкую годину отмечали помощь, оказанную Англии нашей страной. Военная пропаганда союзников, ратовавшая за демократию и самоопределение, тронула сердца индийцев, и они потребовали обещания, что после победы им также будет предоставлено право самим определить свою судьбу. Такого обещания не последовало. Поэтому Анни Безант и Локаманья Тилак начали как раз в то время, когда шла борьба в Чампаране, развертывать движение за самоуправление. Была основана Лига борьбы за самоуправление с отделениями по всей Индии. Это движение как никогда всколыхнуло всю страну. Английское правительство, испугавшись такого развития событий, интернировало Анни Безант и двух ее коллег. Но оно просчиталось: движение лишь усилилось.

Английское правительство поняло, что ему придется что-то предпринять, чтобы пресечь возбуждение. Нужно было принять, и притом быстро, какие-то действенные меры, которые удовлетворили бы народ и помешали волне пробуждения превратиться в неодолимый поток. Э. С. Монтэю, вновь назначенный министр по делам Индии, сделал в английском парламенте заявление, в котором обещал провести реформы. Блага самоуправления должны были предоставляться Индии путем постепенных демократических реформ. Монтэю заявил, что английский парламент будет конечной инстанцией, определяющей рамки самоуправления и сроки его введения в Индии. Монтэю посетил затем Индию и вместе с тогдашним вице-королем лордом Челмсфордом встретился с индийскими лидерами. Анни Безант была освобождена.

В период охватившего страну энтузиазма Анни Безант была избрана председателем Конгресса на его сессии, созванной

в 1917 году в Калькутте. В работе сессии приняли участие многочисленные делегации из Бихара и особенно из Чампарана. Я также поехал на сессию. Мы жили у Гандиджи, который остановился в доме, подготовленном для него Джамуналал Баджаджем. Там я впервые встретился с Джамуналаджи. Гандиджи не принимал активного участия в работе сессии.

Вскоре был опубликован доклад *Монтэю — Челмсфорда* о реформах в Индии, и по всей стране развернулось широкое его обсуждение. В Бихаре состоялся съезд Политической конференции провинции Бихар для рассмотрения доклада. Не будучи экстремистом, я в основном согласился со взглядами умеренных и поэтому высказал мнение, что мы не в состоянии оказать давление на английское правительство, чтобы добиться того, чего хотели, и что мы еще не достигли того уровня, когда могли бы взять на себя управление страной, если бы оно было передано нам преждевременно. Поэтому я заявил, что доклад носит объективный характер и что его следует проверить на практике, добавив, однако, что высказанная нами критика не должна создавать впечатления, что мы отклоняем предложения. Мои взгляды вызвали возражения, но в конечном итоге принятое Конференцией решение более или менее соответствовало занятой мною позиции.

Для рассмотрения доклада *Монтэю — Челмсфорда* Конгресс созвал чрезвычайную сессию в Бомбее под председательством Сейида Хасана Имама, известного адвоката Патны. Только благодаря его умелому руководству сессией удалось избежать прямого столкновения между экстремистами, возглавлявшимися Локаманьей Тилаком, и умеренными. Разногласия между обеими группами были слишком резкими, чтобы между ними могло продолжаться непрочное перемирие. В результате некоторые умеренные решили выйти из Конгресса и основать новую организацию либералов. Бомбейская сессия, охарактеризовав предложения *Монтэю — Челмсфорда* как «разочаровывающие и неудовлетворительные», решила одобрить реформы с некоторыми оговорками. Тремя месяцами позже Конгресс на своей годичной сессии утвердил решение Бомбейской сессии.

Я присутствовал на Бомбейской сессии, но участия в ее работе не принимал. Из-за серьезной болезни не мог присутствовать на ней и Гандиджи. По пути домой я заехал к нему. По моему мнению, он придерживался взглядов, полностью совпадавших со взглядами умеренных.

Во время пребывания Гандиджи в Чампаране крестьяне округа Кайра в Гуджарате начали кампанию против увеличения земельной ренты. Организовали кампанию Валлабхай

Патель, Шанкарлал Банкер и Анусуйя Сарабхан по указанию Гандиджи. Крестьяне отказывались платить ренту до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования. Закончив свою работу в Чампаране, Гандиджи вернулся в Гуджарат и, проведя несколько дней в *Сабармати-ашраме*, целиком отдался кампании в Кайре. Я был вместе с Гандиджи в Сабармати, сопровождал его во время поездки по Кайре и имел возможность встречаться с сардаром Пателем, позже очень тесно сблизившимся с Гандиджи и ставшим одним из его верных помощников. (В то время Гандиджи не носил обуви. Однажды, когда Гандиджи пришлось идти по нагретой апрельским солнцем песчаной почве, я заметил, как мучительно жгло ему ноги. Я хотел, чтобы он отдохнул на моем *чаддаре*, который собирался расстелить, но он не позволил мне этого сделать.) Гандиджи удалось заставить правительство отменить распоряжение об увеличении земельной ренты. Националистические силы могли поставить себе в заслугу две победы, одержанные ими в течение одного года, — в Чампаране и Кайре.

Во время пребывания в Чампаране Гандиджи рекомендовал Свами Сатьядеву заняться работой по распространению языка хинди на юге. Вместе с ним он направил своего младшего сына Дева Даса. Несколько позже конференция «Хинди сахитья самелана», проходившая в Индуре под председательством Гандиджи, решила заняться распространением хинди на юге. Вместе с другими бихарскими делегатами я остановился у Гандиджи в Индуре, а оттуда отправился вместе с ним в Сабармати-ашрам, организованный Гандиджи еще до поездки в Чампаран. Индурское решение и работа «*Хинди праچار*», проведенная впоследствии, принесли обильные плоды: сотни тысяч южных индийцев заинтересовались языком хинди и изучили его.

После кампании в Кайре Гандиджи, полностью поддерживавший дело союзников в мировой войне и выступавший за то, чтобы наша страна содействовала военным усилиям англичан людьми и деньгами, начал свою поездку по округу, убеждая население вступать в армию. Он признавал, что правительство совершило ошибки, может быть, даже допустило жестокости, но заявлял, что он верит в Англию и убежден, что она в конце концов будет справедлива к Индии. Поэтому он призывал население проявить инициативу и искренне помочь военным усилиям Англии. Я был настолько убежден в правильности его доводов, что тоже стал членом официальной комиссии по вербовке людей в армию в Бихаре. Но, несмотря на все усилия, которые мы прилагали, вербовка не давала больших результатов ни в Гуджарате, ни в Бихаре.

Гандиджи, как было ему свойственно, со всей серьезностью отдавался вербовочной кампании. Его постоянные поездки сказались на здоровье, и тяжелая болезнь помешала ему присутствовать на заседании Всеиндийского комитета Конгресса, проходившем в Бомбее.

Услышав о болезни Гандиджи в пути из Бомбея домой, я отправился в Ахмадабад, чтобы повидать его. Гандиджи жил в роскошном доме *шета* Амбалала Сарабхай. Состояние его было тяжелым. За ним ухаживали врачи, но он не хотел принимать никаких лекарств. Однажды, когда я пошел осматривать местные достопримечательности, у Гандиджи сильно поднялась температура, и он решил переехать в Сабармати-ашрам. Ашрам был организован совсем недавно. Там было построено всего несколько домов, но люди уже поселились там. В Сабармати Гандиджи не мог рассчитывать на удобства, которыми располагал в Ахмадабаде, и, учитывая состояние его здоровья, переезжать ему туда было опасно. Друзья Гандиджи всячески старались удержать его, но он был непреклонен и выехал в Сабармати. Возвратившись, я узнал об этом и в тот же день вечером тоже выехал в Сабармати.

На следующий день утром я сидел рядом с Гандиджи, лежавшим на *черпаи*. Температура у него снизилась, он был очень слаб. Он позвал Чхаганлала Ганди и стал беседовать с ним. Гандиджи казался возбужденным, разволновался и говорил долго. Возбуждение и напряжение вызвали повышение температуры. Я никогда не забуду одного случая. Вкратце он сказал следующее:

— В Ахмадабаде высокая температура отразилась на моем здоровье, но роскошная жизнь в этом похожем на дворец доме начала разлагать мой дух. Я сказал самому себе: «Ганди! Что у тебя общего с этим местом? Для тебя оно не подходит. Твое место — хижина бедняка в ашраме. Ты должен немедленно уехать отсюда». Поэтому я и настаивал на отъезде в Сабармати, ибо считал, что по приезде сюда смогу избавиться от высокой температуры. Возможно, вам не понравится мое упрямство, но я не могу поступить иначе.

Но и приехав сюда, я не мог спать, не смыкал глаз и не переставая думал. Я спрашивал себя, не проживу ли я свою жизнь напрасно. Со времени своего возвращения из Южной Африки я брался за разные дела, но ни одно из них не мог довести до конца. Все оставалось сделанным наполовину. Я заинтересовался забастовкой рабочих на текстильной фабрике, и мне удалось добиться некоторого успеха в удовлетворении их требований. Но рабочие по-прежнему страдают от многих несправедливостей; мне хотелось поработать среди них и устра-

нить несправедливости, а вместо этого пришлось выехать в Чампаран. Там мне удалось добиться некоторых уступок от владельцев плантаций индиго и облегчить положение земледельцев, но предстоит еще так много сделать, чтобы улучшить их жизнь! Я открыл несколько школ, но этого мало. Я намеревался вложить всю свою душу в работу в Чампаране и довести ее до конца с помощью способных и самоотверженных работников, которых мне посчастливилось собрать вокруг себя. Однако мне пришлось бросить эту работу и приехать в Кайру. В Кайре сатьяграха увенчалась полным успехом, тем не менее многое еще можно было сделать, работая среди народа, но и этим я не смог заняться, ибо принял участие в кампании по вербовке добровольцев.

Теперь я заболел и не знаю, оправлюсь ли когда-либо от этой болезни. Но даже если и поправлюсь, не знаю, как долго могу быть здоров. Все вы, работавшие со мной с самого моего возвращения из Южной Африки, тоже не можете посвятить себя полностью какой-либо работе из-за моей болезни. У вас здоровье тоже не очень крепкое. Этот ашрам я организовал с такой надеждой и упованием, но разве я отдал ему много времени? Нет, ведь даже церемония открытия этой обители была совершена мною с помощью телеграммы, посланной из Чампарана. Я не мог лично присутствовать на ней, и с тех пор по той или иной причине мне не довелось побывать в ашраме. А теперь я болен. Я не знаю, какова воля божья.

Говоря это, Гандиджи расплакался и плакал, как ребенок. Чхаганлал Ганди и я, единственные свидетели этой сцены, были слишком растроганы, чтобы утешать его. Спустя некоторое время Гандиджи успокоился. Он сказал, что слезы помогли ему освободиться от того ужасного напряжения, вследствие которого он лишился сна. Я все время думал о том, какое великое счастье выпало на мою долю — войти в контакт с таким поистине великим человеком!

ЗАКОН РОУЛЕТТА

Правительственные чиновники обычно хвалили военные усилия Индии, но они не были довольны добровольной помощью народа. Они попытались прибегнуть к методам вымогательства, что вызвало немалое недовольство их действиями. Особенно глубоко было обижено и даже охвачено недовольством население Пенджаба. Сэр Майкл О'Дайер, тогдашний губернатор провинции, не останавливался перед применением силы для вербовки рекрутов и добывания денег на войну, поэтому население Пенджаба было раздражено. Английскому правительству было известно об этом, как и о том, что такое же недовольство существует в других провинциях, но, казалось, это не беспокоило его, пока оно добивалось того, чего хотело. Некоторые индийцы, проживавшие за границей, например Шри Ауробиндо Гхош, Вир Саваркар и другие, думали воспользоваться войной в интересах Индии и старались подготовить вооруженное восстание в стране. Но их усилия оказались тщетными.

Тем временем индийские мусульмане были удручены тем, что индийские солдаты, в том числе мусульмане, посланы на войну с Турцией, которая являлась союзником Германии. Правительство пыталось успокоить их обещанием, что оно возьмет под защиту религиозные учреждения и святые места в Турции и воздержится от действий, которые могли бы нанести ущерб Турции или турецкому народу.

Несмотря на обещания, данные мусульманам и индийскому народу вообще, английская политика оставалась неизменной. *Закон об обороне Индии* — мера военного времени — мог оставаться в силе только в течение шести месяцев по окончании войны. Поэтому в случае отмены мер, принятых для обеспечения безопасности, правительству пришлось бы освободить всех лиц, интернированных без суда. Если бы недовольство народа приняло более широкие размеры, у правительства не было бы никаких средств эффективно и быстро справиться с ним. По мнению правительства, времена были не такие, чтобы во всех тонкостях соблюдать законы в политических судебных про-

цессах. Поэтому оно назначило комитет под председательством сэра *Сиднея Роулетта*, члена Верховного суда Англии, и поручило ему изучить вопрос. Комитет, изложив историю индийского революционного движения, рекомендовал принять закон, по которому правительству предоставлялись чрезвычайные полномочия для подавления всех беспорядков, революционной деятельности и для поддержания «законности и порядка» в Индии. Короче говоря, цель доклада Роулетта состояла в том, чтобы и в дальнейшем даже в мирное время позволить правительству Индии пользоваться теми же самыми чрезвычайными полномочиями, которые были предоставлены ему во время войны. Таким образом, с одной стороны, нам предлагали реформы в соответствии с планом Монтегю — Челмсфорда, а с другой, согласно докладу Роулетта, имелось в виду наделить правительство чрезвычайными полномочиями в мирное время. Смысл этой двойственной и противоречивой политики не ускользнул от народа.

Какова бы ни была цель законопроекта Роулетта, меры, предусматриваемые им, были настолько крутыми, что весь народ считал, что его свобода находится под угрозой. Для Гандиджи это был большой удар. Его вера в англичан была поколеблена. Безоговорочная поддержка, оказанная делу англичан в войне, вознаграждалась репрессиями. Гандиджи обратился с призывом к вице-королю отказаться от законопроекта, но его просьба была отклонена. Тогда он объявил о проведении первой всеиндийской кампании сатьяграхи. Движение должно было принять форму митингов, *харталов* и мирных демонстраций. Он назначил дату начала сатьяграхи и просил народ поститься, молиться, организовывать процессии и устраивать митинги в знак протеста против черного закона. Гандиджи обращался с этими призывами к народу на страницах еженедельника «Янг Индия» («Молодая Индия»), который он начал издавать незадолго перед этим. Появлявшиеся в нем статьи волновали всю страну.

Призывы Гандиджи были встречены с огромным энтузиазмом. Его обращения, как ни странно, доходили до всех уголков страны, хотя Индийский национальный конгресс и его организации на местах не были еще достаточно сильны и всеобъемлющи. В назначенный день вся работа в Индии прекратилась и страна была охвачена небывалым по своему размаху харталом. Во всех городах прекратили работу все виды транспорта и связи. Даже на полях крестьяне бросили свои плуги.

Но до хартала Гандиджи выдвинул одно условие: он хотел, чтобы каждый участник сатьяграхи подписал обязательство соблюдать принцип ненасилия и быть готовым не повиноваться

тем законом, которые будут указаны комитетом сатъяграхи, а также безропотно сносить любое наказание, которое могут повлечь за собой такие действия. Комитет не указал пока законов, которым не следует повиноваться. Либералы и часть печати выступили с критикой его действий, но Гандиджи был непреклонен в своем решении. В Бихаре Хасан Имам, я и другие подписали обязательство. Я развернул активную деятельность по организации хартала в Патне.

Иногда я получал письма от Гандиджи, но главным образом мы пользовались еженедельником «Янг Индия». Мазхарул Хак уехал в Дели на заседание Государственного совета, но Хасан Имам находился в Патне и принимал активное участие в движении. В первый день владельцы всех магазинов, к которым мы обратились, охотно согласились закрыть их. Только один крупный купец отказался дать такое обязательство. Мы с Хасан Имамом пошли в его магазин. Хасан Имам снял свой головной убор и положил его к ногам купца *. Купец вздрогнул и сказал: — Что это вы сделали? Вы могли приказать мне закрыть магазин, и я сделал бы это.

В результате хартал бы полным. Организованная нами манифестация была такой многочисленной, что Патна ничего подобного раньше не видела. Процессия растянулась от *Гулзарбагха* до городского форта, где должен был состояться митинг. Но так как там не хватило места, мы провели митинг на берегах Ганга. Митинг прошел мирно, хотя мы опасались, что страсти разгорятся и произойдет столкновение с полицией.

Шестого апреля в Дели состоялась внушительная демонстрация, во время которой отмечались случаи беспрецедентного проявления индусско-мусульманского единства. Приверженцы как той, так и другой религий как один человек подставили свою грудь под пули. Руководитель грандиозной процессии Свами Шраддхананд вышел вперед и бесстрашно встал перед дулами ружей. Мусульмане были глубоко взволнованы этой демонстрацией самоотверженного патриотизма; восторженная толпа на руках внесла Свами Шраддхананда на мечеть *Джамма Масджид*, прося его выступить оттуда с речью.

Гандиджи выехал в Дели, но по пути был арестован: в Палвале его сняли с поезда и увезли в неизвестном направлении. Махадев Десаи, сопровождавший его, возвратился в Бомбей, послав мне оттуда телеграмму с сообщением о событиях и просьбой встретиться с ним в Бомбее. Я немедленно выехал.

* Этот жест означает в Индии нижайшую просьбу, высшую форму самоунижения просителя. Купец, к которому так обратился уважаемый в городе человек, рисковал навлечь на себя всеобщее презрение. — *Прим. ред.*

Гандиджи был отправлен в Бомбей и там освобожден. Затем в сопровождении Махадева Десаи он вернулся в Ахмадабад, узнав о происшедших там беспорядках. Я также срочно выехал в Ахмадабад. Прибыв туда на следующее утро, я увидел, что вокзал занят английскими войсками, и узнал, что в городе введено военное положение. С трудом добрался я до Сабармати, где в результате приезда Гандиджи было восстановлено спокойствие. Через несколько часов после моего прибытия в Сабармати военное положение в Ахмадабаде было отменено. Восстановив там мир, Гандиджи на следующий день выехал в Бомбей, взяв с собой меня.

Тем временем до нас дошли тревожные сообщения о массовых беспорядках и жестоких репрессиях правительства. В Амритсаре, на площади *Джалианвала Багх*, генерал Дайер открыл огонь по безоружным людям, собравшимся на митинг. Было много убитых. Гандиджи это взволновало, и в поезде он принял решение приостановить сатьяграху, ибо считал, что, учитывая обстановку, продолжать сатьяграху было бы неправильно. Им был составлен проект заявления, в котором говорилось, что веледствие неподготовленности народа к соблюдению принципа ненасилия он вынужден приостановить кампанию. Заявление было передано газетам, когда мы прибыли в Бомбей. Проведя несколько дней в Бомбее, я выехал в Патну, где снова занялся своей адвокатской практикой. Несмотря на восьми-десятимесячный перерыв, вызванный борьбой в Чампаране, несмотря на мои постоянные поездки к Гандиджи и другие дела, моя практика не пострадала, и у меня сохранились хорошая клиентура и приличные доходы.

Первый урок, который был усвоен мною во время пребывания Гандиджи в Чампаране, вызвал такую перемену в линии моего поведения, что даже те, против кого мне приходилось выступать из принципа, верили моему слову. Я горжусь тем, что во время своей адвокатской практики судьи мне полностью доверяли. Один английский судья дошел даже до того, что просил меня, когда защита у моего противника была слабой, привести самый невыгодный прецедент для защищаемого мною дела, и я, не колеблясь, всегда выполнял эту просьбу. Но, приведя такой неблагоприятный прецедент, я тут же приводил другой, опровергающий первый. Я никогда не пользовался мало-значительными доводами и никогда не брался за дело, которое невозможно было защищать. Я предпочитал откровенно сказать такому клиенту, что подачей судебного иска он ничего не выиграет. Обычно было так: когда клиент не принимал моего совета, обращался к другому адвокату и подавал иск, он всегда проигрывал дело.

КАМПАНИЯ НЕСОТРУДНИЧЕСТВА И ХАЛИФАТ

Кампания сатьяграхи была приостановлена, но недовольство среди народа росло. События в Пенджабе еще больше усилили гнев народа. В этой провинции происходили всякого рода эксцессы, прикрываемые ширмой военного положения. Индийцев всячески унижали, сотни их надолго попадали за тюремную решетку. Внешнему миру тогда мало было известно о том, как мужественно сносили пенджабцы разгул тирании, ибо провинция была полностью отрезана от остальной части страны. Никому не разрешалось покидать пределы провинции и въезжать в нее, нельзя было даже посылать или получать письма и телеграммы. Тем не менее кое-какие вести просочились из Пенджаба, и по всей стране прокатилась волна возмущения. Индусы, *сикхи* и мусульмане совместно участвовали во всех манифестациях. Замечательным и вдохновляющим моментом борьбы в Пенджабе было проявление нового чувства единства среди местного населения. Жители Пенджаба бесстрашно шли под удары *латхи*, под пули, стойко держались, когда на них падали бомбы с самолетов, ползли рядом по земле и пили воду из одного кувшина.

Очередная ежегодная сессия Конгресса должна была состояться в Амритсаре (1920 год), где на площади Джалианвала Багх разыгралась кровавая трагедия. Население Пенджаба было настолько терроризировано, что появились серьезные сомнения относительно возможности провести там сессию. Но поскольку проведение сессии именно в этой провинции имело большое значение, было решено созвать ее там. Председателем Конгресса был избран Мотилал Неру. Я не мог присутствовать на сессии, так как был занят делом Хариджи в Аррахе: сессия Конгресса должна была состояться в последнюю неделю декабря 1919 года, а слушание дела, которое я вел, начиналось 2 января 1920 года. Мотилал Неру тоже был причастен к этому делу, но он мог заняться им лишь спустя несколько дней после того, как начнется его рассмотрение. Тем временем сэр

Н. Н. Сиркар осуществил необходимую подготовку и вел дело с помощью других адвокатов.

Вскоре после отмены военного положения правительство назначило комиссию для расследования инцидентов в Пенджабе под председательством лорда Хантера, английского судьи. Конгресс решил представить комиссии имеющиеся у него доказательства относительно зверств. Но когда началось слушание сторон, возникли разногласия, и Конгресс уклонился от участия в расследовании. Он создал параллельную комиссию, поставив перед нею такую же задачу, как и перед комиссией Хантера. Так как о работе этой комиссии сообщалось в газетах, народ впервые узнал о массовых зверствах в Пенджабе. Гандиджи, *Дешхбандху* Дас, Джайкар, Аббас Тьябджи и другие побывали в тех районах Пенджаба, где была учинена расправа над населением, и представили отчет о результатах своей поездки комиссии Конгресса по расследованию, которая опубликовала свой доклад в 1920 году одновременно с докладом комиссии Хантера.

Позиция Англии по отношению к Турции вызвала брожение среди мусульман Индии. Англия не выполнила обещания, данного ею мусульманам во время войны: Турция подверглась расчленению, и над ней нависла угроза потери главенства (*халифата*) в мусульманском мире. Лидеры мусульман, например *маулана* Шаукат Али, маулана Мухаммад Али и маулана Азад, находившиеся во время войны в заключении, были освобождены примерно в то время, когда в Амритсаре проходил съезд Конгресса. Они организовали халифатские комитеты по всей Индии и развернули широкую кампанию в стране. Так как зверства, совершенные в Пенджабе, оттолкнули от правительства и другие слои населения, халифатистское движение было стихийно поддержано всем народом. Многие индусы стали членами халифатских комитетов, оказывали им денежную помощь, в результате чего большое число мусульман в свою очередь вступило в Индийский национальный конгресс.

Махатмаджи тесно сблизился с братьями Али и нередко участвовал в заседаниях Халифатского комитета. На заседании этого комитета, состоявшемся в Аллахабаде в апреле 1920 года, он впервые публично огласил свою программу ненасильственного гражданского неповиновения. Комитет согласился действовать в соответствии с его предложением. Мауланы поддержали программу с рвением фанатиков, заявив, что любое сотрудничество с правительством будет святотатством.

Шаукат Али приехал в Патну в апреле 1920 года, когда там проходил большой публичный митинг. Маулана разъяснил программу движения несотрудничества и спросил людей, готовы

ли они к ее осуществлению. Я случайно оказался в Патне и присутствовал на этом митинге. Меня попросили выступить. Я встал и без колебаний заявил о своей готовности участвовать в движении. Хотя Гандиджи сделал свое предложение, Конгресс еще не принял окончательного решения и не выработал своей программы, но это не помешало мне объявить о своем решении принять участие в движении, если оно будет начато. Я прекрасно понимал, что это будет означать отказ от адвокатской практики и от намерения добиваться избрания в Законодательное собрание Бихара на первых выборах, которые должны были проводиться согласно реформе Монтэгу — Челмсфорда. Я уже совершил поездку по Чампарану, который хотел представлять, и в одном месте Мазхарул Хак выступил на митинге в поддержку моей кандидатуры. Теперь жребий был брошен, и мне пришлось оставить все эти намерения.

Когда были опубликованы доклады двух комиссий — Хантера и Конгресса — по расследованию зверств в Пенджабе, для рассмотрения этих докладов в Бенаресе было созвано заседание Всеиндийского комитета Конгресса. Я присутствовал на этом заседании, где было решено созвать в Калькутте чрезвычайную сессию Конгресса для выработки программы будущих действий. Ладжпат Рай, вернувшийся после нескольких лет отсутствия из-за границы, был избран председателем сессии. По всей стране велись разговоры о гражданском неповиновении, и Гандиджи публиковал в «Янг Индия» и других газетах статью за статьей, в которых разъяснял программу. Кроме того, он с этой же целью совершал поездки по стране. В этот момент Конгресс понес тяжелую утрату — 1 августа 1920 года умер Локаманья Тилак.

Чрезвычайная сессия Конгресса должна была состояться в сентябре. Тем временем мы созвали в августе в Бхагалпуре заседание Политической конференции провинции Бихар. Меня попросили председательствовать на ней. Я не решался принять предложение, так как был убежденным сторонником движения несотрудничества и сомневался, примет ли народ программу, а если даже примет, то многие ли станут действительно участвовать в движении. Поэтому я посоветовался с д-ром Саччидананда Синха, спросив его, не ускорит ли мое откровенное выступление кризис. Он ответил, что я волен высказывать свои взгляды, а Конференция вольна согласиться с ними или отвергнуть их. Д-р Синха просил меня согласиться председательствовать и откровенно высказать свои взгляды.

Я начал писать свою речь, которую должен был произнести как председатель на хинди — языке, бывшем тогда не в моде на совещаниях. Большая адвокатская практика, а также об-

щественная деятельность требовали от меня слишком много сил, и я заболел. Я боялся, что вообще не смогу присутствовать на Бхагалпурской сессии Конгресса. Однако мое здоровье улучшилось, и я смог вовремя прибыть на место. Задачи, стоявшие перед сессией, были настолько важными и сложными, что вызывали беспокойство даже у опытных людей. Поэтому нетрудно представить себе, какие чувства я испытывал. Я был убежден в необходимости движения несотрудничества, но многие старые лидеры провинции были против него. Хотя во время кампании против закона Роулетта на публичные митинги стекались большие толпы народа, вопрос о том, многие ли в действительности осмелятся примкнуть к новому движению, был спорным. Многие старейшие лидеры не собирались присутствовать на съезде Конференции провинции Бихар, и тогда ответственность за выполнение решений о несотрудничестве полностью должна была бы пасть на более молодое поколение. Сожражения подобного рода действовали на меня угнетающе.

Накануне съезда Конференции провинции Бихар в Бхагалпуре мы получили телеграмму от Гандиджи с просьбой поддержать программу движения несотрудничества с властями. Будучи председателем съезда, я в своей речи выступил со смелым призывом принять программу. Бадж Кишор Прасад, Дхарнидхар и другие тоже энергично защищали это дело. Большое число мусульман, например Мазхарул Хак, Шах Мухаммад Зубаир, Мухаммад Шафи, Нурул Хасан и другие, поддерживали нас. Но видные лидеры мусульман, такие, как Хасан Имам, наваб Сарафраз Хусайн Хан и другие, выступали против. С одной стороны, был опыт и работа на благо общества, а с другой — энтузиазм, недовольство, порожденное невыносимым положением в стране, и стремление ринуться в борьбу.

Съезд Конференции одобрил мои взгляды, принял резолюцию о поддержке принципа несотрудничества и создал комиссию для подготовки программы, имея в виду положение в Бихаре. Бадж Кишор Прасад, самый видный деятель, присутствовавший на съезде, красноречиво выступал за то, чтобы к требованиям о справедливости в Пенджабе и о восстановлении халифата в мусульманском мире добавить требование *свараджа*. До того времени на митингах и в газетах о кровавой расправе в Пенджабе и халифате говорили как об единственных причинах организации движения несотрудничества. Бадж Кишор Прасад хотел придать устойчивый характер движению, которое должно было продолжаться до тех пор, пока не будет достигнута независимость страны. Это предложение было принято.

Несколькими днями раньше Политическая конференция Гуджаратской провинции также приняла подобную резолюцию. Насколько я помню, Бихар и Гуджарат были единственными провинциями, занявшими такую позицию до чрезвычайной сессии Конгресса в Калькутте.

В отличие от С. Р. Даса и Мотилала Неру, занимавшихся одновременно вопросами Бирмы, я не мог присутствовать на Калькуттской сессии, ибо должен был присутствовать в Аррахе. Сама по себе сессия была весьма успешной: значительным большинством она одобрила резолюцию о проведении кампании несотрудничества. Требования по вопросам халифата и Пенджаба она дополнила лозунгом свараджа. Для Гандиджи это было безразлично, поскольку речь шла о главной цели, так как он все время придерживался мнения, что, если правительство примет наши требования в связи с халифатом и кровавой расправой в Пенджабе, это будет равносильно признанию им нашего желанья относительно свараджа.

Спустя несколько дней после Калькуттской сессии Конгресса Всеиндийский комитет Конгресса собрался в Бомбее для рассмотрения вопроса о претворении в жизнь резолюции о несотрудничестве. Теперь мне предстояло серьезно подумать о прекращении мною адвокатской практики. Дело Хариджи в Аррахе почти закончилось, и я быстро освободился. Но было ясно, что будут поданы апелляции в Верховный суд и Тайный совет, причем Хариджи хотел, чтобы я находился в его распоряжении по крайней мере по этому делу. Так как я уже давно занимался им, то не мог отказать Хариджи в его просьбе, но решил не брать на себя новых дел. Хотя вследствие своей занятости в Аррахе я почти год не работал в Верховном суде, у меня все же оставалось несколько незавершенных дел в Патне, за которые я уже получил вознаграждение, и я еще не решил, как мне быть с ними.

Я не советовался с братом о своем решении, но он, должно быть, догадывался о нем. Хотя брат надеялся, что я буду хорошо зарабатывать и поправлю финансовые дела семьи, находившиеся в незавидном состоянии, он, однако, не выступил против моего шага. Вместе со мной от адвокатской практики отказались многие другие юристы, но они утешали себя мыслью, что движение несотрудничества через год закончится, и мы вернемся к своей работе. Что касается меня, то я не разделял подобных иллюзий, так как целью этого движения был сварадж, и я не предвидел скорого осуществления нашего требования.

По возвращении из Бомбея я устроил дома совещание своих друзей, которые поддерживали программу несотрудничества.

Мы обсудили наше будущее, а также вопрос о том, чтобы оставить адвокатскую практику. Мое решение не отказываться от клиентов, с которыми я уже связал себя, было истолковано кое-кем как предлог для продолжения практики. Мне лично все было ясно. Мое положение было типичным: фактически я почти целый год не бывал в Высшем суде Патны. Старые дела были завершены, новых дел в течение этого периода я не брал. Поэтому дела, которые я продолжал вести, были менее важными, чем раньше. Все-таки число незавершенных дел оставалось довольно большим, так как я всегда вел много дел. Я отстаивал свою позицию, разъяснив, что прекратить работу по делам, за которые уже получено вознаграждение и которые еще находились в производстве, значило поступить несправедливо по отношению к клиентам. Я заметил, что в подобном положении оказались и другие адвокаты. В конечном счете мое предложение было принято. Но фактически мне совсем и не нужно было выступать в Верховном суде, если не считать дела Хариджи, поэтому я вернул полученное вознаграждение, а некоторые дела передал знакомому адвокату. В ряде случаев клиенты сами взяли у меня свои дела.

Другим вопросом, который мы обсудили, был бойкот правительства и субсидируемых им школ и колледжей. Я предупредил своих собеседников, что мы можем не добиться успеха в этом направлении. У меня был опыт ведения кампании против правительственных учебных заведений, приобретенный в Калькутте во время движения против раздела Бенгалии. Люди, руководившие бойкотом школ и колледжей, решили создать в стране национальные учебные заведения. Национальному комитету по делам просвещения, учрежденному ими, удалось заручиться помощью лиц, которые были больше, чем просто политическими деятелями. Благожелательное отношение таких людей, как сэр Гурудас Банерджи, ушедший в отставку судья Верховного суда и бывший проректор Калькуттского университета, и Биной Кумар Саркар, известный писатель, придавало Совету уверенность в успехе движения. Но большого энтузиазма в отношении бойкота правительственных учебных заведений не проявлялось, так как молодежь, получившая образование в национальных учебных заведениях, не находила себе применения. Поэтому я считал, что если мы слишком настойчиво будем подчеркивать в настоящее время эту часть нашей программы, то не встретим широкой поддержки среди учащихся и их родителей, и все движение зачахнет уже по одной этой причине. Некоторым моим друзьям не нравилась моя оппозиция: они считали, что я проявляю чрезмерную осторожность.

Немногие знают, что в нашей стране образование является лишь средством зарабатывать на жизнь. Те, кто решают получить образование, должны будут впоследствии жить своим трудом. Но природа этих людей такова, что, получив образование, они уже не хотят вести прежний образ жизни и начинают жить на широкую ногу. Родители тратили большие средства на образование своих детей в надежде, что, закончив учение, они помогут семье хотя бы сохранить ее доходы на прежнем уровне, если не увеличить их. Сам характер английской системы образования таков, что после окончания университета человек не может думать ни о какой другой работе, кроме поступления на государственную службу, или о таких занятиях, как юриспруденция или медицина. На первых порах, когда число образованных людей в Индии было невелико, они могли без труда прилично зарабатывать на жизнь, но с ростом просвещения и последующим увеличением численности образованного населения возможность хороших заработков постепенно уменьшалась: происходит острая борьба за места. Несмотря на это, если говорить о шансах получить работу, люди по-прежнему предпочитают получать образование на английском, а не на родном языке. Поэтому я считал, что мы должны начать с проведения кампании бойкотирования учащимися английских школ, и только в том случае, если реакция будет благоприятной, нам следует открыть национальные учебные заведения; кроме того, если будет открыто национальное учебное заведение, оно должно функционировать хорошо и непрерывно. Поэтому я не стоял за открытие учебных заведений и пунктов по приему экзаменов.

Некоторые из моих друзей считали, что учащиеся не уйдут из школ и колледжей, в которых теперь обучаются, если мы не откроем для них других учебных заведений. Они говорили, что национальные учебные заведения необходимы для успеха движения несотрудничества в этой области. Я не хотел, чтобы эта приманка использовалась в целях усиления бойкотирования школ. Я считал, что следует лучше обратиться с ясным призывом к учащимся от имени родины, дав надлежащую оценку недостатков образования на английском языке. Если учащиеся примкнут к нам, поняв, о чем идет речь, их участие в движении несотрудничества будет более действенным. С другой стороны, если они примкнут к движению, считая, что их образование и возможности найти работу не пострадают в результате нашей альтернативы, их участие в бойкоте будет кратковременным, так как, убедившись в том, что их надежды обмануты, они падут духом и вернуться в прежние учебные заведения. Поэтому я предлагал откровенно заявить студен-

там, что их ожидает тернистый путь и что им придется столкнуться с лишениями и страданиями. Время для создания национальных учебных заведений придет позднее, сказал я.

Дело было не в том, что я не видел недостатков в системе образования, присущей правительственным учебным заведениям. Мне стало ясно, что она была негодной. Так как преподавание велось там на иностранном языке, это влекло за собой колоссальную трату энергии и времени. Эта система не могла привести к такому естественному развитию личности, которого можно легко достичь посредством надлежащего обучения на родном языке. Ясно, что у наших учащихся не хватает времени на глубокое осмысление проходимых дисциплин, если они постоянно заняты заучиванием значений иностранных слов. Уже по одной этой причине система, о которой идет речь, является расточительной. В самом факте изучения иностранного языка нет ничего плохого. Учить иностранный язык — хорошее дело, особенно сейчас, когда знание по крайней мере одного европейского языка стало почти обязательным. Но изучать иностранный язык для того, чтобы владеть им практически, одно дело, а вести все дисциплины на этом языке — другое. На этом основании я всегда выступал против иностранного языка как средства для передачи знаний учащимся, но не возражал против его изучения как самостоятельной дисциплины.

У англичан были свои причины заставлять индийцев изучать английский язык: они хотели создать категорию людей, которые могли бы работать на них и сотрудничать с ними. Это был бы привилегированный слой индийцев, которые ходили бы на англичан в своем мышлении и мировоззрении, категория низкооплачиваемых работников, которые могли бы вести всю работу в учреждениях на английском языке. Англичане считали, что, если удастся заполучить себе в качестве помощников людей, знающих английский язык, они будут избавлены от необходимости учить индийские языки. Именно эта политика легла в основу нашей системы образования. Конечно, эта система породила людей, обладавших способностью самостоятельно мыслить и действовать, но такие люди составляли исключение. А как правило, речь шла о канцелярских служащих, считавших, что они вознаграждены за полученное образование.

Я, конечно, никак не мог стоять за такую систему, но хотел, чтобы идея национального образования пропагандировалась постепенно. С другой стороны, всем нам напоминали о совете, данном Гандиджи, когда мы хотели открыть в Чампаранском округе колледж по образцу колледжа Фергюссона в Пуне, для

чего даже собрали деньги. Он сказал, что нет смысла открывать колледж, если он каким-либо образом связан с правительством; если уж открывать новое учебное заведение, то нужно начать с новой национальной системы образования. Но трудности были колоссальными, и я соблюдал осторожность.

Пока мы таким образом оцупью искали путь, Мазхаруд Хак открыл национальную школу, в которой директором стал Рам Кишор Лал Хан Кеолиар, адвокат, сравнительно недавно возвратившийся из Англии. Между тем Махатма Ганди, маулана Мухаммад Али и маулана Азад отправились в поездку по стране с целью разъяснить народу значение кампании. Их усилия увенчались известным успехом в Индусском университете в Бенаресе и в Мусульманском университете в Алигархе. В Бихаре приезд их вызвал невиданный энтузиазм среди учащихся. Именно в это время в Дели были основаны два национальных учебных заведения — Каши видьяпитх и Джамиа Миллия.

Я был членом сената и синдиката университета в Патне и теперь решил уйти оттуда после того, как закончу одно дело, которым был занят. Университет назначил комитет, который должен был предложить реформы в свете рекомендаций, сделанных комиссией Сэдлера, занимавшейся делами Калькуттского университета. Будучи членом этого комитета, я приложил большие усилия, чтобы добиться преподавания на родном языке, по крайней мере в средних школах. В комитете вокруг этого вопроса разгорелись жаркие споры. Я считал, что если мне удастся добиться принятия рекомендации, то это пойдет на пользу национальному образованию. Многие видные деятели Бихара выступали против моей точки зрения, так как считали, что, если не обучать мальчиков английскому языку с самого начала, уровень подготовки их снизится, и в борьбе за прогресс наша страна останется далеко позади. Эти люди были настолько зачарованы английским языком, что даже заявление комиссии Сэдлера о необходимости использовать родной язык в обучении не изменило их позиции.

На заседании сената я обратился с настойчивым призывом принять мою резолюцию. Среди тех, кто выступал против резолюции, были Султан Ахмад, Ходжа Мухаммад Наир, судья Джвала Прасад и профессор Джадунатх Саркар. А среди тех, кто ее поддерживал, были, как ни странно, два англичанина — профессор Хэмилтон и профессор Дьюк. Я ни разу не разговаривал и не обменивался с ними мнениями. Большинство голосов резолюция была принята. Сенат рекомендовал внести в устав университета поправку, дающую школам возможность вести преподавание на родном языке вплоть до поступления

в высшее учебное заведение. Добившись своей цели, я вышел из состава сената и синдиката.

Сэр Хэвилленд Ле Мезюрье, член Исполнительного совета при губернаторе и член сената университета, заявил, что очень сожалеет о моем уходе из обоих органов. Я слышал, что именно по его настоянию действительные члены сената проголосовали за мою резолюцию, так как он считал, что это убедит меня остаться в составе сената. Действительно, на меня оказали давление с целью заставить взять назад заявление об отставке, но я решил примкнуть к движению несотрудничества и поэтому не мог более сохранять связь с университетом.

Однако рекомендация сената осталась только на бумаге, и ничего не было сделано для претворения ее в жизнь. Но нельзя с уверенностью сказать, что, если бы я остался членом сената, мне удалось бы добиться ее осуществления. Только совсем недавно было введено преподавание всех предметов, кроме математики, на родном языке на всех ступенях обучения, включая средние школы.

БИХАРСКИЙ ВИДЬЯПИТХ И АШРАМ В САДАКАТЕ

После принятия резолюции о движении несотрудничества на Калькуттской сессии Конгресса я снял свою кандидатуру на выборах в Законодательное собрание Индии, которые должны были состояться в ноябре 1920 года. Бойкот выборов стал первым пунктом программы несотрудничества в Бихаре. Мы выступали за то, чтобы кандидаты сняли свои кандидатуры, а избиратели бойкотировали выборы. Деятели Конгресса разъезжали по провинции и устраивали митинги, на которых народу разъяснялась наша программа. Должен сказать, что успех у нас был частичный: хотя многие кандидаты участвовали в выборах (списки лиц, выдвинутых кандидатами, поступали со всех избирательных округов) и многие из них были избраны единогласно, в Бихаре в голосовании приняли участие лишь около 20 процентов избирателей.

В это время в деревне Лаурия Чампаранского округа произошел инцидент, который наделал немало шума в провинции. Кампания в Чампаране разбудила многих крестьян. Они создавали крестьянские *сабхи*, где могли рассматривать свои жалобы на помещиков. Сабхи, а также расширение избирательного права, предусмотренное новой реформой, напугало помещиков. Последние, стремясь защитить свои интересы, объединились с белыми владельцами плантаций индиго и создали организацию с филиалами по всей провинции. Председателем ее был махараджа Дарбханга. Это событие вызвало возмущение среди крестьян и образованных слоев населения. Чампаранская Политическая конференция обратила на это внимание и открыто выступила против действий помещиков.

Тем временем Рам Ракша Брахмачария начал проводить меры, направленные на улучшение положения крестьян деревни Мачаргаон в Чампаранском округе. Народ встречал его благожелательно, и он, пользуясь моими советами, проделал замечательную работу: создавал комитеты по санитарии и гигиене, открывал школы и *панчаяты*, занимавшиеся урегулиро-

ванием споров. Руководство всей работой осуществлялось из ашрама, причем каждый сельский житель жертвовал ежедневно две горсти зерна на покрытие расходов. Помещикам, конечно, это не понравилось, так же как и полиции.

На основании жалобы, сфабрикованной одним помещиком, начальник полиции дистрикта послал в Лаурию отряд полицейских для расследования. Полиция пыталась арестовать нескольких крестьян по обвинению в потворстве предполагаемому преступлению. Когда эти крестьяне отказались следовать за полицейскими, офицер послал за военной полицией. Впоследствии целый ряд деревень был разграблен и уничтожен, а жители деревень, включая женщин, избиты полицейскими. Некоторые крестьяне, поддавшись панике, бежали из своих домов, бросив на произвол судьбы жен и детей. Рам Ракша Брахмачария и его коллеги узнали об этих событиях и рассказали о них в газетах. За это их посадили в тюрьму. Бихарский провинциальный комитет Конгресса, председателем которого был Мазхарул Хак, создал комиссию для расследования инцидента и составления доклада. Комиссия подтвердила обоснованность жалоб населения и подвергла сомнению официальную версию инцидента.

В декабре, когда эта кампания полностью развернулась, в Бихар прибыл Гандиджи. Он посетил Лаурию и соседние деревни и опросил жителей района. Он сказал им, что, убежав из своих домов и бросив своих жен, эти люди проявили большую трусость: долг мужчин защищать женщин и детей, не щадя своей жизни. *Ахимса* заключалась в том, чтобы, оказывая ненасильственное сопротивление, смело идти на смерть. Бежать от опасности, по мнению Гандиджи, было хуже насилия, поэтому даже сопротивление с применением силы лучше, чем бегство. Слова Гандиджи придали силы крестьянам, и кампания стала проходить более оживленно. Дело, возбужденное против Брахмачарии и других, рассматривалось несколько месяцев, но в конце концов было доказано, что обвинения являются ложными и арестованных освободили.

Выборы в Законодательное собрание Индии прошли, и мы начали бойкот школ. Мы решили открыть национальный колледж и арендовали для этой цели здание на шоссе Патна — Гая. Я оставил свою адвокатскую практику, освободил дом, за который платил сто пятьдесят рупий в месяц, и поселился в помещении нового колледжа. Все свои книги по юриспруденции я отдал своему другу Шамбу Саран Варме; после его безвременной кончины они перешли к другому моему другу.

В национальном колледже преподавались те же предметы, что и в других колледжах. Я был назначен ректором этого

колледжа. В числе его сотрудников были Бадринах Варма, профессор английского языка Бихарского национального колледжа, Джаганнатх Прасад, профессор санскрита колледжа Патны, и профессор философии колледжа Тедж Нараяна Прем Сундер Бос. Все они оставили свои выгодные посты, чтобы принять участие в новом начинании. Нам оказывали помощь также Джагат Нараян Лал, Рам Чаритра Синха, Абдул Бари и др.

В государственных колледжах приближались официальные экзамены. Некоторые сотрудники нашего колледжа считали, что тем из индийских студентов, которые не захотят сдавать официальные экзамены, должна быть предоставлена возможность сдать испытания в нашем колледже. Мы подготовились к проведению таких экзаменов.

Гандиджи хотел, чтобы мы организовали Национальный университет, но перед нами встала проблема финансов. Тогда Ганди, предпринявший еще одну поездку по Бихару, собрал более 50 тысяч рупий только в одной Джахарии и прислал мне телеграмму с просьбой организовать университет. Гандиджи приехал и открыл университет, который был размещен в том же здании, что и колледж. Мазхарул Хак был назначен проректором университета. Мы создали сенат и начали разрабатывать учебный план.

Университет привлекал к себе даже студентов правительственных колледжей. В один прекрасный день около шестидесяти студентов ушли из колледжа Патны и колледжа естественных наук и стали просить о приеме в Национальный университет. Среди них были лучшие студенты университета Патны. Некоторые из этих студентов кончили наше учебное заведение и сейчас занимают ответственные посты в провинции. А те немногие, кто оставил наш университет, вернулись в правительственные колледжи, по окончании их устроились на государственную службу и ныне занимают высокие административные посты.

В то время почти во всех округах мы открыли национальные школы, которые находились в ведении Бихарского видьяпитха. Часть из них давала образование в объеме средней школы, уровень образования в других был ниже. Количество полных средних школ возросло до 50, а начальных насчитывалось более 200. Таким образом, число учащихся видьяпитха составляло 20—25 тысяч человек. Многие индийцы, оставив свою прежнюю работу, стали преподавателями в этих учебных заведениях.

Незадолго до открытия Национального колледжа учащиеся Инженерной школы Патны устроили забастовку, которая была

вызвана разногласиями с директором. Учащиеся пришли к Мазхарул Хаку и сообщили ему, что ушли из школы и просят его помочь им. Мазхарул Хак, добрый, отзывчивый и беспрдельно самоотверженный человек, был богат и жил в роскошном доме Сикандар Манзил на улице Фрэйзер-роуд в Патне. Он строил для себя новую виллу, но когда молодые люди обратились к нему за помощью, он бросил строительство и переехал в дом, расположенный в манговой роще на дороге Патна — Данапур, на берегах Ганга, и стал жить там вместе с юношами. Дело происходило зимой, было очень холодно, но Мазхарул Хак мирился с этим. Чтобы разместить всех студентов, он соорудил несколько хижин из пальмовых листьев. Прежний пустырь превратился в цветущий сад, где там и тут были разбросаны хижины, и жизнь была ключом. Кроме того, он построил мастерскую по изготовлению прялок, в которой работали одни студенты. Со временем Мазхарул Хак воздвиг еще несколько жилищ, и все студенты разместились в одном поселке, который получил название Садакат-ашрама. Сюда переехал Национальный колледж, здесь был учрежден Бихарский *видьяпитх*, новый университет, обязанный своим рождением идеям Гандиджи. Мазхарул Хак не жалел денег, чтобы улучшить жизнь студентов, среди которых жил, деля с ними их скромную пищу. Большинство студентов были индусами, но они считали его своим отцом, а он со своей стороны обращался с ними, не считаясь с кастовыми или религиозными различиями.

Я помню один случай, который говорит о величии Мазхарул Хака. В Садакат-ашраме жил бедный мусульманский юноша Мухаммад Кхалил. Это был умный молодой человек и, хотя он был мусульманином, прекрасно знал хинди и санскрит. Имя его как автора национальной песни, сочиненной им во время движения несотрудничества, стало широко известно в Бихаре. Спустя приблизительно год после организации ашрама Мухаммад пришел ко мне и заявил, что Мазхарул Хак изгнал его оттуда. Он просил помочь ему вернуться. Я отправился вместе с ним к Мазхарул Хаку. Когда я попросил Мазхарула простить Мухаммада, он посмотрел пристально на меня и взволнованно сказал:

— Я никогда не отказывал тебе в просьбах, но сейчас ты сам не знаешь, о чем просишь: Кхалил совершил серьезное преступление, и я не могу простить его. Его поведениешло вразрез с моими идеалами, которые мне дороже жизни. Он хотел разрушить то, что я старался создать здесь и ради чего стал вести жизнь бедняка. Я посвятил себя делу индускомусульманского единства и неуклонно боролся за него. Кхалил

стремился свести на нет дело моей жизни, пытаюсь обратить юношей-индусов в исламистскую веру. Его ученость в области хинди и санскрита — это лишь ширма для его тайных помыслов. Он умеет играть на религиозных чувствах и может вызвать столкновения между индусами и мусульманами. Если я приму его, то стану соучастником обмана юношей-индусов. Нет, я никогда не смогу взять Кхалила обратно в ашрам.

Позже Мухаммад Кхалил стал известен под именем Кхалил Даса. В глазах общественности он был зачинщиком ряда религиозных столкновений, приведших к гибели многих индусов и мусульман. Услышав об этом, я понял, как правильно было решение Мазхарул Хака.

КАМПАНИЯ НЕСОТРУДНИЧЕСТВА

Программа движения несотрудничества с властями была окончательно уточнена на исторической ежегодной сессии Конгресса в Нагпуре в декабре 1920 года. По причине нездоровья я не смог присутствовать на ней. Так как предполагалось, что на сессии развернется ожесточенная борьба между противоположными течениями, число ее участников достигло рекордной цифры. Но эти предположения не сбылись, и сессия приняла компромиссное решение, ограничившись внесением незначительных поправок в первоначальную программу. Окончательно принятый план заключался в следующем.

В основном программа состояла из четырех пунктов, по которым имелось в виду проводить бойкот путем: 1) отказа от титулов и наград, пожалованных правительством; 2) прекращения связей с правительственными и субсидируемыми правительством школами и колледжами; 3) неучастия в законодательных органах; 4) отказа от обращения в суды и прекращения адвокатской практики.

Позже эта программа была дополнена пунктом об отказе служить на государственной службе. По получении соответствующих указаний людям рекомендовалось начать кампанию за отказ платить налоги. Движение также ставило себе целью организацию национальных школ, учреждение панчаятов для улаживания конфликтов, внедрение прялки, бойкот иностранных текстильных товаров и пропаганду запрещения алкогольных напитков. Сессия подчеркнула большое значение индусско-мусульманского единства и ненасилия.

После сессии Конгресса в Нагпуре даже колеблющиеся стали стойкими сторонниками движения несотрудничества. Махатма Ганди говорил людям, что если они будут добросовестно претворять в жизнь программу, то достигнут свараджа через год. Тогда люди со всем усердием взялись за реализацию программы.

Движение начало особенно увлекать широкие массы в Бихаре и других районах, когда Морис Хэллет, секретарь правительства Бихара и Ориссы (позже, во время второй мировой войны, он ушел в отставку с поста губернатора Соединенных провинций), разослал циркуляр, предлагающий всем членам и служащим муниципалитетов и управлений округов не участвовать в движении несотрудничества. Этот приказ вызвал недовольство. Моему брату за участие в кооперативном движении был присвоен титул Рай Сахиба. Он был заместителем председателя муниципалитета в Чапре, а также добровольно исполнял обязанности коллектора. Теперь он отказался и от своего титула и от должности коллектора. Но заявил, что будет продолжать работать в муниципалитете, так как избран народом. Его отказ от титула и должности коллектора был добровольным, и я не обращался к нему с просьбой принять участие в движении несотрудничества.

Мой племянник Джанардан только что поступил в Инженерный колледж Индусского университета в Бенаресе, мой старший сын Мритьюнджайя окончил среднюю школу, но не был допущен к экзаменам в университет, так как не достиг еще установленного возраста, а младший сын Дхананджая учился еще в начальной школе. Мы взяли их обоих из учебных заведений, и они уже более не поступали ни в какие правительственные учебные заведения. Джанардан стал работать учеником на металлургическом заводе в Кертиананде, а спустя год получил стипендию для изучения металлургии в Лондоне, где мог жить самостоятельно; Мритьюнджайя поступил в Бихарский видьяпитх и окончил его. Дхананджая учился сначала в национальной школе в Чапре, пока она существовала, а затем дома. Таким образом наша семья смогла полностью выполнить требования программы несотрудничества.

В то время организация Конгресса в Бихаре была слабой. Там существовал Бихарский провинциальный комитет Конгресса, секретарем которого был наваб Сарфраз Хуссейн Хан. Я оказывал ему всю возможную помощь. Существовали также комитеты Конгресса в округах, но постоянного членства местной организации не было, как не было и настоящих выборов. Чтобы стать делегатом сессии Конгресса, стоило только заплатить взнос в десять рупий и получить удостоверение от секретаря комитета округа или комитета провинции. Делегаты сессии избирали членов Всеиндийского комитета Конгресса. Но считалось почти само собой разумеющимся, что те, кто уплатил сто рупий в качестве членского взноса, избирались членами Всеиндийского комитета Конгресса. Бихарский провинциальный комитет Конгресса должен был вносить еже-

годно 1500 рупий в кассу Всеиндийского комитета Конгресса. Но, как правило, мы были не в состоянии полностью вносить причитающиеся с нас взносы, и в 1920 году Бихар задолжал несколько тысяч рупий.

Сессия Конгресса в Нагпуре все это изменила. Были разработаны новые устав и правила, устанавливавшие институт обязательного членства. Каждой провинции разрешалось посылать на сессию Конгресса одного делегата на каждые 100 тысяч человек населения. Теперь делегаты должны были избираться на регулярных собраниях комитетов Конгресса. За несколько дней до сессии надлежало посылать в секретариат Всеиндийского комитета Конгресса список избранных делегатов. Изменения в списке, сделанные без достаточных оснований, не допускались.

Провинциальным комитетам Конгресса предлагалось изменить свои уставы в соответствии с уставом, принятым Нагпурской сессией, и провести новые выборы. Многие старые деятели Конгресса ушли от нас, ибо одни из них не могли принять новые принципы и новую программу Конгресса, а другие, поддерживая принципы Конгресса, не принимали его программу. Для проведения реорганизации Бихарский провинциальный комитет Конгресса создал Реорганизационный комитет, председателем которого был Мазхарул Хак, а секретарем я. Комитет должен был представить свой отчет до следующих провинциальных выборов в Конгресс, а также вербовать членов и пропагандировать программу несотрудничества.

Повсюду в Бихаре проводились публичные митинги. Призывы Конгресса доходили до самых глухих уголков провинции. Активисты Конгресса ни на один день не прекращали своей работы по разъяснению его программы. Это всколыхнуло всю провинцию. В 1920 году, изъездив Бихар вдоль и поперек, я впервые познакомился со всей провинцией и установил контакт с бесчисленным множеством людей.

Я овладел искусством публичных выступлений. Ранее мне не приходилось часто выступать на публичных собраниях, хотя моя адвокатская практика позволила мне приобрести значительный опыт в ораторском искусстве. Теперь же мне пришлось выступать на митингах каждый день. Я преодолел собственную мне робость и стал говорить очень уверенно. В Бходжпурских районах я говорил на языке *бходжпури*, а в других местах — на хинди. Я помню даже, что в Пурулии выступал на митингах на бенгальском языке, но это было, вероятно, гораздо позднее. Митинги, на которых присутствовало от 5 до 10 тысяч человек, были совершенно обычным явлением, и мне удавалось говорить достаточно громко, чтобы меня слы-

шали все участники таких собраний. Но на собраниях, где присутствовало 20 тысяч человек или больше, приходилось прилагать особые усилия, чтобы меня могли услышать, так как громкоговорители тогда еще не были распространены. Последствия этого для моего здоровья были довольно печальными. Однажды в Хатхуа, округ Чапран, где я должен был выступить на митинге, распространился слух, что с речью выступит Махатма Ганди. Собралось более 50 тысяч человек, и, как я ни старался, далеко не все могли меня услышать.

Продолжительность моих речей зависела от числа слушателей. Когда аудитория была многочисленной, я должен был ограничивать себя и говорил не более получаса, а на менее людных собраниях — даже до полутора часов. В последнем случае я мог говорить о многом: рассказывал об истории Конгресса и кампании по поводу халифата, о жестокостях в Пенджабе и программе несотрудничества, о требовании свараджа. Я всегда чувствовал настроение и реакцию своей аудитории и умело разъяснял цели национального движения.

В марте 1921 года Всеиндийский комитет Конгресса, собравшийся в Виджаяваде, принял решение в память о покойном Локаманье Тилаке собрать до 30 июня 10 миллионов рупий и создать фонд свараджа его имени. Средства этого фонда должны были расходоваться на деятельность, связанную со свараджем. Было также решено вовлечь в Конгресс 10 миллионов членов и внедрить 2 миллиона прялок.

До отъезда в Виджаяваду Гандиджи совершил поездку по стране. Я присоединился к нему в Ориссе, где свирепствовал голод. Об этом он знал раньше и немедленно начал оказывать помощь. Теперь же, когда он своими глазами увидел все ужасы голода, сердце обливалось у него кровью при встрече с несчастными, которые, прослышав о его приезде, со всех концов толпами устремились в Каттак. Гандиджи предоставили просторный дом и тщательно подготовились к встрече с ним. Контраст между грандиозным храмом *Джаганнатха* с его *пандами*, пышностью и великолепием, жизнью богачей Ориссы, утопавших в роскоши, а также приготовлениями к торжественной встрече Гандиджи, с одной стороны, и крайней нищетой и истощенным видом бедняков, толпами пришедших сюда, чтобы повидать его, — с другой, настолько взволновал Гандиджи, что он не мог сдержать слез. В статье, опубликованной в газетах, он ярко описал страдания народа и обратился с призывом помочь жертвам голода продовольствием и одеждой.

На одном из собраний в Ориссе Гандиджи задали вопрос, почему он так решительно выступает против английского образования, когда такие люди, как *раджа Рам Мохан Рай*,

Локаманья Тилак и он сам, будучи питомцами именно английских учебных заведений, поднялись до таких больших высот. Гандиджи ответил в характерном для него стиле:

— Я просто ничтожество. Что же касается Локаманьи, то он мог бы стать еще более великим человеком, если бы его не заставляли учиться на английском языке, на языке иностранном. Разве раджа Рам Мохан Рай и Локаманья Тилак могут сравниться с *Шанкар Ачарией*, *Гуру Нанаком*, *Гуру Говинд Сингом* и *Кабиром*? Тогда у них не было таких средств общения с людьми, какими пользуемся мы сейчас. И все-таки они смогли произвести переворот в области мысли!

Ганди сказал, что нашей злосчастной привязанностью к английскому образованию объясняется тот факт, что мы приписываем ему успехи, достигнутые нашей страной. Учиться английскому языку — хорошее дело, но ясно, что он не может служить тем языком, на котором ведется обучение в школах.

Затем мы выехали в Виджаяваду. Невозможно описать волнующие сцены, свидетелями которых мы были в Андхре! Мы присутствовали на грандиозных митингах, где воздух содрогался от патриотических лозунгов. На каждой железнодорожной станции собирались толпы народа. Люди стояли даже вдоль железнодорожного полотна, хотя поезд шел полным ходом, не останавливаясь. В городе Виджаянагар, где мы сошли с поезда в три часа утра, была устроена иллюминация, и это напомнило нам праздничную ночь Дивали.

В поезде на обратном пути из Виджаявады представители Бихара во Всеиндийском комитете Конгресса устроили совещание и приняли решение о конкретном плане действий в своей провинции. Сразу же по возвращении мы приступили к сбору средств в фонд свараджа. Чтобы не выписывать квитанцию всякий раз, когда уплачивался взнос, мы напечатали в типографии бланки квитанций на разные суммы. Минимальная сумма взноса составляла четыре анны.

Разъезды требовали от нас большого напряжения сил. В поездках было много интересных происшествий. Так, однажды я должен был побывать в Банде, Кхунти и Лохардаге. Рано утром сразу после завтрака мы выехали на автомобиле из Ранчи. Нас было семь человек, включая шофера и мойщика. Автомобиль наш был очень ветхий. Проехав некоторое расстояние, мы остановились из-за какой-то неисправности в машине и просидели несколько часов в чащѣ джунглей. В Банду мы прибыли только в шесть часов вечера, когда участники многолюдного митинга уже разошлись. Однако митинг в деревне прошел очень хорошо, и мы собрали восемьсот рупий. Так как на второй завтрак у нас были только *тамаринды*,

жители деревни уговорили нас остаться ужинать. В одиннадцать часов вечера мы снова тронулись в путь. Спустя час наша машина, на починку которой уже ушло несколько часов, снова сломалась. Некоторое время мы, не шевелясь, сидели в автомобиле, прислушиваясь к реву тигра и ожидая, что он вот-вот появится. Когда все стихло, мы укрылись в казенном бунгало, оказавшемся поблизости. Мы вовремя прибыли в Ранчи и успели на поезд, шедший в Патну. Поэтому мы не останавливались ни в Кхунти, ни в Лохардаге.

Активисты Конгресса работали с большим энтузиазмом, и средний класс откликнулся на наш призыв с таким великодушием, что к 30 июня мы смогли собрать 700—800 тысяч рупий.

На завершение работы по перестройке провинциальных организаций Конгресса у нас ушло несколько месяцев. К концу июня 1921 года окружные комитеты Конгресса избрали членов Бихарского провинциального комитета, и вскоре последний смог провести выборы членов Всеиндийского комитета.

Деятели, вышедшие из состава Конгресса, основали новую партию, так называемую Лигу Бихарской провинции. Умеренная печать страны приветствовала ее, но новая партия не развивалась, и скоро о ней ничего не стало слышно. Однако, несмотря на различия во взглядах, старые и новые деятели Конгресса поддерживали между собой связь, и в Бихаре между ними никогда не возникало никаких серьезных конфликтов.

*

«ДЕШ» И «СЕРЧЛАЙТ»

Реорганизация Бихарского провинциального комитета Конгресса выдвинула на первый план вопрос о создании влиятельного печатного органа, пропагандирующего наше дело. В то время Бихар плохо обслуживался прессой. Некоторые из выходящих газет необходимо было укрепить или начать издавать новые. Незадолго до этого начали выходить газеты «Бихар таймс» и «Бихари», которым пришлось преодолеть значительные трудности. Первая была основана покойным Махеш Нараяном, а второй оказывал финансовую помощь Банаили Радж. Д-р Саччидананда Синха, увлекавшийся журналистикой, помимо издания собственной газеты «Хиндустан ревю», помогал этим газетам деньгами и личным участием. Но они вскоре оказались в тяжелом положении, и их пришлось закрыть. Газета «Экспресс», начавшая выходить с помощью махараджи Хатхуа, тоже была закрыта после того, как оказалась в затруднительном положении.

В 1918 году деятели из Патны, наиболее видными среди которых были д-р Синха и Хасан Имам, понимая необходимость своего печатного органа, начали издавать два раза в месяц газету «Серчлайт». В числе ее директоров были д-р Синха, Хасан Имам, Бадж Кишор Прасад и я. Когда развернулось движение несотрудничества, мы созвали совещание, чтобы решить вопрос о том, какую позицию займет «Серчлайт». Д-р Синха и Хасан Имам были против движения несотрудничества, в то время как Бадж Кишор Прасад, Мурли Манохар Прасад, редактор «Серчлайта», и я выступали «за». Однако движение вызывало такой энтузиазм, что газета могла выступить против него только ценой потери популярности. Поэтому мы решили, что газета «Серчлайт» не будет поддерживать движение от имени редакции и что ей следует публиковать объективную информацию, не высказывая своего отношения к тому или иному вопросу. Было решено, что газета будет принимать подписанные статьи, в которых излагаются обе точки зрения.

Это решение о политике газеты было вызвано еще одной причиной. Движение несотрудничества перенесло политику из кабинетов образованных людей и дельцов в сельские хижины, вовлекло в нее труженников земли. Английский язык не был подходящим средством общения с этой огромной массой людей. Каждый, кто желал найти путь к сердцу масс, должен был делать это с помощью одного из индийских языков. В 1920 году мы начали издавать на языке хинди еженедельник «Деш», который редактировал я, а выпускало издательство «Серчлайт пресс». Мы считали, что «Деш» лучше, чем «Серчлайт», разъяснит массам новую программу Конгресса. «Деш» оказалась неоценимым орудием в нашей пропаганде. Некоторые из нас намеревались публиковать статьи и в «Серчлайте», но, будучи заняты делами движения несотрудничества, не могли этого сделать. Наша газета сама по себе имела успех, и тираж ее увеличивался. Мы уже начали получать немало объявлений для публикации, но наш коммерческий директор совершил ошибку, постепенно снизив плату за публикацию объявлений. В результате, несмотря на рост тиража, убытки росли. Мои коллеги и я были слишком заняты, чтобы уделять внимание административно-финансовым вопросам, и реальное положение дел открылось нам слишком поздно, когда поправить что-либо было уже невозможно. Когда движение несотрудничества прекратилось, тираж газеты упал, и в конце концов мы ее закрыли.

В течение известного времени «Серчлайт» придерживалась политики нейтралитета в вопросе о несотрудничестве. Затем д-р Синха и Хасан Имам, создавшие эту газету на свои деньги и своими усилиями, великодушно передали ее нам и прекратили связь с ней. С тех пор «Серчлайт» стала органом Конгресса. Когда во время сатьяграхи в 1930—1934 годах Конгресс сделал заявление, что газеты, которые не могут публиковать факты и смело высказывать свои взгляды, должны лучше прекратить свое существование, нежели подчиниться распоряжениям правительства, «Серчлайт» была одной из тех газет, которые выполнили эту директиву.

Однако «Серчлайт» постоянно испытывала финансовые трудности и поэтому в 1941 году была передана братьям Бирла с условием, что ее политическое направление не будет изменено. С тех пор братья Бирла израсходовали на газету большую сумму. В 1942 году во время движения несотрудничества, когда «Серчлайт» только что начала выпутываться из финансовых трудностей, правительство закрыло газету и арестовало ее редактора*.

* Позже она снова начала издаваться.—Прим. издательства «Эйша павлишинг хауз».

РЕПРЕССИИ

Бихарское правительство быстро поняло, что значит огромный энтузиазм, вызванный нашей пропагандой среди народа. Массы действовали все смелее, а престиж правительства быстро падал. Правительство ждало лишь случая, чтобы пресечь агитацию. Оно хотело, чтобы был совершен хотя бы один акт насилия — тогда оно могло нанести мощный удар, но как раз этого и желал избежать Конгресс. Он старался удерживать возмущение народа в определенных рамках. После Нагпурской сессии Бихарский провинциальный комитет Конгресса дал специальную директиву, в которой подчеркивалось значение принципа ненасилия. Темой каждого выступления и памфлета тоже было ненасилие.

К сожалению, неурожай и высокая стоимость жизни послужили причиной того, что в нескольких пунктах округов Музаффарпур, Дарбханг и Чампаран был разграблен ряд магазинов. Таким образом бихарское правительство получило повод, которого дожидалось, и появился он как раз вовремя. Мы успешно вели кампанию против потребления спиртных напитков, причем результаты ее ошутимо сказывались на акцизных доходах правительства. Теперь могучая рука закона ударила по всем без разбора как в Музаффарпуре, так и в соседних округах. Наступила полоса массовых репрессий. Со времени инцидента в Лаурии правительство не давало населению Чампарана никакой передышки, а теперь положение еще более ухудшилось. В соответствии со статьей 107 Уголовно-процессуального кодекса от многих граждан требовали залога в качестве гарантии хорошего поведения. Если же люди не могли удовлетворить это требование, их подвергали тюремному заключению. Была применена также статья 144, согласно которой запрещались демонстрации и собрания. Залога никто не представил, и многие оказались в тюрьме.

Деятели Конгресса были совершенно неповинны в ограблениях, послуживших предлогом для репрессий. Когда отдельные

негодяи начали грабеж, работники Конгресса немедленно выехали на место, и им удалось восстановить мир. Они рекомендовали населению быть готовым к тому, чтобы дать отпор грабителям и хулиганам. Но правительство твердо решило подавить движение несотрудничества и, вместо того чтобы привлечь к ответственности грабителей, обрушилось на деятелей Конгресса.

Главный секретарь бихарского правительства Рэйни разослал чиновникам округа циркуляр, предписывавший подавить движение. А в циркуляре секретаря местного департамента самоуправления г-на Хэллета содержалось указание, запрещающее всем служащим окружных управлений и муниципалитетов участвовать в движении. В соответствии со статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса окружные чиновники начали пачками отдавать приказы об арестах, и сотни людей были брошены в тюрьмы.

Однажды мне пришлось выехать в Арах, где я должен был выступить на собрании. Когда я сошел с поезда, мне вручили приказ, в котором на основании статьи 144 мне запрещалось участвовать в митингах или демонстрациях между 9 и 17 часами, так как это якобы будет мешать студентам сдавать вступительные экзамены. На сессии Конгресса в Нагпуре было решено, что сатьяграху не следует начинать до тех пор, пока Конгресс не даст соответствующих указаний. Бихарский провинциальный комитет Конгресса сам разослал циркуляры, содержавшие просьбу к конгрессистам не нарушать официальных распоряжений, если они не наносят ущерба чувству собственного достоинства. Поэтому я повиновался приказу и направился в деревню, расположенную за пределами территории, на которую распространялась юрисдикция Арахского муниципалитета. Там я выступил с речью на спешно созванном митинге. В 17 часов 30 минут, когда истек срок, установленный в приказе, я вернулся в город, выступил на запланированном заранее митинге и выполнил свою программу.

В это время проходила сессия Законодательного собрания Бихара. Те самые лица, которые стояли за проведение выборов вопреки директиве Конгресса о бойкоте собрания, теперь подняли вопрос об официальных циркулярах и потребовали их отмены. Когда в газетах появились сообщения о работе собрания, другие провинции присоединились к критике самочинных действий правительства Бихара. Примерно в это же время Ли, чиновник провинциальной администрации в Ситамархи, Музаффарпурский округ, который прославился своими репрессиями, был переведен в другое место.

Власти делали все возможное, чтобы помешать проведению деятелями Конгресса кампании за запрещение спиртных напитков. Это наблюдалось всюду, где проводилась кампания. Правительство принимало жестокие меры против конгрессистов и открыто поощряло употребление спиртных напитков.

Одним из основных пунктов нашей программы было создание панчаятов. Мы в значительной степени выполнили этот пункт, организовав ряд панчаятов, которые начали успешно урегулировать споры. В одном месте панчайт приобрел такой авторитет, что стал работать почти как официальный суд. Люди обращались туда со своими исками и вносили плату за судебные издержки. С большинством решений панчаятов население соглашалось и лишь в некоторых случаях возникали неприятности. У панчаятов было два рода трудностей. Одна состояла в том, что люди начали обращаться в панчаяты по делам большой давности, и если панчаяты отклоняли иски по мотивам истечения срока давности, народ резко критиковал их, утверждая, что они ничуть не лучше других судов. Если же панчаяты все же решались заняться такого рода делами и выносили по ним свои решения, то оказывалось невозможным заставить выполнить их. Другая трудность заключалась в том, что общественный бойкот рассматривали как меру наказания, и хотя мы не одобряли эту точку зрения, но наши директивы на сей счет иногда игнорировались, и дело доходило до стычек с полицией.

ИНДУССКО-МУСУЛЬМАНСКОЕ ЕДИНСТВО И ПРОПАГАНДА КХАДИ

В июле 1921 года Всеиндийский комитет Конгресса заседал в Бомбее. Я присутствовал на этом заседании. Делегаты испытывали чувство удовлетворения ходом нашей кампании несотрудничества. Сборы в фонд свараджа имени Тилака достигли намеченной суммы в 10 миллионов рупий. Большим успехом увенчалась кампания по внедрению прялки. ИндуССко-мусульманское единство было полным, и все разногласия между двумя религиозными общинами, казалось, отошли в прошлое. Все считали, что все это благоприятствует немедленному разрыванию сатьяграхи.

Кроме того, индийское правительство начало проводить политику репрессий и еще больше оттолкнуло от себя народ. Настал тот благоприятный момент, когда Конгресс должен был использовать свой главный козырь — сатьяграху. При этом он мог твердо рассчитывать, что народ сплотится под его знаменем. Конгрессисты также были готовы к борьбе. Хотя движение пока носило мирный и конституционный характер, тон речей членов Конгресса отличался смелостью, позволявшей оптимистически смотреть на перспективы будущей борьбы. Поэтому делегаты доказывали, что не следует откладывать сатьяграху.

Гандиджи, однако, советовал проявить терпение, подчеркивая необходимость полного осуществления намеченной программы. Только в этом случае, говорил он, мы можем надеяться на успех сатьяграхи. Он просил членов Конгресса продолжить до 30 сентября кампанию популяризации прялки и бойкотирования тканей иностранного производства. Поэтому мы решили сосредоточить внимание на подготовительной работе, и сатьяграха была отложена. Но в это время произошло одно событие, ускорившее проведение сатьяграхи.

Правительство Индии объявило, что будущей зимой Индию посетит принц Уэльский. В это время лорд Ридинг сменил на посту вице-короля лорда Челмсфорда. Челмсфорд заявил, что он озадачен, поставлен в тупик движением Конгресса. Быть

может, лорд Ридинг, которого считали одним из самых ловких английских дипломатов, прибыл в Индию, чтобы решить задачу. Ему как послу Соединенного Королевства в США приписывали заслугу в том, что в первую мировую войну он убедил Америку выступить на стороне Англии. Позже он стал лордом-главным судьей, и его назначение в Индию, возможно, имело какой-то особый смысл. Мы считали, что мысль о визите принца Уэльского принадлежала ему.

Возможно, что английский государственный деятель, о котором идет речь, думал, что история повторится. Когда политика репрессий, проводившаяся правительством, провалилась (это было во время кампании против раздела Бенгалии), приезд в Индию короля Георга V на коронационный дарбар был встречен народом с энтузиазмом. Лорд Ридинг, вероятно, считал, что визит принца Уэльского тоже вызовет в народе верноподданнические чувства и движение затихнет. Другой причины этого внезапного визита мы не видели.

Всеиндийский комитет Конгресса требовал, чтобы правительство отказалось от мысли о визите, заявляя, что неуместно использовать принца Уэльского, будущего короля Англии, для поддержки падающего престижа правительства в стране. Резолюция предупреждала правительство, что если оно станет игнорировать требование Конгресса, ВИКК будет вынужден призвать народ бойкотировать визит принца и все связанные с ним мероприятия, хотя Конгресс не только не питает никакой неприязни к принцу, а, напротив, испытывает к нему чувство глубочайшего уважения. Это звучало почти как предостережение, что правительство своими действиями может вызвать ту самую сатьяграху, которой пытается избежать.

Приближался праздник Бакр-ид. В связи с этим в Бихаре и Соединенных провинциях считалось необходимым соблюдать особую осторожность, так как в местах, где производился убой коров, иногда происходили столкновения между индусами и мусульманами. Мы опасались, что в случае возникновения беспорядков будет нанесен ущерб единству обеих религиозных общин, которое в то время являлось наиболее полным. С другой стороны, мы считали, что следует воспользоваться праздником для еще большего сближения религиозных общин. С этой целью мы развернули энергичную пропагандистскую кампанию. Гандиджи говорил нам, что, ведя борьбу с мусульманами, невозможно защитить коров. Но если бы даже удалось добиться защиты коров ценой разрыва между религиозными общинами, то толку в этом было бы мало. Поэтому он советовал индусам оставить это дело на усмотрение самих мусульман. Он был уверен, что мусульмане сами по своей воле, из уважения к своим

братьям-индусам, откажутся от убоя коров. Он говорил, что в основе взаимоотношений религиозных общин должны лежать взаимное уважение и любовь, а не сила.

Гандиджи много разъезжал по стране вместе с братьями Али и пропагандировал единство общин. В сопровождении маулана Азада и маулана Мухаммада Али он объехал также Бихар. Они побывали в округах Шахабад, Гая и Патна, то есть там, где можно было опасаться беспорядков. Программа поездок была напряженной, так как приходилось преодолевать большие расстояния на автомашине. Лидеры мусульман рекомендовали своим единоверцам воздерживаться от всяких действий, которые могли бы задеть чувства их братьев-индусов. Они говорили, что мусульманам не следует отказываться от своего права убивать коров, но в интересах общинного единства они могли бы решить не пользоваться этим правом. Хаким Аджмал Хан и другие лидеры также настойчиво разъясняли это.

В результате праздник Бакр-ид прошел мирно. Убой коров производился в меньшем числе пунктов, чем год назад. Случаев насилий вообще не было, и праздник был отмечен такими проявлениями взаимного доверия и сердечности, каких раньше не наблюдалось.

В Бихаре, особенно в северной его части, ткачество переживало упадок. В результате движения кхади, проводившегося Конгрессом, колеса прялок снова заработали. Деньги на это движение были выделены из фонда свараджа имени Тилака. Хотя у нас не было опыта, мы работали со всей энергией, и нам удалось популяризировать кхади. Но из-за отсутствия административного опыта мы понесли финансовые потери.

В начале движения несотрудничества Гандиджи еще раз показал свою прозорливость. Он говорил, что в школах следует ввести обучение ткацкому ремеслу и начать ознакомление учащихся с приемами работы на ручной прялке. Таким образом, говорил он, тысячи молодых людей будут обеспечены работой. Он организовал производственную базу в Сабармати-ашраме, где велась исследовательская работа по ткачеству и кхади. Однако люди, руководившие делом национального образования, не могли оценить его доводов и не придали значения обучению ткачеству в национальных школах, хотя оно и было объявлено обязательным предметом*.

---

* О прозорливости Гандиджи можно судить и по рекомендациям комитета Карве, недавно принятым правительством Индии. В этих рекомендациях изложена программа внедрения прялки Амбера, реализация которой обеспечила бы работой миллионы людей.

Те, кто учил искусству прядения, сами не умели как следует пользоваться ручной прялкой, и получалось так, что слепой вел слепого. Учащиеся плохо усваивали технику работы на прялке. Пропаганда самопрялки встречала сильное сопротивление, особенно в Махараштре. Но несмотря на все это, кхади приобрела популярность, и спрос на нее увеличился. Люди, не умея отличить настоящую кхади от подделки, покупали любую грубую ткань. Гандиджи неоднократно заявлял, что внедрение кхади является существенным условием сатьяграхи, и похоже было, что народ старается соблюдать это условие.

Во время своих поездок по Бихару Гандиджи усиленно подчеркивал значение кхади. Он побывал в Бихар Шарифе — центре момингов, мусульманских ткачей, обещавших ему оказать помощь Конгрессу в агитации за кхади.

Закончив поездку, Гандиджи со своими спутниками прибыл в Патну и остановился в Садакат-ашраме, где заседал вновь созданный Рабочий комитет Конгресса. Я также присутствовал на этом заседании как член комитета. На заседании было принято решение, в котором подчеркивалось, что программа бойкота иностранных тканей должна быть полностью проведена в жизнь и что в целях ее успешного осуществления необходимо пропагандировать кхади.

Я отправился в поездку по Бихару пропагандировать ручную прялку. Для содействия кампании по пропаганде кхади Бихарский провинциальный комитет Конгресса создал специальный комитет в составе представителей округов. Таким образом работа по пропаганде кхади шла полным ходом. Но и правительство не бездействовало. Конгресс обратился с призывом к купцам, торговавшим иностранными тканями, отказаться от торговли ими, распродать свои запасы и продавать только ткани индийского производства. Стремясь помешать этому, главный секретарь правительства Бихара Сифтон разослал циркуляр, предписывающий чиновникам округов рекламировать ткани иностранного производства и разъяснять населению, что с экономической точки зрения импорт тканей крайне необходим, ибо это предотвратит повышение цен на местные ткани. Он отдал также распоряжение в случае необходимости арестовывать членов Конгресса. Однако суровая политика правительства не ослабила нашей решимости, и мы продолжали работать, как и прежде.

После поездки по Бихару Гандиджи направился в Ассам, а оттуда в Калькутту, где должно было состояться заседание Рабочего комитета. Я выехал туда же, чтобы присутствовать на заседании.

НЕНАСИЛИЕ И ИНДУССКО-МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОПРОС

Из Калькутты Гандиджи отправился в Мадрас. Во время поездки по Мадрасу он объявил о своем решении носить только набедренную повязку. Находившийся вместе с ним маулана Мухаммад Али был арестован на вокзале в Уолтейре и наряду с другими лидерами, в числе которых находились маулана Шаукат Али, д-р Китчлу, Ниссар Ахмад, Пир Гулям Муджадид и Бхарати Кришна Тиртха Шанкарачария, обвинен в том, что выступал в поддержку фатвы. Фатва представляла собой заявление, опубликованное мусульманскими духовными лицами в Индии и призывавшее всех мусульман исполнить свой религиозный долг и не сотрудничать с правительством. Дело это вызвало шум в стране, чему способствовало положение, которое занимали упомянутые лица, а также заявление, сделанное Мухаммадом Али в суде. Все обвиняемые, кроме Шанкарачарии, были осуждены.

Это побудило Рабочий комитет Конгресса издать на своем заседании в Бомбее директиву, предлагающую всем конгрессистам зачитывать на митингах во всех важных центрах Индии фатву, за поддержку которой были арестованы лидеры Конгресса. В результате по всей стране прошли митинги, и фатву повторяли как индусы, так и мусульмане. Застигнутое врасплох правительство ничего не предпринимало. Это показывало, что если какие-либо действия, предпринятые ограниченным числом людей, могли рассматриваться правительством как проступок, то об этом не могло быть речи, когда подобным же образом действовало много людей. Это было новым выражением сатьяграхи, которое увидела вся страна.

В это время под председательством маулана Мухаммада Шафи в Аррахе состоялся съезд Политической конференции провинции. Так как мне нужно было присутствовать на заседании Рабочего комитета Конгресса в Бомбее, то я мог участвовать в работе съезда всего один день. На этом съезде, а также на последовавшей за ним Халифатской конференции было

положено начало сбору пожертвований в фонд халифата. В этот фонд жертвовали деньги многие индусы.

Когда Гандиджи отправился в Мадрас, поступило сообщение, что *мопла* восстали против правительства. Маулана Мухаммад Али хотел тут же выехать в Шалабар, но этому помешал его арест. Гандиджи тоже было направился в Малабар, но власти запретили ему поездку. Если бы этим лидерам было разрешено выехать в Малабар, восстание, возможно, носило бы иной характер. Начавшись с нападений на правительственных чиновников, железную дорогу и суды, восстание вылилось в отвратительное столкновение на религиозной почве. Происходили нападения на индусов, были даже случаи, когда их убивали или насильно обращали в мусульманскую веру. Индусы по всей стране были охвачены чувством глубокого возмущения. Атмосфера накалялась. В религиозном единстве общин, достигнутом в результате кропотливой работы и продолжавшемся несколько месяцев, появилась глубокая трещина. Положение можно было еще спасти, но, к сожалению, дела приняли еще более неблагоприятный оборот.

Гандиджи считал, что поступает хорошо, помогая делу халифата и мусульман. Он ни на минуту не сожалел о том, что делал, ибо полагал, что если один из двух братьев, живущих в одном и том же доме, попал в трудное положение, долг другого — прийти ему на помощь, не ожидая никакого вознаграждения. Кроме того, я думаю, Гандиджи помогал мусульманам, исходя из коренных интересов страны, так как считал, что индусско-мусульманское единство необходимо для прогресса страны, и был уверен, что мусульмане откажутся от убоя коров.

Но некоторые слои населения Индии считали, что, помогая делу халифата, представлявшему собой религиозное движение, Гандиджи раздувал пламя религиозного изуверства и распалял фанатизм мусульман. Эта теория как будто находила подтверждение в том, что, несмотря на ослабление халифатистского движения, разрыв между людьми той и другой веры увеличился, и в различных частях страны начались столкновения. Несколько позже, когда сами турки отменили халифат, движение было подорвано в самом корне, и мусульмане в результате пробудившегося у них самосознания стали проявлять интерес к политическим вопросам. Они начали помышлять даже о том, чтобы верховодить в политической жизни Индии.

Индусы Малабара предприняли столь же энергичные ответные действия. Развернутая мусульманами деятельность по обращению в свою веру индусов вызвала ответную реакцию: индусы начали проводить такую же кампанию. С течением вре-

мени глубокая пропасть разделила обе религиозные общины. Англичане, используя благоприятную для них обстановку, вмешались в конфликт. С помощью ловких маневров они поддерживали пламя религиозного недоверия.

Такова вкратце история религиозных разногласий. Однако не следует думать, что все эти события произошли в течение 1921 года. В этом году были посеяны лишь семена недоверия, начавшие постепенно пускать корни. Многие, возможно, даже не заметили этого, а те, кто заметил, едва ли сознавали, сколь серьезны будут последствия. Несмотря на восстание мопла, в стране еще царил дух религиозного единства. Это проявлялось на многих публичных собраниях, где зачитывалась фатва, в коллективном бойкоте визита принца Уэльского в Индию.

Индусско-мусульманский вопрос начал волновать наши умы. Я долго и глубоко размышлял над ним. Чем больше я о нем думал, тем больше меня удивляла неспособность некоторых людей понять основные и столь очевидные факторы и тем больше я убеждался в том, что призыв Гандиджи к взаимной любви и уважению, а также принцип ненасилия являются единственным надежным решением стоящей перед нами задачи.

Пусть мусульмане когда-то пришли в нашу страну извне и численность их велика, но ведь они такие же индийцы, как и индусы, и другой родины для них не существует. Они могут сочувствовать мусульманам, живущим в других странах, и по некоторым вопросам могут даже встать на их сторону, но невозможно отрицать того, что им придется жить и умереть в Индии, радоваться и страдать здесь. Индуса подвергают кремации, а мусульманину даже после смерти нужно известное пространство — несколько футов земли навечно. Мусульмане неотделимы от нашей страны и являются ее гражданами. Стоит только признать, что мусульмане не являются иностранцами, как отсюда будет следовать вывод, что они имеют такие же права и привилегии, как и члены других общин, и должны принимать участие во всем наравне с другими. Нельзя игнорировать политические права мусульман, в противном случае это будет означать, что мы хотим лишить их законных прав, подавить их.

Конечно, сказанное мною относится и к другим религиям и общинам. В стране, где люди исповедуют такое множество религий и говорят на множестве языков, мир и взаимное уважение никогда не воцарятся, если между ними не будет единства. В противном случае одна из общин будет подавлять и поработать другие, а подавляемые всегда будут стремиться восстать; они сами не будут иметь покоя, да и другим не дадут мирно жить. Столкновение интересов может привести к граж-

данской войне, и если бы это случилось, мы не могли бы похвалиться своей мудростью и предусмотрительностью. Нам пришлось бы пережить позор и горе, и мы обрекли бы себя на осмеяние, если бы даже после того, как явились свидетелями великой бойни мировой войны, мы не извлекли из нее урока для себя. В самом начале движения Гандиджи особенно сильно подчеркивал значение ненасилия, в котором больше всего нуждалась такая страна, как Индия.

Хотя применять в жизни ахимсу очень трудно, однако высмеивают ее только те, кто недооценивает силы ахимсы. Некоторые говорят, что ахимса делает людей трусами и что ни одна страна не может защищать свою свободу с ее помощью. Они указывают на то, что пока еще ни одна страна не приняла ахимсу в качестве национальной политики, не говоря уже о простых людях. Ведь если даже умные и дисциплинированные люди не могут обуздать свой гнев, который в конечном счете является причиной насилия, то как же можно считать, что ахимса осуществима? Таковы их доводы.

Обычно забывают о том, что трусость кроется в насилии, а не в ненасилии. Если кто-то боится своего противника и воздерживается от того, чтобы нанести ему ущерб, то это не является ненасилием. Тот же, кого сдерживает лишь страх, без колебаний нападет на своего противника, если ему удастся поставить последнего в невыгодное положение или если он получит помощь извне. Только того можно назвать приверженцем ненасилия, кто, будь он сильным или слабым, воздерживается от нанесения ущерба другим из убеждения, что причинять ущерб другим неправильно. Ясно, что это убеждение не связано с возможностями приверженца ненасилия причинять вред. Даже если человек не в состоянии нанести ущерб своему противнику и не наносит его не из страха и не потому, что сознает свою слабость, а из убеждения, что причинять ущерб неправильно, его действия могут быть все-таки ненасильственными. Они будут еще более ненасильственными, если этот человек обладает силой и воздерживается от ее применения, исходя из своих убеждений. Отсюда естественно следует, что тот, кто верит в ненасилие, должен обладать способностью сносить страдания, причиняемые ему его противником. Если же он мирится с несправедливостью, руководствуясь убеждением, что в ином случае его противник причинит ему еще большее страдание, тогда его поведение — это трусость, а отнюдь не ненасилие.

Ненасилие заключается в том, чтобы делать то, что считаешь правильным и справедливым, выполнять свой долг бесстрашно, невзирая на последствия и страдания, которые может причинить противник. Человек, придерживающийся принципа

ненасилия, всегда останется стойким, не уклоняясь от выполнения долга. Даже будучи в состоянии возбуждения, он не применит силы. Но так вести себя можно только в том случае, если ты убежден в справедливости своего дела. В конце концов побеждает тот, кто придерживается принципа ненасилия.

Тем, кто сомневается в возможности выработать в людях, особенно в простых людях, такого рода мужество и развить в них способность сносить страдания, я сказал бы следующее: даже заурядные люди, не способные в повседневной жизни проявить силу духа, мужество и храбрость, на поле брани совершают неслыханные подвиги, исполненные храбрости и доблести. Как практика и целенаправленные усилия позволяют воину на поле боя обрести храбрость, так практика и целенаправленные усилия в обычной жизни могут сделать из человека ненасильственного «бойца». Дело только в том, что храбрость воина может быть тоже порождена страхом: боязнью воинской дисциплины, опасением погибнуть от руки врага. Солдат может оказаться в таком же положении, в каком находился *Марич* в «Рамаяне», о котором Тулсидас сказал: «Он посмотрел в ту и другую сторону и увидел, что и там и здесь его ждет смерть». В таких случаях храбрость проявляется инстинктивно. Но тренировка и дисциплина всегда полезны и помогают храброму человеку проявить мужество и героизм.

Идея, о которой идет речь, не является противоречивой. Мужество сатъяграхи порождается верой. В ней нет никакого элемента страха. Это мужество более высокого и благородного свойства, и его можно обрести путем тренировки и дисциплины.

В то время как в армии практика состоит из ежедневных учений и маршировок, в основе ненасильственной практики лежит то, что можно выразить одним словом — самоконтроль. Способность самоконтроля можно развить в себе, строго соблюдая правила поведения, предписываемые всеми религиями, и сдерживая свои чувства. Гандиджи говорил, что непоколебимая вера в бога может помочь воспитанию ненасильственного «бойца». Человеку легко можно привить бесстрашие и другие качества, присущие ненасилию, если начать развивать их еще в детстве.

Было время, когда каждая страна располагала особым классом профессиональных воинов. В Индии военная профессия была прерогативой *кшатриев*. Английское правительство также рассматривало некоторые касты как воинов и обычно вербовало солдат только из этих каст. Но современная тотальная война положила всему этому конец: ныне может воевать всякий, если пройдет надлежащее обучение. Во время последней

войны в Индии тоже были ослаблены прежние ограничения, и солдат вербовали из таких общин, которые ранее не считались кастами воинов. Но ненасильственную армию можно создать на еще более широкой основе. В обыкновенной армии нет места для стариков, вне ее рядов суждено оставаться и большинству женщин и детей. Но в ненасильственной армии найдется место для любого человека, даже для слепого и физически неполноценного. Это объясняется тем, что здесь критерием служат не физические качества, а сила ума и духа.

Особенность ненасильственной борьбы состоит в том, что «воин», придерживающийся принципа ненасилия, навлекает страдания на самого себя, вместо того чтобы причинять их своему противнику. Своей цели он достигает не тем, что причиняет вред противнику, а тем, что своей любовью и страданием пробуждает в противнике сочувствие. В то время как в насильственной борьбе обе стороны должны терпеть страдания, в борьбе ненасильственной лишь одна сторона принимает на себя все страдания. Таким образом страдание уменьшается наполовину; по сути дела, в этом случае оно гораздо меньше, так как при встрече с лицом, исполненным решимости не применять силу, у противника слабеют руки и оружие обезвреживается. Силу рукам придает гнев, а гнев как реакцию легче вызывают насильственные, а отнюдь не ненасильственные действия. Поэтому в конечном итоге в случае ненасильственных действий людям приходится страдать гораздо меньше.

Когда речь идет о современных формах войны, мы слышим, что каждый день изобретаются новые виды оружия. Между тем для ненасильственных действий не нужно никакого оружия. Во время последней войны ежедневно расходовались сотни миллионов, и бедствиям и страданиям не было конца. Точно определить все страдания, причиненные каждой стране во время войны, невозможно. В условиях ненасильственных действий повседневная жизнь не нарушается, денежных расходов и жертв гораздо меньше. Поэтому даже бедная страна может позволить себе прибегнуть к ненасильственному сопротивлению в отношении самого могучего государства.

До сих пор я говорил о значении ненасилия в международной жизни. Что касается внутренней жизни отдельных государств, то если к насилию прибегают в стране, населенной людьми различных национальностей, религиозных убеждений и взглядов, в ней никогда не будет мира. Если различные слои народа в Индии не будут проявлять сердечности и терпимости друг к другу, а станут подчеркивать только свои права и настаивать на том, чтобы эти права признавались другими, забывая о своем собственном долге перед этими другими, это мо-

жет привести лишь к напряженности и кровопролитию. Людей, проявляющих склонность к насилию, может обуздать полиция и административная власть, но когда идея насилия захватывает весь народ, административная машина терпит крах. Такие конфликты могут привести лишь к гражданской войне. Поэтому для таких стран, как Индия, нет иного выхода, кроме принципа ненасилия.

Следует помнить об одном: когда мы говорим, что нельзя рассчитывать на то, что обыкновенный человек, если его провоцируют, будет вести себя в духе ненасилия, то обычно забываем, что в повседневной жизни человек сам по себе или в обществе других людей в общем склонен придерживаться ненасилия. В девяносто девяти случаях из ста человек живет и действует мирно, то есть в духе ненасилия. Так разве невозможно и в этом одном исключительном случае жить и действовать, не прибегая к насилию? Мы должны приложить особые усилия, чтобы достичь этого, потому что пока мы не будем вести себя подобным образом, мы вряд ли можем называться существами, стоящими выше зверей.

Ужасы и разрушения второй мировой войны заставили людей думать. Теперь они понимают, что если мы хотим избежать периодической массовой бойни и опустошений и спасти человечество и цивилизацию, человеку придется хорошенько подумать над тем, как лучше выйти из положения и создать такие условия, когда мы не будем растить детей лишь для того, чтобы их убивали, и производить блага жизни лишь для того, чтобы они уничтожались. Я с сожалением смотрю, как многие мои соотечественники, даже конгрессисты, выступавшие на протяжении всей своей деятельности на благо страны за ненасилие, теперь теряют веру в это святое дело.

Многие могут дойти до такой глупости, что скажут, что индусско-мусульманское единство должно опираться на физическую силу, а не на взаимное доброжелательство. Это означает, что они допускают мысль о подавлении силой одной из общин. Некоторые мусульмане считают, что поскольку они на протяжении веков, когда их было гораздо меньше, держали под своим гнетом всю Индию, то могут сделать то же самое снова. С другой стороны, имеются индусы, утверждающие, что эра господства мусульман миновала и никогда не повторится. В те времена у индусов еще не пробудилось самосознание, а теперь они составляют не только большинство населения, но стали культурнее, богаче и сильнее. Страна, говорят они, принадлежит индусам; все остальные — это не имеющие значения меньшинства, которые должны довольствоваться справедливым обращением с ними.

Представители как того, так и другого направлений полагаются на физическую силу. Они отвергают ненасилие, с помощью которого только и можно найти решение вопроса. Если мы думаем, что индусско-мусульманский вопрос может быть решен насилием, то это лишь повлечет за собой дальнейшее насилие и в конце концов приведет к гибели обеих общин. Только политика, опирающаяся на принцип «живи и жить давай другим» и зиждущаяся на взаимном благожелательстве и уважении, а также соблюдение принципа ненасилия могут разрешить проблему и положить начало индусско-мусульманскому единству.

Мы должны быть одушевлены верой в истину и справедливость и навсегда стать приверженцами принципа ненасилия. Возможно, что такая политика и не даст быстрых результатов и ее успехи не везде будут заметны. Но если наши действия будут основаны на уверенности в своих силах, на истине и подлинном мужестве, а не на страхе или трусости, мы безусловно добьемся успеха.

НАВОДНЕНИЕ В ЧАПРЕ

Вашвине (июль-август) 1921 года в Чампаранском округе был страшный ливень. В один день выпало 36 дюймов осадков, и весь округ оказался затопленным. Жителям города Чапра пришлось вынести неслыханные лишения. Бездушное и безразличное отношение к страданиям людей со стороны правительственных чиновников вызвало возмущение населения. В то время как люди вели смертельную борьбу с разбушевавшейся водной стихией, чиновники с удивительным равнодушием и пренебрежением ко всему происходящему устраивали лодочные гонки в затопленных районах и высокомерно взирали на бедствия народа. Их не волновала судьба женщин и детей, которые оказались отрезанными от суши. Если не считать одного судью-англичанина и помощника судьи бенгальца, ни один чиновник и пальцем не пошевелил, чтобы помочь несчастным. На публичном митинге в Чапре поведение чиновников было сурово осуждено и были с благодарностью отмечены усилия моего брата Махендры Прасада и деятелей Конгресса, старавшихся изо всех сил помочь бедствующему населению.

Положение в сельской местности было не лучше. В одном месте жители неоднократно просили у коллектора разрешения прорыть насыпь железной дороги, соединяющей Чапру и Машрак, так как насыпь задерживала воду, но он отказал им в просьбе. Вскоре после этого железнодорожный путь был снесен водой. Нечто подобное произошло в другом месте, близ Сивана, где вода скапливалась по одну сторону железнодорожной насыпи, а жители деревни просили разрешения прорыть ее. Но полиция не хотела и слышать об этом. Придя в отчаяние, люди взяли лопаты и поплыли к полотну железной дороги, не обращая внимания на полицию. Когда полицейские, стоявшие у железнодорожной линии, пригрозили оружием, жители ответили им:

— Нам все равно погибать — или под пулями или в воде. Делайте, что хотите, — и начали разрывать насыпь. Полицей-

ские оробели и стали молча наблюдать за работой. В насыпи был сделан проход, вода устремилась в него, и многие жители деревни были спасены. Позже полиция докладывала, что насыпь прорвало водой. Сейчас это место можно найти по построенному здесь мосту, и теперь этому району наводнение уже не угрожает.

В Дараули путь воде преграждало высокое полотно шоссе-ной дороги. Толпа крестьян явилась на полицейский участок и просила младшего инспектора разрыть полотно дороги и спасти от гибели жителей деревни, расположенной в низине. Инспектор саркастически спросил их, почему они обращаются к нему, вместо того чтобы пойти к своему «свараджи дарога» (так называли штатных работников деревенских комитетов Конгресса). Отчаявшись, жители деревни обратились к секретарю Комитета Конгресса в Тхане и сообщили ему, что сказал им младший инспектор. Секретарь посоветовал им действовать и разрыть полотно дороги, чтобы обезопасить себя от наводнения. Жители тотчас же последовали его совету и спасли многих людей от верной гибели.

Как только у меня появилась возможность, я тотчас же отправился в Чапру для организации работ по оказанию помощи. Когда я прибыл в город, вода уже сошла, но посевы зерновых оказались уничтоженными. Поэтому мы начали сбор денег, организовали питание населения и занялись устройством пострадавших. Как всегда, гуджаратцы помогали щедро. Шет Джамунаал Баджадж всегда быстро откликался на призывы помочь деньгами. После того как вода сошла, началась эпидемия малярии. Мы собрали местных врачей, и они изготовили препарат, который служил лекарством не только от малярии, но также от кашля и желудочных заболеваний. Мы организовали производство этого лекарства в больших количествах, разливали его в бутылки и выдавали населению. Действие лекарства сказалось быстро, и эпидемия была пресечена.

Помощь пострадавшим от наводнения мне пришлось оказывать не впервые. Не считая работы, которую я провел в 1914 году во время наводнения в Бихаре (тогда я еще учился в Калькутте), я неизменно организовывал помощь всякий раз, когда Бихар подвергался наводнениям. Куда бы мы ни отправлялись, чтобы оказать помощь пострадавшим от наводнения, везде нас ожидали одни и те же трагические сцены: от многих глинобитных хижин остались развалины, другие вот-вот развалятся; зерно гниет; в воде плавают трупы домашних животных; уцелевшие животные, изголодавшиеся и отощавшие, смотрят на вас пустым взглядом; неумолчно воют голодные собаки, забравшиеся на развалины домов; полные отчаяния глаза жи-

телей, оставшихся почти без пищи. Когда вода спадала, начинались эпидемии. Позже, когда наступала пора сеять *раби*, обнаруживалась нехватка семян, на которые возникал огромный спрос. В районах, подвергшихся наводнению, передвигаться было нелегко. Когда я спешно прибыл в Шахабадский округ во время наводнения 1923 года на реке Соц, то увидел затопленным целый район между Коилваром и Аррахом. Даже очень высокая железнодорожная насыпь была прорвана в нескольких местах, причем размывы достигали 150—200 футов в длину. В некоторых местах рельсы со шпалами, лишившись опоры, повисли в воздухе, а внизу кипел бурный поток, образуя в отдельных местах глубокие озера. Абдул Бари и я переправлялись через эти зияющие проемы ползком, по рельсам, как животные, на четвереньках или цепляясь за рельсы наподобие обезьян.

Исходя из своего опыта в области оказания помощи пострадавшим от наводнения, я сказал бы, что одной из главных причин бедствий служат высокие насыпи железных и шоссейных дорог, преграждающие путь воде. Если будет построено достаточное количество широких водопропускных труб, то ущерб от наводнения может быть значительно уменьшен. Но железнодорожные компании всегда были против их сооружения. Бывшая компания Бихарской Северо-Западной железной дороги все же соорудила в некоторых местах водопропускные трубы, но это было сделано не по просьбе народа, а из коммерческих соображений. Компании не обращали никакого внимания на народ, пока наводнения не приводили к разрушению полотна и прекращению движения. Поэтому сооружение водопропускных труб является важным делом, которым следует заняться, чтобы предотвратить частые бедствия, вызываемые наводнениями.

ПОДГОТОВКА К САТЪЯГРАХЕ

Движение несотрудничества было в полном разгаре. Правительство и его приспешники готовились к приезду принца Уэльского и опасались столкновений между властями и участниками движения несотрудничества.

В начале октября в Бомбее состоялось заседание Рабочего комитета Национального конгресса, на котором было решено созвать в Дели в ноябре заседание Всеиндийского комитета Конгресса. Это заседание должно было решить вопрос о сроках начала борьбы. Перед заседанием возникли разногласия между председателем Конгресса Т. Виджаярагхавачариаром и секретарем пандитом Мотилалом Неру. Председатель объявил, что заседание ВИКК откладывается, а секретарь отменил его распоряжение, утверждая, что председатель не имеет права нарушать решения Рабочего комитета, и что, поскольку заседание созывается для принятия весьма важного решения, оно не может быть отложено. Махатма Ганди поддержал Мотилала Неру, и заседание ВИКК состоялось в Дели в намеченный срок. Виджаярагхавачариар не явился на заседание, и на нем председательствовал Лалла Ладжпат Рай. Я заболел в Чапуре и не смог присутствовать на этом заседании.

Собравшиеся в Бомбее конгрессисты уже приступили к индивидуальной сатьяграхе, опубликовав запрещенную правительством фатву. Ее неоднократно читали вслух на митингах. Рабочий комитет разрешил конгрессистам нарушать предписания властей, осуществляя бойкот иностранных тканей и пропагандируя кхади.

Всеиндийский комитет Конгресса принял решение о том, что провинциальные комитеты Конгресса могут по своему усмотрению разрешать индивидуальную сатьяграху, в том числе отказ от уплаты налогов. Разрешение на проведение массовой сатьяграхи могли получить только те провинции или районы, где население носило кхади, бойкотировались иностранные ткани, делались попытки ликвидации неприкасаемости

и развивалось образование на национальных языках. Для отдельных лиц условиями для этого были постоянное ношение кхадии, вера в индусско-мусульманское единение и активная борьба за искоренение неприкасаемости. Но самым главным условием была непоколебимая вера в ненасилие. Надлежало самым тщательным образом избегать каких бы то ни было действий, ведущих к любым столкновениям. Только Рабочий комитет имел право смягчать эти условия. Он ясно заявил, что не возьмет на себя обязанности оказывать помощь семьям участников сатьяграхи.

Условия были столь жесткими, что лишь немногие лица или районы были в состоянии выполнить их. Учитывая это обстоятельство, руководство Конгресса твердо решило нигде не разворачивать движения наспех, без надлежащей подготовки. В связи с этим всем провинциям было предложено выждать, пока движение не начнется в Гуджарате.

Бихар начал готовиться к сатьяграхе. Наши люди из округа Чапра просили разрешения начать сатьяграху в Басантпурской Тхане, утверждая, что они выполнили все условия и уже подготовились к движению. Бихарский провинциальный комитет Конгресса послал моульви Мухаммада Шафи и еще нескольких человек проверить обоснованность этой просьбы, и они поддержали ее.

Вскоре в Бомбей прибыл принц Уэльский. Правительство из кожи вон лезло, стараясь организовать его прием, но народ был полон не менее твердой решимости бойкотировать визит. Между религиозными общинами было достигнуто почти полное единодушие, и бойкот прошел весьма успешно. Однако некоторые *парсы* приняли участие в официальных торжествах, и, когда они возвращались с приема, произошло столкновение между ними и конгрессистами, преимущественно мусульманами, которое переросло в крупные беспорядки. Гандиджи послал г-жу Сароджини Найду, шета Умара Собхани, шета Чотани, Шанкарлала Банкера и нескольких других успокоить народ. Позднее он сам приехал в Бомбей и объявил голодовку во искупление грехов тех, кто вызвал волнения. Это оказало отрезвляющее действие, и волнения пошли на убыль. Убитых насчитывалось человек пятьдесят-шестьдесят, а раненых — более трехсот, причем свыше трех четвертей этих жертв были конгрессисты.

Эти беспорядки произвели на Махатму Ганди удручающее впечатление. На заседании Рабочего комитета в Бомбее он настойчиво утверждал, что народ еще не подготовлен психологически к сатьяграхе и что было бы опасным развернуть повсеместное движение. Он придерживался того мнения, что народ

не в полной мере понял, какими методами должно осуществляться ненасильственное движение. Поэтому руководство Конгресса пришло к выводу о необходимости создать во всех провинциях добровольческие отряды для поддержания мира и сдерживания толпы на массовых митингах. В связи с этим провинциальным комитетам Конгресса было дано указание создавать организации «*Сева дал*» и требовать от каждого их члена клятвенного обязательства придерживаться ненасилия в помыслах, словах и делах и соблюдать дисциплину партии Национальный конгресс. Этим путем Конгресс рассчитывал избежать повторения бомбейского инцидента в других местах. Вместе с тем голодовка Гандиджи оказала благотворное действие на все религиозные общины Бомбея, так что вскоре не только восстановилось нормальное положение, но общины обязались жить впредь в мире и дружбе.

После бомбейских событий Анни Безант, которая с самого начала была против сатьяграхи, опубликовала ряд статей, содержащих нападки на Гандиджи и на движение несотрудничества. Она объявила, что Гандиджи — олицетворение сил тьмы. Касаясь одного из столкновений, Анни писала, что, когда полетели камни и кирпичи, властям ничего не оставалось, кроме как ответить на это пулями. Одна из таких статей появилась в тот момент, когда в Бомбее заседал Рабочий комитет. Припоминаю, как Дешбандху Дас принес Гандиджи номер газеты с этой статьей и выразил надежду, что Махатма даст на нее резкий ответ в «*Янг Индия*». Но Гандиджи ответил, что на это рассчитывать не приходится. Не в характере Гандиджи было вступать в такого рода полемику. Он даже не читал подобных статей, а сам умел писать без всяких резкостей. Самые крайние свои взгляды он выражал умеренным языком.

Исключительно благодаря его влиянию я тоже научился избегать резкостей и личных выпадов в своих устных и письменных выступлениях.

АРЕСТЫ И ПОИСКИ КОМПРОМИССА

Бомбейские события послужили властям предлогом для начала репрессий. Через несколько дней (в декабре 1921 года) по всей стране были произведены массовые аресты конгрессистов, особенно руководящих деятелей. Главной причиной арестов правительство объявило создание Конгрессом организации «Сева дал», которая отныне объявлялась запрещенной.

Чтобы облегчить себе проведение репрессивной кампании, власти откопали в старом своде законов два давнишних законодательных акта — поправку к уголовному закону, внесенную для подавления революционных выступлений в Бенгалии, и «закон о мятежных собраниях», введенный для установления контроля над подрывными организациями и подавления их. Теперь эти акты были использованы для объявления противозаконными по всей стране конгрессистских «Сева дал» и для запрещения массовых митингов. Любое участие в деятельности «Сева дал», созданных Конгрессом и халифатистским движением, было объявлено преступлением.

Конгресс решил не подчиняться репрессивным законам. Все комитеты Конгресса продолжали весьма энергично организовывать «Сева дал», а в ответ на это власти арестовывали всех принимавших участие в их деятельности. Вопрос о халифате и требование свободы отошли на задний план, а на первое место выдвинулся вопрос о том, можем ли мы добиться права организовывать общественное мнение в стране и бороться, сотрудничая друг с другом. Теперь даже это право было отнято у нас новыми правительственными мерами. Сопrotивление этим законам стало отныне главным делом Конгресса. Гандиджи заявил, что теперь Конгресс не собирается осуществлять сатьяграху, как было объявлено ранее, а будет только агитировать за свободу слова и организаций. Это право, говорил он, принадлежит не только Конгрессу, но и всем другим партиям. Правительство игнорировало заявление Гандиджи.

Братья Али уже находились в тюрьме. Теперь были также арестованы Дешбандху Дас, пандит Мотилал Неру, Джавахарлал Неру, Лалла Ладжпат Рай, маулана Азад, Ч. Раджагопалачария и многие другие. Однако агитация среди народа за бойкот визита принца Уэльского несколько не ослабела, и поэтому, когда принц вознамерился посетить Калькутту, лорд Ридинг встревожился и предпринял попытки достичь компромисса, чтобы хоть во втором по величине городе Британской империи принцу был устроен всенародный прием. В то время сэр Тедж Бахадур Сапру был членом Исполнительного совета при вице-короле, но главным организатором попыток компромисса был пандит Малавия. Он поехал в Калькутту и встретился с губернатором Бенгалии лордом Роналдсши. Затем он посетил в тюрьме Дешбандху Даса и других руководящих деятелей и обсуждал с ними вопрос о посылке делегации к вице-королю. У пандита Малавия возникли некоторые надежды на успех.

Тем временем власти начали массовые аресты и в Бихаре. Во время заседания провинциального комитета Конгресса в Чапре полицейские ворвались в помещение и произвели обыск. Через некоторое время, когда мы проводили массовый митинг, полиция собралась поблизости и, видимо, готовилась арестовать лидеров. Кто-то из присутствующих даже встал и, указывая на полицейских, пропел стих из «Рамаяны» Тулси Даса, гласящий: «Сын Гадхи [Вишвамित्रа] обеспокоен и хочет знать, когда эти демоны покинут страну». На этот раз ничего не случилось, полиция не предприняла никаких мер, и народ мирно разошелся. Однако немного спустя полиция произвела массовые аресты и обыски в помещениях комитетов Конгресса. В Патне были арестованы моулви Кхуршед Хаснайн, Джагат Нараян Лал и Кришна Пракаш Сен Синг. В других городах были брошены в тюрьму моулви Мухаммад Шафи, Шри Кришна Синха, Виндхешвари Прасад Варма, Рамнараян Синг и другие.

Как раз в это время я приехал в Патну. Несколько человек, в том числе Бадж Кишор Прасад, Мазхарул Хак и я, опубликовали заявление, в котором призывали народ вступать в «Сева дал», осуждали репрессивную политику правительства и объявили себя членами «Сева дал». Однако нас не арестовали. Начальникам округов стали присылать длинные списки лиц, признающих себя членами «Сева дал», но и это не повлекло за собой арестов. Тут нам стало известно о попытках достигнуть компромисса. Массовые аресты, казалось, прекратились.

Лорд Синха сложил с себя обязанности губернатора Бихара, и его место занял Ле Мезюрье. Некоторые члены законода-

тельного собрания, в том числе Хасан Имам и Дварка Натх, вошли в состав депутации, явившейся к губернатору, чтобы сказать ему, что в провинции господствует мир и что только решение правительства о запрещении «Сева дал» создает угрозу этому миру. Депутация просила правительство пересмотреть свою политику. Ответ губернатора представлял собой признание того, что вся политика правительства основана на ложных предположениях. Мы опубликовали заявление, разъяснявшее нашу позицию, но еще до его появления в печати было отдано распоряжение прекратить аресты. Однако запрет с «Сева дал» снят не был.

Это явно подтверждало сообщения, что готовится компромисс. Мы слышали, что переговоры о компромиссе, которые велись в Калькуттской тюрьме, увенчались успехом и что Дешбандху Дас принял условия, поставленные правительством. Но когда обратились за советом к Гандиджи, он поставил свои собственные условия.

Правительство требовало, чтобы Конгресс прекратил бойкот визита принца Уэльского, и в свою очередь обещало созвать конференцию для обсуждения спорных вопросов и освободить всех заключенных, кроме тех, кто был осужден в связи с событиями в Карачи, то есть за исключением братьев Али.

Гандиджи хотел, чтобы дата проведения конференции и ее компетенция были точно установлены заранее и, кроме того, ставил условием освобождение осужденных по «делу Карачи». Если бы в нашем распоряжении было еще два-три дня, приемлемая формула была бы найдена, но день визита принца в Калькутту приближался, и правительство, которое затеяло переговоры о компромиссе только для того, чтобы обеспечить принцу надлежащий прием в этом городе, решило, что, поскольку нет шансов на достижение поставленной цели, нет смысла продолжать переговоры. Оно вернулось к политике репрессий. Депутация, посланная к правительству, вернулась с пустыми руками, но представитель правительства тактично намекнул, что усилия, направленные к умиротворению, не должны быть прекращены. Таким образом, у некоторых лиц, в том числе и у Малави, создалось впечатление, что, хотя на данный момент переговоры прерваны, правительство положительно отнесется к попыткам созвать конференцию круглого стола.

Дешбандху Дас был очень недоволен тем, что Гандиджи упустил возможность договориться с правительством. Он утверждал, что как ни недостаточны предложения правительства, они выгодны Конгрессу, и, приняв их, он поднимет свой престиж и значительно продвинется к своей цели, хотя бы правительство в дальнейшем и пыталось помешать этому. Со своей

стороны Махатма Ганди указывал, что лорд Ридинг хотел только одного — радужного приема принца Уэльского со стороны населения Калькутты, чтобы бомбейский инцидент * мог быть предан забвению и правительство имело возможность похвалиться лояльностью индийского народа. Он сказал, что срок созыва намечаемой конференции и ее компетенция оставались неясными, и неизвестно, состоялась ли бы она вообще после визита принца в Калькутту. Ганди не хотел, чтобы впоследствии люди могли сказать, что Конгресс был одурачен правительством. Поспешное принятие предложений правительства, по его мнению, привело бы не к усилению, а к ослаблению влияния Конгресса. Кроме того, говорил Гандиджи, он против того, чтобы оставлять за тюремной решеткой таких товарищей, как братья Али, которые были с нами в самых тяжелых испытаниях.

Однако Дешбандху Даса это не убедило, и после выхода из тюрьмы он заявил на митинге в Калькутте, что Гандиджи допустил большую ошибку. Дело будущих историков беспристрастно изучить все события и высказать свое суждение. Я могу только сказать, что наш опыт переговоров с английским правительством всегда оказывался горьким. Мы часто терялись в словесных дебрях. Английский язык настолько гибок, что заявления правительства поддавались бесконечному количеству толкований. Махатма Ганди по опыту знал, что оставление малейшей лазейки или малейшего элемента неясности в тексте соглашения может привести к роковым последствиям. Он не верил в искренность английского правительства. Вот почему он не пожелал отказаться от установленной политики Конгресса и от освобождения своих товарищей в обмен на туманные обещания властей.

---

* 17 ноября 1921 года в Бомбей прибыл наследник английского престола принц Уэльский. Национальный конгресс объявил бойкот всех торжеств, связанных с визитом принца. В день его приезда состоялись демонстрации протеста, в которых приняли участие широкие слои населения города. Произошли столкновения с полицией и войсками, в результате которых имелись убитые и раненые.

АХМАДАБАДСКАЯ СЕССИЯ КОНГРЕССА И САТЬЯГРАХА

Приближалось время созыва очередной ежегодной сессии Национального конгресса, которая должна была состояться в Ахмадабаде. Дешбандху Дас был избран председателем Конгресса, а Сардар Патель — председателем Организационного комитета. Была проведена тщательная подготовка к этой сессии, которая отличалась от предыдущих тем, что было решено отказаться от стульев и усадить ее участников на полу. Таким образом можно было разместить в сравнительно небольшом помещении большое число делегатов и гостей. Делегаты избирались в соответствии с новым уставом, принятым в Нагпуре, и теперь можно было сказать, что сессия состоит из избранных представителей.

Многие деятели, в том числе и вновь избранный председатель Конгресса, находились еще в заключении, но нигде не замечалось никаких признаков уныния. Все, в том числе даже Гандиджи, были охвачены безграничным энтузиазмом. Люди надеялись, что Конгресс начнет наконец движение гражданского неповиновения.

Рядом с пандалом, где заседала сессия, была устроена большая выставка, среди экспонатов которой видное место занимало кхади. Около пандала, где жили делегаты, вырос поселок, получивший название Кхади-нагар. Ничего подобного не бывало раньше на съездах Национального конгресса. Близ главного пандала был построен еще один пандал для халифатистской конференции.

Сами заседания съезда проводились вразрез с установленным шаблоном. Речь председателя Организационного комитета была самой краткой за все время существования Конгресса. После приветственного обращения к делегатам он только сделал краткий доклад о работе, проделанной в Гуджарате. Вследствие отсутствия нового председателя на съезде председательствовал Хаким Аджмал Хан. Он произнес свою речь на языке урду, а председатель Организационного комитета — на хинди.

Главным вопросом повестки дня была сатьяграха. Единственная резолюция, принятая сессией, призывала начать сатьяграху. Гандиджи был назначен «диктатором» для проведения кампании. На случай его ареста, считавшегося вполне вероятным, Гандиджи было предоставлено право назначить себе преемника. Если бы появилась возможность мирных переговоров с правительством, «диктатору» предоставлялось право вести такие переговоры при консультации с Конгрессом. Однако было установлено, что никакой «диктатор» не будет уполномочен отходить от целей, которые ставит перед собой Конгресс. Сессия сделала упор на организацию «Сева дал», а клятвенное обязательство, которое должны были подписать желающие принять участие в сатьяграхе, было сформулировано сессией еще более жестко.

Маулана Хасрат Мохани внес резолюцию, настойчиво призывавшую Конгресс объявить своей целью достижение не статуса доминиона, а полной независимости. Гандиджи выступил против этой резолюции, и она была отвергнута. На последующих сессиях Конгресса эта резолюция снова вносилась и опять-таки отвергалась из-за возражений Гандиджи, но в конечном счете была принята при его поддержке. Пандит Малавия внес резолюцию, рекомендовавшую Конгрессу принять приглашение правительства на конференцию круглого стола. Это предложение не соответствовало атмосфере, господствовавшей на сессии, и было отклонено. Пандит Мотилал тоже высказался против каких бы то ни было попыток достигнуть компромисса на данной стадии.

Конгрессистам было рекомендовано готовить население своих районов к борьбе и прилагать особые усилия для организации «Сева дал». Перед отъездом из Ахмадабада делегатам стало известно, что Гандиджи избрал местом начала кампании сатьяграхи город Бардоли.

Пандит Малавия не был обескуражен поражением, понесенным в Ахмадабаде, и вместе с некоторыми другими лидерами, разделявшими его взгляды, созвал в Бомбее конференцию с целью достичь компромисса между Конгрессом и правительством. На нее был приглашен ряд видных деятелей — как конгрессистов, так и халифатистов. Пост председателя конференции был предложен сэру Санкарану Наиру. Я тоже получил приглашение и принял его. Для изложения наших взглядов мы выставили только одного оратора — Гандиджи. Он совершенно прямо заявил, что Конгресс не верит в конференцию круглого стола. Гандиджи добавил, что он лично готов участвовать в ней, если получит приглашение, но если будет приглашен Конгресс, то он, Гандиджи, примет участие в конфе-

рени лишь в том случае, если дата ее созыва и повестка дня будут установлены заранее. Он поставил также условием снять запрет с «Сева дал» и освободить всех политических заключенных. На этой конференции, сказал он, Конгресс попытался бы добиться удовлетворения своих требований в связи с халифатом, пенджабской трагедией * и свараджем. Таковы были его категорические условия, и только в случае их удовлетворения он соглашался отсрочить сатьяграху.

Организаторы конференции подготовили резолюцию, но Гандиджи не мог поддержать ее. Тогда для ее изучения и внесения на конференцию с необходимыми поправками была создана подкомиссия. На меня произвела сильное впечатление одна из речей, произнесенных на конференции,— речь сэра Хормусджи Вадиа, известного коммерсанта, придерживавшегося либеральных взглядов. Хотя последний и был противником движения сатьяграхи, он в резких выражениях осудил репрессивную политику правительства и возложил на него всю ответственность за создавшееся в то время положение.

На следующий день состоялось заседание подкомиссии, на котором присутствовал и Гандиджи. Разработанный текст резолюции оказался неприемлемым для сэра Санкарана Наира, и он не явился на вечернее заседание подкомиссии. Председательское кресло занял сэр М. Висвесварая, и резолюция была принята. Гандиджи снова подтвердил свою позицию, но обещал попытаться отсрочить сатьяграху.

На конференции присутствовали почти все члены Рабочего комитета Конгресса. Они собрались и приняли решение о том, что сатьяграха откладывается до 31 января и что даже в том случае, если бы правительство отказалось принять условия Конгресса по поводу конференции круглого стола, массовая сатьяграха не начнется до нового заседания Рабочего комитета, на котором должен быть решен этот вопрос. Допускалась только индивидуальная сатьяграха в случаях, когда ее нельзя было избежать. Однако Рабочий комитет постановил, что работа по созданию «Сева дал» должна продолжаться.

Резолюция, принятая Бомбейской конференцией руководящих деятелей либерального направления, была передана по телеграфу лорду Ридингу; тем самым ему было сообщено, что условия, предъявленные вице-королем депутации в Калькутте, приемлемы для Конгресса, и что, следовательно, правительство может созвать конференцию круглого стола. Вице-король немедленно отверг это предложение. Обмен телеграммами продол-

* Автор имеет в виду расстрел английскими войсками мирной демонстрации на площади Джалианвала Багх в Амритсаре 13 апреля 1919 года.— *Прим. ред.*

жался до 31 января 1922 года, когда Конгресс счел, что наступило время принять окончательное решение.

В феврале в Бардоли состоялся митинг, на котором присутствовали Гандиджи и Хаким Аджмал Хан. На нем было принято решение начать в этом городе сатьяграху. Витхалбхай Патель и Валлабхай Патель поселились в Бардоли. Гандиджи присоединился к ним и разъяснял народу, каково значение сатьяграхи и с какими страданиями она сопряжена. Он требовал от людей клятвы, что они будут твердо стоять за правду и ненасилие и принесут любые жертвы ради свободы своей страны.

Следующее заседание Рабочего комитета Конгресса, состоявшееся в Сурате, утвердило решение Гандиджи начать сатьяграху в Бардоли. Затем Гандиджи написал вице-королю письмо, сообщая о решении приступить к сатьяграхе и о том, когда она начнется.

*

ЧАУРИ-ЧАУРА И ПРИОСТАНОВКА САТЬЯГРАХИ

Во время моей поездки по Музаффарпурскому округу, когда я выступал на митинге в селении Пури, мне вручили телеграмму с вызовом на внеочередное заседание Рабочего комитета Конгресса в Бардоли. Я прервал свою поездку и первым же поездом выехал в Патну, чтобы оттуда добраться до Бардоли.

Одновременно я узнал из газет о трагических событиях в селении Чаури-Чаура, находящемся в Горакхпурском округе Соединенных провинций. Там произошло столкновение между населением и полицией, и разъяренная толпа подожгла полицейский участок, причем много полицейских, находившихся там, были убиты или сгорели.

По прибытии в Бардоли я встретил на вокзале пандита Малавия, который сказал мне, что заседание Рабочего комитета уже закончилось и сатьяграха приостановлена. Он объяснил, что заседание в Бардоли для обсуждения серьезных событий, происшедших в Чаури-Чаура, было созвано по требованию Гандиджи, который очень взволнован инцидентом и считает, что народ не понимает исключительного значения ненасилия. До тех пор, пока люди не осознали смысла ахимсы, говорит Гандиджи, опасно развертывать движение сатьяграхи, ибо то, что случилось в Чаури-Чаура, может произойти и в других местах. Единственным следствием этого, добавил он, будет усиление правительственных репрессий. Помимо предвосхищения такой реакции правительства Гандиджи не верил в свободу, достигнутую путем насильственной борьбы. Поэтому он считал нужным приостановить сатьяграху. Рабочий комитет согласился с его мнением.

Это решение потрясло меня, и я поспешил на квартиру Ганди. Он спросил меня, слышал ли я о решении Рабочего комитета. Я кивнул, и тогда он осведомился, как я к этому отношусь.

Не успел еще я ответить, как Гандиджи, заметив на моем лице выражение сомнения, разъяснил мне положение и затем, помолчав, добавил:

— Теперь обдумайте то, что я сказал.

Я тщательно продумал вопрос в свете всего сказанного Гандиджи и понял, что его позиция правильна. Так я и сказал ему на следующий день. После пятидневной голодовки Гандиджи выступил на митинге и объявил о решении Рабочего комитета.

Хаким Аджмал Хан и д-р Ансари, не имевшие возможности присутствовать на заседании Рабочего комитета в Бардоли, письменно присоединились к принятому решению, но многие были возмущены им. Не говоря уже о рядовых работниках Конгресса, такие руководящие деятели, как Мотилал Неру, Лалла Ладжпат Рай и другие, находившиеся в тюрьме, были совершенно обескуражены. Страну охватило уныние.

Когда я еще находился в Бардоли, Гандиджи сформулировал план конструктивной работы, который с тех пор занимал главное место в программе Конгресса. Резолюция Рабочего комитета по этому поводу имеет столь важное значение, что я считаю необходимым привести ее здесь полностью. В ней говорится:

«Поскольку горахпурская трагедия является убедительным доказательством того, что массы еще не осознали в полной мере необходимость ненасилия как неотъемлемой и главной составной части массовой кампании гражданского неповиновения, поскольку имеющиеся сообщения о непродуманном принятии в число добровольцев всех желающих в нарушение указаний Конгресса свидетельствует об отсутствии понимания главной сути сатьяграхи и поскольку, по мнению Рабочего комитета, задержка в достижении национальной цели вызвана исключительно слабым и неполным претворением в жизнь устава Конгресса, а также стремясь поднять уровень организационной работы, Рабочий комитет рекомендует всем организациям Конгресса проводить следующие мероприятия:

1. Завербовать в число членов Конгресса не менее десяти миллионов человек.

Примечание. а) Поскольку применение мирных и законных средств является самым главным принципом Конгресса, в его члены не должен быть принят ни один человек, не считающий такие меры необходимыми для достижения свараджа. Поэтому каждому лицу, изъявляющему желание стать членом Конгресса, должны быть подробно разъяснены принципы Конгресса.

Примечание. б) Активисты должны иметь в виду, что полноправными конгрессистами могут считаться только лица, уплачивающие ежегодные взносы, поэтому всем старым членам предлагается пройти перерегистрацию.

2. Пропагандировать ручную пряжку, организовать производство *кхаддара* на ручном станке из пряжи ручного изготовления и пропагандировать его ношение путем обхода домов.

Примечание. С этой целью все активисты и должностные лица должны носить *кхаддар*, и рекомендуется, чтобы для поощрения других они сами обучились ручному прядению.

3. Организовывать национальные школы.

Примечание. Не следует заниматься пикетированием государственных школ, но необходимо подчеркивать превосходство национальных школ во всех важнейших областях, чтобы отвлекать учащихся из государственных школ и школ, субсидируемых государством.

4. Организовать угнетенные классы для достижения ими лучшей жизни, изменять их социальное положение, расширять их умственный кругозор и повышать их моральный уровень, побуждать их посылать своих детей в национальные школы и обеспечивать им такие же бытовые условия, какими пользуются другие граждане.

Примечание. Поэтому, хотя в тех местах, где еще сильны предубеждения в отношении касты неприкасаемых, следует создавать на средства Конгресса отдельные школы и отдельные колодцы, необходимо прилагать все усилия к тому, чтобы вовлекать детей касты неприкасаемых в национальные школы и убеждать население разрешать неприкасаемым пользоваться общественными колодцами.

5. Проводить пропаганду трезвости среди лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, производя для этого обход домов, причем рассчитывать в большей мере на убеждение, чем на пикетирование питейных заведений.

6. Организовывать сельские и городские панчаяты для разрешения в частном порядке всех споров, опираясь исключительно на силу общественного мнения и рассчитывая на то, что справедливость решений панчаята обеспечит подчинение им.

Примечание. Чтобы избежать даже намека на принуждение, не следует подвергать общественному бойкоту тех, кто не подчинится решениям панчаятов.

7. Для развития и укрепления единства между всеми классами и национальностями и взаимного доброжелательства, что является целью движения несотрудничества, создать отдел социального обслуживания, который будет оказывать помощь всем без исключения в случаях болезни или несчастья.

Примечание. Каждый участник движения несотрудничества, твердый в своих убеждениях, будет считать своим священным долгом оказать личную услугу в случае болезни или несчастья любому лицу, независимо от того, англичанин он или индеец.

8. Продолжать сбор средств в фонд свараджа имени Тилака и призывать всех конгрессистов и сочувствующих Конгрессу внести в этот фонд не менее одной сотой части их дохода за 1921 год, а все провинции — пересылать ежемесячно Всеиндийскому комитету Конгресса 25 процентов средств, собранных ими в фонд свараджа имени Тилака.

Вышеизложенные решения будут представлены очередному заседанию Всеиндийского комитета Конгресса для их рассмотрения в случае необходимости».

Заседание Всеиндийского комитета Конгресса, которому предстояло обсудить принятые в Бардоли решения, должно было состояться в Дели. При установлении даты забыли справиться с календарем, и оказалось, что намеченный день пришелся на праздник *шивараатри*, когда индусы обычно соблюдают пост. Поступило много телеграмм с предложением собраться в какой-либо другой день, но Гандиджи не соглашался на изменение даты. Когда я указал ему, что индусы считают этот день большим праздником, и заметил, что было бы желательно перенести заседание ВИКК, Гандиджи дал на это характерный для него ответ:

— Нет ничего несовместимого между постом и заседанием. Те, кто постятся, могут тоже принять участие в заседании, ибо не запрещено делать доброе дело в день поста. Это важный национальный долг. Ничто не может более приличествовать индусу, чем участие в заседании с духом, очищенным верой.

Так он и не перенес заседание.

Перед началом работы Всеиндийского комитета Конгресса в Дели состоялось заседание Рабочего комитета, которому пришлось обсудить ту бурную реакцию, которую вызвала по всей стране позиция, занятая им в Бардоли. В письме Лалла Ладжпата Рая и Мотилала говорилось:

«Это решение принесло стране большой вред. Оно не только деморализует народ, но наносит удар и по престижу нации».

Другие руководящие деятели прислали письма в таком же роде. Создавалось впечатление, что все эти деятели в сущности отказываются признавать руководство Гандиджи. Но Гандиджи был невозмутим. Он сказал, что те, кто находится в заключении, не могут знать, что происходит в стране, и не имеют права

высказывать свои мнения, а мы не должны придавать большого значения их словам. Когда Гандиджи принимал какое-либо решение, он непоколебимо придерживался его, каким бы ожесточенным ни было сопротивление.

На заседании Всеиндийского комитета Конгресса Гандиджи предложил утвердить принятое в Бардоли решение. Д-р Б. С. Мунджи внес поправку, предлагая создать комиссию, которая изучила бы положение, создавшееся в связи с движением гражданского неповиновения, и определила правильную линию, которой должна следовать страна. Эта поправка и выступления в ее поддержку носили характер выражения недоверия Гандиджи. На беду председатель Конгресса Хаким Аджмал Хан внезапно заболел и покинул заседание, назначив на свое место Гандиджи. Многие из нас сочли неправильным, чтобы заседание вело то самое лицо, по поводу которого ведется дискуссия и которому внесенная резолюция выражает недоверие. Но Гандиджи спокойно занял председательское кресло и выполнил свои обязанности без малейших колебаний, с большим достоинством.

Когда кто-либо вставал, чтобы выступить, Гандиджи спрашивал его, высказывается ли он за поправку или против нее. Если оратор желал высказаться против, Гандиджи просил его обождать, а если он хотел отстаивать поправку, Гандиджи предоставлял ему слово. Таким образом было произнесено много речей в поддержку поправки д-ра Мунджи, но Гандиджи не дал слова никому из тех, кто хотел высказаться в пользу его собственной резолюции. Некоторые из нас были встревожены и недоумевали, но когда в конечном счете резолюция была поставлена на голосование, оказалось, что за поправку д-ра Мунджи голосовали только те, кто высказывался за нее. Поправка была отвергнута, и бардолийское решение утверждено.

Принятая резолюция гласила:

«Всеиндийский комитет Конгресса, внимательно рассмотрев резолюции, принятые Рабочим комитетом на заседании, состоявшемся в Бардоли 11 и 12 февраля 1922 года, утверждает указанные резолюции и принимает решение о том, что индивидуальное гражданское неповиновение как оборонительного, так и наступательного характера в определенных местах или в отношении определенных законов может быть начато по указанию и с разрешения соответствующих провинциальных комитетов; такое разрешение не будет дано до тех пор, пока не будут строго соблюдены все условия, поставленные Всеиндийским комитетом Конгресса или его Рабочим комитетом.

Поскольку из различных источников получены сообщения, что пикетирование магазинов иностранных тканей так же необходимо, как и пикетирование магазинов, торгующих спиртными напитками, Всеиндийский комитет Конгресса разрешает такое пикетирование, носящее доброжелательный характер. Он желает, чтобы было понято, что решения Рабочего комитета не означают отказа от первоначально принятой Конгрессом программы несотрудничества либо же окончательного отказа от массового гражданского неповиновения, но считает, что необходимая обстановка для массового ненасилия может быть создана активистами, если они сосредоточат внимание на конструктивной программе, разработанной Рабочим комитетом в Бардоли.

Всеиндийский комитет Конгресса считает гражданское неповиновение правом и обязанностью народа; оно должно осуществляться, хотя бы государство и противодействовало объявленной воле народа.

Примечание. Индивидуальное гражданское неповиновение есть неповиновение распоряжениям или законам, осуществляемое отдельным лицом или отдельной группой лиц. Таким образом, проведение запрещенного митинга, вход на который производится по билетам и на который никто не допускается без разрешения, является индивидуальным гражданским неповиновением, тогда как проведение запрещенного митинга, на который допускаются все желающие без ограничений, представляет собой массовое гражданское неповиновение. Такое гражданское неповиновение будет оборонительным, если запрещенный митинг проводится в порядке обычной деятельности, хотя бы его посещение могло повлечь за собой арест. Оно будет наступательным, если митинг проводится не в порядке осуществления обычной деятельности, а лишь для того, чтобы добиться ареста и заключения в тюрьму».

В то время корреспондентом агентства Ассошиэтед пресс оф Индия был журналист К. Ч. Рай, с которым я познакомился, когда учился в колледже в Калькутте. Мы случайно встретились с ним в Дели. Он отвел меня в сторону и рассказал, что правительство решило взять очень жесткую линию в отношении Конгресса, так как ему известно, что Конгресс ослаблен внутренними разногласиями. Рай добавил, что Гандиджи вскоре будет арестован. Я подумал, что мой собеседник попросту излагает свое собственное мнение, и не понял, что его слова основаны на достоверной информации.

Едва мы успели разбегаться из Дели по домам, как было получено известие, что Гандиджи арестован и заключен

в Сабарматийскую тюрьму. Я немедленно выехал в Сабармати, чтобы поспеть ко времени слушания дела Гандиджи в Верховном суде.

Никогда не изгладится из моей памяти то, что я видел на суде. Выступление Гандиджи поражало своей прямоотой и мужеством. Ему было предъявлено обвинение в помещении мятежных статей в «Янг Индия». Гандиджи не только признал себя виновным, но сказал также, что, когда его освободят, он будет делать то же и не откажется от «игры с огнем».

Приговор судьи был кратким. Ему еще никогда не представлялся случай разбирать дело такой знаменитости, как Гандиджи, и не приходилось рассчитывать на такой случай в будущем. Гандиджи пользовался величайшим уважением миллионов своих соотечественников. Однако судья обязан строго придерживаться закона, а закон не признает разницы между отдельными людьми. Поэтому судье пришлось осудить Гандиджи. С волнением в голосе он сказал, что, хотя обвиняемый своим признанием облегчил задачу судьи, он сталкивается при вынесении приговора с трудной проблемой. Затем он заявил, что Гандиджи такой же великий человек, как Локаманья Тилак, так что справедливость будет соблюдена, если приговор Гандиджи будет таким же, какой был вынесен при аналогичных обстоятельствах Тилаку, а именно шесть лет тюрьмы.

Гандиджи поблагодарил судью за то, что тот поставил его в один ряд с Локаманьей Тилаком. Когда судья удалился из зала заседаний, мы все подошли к Гандиджи, чтобы попрощаться с ним. Это была очень трогательная сцена. Я разрыдался, и мне с большим трудом удалось через некоторое время овладеть собой и проститься с Гандиджи.

Шанкар Лал Банкер, который тоже был осужден по тому же процессу как издатель «Янг Индия», получил один год заключения, и ему посчастливилось попасть в ту же тюрьму, что и Гандиджи.

КОНСТРУКТИВНАЯ ПРОГРАММА

Отправляясь в тюрьму, Гандиджи призвал всех конгресси-стов сосредоточить внимание на разъяснении конструктивной программы Конгресса, которая должна была являться подготовкой к сатьяграхе. После его ареста общественный подъем, достигший новых высот в ожидании начала сатьяграхи, сменился унадом духа и безразличием. Некоторые с горечью говорили, что Гандиджи навсегда лишил нас возможности проведения массовой кампании и отдалил завоевание свободы. Другие полагали, что нет смысла отказываться от сатьяграхи и вместе с тем продолжать бойкот законодательных органов. Однако сторонники Гандиджи подчеркивали важное значение практической работы и начали энергично разъяснять в массах программу. Семена разлада, которые были посеяны после неудачных переговоров о компромиссе с лордом Ридингом в декабре 1921 года, пустили ростки ко времени принятия бардолийской резолюции, и теперь эти ростки расцвели пышным цветом.

Руководящие деятели *Махараштры* с самого начала были недовольны программой сатьяграхи. Хотя они признали решение Конгресса, поскольку его поддержало большинство, они никогда не вкладывали душу в кампанию. Как только представилась возможность, они подняли голос протеста. Их голос прозвучал диссонансом на бомбейском заседании Всеиндийского комитета Конгресса в июле 1921 года, и то же самое было на Ахмадабадской сессии Конгресса. Когда заседанию ВИКК в Дели предстояло утвердить бардолийскую резолюцию, д-р Мунджи попытался воспользоваться случаем и добиться пересмотра всей программы Конгресса. Эта тактика не увенчалась успехом, и д-р Мунджи внес такую же резолюцию на обсуждение комитета Конгресса провинции Мадхья-Прадеш. Была создана комиссия для изучения вопроса, и она представила новую программу. Провинциальный комитет Конгресса решил послать доклад комиссии на рассмотрение Всеиндийского комитета Конгресса.

Однако конгрессисты Мадхья-Прадеша вовсе не стояли за этот новый курс. В Нагпуре состоялся многолюдный митинг под председательством шета Джамуналал Баджаджа, на котором после семичасовой дискуссии, несмотря на все усилия сторонников д-ра Мунджи, доклад комиссии по изучению вопроса был отвергнут подавляющим большинством голосов.

Бихарский комитет Конгресса горячо приветствовал решения, принятые в Бардоли и Дели, и признал конструктивную программу Конгресса. Сатьяграха была приостановлена, и окружным комитетам было дано указание энергично выполнять конструктивную программу, хотя правительство продолжало очень широко проводить свою репрессивную политику. Одним из результатов нашего решения было то, что все деятели, вышедшие из Конгресса, когда была начата кампания сатьяграхи, теперь соглашались помогать ему в проведении конструктивной программы. Первое место среди этих деятелей занимал Ганеш Датта Синг. Они провели в Патне митинг, на котором присутствовали участники движения несотрудничества, в том числе и я. На этом митинге было решено всячески содействовать Конгрессу в осуществлении его новой программы.

Мы горячо взяли за пропаганду кхадхи. Была также проведена конференция для рассмотрения программы, которая должна изучаться в национальных учебных заведениях. Мы приняли меры для оказания денежной помощи национальным школам в провинции и начали совершать длительные поездки для проведения нашей работы.

Власти продолжали аресты активистов Конгресса, но вместе с тем дела осужденных во время движения были переданы на пересмотр члену Высшего суда Патны Басант Кумар Малику. Он пересмотрел дела, и по его рекомендации кое-кто из осужденных был освобожден, а некоторые приговоры смягчены. Однако большинства осужденных это не коснулось, и они продолжали отбывать свои сроки заключения.

В 1921 году после смерти Рай Бахадур Кришна Сахаи членом Исполнительного совета при губернаторе Бихара был назначен д-р Саччидананда Синха. Он возглавил тюремное ведомство и произвел в тюрьмах некоторые реформы, изменившие положение политических заключенных. Хотя эти реформы были недостаточными, публика приветствовала их, но тюремным властям они пришлись не по вкусу. Генеральным инспектором бихарских тюрем был назначен чиновник из другой провинции сэр Хормусджи Банатвала, исключительно жестокий и грубый человек, и это было началом тяжелых времен для политических заключенных, несмотря на реформы д-ра Синха. Работа на чакки (крупорушка для кукурузы) и на местных колху (мас-

добойках) стала обязательной. Невыполнение определенного задания жестоко каралось. заключенные подвергались многим видам очень суровых наказаний. В отдельных случаях применялась и порка. Однажды большое количество заключенных-мусульман вступили в столкновение с тюремными властями из-за *азана*. Когда заключенные не подчинились требованию начальства прекратить *азан*, они были очень жестоко наказаны за это.

Мазхарул Хак поместил в своей еженедельной газете «Мазерланд» («Родина»), выходявшей в Патне с сентября 1921 года, ряд статей, осуждавших жестокости в тюрьмах. Сэр Хормусджи добился того, что Мазхарул Хак был привлечен к ответственности и осужден. Я тоже написал статью, содержащую резкую критику тюремной администрации д-ра Синха.

Всеиндийский комитет Конгресса, который неоднократно заседал после заключения в тюрьму Махатмы Ганди, подчеркивал значение конструктивной работы. На одном из заседаний было решено создать специальное бюро для организации и координации пропаганды кхадхи и отпустить для этого дела средства из фонда свараджа имени Тилака.

Генеральный секретарь Конгресса Витхалбхай Патель призывал народ вступать в Конгресс, вносить пожертвования в фонд свараджа имени Тилака, носить кхадхи, помогать ликвидации неприкасаемости и пропагандировать национальное образование. Однако его не удовлетворяли темпы, которыми выполнялась конструктивная программа. В Лакхнау было созвано заседание ВИКК, на котором я был, но по болезни не мог принять активного участия. Мотилал Неру, только что выпущенный в то время из тюрьмы, присутствовал на втором заседании. Витхалбхай Патель указал на слабое выполнение конструктивной программы и предложил создать комиссию для поездок по стране и составления доклада о степени готовности народа к началу сатьяграхи. Мотилал Неру поддержал это предложение. Председателю было поручено немедленно создать такую комиссию.

Гандиджи обладал даром определять состояние общественного мнения без таких обследований. Он почти интуитивно знал настроение народа, и с самого своего возвращения в Индию из Южной Африки полагался на свои впечатления. В его отсутствие ВИКК был вынужден прибегнуть к созданию комиссии, которая изучала бы общественное мнение, но это ни к чему не привело. Мы попросту пошли по стопам англичан, которые создают комиссии, когда им хочется отложить решение в долгий ящик.

Заседание Всеиндийского комитета Конгресса в Лакхнау приняло предложение Рабочего комитета о создании бюро для организации работы по внедрению кхади. Многим провинциям были отпущены из фонда свараджа имени Тилака средства на производство и внедрение кхади, но мало кто знал, как вести эту работу, и ею в большинстве случаев совершенно не руководили. Чтобы избежать расточительства и обеспечить надлежащее согласование, на новый орган были возложены контрольные функции, и его председателем был назначен шет Джамуналал Баджадж. Он всей душой верил в практическую работу и с большим энтузиазмом занялся пропагандой кхади и борьбой против неприкасаемости.

Комиссия по изучению условий проведения сатьяграхи, созданная в Лакхнау, разработала вопросник и предложила местным комитетам Конгресса ответить на поставленные вопросы. Позднее она решила совершить поездку по провинциям и записать высказывания активистов Конгресса. Когда комиссия прибыла в Патну, я высказался за программу Гандиджи. В процессе обследования члены комиссии пришли к двум различным выводам: одна группа придерживалась мнения, что страна должна быть подготовлена к сатьяграхе путем выполнения конструктивной программы, а другая считала, что страна не готова к сатьяграхе, что следует отменить принятое в Калькутте решение о бойкоте законодательных органов и что конгрессисты должны добиваться избрания в эти органы. Такие разногласия вызывались различиями взглядов и среди местных работников, хотя большинство их, видимо, стояло за пропаганду конструктивной программы Махатмы.

В конечном счете, когда для комиссии настало время представить свой доклад, она не смогла прийти к определенному решению и поэтому удовлетворилась тем, что изложила мнения отдельных своих членов. Когда выводы комиссии были опубликованы в газетах, и без того явные разногласия еще больше обострились, и в печати, а также в кругах Конгресса разгорелись яростные споры. Те, кто стоял за вхождение в законодательные органы, получили название «сторонников перемен», а те, кто выступал против этого и за конструктивную программу, стали известны как «противники перемен».

С течением времени лидеры Конгресса, отбыв срок заключения, были освобождены, кроме осужденного на длительный срок Лалла Ладжпат Рая. До этого времени Мотилал Неру не высказывал публично своих взглядов, но когда Дешбандху Дас вышел из тюрьмы, мы узнали, что Мотилал Неру стоит за вхождение в законодательные органы и что Дешбандху с ним согласен.

В Калькутте было созвано заседание Всеиндийского комитета Конгресса для рассмотрения доклада комиссии по вопросу о сатьяграхе. Я тоже принял участие в прениях, которые длились четыре дня. Группу «противников перемен», в которую входили такие руководящие деятели, как сардар Валлабхай Патель, д-р Ансари и Джамуналал Баджадж, возглавлял Ч. Раджагопалачария. Оставив в стороне вопрос о вхождении в законодательные органы, мы пытались найти компромиссную формулу, но нам это не удалось. Поэтому дискуссия была отложена до очередной сессии Национального конгресса.

РЕПРЕССИИ В АССАМЕ И В САНТАЛ ПАРГАНА

Еще в то время, когда большинство руководящих деятелей находилось в заключении, посыпались сообщения о страшных репрессиях в Ассаме. Ассамский провинциальный комитет Конгресса создал в городах и селах местные комитеты, по которым правительство и нанесло удар. Многие помещения комитетов Конгресса были сожжены, большинство видных работников, в том числе членов «Сева дал», арестовано.

Правительство Ассамы имело свои основания так обрушиться на организацию Конгресса этой провинции. Дело в том, что местное население начало злоупотреблять опиумом. Это подрывало энергию, ослабляло физические и умственные силы, люди преждевременно старели и теряли всякую трудоспособность. Узнав об этом, Гандиджи поручил местным работникам Конгресса организовать кампанию против курения опиума. Активисты развернули эту кампанию с большой энергией, и она немедленно отразилась на сокращении сбыта опиума, который был главным источником доходов правительства. Когда доходы резко сократились, власти задумали ликвидировать организацию Конгресса.

Пандит Малавия решил отправиться в Ассам, и я поехал с ним. Оба мы впервые посетили эту провинцию, и меня поразила чарующая красота ее природы. Буйная растительность долин, прекрасные реки, и среди них величественная Брахмапутра, горные массивы, густые леса — все это пленяло взор. Однако дикие звери, которыми изобилует лес, и гористый рельеф местности делали рискованными как занятие сельским хозяйством, так и путешествия. Из-за чрезмерных осадков и сырого климата значительная часть провинции заражена малярией.

Пандит Малавия произнес в Гаухати сильную и убедительную речь. Он призывал слушателей энергично продолжать борьбу против опиума. Я тоже выступил на том же собрании, хотя не могло быть никакой надежды произвести впечатление

на аудиторию, только что слушавшую такого талантливого оратора, как пандит Малавия.

Поскольку времени было в обрез и мы не имели возможности совершить очень длительную поездку, мы выбрали те пункты, которые, по имеющимся сведениям, оказались объектами правительственных репрессий, и решили поодиночке посетить их. Пандит Малавия, которому было уже за шестьдесят, отправился туда, куда можно было доехать по железной дороге или пароходом, а я — в те места, куда приходилось добираться только на волах.

Прежде всего я поехал в дальнейшее селение, на которое обрушился террор властей. Надо было пробираться через дремучий лес. Я был удивлен, увидев в селениях, через которые мы проезжали, много рабочих из Бихара. Они же были возчиками на телегах, запряженных волами. Однажды, когда в районе Гаухати мне пришлось спуститься к Брахмапутре, я услышал, что два лодочника говорят на диалекте Чапры. Они сказали мне, что они рыбаки из одного села моего округа и занимаются теперь перевозкой грузов.

Селение, куда я направился, находилось в тридцати шести милях от Гаухати. В сопровождении нескольких добровольцев я выехал на грузовике, но через шестнадцать миль пришлось сойти и остальное расстояние надо было проехать на волах по дремучему лесу. Мы сошли с грузовика в двенадцать часов дня и, подкрепившись, намеревались продолжать путь, рассчитывая прибыть на место к вечеру. Но из-за сильной жары возчики не хотели выезжать раньше пяти часов дня. Нас было пятеро, и мы наняли две повозки. В пять часов мы выехали и к восьми часам добрались до маленькой деревушки. Из еды там удалось достать только поджаренный горох. После короткой остановки мы двинулись дальше.

Я было задремал в своей повозке, но внезапно был разбужен неистовыми криками и терзающими слух звуками: это мои спутники колотили в пустые жестяные банки, кричали и пели, а возчики между тем гнали животных с максимальной скоростью, на которую те были способны. Мы ехали по узкой дороге, пролежавшей в густом лесу в глубине ущелья. На мои вопросы мне ответили, что в лесу много диких зверей, особенно тигров, и что грохот поднимается для того, чтобы отпугнуть их. Обычно сильный шум оказывает на зверей желательное действие, и даже вышедшие в поисках добычи тигры уходят прочь. Однако иногда попадаются такие свирепые звери, которых нелегко испугать, и наглость их доходит до того, что они могут утащить вола из упряжки. Такой случай, оказывается, был совсем недавно. Больше мне уже не спалось, и когда рано утром

мы прибыли на место, я вылез из повозки с чувством облегчения.

В селе мы увидели обугленные остатки помещения комитета Конгресса. Его работники находились в тюрьме. Жители были запуганы и потеряли интерес к конгрессистской деятельности. Наш приезд пробудил в них некоторые надежды, и они окружили нас. Когда мы сказали, что хотим вечером выступить перед ними, они дали знать в соседние села. Крестьяне рассказали нам, что кампания борьбы против опиума приобретала здесь все больший размах, но вдруг явилась полиция и увезла активистов Конгресса. После полудня на сельской площади собралось триста человек, и я выступил с речью. Ко времени окончания митинга доверие в некоторой мере было восстановлено и крестьяне обещали нам построить новое здание для комитета Конгресса. Полиция все время наблюдала за митингом.

В три часа дня мы отправились в обратный путь по ущелью. Нам хотелось проехать его днем, чтобы не пришлось колотить в жестянки, но вечер захватил нас еще в ущелье. Мы все шли пешком, а повозки ехали следом. Вдруг мы слышали громкий рев тигров, но не видели ни одного зверя. Всю ночь мы ехали в повозках и только рано утром пересели в грузовик. В десять часов утра мы были в Гаухати. Посетив еще несколько сел, я встретился с пандитом Малавия, и мы отправились в Лакхнау, где должно было состояться заседание Всеиндийского комитета Конгресса. В целом наша поездка была очень удачной.

В это же время до меня дошли известия о зверствах в моей собственной провинции, в районе Сантал Паргана, особенно в селении Пакур. С несколькими спутниками-добровольцами я отправился в это селение. Когда я прибыл на ближайшую железнодорожную станцию, оказалось, что нас никто не встречает. Мы провели ночь на платформе и утром выехали в Пакур. По пути нам встретился человек, лицо которого показалось мне знакомым. Он улыбнулся мне и сказал, что был знаком со мной в то время, когда я занимался адвокатской практикой в Патне. Он слышал о нашем приезде, и, поскольку крестьяне были настолько запуганы, что даже не решились встретить нас, он пришел предложить нам свое гостеприимство. Мы немного отдохнули в его доме и отправились в тюрьму, где находились работники Конгресса, арестованные несколько дней назад. Только в полдень нам удалось повидать заключенных, и когда мы вернулись со свиданья, зной был невыносим. Пока мы спали на платформе, собака утащила у меня один ботинок, так что я ходил босиком и с трудом мог двигаться. Когда я добрался до дома моего хозяина, нога была покрыта волдырями. Любез-

ный хозяин достал мне пару легких соломенных туфель. Вечером мы выступили на митинге, а затем обошли дома всех арестованных и утешали членов их семей. Наш приезд несколько ободрял крестьян.

Мы посетили также селение Думка, жители которого тоже были настолько запуганы, что никто не пригласил нас к себе, и нам пришлось остановиться в *дхармашале*. Однако через некоторое время люди стали по одному приходить и рассказывать нам о своих горестях. Нам сообщили, что и в другом селении того же округа есть человек, который хорошо принимал приезжих руководителей Конгресса, например в жару овевал их опахалом. За это власти отняли у него землю. Дело в том, что вся земля в этом округе считается государственной, и можно без всяких церемоний отобрать у человека его участок. Мы приложили все усилия, чтобы добиться возвращения ему земли, но ничего из этого не вышло.

Затем пришел интересный посетитель. Это был помощник полицейского инспектора. Он свободно говорил на языке бходжпури, вел себя чрезвычайно учтиво и заявил нам, что, поскольку мы уже выполнили свою программу, нам следует как можно скорее выехать из Думки, ибо на этот счет имеется распоряжение. Мы попросили показать нам это распоряжение, и полицейский пошел за ним, но не вернулся. Мы напрасно ждали его. Поскольку нам больше нечего было делать, мы уехали из Думки ночным поездом. Вернувшись в Патну, я составил подробный отчет о полицейских зверствах в районе Сантал Паргана, и он был опубликован всеми газетами Бихара.

СОБЫТИЯ В ГУРУ-КА-БАГХЕ И МУЛТАНЕ

В августе-сентябре 1922 года произошли два события, отразившиеся на политической атмосфере всей страны. Первое — это борьба в Гуру-ка-Багхе (Пенджаб). Уже в течение долгого времени сикхи добивались наведения порядка в их храмах — гурудварах, большая часть которых связана с событиями из жизни *гуру*. Сикхи перенесли тяжелые испытания, подвергались зверским преследованиям за свою веру, поэтому они страстно привязаны к своим гурудварам и горячо почитают их. К гурудварам были приписаны земля и имущество, пожертвованные населением, и лицам, на попечении которых находились храмы, поручалось также управление этими земельными участками. Постепенно гурудвары фактически перешли в собственность махантов (настоятелей храмов), среди которых были люди бесчестные. Часть сикхов, организованных в рядах *«Акали дал»*, потребовала изменить систему управления гурудварами и настаивала на том, чтобы власть махантов находилась под контролем.

Волнение постепенно распространялось. Чтобы взять в свои руки управление гурудварами, акали создали организации, известные под названием *«комитеты широмани гурудвара пра-бандхак»*. Некоторые маханты подчинились требованию народа и передали гурудвары комитетам широмани. Власти тоже обдумывали возможность передачи управления гурудварами этим комитетам, но никакого решения еще не было принято. Тем временем некоторые маханты начали оказывать сопротивление требованиям *акали*, прибегая к силе. В Нанкане махант гурудвара организовал убийство многих акали. Это возмутило акали, и они решили начать ненасильственную борьбу за передачу им гурудваров. Такая борьба не была новым делом для сикхов: они уже накопили опыт пассивного сопротивления при власти мусульман и перенесли большие страдания.

Махант гурудвара в Гуру-ка-Багхе, находящемся в нескольких милях от Амритсара, согласился передать акали гурудвару,

по оставил себе *маху*. Близ гурудвары находилась рощица, принадлежавшая маханту, которая и стала яблоком раздора между ним и акали. Получив гурудвару, акали в соответствии с освященным веками обычаем решили устроить бесплатное угощение для народа и начали рубить на топливо бабуловые деревья в этой роще. Махант запротестовал и вызвал к себе на помощь полицию. Власти запретили акали доступ на этот участок земли. В связи с этим акали и прибегли к сатьяграхе.

Игнорируя распоряжения властей, акали начали рубить лес в роще. В первые несколько дней полиция арестовывала участников сатьяграхи, а потом их стали избивать и отпускать. Затем полиция попыталась не пускать акали на дорогу, ведущую к лесу. Это оказалось невозможным, потому что акали горели энтузиазмом и дали обет проникнуть туда. Тогда полицейские стали избивать участников сатьяграхи до потери сознания. Сикхи устроили поблизости лазареты для лечения раненых сатьяграхистов.

Известие об этой сатьяграхе распространилось по всей стране. Люди приезжали из отдаленных мест, чтобы увидеть ее. Пандит Малавия и Хаким Аджмал Хан отправились в Амритсар. Я тоже поехал туда. В Амритсаре собралось заседание Всеиндийского комитета Конгресса, после которого все участники поехали в Гуру-ка-Багх. Невозможно забыть страшное зрелище, которое нам представилось. Несколько крепких, хорошо сложенных сикхов шли вперед со скрещенными на груди руками. Им преграждал дорогу отряд вооруженных дубинками полицейских под командованием английского офицера. Сатьяграхисты садились на корточки, и полицейские начинали избивать их дубинками. Когда полицейские прекращали избивание, сатьяграхисты поднимались и снова шли вперед. Тогда полицейские усиливали град ударов, и это продолжалось до тех пор, пока сатьяграхисты не падали без чувств. Тогда подходили люди с носилками и уносили героев в лазарет. Иногда полицейские хватали сатьяграхистов за длинные волосы и оттаскивали от запретной зоны. Никто из зрителей не поднимал руки на полицейских, и участники сатьяграхи тоже никогда не теряли самообладания. Этот замечательный пример ненасильственной сатьяграхи привлек к себе внимание всей страны.

Тысячи сикхов, в том числе видные члены комитетов широкого фронта, были арестованы. Среди участников сатьяграхи находились люди, отважно сражавшиеся на стороне англичан в Европе во время первой мировой войны. Власти утверждали, что они не могут позволить акали насильственно захватить землю, которая им не принадлежит, и что, поскольку махант просил помощи для охраны своей собственности, они обязаны ока-

зять ему эту помощь. Один полицейский офицер довел применение дубинки до степени «высокого искусства» и регулярно обучал своих людей, как ею пользоваться. Он разработал целый код условных сигналов, по которым полицейские должны были производить избивание различными способами. По его команде полицейские всем отрядом атаковали участников сатьяграхи, осыпая их ударами по головам или спинам. Нельзя было не восхищаться поразительным мужеством и стойкостью сикхов!

Увидев все это, мы убедились в том, что проведение настоящей сатьяграхи практически возможно — требуется только мужество, подлинная сила духа и способность переносить страдания. Если крепкие и мужественные люди обладают такой способностью, никакая сила никогда не будет в состоянии подчинить их.

В конце концов правительство попыталось найти выход из тушика, и он был найден: весьма уважаемое в Пенджабе лицо, сэр Ганга Рам, принял от маханта управление землей и затем передал ее акали. Через некоторое время был издан новый закон, на основании которого до сих пор осуществляется управление гурудварами. Однако это пришло не само собой: потребовалось много времени, и люди перенесли много страданий. Но во всяком случае благодаря самоотверженности и стойкости сикхов здесь снова были доказаны польза и осуществимость сатьяграхи.

Второе событие произошло тоже в Пенджабе. Вскоре после инцидента в Гуру-ка-Багхе в Мултане вспыхнула страшная индусско-мусульманская резня. Столкновение между индусами и мусульманами началось в мусульманский праздник Мохаррам во время прохождение процессии *тазия*. Мусульмане утверждали, что кто-то из индусов бросил камень в тазияю, индусы же категорически отрицали это и заявляли, что мусульмане задумали массовые грабежи и поджоги и сочинили историю с камнем в качестве предлога. Но каково бы ни было происхождение этого погрома, он сопровождался значительными человеческими жертвами, грабежом и поджогами.

Едва получив это известие, исполняющий обязанности председателя Конгресса Хаким Аджмал Хан, а также пандит Малавия, шет Джамуналал Баджадж, Т. Пракасам и я отправились на место столкновений. Отношения между двумя религиозными общинами были настолько напряжены, что даже наше размещение стало проблемой. В конце концов мы разделились на две группы, из которых одна остановилась у одного наваба, а другая — у нескольких местных жителей-индусов. Мы с Хаким Аджмал Ханом жили в доме наваба.

Мы посетили места погромов. Было убито много индусов, а те, кто остались живы после нападения мусульман, рассказывали нам чудовищные вещи. Дома многих индусов были разграблены и сожжены. Я видел, что Хаким Аджмал Хан сильно взволнован рассказом плачущей женщины о том, что, когда уже нечего было грабить, громилы подожгли ее дом и бросили в огонь клетку с попугаем. Мы видели развалины дома, среди которых можно было разглядеть изуродованные остатки железной клетки. Многие храмы и святые места были осквернены.

Мы встретились с заместителем комиссара Мултана Эмерсоном. Во время заключения *пакта Ганди* — *Ирвин* он был министром внутренних дел правительства Индии, а позднее — губернатором Пенджаба. Мы не заметили, чтобы Эмерсон очень стремился к восстановлению добрых отношений между религиозными общинами. Он лишь заявил, что будет сделано все необходимое для привлечения погромщиков к ответственности в соответствии с законом.

Со своей стороны мы решили предпринять реальные меры для восстановления согласия между религиозными общинами. Мы созвали собрание наиболее видных деятелей, и, несмотря на напряженную атмосферу, представители обеих общин приняли в нем участие. Обе общины изъявили готовность примириться и жить в согласии. Особенно встревожены были мусульмане, потому что аресты были произведены главным образом в их среде. Они опасались также того, что их могут принудить возместить ущерб, причиненный индусам. Позднее был созван митинг, на котором выступили Хаким Аджмал Хан и пандит Малавия. Последний убеждал индусов в необходимости сохранить единство для защиты от посягательств на их жизнь и имущество. Он настаивал на том, чтобы правительство приняло меры против погромщиков. Мы создали неофициальную комиссию для содействия установлению мира и согласия между религиозными общинами и уехали из Мултана.

Хаким Аджмал Хан опубликовал заявление, в котором осуждал мусульман за их агрессивные действия и выражал соболезнование пострадавшим индусам. В результате нашего приезда атмосфера в Мултани разрядилась, и обе общины начали восстанавливать разрушенное и устанавливали добрососедские отношения.

Накануне сессии Национального конгресса в Гае некоторые индусы хотели созвать конференцию *«Хинду махасабха»*, поскольку там же было намечено провести халифатистскую конференцию. Организаторам хотелось, чтобы пандит Малавия согласился занять пост председателя конференции *«Хинду махасабха»*, и на меня было оказано большое давление, чтобы я убе-

дил его принять это предложение; мне же предложили быть председателем Организационного комитета. В то время «Хинду махасабха» не была еще такой мощной организацией, как теперь, и ее политика не была явно антиконгрессистской. Халифатистская конференция всегда проводилась одновременно с сессией Конгресса, так что нельзя было предположить, чтобы Конгресс отклонил просьбу «Хинду махасабха». Поэтому я согласился стать председателем Организационного комитета и убедил пандита Малавию принять пост председателя.

На конференции «Хинду махасабха» не произошло ничего особенно важного. Пандит Малавия в своем выступлении рассказал о событиях в Мултани и рекомендовал индусам сплотиться и готовиться к самообороне. Хотя, кроме этого, ничего не случилось, следует признать, что конференция проложила путь к отделению «Хинду махасабхи» от Конгресса. Позднее, когда разногласия четко выкристаллизовались, пандит Малавия выражал сожаление по поводу того, что именно он заложил в Гае основы «Хинду махасабхи» и что он согласился стать председателем этой конференции по моему настоянию. Я не отрицаю этого тогда и не могу отрицать сегодня. Я действительно сыграл роль в проведении конференции. Все, что я могу сказать, это то, что, насколько я мог судить в то время, не было оснований для возражений против участия в конференции «Хинду махасабха» в Гае. Даже мусульмане Гаи не находили в этом ничего предосудительного.

После мултанских погромов напряженность в отношениях между индусами и мусульманами продолжала нарастать. Из различных мест приходили сообщения о межобщинных раздорах. Несмотря на все старания конгрессистов добиться успокоения, случаи столкновений учащались. Как правило, больше всего страдали от этого индусы. Из-за этого возникло стремление индусов к сангатхану (организации) и движение шуддхи (обращения в индуизм). Если бы движение шуддхи, имевшее религиозную основу, не стало фанатическим, оно не приобрело бы столь одиозного характера. Однако в течение нескольких лет после 1923 года главенствующую роль играли у индусов сангатхан и шуддхи, а у мусульман — «танзим ва таблиг» (обращение в ислам), в результате чего многие индусы и мусульмане отошли от Конгресса.

ПОДГОТОВКА К СЕССИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА В БИХАРЕ

Делегаты Бихара на Ахмадабадской сессии Национального конгресса предложили созвать очередную ежегодную сессию в нашей провинции. Через несколько дней после Ахмадабадской сессии мы получили сообщение, что наше предложение принято. До тех пор в Бихаре была проведена только одна сессия Конгресса в 1911 году. В те времена организаторам пришлось трудно, потому что Конгресс был ослаблен внутренними разногласиями, и ежегодные сессии плохо посещались. Организаторы Бихарской сессии допустили тогда перерасход средств, и некоторые кредиторы судом потребовали взыскания причитающихся им сумм с председателя Организационного комитета Мазхарул Хака, с секретаря Саччидананда Синха, а также с членов комитета. Однако после волнений в Чампаране и сатьяграхи 1921 года положение изменилось: провинция пережила период политического пробуждения, и мы были уверены в том, что история не повторится и на этот раз призыв о сборе средств встретит более благоприятный отклик.

Посылая Конгрессу приглашение, мы еще не имели представления о том, где же провести сессию. Поэтому перед заседанием Бихарского провинциального комитета Конгресса, созванном для решения этого вопроса, я совершил небольшую поездку для осмотра нескольких мест. Наиболее подходящим местом мне показалась Гая, о чем я и доложил провинциальному комитету, и он решил провести сессию в этом городе. Однако было решено не создавать Организационного комитета до тех пор, пока число членов нашей организации не возрастет. Для проведения подготовительной работы до образования Организационного комитета была создана небольшая комиссия, секретарем которой был я. В состав комиссии входил также Ануграх Нараян Синха.

Учитывая опыт 1911 года, я решил не производить никаких расходов в кредит и взял за правило не приниматься ни за какую работу, пока для нее не имелось средств. Только таким

образом Организационный комитет мог успешно справиться со своими задачами. Поэтому по всем округам были разосланы циркулярные письма с указаниями относительно вербовки в члены Конгресса и сбора средств.

После Ахмадабадской сессии изменился весь характер сессий Национального конгресса. Из-за необходимости разместить огромное число делегатов и гостей проведение сессии стало сложнейшим делом, требовавшим значительной организационной работы и больших расходов. Нам надо было построить в предместье города целый поселок с соответствующими помещениями для жилья, водопроводом и освещением, большим пандалом для пленарных заседаний. Не без труда нам удалось получить в свое распоряжение на время сессии манговую рощу с прилегающим к ней полем у селения Тунуй, находящегося в двух милях южнее Гаи. Мы решили построить главный пандал в поле, а жилые помещения — в роще. В бунгало, стоявшем в соседнем фруктовом саду, решено было развернуть выставку кхадди.

Сессия Конгресса обычно проводится в последнюю неделю декабря, так что в нашем распоряжении для завершения подготовки было три погожих месяца после окончания периода дождей. Мы приступили к сбору средств, но отклик на наш призыв был слабым, и, поскольку время созыва сессии приближалось, я стал беспокоиться. Оставшегося времени еле хватало для того, чтобы какой-либо подрядчик мог построить к открытию съезда пандал и жилые домики. Для рассмотрения создавшегося положения было созвано собрание Организационного комитета, который к тому времени уже существовал.

Я настаивал на своем первоначальном решении не брать на себя никаких обязательств, пока не собраны соответствующие средства. Нас очень тревожила слабая работа местных конгрессистов, и теперь создавалось впечатление, что мы так и не дождемся поступления денег. В конце концов мы решили взять заем в банке под ответственность и личное обеспечение членов Организационного комитета, положить эти деньги в банк и затем заключить договор на сооружение нашего поселка.

Заем решено было взять на сумму 50 тысяч рупий. Некоторые хотели сохранить этот факт в тайне, поскольку, по их словам, предание его гласности могло, к великой радости чиновников и других клеветников, опорочить Бихарский комитет Конгресса. Я же придерживался другого мнения и считал, что полная осведомленность о положении дел побудит народ прийти нам на помощь. Активисты Конгресса тоже поймут, в какое тяжелое положение мы попали вследствие их бездеятельности, и это заставит их проявлять больше энергии. С моими сообра-

жениями согласились, и решение Организационного комитета было передано в печать. Как я и полагал, это дало положительный результат. Люди осознали, что на карту поставлена честь провинции, и к нам потекли пожертвования. Местные работники Конгресса оживились и начали очень энергично вербовать членов и собирать деньги. Я совершил поездку по провинции, и всюду, куда приезжал, население проявляло большую щедрость. Всего лишь за неделю я собрал и привез в Гаю несколько тысяч рупий.

Члены Организационного комитета жили в том самом бунгало, где мы намеревались устроить выставку кхади. Поскольку было небезопасно держать при себе крупную сумму наличных денег в заброшенном месте, вдалеке от города, я решил немедленно по приезде в Гаю положить их в банк.

На платформе ко мне подошел полицейский офицер. Он читал в газетах о нашем решении взять заем для сооружения поселка *Конгресс-нагар* и подумал, что, быть может, из-за недостатка денег сессия в Гае вообще не состоится. Поэтому он обратился ко мне с вопросом:

— Хэлло, вы получили заем, который вам нужен на проведение сессии Конгресса?

Его тон свидетельствовал о том, что, по его мнению, ни один банк не согласится дать нам деньги.

Я покачал головой и ответил:

— Нет, не получил.

— Как же вы в таком случае проведете сессию? — снова спросил он.

Я спокойно ответил, что в займе нет надобности, потому что мы надеемся собрать все необходимые деньги среди народа, и добавил, что вернулся с солидной суммой. Он приподнял брови, и лицо его выразило недоверие. Я не собирался доказывать ему справедливость моих слов на железнодорожной платформе и, поскольку хотел избавиться от своей ноши, взял извозчика и отправился в банк. Скептически настроенный полицейский офицер поехал за мной на своем велосипеде. Только когда он собственными глазами увидел, что я у банковской конторки отсчитываю деньги, он поверил мне и удалился с явно разочарованным видом.

Деньги так и текли к нам. Все наши поездки заканчивались сбором крупных сумм. Тем временем сооружение Конгресс-нагара шло полным ходом. Конечно, трудно было бедному Бихару соперничать с богатым Гуджаратом в обеспечении таких же удобств, которые были в Ахмадабаде, но я все же думаю, что в Гае все было устроено не так уж плохо, хотя мы потратили гораздо меньше денег, чем Гуджарат.

СЕССИЯ КОНГРЕССА В ГАЕ

Организационный комитет сессии Конгресса в Гае единогласно избрал своим председателем Брадж Кишор Прасада. Имелся еще один претендент на этот почетный пост, и для достижения своей цели он применил сомнительную тактику, однако мы сорвали его планы. Этот господин обещал Организационному комитету 5 тысяч рупий, долгое время оттягивал взнос названной суммы, но в день выборов председателя Организационного комитета прислал нам двести подписанных заявлений о принятии в члены Конгресса с приложением к каждому заявлению 25 рупий. Внешне это казалось выполнением его обещания внести в комитет 5 тысяч рупий, но в действительности он пытался добиться своего избрания председателем Организационного комитета голосами новых членов, завербованных им в последнюю минуту. Хотя в Организационный комитет входило много членов, в день выборов присутствовали далеко не все, так что его план мог увенчаться успехом. Этот человек не был особенно полезен Конгрессу, и мне, так же как и другим лидерам, не нравились его методы. Было ясно, что он хочет при помощи этого неблагоприятного приема попасть в руководящие деятели и получить возможность приветствовать делегатов сессии в качестве председателя Организационного комитета. Поэтому, несмотря на большую нужду в деньгах, мы вернули его 5 тысяч рупий, указав причину отказа принять их.

Зима в Гае довольно мягкая, но в том году она была необычно суровой. Время открытия сессии уже приближалось, но сооружение жилых помещений и главного пандала еще не было закончено. Мы привлекли новых подрядчиков для строительства домиков, и можно было рассчитывать на то, что работы будут закончены вовремя, за исключением пола в пандале и штукатурных работ.

За два дня до открытия сессии в Гаю явилось триста или четыреста *адиваси* из Ранчи и окрестных районов. Они прошли

пешком около двухсот миль и принесли с собой съестные припасы и даже глиняные горшки для приготовления пищи. Они просили только места в манговой роще, чтобы расположиться там и готовить пищу. Мы были настолько восхищены их горячим интересом к сессии, что разрешили им разбить лагерь в роще. Их преданность Конгрессу была так глубока, что они были готовы ради него на все. Во время движения несотрудничества кто-то сказал им, что овец и коз разводят только на мясо и что их разведение противоречит принципу ненасилия. Тогда эти простодушные люди немедленно выпустили в лес тысячи овец и коз!

Когда адиваси узнали о том, что штукатурные работы в пандале не закончены, они бросились в нашу контору с просьбой дать им лопаты и корзины. Они работали так усердно и с таким подъемом, что через два дня все было готово. Организационный комитет был в восторге от помощи адиваси и преподнес в подарок каждому из них членский значок Конгресса и шапочку Ганди. Трогательно было видеть радость, которую вызвали у них эти подарки! Когда много лет спустя мне довелось побывать в округе Рапчи, я встретился с некоторыми из этих адиваси, и они с гордостью показали мне свои шапочки с приколотыми к ним значками.

За несколько дней до открытия съезда у меня был приступ астмы. Впервые я почувствовал некоторое затруднение при дыхании еще во время пребывания в Мултани. Хаким Аджмал Хан, с которым я ездил туда, осмотрел меня и сказал, что у меня начинается астма. Прописанное им лекарство помогло мне тогда, но в холодное время года приступ возобновился. Меня лечил хаким, и, к счастью, через несколько дней я поправился. Но когда в Гаю приехал новый председатель Конгресса Дешбандху Дас, я не смог принять его. Я присутствовал на заседаниях редакционной комиссии, но был слишком слаб, чтобы активно участвовать в ее работе.

Поэтому вся тяжесть организационной работы свалилась на плечи Ануграх Нараяна Синхи. Снабжением провизией заведовал мой брат, мебелировкой и оформлением помещения занимались Горакх Прасад, Матхура Прасад и Вадьянатх Прасад Синха из Музаффарпура. Корпус добровольцев возглавлял Бадринатх Варма. Организация выставки была поручена Банарси Прасад Джхундджхунвале.

В целом Организационный комитет проделал большую работу, и выставка кхади имела огромный успех. Помимо домотканого ситца из ручной пряжи, были выставлены также шерстяные, шелковые и джутовые ткани. Был показан весь процесс производства кхади, начиная от сырья до готового из-

делия. В хлопчатобумажном отделе мы показали процессы очистки хлопка, его чесания, прядения, тканья, промывки, набивки и другие операции. Точно так же были показаны различные стадии производства шелковых, шерстяных и джутовых тканей. Учитывая слабое знание нами предмета — «*Чаркха сангх*» тогда еще не существовала, — результаты были поразительно хорошими, выставка всем понравилась. Входная плата, взимавшаяся нами, с лихвой окупила расходы на устройство выставки.

Во время сессии Конгресса меня тревожили опасения перерасхода средств, и я призывал всех к максимальной экономии. Для перевозки делегатов с железнодорожной станции на место проведения сессии на расстояние трех миль мы достали несколько автобусов. Хотя проезд был платным и продавались билеты, нам не удавалось справиться с толпой, и многие ехали бесплатно. Мы понесли большие убытки и опасались, как бы это не отразилось на нашем финансовом положении, но когда после закрытия съезда мы подвели баланс, то были приятно удивлены, обнаружив небольшое превышение прихода над расходом.

Сессия Конгресса в Гае имела огромное значение. Разногласия по вопросу о вхождении в законодательные органы раскололи партию на два лагеря. Как «сторонники перемен», так и «противники перемен» готовились дать в Гае генеральное сражение, поэтому обе группы приложили все усилия, чтобы возможно большее количество их сторонников было избрано делегатами съезда. Произошел ряд неожиданностей. Так, М. Р. Джайкар и К. Натараджан не прошли на выборах делегатов в своих провинциях. Хотя оба они стояли за участие в законодательных органах, а я был против этого, все же я считал, что люди такого масштаба, как они, не должны оставаться за бортом и что их мнение должно быть заслушано сессией. Поэтому я приложил особые усилия и добился того, что оба они были избраны делегатами от Бихара, поскольку устав Конгресса допускает избрание делегата в любом избирательном округе Индии. Таким образом, Джайкар и Натараджан имели удовольствие присутствовать на сессии.

Я думаю, что это является достаточно убедительным ответом тем, кто во время бушевавшей тогда полемики голословно утверждал, будто бы «противники перемен» недобросовестно пользуются именем Гандиджи для подкрепления своей позиции и для завоевания голосов. Некоторые договорились даже до того, что, поскольку Бихар является бастионом «противников перемен» и преданных сторонников Махатмы, председателю Конгресса не были оказаны подобающие ему почести и организация его приема оставляла желать лучшего. Эти об-

винения очень огорчили нас. Мы сделали все, что могли, проявляли возможное гостеприимство и уважение, и я могу с уверенностью сказать, что Дип Нараян Синг, ведавший обслуживанием вновь избранного председателя Конгресса, приложил все усилия, чтобы председатель не испытывал неудобств.

Председатель Конгресса произнес хотя и крайне пространную, но интересную вступительную речь, и, разумеется, он в ней главным образом отстаивал необходимость вхождения в законодательные органы. Когда на заседание редакционной комиссии была внесена резолюция о вхождении в законодательные органы, председатель отложил ее обсуждение, потому что его собственная точка зрения по этому вопросу была изложена в его вступительной речи и он хотел, чтобы другие лидеры, ознакомившись с его мнением, высказали свои взгляды на заседании Рабочего комитета. В дальнейшем этот вопрос бесконечно обсуждался с участием многих членов обеих фракций. Делегаты так втянулись в это обсуждение, что даже после заседания редакционной комиссии собирались группами и продолжали дебаты. Атмосфера была напряжена до крайности.

Редакционная комиссия значительным большинством голосов отклонила резолюцию о вхождении в законодательные органы, и поэтому данный вопрос мог быть поставлен на обсуждение пленарного заседания только в виде поправки к принятой резолюции. На пленарном заседании тоже продолжались горячие споры, которые настолько затянулись, что работу сессии пришлось продлить на два дня. Я горячо выступал против поправки. Лидер «противников перемен» Ч. Раджагопалачария, хотя он, подобно мне, был болен астмой, с исключительной убедительностью отстаивал нашу точку зрения как в редакционной комиссии, так и на пленарном заседании. С. Шриваваса Иенгар внес компромиссную поправку, но она не была принята: когда эта поправка была поставлена на голосование, две трети делегатов сессии голосовали против нее.

На сессии обсуждался не один только вопрос о вхождении в законодательные органы. Комиссия по изучению вопроса о гражданском неповиновении представила свои заключения по всем пунктам программы несотрудничества, включая сатяграху и кампанию неуплаты налогов. Резолюции по этим вопросам были приняты без особых споров, поскольку по ним не было больших разногласий. Так же была принята рекомендация, призывавшая к бойкоту судебных органов и государственных учебных заведений, а также резолюция, подчеркивавшая необходимость пропаганды кхадхи. Резолюция, предлагавшая создать комиссию для составления списка английских товаров,

подлежащих народному бойкоту, принятая редакционной комиссией, была отклонена пленарным заседанием, потому что ее сочли трудно выполнимой и имеющей оттенок насилия. В резолюции, призывавшей страну готовиться к сатьяграхе, указывалось на необходимость завербовать 50 тысяч добровольцев и собрать для этой цели 2,5 миллиона рупий.

Пленарным заседанием была принята важная резолюция, в которой говорилось, что свободная Индия не будет считать себя ответственной за какие бы то ни было займы или обязательства, которые английское правительство будет впредь заключать или брать на себя без консультации с Законодательным собранием Индии. Английское правительство тратило крупные суммы по своему усмотрению, не консультируясь с Законодательным собранием, и Конгресс хотел положить конец этой политике, признавая, однако, обязательства предыдущего периода. Это был новый вопрос, никогда ранее не обсуждавшийся. Обнаружилось много разногласий, но резолюция, так же как и другие, была принята большинством голосов.

Таким образом, сессия Конгресса в Гае приняла ряд решений, но все они казались нам второстепенными по сравнению с резолюцией о вхождении в законодательные органы. Если память мне не изменяет, ни одна сессия Конгресса не была такой продолжительной.

Халифатистская конференция и конференция «Джамнат-уль-улема» тоже состоялись в Гае в это же время. Халифатистский комитет, подобно Конгрессу, создал комиссию для изучения вопроса о сатьяграхе, и ее доклад обсуждался на конференции. Вопрос о вхождении в законодательные органы вызвал споры и на халифатистской конференции, но в конечном счете она подтвердила свое решение бойкотировать эти органы. «Джамнат-уль-улема» заняла такую же позицию. Халифатистская конференция прошла в атмосфере большого подъема; можно без преувеличения сказать, что ее участники проявили даже еще больший пыл, чем конгрессисты.

Но этот пыл очень скоро остыл. В Турции произошли события, изменившие позицию индийских мусульман и приведшие к прекращению халифатистской агитации. Однако во время конференции в Гае эти новые тенденции не были еще ясно выражены.

Турки разбили греков, которые по указке Англии и Франции напали на их страну, считавшуюся обессиленной. Затем турки закрепили свою территорию, примирившись с ликвидацией Османской империи. Они низложили своего султана, который был также халифом. Известие об этом сильно взволновало индийских мусульман, но они одобряли действия Турции,

ибо султан был марионеткой и дальнейшее пребывание его у власти лишь ослабляло ислам и причиняло ему ущерб. Они надеялись, что на его место будет посажен новый султан и халиф, у которого хватит воли и умения защищать святыне для мусульман места. Мусульмане считали, что, поскольку Турция продемонстрировала свою мощь, новый халиф сможет приобрести влияние. Но Турция вскоре уничтожила самый институт халифата и провозгласила себя республикой с избираемым президентом.

Индийских мусульман волновало также освобождение арабских стран. Арабы и турки принадлежат к разным расам, но они держались вместе, пока существовал халиф, духовную власть которого никто не оспаривал. Во время первой мировой войны, когда Турция сражалась на стороне Германии, англичане восстанавливали арабов против турецкого господства. Но, освободившись от власти Турции, арабы убедились в том, что никакой независимости они не получили, ибо англичане и французы взяли их под свою опеку на основе мандатной системы Лиги Наций.

Когда все это стало известно, пыл индийских мусульман охладел и агитация в их среде постепенно прекратилась. Халифатистские комитеты просуществовали еще несколько лет, но никакой роли уже не играли.

РОЖДЕНИЕ ПАРТИИ СВАРАДЖИСТОВ

Когда предложение о вхождении в законодательные органы не было принято, Дешбандху Дас решил уйти с поста председателя Конгресса. Рабочий комитет, в котором «противники перемен» составляли большинство и генеральным секретарем которого был я, принял резолюцию, содержащую просьбу пересмотреть это решение. Дешбандху Дас отказался, заявив, что, поскольку он не сумел повести за собой большинство, он не может оставаться председателем и что он попытается завоевать поддержку большинства новой партии, которую намеревается основать. Дешбандху Дас сказал также, что его связи с новой партией могут создать трудности для деятельности Конгресса, если он останется его председателем.

Сразу же после сессии «сторонники перемен» выступили с совместным заявлением и создали партию свараджистов. Ее председателем стал Дешбандху Дас, а секретарем — Мотилал Неру. Наиболее видными из других ее руководящих деятелей были Хаким Аджмал Хан, Витхалабхаи Патель и Н. Ч. Келкар. Мы, «противники перемен», считали, что, поскольку сессия в Гае разрешила вопрос о вхождении в законодательные органы, Конгресс отныне посвятит себя выполнению конструктивной программы. Однако наши надежды не оправдались, и создание партии свараджистов оставило спорный вопрос открытым. Выборы в новые законодательные органы предстояли в поябре 1923 года. Партия свараджистов намеревалась привлечь на свою сторону большинство и затем выступить на выборах от имени Конгресса.

Вскоре вышли из заключения многие видные руководящие деятели, в том числе маулана Абул Калам Азад, маулана Мухаммад Шафи и Шри Кришна Синха. Маулана Азад, который на сессии Конгресса в Гае был избран членом Рабочего комитета, хотел добиться компромисса между двумя соперничающими группами и поставил на рассмотрение Рабочего комитета

несколько предложений, которые были условно приняты. Поскольку он не обсуждал этих предложений с лидерами партии свараджистов, было решено предоставить ему время для совещания с ними и затем обсудить предложения на заседании Рабочего комитета, а также на заседании Всеиндийского комитета Конгресса, которые намечалось провести в Аллахабаде в феврале 1923 года. Чтобы получить возможность беспрепятственно действовать для достижения компромисса, маулана вышел из состава Рабочего комитета.

Аллахабадское заседание, председателем которого был Деш-бандху Дас, приняло компромиссную резолюцию, содержащую следующие положения: 1) до 30 апреля не предпринимать никаких действий в связи с вхождением в законодательные органы; 2) обе группы могут проводить в жизнь остальные пункты своих программ, не причиняющие ущерба другой группе; 3) «противники перемен» в соответствии с принятыми в Гае решениями будут вербовать добровольцев и производить сбор средств; 4) «сторонники перемен» будут сотрудничать с «противниками перемен» в проведении практической работы и в осуществлении других пунктов программы Конгресса, по которым нет разногласий; 5) после 30 апреля обе группы получают право свободно вести свою собственную политику.

В целях выполнения этой резолюции мы с Раджагопалачария объехали несколько провинций. До этого времени я концентрировал внимание главным образом на своей провинции и впервые совершал большую поездку по другим. Это предоставило мне широкую возможность встретиться с местными работниками и ознакомиться с существующими условиями. Мы разъясняли конструктивную программу и собирали средства для сатьяграхи. Большею частью с речами выступал Раджагопалачария. Этот талантливый оратор говорил в спокойном и умеренном тоне. Он обладал способностью излагать свои доводы так ясно и так убедительно, что легко покорял аудиторию. Меня тоже уговаривали выступать, но мне не хотелось портить прекрасное впечатление, которое производил Раджаджи, и я ограничивался тем, что переводил на хинди его речи, произносившиеся на английском языке. Таким образом мы избавились от трудного дела — поисков переводчика для каждого собрания. Задача переводчика очень сложна, особенно когда надо перевести без подготовки выступление красноречивого оратора со свободно льющейся речью. За время поездки я овладел этим искусством.

Наша поездка привлекла внимание общественности к конструктивной программе, но работа мало продвинулась вперед. Мы собрали около 1,3 миллиона рупий, не сумев выполнить

поставленной перед собой задачи — собрать 2,5 миллиона. Это позволило партии свараджистов объявить, что мы потерпели поражение, и попытаться перетянуть нас на свою сторону.

В это время из различных провинций поступили сообщения о столкновениях между религиозными общинами. В Мултане напряженность не ослабела, и беспорядки перекинулись на Амритсар. Рабочий комитет послал в Мултан пандита Малавия и маулану Азада, чтобы попытаться восстановить мир. На оказание помощи жертвам погрома было отпущено 40 тысяч рупий. Мы с Раджаджи отправились в поездку по Пенджабу. Дешбандху Дас, пандит Мотилал и Хаким Аджмал Хан тоже были обеспокоены событиями в этой провинции и совместно с д-ром Ансари пытались достичь какого-то компромисса, который разрядил бы атмосферу, но их усилия оказались тщетными.

Во время поездки по Пенджабу мы случайно встретились в Лахоре с Дешбандху Дасом. Желая достичь прочного соглашения между двумя группами, он предложил, чтобы конгрессистская работа была разделена на отдельные виды и поручена различным отделам, каждым из которых ведало бы лицо, интересующееся этой работой. Он имел в виду создать отделы, занимающиеся национальным образованием, кхадри, парламентской деятельностью, зарубежной пропагандой, рабочими организациями, борьбой с неприкасаемостью, сатьяграхой и т. д., и предложил собрать для этой цели сумму примерно в 50 миллионов рупий.

После поездки по Пенджабу мы отправились в Пуну, где заседал Рабочий комитет. Предложение о создании отделов не произвело благоприятного впечатления на Рабочий комитет и было им отвергнуто. Мы получили от Дешбандху Даса и других телеграмму с предложением созвать в Аллахабаде заседание Рабочего комитета для обсуждения событий в Пенджабе, но из-за недостатка времени не приняли его.

Рабочий комитет поручил Раджагопалачарии отправиться в Пенджаб для переговоров с Дешбандху Дасом и другими руководящими деятелями, находившимися в это время там. Ему была предоставлена свобода действий и было разрешено в случае необходимости созвать заседание Рабочего комитета. Раджаджи встретился с Дешбандху Дасом и другими, имел также в Дели беседы с Хаким Аджмал Ханом, выработал компромиссное предложение и просил Хаким Аджмал Хана передать его своим коллегам. Сам он поехал в Бомбей и изложил свои предложения членам Рабочего комитета. Его план оказался неприемлемым ни для Мотилала Неру, ни для сардара Валлабхаи Пателя и шета Джамуналал Баджаджа.

Однако появившиеся в печати сообщения были настолько искаженными, что создалось впечатление, будто бы в невозможности достигнуть компромисса повинны одни только «противники перемен». Даже г-жа Сароджини Найду, сама являвшаяся «противницей перемен», неправильно поняла позицию своих коллег и была недовольна тем, что они будто бы упустили возможность соглашения. Печать тоже очень критиковала нас. Мотилал Неру начал открыто выступать за программу партии свараджистов. Он объявил о своем решении не принимать участия в заседании Всеиндийского комитета Конгресса, которое должно было состояться в мае для обсуждения вопроса о компромиссе, и призывал своих сторонников последовать его примеру.

Многие конгрессисты были обескуражены непрекращающимися внутренними раздорами. Несколько провинциальных комитетов Конгресса приняли резолюции, настойчиво призывавшие к компромиссу. Тенденция к компромиссу стала всеобщей. В лагере «противников перемен» д-р Ансари и г-жа Сароджини Найду хотели соглашения. Джавахарлал Неру, который во время Гайской сессии Конгресса находился в заключении, высказался после освобождения из тюрьмы за необходимость разрешения проблемы на основе договоренности. В конечном счете члены партии свараджистов все же согласились принять участие в бомбейском заседании Всеиндийского комитета Конгресса.

На этом заседании, которое состоялось в конце мая, Рабочий комитет внес предложение созвать чрезвычайную сессию Конгресса, если партия свараджистов обязуется подчиниться ее решениям. Дешбандху Дас, председательствовавший на заседании ВИКК, отказался дать от имени своей партии такого рода обязательство, и тогда Рабочий комитет снял свое предложение. Затем Пурушоттамдас Гандон внес резолюцию о том, что поскольку часть конгрессистов хочет участвовать в выборах в законодательные органы и поскольку желательно покончить с внутренними разногласиями, то, в соответствии с указаниями Гайской сессии Конгресса, не следует выступать против этого направления или предпринимать против него какие-либо меры. Джавахарлал Неру поддержал резолюцию. Некоторые возражали, что такая резолюция неприемлема, поскольку она расходится с решением, принятым в Гае, но председатель не согласился с этими возражениями. Резолюция была принята незначительным большинством голосов. Многие из нас вышли из состава Рабочего комитета, и был создан новый Комитет, в который вошли преимущественно люди, не принадлежавшие ни к той, ни к другой группе и стремившиеся к компромиссному

разрешению затянувшихся споров. Председателем нового Рабочего комитета был избран д-р М. А. Ансари, а генеральным секретарем — Джавахарлал Неру.

Раджагопалачария был очень недоволен резолюцией и заявил, что ее принятие равносильно самоубийству для Конгресса. Он считал, что либо надо принять решение о вхождении в законодательные органы и начать подготовку к выборам, либо же претворить в жизнь лозунг бойкота этих органов и начать мобилизацию общественности в поддержку этой линии. Средний курс ни к чему не приведет, говорил он. Большая часть газет высказалась за вхождение в законодательные органы. Многие конгрессисты, раздраженные непрекращающимися разногласиями, приветствовали новую резолюцию.

Новый Рабочий комитет сделал заявление о том, что решение Гайской сессии Конгресса относительно бойкота законодательных органов остается в силе, а резолюция ВИКК означает только, что не следует вести пропаганду в пользу бойкота. Такое же мнение высказал Бихарский провинциальный комитет Конгресса, но некоторые другие провинциальные комитеты возражали и заявили, что не могут согласиться с этим, поскольку, по их мнению, нарушается решение, принятое в Гае. Таким образом Индия снова оказалась вовлеченной в яростный спор. Бомбейская резолюция не только не вывела из тупика, что было ее признанной целью, но еще больше усилила раскол.

По возвращении из Бомбея Дешбандху Дас совершил поездку по провинции Мадрас и выступал там с резкими и желчными речами. Касаясь неудачных переговоров с лордом Ридингом, Дешбандху Дас говорил, что правительство уже готово было капитулировать перед сатьяграхой и прислало свои компромиссные предложения, которые он передал руководству Конгресса (имелся в виду Гандиджи), но что Гандиджи действовал неправильно и испортил дело, и теперь народу предлагают только усердно крутить чаркху. Кришна Дас опубликовал все телеграммы, которыми обменялись Гандиджи, пандит Малавия и Дешбандху Дас. Все участники этих переговоров — маулана Азад, пандит Малавия и Шиямсундер Чакраварти — опубликовали заявления.

Это раздувание пламени еще больше ухудшило политическую атмосферу в стране. Рабочему комитету пришлось созвать заседание ВИКК, которое и состоялось в Нагпуре в конце июня. Заседание решило провести чрезвычайную сессию Конгресса, чтобы раз навсегда покончить со спорами относительно вхождения в законодательные органы. Рабочий комитет внес на эту сессию резолюцию, в которой говорилось о намерении принять дисциплинарные меры против тех провинциальных комитетов

Конгресса, которые подняли голос против решения Бомбейского заседания ВИКК. Первое место среди таких комитетов занимал комитет Тамилнада, так что резолюция была специально направлена против Раджагопалачария.

Начались яростные споры. «Сторонники перемен» утверждали, что действия этих комитетов Конгресса нарушали решение Бомбейского заседания ВИКК. Мы же со своей стороны считали, что сама бомбейская резолюция была нарушением принятых в Гае решений. Поэтому мы утверждали, что, выступая против вхождения в законодательные органы, мы только выполняли решения сессии Конгресса. Дискуссия продолжалась до поздней ночи.

Я очень редко выступал на заседаниях Всеиндийского комитета Конгресса, но теперь счел своим долгом выступить в защиту Раджагопалачария. Я встал с места и впервые на заседании ВИКК заговорил по-английски, чтобы меня хорошо поняли все южане, не владеющие языком хинди. Моя речь, по-видимому, произвела известное впечатление, потому что С. Сатьямуртхи, бывший ярый свараджистом и политическим противником Раджагопалачария, подошел ко мне и поздравил с «прекрасной речью».

— Я и не знал, что вы так хорошо говорите по-английски, — добавил он.

Резолюция относительно дисциплинарных мер не была принята, и поэтому Рабочий комитет ушел в отставку. Был создан новый комитет, в который опять вошли те из нас, кто ранее ушел со своих постов. Председателем был избран Конда Венкатапайя, а генеральным секретарем — Гопала Кришная. Через несколько недель Рабочий комитет решил провести в Дели чрезвычайную сессию Конгресса, и председателем этой сессии был избран маулана Азад.

САТЪЯГРАХА В НАГПУРЕ

Тринадцатого апреля 1923 года в связи с празднованием Национальной недели в Нагпуре состоялась процессия, участники которой несли национальные флаги. Правительство Центральных провинций запретило вступление этой процессии в административный район города. Такое же распоряжение было отдано в Джаббалпуре; за его нарушение были арестованы Сундер Лал и еще несколько человек. Это снова вызвало требования о проведении сатьяграхи. Многие лидеры Конгресса, выступавшие против сатьяграхи, сочли это уловкой «противников перемен», желавших сорвать планы вхождения в законодательные органы. Однако 1 мая в Нагпуре под руководством шета Джамуналал Баджаджа началась сатьяграха. Добровольцы с национальными флагами направились к административному району, и, когда полиция предложила им разойтись, они не послушались и попытались двинуться вперед. Они были немедленно арестованы и отправлены в тюрьму. Тогда со всех концов страны в Нагпур устремились добровольцы, желавшие принять участие в сатьяграхе. Когда Джамуналал был арестован, руководство перешло к сардару Пателю, а когда стало ясно, что и он подвергнется аресту, я, организовав в Бихаре добровольческий отряд, срочно выехал в Нагпур.

Было арестовано уже несколько тысяч сатьяграхистов из различных частей страны, и положение становилось серьезным. Витхалбхай Патель, «сторонник перемен», тоже приехал в Нагпур, чтобы помочь брату. Власти использовали его прибытие и вступили с ним в переговоры, чтобы прекратить сатьяграху. В конце концов было решено, что процессия с флагами на один день вступит в пределы административного района Нагпура, после чего сатьяграха будет прекращена. Последняя процессия была весьма внушительной — в ней участвовали тысячи людей с флагами в руках. Во главе шли Витхалбхай Патель, сардар Патель и я. Позднее арестованные были освобождены. Успешное

завершение сатьяграхи оказало бодрящее воздействие на всю страну.

Мы потеряли только одного человека — в Нагпурской тюрьме умер один из многочисленных добровольцев из Бихара по имени Хардев Синг. Мы вынесли его тело из тюрьмы и после соответствующего обряда сожгли.

Во время пребывания в Нагпуре я сблизился с сардаром Пателем. Мы с ним уже давно были знакомы, но только здесь нам представилась возможность установить более тесный контакт, и это стало началом тесной дружбы, продолжавшейся до самой его смерти. Я храню память об этой дружбе как об одном из самых счастливых событий моей жизни. Уравновешенность Пателя, работоспособность, его качества руководителя вызывали во мне глубокое уважение, которое еще больше возросло при более близком знакомстве. Я завоевал его любовь и доверие, и он всегда сочувственно относился ко мне и к Бихару.

Опасаясь, что споры по поводу вхождения в законодательные органы отразятся на проведении конструктивной программы, шет Джамуналал Баджадж решил создать специальную организацию, в которую вошли бы люди, безусловно преданные идеям Гандиджи, которые полностью посвятили бы себя практической работе. Эта организация получила название «*Ганди сева сангх*»; членами ее исполнительного комитета стали Джамуналал Баджадж, Раджагопалачария, сардар Патель, Гангадхаррао Дешпанде и я. Я был членом данного комитета, пока существовала эта организация. Мы стремились избегать политических споров и занимались исключительно пропагандой кхадхи, борьбой против неприкасаемости и другими видами деятельности, намеченными Гандиджи. Но наши противники все же называли нашу организацию политической и ставили ее на одну доску с партией свараджистов.

Вопреки утверждениям критиков, «Ганди сева сангх» проделала очень большую практическую работу. Некоторые ее члены получали ежемесячное вознаграждение. Во многих провинциях были созданы отделения организации, и в Бихаре мы тоже открыли такое отделение. В одном селении Саранского округа мы создали ашрам, но, хотя несколько членов организации, прикрепленных к нему, продолжали работать с большим энтузиазмом, дело пошло не очень хорошо, потому что многие другие члены не сумели отвлечься от политической деятельности.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЕССИЯ КОНГРЕССА В ДЕЛИ. ОЧЕРЕДНАЯ СЕССИЯ КОНГРЕССА В КОКАНАДЕ

Маулана Мухаммад Али был выпущен из тюрьмы еще до открытия чрезвычайной Делийской сессии. Мы полагали — и не ошиблись, — что он тоже выскажется против вхождения в законодательные органы, и поскольку Раджаджи, которому надоели споры, не приехал на Делийскую сессию, мы охотно признали лидером нашей группы маулану. Он предложил компромисс, заключавшийся в том, что от имени Конгресса на выборах не будут выдвигаться никакие кандидатуры, но если конгрессист пожелает выступать на выборах, ему это будет разрешено. Партия свараджистов может выставлять кандидатуры конгрессистов и участвовать в выборах сама по себе, но Конгресс как партия не будет принимать участия в предвыборной борьбе.

Поскольку споры мешали выполнению конструктивной программы, мы надеялись, что, как только будет достигнуто соглашение, обе группы серьезно возьмутся за выполнение своих программ. Маулана Мухаммад Али особенно подчеркивал эту сторону дела и добавлял, что он «по беспроволочному телеграфу» получил заверение в поддержке некоторых кругов. Мы истолковали эти слова так, что он получил какие-то сообщения от Гандиджи. Однако мы полагали, что Гандиджи не мог прислать из тюрьмы никаких посланий, ибо считал это нарушением тюремных правил. Шанкарлал Банкер, сидевший в тюрьме вместе с ним и незадолго до этого освобожденный, говорил нам, что Гандиджи не изменил своих взглядов. Позднее нам стало известно, что Давадас Ганди виделся со своим отцом и тот сказал ему, что пусть маулана Мухаммад Али делает то, что считает наиболее полезным для страны, и что чувства уважения и любви к нему, Гандиджи, не должны влиять на него. Вот это-то известие маулана и назвал на своем своеобразном языке «сообщением по беспроволочному телеграфу». Отныне сардар Пател, Джамуналал Баджадж, д-р Ансари и я, считавшиеся лидерами «противников перемен», признавали себя обязанными со-

гласиться на любое компромиссное предложение, которое мог выдвинуть маулана.

Делийская сессия Конгресса рассмотрела вопрос о растущих раздорах между индусами и мусульманами, которые, как мы опасались, могли помешать освободительному движению. Сессия создала комиссию для изучения всех фактов, свидетельствовавших о напряженности в отношениях между религиозными общинами, и случаев столкновений между ними, а также другую комиссию — для подготовки проекта индусско-мусульманского пакта. Было также решено создать по всей стране «*ракиша далы*» с привлечением в них членов всех общин, чтобы разрядить межобщинную атмосферу и локализовать беспорядки в случае их возникновения.

Нас волновал также и другой вопрос: положение индийцев, проживающих в английских колониях, в частности в Кении. Индийцы способствовали развитию этой колонии, и благодаря им она стала пригодной для поселения. Они первыми развернули там деловую активность. Теперь, когда колония поднялась на ноги, белым стало не нравиться, что индийцы обосновались в плодородных районах, где здоровый климат. Белых поселенцев поддерживало английское правительство и белое население Южной Африки. Таким же преследованиям подвергалась индийская община на островах Фиджи. Поэтому на сессию Конгресса в Дели была внесена резолюция, в которой говорилось, что, как теперь ясно, индийцам нет места в Британской империи и что они не должны входить в эту империю. Я одобрял резолюцию и был совершенно прав; все последующие события подтвердили ее справедливость. Однако из-за возражений мауланы Мухаммада Али резолюция не была принята сессией. При этом исходили из того соображения, что в момент, когда наше движение переживает спад и в наших рядах наблюдается слабость, нежелательно делать заявления о значительном изменении наших целей. Поэтому по данному вопросу была принята другая резолюция, в которой не содержалась угроза выхода Индии из Британской империи.

Из Дели я поехал в Солан, чтобы повидаться с Лалла Ладжат Раем, который поправлялся от болезни, перенесенной в тюрьме. Он очень обрадовался тому, что враждебные группы пришли наконец к соглашению; его собственные симпатии были на стороне партии свараджистов. На обратном пути я остановился в Лакхнау, чтобы посоветоваться с директором медицинского колледжа Лакхнау генерал-лейтенантом Спроусоном, специалистом по легочным болезням. Он установил у меня астму и прописал инъекции, которые, впрочем, не принесли мне большой пользы.

После Делийской сессии Конгресса партия свараджистов включилась в предвыборную борьбу. Она завоевала большинство мест в законодательном собрании Центральных провинций. В течение некоторого времени там не удавалось сформировать правительство, потому что партия свараджистов не желала в нем участвовать, но в конце концов несколько членов этой партии вышли из нее и стали членами Исполнительного совета при губернаторе. В Бенгалии свараджисты тоже имели успех. Хотя им и не удалось собрать большинства голосов, но зато они имели там лидера такого масштаба, как Дешбандху Дас, которому вскоре удалось свалить правительство. В других провинциях партия свараджистов не достигла особых успехов, но испытанные люди были избраны почти повсюду. В законодательное собрание Бихара попало десять свараджистов во главе с Джалешваром Прасадом. В число руководящих бихарских деятелей входили также Абдул Бари и Кришна Баллабх Сахай. Лидером свараджистов в Законодательном собрании Соединенных провинций был Говинд Баллабх Папт.

В декабре в Коканаде состоялась очередная — годовичная — сессия Конгресса. По болезни я не смог поехать туда и не был ни на сессии, ни на конференции *«Раштра бхаша прачар самити»*, где должен был председательствовать. Поэтому мою вступительную речь зачитал шет Джамуналал Баджадж, которому было предложено занять председательский пост вместо меня.

Председателем Коканадской сессии Конгресса был маулана Мухаммад Али. Он произнес очень пространную и очень содержательную речь, рассмотрев место мусульман в политической жизни Индии под историческим углом зрения. Однако не все конгрессисты могли согласиться с некоторыми мыслями, высказанными им. Сессия всего лишь утвердила принятые в Дели решения, разрешавшие партии свараджистов входить в законодательные органы. Резолюцию об индусско-мусульманском пакте было решено поставить на обсуждение Всеиндийского комитета Конгресса. Сессия создала комитет по внедрению кхади. Результаты сессии вызвали всеобщее удовлетворение; чувствовались признаки возрождения былого патриотического пыла.

Во время съезда скончался Кришна Прасад Сен Синха. Из политической жизни Бихара ушел преданный, самоотверженный борец.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГАНДИДЖИ

У Махатмы Ганди, отбывавшего заключение в Иеравадской тюрьме, был приступ аппендицита, и врачи заявили, что, если он немедленно не будет оперирован, его жизнь окажется под угрозой. Гандиджи был перевезен в Сассунский госпиталь в Пуне, где его осмотрел полковник Мэддок. Когда он спросил Гандиджи, кто его личный врач, тот назвал д-ра Далала и д-ра Дживараджа Мехта, но поскольку не было времени на их вызов, Гандиджи полностью доверился англичанину и просил его произвести операцию. В. С. Шринаваса Састри, случайно находившийся в это время в Пуне, был вызван в госпиталь и оставался там до окончания операции, которая происходила в полночь. Хирург был чрезвычайно внимателен и ничего неприятного не случилось, за исключением маленького происшествия: погасло электричество. Однако ток вскоре был включен, и операция прошла успешно.

В это время я занимался нашим бирманским делом, которое рассматривалось Высшим судом Патны. О болезни Гандиджи я узнал из газет и, взяв отпуск на несколько дней, поспешил в Пуну. Гандиджи был очень слаб и еще находился на излечении в госпитале. Убедившись в том, что он поправляется и опасности нет, я вернулся в Патну. Вскоре я узнал, что правительство освободило Гандиджи. Я созвал митинг и передал собравшимся то, что Гандиджи сказал мне в госпитале: что ему не доставит радости, если его освободят по состоянию здоровья. Ему было бы неприятно, если бы он был освобожден правительством из жалости, а не в результате нашей мощи. Мы вознесли молитвы за его скорейшее выздоровление.

Затем Гандиджи был перевезен в Джуху, близ Бомбея, для отдыха впредь до полного выздоровления. Когда стало известно о болезни вожда, всю страну охватило волнение. Председатель Конгресса маулана Мухаммад Али предложил всем провинциальным комитетам Конгресса провести собрания и молиться на них за скорейшее выздоровление Гандиджи.

Во время митинга в Беттия (округ Чампаран) произошел интересный случай. В течение длительного времени муниципальный совет Беттия был по существу монополизирован владельцами плантаций индиго и их сторонниками. Это продолжалось и после того, как волнения в Чампаране ослабили власть плантаторов, поскольку управляющими поместьем Беттия, которое в течение долгого времени находилось в руках опекунского совета, по-прежнему оставались бывшие владельцы индиговых плантаций. В 1922 году Конгресс начал завоевывать места в муниципальном совете. В 1923 году два конгрессиста — Бипин Бихари Варма и Праджapati Мишра — выставили свои кандидатуры на пост председателя и вице-председателя муниципалитета и одержали победу над управляющим поместьем Розерфордом и одним из его служащих. В 1924 году те же лица снова выставили свои кандидатуры и снова были избраны. На этот раз ни Розерфорд, ни кто-либо из администрации не участвовали в предвыборной борьбе, но в поместье не забыли о поражении Розерфорда. Этого последнего, бывшего ранее владельцем индиговой плантации, выводила из себя мысль о том, что кто-то выступает против него. Разумеется, он был сильно раздражен победой Конгресса.

Когда вице-председатель муниципалитета Праджapati Мишра вместе с еще одним конгрессистом приехал на принадлежавший поместью базар Мина, желая пригласить местных торговцев на митинг в Беттия, чтобы помолиться за выздоровление Гандиджи, один служащий поместья ударил спутника Праджapati Мишра и прогнал обоих с базара. Торговцы были взбешены. Они все поголовно явились в тот вечер на массовый митинг и после молитвы решили покинуть базар Мина, просить муниципалитет предоставить им в аренду другой участок и перенести туда свои лавки.

На следующий день муниципалитет предоставил им другой участок; торговцы построили там тростниковые шалаши и возобновили торговлю. Через несколько дней базар Мина превратился почти в пустырь — там осталось лишь несколько лавок. Это было тяжелым ударом по поместью Беттия и его управлению. Распространились слухи, что люди из поместья собираются отомстить за это. Однажды вечером, когда Праджapati Мишра ехал на лошади, кто-то ударил его дубинкой. Он упал без чувств, а нападавший убежал по направлению к бунгалу управляющего. Это взбудоражило население. Немногочисленные лавочники, продолжавшие еще торговать на базаре Мина, ушли оттуда и перебрались на новое место. Новый базар процветал, что повысило доходы муниципалитета, тогда как поместье несло убытки примерно по 50 тысяч рупий в год. Праджapati Мишра,

которому было нанесено серьезное ранение, не пал духом, но и не вышел из себя. Он отказался привлечь к ответственности нападавшего, который, как выяснилось, был нанят управлением поместья Беттия. Он сказал, что тот факт, что торговцы бросили хорошие лавки и перебрались в убогие шалаши, лишив этим поместье его доходов, было достаточным ответом на насилие со стороны администрации поместья и что никаких других мер не нужно.

•Получив телеграмму, я съездил в Беттия и по возвращении в Патну опубликовал в печати заявление об этом инциденте. Через несколько дней в Беттия состоялось заседание провинциального комитета Конгресса, на котором присутствовал Мазхарул Хак и другие руководящие деятели. Комитет решил, что, если общая обстановка в Беттия не улучшится и конгрессистам будет и впредь угрожать опасность стать жертвой нападений хулиганов, он будет вынужден призвать райятов поместья отказаться от взноса арендной платы. Об этом решении было сообщено на массовом митинге. Вопрос был поднят в Законодательном собрании Бихара и вызвал оживленные прения. Джалешвар Прасад, собравший весь фактический материал о действиях администрации поместья, доложил об этом Законодательному собранию.

На новом базаре можно было достать все что угодно — от глиняной посуды до ювелирных изделий. Однако торговцы опасались грабежей, и, поскольку не приходилось рассчитывать на содействие полиции, они создали при помощи местного населения добровольческий отряд для круглосуточной охраны. Даже впоследствии, когда базар Мина снова открылся, новый базар тоже продолжал существовать.

До инцидента в Беттия я был полностью поглощен бирманским делом Рай Бахадур Харихар Прасад Синха, которое поступило в Высший суд Патны в январе 1924 года. Я был не вполне здоров, но много работал над подготовкой резюме. Слушание дела длилось до мая. С нашей стороны выступали Хасан Имам и П. Ч. Манук, а со стороны махараджи Думраона — сэр Ашутос Мукерджи, к тому времени ушедший в отставку с поста члена Верховного суда Индии. Целыми днями я был занят этим делом. После заседаний суда я работал в доме Хасан Имама, а праздничные дни просиживал в его большой библиотеке, разыскивая прецеденты, которых мы не могли найти в Аррахе из-за отсутствия там материалов. Наконец однажды мне удалось обнаружить не один, а несколько прецедентов. Когда я показал их Хасан Имаму, он был очень доволен и сказал, что теперь дело выиграно, и мы действительно в конце концов выиграли его.

Во время слушания дела, когда сэр Ашутос закончил свое выступление и готовил заметки для судей, он внезапно почувствовал себя плохо и на следующий день скончался. Хасан Имам и я, присутствовавшие при его кончине, были очень потрясены ею. Хасан Имам обычно называл сэра Ашутоса «гурджи». О Хасан Имаме и сэре Ашутосе рассказывают любознательный случай. Когда Хасан Имам назначили членом Верховного суда, сэр Ашутос был там старшим судьей. Вскоре после назначения на пост Хасан Иمامу было поручено вместе с одним из старших судей рассмотрение уголовных дел. Три раза подряд Хасан Имам расходился во мнениях со своим старшим коллегой, и эти дела были переданы для принятия решения сэру Ашутосу. Последний во всех трех случаях согласился с мнением Имама. Это создало Хасан Иمامу большое имя с самого начала его судебной деятельности. В Патне Хасан Имам и я очень часто встречались с сэром Ашутосом. Однажды Хасан Имам пригласил его на чашку чая, и, хотя сэр Ашутос был ортодоксальной личностью и обычно не принимал приглашений от государственных чиновников, он охотно согласился посетить Хасан Имама.

В МУНИЦИПАЛЬНОМ СОВЕТЕ ПАТНЫ

Пока я был поглощен делом Харихар Прасад Синхи, начались выборы в муниципальный совет Патны. Поскольку Конгресс, хотя он и высказался против вхождения в законодательные органы, не запретил конгрессистам выставлять свои кандидатуры на выборах в органы местного самоуправления, провинциальный комитет Конгресса Патны, следуя примеру Ахмадабада и Аллахабада, где сардар Патель и Джавахарлал Неру стали председателями муниципальных советов, решил принять участие в муниципальных выборах 1927 года. Кандидатами были выдвинуты несколько конгрессистов, в том числе Кхуршед Хаснаян, Ануграх Нараян Синха, Джагат Нараян Лал, Бадринатх Варма, Абдул Бари и я. Мы наметили Кхуршед Хаснаяна на пост председателя, а Ануграх Нараян Синху — на пост вице-председателя муниципалитета.

Выборы были сложным делом, поскольку большинство членов муниципального совета уже неоднократно избирались и было трудно вытеснить их. Тем не менее мы достигли успеха, потому что представляли сплоченную группу, тогда как наши противники были по большей части независимыми кандидатами, не имевшими общей программы. Правда, абсолютного большинства голосов нам собрать не удалось. Все же Кхуршед Хаснаян был избран значительным большинством голосов, но нам пришлось поволноваться за него, потому что он выступал против индуса, который апеллировал к антимусульманским настроениям индусов. На его ящике для бюллетеней была изображена корова, и когда он производил обход домов, корова как бы агитировала за него. Было бы позорно, если бы руководящий деятель такого масштаба, как Хаснаян, потерпел поражение, так что мы приложили величайшие усилия, чтобы добиться его избрания.

Тактика противников задела Хаснаяна за живое, и он решил, что не будет претендовать на пост председателя, и хотел, чтобы это место занял я. Я отказывался, потому что бирманское

дело еще не закончилось и у меня не было времени, но в конце концов мне пришлось уступить настоящим Хаснаяна. Таким образом я был избран председателем, а Ануграх Нараян Синха — вице-председателем муниципалитета.

Как только апелляция Харихар Прасад Синхи была удовлетворена Верховным судом Индии (Ануграх Нараян Синха тоже участвовал в этом деле, хотя и на стороне наших противников), мы с большим подъемом занялись общественной деятельностью. Работа была для нас непривычной, но вскоре мы ее освоили. Как раз в это время состоялись выборы в Гайское окружное управление и Ануграх Нараян Синха был избран его председателем. В связи с этим он отказался от своего поста в муниципальном совете Патны, а на его место мы избрали Сейида Мухаммада, который не был конгрессистом. Он очень хорошо проявил себя.

Главные неприятности доставляли нам ничтожные размеры доходов и растущие расходы. Мы были лишены возможности проводить сколько-нибудь широкие мероприятия по улучшению городского хозяйства, и не существовало способа увеличить бюджет муниципалитета без повышения налогов. Поэтому я отправился в Ранчи, чтобы посоветоваться с министром по делам местного самоуправления сэром Ганеш Датта Сингом, который порой помогал нам. Но этот визит ни к чему не привел.

Город Патна имеет в ширину лишь одну милю, но в длину тянется на десять миль. Поскольку я жил на окраине, то при отсутствии собственного экипажа мне было очень трудно выполнять свои служебные обязанности. Я не мог позволить себе ничего лучшего, чем наемная эка (повозка), являющаяся самым дешевым способом передвижения на севере. Это считалось не очень солидным и вызывало много критических замечаний, но, поскольку я не был приравнен к таким муниципальным служащим, как уполномоченный по здравоохранению и инженер, и мне не полагалось проездных денег, я игнорировал все это и не отказывался от своего средства передвижения. К тому же у меня была прекрасная компания: помощник окружного коллектора Патны англичанин Джонстон тоже ездил в суд в наемной эке и даже доходил до того, что подвозил других пассажиров и взимал с них известную долю стоимости проезда.

Патна не является крупным торговым центром. В прежние времена, когда реки были главными путями сообщения, Патна имела большое значение потому, что она расположена на берегу Ганга. Близ Патны в Ганг впадает Гандак, а всего лишь в двадцати милях — Сонбхадра и Сариу. Но после появления железных дорог Патна лишилась своего торгового значения. В этом городе не было и нет до сих пор достойных упоминания

фабрик или заводов. Здесь живут только государственные чиновники и адвокаты, потому что Патна — столица провинции Бихар. Вот почему доход муниципалитета невелик.

В то время в городе совершенно не было никакого коммунального хозяйства. Дренажные каналы были открытыми, и они стали рассадниками moskitov. Не было современных устройств для очистки сточных вод. До нашего прихода в муниципалитет в каждом доме Патны имелось отхожее место в виде ямы, которая никогда не очищалась. Если она наполнялась, рядом рыли другую. К тому времени, когда мы заняли свои посты, большая часть этих ям была переполнена и поэтому мы зарыли их. В колодцах, находившихся вблизи отхожих мест, вода была солоноватой и зловонной, а поэтому для питья жители брали воду из Ганга, которая в период дождей становилась грязной. В связи с этим было совершенно необходимо соорудить водопроводную станцию для снабжения города чистой водой. До нас муниципальный совет занимался этим вопросом, и дело дошло до подсчета расходов. Мы составили план и подсчитали текущие расходы. Средства на капитальные расходы мы могли просить у правительства, но обслуживание сооружений лежало на обязанности совета, а у него не было фондов даже на такие сравнительно небольшие расходы. Единственным выходом являлось введение новых налогов, но решиться на это было не так-то легко.

В Патне трудно было достать цельное молоко. Мы рассматривали вопрос о постройке молочного завода, но, как всегда, дело упиралось в отсутствие средств. Мы всячески обдумывали пути и способы увеличения наших доходов. Узнав о том, что в Соединенных провинциях муниципалитеты получали существенный доход от внутренних пошлин на ввозимые товары и других сборов такого же рода, мы обсудили вопрос о взимании подобных сборов и в Патне. Для этого нам надо было принять соответствующее решение и представить его правительству на утверждение. Но большинство членов муниципального совета высказалось против принятия такого решения. Они говорили, что не могут голосовать за введение новых налогов, хотя бы даже пришлось обойтись без коммунальных сооружений, которые мы предлагали создать. Нам осталось лишь отказаться от своей идеи.

В муниципалитете процветало взяточничество. Мы пытались искоренить его, и тогда служащие перепугались и на каждом шагу ставили нам палки в колеса. Некоторые муниципальные комиссары были с ними заодно, так что каждый раз, когда вносилось какое-либо предложение относительно улучшения коммунального хозяйства, комиссары неизменно отвергали его.

Итак, мы убедились, что все наши попытки улучшить городское хозяйство обречены на то, чтобы остаться благими пожеланиями. Осознав свою беспомощность, мы примерно через год подали в отставку.

Единственное, чего нам удалось добиться во время пребывания в муниципалитете, было сооружение электростанции. Муниципалитету оставалось только поставить вместо керосиновых фонарей электрические. Как ни странно, но члены муниципального совета приняли это предложение, и через несколько дней после нашего ухода в отставку Патна была электрифицирована.

Мы пытались улучшить условия существования городских мусорщиков. Мы посещали район, где они жили, и разъясняли им, как соблюдать чистоту. Раз в неделю в их поселке устраивались религиозные собрания и населению раздавались сласти. Мы всячески старались призывать их к трезвости, но, когда мы ушли из муниципалитета, эта полезная работа прекратилась.

Мы обнаружили, что мусорщики неразумно расходовали свои заработки и поэтому никогда не вылезали из нужды. Мужчины у них зарабатывали в месяц 12 рупий, женщины — 10, а дети — 5 рупий. Таким образом, семья зарабатывала значительно больше, чем мелкий служащий. Кроме того, они получали много льгот и подарков, но, несмотря на все это, крайне бедствовали. В день получки являлся ростовщик и отбирал весь заработок, так что мусорщикам приходилось сейчас же снова залезать в долги. Получался заколдованный круг, из которого не было никакой надежды выбраться. Мы пытались спасти мусорщиков от этой беды. Выяснилось, что они получали заработную плату один раз в месяц, а займы брали несколько раз, и фактически весь их заработок уходил на оплату процентов. Мы пытались убедить их прекратить брать деньги у ростовщиков, но нам это не удалось. Мы попробовали не допускать к ним ростовщиков в день получки, но, как ни странно, это вызвало возмущение мусорщиков, и они пригрозили забастовкой. Они заявляли, что не могут обойтись без ростовщиков и что ростовщики не оставят их в покое до тех пор, пока все долги не будут уплачены. Мы обещали уплатить долги и сказали им, чтобы они больше не брали денег у ростовщиков. Но даже такую простую вещь им было трудно понять.

Тогда мы устроили так, что мусорщикам стали выплачивать заработную плату в середине месяца, и предложили выдавать им авансы с тем, что они будут выплачивать их из получки следующего месяца. С большим трудом нам удалось убедить их согласиться на это, но когда, наконец, это было сделано, мусорщики остались очень довольны.

В это время членами многих других муниципальных советов и окружных управлений были избраны конгрессисты. Шах Мухаммад Зубаир стал председателем Монгхирского окружного управления, Шри Кришна Синха — заместителем председателя того же управления, Мазхарул Хак был избран председателем Управления округа Чапра. Кроме того, различные посты заняли и другие лица: так, Бипин Бихари Варма стал председателем Чампаранского окружного управления, Виндхешвари Прасад Варма — председателем муниципалитета Музаффарпура, Рамдаялу Синха — председателем Музаффарпурского окружного управления, Каилаш Бихарилал — председателем Бхагалпурского окружного управления, Харинандан Дас — председателем Дарбхангского окружного управления, Джимутбахан Сен — заместителем председателя Манбхумского окружного управления, Рамнараян Синг — заместителем председателя Хазарибагского окружного управления. В последних двух управлениях заместители комиссаров являлись одновременно и председателями.

Таким образом, многие конгрессисты были избраны в местные провинциальные органы — не всюду было так скверно, как в Патне. Представители Конгресса добивались хороших результатов, хотя в районе Чхота-Нагпур официальный председатель и неофициальный заместитель председателя редко придерживались одного мнения. Наше участие в выборах в местные органы самоуправления произвело на публику хорошее впечатление, но я все же не был удовлетворен этой работой. Я видел только то, что перед выборами среди конгрессистов растет зависть и соперничество. Многие считали избрание в местный орган власти вознаграждением за пережитые страдания и принесенные жертвы. Люди не могли удержаться от преувеличения своих заслуг, претендуя на внесение своей фамилии в список кандидатов Конгресса. Те, кто не попадал в списки, считали себя обиженными. Я был удручен этим зрелищем. Я придавал такого рода почестям очень мало значения и поражался тому, что люди поднимают шум по такому поводу. Свои взгляды я изложил в статье, которую поместил под псевдонимом в калькутской «Модерн ревью». И после выборов взаимоотношения между конгрессистами оставляли желать лучшего. Единственным исключением было Монгхирское окружное управление. В глубине души я был убежден в нежелательности того, чтобы конгрессисты добивались избрания в местные органы, но никто со мной не соглашался, и я не пытался навязывать другим свое мнение. Мало того, когда представлялась возможность, я не только разрешал конгрессистам участвовать в выборах, но даже помогал им.

В то время правительство Бихара внесло в легислатуру законопроект, предоставлявший государственным финансовым инспекторам право объявлять неправомерными любые расходы, произведенные должностными лицами муниципалитета и окружного управления, и если инспектор приходил к такому заключению, он мог потребовать от должностного лица возмещения данной суммы лично или совместно с теми его коллегами, которые изъявили согласие на производство данных расходов. С 1922 года существовал закон, менявший прежнее законодательство о местных органах самоуправления и предоставлявший им право избирать своего председателя. Подлинная цель нового законопроекта заключалась в том, чтобы урезать права, предоставленные ранее. Наиболее отрицательной чертой законопроекта было то, что инспектор получал право разрешать вопросы юридического характера. Законопроект вызвал целую бурю протестов.

В Патне для его обсуждения была созвана конференция представителей муниципалитетов и окружных управлений. Ее открыл председатель Монгхирского окружного управления Шах Мухаммад Зубаир. Председательствовать должен был Мазхарул Хак, но он внезапно заболел, и я заменил его. Были представлены почти все местные органы самоуправления. Законопроект о финансовых инспекторах был единогласно осужден. Конференция рассмотрела также ряд других вопросов, связанных с местным самоуправлением. Решительные возражения встретило предложение, чтобы инженеры окружного управления считались государственными служащими. В области народного образования было решено, что представители управлений должны установить связь с комиссиями по созданию учебников и что эти комиссии должны быть надлежащим образом укомплектованы. Конференция создала постоянные комиссии, чтобы в случае необходимости могли созываться аналогичные конференции.

Выборы в местные органы происходили в напряженной атмосфере, создавшей ощущение недоразумений и разобщенности. С 1922 года в различных местах вспыхивали индуско-мусульманские столкновения. Халифатистское движение пошло на убыль, и вместе с ним мы лишались базы для совместной деятельности. Несмотря на все наши усилия, в Бихаре снова начались религиозно-общинные распри, что набросило тень на общественную и политическую жизнь провинции. Вопросы, по которым существовала общность взглядов, отходили на задний план и подчеркивались только разногласия. Общественная атмосфера была сильно отравлена, и в такой провинции, как Бихар, где большинство населения является индуским, стало

очень трудно добиться избрания мусульманина на ответственный пост.

Единственным мусульманином, избранным без всяких трений, был Мухаммад Зубаир в Монгхире. Кхуршед Хаснаян прошел в Патне с трудом. Избрание Мазхарул Хака в окружное управление Чапры было нелегким делом, и своим успехом он в значительной мере был обязан усилиям моего брата, а ведь Хак пользовался в Бихаре большим влиянием благодаря своим заслугам и принесенным им жертвам. В Музаффарпуре Мухаммад Шафи, невзирая на свои прошлые заслуги, потерпел поражение. Мы были очень огорчены за него, и он чувствовал себя обиженным. Хотя в течение некоторого времени Шафи не выказывал своей досады, впоследствии он вышел из Конгресса и посвятил себя созданию мусульманской организации. Таким образом, создание Мусульманской конференции, хотя оно произошло через несколько лет, непосредственно связано с результатами тех выборов в местные органы.

В самом Конгрессе к мусульманам не было несправедливого отношения. Значительное их число было избрано на различные посты, но они считали, что количество избранных недостаточно, и постепенно доверие мусульман к Конгрессу стало уменьшаться, что имело весьма печальные последствия.

ПЕРЕГОВОРЫ В ДЖУХУ

Гандиджи, находившийся в Джуху, стал поправляться, и как только его здоровье немного улучшилось, к нему устремился целый поток посетителей, осведомивших его о том, что произошло во время его пребывания в тюрьме. Дешбандху Дас и пандит Мотилал Неру пробыли у него несколько дней и обсуждали с ним политические вопросы, имея в виду урегулирование сохранившихся разногласий. Вопрос о вхождении в законодательные органы утратил значительную часть своей остроты, поскольку выборы уже состоялись и многие конгрессисты были избраны в эти органы. Однако мы видели, что Гандиджи не совсем примирился с этим и что дошедшие до нас сведения, будто бы он, находясь в тюрьме, изменил свои взгляды, не соответствуют действительности. Люди, придерживавшиеся одинаковых со мной взглядов, с удовлетворением убедились в том, что Гандиджи оставался непоколебимым противником вхождения в законодательные органы.

После переговоров в Джуху Гандиджи опубликовал в печати заявление, в котором говорилось, что он по-прежнему стоит за пять бойкотов — бойкот судебных органов, государственных школ, титулов, законодательных органов и иностранных тканей — и что, по его мнению, вхождение в законодательные органы противоречит политике несотрудничества. Однако ему не удалось переубедить Дешбандху Даса, Мотилала Неру и других лидеров партии свараджистов. Поскольку эти деятели уже вошли в законодательные органы и было бессмысленно продолжать споры, Гандиджи рекомендовал «противникам перемен» заняться выполнением конструктивной программы. В другом заявлении он рассмотрел индусско-мусульманский вопрос в свете нарастающего напряжения в отношениях между религиозными общинами в стране. Он назвал мусульман головорезами, а индусов — трусами. Он критиковал *«Арья самадж»* за его неуместные выступления, оскорблявшие людей. Что же

касается организаций Конгресса, то он высказал мнение, что на ответственные посты следует избирать только людей, стоящих за пять бойкотов и осуществляющих эти бойкоты.

В это время в Калькутте среди бела дня на людной улице юноша-бенгалец Гопинатх Саха застрелил англичанина по фамилии Дэй. Англичанин тут же скончался, а Гопинатх был арестован, предан суду и приговорен к смертной казни. В Сираджгунги состоялась Бенгальская провинциальная политическая конференция, которая приняла резолюцию, восхвалявшую патриотизм Сахи, но осуждавшую его поступок. Гандиджи не одобрял резолюции, считая, что такого рода действия не соответствуют политике Конгресса и препятствуют освободительному движению. Он написал статью по поводу реорганизации Конгресса, в которой заявил, что хочет поставить на обсуждение Всеиндийского комитета Конгресса несколько резолюций, одна из которых касается убийства Дэя. Он привел и текст этой резолюции, в которой говорилось, что на ответственные посты в организациях Конгресса могут избираться только лица, верящие в пять бойкотов. Это означало, что лица, вошедшие в законодательные органы, не могут занимать постов в Конгрессе, а в случае если они уже занимают эти посты, должны их оставить. Было также объявлено обязательным ежедневное прядение в течение получаса и изготовление двух тысяч ярдов пряжи в месяц, которая должна передаваться Комитету по внедрению кхадди. Лица, не выполняющие этого, не могут занимать выборные должности в организациях.

Эта резолюция похоронила все надежды на возможность какого-то соглашения между двумя группами, возникшие в связи с предыдущим заявлением Гандиджи, и посеяла семена новых раздоров. Печать тоже приняла участие в полемике. «Арья самадж» выступила против заявления по индусско-мусульманскому вопросу.

В июне в Ахмадабаде состоялось заседание Всеиндийского комитета Конгресса. Внесенная на это заседание резолюция о недопущении на выборные должности в Конгресс тех, кто не признает бойкотов и обязательного прядения, встретила возражения на том основании, что она не соответствует уставу Конгресса. Был выдвинут довод, что устав Конгресса утверждается его сессией, а не ВИКК и что предлагаемые теперь новшества равносильны изменению устава. Со своей стороны Махатма Ганди утверждал, что по существующим правилам в промежутке между сессиями Конгресса все права и полномочия по руководству его деятельностью переходят к ВИКК. Поэтому даже в том случае, если новая резолюция равносильна изменению устава, ВИКК вполне правомочен принять такую резолю-

цию, особенно поскольку она имеет целью только претворение в жизнь решений Конгресса о бойкоте.

Председатель Конгресса маулана Мухаммад Али, не высказывая своего мнения, пожелал выяснить настроение собравшихся. Оказалось, что большинство членов ВИКК считает резолюцию обоснованной. Дешбандху Дас, Мотилал Неру и другие в знак протеста покинули зал заседаний. Резолюция была поставлена на голосование и принята незначительным большинством голосов. Тогда Гандиджи внес еще одну резолюцию, которая сводила на нет действенность пунктов предыдущей резолюции, гласивших, что лица, не выполняющие резолюции о бойкоте, лишаются права занимать выборные должности. Он заявил, что вносит эту новую резолюцию потому, что предыдущая не собрала подлинного большинства голосов. Новая резолюция была принята, и таким образом свараджисты получили возможность вернуться на заседание ВИКК.

В тот же вечер оппозиционеры имели беседу с Гандиджи, и были установлены правила, приемлемые для обеих групп. На другой день были приняты соответствующие решения. В результате бойкоту законодательных органов была придана большая гибкость, другие же виды бойкота были сделаны еще более жесткими.

Когда Гандиджи внес резолюцию по поводу убийства Дэя, Дешбандху Дас предложил поправку, содержащую текст решения, принятого конференцией в Сираджгуни. Как и в предыдущем случае, Гандиджи удалось провести свою резолюцию лишь незначительным большинством голосов. Дело в том, что конгрессисты были возмущены нападками английской печати на принятое в Сираджгуни решение и намерением правительства арестовать за это Дешбандху Даса. Последний заявил, что вносит поправку потому, что молчание может быть истолковано как страх перед арестом с его стороны или со стороны его друзей.

Гандиджи было указано, что некоторые бесчестные люди, используя бойкот Конгрессом судебных органов, причиняют конгрессистам большой ущерб и что нужно найти какой-то способ оградить интересы конгрессистов. Гандиджи согласился с тем, что за конгрессистами должно быть признано право на самозащиту, а это расходилось с действующей директивой — что конгрессист может выступать только в качестве свидетеля защиты и не должен выступать в суде ни в качестве истца, ни в качестве ответчика. Гандиджи имел в виду дело члена Рабочего комитета Гангадхаррао Дешпанде. Он внес резолюцию, освобождающую конгрессистов от выполнения решения о бойкоте в случае необходимости выступать в суде в качестве сви-

детеля защиты. Против этого возражал д-р Чоитхрам Гидвани, ссылаясь на несоответствие уставу Конгресса. Маулана Мухаммад Али осведомился о мнении Гандиджи, и когда тот признал, что д-р Гидвани прав, маулана снял резолюцию с обсуждения. Когда заседание уже заканчивалось, Гандиджи, опечаленный ходом событий, встал, чтобы произнести речь. В середине своего весьма трогательного выступления он внезапно умолк: его душило волнение, и слезы струились по щекам. С трудом ему удалось овладеть собой и продолжать речь. Присутствующие были потрясены. Многие вскочили с мест и пытались успокоить Гандиджи, заверяя его, что они будут безоговорочно следовать за ним; многие рыдали вместе с Гандиджи, не стыдясь своих слез. В такой печальной атмосфере заседание было закрыто.

Гандиджи написал несколько проникновенных статей, посвященных закончившемуся заседанию Всеиндийского комитета Конгресса. Печать страны горячо одобрила изменения, внесенные им в свою резолюцию, несмотря на то, что она прошла большинством голосов. Тем не менее стало очевидным, что раскол в партии Индийский национальный Конгресс становится все глубже. Это, безусловно, началось еще со времен Чаури — Чаура, когда были посеяны семена разлада. В то время почти все руководящие деятели, находившиеся в заключении, высказывались против решения Гандиджи о приостановке сатьяграхи. Та же тенденция выявилась, когда в Ахмадабаде обсуждалась резолюция по поводу убийства Дая. Этот разлад был на руку английскому правительству, и оно использовало его в своих интересах. Через несколько дней было арестовано много бенгальских руководящих деятелей, в том числе Субхас Чандра Бос. Гандиджи сделал все, чтобы выправить положение. Он решил во что бы то ни стало уладить все внутренние разногласия. Он хотел достичь единодушия не только с партией свараджистов, но и со всеми группами, которые вышли из Конгресса в связи с движением несотрудничества. Он сосредоточил все силы на поисках выхода из тупика.

В это самое время Анни Безант готовила проект требования свараджа для Индии, чтобы внести его в английский парламент. Лейбористская партия, получившая в то время большинство в парламенте, сформировала правительство во главе с Рамсеем Макдональдом. Предполагалось, что министром по делам Индии будет полковник Веджвуд Бенн, считавшийся настроенным проиндийски. Однако из-за противодействия английских кругов в Индии он не получил портфеля, и пост министра был предоставлен лорду Оливеру. Несмотря на это, часть народа надеялась на то, что лейбористское правительство проведет в Индии какие-то политические реформы.

В результате участвовавших индусско-мусульманских столкновений и больших разногласий в Конгрессе и стране Гандиджи решил, что Конгресс должен отказаться от движения несотрудничества, чтобы дать возможность всем сплотиться в его рядах. Он выдвинул следующие предложения:

1. Конгресс отказывается от всех видов бойкота, за исключением бойкота иностранных тканей.

2. Прекращается бойкот всех английских товаров, за исключением тканей.

3. Конгресс посвятит себя пропаганде кхади, борьбе за индусско-мусульманское единение и ликвидацию неприкасаемости.

4. Конгресс будет руководить существующими национальными учебными заведениями и создавать по мере возможности новые.

5. Членский взнос в размере четырех анн отменяется, и членами Конгресса могут считаться все, кто полчаса в день занимается прядением и изготавливает для Конгресса ежемесячно по две тысячи ярдов пряжи; тем, кто не в состоянии купить хлопок, он должен выдаваться Конгрессом бесплатно.

Гандиджи считал, что после принятия этих предложений не будет больше оснований для столкновений между «противниками перемен» и партией свараджистов, что последняя получит полную возможность организовать, а члены других групп смогут войти в Конгресс. Эти предложения широко обсуждались по всей стране. Анни Безант в известной мере согласилась с ними и сочла, что теперь она может вернуться в Конгресс.

ТРЕХНЕДЕЛЬНАЯ ГОЛОДОВКА МАХАТМЫ ГАНДИДЖИ

Тем временем, пока страна обсуждала компромиссные предложения Махатмы, в ряде мест вспыхнули столкновения между религиозными общинами. Произошли беспорядки и в провинции Бихар, а именно в Бхагалпуре. Я поехал туда с несколькими коллегами и пытался разрядить атмосферу. Тут поступили сведения о столкновениях в Дели. Гандиджи очень взволновался и выехал туда. Через несколько дней ему пришлось отправиться в Бомбей. Затем погромы начались в Гулбарге, во владениях *низама*. Поскольку беспорядки в Дели не утихали, Гандиджи вернулся туда. В это время видное место в газетных заголовках занял Кохат (Северо-Западная пограничная провинция), где начались сильные погромы, сопровождавшиеся большим количеством человеческих жертв, грабежами и поджогами. Все это глубоко опечалило Гандиджи. Испытывая сильную душевную боль, он решил провести двадцатидневную голодовку, чтобы склонить индусов и мусульман к единению. Голодовка началась в Дели в доме маулана Мухаммада Али, где остановился Гандиджи.

Это известие потрясло страну. Во всех слоях общества высказывались опасения за здоровье Гандиджи, поскольку он совсем недавно оправился от серьезной болезни. Д-р М. А. Ансари, хорошо знавший физическое состояние Гандиджи, всячески старался убедить его отказаться от этой мысли, но усилия его были тщетны. Все же он добился от Гандиджи обещания, что если его жизни будет угрожать опасность, он прекратит голодовку. Когда началась эта голодовка, я приехал в Дели, чтобы быть возле Гандиджи. Через несколько дней его перевезли в загородное бунгало. Приехал К. Ф. Эндрюс, чтобы ухаживать за Гандиджи. Д-р Ансари все время был при нем.

По предложению маулана Мухаммада Али в Дели была созвана конференция единства, в которой приняли участие представители всех религий — индусы, мусульмане, сикхи, христиане и др. Конференция продлилась несколько дней; на

ней присутствовал также епископ Калькуттский преподобный д-р Фосс Весткотт. Поскольку принятые конференцией резолюции касаются вопроса о религиозно-общинных конфликтах и представляют интерес, я привожу их полностью.

1

«Настоящая конференция выражает глубокое сожаление и тревогу по поводу начатой Махатмой Ганди голодовки. Конференция твердо придерживается мнения о необходимости полной свободы совести и религии и осуждает всякое глумление над местами богослужений, принадлежащими любой религиозной общине, а также какие бы то ни было преследования или наказания отдельных лиц за переход в какую бы то ни было веру или возвращение в прежнюю веру и вместе с тем осуждает любые поштыки насильственно обращать людей в свою собственную веру или навязывать свои религиозные обряды в ущерб правам других.

Участники конференции заверяют Махатму Ганди, что они обязуются приложить всяческие усилия к тому, чтобы добиться проведения в жизнь этих принципов, и осуждают отклонение от них даже при наличии провокации. Конференция поручает председателю передать лично Махатме Ганди общую просьбу ее участников: немедленно прекратить свою голодовку, с тем чтобы дать настоящей конференции возможность воспользоваться его сотрудничеством, советами и руководством для решения вопроса о наилучших способах скорейшего прекращения того зла, которое быстро распространяется по стране.

2

Настоящая конференция выражает глубокое сожаление по поводу раздоров и распри, которые в настоящее время происходят между индусами и мусульманами в различных местах Индии, сопровождаясь гибелью людей, грабежами, поджогами и осквернением мест богослужения. Конференция считает это варварством, противоречащим религии. Конференция выражает пострадавшим горячее сочувствие. Она придерживается того мнения, что для любого лица присвоение себе функций правосудия и осуществление им акта возмездия или наказания является нерелигиозным актом. Конференция считает, что все разногласия, независимо от их характера, должны передаваться на рассмотрение третьей инстанции, а в случае невозможности этого — даже судебной палаты.

Необходимо создать Центральный национальный панчаят в составе не более пятнадцати человек, имеющий право создавать местные панчаяты и назначать их членов после совещания с местными представителями различных религиозных общин для рассмотрения и урегулирования там, где это будет необходимо и желательно, всех споров и разногласий, в том числе и инцидентов последнего времени. Указанный Национальный панчаят должен иметь право устанавливать правила и порядок практического осуществления настоящей резолюции.

Конференция назначает членами Национального панчаята следующих лиц: Махатму Ганди (председатель и руководитель), Хаким Аджмал Хана, Лалла Ладжпат Рая, Г. К. Наримана, д-ра С. К. Датта и магистра Сундер Синга из Лаулпура, предоставив им право увеличивать численность панчаята до пятнадцати человек и кооптировать местных представителей в качестве дополнительных членов.

Имея в виду претворение в жизнь общих принципов, долженствующих содействовать установлению лучших отношений между различными религиозными общинами Индии, которые сформулированы в резолюции № 1, и для обеспечения полной терпимости в отношении всех религий, верований и религиозных обычаев конференция высказывает следующие мнения:

а) как отдельные лица, так и группы лиц должны пользоваться полным правом придерживаться своих убеждений и совершать любые религиозные обряды с должным уважением к чувствам других и без посягательства на их права. Такие отдельные лица или группы лиц ни в коем случае не должны унижать основателей других вероисповеданий, святых или догматы других религий;

б) все места богослужений любой веры или религии должны считаться священными и неприкосновенными и ни в коем случае не должны подвергаться нападениям и оскверняться в результате провокаций или в качестве возмездия за такого же рода святотатство. Долг каждого гражданина, какую бы веру или религию он ни исповедовал, — по мере возможности препятствовать подобным нападениям или осквернению, а там, где такие нападения или осквернение имели место, они должны быть немедленно осуждены;

в) индусы не должны рассчитывать на то, что осуществление мусульманами права на убой коров может или будет прекращено путем применения силы, на основе постановлений местных органов, путем законодательного акта или судебного решения; это может быть достигнуто только по взаимному согласию. Они должны уповать на здравый смысл мусульман и на то, что в результате установления лучших отношений между двумя религиозными общинами возникнет более глубокое уважение к чувствам индусов.

Ничто из сказанного в предыдущем абзаце не должно менять или нарушать какие бы то ни было существующие уже местные обычаи или соглашения, достигнутые между двумя религиозными общинами, и не является разрешением на убой коров в тех местах, где это ранее не делалось; любые споры по поводу конкретных фактов должны разрешаться Национальным панчаятом, созданным на основе резолюции № 3.

Убой коров не должен осуществляться так, чтобы это оскорбляло религиозные чувства индусов.

Участники конференции — мусульмане — настоящим призывают своих единоверцев сделать все, что в их силах, для ограничения убоя коров;

г) мусульмане не должны рассчитывать на прекращение исполнения индусской музыки перед мечетями или поблизости от них путем применения силы, на основе постановлений местных органов, законодательных актов или судебных решений; это может быть достигнуто только по взаимному согласию. Они должны положиться на здравый смысл индусов, который побудит их уважать чувства мусульман.

Ничто из сказанного в предыдущем абзаце не должно нарушать или менять каких бы то ни было местных обычаев или уже существующих соглашений между двумя религиозными общинами, и это не является разрешением играть на музыкальных инструментах перед мечетями в тех местах, где ранее это не делалось. Все споры по данному вопросу должны передаваться на разрешение Национального панчаята, созданного на основании резолюции № 3.

Участники конференции — индусы — призывают своих единоверцев избегать игры на музыкальных инструментах перед мечетями, если это мешает богослужению;

д) мусульмане не должны рассчитывать на прекращение путем применения силы, на основе постановлений местных органов, законодательных актов или судебных решений представлений артистов или игры индусов на музыкальных инструментах, в том числе на духовом инструменте шанкх, во время богослужений и в других случаях, в их домах или хра-

мах или в общественных местах в любое время, даже в том случае, если упомянутые дом, храм или место расположены в непосредственной близости от мечети. Это может быть достигнуто только по взаимному согласию. Однако они должны доверять здравому смыслу индусов, который побудит их пойти навстречу мусульманам.

Сказанное в предыдущем абзаце не может изменить или нарушить каких бы то ни было местных обычаев или имеющихся уже соглашений между двумя религиозными общинами; все споры по поводу конкретных фактов должны разрешаться Национальным панчаятом, созданным на основании резолюции № 3;

е) мусульмане имеют право совершать азан и молиться в своих домах, мечетях, а также в общественных местах, если они не выделены для совершения религиозных обрядов какой-либо другой общиной;

ж) если убой животных и продажа мяса являются допустимыми по другим причинам, не должны выдвигаться возражения по поводу способа убоя.

В случаях возникновения споров относительно продажи какого-либо вида мяса в определенном населенном пункте или квартале этот спор должен быть передан на разрешение местного панчаята, созданного на основании резолюции № 3;

з) каждый человек имеет право исповедовать любую религию или изменить ее по своему усмотрению. Такого рода изменение религии не дает никаких оснований для преследования или наказания этого человека лицами, исповедующими религию, от которой он отрекся;

и) каждый человек или группа лиц имеют право обращать других людей в свою веру или возвращать их в прежнюю веру при помощи доводов и увещаний, но они не должны пытаться достичь этого при помощи силы, обмана или другими нечестными средствами, как, например, обещанием материального поощрения. Лица моложе шестнадцати лет могут быть обращены в другую веру только вместе со своими родителями или опекунами. Обращение в другую веру или возвращение в старую веру не должны производиться в тайне;

к) никакая религиозная община не должна пытаться силой мешать сооружению членами другой общины на принадлежащей им земле новых мест богослужения. Места богослужения должны сооружаться на достаточном расстоянии от существующих молитвенных мест других религиозных общин.

5

Настоящая конференция придерживается того мнения, что часть печати, особенно на севере страны, несет ответственность за усиление напряженности в отношениях между различными религиозными общинами из-за публикации ею нелепых преувеличенных сообщений, оскорблений по адресу других религий и всяческого разжигания предрассудков. Конференция осуждает такие выступления печати, призывает общественность прекратить финансовую поддержку и содействие изданию подобных газет и брошюр и рекомендует Центральному и местным панчаятам внимательно следить за такого рода печатными материалами, время от времени публикуя сообщения, соответствующие действительности.

6

В результате того, что до сведения настоящей конференции доведено о совершении в некоторых местах недостойных актов в отношении мечетей, участники конференции — индусы осуждают такого рода действия, где бы они ни были совершены.

7

Участники конференции — индусы и мусульмане — призывают своих единоверцев проявлять полную терпимость к мелким религиозным общинам, имеющимся в Индии, и при решении всех вопросов, связанных с отношениями между общинами, проявлять справедливость и великодушие.

8

Настоящая конференция считает, что имеющие место в некоторых районах страны попытки членов одной религиозной общины бойкотировать членов другой общины и прекращать общественные и торговые отношения с ними заслуживают осуждения и являются существенным препятствием для развития добрых отношений между различными религиозными общинами, существующими в Индии. Поэтому конференция призывает все общины воздерживаться от такого рода бойкота и проявлений недоброжелательства.

Настоящая конференция призывает мужчин и женщин из всех религиозных общин всей страны ежедневно возносить молитвы в течение последней критической недели голодовки Махатмы и 8 октября созвать во всех городах и селениях массовые митинги для изъявления благодарности нации всевышнему и для молитвы о том, чтобы все религиозные общины прониклись духом доброй воли и братства, который приведет к их единению, и о том, чтобы принципы полной веротерпимости и взаимного доброжелательства, провозглашенные настоящей конференцией, были восприняты и претворены в жизнь всеми членами всех индийских религиозных общин».

Создалось впечатление, что эта конференция сулила некоторое улучшение атмосферы в стране. Казалось, что члены всех религиозных общин решили относиться друг к другу доброжелательно и сердечно. Это могло бы иметь чрезвычайно важное значение, если бы такого рода эффект был длительным, но, к сожалению, этого не случилось, и дальнейшие события не оправдали надежд, которые вселило в сердца людей улучшение отношений.

После конференции я от всей души пожелал ей успеха, но меня беспокоили многие сомнения. Они вызывались тем, что приложенные усилия не подкреплялись стремлением к единению, которое является необходимым условием достижения прочных результатов. Каждая община подчеркивала в первую очередь свои права и привилегии, а не свои обязанности. Я же был убежден в том, что споры такого рода могут быть улажены только в том случае, если главное значение придается не правам и привилегиям, а обязанностям. Однако оставалось только наблюдать за тем, что делается, так что я держал свое мнение при себе.

Тем временем Гандиджи продолжал голодовку. Д-р Ансари ежедневно исследовал его. Однажды он обнаружил в моче Гандиджи ацетон — грозный признак, заставляющий опасаться за жизнь больного. Д-р Ансари встревожился. Он сказал Гандиджи, что приближается опасный момент и что вскоре может возникнуть необходимость прекратить голодовку. Поскольку содержание ацетона в моче все увеличивалось, он стал настаивать, чтобы Гандиджи прекратил голодовку. Все другие врачи потребовали того же.

Гандиджи ответил, что хотя д-р Ансари, безусловно, понимает больше его, но он, Гандиджи, хотел бы, чтобы его оста-

вили в покое на одну ночь. Врачи не соглашались. Тогда Гандиджи заявил, что врачи принимают во внимание всевозможные обстоятельства, но забывают об одном — о молитве. Он хочет только, чтобы его оставили в покое для молитвы. Врачи неохотно исполнили его желание. Когда на следующий день был сделан новый анализ мочи, она оказалась нормальной, и врачи больше не настаивали на прекращении голодовки. В оставшиеся дни голодовки ацетон в моче не появлялся, и д-р Ансари успокоился. Врачи откровенно признавались нам, что медицинская наука не может приписать это чудо себе.

Во все время голодовки Гандиджи регулярно пряд на своей чаркхе. В последний день голодовки он молился, изготовил положенное количество пряжи, спел свой любимый гимн, а затем выпил немного апельсинового сока. По этому случаю маулана Мухаммад Али привел с бойни корову и преподнес ее Махатме в знак глубокой любви и сердечной привязанности к нему.

КОМПРОМИСС С ПАРТИЕЙ СВАРАДЖИСТОВ

Прошло немало времени, пока здоровье Гандиджи восстановилось после голодовки. Поправившись, он хотел поехать в Кохат, но правительство не разрешило ему этого. Тогда же бенгальское правительство издало декрет, которым присваивало себе особые полномочия для борьбы с тем, что оно называло «рецидивом терроризма» в провинции. Оно пыталось оправдать издание этого декрета ссылками на убийство Дэя и другие события такого же рода. Субхас Бос и многие другие деятели были арестованы. Распространились слухи, что Дешбандху Дас тоже будет заключен в тюрьму. Партия свараджистов считала, что власти ополчились на нее за то, что она вынудила отставку правительств Бенгалии и Центральных провинций и препятствовала проведению реформ Монтэгу — Челмсфорда. Репрессии вызвали негодование всей страны: даже Федерация либералов была возмущена. По всей Индии состоялись митинги протеста. Руководящие деятели Конгресса опубликовали заявления, осуждавшие декрет. Я тоже созвал в Патне митинг, на котором произнес большую речь, направленную против правительства Бенгалии.

Гандиджи был очень взволнован развитием событий и решил для достижения единства пойти на компромисс с Дешбандху Дасом и Мотилалом Неру. Компромисс этот заключался в том, что Конгресс временно прекращал осуществление программы несотрудничества, за исключением бойкота иностранных тканей, а обе группы Конгресса получали право проводить в жизнь свои собственные программы. Директивы относительно прядения, внедрения кхади, содействия индуско-мусульманскому единению и ликвидации неприкасаемости должны были выполняться всеми конгрессистами. За партией свараджистов признавалось право оставаться в составе Центрального законодательного собрания и провинциальных законодательных собраний и выступать там в качестве представителей Конгресса, но при этом она могла иметь свой собственный устав и создавать свои

собственные фонды. Эти предложения были оформлены в виде резолюции и поставлены на обсуждение заседания Всеиндийского комитета Конгресса, который должен был собраться в Бомбее для рассмотрения вопроса о репрессивных действиях бенгальского правительства. Гандиджи очень хотел, чтобы другие партии вернулись в Конгресс, и вот репрессивная политика правительства помогла ему в этом.

Так, в связи с предстоящим заседанием ВИКК в Бомбее состоялось совещание представителей всех партий, на котором председательствовал сэр Диншоу Петит. Наряду с Конгрессом и партией свараджистов в этом совещании участвовала и Мусульманская лига. Совещание приняло резолюцию, осуждавшую репрессивную политику правительства и выдвигавшую требование свараджа. Другая резолюция предлагала создать комиссию для рассмотрения путей и средств привлечения в ряды Конгресса других партий. Той же комиссии поручалось также подготовить к 31 марта 1925 года проект требования свараджа, с тем чтобы внести его на конференцию, которая должна была состояться в апреле. Страна была вновь охвачена подъемом, и высказывались надежды на то, что народ снова будет дружелюбно сотрудничать для достижения общей цели — свараджа.

На заседании ВИКК компромиссная резолюция Гандиджи вызвала горячие споры. Многие «противники перемен» высказывались против этой резолюции, заявляя, что, если представителям партии свараджистов в законодательных собраниях будет предоставлено право выступать от имени Конгресса, их следует также обязать соблюдать дисциплину, существующую в Конгрессе. Однако Гандиджи не хотел заходить так далеко. Как бы то ни было, резолюция была принята.

Гандиджи был уже избран председателем сессии Конгресса, созываемой в Белгауме, но еще не дал на это согласия. После заседания ВИКК и межпартийного совещания у него создалось впечатление, что атмосфера изменилась и сфера разногласий сузилась, так что он согласился быть председателем Конгресса. Мы рассчитывали, что другие политические партии тоже созовут в Белгауме свои конференции одновременно с сессией Конгресса, чтобы облегчить переговоры, если в них возникнет необходимость, но этого не случилось. Однако Анни Безант вернулась в Конгресс и вместе со своими единомышленниками присутствовала на Белгаумской сессии.

Сессия Конгресса состоялась в последнюю неделю декабря. Население Белгаума было охвачено энтузиазмом. Престарелый Гангадхаррао Дешпанде как юноша разъезжал верхом и следил за подготовительными работами. Как и всегда, была развернута выставка кхадхи, но, кроме этого, была и новинка — музы-

кальный фестиваль, в котором приняли участие знаменитые артисты из Карнатака. Правительство Майсура оказало нам содействие, прислав музыкантов, выступавших на дарбарах.

Белгаумская сессия одобрила компромисс с партией свараджистов. Гандиджи согласился на разделение сфер деятельности между свараджистами и конгрессистами. Было решено, что в политических вопросах решающее слово будет принадлежать свараджистам, а в области конструктивной программы ведущую роль будут вести «противники перемен», свараджисты же — оказывать им всяческую возможную помощь. Отменялось правило, согласно которому каждый конгрессист был обязан заниматься прядением, и сохранялось лишь обязательство сдавать ежемесячно две тысячи ярдов пряжи домашнего изготовления. В устав Конгресса были внесены соответствующие изменения.

Мне выпала на долю честь открыть выставку, организованную в связи с Белгаумской сессией Конгресса. Возможно, что это было признанием больших успехов, достигнутых в Бихаре в области организации производства кхади. В своей речи я подчеркнул, что, если бы не недостаток рабочей силы и денежных средств, можно было бы скоро производить кхади в таких масштабах, чтобы удовлетворить потребности всей страны.

Поскольку Гандиджи по выходе из тюрьмы особенно подчеркивал необходимость внедрения кхади, я в Бихаре энергично занялся выполнением конструктивной программы и особенно организацией производства кхади. В декабре 1924 года мы организовали в Патне выставку кхади и пригласили представителей всех слоев населения посетить ее, чтобы они могли убедиться в той выгоде, которую приносит ремесло сельскому населению. Высшие должностные лица, в том числе главный судья сэр Доусон Миллер и другие члены Высшего суда Патны, а также член Исполнительного совета при губернаторе Бихара сэр Хью Макферсон, посетили выставку и покупали кхади. Было устроено соревнование прядильщиков с присуждением призов. Одним из победителей, изготовившим за час шестьсот ярдов пряжи, оказался юноша, который позднее поехал в Европу для получения высшего образования и является теперь автором большого количества книг на языке хинди — д-р Сатьянараян Синха. Призы вручала супруга главного судьи леди Миллер.

Примерно в это же время в Патну прибыл сэр Ягдиш Чандра Бос для участия в заседании Совета университета Патны. Я пригласил его посетить Бихарский видьяпитх. Он был моим учителем в те времена, когда я учился в колледже Калькутского президентства. Я думал, что он, наверное, забыл меня, но какова была моя радость, когда оказалось, что он прекрасно помнил меня и сказал мне много приятного! Он приехал в ви-

дьянитх и произнес там замечательную, жизнерадостную речь, очень воодушевившую учащихся.

Перед смертью сэр Ягдиш Чандра Бос завещал крупную сумму на борьбу с алкоголизмом в горнорудных районах Бихара и поручил мне распоряжаться процентами с этой суммы. Борьба против алкоголизма велась под моим наблюдением до 1942 года, когда меня посадили в тюрьму. Леди Абала Бос регулярно переводила мне нараставшие проценты. Когда меня арестовали, я вернул ей и попечителям оставшуюся сумму. Я был вынужден сделать это, потому что борьба с алкоголизмом заглохла и банковские счета на мое имя были заморожены властями. Кроме того, я не знал, сколько пробуду в тюрьме. Власти были настолько любезны, что передали попечителям деньги.

Здесь будет небезынтересным рассказать следующий случай. Житель одного селения Саранского округа по имени Бабан Синг, готовившийся к экзамену на звание *мухтара*, внезапно решил посвятить себя делу внедрения кхади. Это был человек с ограниченными средствами. Он продал свою землю и драгоценности жены и потратил все вырученные деньги на пропаганду кхади. Впав в нужду, он явился в Комитет по внедрению кхади и рассказал свою грустную историю. Комитет решил помочь ему. Вскоре он заболел, и у него появились признаки душевного расстройства. Так, например, работая на чаркхе, он громко распевал и панически боялся быть ужаленным змеей. Временами у него бывали приступы бешенства. Соседи заперли его в комнате. Однажды он поднял крик, умоляя спасти его от змеи. Когда соседи отперли дверь его комнаты и вошли, они с изумлением увидели Бабан Синга в смертельной схватке со змеей. Кобра уже успела ужалить его, и он, задушив ее, упал мертвым.

Когда Бабан Синг заболел, его жена Рамсурат отказалась принимать пищу, за исключением жидкой, а когда он умер, она хотела совершить *сати*. Однако родные не позволили ей сделать этого, и теперь наступила ее очередь оказаться под замком. Через некоторое время, казалось, она успокоилась и пришла в себя. Рамсурат имела обыкновение сидеть в темном углу комнаты, где были сложены запасы кхади и хлопка. На четвертый день после смерти мужа ее не было видно с самого утра, и родные, заподозрив недоброе, взломали дверь в комнату. Они увидели, что она сидит, опираясь на одну руку и держа в другой *«Гугу»*. Подойдя ближе, люди увидели, что она сожгла себя и уже скончалась. Большая часть ее тела была обуглена, но лицо не пострадало от огня. Запасы кхади и хлопка лежали совершенно нетронутыми, не хватало лишь нескольких поленьев дров. Этот случай казался почти чудом. На некоторое время дом Бабан Синга стал местом паломничества.

ХРАМ БУДДЫ В ГАЕ

В связи с Белгаумской сессией Конгресса прибыла депутация с Цейлона во главе с д-ром Кассиусом Перейра, которая изложила просьбу цейлонских буддистов о передаче в их ведение храма Будды в Гае. О том же просили сто делегатов-буддистов из Бирмы, принимавшие участие в сессии Конгресса в Гае. После Коканадской сессии этот вопрос тоже подвергался обсуждению. Мне было поручено разобраться в нем, но, будучи загружен другими делами, я не смог выполнить поручение. Теперь, когда цейлонская депутация имела несколько длительных бесед с Гандиджи, он просил меня разобраться в этом деле и сделать сессии доклад. Депутация удовлетворилась ответом Гандиджи и уехала из Белгаума. Однако Лалла Ладжпат Рай предупредил Гандиджи о возможности международных осложнений в случае, если бы храм был передан буддистам другой национальности.

Вскоре после возвращения из Белгаума в Бихар я создал комиссию, в которую вошли Браддж Кишор Прасад, д-р Каши Прасад Джаясвала и Дамодар Дас, известный впоследствии под именем *бхикку* Рахула Санкритьяна. Для помощи комиссии в Бихар приехал цейлонский буддист Гунасинха и пробыл с нами некоторое время. Чтобы выяснить мнение индусов, я созвал в Патне два собрания, но они были немногочисленными, и я так и не пришел ни к какому решению.

В это время в Музаффарпуре под председательством Лалла Ладжпат Рая проходила конференция «Хинду махасабха». Я присутствовал на конференции, где было также несколько представителей маханта храма Будды в Гае. «Хинду махасабха» приняла резолюцию, рекомендовавшую, чтобы храмом ведала объединенная комиссия индусов и буддистов, но в этой резолюции содержалось также предложение о том, чтобы вопрос был подвергнут дальнейшему изучению и чтобы была создана комиссия, в которую вошел бы махант. Таким образом, махант был кооптирован в состав созданной мною комиссии, которую

«Хинду махасабха» признала своей. Однако когда комиссия приступила к работе, махант не принимал участия в ее заседаниях. В конечном счете четыре члена комиссии подготовили подробный доклад от имени Конгресса и «Хинду махасабха».

Мы рекомендовали передать управление храмом Будды в Гае смешанной индуско-буддийской комиссии и совершать богослужение в храме по буддийским обрядам, с тем чтобы индусы имели право молиться в храме и совершать в нем пуджу.

В то время храмом Будды в Гае, который являлся главным объектом паломничества буддистов, управлял махант-*шиваит*. Индусы считали Будду одним из десяти воплощений *Вишну*, но совершение пуджи Будде не очень распространено среди них. Принятая в храме система совершения пуджи и богослужения плохо вязалась с величием и важным значением этого святилища. Мы считали, что буддисты имеют основание быть недовольными, и поэтому рекомендовали, чтобы в случае необходимости исправления ритуала он совершался бы самими буддистами.

Мы встретились с махантом и пытались убедить его принять наше предложение, заверив его в том, что дары паломников вполне возместят убытки, которые он понесет. Но махант не соглашался и говорил, что доход от верующих обычно не покрывает расходов на содержание храма. Та сумма, которую он собирал в храме, не превышала двух тысяч рупий в год и была незначительной по сравнению с доходом от его собственного матха, составлявшим несколько сот тысяч рупий. Махант заявил, что занимает очень почетный пост и в связи с этим пользуется большим уважением как в Индии, так и за рубежом — вот почему он не хотел отказываться от этого поста. Махант не согласился с нашим доводом, что, приняв наше предложение, он лишь повысит свой престиж. Убедившись в том, что усилия тщетны, мы рекомендовали отложить окончательное решение вопроса до более благоприятного момента.

Наш доклад был представлен очередному заседанию Всеиндийского комитета Конгресса и принят им, но ничего не было предпринято. Когда через несколько лет Конгресс сформировал правительство в Бихаре, с Цейлона снова прибыла депутация с той же самой просьбой и встретила со мной в Зерадеи, где я лежал больной. Депутация посетила также премьер-министра Бихара. Поскольку махант не соглашался ни на какой компромисс, оставалось только издать соответствующий закон на основе представленного доклада. Я написал письмо премьер-министру, и он распорядился составить законопроект, но вследствие загруженности другими делами ничего сделано не было, и вопрос оставался неразрешенным вплоть до отставки

правительства в 1939 году. Я твердо убежден в том, что по справедливости храм должен быть передан буддистам, но поскольку индусы тоже считают Будду одним из воплощений божества, они должны принимать участие в управлении храмом.

Здесь следует отметить одно интересное обстоятельство. На Цейлоне имеется знаменитый храм, известный под названием Катаргама. Индусы заявляют, что это их храм, но буддисты завладели им. Когда мы разбирались в споре относительно храма Будды в Гае, я получил много телеграмм и писем от живущих на Цейлоне индусов, которые заявляли, что мы не должны предоставлять буддистам каких бы то ни было прав на храм в Гае до тех пор, пока они не признают соответствующих прав индусов на храм Катаргама. Если бы вопрос рассматривался дальше, возможно, что это предложение тоже было бы принято во внимание, но такая стадия так и не была достигнута.

СМЕРТЬ ДЕШБАНДХУ ДАСА

Во время Белгаумской сессии Конгресса здоровье Дешбандху Даса начало ухудшаться. После сессии он приехал на несколько дней в Патну и гостил у своего брата П. Р. Даса. Я очень часто заходил туда повидаться с ним. Однажды он попросил меня научить его прясть. Он медленно усваивал это дело и заметил, что ни его руки, ни его голова не пригодны для такого рода работы и что, если предоставить его самому себе, он не сумеет даже повернуть ключ своего ящика и отпереть его. Несколько дней я обучал Даса прядению, а когда мне пришлось отправиться в поездку, я поручил это одному из друзей. Мы с Дешбандху Дасом подолгу беседовали о политическом положении в Индии.

Когда в 1923 году партия свараджистов в соответствии с решением Делийской сессии Конгресса приняла участие в выборах, она не получила большого количества представителей ни в одном законодательном органе, поскольку Конгресс в целом не принимал участия в предвыборной борьбе и поскольку свараджисты пошли в законодательные органы не для того, чтобы работать, а для того, чтобы подорвать Закон об управлении Индией 1919 года. Все же представители этой партии приобрели большое влияние, особенно в Бенгалии, в Центральных провинциях и в Центральном законодательном собрании. Они внесли новую жизнь в эти законодательные органы и приняли новые методы работы и новую тактику, которые привлекли к свараджистам другие партии.

Лидером партии свараджистов в Центральном законодательном собрании был Мотилал Неру. При поддержке других партий свараджистам удалось провалить бюджетные предложения, и генерал-губернатору Индии пришлось прибегнуть к своим особым полномочиям, чтобы утвердить бюджет. То же самое произошло в Центральных провинциях, где партия свараджистов обладала большинством; правительство там пало, и всю полноту

власти взял на себя губернатор. В Бенгалии партия свараджистов находилась в меньшинстве, но личное влияние Дешбандху Даса было достаточно сильным, чтобы большинство проголосовало против бюджетных предложений правительства. И здесь правительство пало, и губернатору пришлось взять в свои руки всю власть. Так продолжалось два года. В Бенгалии Дешбандху Дасу удалось также не допустить принятия резолюции, пытавшейся оправдать репрессивную политику правительства. Эти события оказали ободряющее воздействие на народ, но привели в ярость правящие круги. Успехи партии свараджистов были одной из причин того, что Гандиджи пошел на компромисс с ней. Однако такого рода тактика не могла давать положительные результаты в течение долгого времени. Лоскутный блок из партии свараджистов и ряда других групп в Центральном законодательном собрании постепенно распался, и свараджисты остались одни. В Центральных провинциях тоже обнаружилось разногласия, когда многие деятели стали бросать алчные взоры на министерские портфели. Учитывая это положение, Дешбандху Дас стал подумывать о каком-то почетном соглашении с английским правительством.

Лейбористская партия, которая одобряла аресты и репрессивные меры, осуществлявшиеся правительством Индии, потерпела поражение на выборах в Англии, и к власти пришли консерваторы. Министром по делам Индии был назначен лорд Биркенхед. Это был заядлый консерватор и империалист, но Дешбандху Дас считал его человеком блестящего ума и весьма энергичным и полагал, что лорд Биркенхед сделает что-нибудь для Индии. Видимо, втайне происходили какие-то переговоры. Дешбандху Дас рассчитывал на установление мира и понимания между Индией и Англией. Он даже сказал, что если Биркенхед обманет наши ожидания, то для осуществления наших чаяний не останется ничего, кроме чаркхи Махатмы Ганди.

Дешбандху Дас всячески старался создать условия для соглашения. Ему было известно, что англичане подозревали бенгальскую организацию партии свараджистов в связях с революционерами. Это подозрение основывалось лишь на том, что бенгальская организация Конгресса одобрила резолюцию, принятую в Сираджгуни. Дешбандху Дас пытался рассеять эти подозрения. Он опубликовал заявление, в котором категорически утверждал, что ни Конгресс, ни партия свараджистов никогда не поддерживали и никогда не поддержат деятельность тех, кто совершает убийства, и что, по их убеждению, такая деятельность лишь препятствует достижению свараджа. Он добавил к этому, что политика создания безвыходного положения для властей, которую проводила партия свараджистов, является

единственно правильной и что его партия будет продолжать придерживаться ее до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение между Индией и Англией.

Первая часть заявления Дешбандху Даса понравилась англичанам. Даже лорд Биркенхед одобрил его, но он хотел, чтобы индийцы сотрудничали с англичанами в проведении реформ Монтэгу — Челмсфорда, что якобы являлось основной предпосылкой политического прогресса. Это не развеяло надежд Дешбандху Даса. В это время он был избран председателем Бенгальской провинциальной политической конференции, которая состоялась в Фаридпуре. Гандиджи, собиравшийся совершить поездку по Бенгалии, воспользовался случаем и принял участие в этой конференции. В своей вступительной речи Дешбандху Дас снова заявил о своих надеждах на урегулирование. Однако им не суждено было оправдаться: его здоровье, уже давно подорванное, становилось все хуже. Он поехал вместе с Гандиджи в Дарджилинг. Я хотел было отправиться туда же, чтобы повидать Гандиджи и убедить его посетить Бихар, но по нездоровью доехал только до Джалпаигури, а в Дарджилинг послал Матхур Прасада. Гандиджи согласился выполнить мою просьбу, но в это время самочувствие Дешбандху Даса еще более ухудшилось, и он скончался.

Известие о смерти Дешбандху Даса повергло всю страну в скорбь. Его тело было привезено в Калькутту, где собрались несметные толпы, чтобы отдать последний долг усопшему вождю. Похоронная процессия была самой многолюдной из когда-либо имевших место в Калькутте. Гандиджи тоже присутствовал на похоронах и немедленно приступил к сбору средств на сооружение памятника Дешбандху Дасу. Поскольку Гандиджи был в течение некоторого времени занят этим делом, он не смог приехать в Бихар.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

В 1924 году в нашей семье были отпразднованы две свадьбы: моя младшая племянница Рама выходила замуж за Видьядutta Рама из Лакхнау, а мой старший сын Мритьюнджайя женился на дочери Бадж Кишор Прасада Видьявати. Гости из Лакхнау были не особенно многочисленны, но прибыли с обычной в таких случаях помпой. Большинство гостей были членами аристократических семей. Родители жениха находились в родстве с Рай Бахадур Харихар Прасад Синхой, который и устроил этот брак. Мой брат разбил палатки для гостей и сделал все, чтобы как можно лучше принять их. Полным контрастом этому была свадьба Мритьюнджайи: она была совсем простой, без всяких пышных церемоний.

Когда женились наши сыновья, то ни мой брат, ни я не брали никакого приданого, но при выдаче замуж дочерей нам приходилось платить крупные суммы. Были случаи, когда у нас почти вымогали приданое, так что эти свадьбы всегда оставляли у меня неприятный осадок. До тех пор, пока наше общество не избавится от такого рода дурных обычаев, в любой семье будут смотреть на дочерей как на большую обузу.

Всеиндийская конференция касты каястхов была создана примерно одновременно с Индийским национальным Конгрессом. Насколько помнится, на самом первом заседании Конференции было решено, что члены общины не должны требовать от отца невесты приданого наличными деньгами или в какой-либо другой форме. К сожалению, сами руководители Конференции нарушали ее решения. Находились даже люди, которые пользовались своим видным положением в этой организации для того, чтобы предъявлять более высокие требования. В этом заключается одна из причин того, что, хотя Конференция каястхов является одной из старейших кастовых организаций, она не достигла больших успехов.

Когда в 1916 году я переехал из Калькутты в Патну, некоторые друзья из каястхов попросили меня подписать обязатель-

ство о том, что, когда будут жениться мои сыновья, я не возьму у родителей невест больше 51 рупии наличными или в какой-либо другой форме. Я охотно подписал это обязательство, потому что оно отвечало моим взглядам. Мой брат был настроен еще более радикально. Он считал, что мы не должны даже принимать участия в свадебных торжествах, если отец жениха опочит себя тем, что возьмет какое бы то ни было приданое. В это время две мои племянницы были уже замужем, причем им обоим пришлось дать приданое. Незамужней оставалась только одна племянница, но у нас было еще три неженатых сына. И вот, хотя при выдаче замуж девушек нам приходилось давать приданое и мириться с обычными в таких случаях вымогательствами, мы твердо решили не брать никакого приданого при женитьбе юношей. И мы сдержали свое слово и не брали никаких денег в виде тилака или приданого во время женитьбы всех трех наших сыновей.

Когда в 1925 году я был избран председателем собрания касты каястхов в Джаунпуре, я согласился занять этот пост в надежде, что мне удастся принять какие-нибудь действенные меры для ликвидации таких обычаев. Конференция приняла две важные резолюции. Первая из них запрещала брать приданое, причем включала дополнительный параграф, гласивший, что ни один член секты не должен участвовать в праздновании свадеб в случае, если это условие не было соблюдено. Вторая резолюция призывала к заключению браков между членами различных подкаст религиозной общины каястхов.

Первая резолюция не была претворена в жизнь: по-прежнему люди требовали приданого и давали его. Возможно, что этот дурной обычай сохранится и потому, что образованные молодые люди сами начали теперь требовать возмещения расходов на получение образования, в особенности за границей. Таким образом, надо полагать, что, даже когда старого поколения уже не будет, положение все же не улучшится.

Зато браки между членами подкаст стали обычным явлением, и никто уже не сомневается в их допустимости. Вторичное вступление в брак молодых вдов пока еще не является столь же обычным явлением. В то время у меня не было ясной точки зрения по этому вопросу, но позднее я понял необходимость таких браков. Я несколько раз давал согласие на вторичный брак вдов и тем самым способствовал введению этой реформы.

ПОЕЗДКА МАХАТМЫ ПО БИХАРУ

Пункт устава Национального конгресса, требовавший в качестве членского взноса ежемесячной сдачи двух тысяч ярдов самодельной пряжи и ношения одежды из кхади во время выполнения партийной работы, стал предметом постоянных споров. Против этого пункта выступали свараджисты, а еще больше — нечлены Конгресса, желавшие примкнуть к нему. Даже часть конгрессистов была недовольна. На Белгаумской сессии Конгресса партия свараджистов согласилась выполнять этот пункт, но многие видные руководители партии пошли на это неохотно. Они утверждали, что, объявив прядение условием приема в свои ряды, Конгресс тем самым суживает свои возможности и число его членов будет сокращаться. Гандиджи придерживался другого мнения: он считал, что, если каждый конгрессист станет заниматься прядением, партия будет располагать целой армией надежных, честных и преданных людей и что численность не имеет большого значения. Однако его надежды не оправдались. Несмотря на все наши усилия, число членов Конгресса неуклонно уменьшалось, и в конце концов сам Гандиджи встревожился. Поэтому он изменил свою точку зрения и объявил, что свараджисты могут, если пожелают, быть освобождены от выполнения существующих правил и вместо этого платить членский взнос в размере четырех анн. Однако он не соглашался на то, чтобы пункт устава, касающийся прядения, был совершенно отменен. Он был также против отмены правила ношения кхади, чего добивались некоторые. Гандиджи обсудил этот вопрос с Мотилалом Неру, и было принято решение снова изменить устав Конгресса. Решено было также создать особую организацию для развития прядения и внедрения кхади. Эта организация должна была действовать как самостоятельное отделение Конгресса, так что партия свараджистов получала возможность свободно выполнять свою политическую программу.

Пробыв несколько дней в Бенгалии, Гандиджи согласился совершить поездку по Бихару. В том году (1925) съезд Бихар-

ской провинциальной организации Конгресса должен был состояться в Пурулии под председательством Шаха Мухаммад Зубайра. Местное население очень хотело, чтобы Гандиджи присутствовал на этом съезде.

Незадолго до этого Гандиджи по просьбе К. Ф. Эндрюса посетил Джамшедпур. Там был создан профсоюз рабочих металлургических заводов «Тата айрон энд стил компани», председателем которого был Дешбандху Дас. Администрация компании Тата не признавала этого профсоюза. Эндрюс, который после кончины Дешбандху Даса был избран председателем союза, просил Гандиджи помочь ему. Ко времени приезда Гандиджи директор предприятий Тата Р. Д. Тата как раз оказался в Джамшедпуре. Компания устроила в честь Махатмы большой прием, на котором я тоже присутствовал. Мы пробыли в городе два дня, посетили предприятия Тата и беседовали с директорами. В результате компания признала профсоюз и согласилась также на то, чтобы профсоюзные членские взносы удерживались из заработной платы рабочих. Таким образом, визит Гандиджи был очень успешным.

Съезд бихарской организации Конгресса в Пурулии был событием очень важного значения. Гандиджи приехал из Бомбея, чтобы принять в нем участие. Он сошел с поезда в Сини и оттуда специальным поездом прибыл в Пурулию. Одной из достопримечательностей съезда была большая выставка, которую открыл Гандиджи. После окончания съезда Махатма отправился в поездку по району Чхота-Нагпур.

Мы надеялись, что Гандиджи сможет объехать всю провинцию. Я знал, что жители всех провинций, в которых он бывал, всегда очень хотели, чтобы он посетил как можно больше населенных пунктов и чтобы как можно большее число людей могло увидеть его. Это совершенно естественно, но в отдельных местах рвение народа переходило все допустимые границы. Должен признаться, что я сам был повинен в этом. Намеченный нами маршрут был очень утомительным, и Гандиджи, здоровье которого было ослаблено постоянными поездками, длившимися месяцами, не мог выдержать этого. Предполагалось, что после поездки в Чхота-Нагпур мы все отправимся в Патну, где созывалось заседание Всеиндийского комитета Конгресса, а оттуда начнем поездку по другим округам Бихара. Однако даже посещение одного лишь Чхота-Нагпура было огромной нагрузкой для Гандиджи. По окончании поездки по Хазарибагскому округу он прибыл на станцию Кодарама в почти бессознательном состоянии. Было совершенно невозможно сдерживать народные толпы. Мы не понимали, насколько серьезно болен Гандиджи, но этот обморок заставил нас понять свою ошибку; мы на неко-

торое время отложили продолжение поездки и решили дать Гандиджи возможность отдохнуть в бунгало на берегу Ганга. Здесь он смог поправиться, хотя и туда устремился непрерывный поток посетителей, хотевших получить от него *даршам*.

На своем заседании в Патне ВИКК одобрил внесенные в устав изменения, касавшиеся обязанностей членов Конгресса. Была создана новая организация, получившая название «Всеиндийская чаркха сангх». Это была независимая организация, лишь примыкавшая к Конгрессу, и все средства, собранные для внедрения кхади, были переданы ей с целью продолжения этой работы. Гандиджи разработал устав «Чаркха сангх» и был избран ее председателем. Я стал одним из пожизненных членов правления и членов исполнительного комитета организации. Для каждой провинции были назначены специальный агент и секретарь. Я был агентом по Бихару, Джавахарлал Неру — по Соединенным провинциям, Сатиш Чандр Дас Гупта — по Бенгалии и Раджагопалачария — по Тамилнаду. За последние четверть века «Чаркха сангх» выполнила большую работу в области развития производства кхади. Она выдала в форме заработной платы десятки миллионов рупий беднякам, особенно женщинам.

Было решено, что Конгресс примет участие в выборах в законодательные органы, и эта работа была поручена пандиту Мотилалу Неру. Я не изменил своих взглядов на выборы, но счел долгом приложить все усилия для выполнения этого решения и заверил Мотилала, что буду всячески помогать ему.

Выборы происходили в начале 1926 года — сначала в Государственный совет. На четыре места от Бихара мы выдвинули кандидатами одного мусульманина — Шаха Мухаммад Зубайра и трех немусульман — Шри Кришна Синху, Ануграх Нараян Синху и Махендра Прасада (моего брата). Нашими противниками были такие лица, как махараджа Дарбханги и махараджа Думраона. Нам пришлось выдержать тяжелую борьбу, потому что избиратели были преимущественно представителями зажиточных классов — земледаров и коммерсантами, и их было немного. Кабин для голосования не существовало, и избиратели, сделав в присутствии государственного чиновника пометку на бюллетене, могли отсылать бюллетени по почте. Все это привело к ожесточенной борьбе за сбор избирательных бюллетеней, потому что успех зависел от скорости, с какой они собирались и отправлялись. Вдобавок в то время Орисса входила в Бихар, так что район, в котором надо было проводить агитацию среди избирателей, был очень большим. В результате напряженных усилий наши кандидаты победили, кроме Шри Кришна Синха, вместо которого был избран махараджа Дарбханги.

РАЗНОГЛАСИЯ В ПАРТИИ СВАРАДЖИСТОВ И КАНПУРСКАЯ СЕССИЯ КОНГРЕССА

Надежды на то, что изменение устава Национального конгресса и правил, которым должны были подчиняться его члены, вызовут большой приток в Конгресс из других партий, не оправдались. Подкомиссия, созданная в 1924 году Бомбейской межпартийной конференцией для изучения всех возможностей сближения между Конгрессом и другими партиями, не достигла никаких результатов и, признав свою неудачу, самораспустилась. Все же переговоры в той или иной форме продолжались.

У либералов и руководящих деятелей такого типа, как Мухаммад Али Джинна, было три основных повода для недовольства.

Во-первых, Конгресс, хотя он и согласился отсрочить сатьяграху, не отказался от нее полностью. Действительно, Конгресс намеревался подготовить всю страну к сатьяграхе, и в этом вопросе как «противники перемен», так и «сторонники перемен» были единодушны. Единственная разница заключалась в том, что, по мнению свараджистов, можно было использовать законодательные органы как средство подготовки страны к сатьяграхе, а «противники перемен» были убеждены в том, что политика вхождения в законодательные органы будет не способствовать, а препятствовать достижению цели.

Во-вторых, членов других партий отталкивало то, что Конгресс настаивал на внедрении чаркхи и на ношении кхади во время выполнения партийной работы, потому что эти партии не верили ни в чаркху, ни в кхади. Даже в рядах самого Конгресса были люди, не верившие в это.

В-третьих, нечленов Конгресса отпугивало то, что осуществление политики вхождения в законодательные органы было доверено партии свараджистов. Большая часть членов партий, не примыкавших к Конгрессу, первоначально проявлявших интерес к этой политике и придававших ей большое значение, пришла к мысли, что если даже они вступят в Конгресс, то

не смогут при этих условиях попасть в законодательные органы или оказывать влияние на политику Конгресса, потому что взгляды свараджистов будут брать верх. Они стояли за претворение в жизнь конституции путем занятия официальных должностей в провинциях и были против политики, могущей завести законодательные органы в тупик. Эти существенные расхождения во взглядах отделяли Конгресс от других партий.

Вышли на поверхность также и разногласия в самой партии свараджистов, возникшие в последние дни жизни Дешбандху Даса в связи с вопросом о принятии поста в Исполнительном совете при губернаторе Центральных провинций. Видный свараджист Тамбе, будучи председателем Законодательного собрания Центральных провинций, согласился стать членом Исполнительного совета при губернаторе, не проконсультировавшись с членами своей партии и не подав в отставку. Это вызвало в партии целую бурю. Пандит Мотилал Неру не одобрял поступка Тамбе, тогда как Келкар, Джайкар и д-р Мунджи поддерживали его. Когда Абхаянхар осудил Тамбе, Мунджи вступил с ним в дискуссию. Келкар и Джайкар открыто заявили, что политика, могущая завести в тупик, должна быть заменена новой политикой — готовности к сотрудничеству. Внутренние разногласия все больше углублялись.

В это время в Канпуре собралась сессия Конгресса. Его председателем была избрана г-жа Сароджини Найду, незадолго до этого вернувшаяся из Южной Африки, где она проделала большую работу и завоевала авторитет. Гандиджи хотел предложить ее кандидатуру на пост председателя Белгаумской сессии Конгресса, но его коллеги настояли на том, чтобы он сам занял этот пост. Но уже тогда было известно, что в следующий раз председателем будет Сароджини Найду.

На сессии Конгресса партия свараджистов должна была сформулировать основную программу, и поэтому Рабочий комитет составлял текст резолюции для редакционной комиссии, консультируясь с Мотилалом Неру. В этой резолюции говорилось, что английское правительство должно предоставить Индии новую конституцию с учетом требования свараджа, выдвинутого в Законодательном собрании Индии. В случае, если Англия не предпримет надлежащих мер до февраля 1926 года, говорилось в резолюции, все свараджисты — члены законодательных собраний, сделав соответствующее заявление, покинут их и останутся вне законодательных органов до принятия нового решения, посвятив себя выполнению конструктивной программы. Противники свараджистов указывали на то, что январские сессии законодательных собраний — это их последние сессии, поскольку в 1926 году предстоят всеобщие

выборы, так что уход свараджистов не будет иметь большого значения. Тем не менее резолюция была принята.

Кроме того, сессия Конгресса приняла еще две резолюции, из которых одна осуждала антииндийский закон, действовавший в Южной Африке, а другая клеймила позором проведение антииндийской политики в Бирме.

Сторонники сотрудничества истолковали резолюцию относительно выхода из законодательных органов как возврат к политике несотрудничества и решили, что теперь в Конгрессе не будет места их собственной программе. Поэтому Джайкар, Келкар, Мунджи и их сторонники вышли из Государственного совета и создали особую партию — партию *респонсивистов* * (сторонников сотрудничества).

Я лично всегда придерживался мнения, что если мы входим в законодательные органы, то надо делать все, что позволяет нам конституция. Я никогда не мог понять политики заведение в тупик. Но, само собой разумеется, я считал вхождение в законодательные органы бесполезным, потому что права, предоставленные нам конституцией 1920 года, были совершенно недостаточными. По моему мнению, вхождение в законодательные органы могло лишь порождать иллюзии и разногласия, тогда как несотрудничество имело целью привлечь внимание общественности к народным организациям, отвлекая ее внимание от английского правительства и его институтов. Несотрудничество могло пробудить созидательные силы народа, тогда как вхождение в законодательные органы отвлекало бы народ от главной цели — свараджа.

Со своей стороны свараджисты считали сатьяграху осуществимой лишь в случае, если бы можно было быть уверенными в том, что другие партии не будут принимать участия в выборах в законодательные органы. А поскольку это было невозможно, они полагали, что конгрессисты должны проводить сатьяграху внутри законодательных органов, с тем чтобы лишить правительство возможности выполнять конституцию. И они действительно сделали это в некоторых провинциях и в центре. Это, безусловно, произвело известное впечатление на народ.

Каковы бы ни были мои взгляды, я не мог считать себя судьей в вопросе об определении окончательной политики Конгресса. Я считал, что дело тех, кто вошел в законодательные органы, — решать, каковы должны быть их дальнейшие шаги, а сам я обязан придерживаться политики, принятой Конгрес-

---

* *Респонсивист* — от английского слова *responsive* — отзывчивый, откликающийся. — *Прим. ред.*

сом. Я решил всячески содействовать выполнению этой политики. Возможно, что Гандиджи не собирался зайти так далеко. Он считал, что, поскольку «противники перемен» согласились предоставить другим право вхождения в законодательные органы, никто не может принуждать их голосовать или помогать проведению предвыборной кампании. Однако я полагал, что личные взгляды должны быть подчинены партийным соображениям и что я должен делать все возможное для проведения в жизнь нашей программы. Поэтому я отдал всю свою энергию и все свое время проводившейся Конгрессом предвыборной кампании.

Как обычно, в Канпуре была устроена выставка достижений свадеши. Однажды распространился слух, что кто-то собирается поджечь поселок Конгресса. Сейчас же под руководством д-ра Хардикара собралось большое число добровольцев *«Хиндустан сева дал»*, и близ поселка были установлены посты. В данном случае никаких нежелательных происшествий не произошло, но нас несколько встревожил другой случай. Дело в том, что на заседаниях Рабочего комитета были высказаны жалобы по поводу проведения выборов в Адмирский комитет Конгресса, и выборы были объявлены недействительными. Это задело некоторых людей, и они во главе с Арджуном Лал Сетхи пытались ворваться в пандал сессии и не пустить в него других. Снова нам на помощь пришли члены *«Сева дал»*, и неприятный инцидент был ликвидирован.

Именно на Канпурской сессии Конгресса, куда мы с братом поехали вместе со своими семьями, я впервые встретился с г-жой Майрабен. Она уже довольно долго находилась в Индии, но раньше я с ней не встречался. Ее преданность делу Гандиджи произвела на меня большое впечатление. Конечно, англичанам не могло нравиться то, что их соотечественница, дама из высшего общества, дочь адмирала, находится в ашраме Гандиджи. Некоторые английские газеты распространяли слухи, будто Махатма как-то заманил ее. Но факты говорили о другом, и г-жа Майрабен опровергла все измышления. Насилия и жестокости, свидетельницей которых она была во время первой мировой войны, глубоко потрясли ее, и в поисках мира она обратилась за советом к Ромену Роллану. Он порекомендовал ей прочитать сочинения Ганди, и, ознакомившись с ними, она глубоко уверовала в его учение. Г-жа Майрабен написала ему, прося разрешения приехать в Индию и быть с ним. Гандиджи пытался отговорить ее. Но, еще находясь в Англии, она начала жить аскетической жизнью ашрамитов. Поскольку ее настойчивость все возрастала, Гандиджи в конце концов разрешил ей приехать.

НЕЗАВИСИМАЯ ГРУППА В КОНГРЕССЕ

Не получив от правительства удовлетворительного ответа на свою резолюцию, принятую в конце марта, Всеиндийский комитет Конгресса предложил всем свараджистам выйти из законодательных органов. В назначенный срок партия свараджистов выполнила эту директиву. Мотилал Неру выступил в Центральном законодательном собрании с заявлением, разъяснив причины, по которым партия сделала этот шаг. Было решено, что те, кто освободится от работы в законодательных собраниях, посвятят свое время конструктивной работе, но лишь немногие сделали это. В конце года предстояли новые выборы, и люди начали к ним готовиться.

Тем временем произошло несколько событий, о которых следует упомянуть. Отношения между индусами и мусульманами были напряженными, и часто возникали столкновения. Гандиджи хотел поехать в Кохат, чтобы разобраться в причине происшедшего там погрома, но власти надолго запретили ему въезд в этот город. Тогда он с мауланой Шаукатом Али отправился в Равальпинди, где местные работники рассказали им о событиях в Кохате. По некоторым вопросам между Гандиджи и Шаукатом Али возникли разногласия, и когда оба они опубликовали два отдельных заявления относительно погромов в Кохате, стало известно, что эти руководящие деятели, по большей части придерживавшиеся одинаковых взглядов, расходятся во мнениях по поводу отношений между общинами Кохата. Махатма пытался разъяснить, что расхождение во мнениях не означает, что он и Шаукат Али перестали быть добрыми друзьями, но все же разногласия между ними были несомненным фактом, и это не могло произвести хорошего впечатления на парод. Религиозно-общинная проблема все больше осложнялась и наряду с этим сохранялись разногласия политического характера.

Состояние здоровья Гандиджи все более ухудшалось. До Канпурской сессии Конгресса он кое-как держался, а после

сессии отошел от всякой политической деятельности. Посоветовавшись со своими врачами, он отправился в Сабармати-ашрам, намереваясь пробить там год. Он решил заниматься только организацией ашрама и внедрением кхади.

Религиозно-общинные отношения все более обострялись. В Калькутте в связи с праздником Бакр-ид произошел один из самых крупных погромов, когда-либо имевших место. Столкновения продолжались несколько недель, причем погибло много членов обеих религиозных общин. Эти события взволновали многих виднейших руководителей Халифатского комитета, и на митинге, состоявшемся в Калькутте, они выступили с резкими речами, заявив, что Халифатский комитет, проявляющий интерес ко всем вопросам, касающимся мусульман, примет меры для защиты их прав. Не менее ожесточившиеся индусы тоже начали проводить аналогичную кампанию.

В моей собственной провинции общая политическая атмосфера ухудшилась. Моулви Мухаммад Шафи, у которого были разногласия с Мотилалом Неру, вышел из Центрального законодательного собрания и был снова избран в него в качестве независимого кандидата. Мазхарул Хак, крайне удрученный событиями, собрал в Чапуре совещание руководящих деятелей Конгресса и халифатистского движения. После дискуссии, длившейся несколько дней, мы решили не полагаться на само-тек, а совместно действовать, чтобы устранить в паре раздражение и разрядить атмосферу. На этом совещании большое впечатление произвел на всех нас подлинный национализм Мазхарул Хака. Мы убедились, что имеем в его лице лидера, готового всем пожертвовать ради индусско-мусульманского единения. В соответствии с решением совещания Мазхарул Хак, моулви Мухаммад Шафи, Джагат Нараян Лал и я в сопровождении ряда других лиц отправились в поездку по провинции.

Эта поездка значительно способствовала улучшению обстановки. Заметное изменение атмосферы следовало приписать руководящей роли Мазхарул Хака, и у всех создалось впечатление, что Бихар стоит на пути к разрешению индусско-мусульманской проблемы. Результаты дали себя знать на выборах в законодательные органы, проходивших в ноябре: многие мусульмане, выдвинутые кандидатами от Конгресса, были избраны. Отношения между Мухаммадом Шафи и Мотилалом Неру тоже улучшились.

В то время как в Бихаре дела пошли на лад, стало известно о разногласиях между Мотилалом Неру и Лалла Ладжпат Раем. В результате появилась новая группа, созданная Лалла Ладжпат Раем и пандитом Малавией. Кандидаты, выдвинутые

этой группой на выборах, выступали также и против кандидатов Конгресса.

Один из ведущих работников Конгресса в провинции Бихар Джагат Нараян Лал был сторонником индуcского сангатхана (единства) и принял участие в деятельности «Хинду махасабха». Поскольку конгрессистам не запрещалось быть членами «Хинду махасабха» и большое количество конгрессистов входило в эту организацию, его поведение не было сочтено противоречащим уставу. Но когда он вошел в группу Малавии и, порвав с Конгрессом, выступил в качестве кандидата новой группы, мы были вынуждены выставить против него своего кандидата.

К группе Малавии присоединился также ряд конгрессистов, по той или иной причине недовольных своей партией. К их числу принадлежал Нандан Прасад Нараян Синг Шарма из Сарана. Пандит Малавия и Ладжпат Рай совершили поездку по провинции; в это же время развернули свою кампанию Мотилал Неру и другие лидеры Конгресса. Я оказывал Мотилалу Неру всяческую поддержку, какая только была в моих силах.

Однажды во время предвыборной кампании я ехал в автомобиле из Пурулли в Ранчи. Поскольку это был последний день проверки правильности выдвижения кандидатов, мы ехали довольно быстро, чтобы вовремя поспеть в Ранчи. Внезапно за поворотом показалась повозка, запряженная буйволами. Наш шофер, пытаясь избежать столкновения, потерял управление машиной, и она налетела на дерево. Меня ударило по голове и по носу, другие тоже получили ушибы, машина оказалась поврежденной. Все же нам удалось продолжить путь, и к вечеру мы прибыли в Ранчи. Я провел работу в Чхота-Нагпуре и продолжал поездку по Бихару. Побывав в Бегусарае и Самастипуре, я отправился в Ситамархи (Музаффарпурский округ). И вот, когда я находился в этом городе, спустя почти неделю после несчастного случая, у меня начались головные боли. Я приписал их простуде и усталости, принял лекарство и уехал. На следующий день, уже в Патне, боль стала невыносимой, и я пошел к врачу, который, однако, не смог поставить диагноза. Только через несколько дней, когда все мое лицо распухло, было выяснено, что дело в ушибе, полученном во время аварии. Мне пришлось отказаться от продолжения поездки.

Предвыборная кампания приняла скверный оборот. Начались грубые нападки на Мотилала Неру. В некоторых местах мы видели плакаты с непристойными карикатурами. Мы резко осудили подобные методы, и это сказалось на результатах выборов. Независимая группа полностью провалилась в Бихаре, и были избраны только немногие ее кандидаты, в том числе

Джагат Нараян Лал и Нандан Прасад Нараян Синг Шарма. Большую часть мест получили конгрессисты. Однако лидер партии сварджистов в Законодательном собрании Бихара Джалешвар Прасад не прошел, а Мазхарул Хак, которого мы убедили выдвинуть свою кандидатуру, получил одинаковое число голосов со своим соперником и при жеребьевке потерпел поражение. Выборы в Законодательное собрание Индии тоже закончились для нас вполне благополучно. Даже там, где наши кандидаты не прошли, были избраны люди, сочувствовавшие Конгрессу.

В законодательном собрании Бихара многие независимые всегда становились на сторону Конгресса, но после только что закончившихся выборов положение не было столь ясным. Наши противники утверждали, что, хотя избрано много кандидатов Конгресса, неконгрессисты в состоянии сформировать правительство при помощи назначенцев *. Некоторые люди завоевали успех тем, что кричали об угрозе коммунизма или, наоборот, о сохранении в стране кастовости. Даже некоторые конгрессисты оказались в плену подобных приемов.

Министр предыдущего правительства сэр Ганеш Датта Синг, опасаясь поражения от конгрессистов, выдвинул свою кандидатуру в четырех избирательных округах. Одним из этих округов был Бегусарайский, где значительное число избирателей являлось бхумихарскими брахманами, к общине которых принадлежал и сэр Ганеш Датта. Он был весьма популярен в своей общине. Во время предвыборной кампании я посетил этот район. На митинге, где присутствовал сэр Ганеш Датта, о нем было сказано много хорошего. Говорили, в частности, что с тех пор как сэр Ганеш занял пост министра, он тратил на себя лишь незначительную часть жалованья, а все остальное отдавал на благотворительные цели. Действительно, сэр Ганеш Датта создал благотворительную организацию и пожертвовал несколько сот тысяч рупий, чем завоевал наше уважение и восхищение. Но все же нам приходилось выступать против него, так как он не признавал программы Конгресса.

Я заявил собравшимся, что Конгресс является национальной организацией и не может исходить только из оценки личных качеств людей. Если сэр Ганеш Датта готов признать программу Конгресса, мы согласны снять своего кандидата. Его сторонникам я сказал, что задержусь в этом городе, так что они могут посетить сэра Ганеш Датта и переговорить с ним, и если он примет наши условия, я заверяю его в поддержке Конгресса. Аудитория, большая часть которой состояла из сторонников сэра

---

* См. примечание о реформе Монтэгию — Челмсфорда. — *Прим. ред.*

Ганеша, одобрила мою позицию. Однако за все время моего пребывания в Бегусарае (а оно было длительным) никто из моих слушателей больше не пришел ко мне. В конечном счете, видя, что шансы его весьма шатки и стремясь наверняка добиться избрания, сэр Ганеш Датта предпринял маневр: он убедил одного из кандидатов уступить ему место и перейти в другой избирательный округ, где Конгресс не выставил своего кандидата.

Я был убежден, что дело не ограничится противоречиями между индусами и мусульманами, а что возникнут разногласия между всеми сектами внутри этих общин. Представители образованных слоев населения гнались за теплыми местечками в государственных органах. Совершенно естественно, что различные кастовые группы среди индусов ревниво относились друг к другу и пытались при помощи различных маневров одержать верх. Результаты выборов показали, что мои опасения были справедливыми. Тогда я изложил свои взгляды в статье, которая была опубликована в «Деш». Многим она не понравилась. Но я по опыту знаю, что подобных распрей нельзя избежать, если мы отдаем предпочтение одной общине, секте или политической группе над страной в целом. По меньшей мере до освобождения страны единственно правильная линия для подлинных патриотов может заключаться только в том, чтобы не поддаваться соблазну и не принимать никаких высоких постов, дающих видное положение или материальную выгоду, а черпать удовлетворение в сознании того, что служишь народу. Для человека, желающего служить народу, всюду найдется поле деятельности. И я испытываю лишь жалость к тем, кто обманывал себя иллюзиями, будто занятие правительственного поста важно для служения народу.

БИХАРСКИЙ ВИДЬЯПИТХ И ВНЕДРЕНИЕ КХАДИ

В то время я был поглощен главным образом сбором средств для Бихарского видьяпитха и налаживанием организационной работы в области производства кхади. Население с самого начала относилось к видьяпитху безразлично, и в дальнейшем дело еще более ухудшилось. Поразительно, что некоторые из тех самых людей, которые содействовали созданию видьяпитха, теперь выступали против него. Первоначально видьяпитх был расположен в здании, аренда которого стоила 200 рупий в месяц. Чтобы сократить расходы, мы перевели его в Садакат-ашрам, основанный Мазхарул Хаком. К зданиям, уже имевшимся там, мы добавили несколько жилых домов, в которых разместились все преподаватели и учащиеся. Мне чрезвычайно нравилось новое местоположение.

Однако, поскольку интерес народа к такому виду образования ослабевал, наше учебное заведение начало хиреть. Из-за недостатка средств пришлось закрыть несколько школ, но даже в 1926 году в видьяпитх входило 9 высших, 16 средних и 30 начальных школ с числом учащихся соответственно 797, 1285 и 1019 человек. Преподавателей насчитывалось, тоже соответственно, 79, 70 и 34 человека, а ежемесячные расходы на эти учебные заведения составляли 1950, 1260 и 424 рупии. Некоторым из названных школ удалось уцелеть в тяжелые времена, и они существуют до сих пор. Мы придавали существованию видьяпитха очень большое значение и пытались собрать для этой цели необходимые средства.

Я видел в Махараштре немало учебных заведений, существовавших на пожертвования общественности, причем ни одно пожертвование отдельного лица не было крупным. Сборы производились путем рассылки ежегодных отчетов этих учебных заведений большому количеству лиц. Мы решили попробовать сделать то же самое в Бихаре. Приложив некоторые усилия, мы завербовали некоторое количество членов совета видьяпитха, согласившихся платить ежегодный взнос в пять рупий. Лица,

вносившие более крупные суммы, включались в число пожизненных членов совета или попечителей. К сожалению, жители нашей провинции не имели обыкновения аккуратно платить взносы: бланки были заполнены, обещания платить даны, но взносы через год прекращались. Было очень трудно ежегодно лично обращаться к каждому лицу для сбора взносов. Таким образом, наш план не удался, и нам пришлось изыскивать средства из других источников. Только в Патне были кое-какие регулярные поступления. Один господин по имени Бхагван Дас пожертвовал видьяпитху участок земли, который давал регулярный доход. Через некоторое время Гаджадхар Прасад Саху передал видьяпитху часть своих средств. Таким образом, несмотря на финансовые трудности, наше учебное заведение продолжало существовать.

Мы старались привлечь в видьяпитху видных ученых. Из Бенареса к нам приехал знаменитый ученый Рамдас Гаур, из Бенгалии — прославленные академики. Известный знаток древней индийской истории Джайчандра Видьяланкар стал преподавателем в нашем видьяпитхе. Мое знакомство с ним переросло в тесную дружбу, что впоследствии привело к основанию *«Бхаратъя итихас паришад»*. Время от времени мы вносили изменения в учебные программы, с тем чтобы наши выпускники были не только образованными людьми, но и подлинными патриотами и общественными деятелями. Все это не давало особенно больших результатов: количество учащихся продолжало сокращаться, и национальное образование по необходимости оказывалось ограниченным весьма узкими рамками. Но все же наши учащиеся и преподаватели хорошо проявили себя в общественной жизни, в особенности в тех случаях, когда раздавался призыв к сатьяграхе.

Второй вопрос, требовавший в то время моего внимания, — это организация производства и внедрения кхади. С самого начала я очень увлекся этим делом. Работа была начата в Бихаре в 1921 году, когда Бихарскому провинциальному комитету Конгресса была отпущена значительная сумма из фонда свараджа. Комитет назначил в каждом округе организаторов, но ни эти организаторы, ни сами члены комитета не имели опыта, так что результаты были неважными.

Один работник Конгресса, Рам Бинод Синха, начал работу самостоятельно; ему оказывал помощь Ачария Крипалани. Они наладили изготовление высококачественного кхади в производственном центре Мадхубани. Их продукция вывозилась в другие провинции и начала приобретать там известность. По рекомендации Крипалани и с моего согласия комитет по внедрению кхади предоставил Раму Бинод Синхе крупный заем.

Все же Бихарский провинциальный комитет Конгресса не смог добиться удовлетворительных результатов: он лишь развернул широкий фронт работы, но у нас не было людей, хорошо владевших техникой и обладавших коммерческими способностями. Поэтому комитет постоянно терпел убытки. Все дело было реорганизовано после создания «Всеиндийской чаркха сангх», агентом которой в Бихаре был я. Мы закрыли ряд мастерских и сохранили только те, которые были рентабельными. Лица, вступившие в «Чаркха сангх», должны были соблюдать строгую дисциплину; это привело к повсеместному улучшению работы и к росту производства и сбыта кхади.

Я, как правило, посещал эти производственные центры раз в год, чтобы наблюдать за их работой. В каждом центре я проводил один-два дня, сидел на складе, закупал пряжу и продавал хлопок, лично взвешивал товары, наблюдал за работой ткачей и участвовал в установлении цен на готовые изделия. Я все больше знакомился с производством кхади и вместе с тем все больше убеждался в том, что наши убытки объяснялись только слабым знанием дела. Наши подсчеты доходов и расходов тщательно изучались секретарем «Чаркха сангх» Шанкар Лал Банкером и его сотрудниками. Но, несмотря на все эти меры предосторожности, мы порой терпели убытки.

«Чаркха сангх» стремилась предоставить в распоряжение населения дешевое кхади. Поэтому мы старались закупать пряжу по самым дешевым ценам, платить ткачам минимальную заработную плату и как можно меньше тратить на содержание лавок. Кхади, производимая в Бихаре, признавалась более дешевой и более высококачественной, чем та, которая изготовлялась всеми остальными провинциальными организациями. Домотканое полотно кокти пользовалось спросом в других провинциях и прославило Бихар. Мы наладили также набивку и окраску тканей, но из-за неопытности работников лавок сбыт кхади не был поставлен надлежащим образом и отчетность всегда находилась в беспорядке. В других областях дело шло все лучше, но работа по сбыту кхади редко оказывалась удовлетворительной.

В начале нашей деятельности контора и главный склад находились в Патне; это порождало трудности, но, поскольку большинство работников там же и жили, нам не хотелось переводить контору в другое место. Позднее, когда мы с секретарем «Чаркха сангх» Лакшми Нараян Синхой решили развернуть работу и стали подумывать о переводе конторы в Музаффарпур, наши друзья из Патны воспротивились этому. Но поскольку такой перевод сулил преимущества, я настоял на своем решении. Мы построили в Акхара Гхате на берегу Гандака не-

сколько домиков для размещения наших работников и мастерской. Это было очень красивое место, и я часто приезжал туда пожить. Склад товаров и лавка находились в городе в специально нанятых помещениях. Наша продукция значительно возросла. Но через некоторое время мы убедились в том, что даже такая система не является удовлетворительной, поскольку главные центры производства находятся в округе Дарбханг, а перевозки из Дарбханга в Музаффарпур вызывали излишние расходы. Мы решили перевести главный магазин в город Мадхубани того же округа.

Однако там уже имелась мастерская Рам Бинод Синхи, и, стремясь избежать нездоровой конкуренции, мы избрали сферой своей деятельности Пандаул. Но вскоре возник конфликт между Рам Бинод Синхой и рабочими, и объем продукции его мастерских уменьшился по сравнению с продукцией «Чаркха сангх». Поэтому мы не видели большой беды в переезде в Мадхубани. Здесь было больше возможностей развить производство, да и сообщение с другими производственными центрами было лучшим. Итак, наша контора и главный магазин были переведены в Мадхубани.

Во время поездки по провинции в 1925 году Гандиджи собирал средства на мероприятия по внедрению кхади и в Фонд имени Дешбандху Даса. Ему удалось собрать около 50 тысяч рупий. Эти средства были переданы нам и пополнили наш капитал, что дало возможность расширить нашу деятельность.

Одним из главных методов, которым я пользовался для пропаганды кхади, являлись выставки, и самая удачная из них была в Патне — я уже писал о ней выше. Выставку в Беттна открыл управляющий помещьем, преемник Разерфорда государственный чиновник Х. К. Прайор. В Мотихари ее открыл известный миссионер преподобный Дж. З. Ходж. Выставка, организованная мною в Джамшедпуре, была смелым предприятием и прошла с большим успехом. Требовалось мужество для организации подобной выставки в таком промышленном центре, как Джамшедпур, где фабричные трубы вечно изрыгали дым, расплавленная сталь лилась подобно огненной реке и огромные слитки металла легко превращались на прокатном стане в рельсы. Было странно видеть, как крошечные *такли* и ручная прялка показывают свою ловкость огромным машинам. Однако мы это сделали, и все сошло очень хорошо. Выставку открыли инженер Темпл, занимавший видный пост в фирме «Тата», и чиновник муниципального совета Джамшедпура. Главный управляющий компанией «Тата» американец Кейнен и его супруга посетили выставку и покупали кхади. На выставку устремились также многие служащие компании, и товары быстро

раскупались. Выставка имела такой успех, что нам пришлось открыть ее филиал в другой части города.

В том же году в других городах Бихара было устроено еще много выставок; их открывали видные граждане, а иногда я сам. Это помогло не только развернуть пропаганду, но и распродать накопившиеся у нас запасы.

Мне стало известно, что у Гандиджи повысилось кровяное давление и что он отправился на отдых в горный район Нанди в княжестве Майсур. Я тоже поехал туда и пробыл с ним несколько дней. Это было очаровательное место, но подъем в гору несколько утомил меня, хотя в то время моя астма была еще терпимой. Потом я сопровождал Гандиджи в Бангалур, где была устроена большая выставка кхади — первая выставка такого рода в княжестве Майсур. В ней приняли участие отделения «Чаркха сангх» Тамилнада и Андхра.

На юге отмечалось интересное явление, а именно распространение языка хинди. В Бангалуре была созвана специальная конференция, где выдавались дипломы лицам, успешно сдавшим экзамен, который проводила «Хинди праچار сабха». Впервые я наблюдал, что в районе, где хинди не является разговорным языком, к нему обнаруживался такой большой интерес. Мы видели, как муж с женой, мать с дочерью и отец с сыном вместе изучали этот язык и вместе сдавали экзамены.

Из Бангалура я отправился в Тируппур, где находился главный склад отделения «Чаркха сангх» Тамилнада, а также в Тхирученгод (Салемский округ), где Раджагопалачария основал ашрам и где была хорошо налажена работа по изготовлению кхади. Там я изучал производство и организационные методы и пытался использовать их в нашей провинции. Особенно понравилась мне тамошняя система учета и отчетности. По объему производства кхади на первом месте стоял Тамилнад, но в области производства тонкой ткани первое место занимала Андхра.

По просьбе Ситы Рама Шастри, секретаря отделения «Чаркха сангх» провинции Андхра, я посетил несколько центров и выступил там с речами, пытаясь как можно лучше разъяснить экономичность и пользу кхади. Эти выступления, видимо, произвели известное впечатление на образованных людей, которые, как правило, относились к кхади скептически. Когда я потом вернулся в Патну, конгрессисты из Андхры написали мне, что, по их мнению, мои речи могут помочь им в работе, и советовали издать их в виде брошюры. Я последовал совету и издал на английском языке сборник произнесенных мною в Андхре речей, назвав его «Экономические вопросы производства кхади». Впоследствии эта книга вышла в переводе на хинди.

ПОЕЗДКА ПО АССАМУ И СЕССИЯ КОНГРЕССА В ГАУХАТИ

На Кангурской сессии Конгресса я встретился с несколькими друзьями из Ассама, и они предложили, чтобы следующая сессия была проведена в их провинции. В числе этих друзей был Набин Чандра Бардолой, с которым я подружился во время адвокатской практики в Верховном суде. Он участвовал в кампании несотрудничества на самой ранней стадии этого движения и был одним из виднейших руководящих деятелей своей провинции. Памятуя об опыте проведения сессии в Гае, я пытался убедить Бардолоя и его друзей отказаться от этой мысли. Ассам — маленькая и бедная провинция, и я предвидел, что там будет трудно собрать средства и организовать все необходимое для проведения сессии Конгресса. К тому же конгресси́стская провинция Ассам была меньше административной провинции Ассам: она ограничивалась территорией долины Брахмапутры, где население говорит на ассамском языке, тогда как долина Сурмы, население которой говорит по-бенгальски, относилась к Бенгалии. В провинции было мало активистов Конгресса. Однако энтузиазм заменил недостаток численности, и мои уговоры не помогли. Ассамцы послали Всеиндийскому комитету Конгресса приглашение, и оно было принято. Было решено провести сессию в Гаухати.

Конгресси́стам Ассама хотелось также организовать перед сессией изготовление кхади, и они просили меня помочь им. Я не мог отказать и вскоре совершил поездку по Ассаму и посетил те округа, где существовали хорошие предпосылки для изготовления кхади. Поездка была очень приятной. В Ассаме имеются исключительно благоприятные условия для внедрения кхади: здесь существует давнишняя традиция выращивания шелковичных червей и изготовления шелковой пряжи. Для ассамских женщин работа на ткацком станке — такое же обычное занятие, как шитье или другая домашняя работа. Умение ткать считается необходимым для девушек на выданье. Ассамцы достигли в ткачестве высокого мастерства и изготавливают чудес-

ные яркие сари с красивыми узорами. Почти в каждом доме есть ткацкий станок, сделанный из бамбука. Кроме того, ассамцы прекрасно прядут.

Для меня было приятной неожиданностью видеть, как женщины приходят в *бхандары* кхади, чтобы менять ткани на хлопок, подобно тому как в Дарбханге на хлопок меняют пряжу. Дело в том, что в Дарбханге и других местах мы выдавали хлопок для переработки его в пряжу, а потом передавали эту пряжу ткачам; здесь же, в Ассаме, прядение и ткачество производились под одной крышей.

В некоторых районах этой провинции выращивается также хлопок неплохого качества. Таким образом, я убедился в том, что Ассам — идеальная провинция для внедрения кхади. По возвращении из поездки я написал секретарю «Всеиндийской чаркха сангх» письмо, настойчиво убеждая его оказать этой провинции существенную помощь в увеличении производства кхади. Учитывая прошлый опыт, секретарь не был склонен оказывать такую помощь, но совет «Чаркха сангх» принял мою рекомендацию, и в Ассам были посланы необходимые средства.

Во время поездки по Ассаму я обнаружил в Наугонгском округе большие пространства необработанной земли. На протяжении многих миль не было никаких следов человеческого жилья, если не считать разбросанных там и сям хижин. Недостатка воды там не наблюдалось, и земля была покрыта зеленой растительностью. Не было никаких признаков того, чтобы эта земля когда-либо распаивалась. Мне сказали, что в провинции очень много такой земли и что в соответствии с законами о землепользовании любой человек, распаивший целину и поселившийся на ней, становится ее собственником.

Соседний, Майменсингхский округ Бенгалии (теперь он входит в Восточный Пакистан) густо населен. Многие мусульманские семьи переселились оттуда в Наугонг, осели на землю, и, когда начали ее обрабатывать, она перешла в их собственность. По мере того как все больше целины стало распаиваться, удельный вес мусульманского населения в округе начал возрастать.

Когда я узнал обо всем этом, мне пришла в голову одна мысль. Дело в том, что Чапра — один из самых густонаселенных округов Бихара и его жителям обычно приходится ежегодно покидать провинцию в поисках работы. Тысячи людей уходят в Ассам и работают там на полях, а заработав немного денег, возвращаются домой. Они никогда и не помышляли о том, чтобы навсегда перебраться в Ассам. Почти повсюду в Ассаме я встречал бихарцев и жителей Чапры. Вот я и подумал, что если бы, вместо того чтобы уходить в Ассам на заработки и возвра-

щаться домой, они осели там, то было бы не только обеспечено их будущее, но уменьшилось бы и перенаселение в Чапре.

Я стал выяснять мнение ассамцев по этому поводу, и они приветствовали мою мысль. Ассамцы сказали, что им нравятся бихарские рабочие и не нравятся люди из Майменсингха, так как они нехорошо ведут себя с местным населением. Некоторые считали, что лучше иметь в Ассаме индусов из Бихара, чем мусульман из Майменсингха. В то время религиозно-общинные настроения тяготели над сознанием людей, и Ассам не был в этом смысле исключением. Ассамцы одобряли мою мысль еще и потому, что сами не могли поднять целину. Между тем приток мусульман из Майменсингха менял состав населения, а ассамцам хотелось и впредь сохранить индусское большинство в долине Брахмапутры. Воспрепятствовать притоку людей из Майменсингха можно было только одним путем — разрешив бихарским индусам обосноваться на земле Ассамы.

Вернувшись домой, я переговорил по этому вопросу с некоторыми из своих бихарских друзей, но никто из них не обнаружил к нему интереса. Насколько мне известно, лишь очень небольшое число бихарцев осело на земле в Ассаме.

Мой брат, которому я тоже рассказал об этом, поехал через несколько лет в Ассам, чтобы посмотреть землю. Она ему понравилась, и, кроме целины, ему захотелось приобрести также участок обработанной земли. Совместно с Шамбху Сараном и Ануграх Нараяном Синха он купил у одного землевладельца тысячу акров земли. На этой земле был апельсиновый сад, бунгало, а на ферме — трактор. Но земля находилась среди леса, кишевшего дикими зверьями. Были приобретены буйволы, и началась обработка земли, но климат там оказался таким скверным, что все поселившиеся заболели малярией (по-видимому, именно из-за этого предыдущий владелец так спешил продать свою ферму). Шамбху Саран, Ануграх Нараян и мой брат несколько раз ездили туда, чтобы начать вспашку, но долго пробыть там было невозможно. После очередной поездки на ферму брат заболел малярией. Эта болезнь очень ослабляла его здоровье и в конечном счете свела брата в могилу, а вскоре умер и Шамбху Саран. Ни у кого не было охоты продолжать заниматься землей. Мы просто-напросто бросили ее и вернулись домой. Вероятно, впоследствии ферма была продана с аукциона в уплату земельного налога. Мы потеряли на этом деле несколько тысяч рупий.

На пост председателя сессии Конгресса в Гаухати многие предлагали кандидатуру Мазхарул Хака. В Бихаре все очень хотели его избрания. Однако он заявил, что недостойн такой чести. Этот отказ был выражением его возвышенных идеалов

и исключительной скромности. Мазхарул Хак сказал, что занят вопросом о достижении в провинции индусско-мусульманского единства и что его избрание на высокий пост помешало бы этой работе. Многие из нас не находили довод Хака убедительным, но это было его личным делом, и мы не настаивали. После того как отпала его кандидатура и кандидатура д-ра Ансари, председателем был единогласно избран С. Шринаваса Иенгар.

Председателем Организационного комитета Конгресса стал Таруирам Фукан, а секретарем — Н. Ч. Бардолой. Они много сделали для того, чтобы съезд прошел успешно. На берегах Брахмапутры вырос красивый городок — Конгресс-нагар представлял пленительное зрелище. Благодаря помощи «Чаркха сангх» производство кхадхи колоссально выросло и выставка кхадхи имела большой успех.

За несколько дней до открытия сессии Конгресса один мусульманин заколол кинжалом Свами Шраддхананда в его дельском доме. Это преступление сильно взволновало индусов и не могло не огорчить участников сессии. Больше всего удручало индусов то, что маулана Мухаммад Али тоже принял участие в защите убийцы. Они расценивали это как сочувствие маулане преступнику. Единственным «основанием» для убийства было то, что Свами Шраддхананд в течение многих лет проявлял большой интерес к движениям шуддхи (обращения в индуизм) и сангатхан. Подобные инциденты отравляли политическую атмосферу в стране, и надежды на единение и согласие, которые мы питали в 1921 году, теперь совершенно исчезли.

На этой сессии Конгресса ничего выдающегося не произошло. Гандиджи участвовал в ней, но держался несколько в стороне, ибо доверил всю политическую работу партии свараджистов. Все же в моей памяти сохранился один интересный случай. В Пенджабе был низложен махараджа княжества Набха, и некоторые из его сторонников просили Конгресс осудить действия властей и принять какие-то меры для оказания помощи свергнутому правителю. Редакционная комиссия сессии Конгресса подготовила соответствующую резолюцию. Гандиджи в то время отсутствовал, но, узнав о резолюции, не одобрил ее и возражал против вмешательства Конгресса в дела индийских княжеств. Он настаивал, чтобы редакционная комиссия пересмотрела свою резолюцию, и она так и не была поставлена на рассмотрение сессии. Редактор «Бомбей кроникл» Б. Г. Хорнимэн, бывший делегатом сессии от Бомбея, выразил по этому поводу большое недовольство. Он настаивал на пересмотре вопроса, но это не было сделано. В то время я не был достаточно хорошо знаком с делами индийских княжеств, так что не мог в полной

мере разобраться в этом деле. В течение нескольких лет этот вопрос ставился перед Конгрессом и вызывал много споров.

На всех сессиях после Ахмадабадской неуклонно прилагались усилия к тому, чтобы Конгресс объявил своей целью не статус доминиона, а полную независимость Индии. С. Шринаваса Иенгар был сторонником полной независимости, и поэтому это требование стало выдвигаться с большой настойчивостью. Однако резолюция по этому вопросу не получила достаточной поддержки и не была принята сессией.

Во время сессии шли сильные дожди, но заседания продолжались без перерыва. Дожди только увеличили расходы и снизили выручку от входной платы. Организационный комитет потерпел большие убытки, и хотя ВИКК пришел ему на помощь, недостача так и не была покрыта, в результате чего пострадали Фукан и Бардолой. Таким образом, опасения, которые я высказал Бардолою, оказались справедливыми.

Наиболее важным событием в Центральном законодательном собрании Индии было избрание на пост спикера Витхалабхаи Пателя. Этот талантливый, блестящий человек был самым выдающимся спикером, какого знала Индия. Справедливый и беспристрастный, он неоднократно выступал с критикой правительства. Законодательная деятельность широко освещалась в печати и встречала одобрение народа. Шринаваса Иенгар тоже был членом Центрального законодательного собрания, и случалось, что он расходился во мнениях с Мотилалом Неру, но эти разногласия никогда не принимали острого характера.

Будучи председателем Конгресса, Иенгар уделял главное внимание разрешению религиозно-общинной проблемы, которая все больше осложнялась. Дело дошло до того, что даже в среде конгрессистов ощущалось взаимное недоверие. Анализируя эту проблему, Иенгар утверждал, что она имеет два аспекта — религиозный и политический. Массы, говорил он, интересуются религиозной стороной, а образованные и состоятельные слои населения — политической. Те, кто интересуется политическим аспектом, используют верования простого народа. Он считал также, что эти два аспекта требуют различного решения.

Индусы считают корову священным животным. Достаточно одного упоминания об убое коров, чтобы вызвать у них возбуждение. И многие столкновения в Соединенных провинциях и Бихаре объяснялись именно этим. Мусульманские руководители понимали, что убой коров оскорбляет религиозные чувства индусов, и либерально настроенные люди из их среды запрещали в своих княжествах убивать этих животных. С другой стороны мусульмане считают своим религиозным долгом принести в жертву животных по случаю праздника Бакр-ид, а по-

сколько корова стоит недорого, то в жертву приносят именно ее. Беспорядки, как правило, начинались там, где убой коров не был обычным явлением и где разбогатевшие, честолюбивые или благочестивые люди из среды мусульман пытались ввести его в обычай. Поэтому правительство Бихара составило список населенных пунктов, где принесение в жертву коров вошло в обычай уже в течение долгого времени, и в этих местах запретило индусам противиться таким жертвоприношениям. Вместе с тем оно запрещало мусульманам вводить жертвоприношения там, где ранее они не практиковались. Мусульмане протестовали против этой политики, утверждая, что список составлен неправильно, поскольку жертвоприношения никогда не совершались открыто, и что факт жертвоприношений может быть установлен только свидетелями-мусульманами. Но индусы и власти не доверяли таким свидетелям. Тогда мусульмане заявили, что они имеют право отправлять свои религиозные обряды и что обычаи здесь ни при чем.

Мусульмане протестовали против игры на музыкальных инструментах и прохождения процессий с оркестрами вблизи мечетей, утверждая, что это мешает молебствиям. В связи с этим в Бихаре неоднократно возникали столкновения (в Патне благодаря местным мусульманским руководителям этого никогда не случалось). Индусы говорили, что это совершенно новое требование, которое выдвигается в ответ на требование индусов о запрещении приносить в жертву коров.

При этом люди не замечали самых простых вещей: ежедневно на бойнях забивалось огромное количество коров как на мясо, так и для получения шкур. В военных городках, например в Калькуттском, где были размещены английские войска, не щадили даже дойных коров, и индусы не обращали на это никакого внимания. Они мирились с обычным ежедневным убоем коров, но не могли примириться с тем, что их убивали в день Бакр-ид. Точно так же обстояло дело и с процессиями. В крупных городах вокруг мечетей стоит непрерывный грохот от трамваев и автотранспорта, а во время Мохаррама сами мусульмане участвуют в шумных процессиях с оркестрами. Протестуют же они только против индусских религиозных процессий. Так или иначе, это была сложная проблема, и именно она интересовала простой народ.

Для образованных слоев общества речь шла о борьбе за материальные блага, связанные с занятием официальных постов. Если мусульмане оказывались слабо представленными на государственной службе, в органах местного самоуправления и законодательных органах, они начинали возмущаться. Со своей стороны индусы возмущались, если мусульмане получали

представительство, превышавшее их удельный вес среди населения.

Шринаваса Иенгар горячо стремился разрешить эти проблемы, но предлагавшиеся им решения были неосуществимы. Южане не представляли себе положения индусов, живших на севере страны, и поэтому не могли правильно понять их переживаний в связи с данным вопросом. На юге индусско-мусульманская проблема не является такой острой, как на севере. Там возникают трения между брахманами и небрахманами, а также между индусами, принадлежащими к кастам, и неприкасаемыми. Там и не слыхали о волнениях по поводу такого вопроса, как убой коров. На юге из-за музыкальных фестивалей близ храмов возникали беспорядки, но там против игры на музыкальных инструментах возражали не мусульмане, а христиане.

Шринаваса Иенгар быстро принял решение. Он составлял себе мнение с такой же быстротой, с какой говорил, и, придя к определенному мнению, не любил менять его. Это был умный, но непрактичный человек. Он мог одержать верх в любом споре, если требовались только логика и теоретическое знание законов, но когда дело доходило до практического их применения, его таланты оказывались малопригодными. Находясь на посту председателя Конгресса, он изо всех сил старался развязать индусско-мусульманский узел, но то, что он считал правильным решением, не было приемлемо для индусов-конгрессистов, не говоря уже об индусах вообще. Поэтому его усилия и остались бесплодными.

КОМИССИЯ САЙМОНА И МАДРАССКАЯ СЕССИЯ КОНГРЕССА

Когда в 1920 году были проведены реформы на основе новой конституции, было оговорено, что через десять лет парламент Англии изучит результаты осуществления реформ и в случае необходимости назначит комиссию для составления доклада по этому вопросу. Только в 1926 году Конгресс как партия участвовал в выборах, проводившихся на основе новой конституции, и одержал победу, но конституция была такова, что представители Конгресса или народа никогда не могли получить большинства в законодательных органах: даже получив подавляющее большинство голосов избирателей, они все-таки обнаруживали, что почти повсюду каким-то образом большая часть мест оставалась за официальными представителями и назначенцами. Все же в Законодательном собрании Индии избранным депутатам часто удавалось наносить правительству поражения. Видимо, это натолкнуло правительство на мысль о необходимости что-то предпринять для успокоения недовольства, охватившего народ. Вот почему в 1927 году, не дождавшись истечения установленного десятилетнего срока, английское правительство заявило о создании комиссии под председательством сэра Джона Саймона. Все ее члены были англичанами, но комиссия имела право кооптировать в каждой провинции индийцев в качестве членов-консультантов. Комиссия должна была начать свое обследование в Индии в начале 1928 года. Это сообщение вызвало протесты по всей стране. Индусы и мусульмане были единодушны в данном вопросе, и создалось впечатление, что снова становится возможной совместная борьба против Англии.

Для рассмотрения этого вопроса в Патне была созвана межпартийная конференция, председателем которой являлся сэр Али Имам. Конференция решила, что все партии должны создать единый фронт под руководством сэра Али и бойкотировать комиссию. Я приветствовал сэра Али и выразил удовлетворение по поводу того, что люди, подобные ему, придерживающие-

ся либеральных взглядов и занимающие ответственные посты в государственном аппарате, выступили против комиссии. Я добавил, что, если все мы будем бороться совместно, бойкот увенчается полным успехом. Но для сэра Али и для людей его образа мышления бойкот означал отказ от дачи показаний комиссии или от оказания ей какой-либо другой помощи, мы же имели в виду нечто большее: мы хотели вовлечь в бойкот народ, а это было возможно только в том случае, если бы бойкот принял также форму демонстраций. Я сказал сэру Али, что он и его сторонники могут удовлетвориться отказом от дачи показаний комиссии, но мы будем добиваться того, чтобы народное недовольство получило выражение в виде демонстраций. Хотя сэру Али, который никогда не любил народных демонстраций, мое предложение не понравилось, он все же изъявил согласие, так как резко отрицательно относился к комиссии.

То, что произошло в Бихаре, имело место и в других частях страны. Все были против комиссии, состоявшей только из белых, и невключение в ее состав индийцев воспринималось как оскорбление всему народу. Почти все твердо решили бойкотировать комиссию. Но в Индии нет недостатка и в людях, всегда готовых в любом вопросе поддержать англичан. И в данном случае правительство сумело найти таких людей, готовых стать членами-консультантами комиссии или давать ей показания. Однако было приятно видеть, что ни один член какой-либо политической партии не изъявил желаний сотрудничать с комиссией.

Тем временем в декабре 1927 года состоялась Мадрасская сессия Конгресса, председателем которой был д-р Ансари. Предстоящий приезд комиссии Саймона сильно давал себя чувствовать на этой сессии. Понимая, что одного бойкота недостаточно, сессия решила создать комитет для выработки — совместно с другими партиями — конституции Индии. Речь шла не о том, чтобы представить комиссии Саймона новый проект конституции, а о том, чтобы изложить народу требования всех политических партий и, опираясь на его поддержку, принудить англичан рано или поздно удовлетворить их.

На сессии была внесена резолюция, в которой целью Конгресса объявлялось достижение не статуса доминиона, а полной независимости. При сильной поддержке Джавахарлала Неру, только что вернувшегося из поездки по Европе, эта резолюция была одобрена редакционной комиссией. Я выступал против резолюции, ибо считал, что мы не должны принимать никаких решений, к выполнению которых не готовы. В то время в Индии вряд ли производилась какая-либо подготовительная работа или существовали настроения, которые могли бы помочь нам

достичь полной независимости. Тем не менее сессия утвердила эту резолюцию, но она оставалась на бумаге еще в течение двух лет, пока на Лахорской сессии не была включена в устав Конгресса и объявлена целью, которую он перед собой ставит.

Редакционная комиссия приняла также резолюцию по поводу индусско-мусульманского единения, чтобы поставить ее на рассмотрение заседания сессии. Эта резолюция признавала за мусульманами право приносить в жертву коров при условии, что это будет делаться в частном порядке. Именно это предлагал ранее Шринаваса Иенгар; теперь это предложение получило форму резолюции. Я полагал, что, независимо от правильности этой резолюции, в таком виде она никогда не будет приемлемой для индусов и что если мусульмане будут пользоваться этим правом, в Индии неизбежны крупные столкновения. Я считал, что резолюция вредна для всей страны, и говорил об этом с Гандиджи, который не присутствовал на заседании редакционной комиссии, когда проходила резолюция. Он явился на следующее ее заседание, и по его настоянию резолюция была пересмотрена и изменена таким образом, чтобы стать приемлемой для всех слоев населения. Многим из наших друзей-мусульман изменение резолюции не понравилось. В результате пропасть, разделявшая две религиозные общины, стала еще больше.

ПОЕЗДКА НА ЦЕЙЛОН

Я ездил в Мадрас вместе с женой, невесткой и другими членами моей семьи. По пути мы остановились в Раджахмундри, чтобы выкупаться в Годавари. Моим родным хотелось посетить Рамешварам и другие центры паломничества в Южной Индии, так что после сессии Конгресса мы вместе с несколькими друзьями поехали в Мадур, Рамешварам и другие места. Затем, оставив семью в Рамешвараме, я отправился на Цейлон. Мне хотелось повидаться с Дамодар Дасом, который в течение многих лет был активным работником организации Конгресса в Чапре, а теперь занимался изучением буддийской литературы в Келанийской школе. Он преподавал санскрит и изучал *Трипитаку* на языке *пали*. Впоследствии он под именем Рахула Санкритьяна стал знаменитым буддийским бхикку.

Дамодар Дас нанял автобус и организовал для нас поездку по некоторым наиболее интересным местам Цейлона. Мы были восхищены сочной зеленью лесов и красотами пейзажа. Мы посетили Большой храм в Канди и оттуда поехали в Нувара-Элию и там заночевали. Следующей остановкой была Ситаэлия. По преданию, именно здесь Равана заточил Ситу в Ашока Батику. Нувара-Элия находится на вершине горы, а Ситаэлия — у ее подножия. Она замечательно красиво расположена — как бы в глубине чаши, окруженной со всех сторон горами. На том месте, где была заключена Сита, находится небольшой храм с источником возле него. Когда мы спускались по извилистой дороге из Нувара-Элии в Ситаэлию, перед нами открылся великолепный вид на огромный Ракташокский лес. Горы здесь самые различные — одни скалистые, другие меловые. На вершине одной из гор находится слой почвы пепельного цвета толщиной около трех футов. Раскопав его, мы убедились, что это и есть пепел. Тогда нам напомнили, что в «Рамаяне» рассказано, как Хануман поджег Ланку.

Осмотрев много достопримечательностей, в том числе древние пещеры с изумительной настенной росписью, мы прибыли

в Анурадхапуре, где находится знаменитая *ступа*. Приехали мы туда в девять часов вечера, когда под деревом пинал происходило буддийское молитвенное бдение. Бхикку произносил проповедь. Это было впечатляющее зрелище, но мы ничего не понимали, за исключением реплик слушателей, которые неоднократно повторяли слово «садхо». Нам рассказали, что дерево, под которым бхикку произносил свою проповедь, посажено сыном Ашоки Махендрой, который много веков назад купил в Гае черенок дерева махабодхи. Я был склонен полагать, что это дерево является скорее отростком того, которое посадил Махендра, точно так же как дерево махабодхи, растущее ныне в Гае,— всего лишь отросток того, под которым на Будду снизошло просветление. Но очень поразило нас то, что глиняная лампа, горевшая там,— та самая, которую зажег Махендра, когда был в Анурадхапуре, и что буддисты поддерживают в ней огонь уже две тысячи триста лет. Если это правда, то лампа в Анурадхапуре представляет собой уникум и является старейшей лампой в мире.

После поездки по Цейлону мы возвратились в Рамешварам и затем на обратном пути в Бихар совершили еще одну поездку по местам паломничества в южной части острова.

По прибытии в Чапру мы узнали, что мой брат перенес операцию. Поскольку он страдал диабетом, шов долго не заживал, и был момент, когда он находился в тяжелом состоянии, но так как мы все время находились в пути, не было возможности связаться с нами. По счастью, ко времени нашего возвращения кризис миновал и брат уже поправлялся.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АНГЛИЮ

Махараджа Думраона подал в Тайный совет в Лондоне апелляционную жалобу на решение суда по одному бирманскому делу. Раи Бахадур Харихар Прасад Синха попросил меня поехать в Лондон, чтобы помочь его старшему юрисконсульту, и, поскольку я был связан обязательством довести его дело до конца, я согласился. Кроме того, меня привлекала и возможность увидеть Европу.

Незадолго перед этим мой племянник Джанардан вернулся из Англии, где обучался литейному делу, и поступил на предприятие «Тата айрон энд стил компани» в Джамшедпуре. По его совету, а также по совету некоторых других друзей я заказал для поездки в Англию шерстяной костюм. Поскольку я постоянно носил кхади, я приобрел в бхандаре кхади кашмирскую шерстяную ткань и заказал из нее костюм индийского покроя, так как решил не носить европейской одежды. Это давало мне двойное преимущество: во-первых, ношение одежды английского покроя влечет за собой соблюдение определенных обычаев, во-вторых, эта одежда очень дорога, сохраняя же национальную одежду, я мог придерживаться своих привычек и обычаев и не обязан был считаться с порядками европейского общества. Кроме того, мой костюм стоил значительно дешевле, и никто на Западе не мог определить его недостатков, даже если бы они в нем оказались. Я рассматривал одежду только как средство прикрыть тело и защитить его от жары и холода, и мне трудно было изменить свои взгляды и привычки.

Раи Бахадур Харихар Прасад Синха непременно хотел, чтобы я путешествовал с комфортом: он настаивал, чтобы я взял с собой слугу и всегда ездил первым классом. Мои друзья, бывавшие в Англии, находили все это ненужным, но Синха не хотел ничего слышать. Поэтому я взял с собой Говардхана. Я выехал из дому в начале марта 1928 года, в благоприятный

день, определенный астрологами, и отправился в Бомбей, а оттуда — в Сабармати-ашрам получить благословение Гандиджи. Я отплыл на борту парохода «Кайзер-и-Хинд». На пристани в Бомбее меня провожал брат.

Я мало общался с людьми, усвоившими западный образ жизни. Перед отъездом из Патны д-р Саччидананда Синха пригласил меня на обед, который был подан по-западному, на столе. Там я впервые ознакомился с искусством пользоваться вилкой и ножом.

Во время путешествия море было очень спокойным, и я не страдал от морской болезни. Будучи по природе человеком замкнутым, я ни с кем на пароходе не знакомился и проводил время либо сидя в кресле и читая, либо прогуливаясь по палубе. Единственным моим знакомым на этом пароходе был один господин — парс, занимавший соседнюю каюту. Он ехал в Европу как турист. Я заметил, что некоторые пассажиры с нескрываемым любопытством разглядывали меня и мою индийскую одежду.

На третий день пребывания на пароходе ко мне подошел и заговорил со мной англичанин, служивший ранее в индийском ведомстве здравоохранения. Он был уже в отставке и снова приехал в Индию в качестве члена какой-то комиссии. Теперь он закончил свою работу и возвращался домой вместе с женой. Это была очень добродушная пара. Оба они жалели только о том, что им не удалось увидеть Гандиджи, чего им очень хотелось. Когда в ходе разговора они узнали, что я имею отношение к Гандиджи, их интерес ко мне значительно возрос. Англичанин был приятно удивлен, узнав, что я вегетарианец, и сказал мне, что он придерживается тех же взглядов. В свою очередь он удивил меня, сказав, что вегетарианцу трудно жить в Индии, потому что ему не так-то просто достать себе вегетарианскую еду, тогда как в Европе и Америке, где много вегетарианцев, имеется сколько угодно овощей, молока и молочных продуктов. Яйца на Западе тоже входят в вегетарианскую диету. Мои новые знакомые предупредили меня, что если я, будучи в Англии, зайду в вегетарианский ресторан, я должен предупредить, что не ем яиц, потому что иначе мне подадут вегетарианские блюда, приготовленные на яйцах. Они добавили, что печенье и другие кондитерские изделия, приготовленные не на яйцах, достать нелегко, но если торговец скажет мне, что его изделия не содержат яиц, я могу верить ему, потому что яйца дороги и в его интересах было бы сказать правду. Такого рода советы были очень полезны. Во время пребывания в Англии мне удалось устроиться, не меняя обычного образа жизни.

Когда судно проходило по Суэцкому каналу, я услышал, что агентство Томаса Кука организует для пассажиров экскурсии в Каир и другие места, представляющие исторический интерес. И вот однажды рано утром мы сошли с парохода и поехали на автомобиле в Каир. Мы побывали в музее, где собраны ценные коллекции, извлеченные из пирамид. Там же до сих пор сохраняются мертвые тела, или мумии, древних могущественных египетских фараонов. Тела почернели, но лицо и руки остались такими же, как при жизни. Ткань, в которую обернуты тела, сохранилась невредимой, и я с удивлением узнал, что эта чрезвычайно тонкая ткань ввозилась из Индии. Древние египтяне верили, что, если человек будет похоронен вместе с теми предметами, которые создают жизненные удобства, он будет пользоваться ими и в будущей жизни. Поэтому в пирамидах вместе с телами фараонов хоронили все необходимое для повседневного употребления. Эти предметы — обувь, мебель, съестные припасы, туалетные принадлежности, украшения, повозки и даже лодки — самого лучшего качества, некоторые из них сделаны из чистого золота, и все это замечательно хорошо сохранилось. Мне говорили, что пшеница, найденная во время раскопок в *Мохенджо-Даро* (теперь это место входит в Западный Пакистан), будучи посажена, дала всходы.

Затем мы посетили древние памятники и исторические достопримечательности города. Хотя Каир — древний город, но те его районы, которые я видел, были построены недавно и выглядели вполне современно. В Египте говорят на арабском языке, а из европейских языков там распространен французский.

Днем мы сели на верблюдов и поехали к пирамидам. Эти каменные сооружения с квадратным основанием и остроконечной вершиной очень напоминают индийские печи для обжига кирпича, только они значительно больше. У меня создалось впечатление, что каждая каменная плита, из которых они сложены, имеет четыре-пять локтей длины и соответственную ширину и толщину. Много дней должно было уйти на то, чтобы вырубить и обтесать каждую такую плиту! Становилось грустно при мысли, что тысячи и тысячи людей должны были трудиться большую часть своей жизни над постройкой этих похожих на горы сооружений и все это только для того, чтобы увековечить имена, которых никто теперь не помнит. То же чувство грусти испытываешь, думая о том, что, хотя пирамиды стоят и поныне в том виде, как они были сооружены тысячи лет назад, они никому не приносят пользы.

Затем мы поехали поездом в Порт-Саид, и, когда прибыли туда около одиннадцати часов вечера, наше судно уже стояло

там. Дальнейшее путешествие ничем не было примечательно, и наконец мы приехали в Марсель.

Осмотрев за день достопримечательности этого города, я вечером выехал в Париж. А на следующий вечер, проехав через Кале и Дувр, я был в Лондоне. Хотя наступила уже третья неделя марта, было довольно холодно. На вокзале меня встретил один друг, и мы отправились на нашу квартиру на Голдерс-Грин. Два других индийских адвоката, Махавир Прасад и Кунвар Бахадур, были уже там. Поскольку меня обслуживал Говардхац, я получал пищу, к которой привык, и чувствовал себя совершенно как дома.

Я приступил к делу на следующий же день, через двенадцать часов после приезда в Лондон, и в течение четырех месяцев был весьма загружен. К девяти часам утра, когда люди там обычно встают, я успевал проработать два часа; после завтрака я уходил в библиотеку, просиживал над книгами до часу дня, а затем шел на ленч в ближайший ресторан; оттуда отправлялся прямо в суд, где работал до четырех, потом спускался в метро и ехал домой. После обеда я часто выходил пройтись и по возвращении, перед сном, еще немного работал. Иногда, если предстояло совещание с адвокатами, моя программа немного менялась. Когда Харихар Прасад Синха приехал в Лондон, мы перебрались в его квартиру у Гайд-Парка.

Один из наших старших юрисконсультов, Луксмур, уехал на пасхальные праздники в свой загородный дом близ Хайса. Мы сказали ему, что дело наше очень сложное, и, если он не возражает, кто-нибудь из нас мог бы поехать с ним, чтобы помочь ознакомиться с резюме. Луксмур согласился, хотя и не охотно, и я поехал в Хайс. Его дом находился в восьми милях от Хайса, и я ездил туда в его автомобиле, который он каждое утро посылал за мной. Мы приступали к работе в половине десятого утра и работали до половины пятого с часовым перерывом на ленч и получасовым — для чаепития. Затем я уезжал на автомобиле обратно в Хайс. Так я провел с Луксмуром две недели и очень с ними подружился.

Нашим первым адвокатом был Апджон. Ему было уже больше семидесяти пяти лет, но он чувствовал себя вполне здоровым и мог напряженно работать. Объем всех материалов, связанных с нашим делом, достигал 15 тысяч страниц на машинке. Бывало так, что, просмотрев двадцать пять — тридцать страниц, мы с трудом находили три-четыре строки, относящиеся к делу. Мы подготовили свое резюме еще в Патне и думали, что если зачитаем нашему адвокату соответствующие отрывки из всех документов, это ему очень поможет и сэкономит время. Луксмур на это согласился, но Апджон отказался.

Мы предложили ему особое вознаграждение — 85 рупий в час — за изучение дела вместе с другими, как принято в Индии. Хариджи хотел, чтобы таким образом были изучены все 15 тысяч страниц, но Апджон на это не соглашался, заявив, что берет с нас гонорар не только за выступление в суде, но и за надлежащее изучение дела. Он считал, что его обязанность — лично изучить документы, ибо, не зная фактов, он не сможет как следует выступать по существу дела. Поэтому Апджон не согласился взять особое вознаграждение и настоял на том, что все будет делать сам, а в случае необходимости попросит помощи. Позднее нам объяснили, что в Лондоне не принято, чтобы адвокат изучал материалы дела вместе с другими адвокатами, но другие могут быть приглашены для консультации и в этом случае выплачивается особый гонорар.

Это очень огорчило Хариджи. Он думал, что такой старик, как Апджон, не сможет без посторонней помощи просмотреть столь объемистый материал, особенно потому, что дело было запутанным и относящиеся к нему документы были смешаны с большим количеством не имевших отношения к делу текстов. Когда мы сказали Апджону, что он напрасно потратит много времени на просмотр ненужного материала, тот ответил, что прочитает каждое слово. Он утверждал, что, поскольку ему предстоит выступать по делу, он сам лучше всего сможет определить, что полезно и что не имеет отношения к делу. Ознакомившись с обширной литературой, он в случае надобности обратится за помощью к другим, сказал Апджон. Это было его последнее слово, и мы не могли больше ничего сказать. Хариджи тоже молчал, но не мог не тревожиться.

В соответствии с принятой в Тайном совете процедурой обе стороны должны были представить свои доводы в письменном виде, после чего начиналось разбирательство дела. Возражение на кассационную жалобу надо было составить очень тщательно, чтобы избежать всего, что не относится к делу, и не вступать в излишние споры. Поскольку с заявлением противной стороны обычно нельзя было ознакомиться до подачи его суду, надо было предвидеть доводы противников и опровергнуть их. Прочитав возражение, составленное Апджоном, все мы, в том числе и Хариджи, убедились, что он учел абсолютно все обстоятельства дела. Эта добросовестность и высокое качество работы произвели на меня очень сильное впечатление. Мне с сожалением приходится признать, что в моей стране я не видел юридической работы, которая хоть сколько-нибудь приближалась бы к подобному уровню.

Я сблизился с Апджоном несколько своеобразным путем. Видя мой индийский костюм, он решил, что я родственник Ха-

риджи, прибывший для того, чтобы помочь в проведении дела. Он не понял, что я юрист. В ходе совещания Апджон задал мне несколько вопросов, на которые я дал правильные и четкие ответы. Он бросил на меня пытливый взгляд и ничего не сказал. Позднее, когда один из наших адвокатов, обычно посещавший Апджона в его конторе, встретился с ним, последний заметил ему, что его клиент оказался очень толковым и хорошо отвечал на все вопросы. Мой коллега возразил, что я не клиент, а юрист, оставивший практику. Это усилило любопытство Апджона, и он стал проявлять ко мне больший интерес.

Позднее Апджон очень загружал меня работой, и я подготовил для него ряд материалов. Когда приблизилось время слушания дела, он спросил меня, хочу ли я присутствовать на суде. Я ответил, что хочу, однако он возразил, что будет гораздо лучше, если я использую это время для подготовки дома ряда необходимых ему материалов, но что, если после этого у меня останется время, он не возражает против моего присутствия в суде. Подготовка материалов, добавил он, должна быть на первом месте, и он не потерпит никаких проволочек в их представлении.

Апджон слыл человеком вспыльчивым и часто вступал в словесные дуэли то с адвокатами противной стороны, то со своими коллегами, а порой даже с судьями, поэтому я был с ним очень осторожен. Однако мои материалы вполне удовлетворяли его, и у нас не было никаких недоразумений.

Заслуживает внимания индийских юристов еще одно наблюдение, сделанное мною в Лондоне. Во время моей адвокатской практики в Калькутте я убедился в том, что, когда мы не выступаем перед судьями, большая часть нашего времени пропадает даром. В Ассоциации адвокатов и в ее библиотеке мы фактически мало занимаемся чтением специальной литературы и изучением дел и готовимся к выступлениям в суде преимущественно дома. В самом же суде адвокаты, не выступающие по делу, тратят время на болтовню. В Лондоне я увидел, что адвокаты выполняют значительную часть работы именно в библиотеке Ассоциации адвокатов и в своих конторах, а в суд являюся лишь за несколько минут до начала слушания дела. Едва освободившись, они тотчас же снова берутся за работу. Они считают, что их квартира — это место отдыха, где надо проводить время с женой и детьми, а если читать дома, то не специальную литературу, а книги развлекательного характера. Работу по специальности они предпочитают выполнять в своих конторах или библиотеках. Они стараются наилучшим образом использовать день для работы, а вечер оставляют для всего остального.

Многие английские адвокаты уезжали за город проводить там уикэнд. Апджон, например, в пятницу прямо из суда отправлялся на вокзал, ехал в свой загородной дом, находившийся примерно в семидесяти милях от Лондона, и возвращался обратно лишь в воскресенье вечером. Нам хотелось, чтобы во время слушания дела Апджон оставался в Лондоне всю неделю, потому что мы считали, что сможем по субботам и воскресеньям подробно обсуждать с ним все вопросы. Мы сказали ему, что он будет получать свой обычный гонорар и за эти дни, но он не согласился: предложение о дополнительном вознаграждении не соблазнило его и не побудило изменить привычный образ жизни. Апджон заявил, что не сможет хорошо работать пять дней в неделю, если не проведет уикэнд за городом.

— Разве я смог бы работать в моем возрасте, если бы не соблюдал этого правила? — сказал он. Он попросил меня передать Хариджи, что, оставаясь в Лондоне всю неделю, он принесет нам меньше пользы.

Мы, юристы, придерживались мнения, что наша позиция весьма сильна и мы непременно выиграем дело. Апджон считал, что нам не придется много выступать. Выступления наших противников продолжались уже двадцать дней и вполне могли затянуться еще на месяц или больше, а между тем предстоял трехмесячный перерыв в работе Совета. Это означало, что разбирательство дела возобновится лишь в октябре и может продлиться до декабря. Перспектива провести в Лондоне всю зиму испугала Хариджи, поэтому при первой возможности он, не проконсультировавшись ни с кем из нас, вступил в переговоры о компромиссе. Мы узнали об этом только тогда, когда надо было придать соглашению письменную форму. Нам нечего было сказать, потому что Хариджи уже принял решение. Условия компромисса были разработаны, и в один прекрасный вечер последней недели июля дело было слушанием прекращено за примирением сторон.

Апджон советовал мне не бросать юриспруденцию и сказал, что хотел бы подробно поговорить со мной об этом как-нибудь позднее. Но, поскольку наше дело внезапно закончилось и мне надо было немедленно выезжать в Европу, этот разговор так и не состоялся.

ПОЕЗДКА ПО ЕВРОПЕ И АНТИВОЕННАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Через два дня после урегулирования нашего дела в Зоннтагсбурге близ Вены открывалась антивоенная конференция под председательством Феннера Брокуэя. Я очень интересовался этим вопросом, а поскольку Тарнипрасад Сипг из Бихара, который уже несколько лет жил в Лондоне, тоже убеждал меня поехать на конференцию, я решил отправиться в Австрию. Вместе с одним своим другом из Пенджаба я покинул Лондон и через сутки был уже в Вене.

Зоннтагсбург, где была созвана конференция, оказался небольшой деревней, расположенной на холме, на вершине которого стояла церковь. Это было идеальное место для конференции. На ней присутствовали делегаты Германии, Австрии, Франции, Англии, Голландии, Чехословакии, Палестины и других стран. Число их было невелико, но все они являлись активными борцами за мир. Многие из них уже сидели в тюрьмах и подвергались другим преследованиям за свою антивоенную деятельность.

Когда делегаты узнали, что я близкий соратник Гандиджи, они, разумеется, уделили мне известное внимание: много спрашивали меня о Гандиджи и его деятельности. Их интерес усугубился тем, что тогда в Индии, в Бардоли, проводилась сатьяграха и они слышали о ней. Делегаты просили меня выступить на конференции, и я посвятил свое выступление сатьяграхе в Чампаране, рассказав о том, как с успехом применялось оружие Махатмы Ганди — ненасилие.

Работа конференции велась на четырех языках — английском, французском, немецком и эсперанто. Истинным удовольствием было наблюдать за работой молодого переводчика-немца, который так хорошо знал все четыре языка, что мог стенографировать речи на любом из них и затем, заглядывая в свои записи, переводить их на остальные три языка.

Конференция продлилась три дня. Она приняла резолюцию против войны. Было решено, что делегаты посетят ряд пунктов в Австрии и будут вести там антивоенную пропаганду.

Недалеко от Зоннтагсбурга находится город Грац, где жил д-р Штанденат со своей женой. Он читал лекции в местном медицинском институте. Эта чета никогда не бывала в Индии, но вела переписку с Гандиджи, и Махатма вручил мне письмо для передачи Штанденатам, если я буду в Австрии. Когда я сказал организаторам конференции о своем желании поехать в Грац, они решили, что англичанин Ранхэм Браун, бывший секретарем конференции, а также несколько других делегатов тоже отправятся со мной в Грац, и мы развернем там антивоенную пропаганду.

Мы прибыли в Грац в пять часов дня. Д-р Штанденат и его супруга встретили нас на вокзале. Здесь я распрощался с друзьями и поехал на квартиру к д-ру Штанденату. Немного перекусив, мы отправились на собрание, которое должно было состояться неподалеку в семь часов вечера. Зал заседаний был очень велик — в нем могло разместиться около пятисот человек. Столы и стулья были расставлены, как в ресторане, и для каждого участника собрания приготовлен бокал. Помещение было полно дыма, так как почти все курили. В глубине зала был сооружен деревянный помост, на котором стояли стол и несколько стульев. Поблизости находился выход, но дверь была заперта. Когда мы вошли в зал, присутствующие устремили на меня свои взоры, решив, что я один из выступающих. Кто-то спросил, буду ли я говорить по-немецки, но я ответил, что знаю только английский язык.

Не успели мы добраться до середины зала, как вдруг тишина была нарушена выкриками. Штанденаты объяснили мне, что кричат противники антивоенной пропаганды. Мы поднялись на помост, и д-р Штанденат хотел открыть выходную дверь, которая была заперта на засов, но в это время человек десять внезапно набросились на нас с кулаками. Мои хозяева заслонили меня от нападавших, и большая часть ударов досталась им. Затем нападавшие переломали стулья, находившиеся на помосте, и, вооружившись обломками, с новой силой возобновили нападение. Я был ранен в голову и терялся в догадках, за что на меня напали с такой яростью. Наконец я соскочил на пол, и мои спутники последовали за мной. Нападение тут же прекратилось. Никто из сидевших за столами не двинулся с места. Мы направились к входной двери мимо хранивших молчание зрителей. Только одна женщина встала и последовала за нами. На улице она обратилась к д-ру Штанденату со словами сочувствия. Мы приехали домой, сильно окровавленные.

Д-р Штанденат перевязал мне раны и наложил повязку на голову, затем оказал помощь своей жене и только тогда занялся собой. Супруги Штанденат очень плохо знали английский язык, и мы объяснялись с трудом.

Мне сказали, что нападавшие были противниками антивоенной кампании и хотели помешать нашему выступлению. Я поинтересовался, что случилось с теми, кто ехал со мной из Зоннтагсбурга. Позднее я узнал, что мои спутники стояли на улице и ждали нас, когда же им стало известно о происшествии в зале и о том, что мы уехали, они ушли. На следующее утро я выехал в Вену. Голова моя была забинтована.

Д-р Штанденат написал Гандиджи, а тот напечатал в «Янг Индиа» подробное изложение инцидента в Граце.

Из Вены я отправился в Швейцарию, желая повидаться с Роменом Ролланом, и от его сестры узнал, что он, спасаясь от жары, уехал в горы. Я немедленно отправился туда же. Ромен Роллан устроил меня в отеле. Мы виделись часто, но языковой барьер препятствовал длительным беседам. В моем отеле Роллан разыскал одного господина, знавшего английский язык, но он так слабо владел им, что дело не улучшилось.

Я посетил Берн, Невшатель, Лозанну и Женеву. В Невшателе, проходя по рынку, я увидел в окне лавки кусок домотканого полотна и зашел в помещение. Меня встретила продавщица, говорившая по-английски. Она поняла, что я индеец, и заговорила о Махатме Ганди. Оказалось, что она читала многие его произведения. Она рассказала мне, что в Мюнхене есть магазин, где можно купить домотканое полотно, затем показала старинную прялку, лежавшую в углу лавки. Прялка очень напоминала индийскую чаркху, но была больше и на ней можно было работать, сидя на стуле. Выйдя из лавки, я понял, до какой степени книга Ромена Роллана о Гандиджи сделала его известным в этой части света.

Из Женевы я поехал в Париж и, пробыв там два дня, добрался до Лондона. Здесь мне сказали, что один из моих коллег, бихарец Сантранджан Прасад Синха, был сбит автомобилем, когда выходил из автобуса, у самого нашего дома, и находится в больнице в тяжелом состоянии. Я бросился в больницу и там узнал, что он еще не пришел в сознание. Той же ночью он скончался.

Это несчастье очень огорчило всех нас, и наше желание осматривать достопримечательности Лондона пропало. Надо было подождать еще три дня до окончания следствия, а потом нам должны были выдать тело Сантранджана для кремации. После похорон я совершил короткую поездку в Эдинбург, затем на континент, а оттуда выехал в Индию.

В Марселе мне предстояло сесть на пароход, который отплывал в последней неделе августа. Оставалось десять свободных дней, и я решил, что могу использовать их, чтобы посмотреть что-нибудь в Европе. В Голландии в то время заседала молодежная конференция, и я решил съездить туда.

Оказалось, что я не единственный индеец на этой конференции. Там я познакомился с моим соотечественником д-ром Саньялом. Эта конференция тоже была своеобразным антивоенным форумом, хотя атмосфера там отличалась большим спокойствием, чем в Зоннтагсбурге. На ней присутствовали делегаты из многих стран; самым большим из представленных государств была Америка. Конференция происходила в деревне, и нас всех поселили в палатках. Все было устроено просто, но очень хорошо. Звонок приглашал нас к завтраку, и мы собирались с чашками и тарелками под открытым небом, где нам его подавали. Новый звонок возвещал начало заседания.

На этой конференции я убедился в том, что молодежь обоего пола проявляет большой интерес к международным делам. Юноши и девушки с большим жаром спорили о пользе Лиги Наций и на другие темы такого рода. Я тоже выступил на конференции.

Из Голландии я отправился в непродолжительную поездку по городам Европы. Я сам составил себе маршрут, и, чтобы не терять времени и увидеть как можно больше за те несколько дней, которыми располагал, я, как правило, разъезжал по ночам и даже ванну принимал в поезде. Таким образом, на утро, когда поезд прибывал на место назначения, я был готов к осмотру достопримечательностей.

Когда у берлинского вокзала я пытался знаками объяснить шоферу такси, что хочу поехать в гостиницу, вдруг появился сотрудник агентства Томаса Кука и повез меня в отель, где как раз находился Харихар Прасад Синха. Я пробыл с ним три дня, и мы вместе осматривали город. Там же я встретился с В. Чаттопадхя, у которого были связи в России, и он предложил устроить для меня визу, если я захочу туда поехать. Но поскольку у меня не оставалось времени, я отклонил его предложение. В берлинском отеле мне удалось достать список вегетарианских ресторанов, имеющих в Европе, и это очень пригодилось мне во время поездки. Вначале мне было трудно объяснять, что я не ем яиц, но позднее я выучил несколько слов, так что меня понимали.

Следующим пунктом моего маршрута был Лейпциг, где я пробыл один день. Главной целью моего приезда в этот город было желание встретиться с д-ром Куном. Я читал его книги и начал применять его систему — ванны для поясницы, кото-

рые мне помогали. Прямо с вокзала я отправился в его клинику, но там с огорчением узнал, что некоторое время назад он умер при необычных обстоятельствах. Оказывается, д-р Кун, хотя он и достиг уже преклонного возраста, очень любил фрукты и взбирался на деревья, чтобы собственноручно срывать их. Эта опасная привычка привела к роковым последствиям: однажды он потерял равновесие, упал и скончался от полученных ушибов. В клинике я познакомился с сыном д-ра Куна, и хотя он плохо знал английский язык, но все же понял меня. Он прописал мне ванны и диету, и я принял одну ванну в его клинике.

Желая позавтракать, я зашел в ресторан. Так как там никто не понимал английского языка, мне было довольно трудно объяснить, что мне нужно, но в это время сидевшая за соседним столом женщина пришла мне на помощь. Эта немка хорошо знала английский язык, так как была замужем за американцем. После завтрака она повезла меня осматривать город, а вечером проводила на вокзал. Я был очень тронут ее вниманием и любезностью.

Затем я поехал в Мюнхен, где посетил пользующийся большой известностью музей и знаменитый пивной погребок, в котором позднее Гитлер произносил свои истеричные речи. Не без труда разыскал я магазин, который, по словам продавщицы из Невшателя, специализировался на продаже домотканого полотна, но его там не оказалось.

Следующим пунктом была Венеция — своеобразный город каналов и романтических гондол. Дома там построены на скалах, поднимающихся из воды, и люди разъезжают в лодках, которые являются единственным средством транспорта. В этом городе я видел только одну площадь — возле главного собора, в котором я был. Вечером я поехал в гостиницу, но почти не мог уснуть из-за москитов, от которых не защищали даже сетки.

Следующие два дня я провел в Риме, а по пути в Марсель остановился в Ницце, где встретился с Дипнараин Сингом из Бхагалпура. Мы с ним за несколько часов объехали город. Я видел там казино, где ведется азартная игра, но она меня не интересовала. Я уехал поездом в Марсель, где сел на пароход «Мултан», который был нашим сборным пунктом: там я встретился с Хариджи и с другими своими коллегами. Путешествие могло бы быть приятным, но оно омрачилось новым приступом астмы, вызванной морским ветром. Однако когда во второй неделе сентября 1928 года мы прибыли в Бомбей, я уже поправился.

КОМИССИЯ САЙМОНА

Из Бомбея я отправился в Ахмадабад, где пробыл два дня с Гандиджи, а затем уехал в Патну. За время моего отсутствия произошли два события: первое — в Бардоли началась кампания отказа от уплаты налогов и сборов, и второе — из представителей всех партий был создан комитет во главе с Мотилалом Неру для разработки конституции Индии.

Бардолийская сатьяграха была очень успешной, хотя правительство принимало все меры для ее подавления. Гандиджи одобрил и благословил эту кампанию, но вся ответственность за ее проведение легла на сардара Валлабхаи Пателя. Он проявил при этом изобретательность, терпение и большое мужество. В кампании участвовало только население Гуджарата: Конгресс просил остальных индийцев не включаться в нее, но не отказывался от той помощи, которую они могли оказать. Эта кампания стала образцом сатьяграхи для всей страны. Ее идея заключалась в том, что если люди объединены и готовы к жертвам, они могут, строго соблюдая принцип ненасилия, принудить даже сильное правительство прислушаться к их голосу. Сардар сумел на территории одного *талука* наглядно продемонстрировать то, чего народ ждал еще с 1921 года. Теперь люди стали думать о том, чтобы распространить бардолийский опыт на всю страну. Таким образом, эта сатьяграха подготовила почву для кампании 1930 года.

Мадрасская организация Конгресса создала межпартийный комитет, на который была возложена задача разработать для Индии конституцию. Комиссия Саймона подвергалась всеобщему бойкоту, но все еще продолжала свою деятельность, и межпартийная комиссия считала, что одной лишь критики этой комиссии недостаточно и надо подготовить согласованный конституционный план. Комитет Неру, получивший свое название потому, что его возглавлял Мотилал Неру, подготовил проект конституции, согласованный с представителями всех партий. Разногласия имелись лишь по нескольким маловажным вопро-

сам. Предполагалось поставить проект конституции на утверждение межпартийной конференции и провести ее в Калькутте одновременно с очередной сессией Конгресса, председателем которой был избран пандит Мотилал Неру.

Когда я вернулся в Индию, по всей стране шло обсуждение доклада комитета Неру. Этот план объявлял политической целью Индии достижение статуса доминиона, и поэтому такие конгрессисты, как Джавахарлал Неру, Субхас Чандра Бос и Шринаваса Иенгар, были недовольны.

Через несколько дней после моего прибытия в Бомбей комиссия Саймона вернулась в Индию и начала поездку по провинциям, которые она еще не посетила. В Пенджабе Лалла Ладжпат Рай принял участие в демонстрациях, проводившихся против этой комиссии. Полиция избивала демонстрантов дубинками, и Лалла был сильно избит. Он долго находился в тяжелом состоянии и так и не оправился. В Соединенных провинциях во время разгона демонстрантов был избит дубинками Джавахарлал Неру. Таким образом, комиссия Саймона стала ассоциироваться с полицейскими дубинками. Теперь ожидалось прибытие этой комиссии в Патну.

В Бихаре за время моего отсутствия тоже произошли два важных события. Председатель Высшего суда Патны сэр Кауртни Тирелл привлек к ответственности редактора конгрессистской ежедневной газеты «Серчлайт» за неуважение к суду, выразившееся в отрицательной оценке одного из вынесенных им решений. Дело получило огромный резонанс, и такие видные юристы, как пандит Мотилал Неру, сэр Тедж Бахадур Сапру и Сарат Чандра Бос, выступили в качестве защитников обвиняемого. Патна была сильно возбуждена, напряженно следя за процессом. Однако газета проиграла процесс и была присуждена к небольшому штрафу.

Сэр Ганеш Датта Синг, являвшийся с 1921 года министром бихарского кабинета и в результате противодействия Конгресса с трудом переизбранный членом Законодательного собрания, застал обиду на Конгресс. Он хотел вознаградить того господина, который снял свою кандидатуру в одном из избирательных округов Гаи, и тем самым дал ему возможность без конкуренции быть избранным в Законодательное собрание Бихара. И вот после многочисленных маневров сэр Ганеш добился того, что Ануграх Нараян Синха был смещен с поста председателя Гайского окружного управления, и помог своему приятелю занять место Синхи.

Бихарские конгрессисты были очень возмущены смещением Ануграх Нараян Синхи. Мы подозревали, что все это было подстроено для комиссии Саймона, которая должна была вскоре

прибыть в нашу провинцию. Правительство явно стремилось доказать, что, какие бы права ни предоставлялись индийцам, они не используются должным образом. В качестве доказательства предполагалось сослаться на богатейшее окружное управление Бихара — Гайское, дела которого изображались в самом плачевном состоянии. Это вызвало по всей провинции широкую кампанию разоблачения маневров правительства. В Гае состоялся митинг, в котором я участвовал, и мы решили разобратся в обвинениях, выдвигавшихся против Гайского окружного управления. Было установлено, что все они несостоятельны. Затем за два дня до прибытия комиссии Саймона мы созвали в Патне Политическую провинциальную конференцию под председательством Ануграх Нараян Синхи. Председателем Организационного комитета был д-р Саччидананда Синха. Конференция прошла с большим успехом.

Специальный поезд, которым ехала комиссия Саймона, должен был подойти к разукрашенной платформе, на которую в свое время прибыл принц Уэльский, когда совершал поездку в Патну. Были сооружены деревянные заграждения, чтобы собравшаяся публика не переходила за определенную черту.

Вечером, перед прибытием комиссии, д-р Саччидананда Синха пригласил меня к себе. У него я увидел генерального инспектора полиции Суэйна. Д-р Синха сказал, что пригласил меня по просьбе Суэйна для обсуждения вопроса о предстоящем на следующий день прибытии комиссии Саймона. Суэйн заявил, что он не хочет повторения в Бихаре таких инцидентов, какие произошли в Пенджабе и Соединенных провинциях, и что он был бы рад, если бы были найдены какие-то средства избежать столкновений между демонстрантами и полицией. Я ответил, что население не вооружено и будет вести себя миролюбиво, не прибегая к насилию, и если что-нибудь случится, ответственность за это ляжет на другую сторону. Суэйн заверил меня, что он со своей стороны ничего не допустит, однако выразил опасение, что при таком большом стечении народа даже малейший пустяк может, подобно искре, вызвать беспорядки. Поэтому, добавил Суэйн, он считает опасным скопление у вокзала слишком большого числа масс народа. Я попросту ответил ему, что ничего не могу поделать. Он спросил, какова может быть численность толпы, и я неуверенно сказал — десять тысяч человек. Я назвал такую небольшую цифру, ибо опасался, что в такой ранний час — в половине седьмого холодным декабрьским утром — у вокзала может не собраться большая толпа. Тогда генеральный инспектор спросил, можно ли отделить участников демонстрации протеста от сторонников комиссии. Я сейчас же ухватился за эту мысль и предложил, чтобы на той стороне

железнодорожного полотна, которая примыкает к платформе, находились сторонники комиссии, а на противоположной — демонстранты. Мне потому понравилась эта мысль, что таким образом ярко выявлялась разница в численности обеих групп.

На следующее утро конгрессисты встали в три часа ночи и провели по городу *«прабхар фери»*. Вскоре показались огромные толпы, направлявшиеся к вокзалу. К шести часам на северной стороне разукрашенной платформы собралось около 30 тысяч человек, а на другой — человек двести, преимущественно чиновники и их прислужники, и это несмотря на то, что по всему городу разъезжали автомобили и автобусы, чтобы собирать народ! Некоторые из тех, кого привезли на автобусах как сторонников комиссии, потихоньку перешли на нашу сторону.

Перед самым прибытием комиссии Саймона генеральный инспектор Суэйн увидел меня и подошел поговорить. Он был очень доволен нашей организованностью и порядком и поздравил меня. Я спросил, не ошибся ли я в оценке численности толпы. Он ответил, что она гораздо больше, чем я предполагал. Я сказал, ему, что подлинная причина, по которой было принято его предложение отделить друг от друга две группы, заключалась в том, чтобы ясно продемонстрировать численность каждой из них, и он рассмеялся. Итак, все сошло мирно, и не было никаких происшествий, кроме размахивания черными флагами и возгласов: «Саймон, вон из Индии!» Однако всюду начиналось большое пробуждение.

КАЛЬКУТТСКАЯ СЕССИЯ КОНГРЕССА И МЕЖПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Межпартийная конференция состоялась в Калькутте. Я был на ней в основном молчаливым наблюдателем. На одном вечернем неофициальном заседании, посвященном обсуждению индусско-мусульманской проблемы, Мухаммад Али Джинна выставил два требования: он хотел, чтобы мусульманам была выделена треть мест в Центральном законодательном собрании и чтобы были расширены права провинций. Дискуссия длилась до поздней ночи, но большинство делегатов высказалось против предложения Джинны. На пленарном заседании маулана Мухаммад Али предложил несколько поправок к общей резолюции, одобрявшей доклад Неру, но они тоже были отвергнуты большинством голосов. Конференция закончила свою работу, так и не достигнув договоренности с мусульманами.

Результатом этого было то, что вскоре мусульмане созвали сепаратную межпартийную конференцию. Многие мусульмане-конгрессисты приняли в ней участие, присутствовали, в частности, братья Али и маулана Мухаммад Шафи. Это свидетельствовало об отходе от Конгресса влиятельной мусульманской группы и оказало весьма отрицательное воздействие на индийские дела в последующие годы. Вскоре после этого Мухаммад Али Джинна выдвинул от имени мусульман свои *четыренадцать пунктов* и заявил, что принятие этих «минимальных» требований является основным условием компромисса.

На Калькуттской сессии Конгресса 1928 года, председателем которой был пандит Мотилал Неру, разгорелись горячие споры по поводу определения понятия «свараджа», содержащегося в докладе комитета Неру. Джавахарлал Неру, Субхас Чандра Бос и Шринаваса Иенгар настаивали на том, чтобы целью Конгресса была объявлена полная независимость, другие же стояли за сохранение слова «сварадж» и считали, что ему можно будет давать такое толкование, какого потребуют обстоятельства. Доклад комитета Неру был составлен, исходя из

того, что Индия ставит себе целью получение статуса доминиона, и это не могло быть иначе, поскольку в составлении доклада главную роль сыграли такие деятели либерального направления, как сэр Тедж Бахадур Сапру. Кроме того, в противном случае доклад не был бы приемлем для межпартийной конференции.

Махатма Ганди стоял за принятие доклада Неру, но он всегда был готов выслушать противоположную точку зрения. После прений Гандиджи достиг компромисса с главными сторонниками полной независимости. В связи с этим в редакционную комиссию была внесена новая резолюция, в которой говорилось, что целью Конгресса остается статус доминиона при условии, что английское правительство в течение года примет доклад Неру, в противном случае целью будет считаться полная независимость. Все полагали, что вопрос улажен, но на следующий день Субхас Чандра Бос заявил, что он не может принять это предложение. Махатма Ганди был опечален, ибо только накануне вечером Бос соглашался с ним. Видимо, он взял назад свое согласие потому, что сторонники Боса отказались поддерживать его. Однако Джавахарлал Неру и Шринавас Иенгар хотя и неохотно, но проголосовали за компромиссную резолюцию, и в конечном счете она была принята Конгрессом.

Из прений в редакционной комиссии было ясно, что некоторые недовольны политикой Гандиджи. Коммунисты, возглавленные Нимбкарром и Джоглекарром, выступали с резкой критикой Гандиджи. Однажды во время работы сессии калькуттские рабочие организовали огромное шествие, направившееся к пандалу, где проходили заседания. Думали, что рабочие хотят сорвать заседание, но в действительности они такого намерения не имели, и, когда Гандиджи поговорил с ними, они спокойно удалились.

У делегатов Бихара возникли некоторые трения с Организационным комитетом по поводу помещения, в котором их разместили, и они коллективно отказались участвовать в работе сессии. Узнав об этом, Субхас Бос лично занялся этим вопросом, устранил причину недовольства бихарских делегатов и убедил их остаться.

Меня тревожили сомнения относительно целей Конгресса, установленных Калькуттской сессией. Я был поклонником английской конституции и полагал, что даже доминион, входящий в Британское Содружество Наций, обладает полной свободой в ведении своих дел, и поэтому считал, что статус доминиона вполне подходит для нас. Полная независимость, без сомнения, придает стране некоторый престиж, но ведь в конечном счете каждому государству приходится вступать в какие-то

отношения или связи с другими странами, чтобы мир был избавлен от непрерывных конфликтов. Британское Содружество Наций является осуществлением такой идеи, а именно объединением свободных государств, и я не видел беды в том, чтобы быть его членом, к тому же вхождение в Содружество давало некоторые преимущества. Кроме того, поскольку мы не имели возможности принудить английское правительство предоставить Индии полную независимость, я не видел оснований для того, чтобы Конгресс объявил это своей целью. Поэтому на сессии Конгресса в Мадрасе я выступал против резолюции о полной независимости.

Бывали случаи, когда меня глубоко возмущало отношение к индийцам в английских доминионах, и тогда я считал, что не следует иметь ничего общего с подобным Содружеством. Однако А. Б. Кейс и резолюция имперской конференции 1926 года убедили меня в моей неправоте, и я подумал, что когда Индия получит статус доминиона, ее граждане будут пользоваться в остальных доминионах Содружества равными с другими правами. Поэтому статус доминиона казался мне подходящей для нас целью, а требование полной независимости, по моему мнению, только увеличило бы наши трудности. В то время я не соглашался с мнением Джавахарлала Неру, что статус доминиона предназначен в основном для людей одной расы, для тех, кто имеет с Англией социальные, религиозные и культурные связи, а поскольку у нас таких связей с англичанами нет, они не предоставят нам статуса доминиона, и, даже в том случае если мы его получим, он не будет удовлетворять нас. Я был проникнут идеями Гокхале, который, когда мы с ним познакомились в Калькутте в 1910 году, сказал, что в Британском Содружестве Наций все его члены обладают одинаковым статусом и в одинаковой мере участвуют в определении его политики; следовательно, когда Индия станет доминионом, то в результате большой численности ее населения она будет обладать решающим голосом в решении дел Содружества. Вот почему я придерживался мнения, что, если Индия получит статус доминиона и равные права с другими доминионами Содружества, нам нечего больше требовать.

После Калькуттской сессии Конгресса Гандиджи начал принимать более активное участие в работе Конгресса. Он всегда считал, что одной из причин нищеты Индии является английская монополия в области текстиля, которая привела к фактическому исчезновению прялки, предоставлявшей прежде миллионам индийцев средства к существованию. Поэтому он хотел возродить ручную прялку и ручной ткацкий станок, и по этой причине он придавал такое большое значение

кхади. Многие думали, что бойкот иностранных тканей относится только к английским изделиям, но Гандиджи хотел, чтобы бойкот распространялся на товары всех иностранных государств. Другие полагали, что, поскольку мы находимся в конфликте с английским правительством, бойкот английских товаров имеет целью принудить его выполнить наши требования. Однако Гандиджи считал такой бойкот направленным к принуждению и, следовательно, насильственным и осуждал его. В противоположность другим Гандиджи хотел, чтобы в индийской деревне снова процветала кустарная текстильная промышленность.

Поэтому после Калькуттской сессии Конгресса Гандиджи вдохнул новую жизнь в движение свадеши. Он делал главный упор на применение чаркхи и ручного ткацкого станка. Был создан комитет для осуществления бойкота всех иностранных тканей. Развернулась пропаганда, и страну снова охватил подъем.

В ряде мест Гандиджи организовал сожжение иностранных тканей. Однажды в Калькутте, куда Гандиджи прибыл по пути в Бирму, он по окончании массового митинга призвал его участников сжигать иностранные ткани. Люди стали снимать с себя рубашки и пиджаки и бросали их в быстро возраставшую кучу одежды, которая вскоре была подожжена. Полиция, ранее запретившая сожжение одежды, погасила огонь после окончания митинга. На следующий день Гандиджи был арестован, и против него было возбуждено в окружном суде дело по обвинению в нарушении запрета. Адвокат, защищавший Гандиджи, заявил, что процесс является незаконным, но судья Розебург, ставший позднее членом Верховного суда, отклонил его доводы и приговорил Махатму к штрафу в размере одной рупии. После окончания слушания дела Гандиджи уехал в Рангун и вернулся в Калькутту, чтобы выслушать приговор.

Во время пребывания Гандиджи в Калькутте произошел один неприятный случай. В нашей провинции еще с 1921 года принимал участие в организации производства кхади Рам Бинод Синха. Он прекрасно работал, и ему был предоставлен заем в размере 25 тысяч рупий на выполнение его планов. Деньги он использовал хорошо, и производство быстро развивалось. К сожалению, в дальнейшем у Рам Бинод Синхи возникли недоразумения с его сотрудниками: последние считали, что он рассматривает созданное им предприятие как свою личную собственность. Ачария Крипалани, который ранее рекомендовал предоставить Рам Биноду Синхе заем, придерживался того же мнения и высказался за то, чтобы потребовать возвращения доверенных ему сумм. Поскольку я был агентом бихарского от-

деления «Чаркха сангх», взыскание этих денег входило в мои обязанности. Секретарь этого отделения г-жа Лакшми Нараян предложила Рам Бинод Синхе представить свою отчетность. Они не договорились между собой, и дело дошло до Гандиджи, который послал Сатиш Чандра Дас Гупту произвести обследование.

Сатиш Чандра Дас Гупта разобрал это дело в Калькутте, куда Лакшми Нараян и Рам Бинод Синха переслали ему свои документы. Когда доклад Гупта был представлен Гандиджи, меня ждал удар. Оказывается, Сатиш Чандра высказался по вопросу, которого ему не поручали: он заявил, что дела бихарского отделения «Чаркха сангх» велись неумело и плохо. Я был очень удручен этим выводом, выразил свое неудовольствие Махатме Ганди, который только что вернулся из Бирмы, и просил его лично ознакомиться с отчетностью. Я сказал ему, что на одной стороне находится «Чаркха сангх», руководимая честными и самоотверженными работниками, а на другой — Рам Бинод Синха, способный и дельный работник, много сделавший для внедрения кхади, но которого обвиняют в том, что он считает предприятие, созданное им на общественные деньги, своей личной собственностью. Я подчеркнул, что о плохом ведении дел нет и речи, и единственным спорным вопросом является сумма, которую следует взыскать с Синхи.

Махатма Ганди успокоил меня, сказав, что он снова лично разберется в вопросе. Через некоторое время он поручил это дело Нараяндасу Ганди, который одобрил отчетность, представленную бихарским отделением «Чаркха сангх». Гандиджи предложил Рам Бинод Синхе посетить его и опровергнуть выводы Нараяндаса Ганди. Для этого был назначен день. Но дело дальше не пошло: Гандиджи понял, что мы были правы.

Я считаю этот эпизод прискорбным, потому что пришлось привлечь к ответственности человека, столь близкого мне, — Рам Бинод Синху. Я знал его еще студентом в Бхагалпуре во время первой мировой войны. Во время сатьяграхи в Чампане наше знакомство превратилось в дружбу. В период движения гражданского неповиновения и когда мы развернули работу по внедрению кхади, я восхищался его деловитостью и преданностью долгу. Меня огорчило и то, что такой человек, как Сатиш Чандра Дас Гупта, который принес на благо страны почти ни с чем не сравнимые жертвы и которого я глубоко уважал и почитал, дал такой отрицательный отзыв о бихарском отделении «Чаркха сангх».

РАЗДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА КАТЕГОРИИ

В 1929 году началось пресловутое дело о заговоре в Лахоре. Одним из главных обвиняемых был Бхагат Синг. Судебное разбирательство затянулось надолго, и в это время обвиняемые объявили голодовку в знак протеста против обращения, которому они подвергались в тюрьме. Голодовка была продолжительной, и один из обвиняемых, Джатиन्द्रа Натх Дас, скончался после двухмесячной голодовки. Его тело было выдано друзьям, и они отвезли его поездом из Лахора в Калькутту. На станциях, через которые проходил поезд, собирались огромные толпы людей, желавших отдать последний долг мученику. Вся Индия поднялась, охваченная патриотическим порывом. Повсюду выражалось возмущение жестоким обращением с заключенными. Смерть заключенного и агитация возымели действие, и правительство провело в тюрьмах некоторые реформы, главным образом в отношении политических заключенных. Было решено разделить политических заключенных на три категории в зависимости от общественного и имущественного положения, а также образовательного уровня. Этот план был проведен в жизнь во время сатьяграхи 1930 года. В категорию «А» попали лишь немногие, в категорию «Б» — несколько больше, а подавляющее большинство было отнесено к низшей категории В. Правительство отказалось удовлетворить требование, чтобы все политические заключенные рассматривались как особая категория и были поставлены в одинаковое положение.

Разделение заключенных на категории было для нас злом. Конечно, верно, что, когда с человеком, привыкшим к высокому уровню жизни, обращаются как с обычным заключенным, он значительно больше страдает от этого и тем самым здесь нарушается принцип равного наказания за одинаковое преступление. Возможно, что власти стремились уменьшить такого рода страдания или вообще прекратить их. Но деление на категории не могло не вызвать среди политических заключенных недовольство и даже возмущение, поскольку люди, вместе

работавшие на свободе, ставились в тюрьме в различные условия: одни спали на койках, получали лучшую пищу, им разрешали больше свиданий с друзьями и родными, другие же оказались на положении обычных уголовных преступников: им приходилось вместе с ними спать на полу и питаться отвратительной тюремной пищей.

Среди заключенных, попавших в категорию В, возникло большое недовольство; многие из них завидовали тем, кто был отнесен к первым двум категориям, хотя деление на категории было произведено вовсе не по настоянию этих последних. Однако большинство заключенных категории В оказалось благородными и преисполненными общественного сознания людьми: они сумели оценить по достоинству тот факт, что другие заключенные не были причастны к классификации. Они поняли, что власти отнесли заключенных к той или иной категории совершенно произвольно, точно так же, как за одно и то же правонарушение один человек может быть присужден к трем месяцам тюрьмы, а другой — к трем годам.

Гандиджи всегда придерживался того мнения, что все заключенные должны находиться в одинаковых условиях. Он считал, что, если политические заключенные образуют особую категорию, другие заключенные по-прежнему останутся в пренебрежении. Поэтому он был сторонником агитации за улучшение условий для всех заключенных. Такой же линии он придерживался и во время своих поездок по стране. Он всегда ездил третьим классом и желал, чтобы другие следовали его примеру, для того чтобы условия путешествия в третьем классе могли улучшиться. Однако не все конгрессисты разделяли его мнение, и наша агитация ни к чему не привела.

Когда я впервые попал в тюрьму, я был против того, чтобы заключенные вели борьбу, считая, что это дело тех, кто находится на свободе. Но впоследствии я пришел к убеждению, что положительные результаты дает только борьба самих заключенных. Последующий жизненный опыт подтвердил это мнение: все изменения в условиях содержания заключенных, даже самые незначительные, всегда были результатом их собственной борьбы.

До этого времени я никогда не проявлял интереса к рабочему вопросу: я был слишком поглощен политической деятельностью, чтобы брать на себя дополнительную нагрузку. Да и вообще ни один политический деятель Бихара не интересовался организацией профсоюзной работы в провинции. В Джхари и Джамшедпуре профсоюзной работой занимались люди из других районов. Я изредка приезжал в Джамшедпур в связи с

конгрессиетской деятельностью, но не уделял внимания рабочему вопросу.

В 1928 году рабочие «Тата айрон энд стил компани» объявили забастовку. Во время этой забастовки Субхас Чандра Бос, председатель «Маздур сангх», приехал в Джамшедпур и вступил в переговоры с администрацией компании; вскоре был достигнут компромисс. Но у Субхаса Боса был соперник в лице местного профсоюзного руководителя Манека Хоми, который не соглашался на компромисс. При поддержке части рабочих он создал другую «Маздур сангх» и начал всячески чернить Субхаса Боса. Поскольку соглашение уже было достигнуто, компания не находила нужным считаться с Хоми. В результате возник раскол среди рабочих, который так и не был ликвидирован.

В это же время началась забастовка на другом джамшедпурском заводе, принадлежавшем компании «Тин плейт». Администрация заняла непримиримую позицию и отказывалась вести переговоры с рабочими. Тогда последние обратились за помощью к Субхасу Босу. Он отправился в Джамшедпур; в помощь ему туда же приехал мой друг Абдул Бари. Субхас Бос написал мне письмо с просьбой заняться этим вопросом. Будучи убежден в том, что дело рабочих правое и что я должен уделять некоторое время рабочим моей собственной провинции, я поехал в Джамшедпур разобраться в вопросе. С этого времени вся ответственность за проведение забастовки легла на наши с Абдул Бари плечи. Забастовка продлилась десять месяцев, и я несколько раз ездил в Джамшедпур. Я указывал правительству, что на основании закона о трудовых конфликтах вопрос должен быть передан на арбитраж, однако правительство не соглашалось со мной. Тогда я встретился с главным секретарем бихарского правительства и членом Исполнительного совета при губернаторе. Они сказали мне, что считают забастовку неправомерной и необоснованной и что профсоюзный лидер Манек Хоми тоже был против забастовки. Теперь властям было уже выгодно согласиться с Хоми, поскольку они ничего не хотели делать для оказания помощи рабочим. Таким образом, наши усилия, направленные к урегулированию вопроса, закончились полной неудачей: после десяти месяцев забастовка была прекращена. Многие рабочие так и не вернулись на свои места, а те, кто хотел вернуться, не были приняты компанией.

ПОЕЗДКА В БИРМУ

Когда я возвращался из Англии с Харихар Прасад Синхой, он выразил пожелание, чтобы я посетил Зиявади — его поместье в Бирме. Мне тоже очень хотелось поехать в Бирму, но в 1928 году это желание осуществить не удалось. В 1929 году Хариджи сам поехал в Бирму, и это дало мне возможность тоже отправиться туда. К тому же я получил еще одно приглашение, и именно оно было главной причиной моей поездки в Бирму.

Отец Хариджи купил землю в Бирме, перевез туда много бихарских батраков и поселил их на этой земле. Его примеру последовал один владелец индиговых плантаций из Шахабада по фамилии Милн — он тоже отправился в Бирму с большим числом батраков и обосновался там. Хариджи и Милн стали крупными помещиками. Они вырубали джунгли, кишевшие дикими зверями, и сделали землю пригодной для обработки. Это потребовало больших затрат, но позднее они стали окупаться. Урожай сахарного тростника и других культур на этой земле были весьма богатыми, и оба помещика получали большие доходы. Поместье Хариджи называлось Зиявади, а поместье Милна — Кьянтага. Как раз в это время среди арендаторов Кьянтаги возникло недовольство, и, поскольку они слышали, что я участвовал вместе с Гандиджи в сатьяграхе, проводившейся в Чампаране, они просили меня приехать к ним и уладить спор. Я согласился и в сопровождении Матхура Прасада отправился в ноябре 1929 года в Рангун.

Когда наше судно подходило к Рангуну, мы с трепетным волнением увидели появившиеся на горизонте золотые башни и минареты рангунских пагод. В Рангуне нас встретили очень гостеприимно и на митинге вручили мне приветственный адрес. В своей ответной речи я говорил о многочисленных узах индо-бирманской дружбы. В прошлые времена Индия тоже обладала заморской империей, но, в противоположность современным империям, она не была основана на насилии и не под-

держивалась вооруженной силой. Основой этой империи была религия. Индия была связана с соседними странами тончайшими нитями общей философии; все эти страны были равноправными, ни одна из них не господствовала над другими. Буддизм вышел за пределы своей родины Бихара и самой Индии и приобрел большее число последователей, чем любая другая религия мира. Места, где Будда родился, где на него снизошло просветление, где он проповедовал и где достиг *маханаринирваны*, стали центрами паломничества и являются священными для буддистов всего мира. Все буддисты относятся к нам с уважением, потому что Будда родился в нашей стране. Ни одна империя никогда не могла получить такой дани любви и благоговения от других народов.

Я поехал в Кьянтагу, пробыл там некоторое время, встретился с помещиком Милном, а также с райятами, пытаюсь уладить их спор. Я достиг бы успеха, если бы не инструкции из Лондона, которые испортили все. Соглашение так и не было достигнуто, но позднее крестьянам удалось добиться некоторого облегчения своего положения.

У крестьян Зиявади тоже были жалобы, но благодаря такту, проявленному Хариджи, их недовольство было не очень сильным. Поэтому здесь наша работа была легче, и я объехал все селения, которые почти в точности походили на бихарские. Люди совсем не изменились: они говорили на наречии бходжпури, одевались, как бихарцы, и жили так же, как они. Я видел зеленые поля там, где раньше были непроходимые леса, и мое восхищение Хариджи еще больше увеличилось. Он поселил на этих землях тысячи бихарцев, которые здесь процветали, и сам получал ежегодно несколько сот тысяч рупий дохода. Местное население, так же как и индийцы, занимавшееся в Рангуне коммерческой деятельностью, передавало мне свои пожертвования на Бихарский видьяпитх.

В Рангуне тоже жило много бихарцев. К моему удивлению, там ко мне явился один мой бывший слуга, уроженец Зерадеи. Он находился здесь в услужении и, узнав о моем приезде, захотел повидаться со мной. В городе насчитывалось также довольно большое число гуджаратцев и марвари, занимавшихся коммерческой деятельностью, а в сельской местности можно было встретить немало переселенцев из Южной Индии, которые занимались ростовщичеством. Особенно много было членов касты *четти*. Многие выходцы из Андхры, подобно бихарцам, занимались земледелием.

Как раз в это время в Бирму приехал Нагесварарао Пантулу из Андхры. Бирманцы и индийцы, занимавшие видное общественное положение, устроили для нас обоих прием, на кото-

ром присутствовали мэр Рангуна и один англичанин, ставший впоследствии спикером Законодательного собрания Бирмы.

Я был поражен, увидев, что все эти люди, в том числе и англичане, ели сидя на полу и поджав под себя ноги. Нигде, кроме ашрама Гандиджи, я не видел, чтобы европейцы сидели или принимали пищу на индийский манер. Обычно мы, приглашая к себе на обед иностранца, устраиваем так, что ему подают те блюда, к которым он привык, и подают их по-европейски. Но даже с точки зрения самого иностранца это не имеет никакого смысла: он приехал в нашу страну не для того, чтобы есть ту пищу, которую ежедневно принимает у себя дома. Почему бы ему не узнать, что едим мы и каковы наши обычаи? Я убежден, что иностранцы, которые хотят узнать кое-что об Индии и индийцах, должны желать, хотя бы они и не говорили об этом, чтобы, когда их приглашают, им подавались индийские блюда по индийским обычаям. Но мы почему-то стыдимся показывать иностранцам наши обычаи и наш образ жизни. Вот почему то, что я увидел в Рангуне, показалось мне достойной одобрения переменной.

Через несколько дней я отправился в Калькутту. На борту судна у меня начался сильный приступ астмы. Врач сделал мне несколько уколов, которые облегчили мои страдания. Высадившись в Калькутте, я отправился к своему другу, адвокату Джогендранараян Маджумдару. Я решил пробыть в Калькутте три дня, отдохнуть и подлечиться, а затем отправиться в Монгхир на Политическую конференцию провинции Бихар, председателем которой меня избрали. До этого я лечился у аллопатов, вайдьев и хакимов, но мой друг посоветовал мне попробовать гомеопатию, и я согласился. Пригласили старого гомеопата, которому мой друг очень доверял. Осмотрев меня, врач сказал, что возьмется меня лечить лишь в том случае, если я обещаю в течение некоторого времени выполнять его предписания и в этот период не принимать никаких других лекарств. Кроме того, он предупредил меня, что болезнь может обостриться, однако я не должен пугаться, поскольку это будет хорошим симптомом. Когда я принял его условия, он дал мне какое-то лекарство и повторил, что в течение двух месяцев я не должен принимать ничего другого. Полностью уверовав в него и полагая, что через два месяца я излечусь, я обещал выполнять его предписания.

В Калькутте я написал текст моей вступительной речи и через три дня выехал в Монгхир. Но в пути я простудился и ко времени прибытия на место снова заболел и не смог принять участия в Политической конференции. Текст моей речи был зачитан кем-то от моего имени. Поскольку через три недели дол-

жна была открыться Лахорская сессия Конгресса и велись горячие споры относительно целей партии, я коснулся в своей речи этого вопроса и высказался за требование статуса доминиона. Я был настолько тяжело болен, что даже не мог осознать в то время, какую же резолюцию приняла Политическая конференция провинции Бихар, проходившая в Монгхире. Лишь позднее я узнал об этом, а также о том, что меня избрали председателем Бихарского провинциального комитета Конгресса.

Я думал, что внезапное обострение моей болезни было той самой реакцией на данное мне гомеопатом лекарство, которую он предсказал, и поэтому не принимал никаких других медикаментов, надеясь, что через два месяца все будет хорошо. Но эта надежда так и осталась надеждой. Брат отвез меня в Патну, где меня осмотрел д-р Баннерджи, а д-р Шхани Мукерджи сделал рентгеновский снимок легких. Оба они встревожились, но я настаивал на своем решении не принимать никаких других лекарств. Мы поддерживали постоянную связь с калькутским гомеопатом, и он продолжал успокаивать нас, заверяя, что оснований для беспокойства нет и что никакие другие лекарства не нужны. Наступил день, когда врачи в Патне решили, что, если назавтра не наступит улучшение, мое состояние может стать угрожающим, и заявили, что не могут больше допустить, чтобы моя судьба зависела от врача, живущего в Калькутте. Узнав об этом, гомеопат решил приехать в Патну, прописав пока что лекарство, которое, как я узнал позднее, было обыкновенной водой. Когда он приехал, врачи из Патны сочли, что теперь они избавлены от всякой ответственности. Гомеопат пробыл с нами два дня, но не прописал никаких медикаментов. Внезапно здоровье мое улучшилось, и через три дня температура стала нормальной. Рентген показал, что мои легкие чисты.

Поскольку я был еще не вполне здоров, нечего было и думать о поездке на Лахорскую сессию Конгресса, и я отправился в Зерадеи. Около двух месяцев я пробыл дома со своим другом Сатишем Чандра Мукерджи. Мы читали в газетах сообщения о сессии Конгресса и обсуждали политическое положение. За это время я написал брошюру о ненасилии и дал ее прочитать Сатишу Чандра Мукерджи. Она так ему понравилась, что он обещал взять ее с собой в Бенарес и опубликовать. Вскоре после этого началась сатьяграха, и я был так занят ею, что совершенно забыл о брошюре.

Во время моего вынужденного пребывания в Зерадеи у меня был и другой компаньон — маленький сын моего племянника Джанардана Прасада, родившийся в начале того же года. Отец мальчика был так рад сыну, что очень пышно отпраздновал

его рождение. Он потратил массу денег на религиозные и другие церемонии и роздал слугам новую одежду. Это был красивый ребенок, и мы все очень любили его. Он развлекал нас с Мукерджи в минуты, когда нам становилось скучно. Но этому мальчику не была суждена долгая жизнь: на шестом году, через два месяца после смерти моего брата, он тоже скончался в Патне от тифа. Мы были все так подавлены горем, что долго не могли оправиться. Когда в 1941 году у Мритьюнджайи родился сын, я запретил какие бы то ни было торжества.

Во время работы Лахорской сессии Конгресса в селении Фаридпур (Чапра) скончался после непродолжительной болезни Мазхарул Хак. За несколько лет до этого он уехал из Патны и поселился в Фаридпуре в принадлежавшем ему бунгало с садом из манговых деревьев. Смерть сына, утонувшего в реке, привела его в крайне подавленное состояние, и он проводил время за чтением спиритуалистических книг. У М. Хака собралась целая библиотека такого рода литературы. Он стал безразличен к окружающему и жил, как отшельник. Узнав о его смерти, я поехал в Фаридпур и выразил соболезнование его жене. Все мы были сильно потрясены его кончиной и почувствовали себя беспомощными, потому что больше не существовало борца за индусско-мусульманское единение. В Патне состоялся митинг, на котором было решено соорудить покойному вождю достойный его памятник, но, к сожалению, это решение и поныне не выполнено. Я предложил построить в память о Мазхарул Хаке общественное здание, но и в этой области мало что сделано, хотя для строительства уже приобретен участок земли, но до сих пор даже не заложен фундамент здания.

СОЛЯНАЯ САТЯГРАХА

В 1929 году вице-король Индии лорд Ирвин поехал в Англию обсудить сложившееся в Индии положение с находившимся в то время у власти лейбористским правительством. Премьер-министром был Рамсей Макдональд, а министром по делам Индии — Веджвуд Бенн. По возвращении лорд Ирвин сделал заявление в том смысле, что декларации об английской политике в отношении Индии подразумевают предоставление ей статуса доминиона. Он намекнул на возможность проведения в Англии конференции круглого стола для рассмотрения индийского вопроса. Это заявление, по-видимому, было ответом на резолюцию Калькуттской сессии Конгресса, содержавшей требование предоставить Индии статус доминиона в течение года.

Если правительство полагало, что заявление лорда Ирвина рассеет сомнения народа и улучшит положение, то этим надеждам не суждено было оправдаться. Заявление было самым тщательным образом проанализировано в печати, и начались ярые споры. Либералы, видимо, были удовлетворены им, но Конгресс считал, что правительство не сделало никакого ясного предложения, и снова выдвинул требование, содержавшееся в калькуттской резолюции. Было решено добиваться от правительства разъяснений.

Накануне Лахорской сессии Конгресса, которая состоялась в декабре 1929 года и председателем которой был Джавахарлал Неру, Махатма Ганди и Мотилал Неру встретились с лордом Ирвином. В результате переговоров нашим руководителям стало ясно, что толкование заявления, данное Конгрессом, было правильным и что до статуса доминиона еще очень далеко. Те, кто думал, что все уже в порядке, были введены в заблуждение словами лорда Ирвина, будто бы Индии уже предоставляется статус доминиона. Для нас это было доказательством того, что все заявления английского правительства следует читать и перечитывать, изучать и анализировать спокойно, бесстрастно и реалистически, и за это мы были благодарны лорду Ирвину.

Таким образом, Лахорская сессия Конгресса была вынуждена объявить нашей целью полную независимость. Соответствующая резолюция была принята единогласно. Кроме того, сессия дала организациям партии по всей стране указание подготавливать народ к сатьяграхе для достижения полной независимости. Отмечая повсюду несомненные признаки пробуждения, Конгресс теперь решился взять курс на сатьяграху. Через несколько дней после этого Рабочий комитет призвал страну отметить 26 января — День независимости; в этот день по всей стране надлежало провести митинги, водружать национальный флаг; все должны были дать клятву бороться за достижение независимости.

Декларацию Конгресса, в которой содержался текст этой клятвы, следовало перевести на все местные диалекты, с тем чтобы каждый индеец мог понять ее и произнести вслух. Рабочий комитет ясно указал, что на митингах нужно зачитывать только клятву, слово за словом, а присутствующие должны повторять эти слова и что не следует произносить никаких речей.

Я в это время поправился после болезни и решил 26 января выйти на улицу. Я получил несколько приглашений на митинги, но смог присутствовать только на двух. Побывав на митинге в своем селении, я отправился на автомобиле в Сиван, но тут машина сломалась. Я стоял и думал о том, что ничего не выйдет, но вдруг появился полицейский автомобиль, и офицер был настолько любезен, что предложил подвезти меня, на что я с благодарностью согласился. Я поспел на митинг в Сиване, где клятва была должным образом приспесена.

Программа проведения Дня независимости была выполнена почти во всех городах Индии, и это свидетельствовало о том, что теперь страна была готова сделать большой шаг по пути к достижению независимости. Все говорили о сатьяграхе. Атмосфера была насыщена ожиданием. Люди с нетерпением ожидали сигнала к началу сатьяграхи. Гандиджи подготавливал почву своими статьями, которые вселяли в людей новый дух.

В Сабармати-ашраме было созвано заседание Рабочего комитета для обсуждения вопроса о том, готова ли Индия к сатьяграхе или нет и когда и каким образом она должна быть начата. Некоторые считали, что страна еще не совсем готова. Однако Гандиджи и Джавахарлал Неру придерживались другого мнения и непременно хотели начать сатьяграху как можно скорее. Затем началось обсуждение вопроса, какую форму она должна принять. Гандиджи решительно выступил за нарушение законов о соляной монополии. Он заявил, что соль — необходимый всем продукт, легко получаемый из морской воды и других есте-

ственных источников, и что бедные люди должны пользоваться ею бесплатно, между тем как в действительности народ не имеет возможности получать ее ни по дешевой цене, ни в достаточном количестве. Подобно воде и воздуху, соль должна быть доступной для всех, но правительство закрыло доступ к естественным источникам ее добычи и обложило налогом этот столь насущно необходимый продукт. Затем Гандиджи сказал, что сатьяграха, направленная против законов о соляной монополии, будет легко понята всеми во всем мире и ее сочтут справедливой.

Для Гандиджи было характерно такое провозглашение важного принципа на простом примере. Он считал, что, как только нам удастся нарушить эти несправедливые законы, мы сможем добиться изменения других законов. После трагедии на площади Джалианвала Багх он подчеркивал необходимость справедливости в отношении пострадавших, ибо считал, что если нам удастся добиться справедливости по отношению к этим несчастным людям, то на основе накопленного опыта мы сможем уже бороться с несправедливостью повсюду. Точно так же, говорил Гандиджи, несоблюдением законов о соляной монополии индийцы смогут приобрести достаточную мощь, чтобы добиться от правительства выполнения и других требований.

Многим из нас было трудно согласиться с доводами Гандиджи. Мы не могли понять, как можно рассчитывать на то, что правительство сделает что-нибудь, не будучи к этому вынуждено. Неясно было также, как народ всей страны сможет выступить против законов о соляной монополии. Жители приморских районов легко могли нарушать эти законы, добывая соль из морской воды, но как сделает это большинство индийцев, живущих во внутренних районах страны? Мы знали, что в некоторых местах, например в Соединенных провинциях и Бихаре, соль некогда добывалась из солончаковых почв членами касты *нонья*, которых лишили права выполнять эту традиционную работу с тех пор, как добыча и продажа соли стали государственной монополией. Законы о соляной монополии можно нарушать только в тех местах, где есть возможность добывать соль. Кроме того, вставал вопрос: воодушевит ли народ такая программа и проявят ли к ней интерес образованные слои населения? Каста *нонья* действительно могла бы заняться добычей соли из земли, но некоторые из нас считали, что нехорошо будоражить этих бедных и отсталых людей и втягивать их в сатьяграху. Но Гандиджи был непреклонен. Он был убежден, что соляная сатьяграха — наилучшее из всего, что можно сделать, и выражал уверенность в том, что она воспламенит весь народ.

У меня были сомнения относительно успеха этой программы в Бихаре. Я говорил Гандиджи относительно налога *чоукидари*, который приходилось платить всем и который вызвал в Бихаре всеобщее недовольство. При сборе этого налога беднякам приходилось очень тяжело — часто их имущество описывали и продавали с торгов. Я считал, что отказ от уплаты этого налога был бы лучшей почвой для агитации и нам была бы обеспечена всеобщая поддержка народа. Гандиджи со мной не согласился. Он сказал, что, если мы начнем с отказа от уплаты налога чоукидари, наша кампания будет обречена на провал.

— Давайте сначала выступим против законов о соляной монополии, — говорил он, — а потом, если народ будет охвачен подъемом, мы сможем предпринять кампании и против других налогов.

Я перестал возражать, хотя Гандиджи не полностью убедил меня. Я не понимал, почему мы в Бихаре должны в нарушение законов добывать соль, тогда как совершенно естественным было бы отказаться от уплаты налога чоукидари. Но я верил в опыт Гандиджи в области проведения сатьяграхи, верил в его прозорливость и способность вести за собой людей и поэтому, как всегда, высказал ему свое мнение и, когда он со мной не согласился, изъявил готовность выполнять его указания.

Затем Гандиджи наметил планы своей деятельности. Он решил в определенный день покинуть Сабармати-ашрам и отправиться в поход в Данди — селение, находящееся на морском побережье округа Сураат в ста пятидесяти милях от ашрама. Он рассчитывал пройти это расстояние за месяц и 6 апреля прибыть в Данди. Там он в тот же день собирался нарушить закон о соляной монополии. Но прежде чем начать сатьяграху, Ганди послал вице-королю письмо через Рейнольдса, англичанина, жившего в Сабармати-ашраме. В письме содержались подробности проведения кампании. Как и следовало ожидать, письмо осталось без ответа. Тогда Гандиджи начал проводить в жизнь свой план. Прежде чем отправиться в поход, он дал всем комитетам Конгресса строгие указания не начинать самим кампании и ожидать его призыва к сатьяграхе. В Сабармати было созвано заседание Всеиндийского комитета Конгресса для утверждения его плана, но ко времени заседания Гандиджи был уже на пути к Данди.

В день выхода Гандиджи в поход у ашрама собралась большая толпа восторженных людей. Казалось, что все население Ахмадабада высыпало на улицу. В обстановке величайшего энтузиазма и ликования Гандиджи покинул ашрам в сопровождении восьмидесяти своих ашрамитов и отправился в долгий путь в Данди, заявив, что не вернется в Сабармати до тех пор,

пока не добьется свараджа. Тем временем в Ахмадабаде состоялось заседание Всеиндийского комитета Конгресса, которое официально одобрило план Гандиджи. Многие из делегатов, в том числе Мотилал Неру, Джавахарлал Неру и я, отправились в Джамбусар и встретили там Гандиджи. Проводив его на некоторое расстояние, мы вернулись обратно.

Страна была охвачена невиданным подъемом, и народ с нетерпением ожидал 6 апреля. Многие хотели сопровождать Гандиджи, но он на это не согласился. Возможно, что сардар Пател был бы включен в число спутников Гандиджи, но он был арестован перед самым началом похода.

Пока длился период ожидания, я предложил Джавахарлалу Неру совершить поездку по Бихару, и он охотно согласился. Мне хотелось, чтобы в краткий промежуток времени, которым мы располагали, он посетил как можно больше населенных пунктов и выступил там на собраниях, и для этого я разработал специальный план. Я достал для нашей группы три автомобиля. Один, в котором находились добровольцы, должен был ехать впереди и первым прибывать в назначенное место. Добровольцы, ехавшие в первом автомобиле, должны были петь национальные песни, создавая этим надлежащую атмосферу для созыва митинга. Затем приезжал я на второй машине и созывал митинг. Когда же прибывала машина с Неру и он начинал свое выступление, я уезжал и следовал за первой машиной. Таким образом мы смогли избежать напрасной траты времени и выполнить намеченную программу. Это была очень успешная поездка, вызвавшая в провинции большой подъем.

САТЪЯГРАХА В БИХАРЕ

В то время как Джавахарлал Неру выступал в Махараджгандже (округ Чапра) на митинге, которым заканчивалась его поездка по Бихару, нас поставили в известность, что Гандиджи дал сигнал — с 6 апреля повсеместно начать кампанию нарушения законов о соляной монополии. Известие это застало нас врасплох, ибо мы еще не имели окончательно разработанных планов. Джавахарлал в тот же день выехал в Аллахабад, и ночью мы разослали по всей провинции гонцов, которые должны были возвестить о начале кампании. Бипин Бихари Варма решил пройти от Мотихари до Джогапатти (Чампаранский округ), нарушая по дороге соляную монополию. Следующим к движению примкнул Музаффарпур. Затем в течение каких-нибудь нескольких дней оно охватило всю провинцию. Я приехал в Джогапатти в тот самый день, когда Бипин Бихари Варма начал выпаривать соль из морской воды, но прежде чем мне удалось повидать его, я узнал, что он арестован и отправлен в суд Джогапатти, где дело его должно было разбираться в порядке суммарного производства.

Я направился в суд. По дороге я увидел, что весь путь, по которому следовал Бипин Бихари, и то место, где расположились сатьяграхисты, были красиво украшены флагами, гирляндами и арками. Городок был охвачен неистовым энтузиазмом. В суде я узнал, что сам судья — старый участник кампании несотрудничества с властями: в 1921 году он бросил колледж Патны и вступил, как и мы, в *Национальную махавидьялаю*, но через некоторое время под давлением семьи снова вернулся в колледж. Я заметил, что, пока слушалось дело, он ни разу не поднял головы. Не отрывая глаз от бумаг, разложенных на столе, он написал решение суда и зачитал его. Бипин Бихари Варма был приговорен к тюремному заключению и отправлен в тюрьму Мотихари.

Между тем сатьяграха распространялась по всей стране, и людей арестовывали тысячами. Гандиджи арестован не был.

Побывав в Мотихари, я отправился в Патну, а отсюда совершил поездку по всей провинции, агитируя за сатьяграху. Спешно объехав несколько городов, я в полночь прибыл пароходом в Патну. На пароме мне сообщили, что как раз в этот день в Патне началась сатьяграха. Из Бакарганджа люди с флагами в руках пошли в город, где собирались приступить к выпариванию соли, однако их остановили напротив полицейского участка в Султангандже. Полиция окружила их плотным кольцом, препятствуя дальнейшему продвижению. Я направился прямо к участку и увидел странную картину: сатьяграхисты спали посреди дороги в кольце окруживших их полицейских. Местные жители принесли им пищу и подстилки. Когда я подошел к ним, многие проснулись и стали рассказывать мне свою историю. Через некоторое время я отправился ночевать в Садакат-ашрам.

Назавтра рано утром я вновь пришел к полицейскому участку и застал там большой отряд полиции. Явились также начальник округа и начальник полиции. Собралась большая толпа, наблюдавшая за развитием событий. Я решил, что полиция, вероятно, арестует сатьяграхистов или отпустит их, предварительно избив. Вдруг ко мне подошел какой-то человек и сказал, что начальник округа находится в полицейском участке и хотел бы поговорить со мной. Я последовал за ним. Начальник сказал мне, чтобы я предложил сатьяграхистам разойтись, ибо в противном случае он вынужден будет принять свои меры. Я ответил, что он может их арестовать. Он возразил, что толпе лучше разойтись, и добавил, что, если площадь перед участком не будет очищена сейчас же, это может привести к серьезным последствиям. В ответ на мой отказ обратиться к добровольцам он заявил, что ответственность за последствия падет на меня. Я почел за лучшее проконсультироваться со своими коллегами, и начальник округа предоставил мне полчаса, по истечении которых я должен был дать ему ответ. Когда я выходил из участка, он вынул часы и попросил меня сверить их с моими. Я возмутился и ответил отказом, сказав, что, если я не дам о себе знать в течение получаса, он может делать все, что ему заблагорассудится.

Затем я поехал на машине в Садакат-ашрам посоветоваться с друзьями. Все они считали, что нам лучше ничего не предпринимать и предоставить начальнику округа делать, что он сочтет нужным. Я сообщил об этом решении в полицейский участок по телефону, затем вернулся в Султангандж. По дороге я встретился с начальником округа, тоже ехавшим на машине, и увидел, что он улыбается. В Султангандже мне сообщили, что сатьяграхисты отказались разойтись и начальник округа при-

казал конной полиции разогнать их. Полицейские подъехали вплотную к людям, распростершимся на земле, и остановились. Они стали поднимать их одного за другим и бросать в грузовики, которые затем уехали в неизвестном направлении.

Тогда мы решили посылать сатьяграхистов в Султангандж партиями по пять человек. Как только полиция арестовывала одну пятерку, ее место занимала другая — и так круглые сутки. Между тем апрель приближался к концу, наступила сильная жара. Сатьяграхистам приходилось стоять под палящим солнцем весь день в ожидании, пока их арестуют. Поэтому, чтобы в какой-то мере избавить их от неудобств, я изменил план и стал посылать пятерки в определенные часы — четыре раза в сутки. В первый день арестовали только сатьяграхистов, но потом, когда толпы зрителей начали расти, конной полиции был дан приказ арестовывать и их. Иногда полиция арестовывала сатьяграхистов, а иногда не обращала на них внимания. Но зрители неизменно становились жертвой полицейского насилия. Обычно полиция совершала эти нападения по утрам и во второй половине дня. Иногда я находился в толпе, чтобы быть свидетелем зверств полиции; мне, правда, удавалось оставаться незамеченным, но Абдул Бари получил серьезные ранения.

Сатьяграха длилась несколько дней, вовлекая все больше и больше участников. Охваченный ею район неуклонно расширялся, пока, наконец, не распространился на колледж Патны. Народ по-прежнему держался миролюбиво, но полиция становилась все более и более агрессивной. Однажды, когда полиция напала на зрителей, г-жа Хасан Имам, случайно проходившая мимо, стала свидетельницей жестокого избиения, во время которого у многих были проломлены головы. Потрясенная до глубины души, она бросилась домой и рассказала обо всем виденном своему мужу, добавив, что будущее внушает ей серьезную тревогу. Хасан Имам, о чем интересе к нашей деятельности мне до тех пор ничего не было известно, послал за мной. Когда мы встретились и я рассказал ему о зверствах полиции, Хасан Имам, экспансивный и пылкий по характеру, пришел в бурное негодование и заверил меня, что окажет нам всемерную помощь. Постепенно он становился все более и более горячим сторонником нашего движения.

Между тем настали пасхальные каникулы. Я рассматривал сатьяграху как своего рода религиозную войну, а потому пришел к выводу, что она не должна отвлекать других от выполнения их религиозного долга. В связи с этим я направил начальнику округа письмо, в котором писал, что, поскольку среди полицейских есть христиане, мы не будем посылать группы сатьяграхистов в день пасхи. По той же причине мы не прово-

дили сатьяграхи во второй половине дня в предыдущую пятницу, так как в полиции служит много мусульман. Начальник округа, прочитав мою записку, позвонил мне по телефону, прося подтвердить, действительно ли таково наше намерение. Когда я ответил утвердительно, он попросил меня встретиться с ним, чтобы найти выход из этого тупика.

С начальником округа у меня был длинный разговор. Я сказал, что это вопрос пустяковый и что его можно урегулировать мирным путем, если пятеркам сатьяграхистов будет разрешено беспрепятственно передвигаться к месту назначения и арестовывать их будут лишь в соответствии с законом, то есть когда они приступят к выпариванию соли. Начальник округа предложил нам посылать людей по другому пути, но я не согласился, и переговоры были прерваны. На следующий день сатьяграхисты, продефилировавшие перед полицейским участком Султанганджа, были арестованы помощником начальника полиции, и после их ареста толпа рассеялась.

Конная полиция на сей раз не появлялась, и это всем бросилось в глаза. Арестованных сатьяграхистов отправили в суд. Пока слушалось дело, другая пятерка прошла близ полицейского участка Султанганджа, но полиция ее не остановила. В суде сатьяграхистов приговорили к тюремному заключению, которое должно было длиться до окончания заседания суда, что фактически совпадало по времени с оглашением приговора. Тут нам стало ясно, что полиция не будет сажать сатьяграхистов за решетку. Предположение наше подтвердилось, когда третья пятерка тоже беспрепятственно дошла до места назначения. Тогда мы перестали посылать свои пятерки через район Султанганджа и приступили к выпариванию соли. Однако тех, кто нарушал закон о соляной монополии, полиция не щадила. Таким образом, число арестов в Патне и во всей провинции стало расти.

БОЙКОТ ИНОСТРАННЫХ ТКАНЕЙ И ОДЕЖДЫ

В Дхарсане (Гуджарат) находился правительственный соляной склад, где большие запасы соли хранились прямо под открытым небом. Добровольцы Конгресса, которых поочередно возглавляли Аббас Тьябджи и г-жа Сароджини Найдю, в нарушение правительственных распоряжений устроили поход к этому складу и были жестоко избиты. Руководителей похода арестовали. Полиция свирепствовала всюду. Сатьяграхистов избивали до потери сознания и оттаскивали в сторону. Тяжело раненных на походных койках относили в больницы Конгресса. Сенсационные сообщения, публиковавшиеся в газетах, не запугали народ: напротив, приток добровольцев, желавших участвовать в новых нарушениях соляного закона, все возрастал. Полиция по-прежнему безжалостно пускала в ход дубинки и арестовывала сотни людей. Сатьяграха продолжалась до тех пор, пока не начались дожди и все дороги к соляному складу в Дхарсане стали непроходимыми.

В самом начале соляной сатьяграхи Джавахарлал Неру был арестован, и председателем Конгресса стал Мотилал Неру. Его не арестовывали до конца июня, хотя он тоже выпаривал соль у себя в доме и с гордостью показывал нам. Рабочий комитет Конгресса часто собирался в Аллахабаде — он регулярно давал инструкции участникам сатьяграхи и оказывал им посильную помощь. Правительство несколько не смягчило своей политики репрессий, которая к этому времени стала обычным явлением по всей стране. Как только где-нибудь приступали к выпариванию соли, туда являлась полиция, разбивала котлы, ломала печи, арестовывала несколько добровольцев, а остальных избивала. Однако ей не удалось запугать народ — добровольцы возобновляли свои попытки, и все повторялось снова.

В Бихаре соль выпаривали из солончаков. Сам я этим не занимался, но, куда бы ни приезжал, неизменно продавал с аукциона соль, добытую сатьяграхистами, и собранные таким образом деньги использовал на покрытие наших расходов. Хотя

продажа соли без лицензии считалась незаконной, меня долго не арестовывали. Я узнал, что сначала у правительства не было намерения подвергать меня аресту. Лишь позднее мне стало известно, что на совещании должностных лиц начальнику округа было дано указание арестовать меня, если он сочтет нужным. Я был занят главным образом тем, что объезжал округа, следил за налаживанием производства соли, ободрял сатьяграхистов и выступал на публичных митингах. В сельской местности разгорался дух соревнования. Каждая деревня добивалась чести занять первое место по числу арестованных. Жители тех деревень, где по той или иной причине нельзя было выпаривать соль, были расстроены этим обстоятельством. Никто не нарушал закона тайно, ибо сатьяграха велась в открытую. Во время моей поездки по сельским районам я часто видел, как деревенские жители собирались на открытых местах, украшенных флагами и банановыми листьями, и с большой торжественностью выпаривали соль.

Посоветовавшись с другими руководителями, я решил продолжать кампанию нарушения соляной монополии до июня, когда начнутся дожди и соль нельзя будет выпаривать, а после этого объявить бойкот иностранных тканей и одежды и начать агитацию за запрещение их ввоза. В своих выступлениях и неофициальных беседах я разъяснял населению значение кампании нарушения соляной монополии, бойкота иностранных тканей и борьбы за запрещение их ввоза. Я говорил, что именно в данный момент кампании за нарушение соляной монополии отдается предпочтение по сравнению с другими формами сатьяграхи, но с наступлением подходящего момента будут использованы и другие ее формы, так что население должно находиться в состоянии готовности. Отвечая на вопросы, я указывал, что позднее можно будет начать и кампанию отказа от уплаты палого чоукидари и аренды.

Хотя кампании нарушения соляной монополии уделялось основное внимание, в городах и сельской местности проводились также бойкот иностранных тканей и одежды и агитация за запрещение их ввоза. На заседании Рабочего комитета в Аллахабаде мы узнали об успешном проведении этих кампаний. Тогда мы стали проводить бойкот иностранных тканей и одежды и в Бихаре. Даже торговцы сотрудничали с нами, проявляя при этом большой энтузиазм. Дух здорового соперничества, проявившегося во время кампании нарушения соляной монополии, ощущался и в кампании бойкота иностранных тканей. Каждый город старался опечатать больше тюков с иностранными тканями, чем другие. Установился такой порядок: кладовщики увязывали рулоны иностранных тканей в тюки, которые затем

опечатывались конгрессистами, причем распечатывать эти тюки можно было лишь с разрешения Конгресса. В некоторых местах торговцы создали для проведения этих мер собственные комитеты, которые налагали штраф на торговцев, уклонявшихся от выполнения их предписаний. У магазинов тех торговцев, которые упорно не подчинялись комитетам, выставлялись пикеты. Однако в Бихаре большинство торговцев добровольно опечатало тюки с иностранными тканями, и нам приходилось пикетировать магазины только в редких случаях. Видные коммерсанты Канпура, Дели и Пенджаба часто встречались с Мотилалом Неру и советовались с ним, как добиться того, чтобы пикетирование магазинов, торгующих иностранными тканями, одеждой и спиртными напитками, увенчалось полным успехом, и как заручиться помощью владельцев текстильных фабрик. Широко распространялись отпечатанные обязательства, которые подписывали как торговцы, так и население.

В некоторых местах особый упор делался на требование запретить ввоз иностранных текстильных товаров, что повлекло за собой массовые аресты, и полиция даже открыла огонь по участникам этих кампаний. В Северо-Западной пограничной провинции, где полиция обстреляла толпу, было убито много *патанов*. Витхалбхаи Патель, первый избранный председатель Центрального законодательного собрания, в знак протеста отказался от своего поста и отправился в эту провинцию, чтобы произвести там расследование. Правительство изъяло его доклад, и документ этот не удалось предать широкой гласности, но те сведения, которые проникли в газеты, накалили обстановку во всей стране.

Пикетирование магазинов, торгующих иностранными текстильными товарами, Гандиджи поручил женщинам, и они откликнулись на этот призыв с большим энтузиазмом. Ни один покупатель не осмеливался подойти к магазину, который пикетировала женщина, и даже лавочники, очутившиеся в столь щекотливом положении, оказались на высоте. Пикетирование в Бихаре (здесь оно не приняло широкого размаха) было организовано Виндьявасани Деви. Добровольцы-мужчины обходили дом за домом; женщин, желавших участвовать в пикетировании, они приводили на рынок и расставляли их перед лавками, а вечером отводили всех домой. Один эпизод, приключившийся в Патне, возможно, заинтересует читателей. Как-то молодая женщина, только что вышедшая замуж, отправилась пикетировать лавку. Вечером добровольцы забыли доставить ее домой. Муж другой пикетчицы, приехавший за своей женой на автомобиле, увидел эту молодую женщину, одиноко стоявшую перед лавкой. На его вопрос она ответила, что ждет доб-

ровольцев, которые должны проводить ее домой. Тогда этот господин заметил, что добровольцы, должно быть, позабыли о ней, и предложил отвезти ее домой на своей машине. Но молодая женщина не знала своего адреса и сказала, что не сумеет узнать свой дом, так как ни разу не видела его снаружи. Все же супруги посадили ее в машину, надеясь, что им удастся распознать ее дом по тем приметам, которые она сообщит им по дороге. После длительных и бесплодных поисков они попросили женщину написать имя ее мужа (ибо, по индийскому обычаю, женщина не имеет права произносить имя мужа вслух). Однако молодая женщина написала его на кайтхи, который хозяева машины не понимали. Не без труда им удалось найти человека, знающего этот алфавит, и поздним вечером они наконец отыскивали нужный дом.

Этот небольшой инцидент показывает, насколько узкими рамками была ограничена жизнь женщин в связи с обычаем парды, а с другой стороны, он свидетельствует о большом энтузиазме, с которым женщины Бихара откликнулись на призыв Конгресса. Парды придерживаются почти во всех слоях общества в Бихаре. Во время моего пребывания в Англии началась агитация за отказ от этого обычая. Как-то один молодой человек из Дарбханги, некто Рамнандан Мишра, привез свою жену в Сабармати-ашрам с открытым лицом. Гандиджи отправил в Бихар дочь Магналала Ганди — Радху — для проведения разъяснительной работы среди женщин с целью помочь им искоренить парду. Туда же приехал отец девушки повидаться с ней и посмотреть, каковы ее успехи (позднее он заболел и умер в Патне). Эти события некоторым образом активизировали во всей провинции кампанию против этого порочного обычая. Была созвана Бихарская провинциальная конференция по борьбе с пардой, проходившая под руководством Бадж Кишор Прасада. Хотя первые шаги против парды делались в Бихаре и раньше, но только во время сатьяграхи 1930 года этот обычай стал терять силу.

САТЪЯГРАХА В БИХПУРЕ

По возвращении из Аллахабада, где я присутствовал на заседании Рабочего комитета, мне стало известно, что в Бихпуре — небольшой железнодорожной станции, откуда отправляются поезда на Бхагалпур Гхат, — развернулась сатьяграха совершенно особого рода. Все началось с того, что некоторые добровольцы Конгресса, жившие в ашраме близ железнодорожной станции, начали пикетировать расположенную поблизости лавку, где продавалась ганджа (конопля). Вскоре туда прибыла полиция, выбросила тюки с хлопком, пряжей и тканями, избила конгрессистов, вышвырнула их из ашрама и заняла его. Конгрессисты начали проводить мирную сатьяграху, пытаясь получить обратно занятый полицией ашрам. Добровольцы прибывали на место группами по четыре-пять человек, неся в руках флажки и пытаясь проникнуть в ашрам. Было совершенно очевидно, что пятерка невооруженных сатьяграхистов не сможет вытеснить большой отряд вооруженных полицейских и что это всего-навсего предлог для проведения сатьяграхи. Так смотрела на это и полиция. Ежедневно во второй половине дня к ашраму отправлялась очередная группа добровольцев с целью подвергнуться аресту.

Известие о начале сатьяграхи быстро распространилось, и в Бихпур стал стекаться народ. Я отправился туда в сопровождении членов Законодательного собрания Бихара Анант Прасада и Камлешвари Сахаи, а также Балдева Сахаи, Мурли Манбхары Прасада из Патны и известного адвоката Патала Бабу, активного конгрессиста из Бхагалпура. Как только стало известно о нашем прибытии, собралась толпа тысяч в двадцать. Я обратился к собравшимся с призывом вести себя мирно и полностью соблюдать принцип ненасилия. В положенное время, когда сатьяграхисты направились к ашраму с целью подвергнуться аресту, зрители стали на дороге по обеим ее сторонам, чтобы следить за ходом событий. Я наблюдал за происходящим

с удобного пункта на рынке. На этот раз очередная партия добровольцев, прибыв в Бихпур, направилась к ашраму и, когда люди подошли к зданию, полиция арестовала их, не поднимая шума. Толпа стала расходиться. В этот момент из ашрама вышел начальник полиции и отдал распоряжение разогнать толпу дубинками. Это послужило сигналом к дикому массовому избиению.

Вскоре дорога была очищена, и тогда начальник полиции с несколькими полицейскими направился к рынку, где стояли я и другие руководители, и хотя мы ровно ничего не делали, он приказал полисменам напасть на нас, употребляя при этом по нашему адресу оскорбительные выражения. Я получил четыре или пять ударов дубинкой, но молодой доброволец Рамгати Синг бросился вперед и, став между мной и полицейскими, принял на себя большую часть ударов. Поэтому мои ушибы оказались не такими серьезными, как могли бы быть. Балдев Сахаи и Мурли Манóхар Прасад, находившиеся рядом со мной, были избиты. Абдул Бари, стоявший несколько поодаль, был сильно изранен и стал истекать кровью.

Затем начальник полиции и его люди направилась обратно в ашрам. К тому времени толпа рассеялась, остались лишь те, кто прибыл из других мест. Мы сели на лугу в ожидании вечернего поезда на Бхагалпур. Подошел местный врач и перевязал нам раны. Вдруг мы увидели, что к нам опять направляется начальник полиции со своими людьми. Мы уже ожидали новых неприятностей, но он остановился неподалеку, а к нам направил полицейского офицера, который арестовал Патала Бабу и увел его с собой. Затем мы уехали поездом в Бхагалпур, где я пробыл два дня.

Бхагалпур был крупнейшим в Бихаре центром торговли иностранными текстильными товарами. В других городах Бихара тюки заграничных тканей были опечатаны, но Бхагалпура это не коснулось. Однако известия о сатьяграхе в Бихпуре привели в возбуждение жителей Бхагалпура. Женщины стали добровольно пикетировать магазины, торгующие иностранными тканями. Владельцы магазинов сами приходили ко мне, изъявляя желание опечатать тюки. Был создан комитет, и за какие-нибудь несколько дней все запасы заграничных тканей, имевшихся у местных торговцев, были опечатаны и свезены на склад. Таким образом наша цель была достигнута без всяких помех благодаря сатьяграхе, развернувшейся в Бихпуре.

Члены Законодательного собрания Бихара Анант Прасад и Камлешвари Сахаи, приехавшие вместе со мной в Бихпур, не привлекли внимания полиции, но позднее они были сильно ею избиты. Их возмутило то, что полиция напала на толпу, кото-

рая уже начала расходиться и все равно вскоре рассеялась бы. Они подчеркивали далее, что еще меньше оснований было у полиции нападать на нас. В знак протеста оба они сложили с себя депутатские полномочия; позднее их примеру последовало еще несколько депутатов.

Во время бихпурской сатьяграхи неожиданно возник раскол в рядах полиции. Часть полицейских не стала дожидаться повторного приказа начальника и пустила в ход дубинки. Но другие сочли, что в этом нет необходимости, и, делая вид, что выполняют приказ, только размахивали дубинками, никого не задевая. Когда упал Абдул Бари, едва не потеряв сознание, и один из полицейских поднял уже дубинку, чтобы вновь ударить его, другой полисмен парировал этот удар. Тут подоспел третий полицейский и ударил того, который позволил себе занести дубинку над бессильно распростертым Абдулом Бари. Это позднее подтвердил и сам Абдул Бари.

Расскажу еще об одном эпизоде. Полицейский инспектор, который подошел к нам в Бихпуре и арестовал Патала Бабу, был жителем округа Чапра и моим школьным товарищем. Мы проучились с ним четыре года в школе, а затем вместе держали вступительные экзамены. Когда я уехал в Калькутту продолжать учебу, он поступил в полицию. Этот человек как-то преждевременно состарился, и волосы у него поседел. Подойдя к нам, чтобы арестовать Патала Бабу, он потихоньку поднял руку, приветствуя меня, но я промолчал, так как не узнал его. Лишь позднее мне стало известно его имя.

На следующий день я послал из Бхагалпура в Бихпур активного участника движения кхадхи Рамбиласа Шарму, чтобы он попросил у полицейского офицера разрешения забрать из ашрама прялки, пряжу и другие вещи и перевезти их в кхадхи бхандар в Бхагалпур. Тогда-то Рамбилас Шарма и узнал, что полицейский инспектор был моим школьным товарищем. Явившись в полицейский участок Бихпура и узнав, что инспектор — старший дежурный офицер, он обратился к нему со своей просьбой. Казалось, что инспектор был несколько огорчен вчерашними событиями, но Шарма отнесся к этому с нескрываемой насмешкой. Он передал ему мое сожаление, что я не узнал его вчера, когда он меня приветствовал. Инспектор изменился в лице и вежливо попросил Шарму не касаться этого вопроса. Однако несколько минут спустя Шарма вновь завел разговор на эту тему, заявив, что я очень сожалею, что не смог поговорить со старым школьным товарищем, встретившись с ним после столь долгой разлуки. Инспектор снова разволновался и не дал Шарме договорить. Шарма заметил, что глаза у него увлажнились.

Сатьяграха в Бихпуре продолжалась даже после избития толпы полицейскими дубинками. Группы добровольцев по-прежнему ежедневно подходили к ашраму, и их избивали и арестовывали. Это длилось до тех пор, пока в марте 1931 года, то есть восемь месяцев спустя, не было дано указание прекратить сатьяграху в связи с подписанием пакта *Ганди — Ирвин*.

Кампания ненасилия в этом районе явилась для меня приятной неожиданностью, ибо местные жители, подобно другим *диара*, отличаются смелостью и решительностью. Вот пример. В давние времена один англичанин сколотил отряд из двадцати пяти *гуркхов* и терроризировал всю округу. Но местные жители всех их перебили за одну ночь, а тела выбросили в Ганг, вздувшийся от дождей; трупы так и не были найдены, и установить виновных не удалось.

*

ЗА РЕШЕТКОЙ

Вернувшись из Бхагалпура в Патну, я узнал, что подписан ордер на мой арест, но меня это нисколько не обеспокоило. Я по-прежнему продолжал свои поездки, и ничего со мной не случилось. Начальники округов чувствовали некоторое облегчение, когда я покидал пределы подведомственной им территории, ибо никто из них не хотел брать на себя ответственность за мой арест. Вскоре в Патну приехал Витхалбхаи Патель, завоевавший всеобщую любовь своим уходом с поста председателя Центрального законодательного собрания. Вечером состоялся массовый митинг, на котором присутствовал и Хасан Имам, впервые облачившийся в домотканую одежду. Я сказал ему о своем предчувствии, что мой арест не за горами, и он заверил меня, что, даже если меня арестуют, дело от этого не пострадает. Утром того же дня был арестован Мотилал Неру.

Затем я выехал из Патны, намереваясь совершить трехдневную поездку по округу Чапра. Проведя первую ночь в Зерадеи и выполнив программу второго дня, я в полночь приехал в Чапру. Здесь я узнал, что брата моего нет в городе и что полиция ждала меня в его доме до одиннадцати часов вечера. Мне стало ясно, что настал мой черед. Пообедав, я лег спать, а на следующее утро направился в местечко Гаркха, где должен был выступить на первом митинге, назначенном на этот день. Полиция, несомненно, знала о моих планах, потому что по пути нас нагнал полицейский автомобиль. Из машины вышел полицейский офицер, уведомил меня, что я арестован, и добавил, что я могу повидаться с родственниками, прежде чем меня заберут. Я вернулся домой, рассказал обо всем своим и через полчаса готов был следовать за полицейскими. Меня отправили в Чапрскую тюрьму.

В этой тюрьме уже находилось около четырехсот сатьяграхистов. Они откуда-то узнали о моем прибытии, и, когда я вошел в наружные ворота, все они бросились к внутренним во-

ротам, выкрикивая лозунги. Растерявшийся зритель побоялся отпереть внутренние ворота и впустить меня. Я объяснил ему, что, как только он меня впустит, заключенные, вероятно, успокоятся, но зритель, привыкший строго следовать правилам, ответил, что по инструкции запрещено открывать внутренние ворота, если поблизости находятся заключенные. Не сразу удалось мне убедить его, чтобы он открыл ворота. Когда я наконец вошел, меня встретили шумными приветствиями, но вскоре сатьяграхисты утихли и, проводив меня до барака, разошлись.

Вдруг мы услышали сильный шум за воротами тюрьмы. Один из барakov был двухэтажный, и мы поднялись на верхний этаж посмотреть, что происходит. Там мы увидели, что к тюрьме ринулась большая толпа. С перепугу зритель приказал страже открыть по ней огонь. Стража выполнила приказ, но стреляла в воздух, так что никто не пострадал, и толпа, обойдя вокруг тюрьмы, рассеялась. Позднее мы узнали, что начальник округа как следует отчитал зрителя за то, что тот без его разрешения открыл огонь, рискуя вызвать серьезные волнения.

Здесь я впервые испытал тюремную жизнь. В те времена заключенных не подразделяли на категории. На мой счет не поступило никаких инструкций. Пищу мне подавали на жестяной тарелке, и я принимал ее без всяких возражений. Брат присылал мне еду из дому, и зритель сообщил мне, что я, будучи всего-навсего подследственным, могу получать еду с воли при условии, что буду съедать ее у ворот. Я так или иначе отклонил бы его предложение, но условие, которым оно сопровождалось, заставило меня ответить немедленным отказом. На следующий день меня посетили несколько друзей в связи с тем, что в тюрьме начался процесс по моему делу. Они принесли несколько плодов манго, присланных моей семьей, и зритель потребовал, чтобы я съел их у ворот. Я отказался и отправил плоды обратно, так как мне не разрешили отдать их кому-нибудь другому.

Судью, к которому поступило мое дело, я знал — он был моим клиентом в те дни, когда я занимался адвокатской практикой в Патне. Так как мне нечего было сказать в свою защиту, он приговорил меня к шести месяцам тюремного заключения в соответствии с одним из положений уголовного кодекса.

После суда положение мое в течение пяти дней оставалось неопределенным. Я не знал, где буду отбывать заключение, но мне было известно, что видных руководителей движения нашей провинции держат в Хазарибагской центральной тюрьме. Как-то вечером во время прогулки по тюремному двору зритель подошел ко мне и сообщил, что приехал начальник ок-

руга и ждет меня у ворот. Увидев меня, начальник повернулся и отошел к наружным воротам. Когда я подошел к воротам, их открыли, выпустили меня и снова закрыли. Начальник сказал мне, чтобы я немедленно собирался к отъезду. Я хотел принести свой вещевой мешок, но начальник заметил, что он мне не понадобится, и предложил сесть в машину. Я сел, и машина сразу взяла большую скорость. Занавески были задернуты, так что поездку эту я совершил в условиях парды.

Начальник округа приказал шоферу ехать на запад. На мой вопрос, куда мы едем, он ответил, что я скоро узнаю. Машина, по-видимому, миновала железнодорожную станцию, и через некоторое время занавески были подняты. Я увидел, что мы выехали за городскую черту. Начальник сообщил мне, что я буду препровожден в Хазарибагскую тюрьму, куда меня повезут по железной дороге и автомобилем. Он извинился за то, что мне предстоит такое неприятное путешествие, но добавил, что власти постарались смягчить ожидавшие меня неудобства, предоставив мне специальный вагон. Затем он разъяснил мне мой маршрут.

Мы приехали в Манджхи — один из пунктов железнодорожной линии Чапра — Бенарес, расположенный на берегу реки Сарджу. Там я обнаружил, что заместитель начальника округа следовал за нами с моим вещевым мешком. Начальник полиции встретил меня на платформе и проводил в специальный вагон. Он попросил меня в дороге ни к кому не обращаться и не говорить, кто я такой. Я ответил, что и сам, разумеется, не стал бы этого делать, но все-таки спросил, как мне быть, если меня узнают. В ответ он только рассмеялся. Надо сказать, что у него не было особых оснований для беспокойства, поскольку наш вагон находился в конце состава.

Поезд тронулся, и начальник полиции начал беседовать со мной самым дружеским образом. Рано утром мы приехали в Бенарес и сели в машину, которая доставила нас в Могол-Сарай. Там начальник полиции повел меня в буфет, но я отказался завтракать, так как не был готов к приему пищи. Затем подошел поезд. В вагоне я совершил омовение и только тогда позавтракал. На станции Соун ист бэнк меня передали начальнику полиции округа Гая. Он посадил меня в машину и, передав под надзор полицейского инспектора, удалился. Мы с инспектором отправились на машине в Хазарибаг и к часу дня были на месте.

В Хазарибагской тюрьме меня поместили вместе с некоторыми моими друзьями. Они были несколько поражены, когда я им рассказал, каким кружным путем меня везли. Я объяснил им, что, по словам начальника округа Чапры, это было сделано

для того, чтобы избежать скопления народа на вокзалах Чапры, Сонепура, Патны и Гаи. Я повторил также слова полицейского инспектора относительно полученных им инструкций — нигде не останавливать машину, а в Аурангабаде, где дорога проходит через город, ехать на большой скорости.

После того как меня увезли из Чапрской тюрьмы, остальные заключенные (они узнали о моем переводе, когда заместитель начальника округа явился, чтобы уложить мои пожитки в вещевой мешок) устроили демонстрацию в знак протеста против того, что меня отправляют в неизвестном направлении. Каким-то образом им удалось подать весть моему брату, и он немедленно поехал на своей машине на вокзал Чапры. Когда ему сказали, что в Чапуре я не садился в поезд, он отправился на вокзал в Сонепур, но и тут ничего не сумел разузнать обо мне и вернулся домой удрученный. Откуда ему было знать, каким маршрутом меня повезли, и как мог он догадаться, что меня отправили на запад, в Бенарес, а не на восток? Позднее, узнав, что я нахожусь в Хазарибагской тюрьме, он навестил меня там.

Смотритель Хазарибагской тюрьмы Нараян Прасад был прекрасный, интеллигентный человек. Я знал его еще со школьной скамьи. Его старший брат был моим одноклассником, и я часто бывал у них дома в Чапуре. Он поместил меня вместе с моими друзьями Рамдаялу Синхой, Шри Кришна Синхой и Бипин Бихари Вармой. Позднее с нами оказались Дип Нараян Синг и Свами Бхавани Даял, снискавшие большую популярность за свою деятельность в Южной Африке. Большую часть времени я читал или прях. Позднее, с разрешения смотрителя, я стал работать в тюремной мастерской и выучился ткать. За шесть месяцев, проведенных в тюрьме, я наткал около двухсот ярдов *невара* (я унес их с собой, когда меня выпустили) и пятнадцать ярдов ткани.

Вообще мы не испытывали в тюрьме никаких неудобств. Друзья, сидевшие в других камерах, часто навещали нас с разрешения смотрителя. Были, правда, некоторые затруднения с получением книг — нам передавали их только в том случае, если их «пропускала» полиция или начальник округа. Полицейский чиновник, которому было поручено это дело, по-видимому, не отличался особой начитанностью, и у него был весьма своеобразный критерий для определения «безопасности» книги. Так, он не пропускал книг, на обложке которых встречались слова «политика» или «политический». С другой стороны, нам передавали даже такие книги, которые понимающие полицейские чиновники сочли бы «весьма нежелательными», если только на обложке не было этих слов. Вот пример, вызвавший у нас немало шуток: кто-то попросил учебное пособие для колледжа,

озаглавленное «Учебник политической экономии». Начальство не пропустило этой книги, так как в название ее входит слово «политическая». В то же время у него не вызвали никакого возмущения такие книги, как «Азбука коммунизма» и «Теория праздного класса». Я не знаю, чем они руководствовались, пропустив первую книгу, но сильно подозреваю, что вторую книгу пропустили по следующей причине: цензор решил, что она касается вопросов, представляющих интерес для господствующих классов.

Мне захотелось составить сборник газетных статей Гандиджи, написанных им в разное время на различные темы. Аналогичная книга уже была опубликована одним мадрасским издателем с моим предисловием, но я пришел к выводу, что было бы лучше, если бы мне удалось опубликовать отдельные сборники на различные темы с краткими вступительными статьями. Я решил классифицировать статьи по следующим разделам: ненасилие, сварадж, сатьяграха, просветительная работа, кхади, а затем подготовил краткое введение к каждому сборнику. Далее я отобрал статьи, которые мои друзья любезно для меня переписали. Как раз в тот момент, когда рукопись была готова, меня освободили. Однако у меня не нашлось времени опубликовать эти сборники, хотя сам Гандиджи одобрил мою идею, сообщив, что аналогичная работа издана на языке гуджарати. Эта идея понравилась многим моим друзьям, в частности Нибаранчандра Дас Гупте из Пурулии. Он сделал несколько указаний, которые я принял к сведению. Однако рукопись так и не пошла в печать: она пролежала некоторое время в Садакат-ашраме, а в 1932 году, когда мы были арестованы, а ашрам подвергся нападению полиции и его имущество было захвачено ею, рукопись исчезла бесследно.

В тюрьме мы не только изучали кустарные ремесла, но и читали много религиозной литературы. Пандит Бхарат Мишра из Чапры и пандит Вишну Датт Шукла, находившиеся вместе с нами, читали нам «Рамаяну» и другие священные книги. Именно тогда я впервые прочитал основные *Упанишады*. Свами Сахиджананд читал нам лекции о «Гите», но я не мог на них присутствовать из-за недостатка времени. С помощью Нибаранчандра Дас Гупты, с которым у меня установилась тесная дружба, я изучил «*Йога сугра*» Патанджали. Это дало мне возможность убедиться в широте познаний Нибаранчандра и наблюдать за тем, как он проводит в жизнь принципы йогов. Этот простой и самоотверженный человек считал проводимую Гандиджи агитацию не просто политической борьбой, а религиозным возрождением. К несчастью, он заболел туберкулезом и вскоре после освобождения из тюрьмы умер.

Между заключенными иногда устраивались дружеские состязания. Однажды несколько человек выпустили написанный от руки ежемесячный журнал под названием «Каэдди» («Заключенный»). Тогда другая группа тоже выпустила такой же журнал под названием «Карагар» («Тюрьма»), причем редактор его шутил, что заключенные приходят и уходят, а тюрьма пребывает вечно. Основное содержание этих журналов составляли статьи о политическом движении в стране. В некоторых выпусках были даже рисунки и карикатуры Калика Кумар Синхи. Однажды был выпущен специальный номер, в котором всем выдающимся деятелям из числа заключенных было предложено рассказать о ходе сатьяграхи в их районах. Мне думается, что эти писанные от руки журналы послужили бы превосходным материалом по истории национального движения в Бихаре. Интересно, можно ли сейчас разыскать их? Среди авторов и организаторов этих журналов были Свами Бхавани Даял, Матхура Прасад Синха, Рам Брикш Бенипури и Махамая Прасад.

Вначале мы не имели газет, однако в тюрьме можно раздобыть все что угодно, надо только уметь. Несколько человек получали газеты, прочитывали их, а затем устно передавали новости другим. Каждый день мы ждали этих «живых газет»; таким образом, мы постоянно были в курсе событий. Вскоре после моего ареста правительство распорядилось давать нам газету. Однако уступка эта была сделана крайне неохотно, да и получали мы только заграничное издание «Стейтсмена». В нем помещались материалы, интересовавшие лишь иностранных читателей, и вовсе не было информации, представлявшей интерес для нас — политических заключенных.

Хотя я много ездил по своей провинции и благодаря этому имел возможность встречаться со многими людьми из самых различных слоев общества, надо сказать, что никогда раньше мне не удавалось так сближаться с людьми, как в тюрьме. Я навсегда сохранил воспоминания о тех дружеских связях, которые установились у меня с узниками Хазарибагской тюрьмы. Среди них были Свами Бхавани Даял, Нибаранчандра Дас Гупта и Тхакур Наваб Синг, который под влиянием Махатмы Ганди присоединился вместе со своими сыновьями, племянниками и внуками к движению несотрудничества в округе Музаффарпур. Будучи видной фигурой в области Ситамархи, он взял на себя руководство движением в этой местности. Хотя Тхакур Наваб Синг не имел современного образования, это был человек очень интеллигентный и остроумный. Сам он и его сыновья были в тюрьме моими постоянными собеседниками.

СМЕРТЬ ПАНДИТА МОТИЛАЛА НЕРУ

Через несколько дней после того, как я очутился в Хазарибагской тюрьме, стала обсуждаться идея созыва конференции круглого стола в Лондоне. Либеральные лидеры хотели, чтобы Конгресс принял участие в конференции, и, желая содействовать этому, сэр Тедж Бахадур Сапру и д-р М. Р. Джайкар выдвинули компромиссные предложения. В результате их усилий, направленных на то, чтобы организовать обсуждение этих проблем руководителями Конгресса, правительство перевело Мотилала Неру, Джавахарлала Неру и д-ра Сейид Махмуда из центральной тюрьмы Наини в Пуну, где содержался Гандиджи. Однако достичь компромисса не удалось, и первая конференция круглого стола открылась в Лондоне 13 ноября 1930 года без участия Конгресса. Я вспоминаю, с каким жадным интересом мои коллеги в Хазарибагской тюрьме обсуждали компромиссные предложения. Несколько человек категорически возражали против любого компромисса, если только требование Конгресса о предоставлении свободы не будет удовлетворено. Но большинство жаждало какого-нибудь урегулирования и было удручено, когда переговоры сорвались.

Сразу же по выходе из тюрьмы я отправился в Бомбей, который был центром организованного Конгрессом движения, и встретился там с несколькими его руководителями, в том числе с сардаром Валлабхан Пателем. На Азад-Майдане часто проводились публичные митинги, которые полиция разгоняла дубинками. Для оказания помощи пострадавшим Конгресс построил несколько временных больниц. Хлопковый рынок в Бомбее несколько дней был закрыт, и нормальная жизнь города нарушилась.

В Бихаре началась кампания отказа от уплаты налога чоукидари, и правительство, как обычно, попыталось подавить ее железной рукой. Для изыскания налога в каких-нибудь несколько ани оно не останавливалось перед тем, чтобы пустить с молотка или уничтожить имущество стоимостью в сотни ру-

пий. В некоторых случаях деревни, прекратившие уплату налога, были отданы на разграбление полиции. В одной из деревень нашего заминдари полиция застрелила крестьянина и многих избивала. В другой деревне я своими глазами видел, как полицейские врываются в дома, разбивали горшки, сковороды и прочую домашнюю утварь, уничтожали запасы зерна. В одной из деревень после разграбления ее полицией я наблюдал такую картину: у жителей не осталось ни единого глиняного горшка для хранения воды и ни куска веревки, с помощью которой можно было бы опустить в колодец какой-нибудь сосуд.

Таких примеров можно привести бесчисленное множество. Репрессии были в полном разгаре, и распоясавшаяся полиция свирепствовала повсюду. Когда правительство убедилось, что население не боится тюрьмы, оно стало налагать штрафы, для взыскания которых никакой способ не считался слишком суровым. Однако, разбирая одно из таких дел, Высший суд Патны решил, что для взыскания штрафа, наложенного на одного из членов большой индусской семьи, ее общее имущество не может быть продано с молотка. Это решение до некоторой степени связало руки правительству, но грабеж и уничтожение имущества под предлогом взыскания штрафов продолжались в широких масштабах. И все же кампания отказа от уплаты налогов не ослабевала.

Из Бомбея я направился в Аллахабад, чтобы встретиться с Мотилалом Неру, которого совсем недавно выпустили из тюрьмы из-за плохого состояния здоровья. Он только что вернулся из Калькутты, куда ездил лечиться. Несмотря на скверное самочувствие, он продолжал нести на себе бремя руководства сатьяграхой. Мотилал Неру хотел созвать заседание Рабочего комитета, в котором приняли бы участие те его члены, кто еще оставался на свободе. Но, поскольку правительство объявило вне закона Рабочий комитет Конгресса и несколько провинциальных его комитетов, организовать такое заседание официальным путем не было возможности. Поэтому членам Комитета были тайно разосланы приглашения на заседание в Аллахабаде. К сожалению, один член комитета из Лахора был обыскан полицией, и у него нашли такое приглашение. Мы понимали, что Рабочий комитет будет арестован во время заседания, как это случалось и раньше.

Между тем первая конференция круглого стола закончила свою работу. Было принято предварительное решение, что Индия превратится в федерацию, состоящую из провинций Британской Индии и индийских княжеств, и что после создания такой федерации в центре будет сформировано ответственное правительство. Это предложение содержалось в заключитель-

ном выступлении английского премьер-министра Рамсея Макдональда. Его речь наводила на мысль, что англичане хотели бы еще раз попытаться уговорить Конгресс принять участие в конференции круглого стола. Прочитав эту речь, Мотилал Неру счел, что теперь следует открыто предложить членам Рабочего комитета собраться в Аллахабаде и изучить предложение английского премьер-министра. Арестов он не опасался, ибо, говорил он, мы официально заявили, что наша цель — рассмотреть предложение Макдональда.

Рабочий комитет собрался и после продолжительного заседания решил отклонить предложение Макдональда как неудовлетворительное. Была составлена резолюция; Мотилал Неру хотел опубликовать ее немедленно, ибо, как он указывал, у публики может создаться впечатление, что намечается какой-то компромисс. Затем по моему предложению решено было передать резолюцию в печать завтра утром, после того как мы посмотрим ее еще раз. В тот же вечер Мотилал Неру получил из Лондона телеграмму от В. С. Шринаваса Шастри, Теджа Бахадур Сапру и д-ра Джайкара, которые просили Рабочий комитет не принимать окончательного решения до встречи с ними, уведомляя, что они немедленно выезжают в Индию. На другой день утром Мотилал Неру показал мне телеграмму и попросил задержать опубликование резолюции, а вместо нее передать в печать заявление о том, что резолюция Конгресса готова, но опубликование ее временно задерживается в связи с телеграммой, полученной от Сапру и его друзей.

Правительство выпустило из тюрьмы всех членов Рабочего комитета. Гандиджи приехал прямо в Аллахабад. Других тоже вызвали туда, и переговоры начались. Между тем состояние здоровья Мотилала Неру быстро ухудшалось, и по этой причине Джавахарлал Неру, все еще отбывавший срок тюремного заключения, был выпущен под честное слово. Болезнь Мотилала Неру отнюдь не была легким недомоганием, а из-за того, что он отказывался отдохнуть, непременно хотел присутствовать на заседаниях Рабочего комитета и до поздней ночи писал резолюции, положение его, несомненно, ухудшилось. Мне посчастливилось жить вместе с ним в Сварадж-Бхаване, где он провел последние дни. В результате тесного общения с ним я имел возможность убедиться в его терпимости, высоком интеллекте и пламенном патриотизме. Национальное движение и будущее Индии занимали все его мысли. Можно без всякого преувеличения сказать, что у него не было времени думать о своем здоровье.

Знаменитый калькуттский врач Кавирадж Шьяма Дас Вачаспати, лечащий по принципам «Аюрведы», напрасно уговари-

вал Мотилала Неру отдохнуть. Наконец состояние его стало внушать серьезные опасения, и тогда было решено отвезти его для лечения в Лакхнау. У него отекло лицо, и, когда мы пришли проститься с ним, он пошутил:

— Поглядите-ка на меня: я собираюсь принять участие в конкурсе красоты.

Это замечание вызвало насильственные улыбки на наших мрачных лицах — мы не знали, доведется ли нам вновь его увидеть. Наши тяжелые предчувствия оправдались: пандит Мотилал Неру умер сразу же по приезде в Лакхнау. Я узнал об этом, как только вернулся в Патну, и немедленно направился в Аллахабад, но приехал уже после кремации.

Страна была оглушена этим ударом. Повсюду проходили траурные митинги. Невозможно передать то острое чувство потери, которое испытывал каждый индиец. Наша скорбь была особенно горькой потому, что как раз в это время состоялось заседание Рабочего комитета, который должен был проанализировать положение в стране и провести переговоры с правительством. Индия лишилась мудрых советов опытного и дальновидного лидера в весьма критический момент.

ПАКТ ГАНДИ — ИРВИН

Участники конференции круглого стола встретились с членами Рабочего комитета Конгресса и, изложив им суть выводов, к которым пришла конференция, дали понять, что английское правительство хотело бы, чтобы Конгресс принял участие в дальнейшей работе конференции с целью достичь согласованного урегулирования. В то время как Рабочий комитет обсуждал возможные принципы компромисса, Махатма Ганди с большой энергией добивался согласия правительства Индии на проведение беспристрастного расследования тех эксцессов, которые были допущены должностными лицами при подавлении движения сатьяграхи. Однако вице-король Индии не слышать об этом не хотел. Всем нам, собравшимся в Аллахабаде, казалось, что переговоры обречены на провал, ибо Махатма был непреклонен. Когда было выдвинуто предложение о его встрече с вице-королем, он твердо заявил, что сперва следует провести расследование, однако в конце концов сам написал вице-королю письмо, в котором выразил желание с ним встретиться. Лорд Ирвин согласился и пригласил Гандиджи в Дели.

Вместе с Гандиджи туда отправились все члены Рабочего комитета. Мы остановились у д-ра Ансари. Переговоры Гандиджи с лордом Ирвином длились около двадцати дней. Иной раз он проводил в резиденции вице-короля весь день и г-же Майробен приходилось носить ему туда пиццу, а иногда возвращался поздней ночью. По возвращении он в любое время дня и почти неизменно делал доклад Рабочему комитету, в случае необходимости поднимая нас с постели.

В Гуджарате после кампании неуплаты земельного налога были конфискованы большие площади пахотной земли. Валлабхаи Патель решительно требовал, чтобы возвращение земли тем, кто ее обрабатывает, было условием обсуждения компромиссных предложений, но бомбейское правительство никак на это не соглашалось. В конце концов была достигнута договоренность о проведении расследования, поскольку Гандиджи

объявил кампанию нарушения соляной монополии, ибо стремился добиться какой-нибудь уступки для бедняков в отношении снабжения их солью. Джавахарлал Неру отнюдь не был доволен направлением, которое приняли переговоры, и заявлял, что предполагаемый компромисс лишь отбросит страну назад; однако другие считали почетный компромисс выгодным.

Однажды, беседуя с Гандиджи во время его утренней прогулки, я сказал, что ему следует что-то предпринять, чтобы этот компромисс выглядел как победа, а не как поражение. Гандиджи рассмеялся и заметил, что компромисс сам по себе не может превратить поражение в победу или наоборот, а если мы одержим победу, народ это почувствует независимо от того, будет достигнут компромисс или нет. Если же мы потерпим поражение, то компромисс уже не вызовет в народе никакого подъема. Условия компромисса обсуждались Рабочим комитетом в течение нескольких дней.

После терпеливых переговоров Гандиджи и лорд Ирвин подготовили окончательный проект соглашения. Однажды, когда члены Рабочего комитета обсуждали этот проект, один из них обнаружил в нем упущение — он заметил, что одна фраза допускает двойное толкование. Гандиджи также счел, что фраза создает ложное впечатление. Он довел об этом до сведения вице-короля, но к тому времени проект уже был отправлен в Лондон и английское правительство успело его утвердить. Лорд Ирвин оказался в затруднительном положении, однако после длительных переговоров согласился исправить фразу, чтобы удовлетворить просьбу Гандиджи. После этого все члены Рабочего комитета, за исключением Джавахарлала Неру, приветствовали пакт Ганди — Ирвин. Гандиджи приложил все усилия, чтобы переубедить Джавахарлала, но ничего не добился.

Пока в Дели шли переговоры, сатьяграха продолжалась, но уже не в прежних масштабах. Все же из многих мест поступали сообщения о серьезных инцидентах; Гандиджи написал об этом вице-королю, и тот обещал их расследовать. Как только пакт Ганди — Ирвин был подписан, Рабочий комитет дал провинциальным комитетам указание прекратить сатьяграху, а правительство со своей стороны согласилось считать комитеты Конгресса легальными.

Как раз в это время подоспела женитьба моего младшего сына Дхананджаи, и мой брат назначил день свадебной церемонии, полагая, что к тому моменту переговоры в Дели закончатся. Но переговоры неожиданно затянулись, и оказалось, что они продлятся чуть ли не до дня свадьбы. Я написал брату, что смогу принять участие в торжестве лишь в том случае,

если переговоры закончатся несколько раньше, в противном случае свадьба должна состояться без меня. К счастью, пакт Ганди — Ирвин был подписан за два дня до свадьбы, и мне удалось попасть в Зерадеи вовремя. Полагая, что все мои друзья-сатьяграхисты, с которыми я находился в Хазарибагской тюрьме, будут освобождены, я всем им разослал приглашения на свадьбу, но никто из них не смог приехать.

По-моему, лорд Ирвин был искренен, заключая пакт, и хотел, чтобы все содержащиеся в нем обязательства были выполнены. Однако чиновникам индийской гражданской службы это не понравилось, и именно из-за помех, которые они чинили, окончательное утверждение соглашения заняло много времени. Лишь благодаря настояниям лорда Ирвина и горячей заинтересованности, проявленной английским лейбористским правительством, соглашение в конце концов было подписано. Мы думали, что после его подписания нам удастся посвятить всю свою энергию выполнению конструктивной программы, однако вскоре картина изменилась. Лорд Ирвин пробыл в Индии еще каких-нибудь несколько недель, а затем его сменил лорд Уиллингдон, который прежде был губернатором Бомбея и Мадраса и хорошо знал Индию. Ему были также достаточно известны настроения чиновников гражданской службы, и, став вице-королем Индии, он счел нужным эти настроения поддерживать. Таким образом, с прибытием нового вице-короля позиция официальных кругов изменилась. Хотя правительство Индии не могло нарушать пакт открыто, оно стало всячески препятствовать его проведению в жизнь.

Пакт Ганди — Ирвин имел большое значение, ибо, во-первых, это был первый случай, когда английское правительство согласилось вести переговоры об урегулировании с представителем народной организации. Во-вторых, народу были предоставлены некоторые льготы в отношении снабжения солью. В-третьих, отныне перед Конгрессом был открыт путь для участия во второй конференции круглого стола. Все гарантии, которые англичане предложили включить в конституцию, чтобы оградить свои интересы, теперь можно было проанализировать с точки зрения интересов широких масс индийцев. Наконец, Конгресс согласился на создание федеральной системы, предполагающей сильную центральную власть и автономию провинций. Существовала надежда, что княжества также присоединятся к федерации. Я воспринял компромисс с чувством удовлетворения, но, к сожалению, представители английского правительства в Индии не выполнили полностью даже условий этого соглашения, как было и с многими прежними декларациями.

После заключения пакта Ганди — Ирвин было решено провести очередную ежегодную сессию Конгресса в Карачи в марте 1931 года. Времени оставалось мало, но деятели Конгресса в Карачи взяли на себя все необходимые приготовления. Председателем сессии был избран сардар Валлабхаи Патель.

В это время после длительного судебного разбирательства был вынесен суровый приговор по делу о лахорском заговоре. Публиковавшиеся в газетах отчеты о судебных заседаниях вызвали в широкой публике большой интерес к процессу. Бхагат Синга обвиняли, между прочим, в убийстве полицейского офицера, англичанина, который избил Лалла Ладжнат Рая. Бхагат Синг держался на процессе с большим мужеством и стал народным героем. Он и еще несколько человек были приговорены к смертной казни, а остальные — к длительному тюремному заключению. Все обвиняемые были молоды. Решение суда вызвало глубокое возмущение в стране. Махатма Ганди упрашивал лорда Ирвина смягчить приговор Бхагат Сингу, заменив смертную казнь пожизненным заключением. Однако лорд Ирвин, готовившийся к отъезду из Индии, не давал своего согласия. Возможно, это объяснялось тем, что он не хотел еще больше настроить против себя чиновников гражданской службы, и без того недовольных его соглашением с Конгрессом. В результате вмешательства Гандиджи исполнение приговора было отсрочено и появилась надежда, что Бхагат Синг не будет повешен.

В конце концов лорд Ирвин заявил, что не имеет возможности уступить просьбам Гандиджи, но предложил отложить казнь Бхагат Синга до окончания сессии Конгресса. По-видимому, вице-король полагал, что если казнь будет произведена раньше, то Конгресс в порыве возмущения проголосует против пакта Ганди — Ирвин и что делегаты сессии устроят демонстрацию против Махатмы. Однако Гандиджи ответил ему письмом, в котором заявлял, что всего лишь отсрочить казнь — значит обмануть Конгресс и страну. Смертные приговоры были приведены в исполнение до сессии Конгресса в Карачи.

Казнь Бхагат Синга, а также тот факт, что с его останками не обошлись с должным уважением, вызвали возмущение народа. Особенно негодовала молодежь — она обвиняла Махатму в безразличии и недостаточной настойчивости. Эти люди не понимали, что Гандиджи сделал буквально все возможное, чтобы спасти жизнь Бхагата. Когда Гандиджи ехал в Карачи, по пути его следования устраивались демонстрации протеста. В некоторых местах ему подносили искусственные черные

цветы, и он брал их, не проявляя ни малейшего признака перевозности или негодования. Во время сессии Конгресса в Карачи широкие слои населения были крайне возмущены. Хотя народ не проявлял никаких признаков неуважения к Гандиджи, его чувства находили выход на массовых молитвенных собраниях, проводившихся ежедневно утром и вечером. Глубокое волнение, охватившее делегатов сессии, проявлялось в их выступлениях.

Сессия Конгресса в Карачи впервые проводилась под открытым небом. Заседания редакционной комиссии происходили в небольшом крытом пандале, а пленарное заседание, затянувшееся до глубокой ночи, состоялось под открытым небом. Благодаря тому что на этот раз не пришлось возводить огромный пандал, Организационный комитет сэкономил много средств, но зато ему пришлось провести большие работы по освещению территории, где заседал Конгресс. Комитет справился с этой задачей блестяще, и по ночам пленарные заседания Конгресса являли собой величественное зрелище. Поскольку это была первая сессия после проведения сатьяграхи, народ гордился тем, что именно в результате этой кампании правительство пришло к соглашению с Конгрессом. После заключения пакта Ганди — Ирвин в соответствии с его условиями большинство сатьяграхистов было выпущено из тюрьмы, и многие из них присутствовали на сессии. Во время сессии продолжались переговоры об освобождении тех сатьяграхистов, которые все еще находились в тюрьме.

Сессия Конгресса в Карачи приняла две основные резолюции. Первая ратифицировала пакт Ганди — Ирвин, а во второй излагались принципы программы, которой следовало придерживаться после достижения независимости, и упоминалось об экономической свободе. Этот вопрос прозвучал с трибуны Конгресса впервые. Хотя Неру затрагивал эту тему в своем докладе, именно принятая в Карачи резолюция давала четкое представление о наших целях в области экономики. Джавахарлал Неру внес эту резолюцию, а Махатма Ганди и сардар Патель лишь поддерживали ее. Даже у редакционной комиссии не нашлось времени обсудить резолюцию. Некоторые конгрессисты сетовали на то, что для обсуждения столь важного вопроса было отведено слишком мало времени. Поэтому в принятой сессией резолюции говорилось, что последняя подлежит рассмотрению всеми провинциальными комитетами, а затем, в свете высказанных ими мнений, специальная подкомиссия должна выработать приемлемые поправки и передать их на обсуждение Всеиндийского комитета Конгресса, который затем окончательно сформулирует резолюцию.

Сессия приняла также решение, что Конгресс должен быть представлен на конференции круглого стола, если английское правительство предложит ему участвовать в ней. Численность делегации Конгресса не уточнялась, и мы не совсем ясно представляли себе, каковы должны быть наши требования. В принятой сессией Конгресса резолюции вновь подтверждалось, что наша цель — достижение независимости, и выдвигались прежние требования относительно характера конституции, которую должна получить Индия. Позднее по совету Махатмы Ганди Конгресс решил, что единственным представителем Конгресса на конференции круглого стола должен быть сам Ганди. Численность делегации Конгресса не будет иметь никакого значения, говорил Гандиджи, и поэтому Конгресс с таким же успехом может представлять один человек: если английское правительство останется непреклонным, то численность делегации сама по себе не окажет на него никакого влияния.

По возвращении из Карачи я стал тратить большую часть времени на переписку с правительством, пытаясь добиться освобождения сатьяграхистов, все еще томившихся в тюрьме. По условиям пакта Ганди — Ирвини мы обязались временно прекратить сатьяграху, что и было сделано как в публичном заявлении, так и путем указаний, данных всем провинциальным комитетам Конгресса. С другой стороны, правительственный механизм работал очень медленно, и после отъезда лорда Ирвина дело застопорилось. Махатма Ганди и председатель Конгресса сардар Патель направляли правительству Индии в письменном виде свои соображения по вопросам общендийского характера, а провинциальные комитеты Конгресса вели переписку с соответствующими провинциальными правительствами по вопросам, касающимся провинций. Для обсуждения дел нашей провинции я встречался с губернатором и его помощником. Наши усилия увенчались некоторым успехом, но неповоротливость правительственного аппарата глубоко нас возмущала: мы видели, как простые вопросы, не вызывающие никаких сомнений, усложняются и приобретают спорный характер.

Через несколько недель в Бомбее собрался Рабочий комитет Конгресса, чтобы обсудить вопрос об индуско-мусульманском единстве. После Калькуттской сессии Конгресса 1928 года значительное число мусульман вышло из партии; они создали свою организацию и стали выдвигать собственные требования. Джинна уже сформулировал свои «четырнадцать пунктов». Мы считали, что нам важно выработать четкие взгляды по этому вопросу до того, как мы примем участие в конференции круглого стола. Я заболел и не смог участвовать в заседании Рабочего комитета, но расположился в одной из комнат,

примыкавших к помещению, где оно происходило. Рабочий комитет принял решение, что Конгресс пойдет на соглашение с национальными меньшинствами при условии, что пункты этого соглашения не будут идти вразрез с нашими национальными чаяниями. Если все партии смогут на этой основе разработать приемлемое для всех соглашение, Конгресс тоже примкнет к нему. Основные положения такого соглашения излагались также в резолюции Рабочего комитета, причем она была принята входившими в состав комитета мусульманами, которые, по существу, и потребовали ее принятия. Они хотели, чтобы Конгресс, как и другие партии, излагал свои предложения ясно и подробно, с тем чтобы абсолютно вся страна и конгрессисты в особенности смогли уяснить себе положение вещей и поддерживать позиции партии при каждом удобном случае.

Было созвано заседание Всеиндийского комитета Конгресса для рассмотрения резолюции об основных правах, принятой сессией Конгресса в Карачи. Созданный сессией подкомитет подготовил свой доклад на основе сообщений, полученных от провинциальных комитетов. Ни один из них не предусматривал внесение сколько-нибудь серьезных изменений в первоначальный текст, и после небольших поправок резолюция была составлена в окончательной форме и принята ВИКК.

Всеиндийский комитет Конгресса рассмотрел также вопрос о национальном флаге. Конгресс имел свой флаг с 1921 года, но он не был утвержден официально. Флаг состоял из трех полос — снизу красная, в середине зеленая и сверху белая, а в центре была изображена прялка. Для тех, кто был готов признать этот флаг, Гандиджи следующим образом разъяснял символическое значение трех цветов. Красный цвет олицетворяет индусов, и, поскольку они составляют большинство, красная полоска находится у основания флага. За ними по численности идут мусульмане; их символизирует зеленая полоска, а остальных — белая. В связи с тем что мы выступали за достижение независимости ненасильственным путем, в центре флага в качестве эмблемы была изображена прялка. Сикхи были недовольны флагом и требовали, чтобы их символизировала отдельная полоска. Они приняли участие в национальном движении и составляли значительное национальное меньшинство. Хотя исторически сикхи представляли собой боковую ветвь индусской общины, и «Хинду махасабха» рассматривала их именно как таковых, сами они упорно требовали, чтобы их считали отдельной общиной. Для решения этого вопроса был создан специальный подкомитет. На основе его рекомендаций национальный флаг подвергся изменению, хотя и остался трехцветным: нижняя полоса — зеленая, средняя — белая, а верхняя — шафрановая. Отныне цвета

символизировали не общины, а определенные качества. Выбор пал на шафрановый цвет потому, что он красивый, но сикхам он понравился не за это свойство, а потому, что они считают его своим символом. В результате сикхи с готовностью признали новый флаг.

В течение 1931 года я объехал несколько округов Бихара, стремясь побудить население принять нашу конструктивную программу, и поездка моя увенчалась большим успехом. В отличие от поездки 1921 года в Сантал Паргану, где из-за политики репрессий, проводившейся правительством, мне трудно было найти пристанище, на этот раз меня ждал восторженный прием даже в самых отдаленных деревнях округа. На железнодорожной станции Пакур, где в девять часов вечера я сошел с поезда, была устроена красивая иллюминация. Целая процессия сопровождала меня в резиденцию самого крупного местного помещика, который оказал мне гостеприимство. Я объехал весь округ на его автомобиле.

ГАНДИДЖИ НА КОНФЕРЕНЦИИ КРУГЛОГО СТОЛА

Приближалась вторая конференция круглого стола, но пакт Ганди — Ирвин все еще не был осуществлен полностью. Одно из условий, которое еще не было претворено в жизнь и которому сардар Патель придавал большое значение, заключалось в том, чтобы провести расследование конфискации и продажи с молотка земель в гуджаратских деревнях во время сатьяграхи. Правительство доказывало, что это сложное и запутанное дело. Махатма Ганди уже устал писать правительству по этому поводу. Он отправился в Симлу обсудить вопрос о претворении в жизнь пакта Ганди — Ирвин. Возникли сомнения, сможет ли Махатма присутствовать на Лондонской конференции, если правительство останется непреклонным в вопросе о пакте? Во многих кругах Англии сложилось твердое мнение, что Махатма должен принять участие в переговорах. В конце концов правительство Индии согласилось со всеми условиями, выдвинутыми Гандиджи. Времени оставалось в обрез, и он специальным поездом выехал из Симлы в Бомбей, где сел на пароход, задержанный специально для него, и отбыл в Англию, куда должен был приехать как раз к открытию второй конференции круглого стола.

Когда началось расследование по вопросу об отчуждении земельных участков в Гуджарате, Валлабхаи Патель вызвал меня в Бардоли, где находилась штаб-квартира комиссии, производившей расследование. Бхулабхаи Десаи представлял интересы крестьян, а окружной государственный юрист — интересы английского правительства. Я часто бывал на расследовании, которое тянулось несколько недель. Наконец в ходе расследования потребовалось, чтобы правительство представило некоторые официальные документы, но суд согласился с мнением государственного юриста, и документы не были представлены. Считаю, что эти действия являются нарушением правосудия, Бхулабхаи Десаи в знак протеста отказался участвовать в расследовании.

В результате был составлен односторонний доклад, благоприятный для правительства. Я поехал в Бардоли помочь сардару Пателю, но помощь моя так ему и не понадобилась: к его услугам было много местных деятелей. Я неоднократно обсуждал с ним письма, которые он получал как председатель Конгресса, о претворении в жизнь условий пакта. Пробыв в Бардоли две недели, я вернулся в Бихар.

Ко времени прибытия Гандиджи в Лондон в составе английского правительства произошли изменения: лейбористское правительство пало, и к власти пришло так называемое «национальное правительство», которое по-прежнему возглавлял Рамсей Макдональд. Хотя новый кабинет именовался межпартийным, в нем преобладали консерваторы. Сэр Сэмюэль Хор сменил Веджвуда Бенна на посту министра по делам Индии. Отныне всякие надежды даже на те незначительные уступки, которых мы ожидали от английского правительства, стали напрасными. Гандиджи выдвинул от имени Конгресса ряд требований. Хотя ему был оказан теплый прием и дружеское гостеприимство, его требование о предоставлении Индии удовлетворительной конституции не было выполнено.

Пандит Малавия и г-жа Сароджини Найду также были приглашены на конференцию (в качестве независимых), но единственным представителем Конгресса являлся Гандиджи. Остальные ее участники, как обычно, были назначены правительством, причем подобрали их с таким расчетом, чтобы исключить возможность каких бы то ни было соглашений по любому вопросу. Гандиджи настаивал на приглашении хотя бы одного мусульманина из числа конгрессистов, но правительство не желало удовлетворить это требование, вероятно, потому, что против него возражали назначенные им представители мусульман. В таком сложном положении нечего было рассчитывать на урегулирование.

Вместо того чтобы обеспечить единство всех слоев индийского общества, конференция круглого стола закончилась неофициальными соглашениями между англичанами, мусульманами и зарегистрированными кастами, выделенными в особую избирательную курию, причем Конгресс был отстранен от участия в этом соглашении. Когда всякая возможность согласованного решения была исключена, Рамсей Макдональд издал *«закон об общинном решении»*, в котором удовлетворял требования мусульман. Это возмутило индусов и сикхов. Закон предусматривал также выделение неприкасаемых в особую избирательную курию, против чего резко возражал Гандиджи. Он публично заявил, что если хариджаны будут выделены в особую избирательную курию, в результате чего индусы высших каст ока-

жуются лишенными возможности голосовать за хариджанов, а хариджаны — за них, то он будет противиться этому всеми мерами и не пожалеет жизни, чтобы устранить подобное зло. Английское правительство, которое вообще ничего не собиралось делать, использовало эти разногласия в качестве удобного предлога для своего бездействия. Большинство индийских делегатов без особого труда разобралось в создавшейся ситуации. Они собрались вместе, выбрали своим руководителем Ага-хана, подготовили проект конституции и передали его на рассмотрение английского правительства. Проект этот был отклонен, и правительство решило само разработать конституцию.

Политическое положение, казалось бы сулившее надежды, стало быстро ухудшаться. Мы ясно видели, что английское правительство не собирается обсуждать какие бы то ни было реформы, а только дожидается возможности отомстить Конгрессу, в котором видит источник всех своих бед. Чиновники гражданской службы открыто призывали к мести и нашли поддержку у лорда Уиллингдона. То был период кризиса, и цены на продовольственное зерно резко упали. Крестьяне понесли большой ущерб. Им трудно было выплачивать земельный и другие налоги. В особенно тяжелом положении оказались крестьяне Соединенных провинций. Ситуация начала ухудшаться еще в 1930 году, и земледельцы ожидали, что Конгресс будет отстаивать их интересы и добьется для них каких-нибудь послаблений.

В некоторых округах, в особенности в Аллахабаде, началась кампания отказа от внесения арендной платы, но после подписания пакта Ганди — Ирвин ее пришлось приостановить. Проблема была не только политической, но также экономической и аграрной. Крестьяне не в состоянии были вносить арендную плату, даже если бы захотели. В результате заключения пакта Ганди — Ирвин Конгресс оказался в щекотливом положении — он не мог поддерживать кампанию неуплаты аренды, но все же считал необходимым как-то улучшить положение крестьян и начал действовать в этом направлении. Однако правительство чинило ему всяческие препятствия.

Землевладельцы со своей стороны жаждали получить с крестьян причитающуюся им арендную плату. Правительство освободило некоторых крестьян от уплаты земельного налога, но этого было недостаточно. Суммы, которые крестьяне могли уплатить, были настолько малы, что не покрывали их задолженности помещику, и, для того чтобы взыскать всю сумму аренды, было отдано распоряжение о массовом сгопе крестьян с земли. Джавахарлал Неру, Пурушоттамдас Тандон и Т. А. К. Шервани прилагали все усилия, чтобы добиться освобождения разо-

ренных крестьян от уплаты земельного налога, но их попытки ни к чему не привели: правительство не желало ничего предпринимать по настоянию Конгресса, ибо, по его мнению, это могло бы способствовать росту престижа Конгресса среди крестьян. Когда все пути, с помощью которых можно было выправить положение, оказались закрытыми, провинциальные комитеты Конгресса призвали крестьян не вносить арендной платы и объявлять себя неплатежеспособными. Однако, поскольку этот шаг мог быть истолкован властями как кампания отказа от уплаты налогов, а, кроме того, провинциальные комитеты не были уполномочены давать от своего имени такие директивы, они обратились за разрешением к Рабочему комитету Конгресса.

Когда Рабочий комитет получил от комитета конгресса в Соединенных провинциях просьбу разрешить ему провести кампанию неуплаты налогов, его члены отнеслись к этому очень серьезно. Перед ними встал вопрос: правильно ли они поступят, разрешив провести кампанию неуплаты налогов в отсутствие Махатмы Ганди, а если такая кампания будет начата, то увенчается ли она успехом? Вопрос этот всесторонне обсуждался в течение многих дней. У меня были сомнения насчет того, сможет ли население терпеть репрессии, которые правительство, безусловно, на него обрушит. Отказ от уплаты земельного налога затронул бы интересы правительства, и можно было с уверенностью сказать, что оно поспешит устранить такую угрозу. Я неоднократно задавал своим друзьям вопрос: в какой мере народ готов будет сносить правительственные репрессии? Но им нечего было ответить, разве только заверить меня в общих словах, что народ готов вынести все трудности.

С другой стороны, сардар Патель считал, что каждый провинциальный комитет Конгресса должен знать дела своей провинции лучше, чем кто бы то ни было, и если он считает, что у нас нет никаких других возможностей, кроме проведения кампании неуплаты налогов, и что народ готов взять на себя все последствия, значит, у Рабочего комитета нет никаких оснований задерживать разрешение. В конце концов он разрешил начать кампанию, хотя и сопроводил свое согласие многочисленными оговорками, а также дал указание начать кампанию не сразу, а после предварительной подготовки. Правительство, которое только и ждало повода, тут же начало репрессии. Позднее губернатор Соединенных провинций сэр Малкольм Хэйли открыто признал, что основные затруднения в стране возникли в связи с резким падением цен; он заявлял даже, что, пока законы об арендаторстве и о земле не подвергнутся коренному пересмотру, вся социальная структура Индии будет находиться под угрозой. Однако в тот момент правительство Индии считало своей основ-

ной задачей поставить Конгресс вне закона, подорвать его влияние, и оно со всей решимостью взялось за ее выполнение.

В Бенгалии также создалось серьезное положение. Правительство этой провинции всегда панически боялось террористов и революционеров и бросило в тюрьмы много молодежи. Оно не выполняло условий пакта Ганди — Ирвин и не освобождало заключенных, ссылаясь на особые затруднения, переживаемые провинцией. Народ был возмущен позицией правительства. В это время произошел инцидент в тюремном лагере Хиджли, где содержалось много заключенных, обвинявшихся в террористических актах. Стража пустила в ход огнестрельное оружие. Многие из узников были ранены, а несколько человек, вероятно, убиты. Это еще больше усилило гнев народа. Затем революционеры в Читтагонге убили полицейского офицера-мусульманина. Правительство изобразило этот инцидент как проявление религиозно-общинной розни, но в действительности террористы убили также немало офицеров-индусов и никогда не делали никаких различий между индусами, мусульманами и христианами. Они стремились уничтожить тех, кого считали врагами своей страны, независимо от их касты или вероисповедания. Однако правительство начало усиленно преследовать индусскую общину Читтагонга и проводило эту линию весьма жестко.

В Брахампуре (округ Муршидабад) была созвана политическая конференция провинции, чтобы обсудить создавшееся положение. Председательствовал на ней знаменитый бенгальский националист Хардьял Наг. Сардар Патель просил М. С. Анея и меня присутствовать на конференции в качестве представителей Конгресса. Мы согласились, и я обратился к собравшимся с речью на языке бенгали.

В Северо-Западной пограничной провинции атмосфера тоже была накалена до крайности, ибо и там правительство проводило репрессивные меры в широком масштабе. По мере того как работа конференции круглого стола приближалась к концу, положение в стране быстро ухудшалось. Мы видели, что черные тучи вновь заволакивают горизонт.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ РЕПРЕССИЙ

По окончании конференции круглого стола Гандиджи возвратился в Индию совершенно разочарованный. Между тем правительство стало проводить в большинстве провинций политику жесточайших репрессий. Так, в Северо-Западной пограничной провинции были арестованы Хан Абдул Гаффар-хан и д-р Хан Сахиб, причем тюремное заключение они отбывали не в своей провинции. В Соединенных провинциях были арестованы Пурушоттамдас Тандон и Шервани. Мы с Джавахарлалом Неру поехали в Бомбей, чтобы встретиться с Гандиджи. На небольшой станции, неподалеку от Аллахабада, прибытия поезда ожидала полиция; поезд остановился, полицейские вошли в наше купе и арестовали пандита Неру, а я поехал дальше.

Бомбей устроил бурную овацию индийскому лидеру, возвратившемуся из Англии. На всем пути следования Гандиджи, от порта до самого дома, стояли толпы людей, встречавших его приветственными возгласами. Немедленно по приезде Гандиджи началось заседание Рабочего комитета, который информировал его о событиях, происшедших за это время в Индии. Гандиджи стало ясно, что правительство решило проводить политику репрессий. Рабочий комитет принял резолюцию о положении в стране; Гандиджи по телеграфу передал ее текст вице-королю и просил о встрече с ним.

Мы хотели избежать новой кампании сатьяграхи — в тот момент мы внутренне не были к ней подготовлены. Но нам было ясно, что власти решили подавить наше движение. Видные лидеры Конгресса были арестованы без всякого повода. Еще до возвращения Гандиджи из Лондона правительство приняло меры, чтобы исключить возможность новой кампании сатьяграхи. Теперь оно перешло в наступление, не ожидая, пока Конгресс осуществит свою угрозу. Намерения правительства были совершенно очевидны. Д-р Ансари по существу даже знал текст указов, которые должны были быть вскоре опубликованы. Гандиджи считал, что, прежде чем принять решение насчет каких бы то ни было действий в ответ на наступление прави-

тельства, необходимо переговорить с вице-королем. Именно по этой причине он и направил телеграмму лорду Уиллингдону.

По пути из Бомбея в Патну мне пришла мысль созвать совещание конгрессистских лидеров своей провинции, чтобы решить, какие меры следует принять в ответ на репрессии, которые, бесспорно, начнутся в Бихаре. Со станции Итарси я послал телеграммы в адрес Рабочего комитета бихарской организации Конгресса и некоторых его членов с предложением собраться в Патне. На следующее утро, прибыв в Патну, я узнал, что телеграммы не были доставлены — их перехватили власти. Однако несколько членов комитета случайно оказались в Патне, и я все же созвал совещание. В ту же ночь мы получили известие, что Гандиджи, Валлабхаи Патель и другие видные лидеры Конгресса арестованы. Нам стало ясно, что вскоре и мы последуем за ними в тюрьму. Поэтому мы решили разработать программу, которой следовало придерживаться в наше отсутствие, и приняли необходимые меры для того, чтобы ознакомить народ с нашими директивами.

Работа наша была прервана приходом полиции. Когда Рабочий комитет бихарской организации Конгресса закончил обсуждение стоявших перед ним вопросов и часть его членов уже вышла из ашрама, нам сообщили, что полицейские у ворот. Мы стали спокойно ждать ареста. Вокруг ашрама был выставлен кордон. Начальник полиции вошел в зал, где мы сидели, и спросил, действительно ли здесь заседает Рабочий комитет. Мы ответили, что заседание окончилось и некоторые члены комитета уже разошлись. Тогда он показал нам правительственное предписание, объявлявшее вне закона комитеты Конгресса. Нам заявили, что мы арестованы, и предложили остаться в ашраме, пока полицейские не закончат обыск. Полиция захватила ашрам и вместо нашего трехцветного знамени вывесила английский флаг. Затем последовал обыск ашрама, который длился несколько часов, но ничего предосудительного найдено не было. Имущество ашрама было разграблено, а учащимся и преподавателям видьяпитха приказано было его покинуть.

Часов в девять вечера нас отправили в Банкипурскую тюрьму, где поместили в грязную камеру, выдав вместо матрацев одеяла. Пищей нам служили пури с базара. Мы улеглись, но в камере стоял такой запах, что всю ночь нельзя было уснуть. Утром к нам пришел начальник тюрьмы; он сказал, что, если мы хотим, можно договориться, чтобы нам присылали еду с воли. Мы отказались, заявив, что будем пользоваться тюремной пищей. Мы ели то же самое, что и рядовые заключенные, и еду нам подавали в тасле (жестяной миске). Через два дня нас перевели в камеру верхнего отделения и стали лучше кор-

мать. Вскоре начался суд — каждого из нас приговорили к шести месяцам тюремного заключения. Несколько дней спустя нас перевели в Хазарибагскую тюрьму, где мы пробыли до окончания срока заключения.

Лидеры Конгресса подверглись аресту совершенно неожиданно, и потому организовать настоящую пропагандистскую кампанию не было возможности. Но те, кто оставался на свободе, проделали замечательную работу. Энтузиазм народа невозможно было сдержать. Получилось так, что в связи с нашим арестом сами собой выявились новые лидеры, которые сумели обеспечить руководство движением. Публичные митинги и шествия были запрещены — тем легче нам было объявить сатьяграху. Публичные митинги и шествия, обстрел полицией народных толп, избивание их дубинками стали повседневным явлением; народ легко преодолевал все препятствия и продолжал нарушать полицейские запреты. Помещения всех комитетов Конгресса по всей стране были захвачены властями и опечатаны. Полиция всюду срывала и оскверняла наш национальный флаг, вызывавший у нее особую ярость. Но народ продолжал высоко держать наше знамя.

Правительство начало свое хорошо подготовленное наступление 4 января 1932 года. Но ему не удалось запугать народ, и 26 января он, как обычно, отметил День независимости. Полиция ответила на это избиваниями, расстрелами и арестами. В Мотихари состоялся массовый митинг, на который собралось множество народу из окрестных деревень. Полиция обстреляла толпу, и многие были убиты. Однако народ не расхотелся, и митинг продолжался еще долго после того, как полиция ретировалась. Участники его провели в Мотихари всю ночь и возвратились в свои деревни лишь утром. Сейчас на том месте, где пали наши мученики, установлен памятник. В Тарапуре и Бегусарае полиция тоже обстреляла толпу, в результате чего были убитые. Но местное население проявило замечательный героизм.

Тюрьмы были переполнены. В отличие от кампании 1930 года на этот раз дисциплина в тюрьме была строже, а условия жизни суровее. Нам ни разу не разрешили увидеться с Абдул Гаффар-ханом и д-ром Хан Сахибом, хотя они отбывали заключение в той же самой тюрьме. Жизнь наша протекала почти так же, как и в предыдущий раз, только теперь нас не пускали в мастерскую, видимо, из опасения, как бы другие заключенные, общаясь с нами, не «заразились» от нас. Зато мы усиленно вертели свои прялки, и количество вырабатываемой нами пряжи резко возросло. Все больше времени мы уделяли чтению религиозных книг. Помимо индуистских священных текстов, мы изучали коран, библию и буддийскую литературу.

В нашей тюрьме произошел следующий странный эпизод. Вместе с нами в заключении находился Махамайя Прасад — человек крепкого сложения, ведавший нашей тюремной кухней. Как-то раз он пожаловался, что его лихорадит, но нам и в голову не пришло, что с ним приключилось что-нибудь серьезное. Однако на другой день Прасаду стало трудно говорить, а на третий он совершенно потерял речь и вынужден был выражать свои желания письменно. Тюремный и городской врачи осмотрели его, но не смогли поставить диагноз. Так как срок заключения Прасада к тому времени почти истек, правительство немедленно его освободило, и он выехал лечиться в Калькутту. Там Прасад перепробовал всевозможные методы лечения, но безрезультатно: он оставался немым в течение двух лет. Затем в 1934 году он отправился с д-ром Ансари в Европу и там оказался одному венскому специалисту. На сей раз лечение пошло успешно: Прасад стал понемногу говорить; сперва он говорил медленно, а потом речь полностью восстановилась.

Между тем кампания, начатая Конгрессом, продолжалась с прежней силой. Было решено провести ежегодную сессию Конгресса в марте в Ориссе, и там начались необходимые приготовления. Правительство, решив сорвать сессию, арестовало почти всех конгрессистов, участвовавших в ее подготовке, и заточило их в Хазарибагскую тюрьму. В результате пришлось отказаться от мысли о проведении сессии в Ориссе. Конгрессисты, находившиеся на свободе, были так же тверды в своем намерении провести сессию, как правительство в своем намерении сорвать ее. Наконец решено было провести сессию на улице Чандни Чоук в Старом Дели под председательством пандита Малавия. О месте и времени ее открытия было объявлено.

За несколько дней до начала сессии в Дели стали стекаться тысячи людей. Пандиту Малавия не дали приехать в Дели — он был арестован, как только миновал Гхазиабад. Когда собравшийся в Дели народ узнал об этом, пронесся слух, что сессия будет проведена в Новом Дели, и полиция сразу же стала сосредоточивать там свои силы. Однако в назначенный день точно в условленный час конгрессисты собрались около башни с курантами на Чандни Чоук, и сессия Конгресса была открыта. За отсутствием пандита Малавия председателем ее был избран фабрикант из Бомбея Ранчхор Дас. Он произнес краткую вступительную речь, а затем сессия в деловой обстановке обсудила несколько резолюций и официально приняла их. К концу заседания полиция, которую обвели вокруг пальца, прибыла на место действия и напала на толпу. Однако пленарное заседание тем временем закончилось, и народ стал расходиться. На другой день мы, заключенные, с большим удовольствием прочитали,

как ловко народ обманул полицию. Ранчхор Даса, председательствовавшего на сессии, полиции арестовать не удалось. Возможно, Дас вообще был подставным лицом, ибо он не фигурирует в списке председателей Конгресса, и, кроме того, в отличие от других председателей, он не был назначен пожизненным членом Всеиндийского комитета Конгресса.

Этот эпизод показал, что вся страна поддерживает Конгресс. Но самолюбию властей был нанесен сильный удар, и они стали налагать большие штрафы на лидеров Конгресса и тех, кто им сочувствовал. Все имущество, принадлежащее комитетам Конгресса, было конфисковано, а их активы в банках заморожены. Правительство считало, что у Конгресса имеются крупные ликвидные активы. Действительно, в 1921 году на текущем счету Конгресса имелась солидная сумма, но почти вся она была израсходована на развитие национального образования и пропаганду кхадхи. С тех пор провинциальные комитеты проводили сбор средств лишь для покрытия своих организационных расходов. Собранные ими суммы отнюдь не были значительными. Однако работа от этого не страдала, ибо Конгресс пользовался народной поддержкой и всегда мог рассчитывать на то, что народ обеспечит ему столько средств, сколько понадобится. Гандиджи считал, что общественная организация не должна иметь на своем счету крупные суммы и что сбор средств следует проводить только для конкретных целей по мере необходимости. Действуя таким образом, говорил он, организация никогда не поставит себя в затруднительное положение, ибо, потеряв народную поддержку, она не сумеет проводить и сбор средств. Зависимость от сотрудничества и доброй воли народа поможет общественной организации оставаться здоровой и деятельной.

Поэтому, когда власти конфисковали собственность и фонды комитетов Конгресса, они были разочарованы: у комитетов не оказалось сколько-нибудь солидных сумм на текущем счету, и правительство преуспело лишь в одном — лишило нас помещений. Оказание финансовой и любой другой помощи конгрессистам объявлялось преступлением. Правительство издало много указов, вводивших новые ограничения. Население было терроризировано, и конгрессистам иной раз трудно было достать транспорт или снять помещение. Тем не менее большинство народа было на нашей стороне, и движение не прекращалось. Хотя Конгресс был объявлен вне закона и лишился всех своих помещений и фондов, это не отразилось на его работе, и она продолжалась — то открыто, то тайно. Хвастливое заявление лорда Уиллингдона, что организованное Конгрессом движение будет подавлено в течение двух недель, оказалось пустым бахвальством — движение продолжалось два года.

ГАНДИДЖИ ОБЪЯВЛЯЕТ БЕССРОЧНУЮ ГОЛОДОВКУ

Через шесть месяцев меня освободили, но после этого я из-за болезни прожил несколько дней в самом Хазарибаге, а затем поехал в Патну. Я ослабел от высокой температуры, а когда полностью оправился, то стал наверстывать упущенное, стремясь всесторонне изучить общую политическую ситуацию в стране. Я повидался с большинством деятелей Конгресса, в том числе со многими членами ВИКК, и хотя старался помогать им, однако намеренно не занял никакого поста, чтобы люди, проводившие всю работу в наше отсутствие, по-прежнему могли нести возложенную на них ответственность. Я стал уделять больше времени работе ВИКК. Позднее я отправился в Бенарес, где остановился у пандита Малавия, выпущенного из тюрьмы, а оттуда поехал в Бомбей и Калькутту, чтобы помочь деятелям Конгресса в проведении сбора средств.

В то время как я раздумывал над тем, правильно ли я поступаю, оставаясь на свободе, вместо того чтобы снова попасть в тюрьму, где находятся мои коллеги, я прочел однажды в газетах сообщение, что Гандиджи вновь объявил голодовку, на этот раз бессрочную. Мы ничего не слышали о Гандиджи с тех пор, как расстались с ним в Бомбее, но, кажется, он некоторое время вел переписку с правительством. На конференции круглого стола в Лондоне, возражая против проведенного Рамсеем Макдональдом «закона об общинном решении», Гандиджи заявил, что, если правительство не пересмотрит своего решения, он будет бороться против этого закона до последнего вздоха. Правительство отказалось удовлетворить его просьбу, и он объявил голодовку. Тогда правительство опубликовало в газетах свою переписку с ним, и это вызвало сильное возбуждение в стране.

Гандиджи содержался в Иеравадской тюрьме. Узнав о его голодовке, я тотчас же отправился в Пуру, куда прибыли Раджагопалачария, пандит Малавия и все те лидеры, которые уже были выпущены из тюрьмы. Мы пытались убедить Гандиджи

прекратить голодовку, но он был непреклонен. Однако у нас оставалась одна надежда: в «общинном законе» имелась оговорка насчет того, что угнетенные касты должны иметь отдельные избирательные курии, если не будет разработано согласованное положение об их представительстве. Эта оговорка открывала прекрасную возможность для ликвидации кризиса. Мы связались с лидерами угнетенных каст. Д-р Амбедкар, присутствовавший на конференции круглого стола, в то время находился в Бомбее, и мы запросили его мнение. В течение нескольких дней дело не двигалось с мертвой точки. Вместе с тем рядовые представители угнетенных каст были сильно взволнованы, так как Махатма очень много для них сделал, и они чувствовали, что если он умрет в результате голодовки, то на них ляжет несмыслимое пятно.

Народ высоко оценил все побуждения, которые заставили Гандиджи пойти на этот шаг. Гандиджи утверждал, что хариджаны — неотъемлемая часть индусской общины, но по некоторым историческим причинам и в силу сложившихся обычаев их стали считать неприкасаемыми. Однако, добавлял Гандиджи, сам он считает неприкасаемость страшным проклятием индуизма и преисполнен решимости покончить с ней. Если хариджан вступает в мусульманскую или христианскую общину, то индусы уже не обходятся с ним, как с неприкасаемым, хотя неприкасаемость в известной мере существует и в этих общинах. Гандиджи полагал, что если хариджаны будут выделены в особую избирательную курию, то тем самым неприкасаемость будет увековечена и все попытки искоренить этот скверный обычай окажутся безрезультатными. С другой стороны, лидеры угнетенных каст доказывали, что коль скоро все права и власть являются результатом выборов, а исход последних в свою очередь зависит от числа голосов, то угнетенные касты смогут воспользоваться всеми преимуществами, которые дают выборы, лишь в том случае, если будут выделены в особую избирательную курию. Именно потому, утверждали они, Рамсей Макдональд делал на этом основной упор в своем «общинном законе».

Многим из нас часто приходилось ездить из Пуны в Бомбей и обратно. Это было неудобно, и в связи с неотложностью вопроса все мы обосновались в Пуне, куда приехали также д-р Амбедкар и его помощники. Переговоры продолжались. Мы добились у властей разрешения посетить Гандиджи в тюрьме. Большую часть дня он сидел на койке под манговым деревом близ тюремных ворот. Раджагопалачария, пандит Малавия, Амритлал Тхаккар, которого любовно именовали *Тхаккар Бапа*, Г. Д. Бирла, Пурушоттамдас Гандон, Тхакурдас и остальные

напрягали все силы, чтобы добиться урегулирования. Д-р Амбедкар, д-р Соланки и другие представляли угнетенные касты. Как правило, я присутствовал на переговорах, хотя, по своему обыкновению, говорил мало. Дни шли, и я опасался, как бы эти переговоры не оказались для Гандиджи непосильным бременем.

Однажды вечером Гандиджи имел с д-ром Амбедкаром продолжительный разговор по душам, и тот проникся к нему столь глубоким расположением, что в результате урегулирование было достигнуто: было решено, что угнетенные касты не будут выделены в особую курию и что в каждой провинции для них будет отведено определенное количество мест. Избиратели из угнетенных каст будут иметь право выдвинуть четырех кандидатов на каждое место; если же их окажется больше, то они путем голосования отберут из этого числа четырех. Затем снова будет проведено голосование, и во втором туре индусы высших каст будут вместе с избирателями из угнетенных каст выбирать одного кандидата из четырех намеченных. Было обусловлено, что эта договоренность остается в силе десять лет, по истечении которых вопрос будет рассмотрен снова. Таким образом, угнетенные касты получили значительно больше мест, чем им предоставлял закон об «общинном решении». Это расширение представительства угнетенных каст соответствовало их большой численности.

Когда соглашение было достигнуто, об этом телеграфно уведомили Рамсея Макдональда. Все мы были счастливы. Обрадованный Раджагопалачария после подписания пакта обменялся ручками с д-ром Амбедкаром. Поэт Рабиндранат Тагор, еще не знавший о том, что соглашение достигнуто, приехал в Пуну повидаться с Гандиджи. Он явился в тюрьму как раз в тот момент, когда Гандиджи сообщили, что английский премьер-министр одобрил соглашение. Момент был самый подходящий. Все мы, находившиеся там, начали молиться. Рабиндранат спел песню и дал нам свое благословение. Затем Гандиджи выпил несколько глотков апельсинового сока и тем прекратил голодовку. Вся страна приняла это известие с большой радостью. Эти события послужили мощным толчком к ликвидации неприкасаемости.

В своем страстном стремлении покончить с неприкасаемостью Гандиджи, разумеется, не мог довольствоваться одним лишь созданием общей избирательной курии и резервированием мест для хариджанов. Он считал, что эти условия — лишь паллиатив и что поистине радикальным средством было бы полное устранение неприкасаемости и социальной сегрегации неприкасаемых. Для осуществления поставленной им цели в Бом-

бее было создано представительное собрание индусов, на котором их лидеры обязались прилагать все усилия для искоренения этого зла. Была создана организация под названием «Хариджан севак сангх» (Гандиджи стал применять для обозначения угнетенных каст термин «хариджаны» вместо слова «ачхут», от которого он незадолго перед тем отказался). Г. Д. Бирла стал ее председателем, а Тхаккар Бапа — секретарем. С тех пор эта организация, отделения которой имеются во всех концах страны, неуклонно добивается своей цели. Душой ее стал Тхаккар Бапа, умерший несколько лет назад.

Один из самых первых способов борьбы против неприкасаемости заключался в том, чтобы обеспечить хариджанам доступ в храмы, который до тех пор был для них закрыт. Считалось также, что хариджаны должны получить доступ к колодцам и другим местам общего пользования наравне с индусами высших каст. В результате развернувшейся кампании хариджаны получили доступ во многие храмы, и постепенно им были предоставлены многие другие права и привилегии. Бомбейская конференция послужила примером, которому последовали во всех концах страны, — конференции за отмену неприкасаемости стали повсеместным явлением. У нас в Бихаре такая конференция была проведена в Чапре под председательством известного ученого д-ра Бхагван Даса.

По окончании Бомбейской конференции Раджаджи настоял на том, чтобы я поехал вместе с ним в Мадрас, который считался твердыней неприкасаемости. На Малабарском побережье дело дошло до того, что хариджанам не разрешалось передвигаться по дорогам, которыми пользовались индусы высших каст. Если уж хариджан двигался по такой дороге, то на протяжении всего пути он должен был кричать, чтобы предупредить индусов высших каст, которые могли ему повстречаться. При таких обстоятельствах не было и речи о допуске хариджанов к деревенским колодцам и другим местам общего пользования. Кроме того, в Южной Индии есть огромные храмы, которые привлекают паломников-индусов со всей страны. В старое время они находились в ведении панчаятов, часть членов которых была выборной, а остальные назначались правительством. Однако позднее крупнейшие храмы перешли в ведение государства. Мы полагали, что было бы большим достижением, если бы удалось обеспечить хариджанам доступ в эти храмы.

Итак, я отправился с Раджаджи на юг, и мы приложили все усилия, чтобы обеспечить хариджанам доступ в знаменитые храмы — Мадурай и Шрирангам. Мы беседовали со жрецами, которые сочувственно отнеслись к этой идее. Были проведены также публичные митинги, а кроме того, мы обращались к из-

вестным пандитам. Что касается главных храмов, то все наши усилия оказались безрезультатными, но небольшие храмы, не имевшие общенационального значения, открыли хариджанам свои двери. Однако неудача не обескуражила нас, ибо мы были убеждены, что, хотя наша задача и трудна, она не является неразрешимой. Мы убедились, что нам сочувствуют даже люди, считающие себя ортодоксальными индусами. На обратном пути я побывал в нескольких местах в Андхре, где движение против неприкасаемости тоже развивалось успешно и хариджаны получили доступ во многие храмы.

В конечном итоге наша работа на юге увенчалась успехом. В Керале — главном оплоте неприкасаемости — махараджа Траванкура объявил знаменитый храм Падманабха открытым для хариджанов. Позднее, когда Раджаджи стал главным министром Мадраса, он ввел там закон, который дал возможность многим храмам, в том числе храму Мадурай, открыть свои двери хариджанам. Идея проведения такой реформы законодательным путем захватила воображение народа и широко обсуждалась среди индусов. К своему удивлению, мы обнаружили, что в этом вопросе некоторые южноиндийские брахманы проявляют больше сочувствия к нашему движению, чем небрахманы. Север не мог остаться безучастным к проводимой нами агитации. Вскоре хариджаны получили доступ во многие храмы, и сочувствие к ним выразилось в том, что им было сделано много уступок.

Гандиджи, все еще находившийся в Иеравадской тюрьме, начал писать статьи о проблеме хариджанов, и правительство разрешило печатать их в газетах. Вся индийская печать стала публиковать каждую статью Гандиджи против неприкасаемости. Однако Махатма считал это недостаточным и решил создать свой собственный печатный орган. Газета «Янг Индия» уже давно перестала выходить, и поэтому он начал издавать еженедельник — как на английском языке, так и на языках Индии — и назвал его «Хариджан».

Хотя борьба за права хариджанов вызвала в стране небывалый энтузиазм, в некоторых кругах индийской общины налицо были признаки оппозиции. Самое удивительное заключается в том, что часть хариджанов также была против нашего движения. Они заявляли, что движение против неприкасаемости проводится лишь для отвода глаз и что индусы, принадлежащие к высшим кастам, организовали его с целью отвлечь внимание хариджанов от политических проблем. Они доказывали далее, что, когда экономическое и политическое положение хариджанов улучшится, неприкасаемость исчезнет сама собой, а до тех пор допуск в храмы и другие уступки будут

лишь ублаживать хариджанов и настраивать их на благодушный лад. Они возражали против самого слова «хариджан», заявляя, что для них эта проблема носит чисто политический, а не социальный и религиозный характер. Таким образом они поддерживали недовольство среди хариджанов.

Однако подобного рода обвинение по адресу «Хариджан севак сангх» было нелепо, ибо организация эта вовсе не ставила своей целью препятствовать экономическому и политическому прогрессу хариджанов. Индусы, принадлежащие к высшим кастам, уже предоставили им больше мест в законодательных органах, чем это предусматривалось законом об «общинном решении». По мере того как движение расширялось, отдельные зажиточные хариджаны стали меньше сомневаться. Некоторые из образованных и политически сознательных хариджанов стремились максимально использовать большую численность угнетенных классов. Пожалуй, они были правы, действуя таким образом, но было явной ошибкой заявлять, что борьба за допуск хариджанов в храмы носит чисто показательный характер. Некоторое недовольство наблюдалось и среди индусов, принадлежащих к высшим кастам; они полагали, что кое-кто из хариджанских лидеров пытается использовать положение в своих собственных целях.

Недовольство ощущалось и среди определенного круга конгрессистов. Эти люди считали, что Гандиджи, подняв социальный вопрос в разгар борьбы против правительства, тем самым отвлек внимание от сатьяграхи. В настоящий момент, говорили они, необходимо продолжать неослабевающую борьбу против англичан, а впоследствии будет достаточно времени, чтобы устранить социальное зло тысячелетней давности. Они утверждали, что движение сатьяграхи ослабело из-за того, что многие лидеры Конгресса и их сторонники вступили в «Хариджан севак сангх» или как-то связали себя с движением против неприкасаемости. Возможно, для этих сетований и были кое-какие основания, но дело в том, что большинство примкнувших к движению за права хариджанов не интересовалось сатьяграхой. Некоторые из них, например Г. Д. Бирла и Тхаккар Бапа, вообще в ней не участвовали. Многие участники этого движения еще раньше выражали готовность включиться в любую общественную работу и, когда представился случай, предложили свои услуги. Если бы они были участниками сатьяграхи, это едва ли упрочило бы позиции Конгресса. Недовольные элементы не понимали, что основной причиной, по которой иностранная держава могла господствовать над нами, были наши пороки и недостатки нашей социальной системы. Вот почему Гандиджи придавал такое значение конструктивной программе

по устранению этих пороков. Однако столкновение идей продолжалось. Некоторые подчеркивали, что на первом месте должна стоять политическая агитация; другие, в том числе и я, полагали, что, коль скоро пороки, присущие нашему социальному порядку, будут устранены, за этим последует и все остальное.

Ортодоксальные индусы тоже решительно выступили против нашего движения. Это выразилось в неистовых выпадах против Гандиджи, когда он позднее стал ездить по стране, агитируя за искоренение неприкасаемости. В Пуне, где оппозиция, можно сказать, приняла отчетливую форму, в автомашину Гандиджи была брошена бомба. В других местах в его машину бросали камнями. В Бихаре население всегда было очень преданно ему, и все же в Девгхар Вайдьянатх Дхаме его машину покорежили, пустив в ход тяжелые дубинки. Однако сейчас, оглядываясь на прошлое, я могу сказать, что мы добились значительного успеха в ликвидации неприкасаемости, хотя и нельзя утверждать, что с ней покончено полностью. Предстоит еще многое сделать, но если учесть, что неприкасаемость, этот гнусный обычай, существующий многие столетия,— идея, укоренившаяся в самих глубинах нашего существа, и практика, освященная религией и ставшая по существу неотъемлемой ее частью, то станет ясно, что не следует недооценивать достигнутые успехи. Если напрячь силы еще больше, то цитадель неприкасаемости можно уничтожить; это лишь вопрос желания и решительных усилий со стороны тех, кто проводит конструктивную программу в этой области.

АЛЛАХАБАДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЕДИНСТВА

Получив приглашение участвовать в конференции единства, я отправился в Аллахабад. В конференции, проводившейся в резиденции д-ра Кайласа Натха Катжу, участвовали видные индусские, мусульманские, сикхские и христианские лидеры. На ней присутствовали также Зафар Али и маулана Шаукат Али — последний всего день или два. Те из конгрессистов, которые в тот момент находились на свободе, тоже приняли участие в конференции единства. Конференция пошла на уступки мусульманам, удовлетворив почти все их требования, но мусульмане продолжали настаивать на принятии еще двух условий: во-первых, чтобы им была предоставлена одна треть общего числа мест в Центральном законодательном собрании и, во-вторых, чтобы Синд, где они составляли большинство, стал самостоятельной провинцией. Конференция затянулась. Заседания ее происходили в течение трех недель утром и вечером.

Затем со своими требованиями выступили сикхи. Они хотели получить все то, что предоставлял мусульманам «общинный закон», и все, что мусульмане требовали теперь. Если мусульмане получают представительство в Исполнительном совете при вице-короле, его должны получить также и сикхи. Создавалось впечатление, что эти две общины соперничают между собой, требуя все новых и новых уступок. За время длительных дискуссий было всего лишь два-три случая, когда страсти разгорелись и дело могло окончиться уходом одной из групп. Но благодаря безграничному терпению пандита Малавия конференция прошла гладко. Случалось, что остальные ее участники, устав от нескончаемых дискуссий, готовы были прекратить спор и принять то или иное решение по данному вопросу или же вместо спорного вопроса поставить на обсуждение пункт, не вызывающий разногласий. Однако пандит Малавия упорно продолжал обсуждение спорной темы, пока не удавалось добиться урегулирования. В конце концов по большинству вопросов было достигнуто единодушие. Лишь с вопросом о представительстве

мусульман в Центральном законодательном собрании дело не шло на лад: индусы предлагали им всего 30 процентов мест, потом повысили эту цифру до 31 процента, а затем — до 32 процентов. Что касается требования мусульман об отделении Синда от Бомбея, то соглашение так и не было достигнуто, хотя казалось, что оно уже не за горами.

Во время работы конференции единства в стране создалась замечательная атмосфера, и народ стал надеяться, что по всем вопросам будет достигнуто соглашение. Узнав, что участники конференции урегулировали почти все спорные пункты, а по остальным также будет достигнуто дружественное урегулирование, махараджа Алвара приехал в Аллахабад и выступил на последнем заседании с речью, которая произвела на участников конференции очень большое впечатление. Дальнейшие события показали, что английское правительство было недовольно махараджей Алвара больше, чем он правительством. Махараджа был лишен своего *гадди* и вскоре уехал в Англию, где покончил жизнь самоубийством.

Конференция решила прервать свою работу на неделю и снова собраться в Калькутте, чтобы урегулировать последние спорные вопросы. Мы пытались разработать какую-то согласованную формулу вместо «общинного закона», от которого остался у всех горький осадок. Но, по-видимому, мы не понимали тактики англичан. Когда англичане увидели, что религиозные общины вот-вот придут к соглашению и что неурегулированным остался лишь вопрос о представительстве в Центральном законодательном собрании, они объявили, что согласны предоставить мусульманам 33,3 процента мест в этом органе. То самое требование мусульман, которое вызвало так много прений и для окончательного рассмотрения которого мы собирались отправиться в Калькутту, было удовлетворено англичанами перед самым возобновлением работы конференции. Стало очевидно, что правительство не хочет, чтобы закон Макдональда об «общинном решении» был заменен каким-нибудь согласованным решением. Поэтому оно предвосхитило решение Калькуттской конференции, наперстав то, что было упущено в указанном законе, и калькуттские переговоры, можно сказать, закончились, так и не начавшись: дело ограничилось тем, что участники конференции официально собрались, обсудили положение и разошлись.

Я задержался в Калькутте еще на несколько дней, чтобы провести сбор средств для Конгресса. Хотя сатьяграха вызывала в стране сочувственное отношение, у богатых людей не было желания поддерживать ее открыто. Вместе с тем многие готовы были помогать Конгрессу тайно. Незадолго до конфе-

ренции единства, находясь в Бенаресе, я встретил на улице своего старого друга. Он спросил, где я остановился, и на другой день пришел ко мне. Собираясь уходить, он спросил, правда ли, что Конгресс стеснен в средствах, в особенности в Бихаре и Мадрасе. Я утвердительно кивнул; тогда он вынул из кармана пачку банкнот, сунул их мне и ушел. Сосчитав деньги, я обнаружил, что там было около десяти тысяч рупий! Такие пожертвования мы получали и в Калькутте.

Прошло шесть месяцев, как я вышел из тюрьмы, и, хотя все это время дел у меня было выше головы, я чувствовал, что мое место — в тюрьме. Я решил по возвращении в Патну навлечь на себя тюремное заключение. В это время я занимал пост председателя, или «диктатора», Конгресса, и теперь следовало назначить преемника на тот случай, если я снова попаду в тюрьму. В Калькутте я встретил Раджаджи и М. С. Анея, которые приехали на конференцию единства. Когда я захотел выдвинуть в качестве своего преемника Раджаджи, тот отказался, заявив, что все его время поглощено кампанией против неприкасаемости. Тогда я назначил Анея. После моего ареста он должен был стать «диктатором» Конгресса.

Находясь в Патне, я решил, что было бы хорошо, если бы меня арестовали 4 января 1933 года. Именно в этот день, год назад, был арестован Гандиджи, и, чтобы ознаменовать годовщину этого события, были назначены публичные митинги. Как-то ко мне пришел Ачария Крипалани, пожелавший оказать движению финансовую помощь. Я рассказал ему обо всем, что стряслось в Калькутте, и дал письмо к одному своему другу. В тот же день Крипалани был арестован на вокзале в Патне. Мое письмо он успел разорвать, но полиция собрала разбросанные по земле клочки и составила их. Крипалани был отправлен в Банкипурскую тюрьму, где против него было возбуждено уголовное дело. Я присутствовал на суде, и когда по окончании разбирательства вышел из зала, у тюремных ворот меня остановил полицейский офицер и вернул обратно. Против меня также было возбуждено судебное дело. Крипалани был приговорен к тюремному заключению сроком на шесть месяцев, Матхура Прасад, который тоже находился в суде, — к полутора годам, а я — к одному году и трем месяцам. Через несколько дней всех нас перевели в Хазарибагскую тюрьму. И снова потекла наша обычная тюремная жизнь — мы пряли, читали книги, писали. Братья Хан все еще находились в Хазарибагской тюрьме, но нам не давали с ними повидаться.

Через некоторое время мы узнали, что Гандиджи лишили предоставленной ему ранее возможности писать в тюрьме статьи для печати, и поэтому он снова объявил голодовку. Пра-

вительству пришлось уступить — оно вернуло ему эту привилегию, а потом выпустило его на свободу. Выйдя из тюрьмы, Гандиджи провел трехнедельную голодовку, чтобы искупить грехи индусов по отношению к неприкасаемым. Мы, заключенные, очень опасались за его здоровье и ежедневно молились за него на вечерних молитвенных собраниях. В тот день, когда голодовка Гандиджи благополучно закончилась, мы устроили большое благодарственное молебствие.

Оправившись после голодовки, Гандиджи созвал совещание деятелей Конгресса, чтобы обменяться мнениями относительно политического положения в стране. Джавахарлал Неру в этот момент как раз находился на свободе и смог принять в нем участие. Из заграничных выпусков еженедельника «Стейтсмен», который нам разрешали читать, мы мало что узнали об этом совещании, но позднее нам стало известно, что решено было перейти от коллективной формы сатьяграхи к индивидуальной. Хотя с помощью этой формы многие сумели сознательно навлечь на себя тюремное заключение, мы чувствовали, что движение пошло на убыль и что того энтузиазма, который оно вызывало в народе в первые дни, сейчас уже нет.

Захватом наших помещений, конфискацией имущества, а также с помощью многих других способов правительство создало такие условия, при которых движение не могло продолжаться. Конгресс неизбежно должен был уйти в подполье. Надо сказать, что подпольные работники поддерживали деятельность Конгресса в центрах провинций и округах. Они обеспечивали руководство дальнейшим развитием сатьяграхи, но перемена методов работы не могла не сказаться на моральном состоянии народа и, разумеется, отразилась на движении самым печальным образом. Между сатьяграхой и вооруженной борьбой существует коренное различие. Во время сатьяграхи лидерам приходится вступать в схватку первыми и жертвовать собой, предоставляя остальным следовать их примеру, тогда как в вооруженном столкновении главный натиск принимают на себя рядовые бойцы, а лидеры руководят операциями, находясь в тылу: рядовые бойцы понимают, что командир должен находиться в безопасности, чтобы руководить и распоряжаться ими. Между тем в период сатьяграхи лидер должен быть впереди, и его отход в тыл, какой бы причиной он ни был вызван, неизбежно ослабит энтузиазм, с которым народ относится к движению. Именно это и произошло в 1933 году.

Мне хотелось бы упомянуть здесь о том, как в Бихаре под эгидой правительства возникла новая партия. В 1932 году, когда я был на свободе, казалось очевидным, что в результате конференции круглого стола в Индии будут проведены какие-

то политические реформы. Предполагалось, что если Конгресс примет участие в предстоящих выборах, он получит большинство — об этом свидетельствовали его успехи на выборах 1923 и 1926 годов и дальнейший рост его влияния во время кампаний сатьяграхи в 1930 и 1932—1933 годах. Большинство голосов принадлежало крестьянам, а они, безусловно, отдали бы их Конгрессу. В связи с этим губернатор Бихара принял меры, чтобы предвосхитить действия Конгресса. Он посоветовал заминдарам организовать и наладить отношения с крестьянством, с которым у них зачастую происходили стычки. Была создана новая политическая партия, получившая название Объединенной партии. Заминдары решили, что, пока Конгресс занят сатьяграхой, они добьются нужных изменений в законах и праве владения землей и предоставят крестьянам некоторые уступки, так что, когда состоятся выборы, крестьяне как класс будут голосовать за Объединенную партию.

Объединенная партия провозгласила своей целью достижение Индией статуса доминиона и приняла несколько резолюций на тех же принципах, которые легли в основу резолюций Федерации либералов. В Бихаре были лишь две стороны — правительство и Конгресс; у нас не было промежуточной партии, вроде либералов. Я беседовал с некоторыми членами новой партии и понял, что она создана с единственной целью — противостоять Конгрессу на выборах. У меня ни на секунду не возникло опасения, что эта партия сможет выступить против нас сколько-нибудь успешно. Влияние и престиж Конгресса были исключительно результатом его служения народу и понесенных им жертв. Как могла любая другая партия бороться против Конгресса? Любой партии, организованной лишь для участия в избирательной борьбе, суждено было разбиться о выборы, как о скалу, в результате неизбежных ссор из-за мест и соперничества в ее собственных рядах. Поэтому я несколько не опасался, что на выборах Объединенная партия явится серьезным соперником Конгресса.

С другой стороны, я не считал возникновение Объединенной партии абсолютно нежелательным, ибо, пока Конгресс сражается против правительства, кто-то должен проводить практическую работу. Возможно, эта партия сумеет что-нибудь сделать для страны. Далее, если новая партия действительно добьется для крестьянства каких-нибудь уступок, то это будет только к лучшему; когда же она выступит в качестве соперника Конгресса на выборах, крестьяне поймут разницу между целями двух партий и, безусловно, отдадут свой голос Конгрессу. Я не скрывал своего мнения и откровенно выражал его членам Объединенной партии. Они пожелали, чтобы я высказал свою

точку зрения публично. Я согласился и передал для опубликования в печати краткое заявление, где говорилось, что если Объединенная партия в своей деятельности действительно будет добиваться провозглашенных ею целей, то это пойдет стране на пользу.

Некоторые мои друзья по Хазарибагской тюрьме разошлись со мной в мнениях. Даже когда по прибытии в эту тюрьму я разъяснил им свою точку зрения, они, по-видимому, не были удовлетворены. Еще во время нашего пребывания в тюрьме Объединенная партия пыталась добиться изменения закона о земельном налоге. Мои коллеги были взволнованы — они полагали, что это усилит влияние новой партии среди крестьян. Поэтому они хотели воспротивиться такому шагу, но большинство конгрессистов находилось в тюрьмах, организация наша была под запретом и ничего не могла предпринять. Тогда они стали подумывать об активизации впавшей было в бездействие «Кисан сабха». Свами Сахаджананду был передан наказ — активизировать «Кисан сабха» и разоблачать действия Объединенной партии, добывающей уступок для крестьян. Я считал это излишним, но молчал, так как не мог им воспрепятствовать. Брадх Кишор Прасад, выпущенный из тюрьмы, согласился с моим мнением. Между тем «Кисан сабха» начала набирать силу и создала определенное общественное мнение против действий Объединенной партии. Однако некоторые бывшие деятели «Кисан сабха» одобрили предложенную Объединенной партией поправку к земельному закону и поддерживали эту партию. Спор длился более года; он продолжал бушевать с прежней силой и после того, как нас выпустили из тюрьмы.

В первых числах июля я заболел. Сперва я подумал, что это обычный простудный кашель, от которого можно избавиться с помощью самого простого лечения и отдыха. Однако кашель перешел в приступ астмы, и в течение двух дней я не находил себе места и чувствовал себя очень скверно. После укола наступило некоторое облегчение, но стоило мне выпить несколько ложек молока, как спазмы возобновились. Началось удушье, от которого я едва не терял сознание. Тюремный врач дал мне какие-то лекарства, и я ожил. Но затем начался приступ дизентерии, и я страшно ослабел. Смотритель тюрьмы забеспокоился и написал правительству, советуя перевести меня на лечение в больницу Патны. Но письмо осталось без ответа. Между тем состояние мое продолжало ухудшаться. Брат, посетивший меня, пришел в ужас от моего вида. Он отправился в Рапчи и стал добиваться моего перевода в больницу. В конце концов приказ пришел, но в нем говорилось о моем переводе в тюрьму Патны. Я заявил, что если меня не направят в боль-

ницу, то я предпочитаю остаться в Хазарибаге. На это мне ответили, что я буду отправлен в больницу, но из Банкипурской тюрьмы.

На следующее утро меня увезли в Патну. Брат поехал со мной. Из тюрьмы меня немедленно переправили в больницу и поместили в платную палату. Моя жена, невестка и слуга остались в больнице, чтобы ухаживать за мной. Д-р Баннерджи, осмотрев меня, немедленно приступил к лечению. Посетил меня также д-р Саран, приходили другие врачи и друзья. В течение нескольких дней положение мое оставалось серьезным, но постепенно наступило улучшение. Кашель, жар и приступы дизентерии стали утихать. Однажды, когда я начал поправляться, мне сообщили, что получен приказ о моем немедленном переводе в Банкипурскую тюрьму. Возможно, кто-нибудь пожаловался, что в больнице меня навещает слишком много народа и что я руковожу движением сатьяграхи со своей койки. Разумеется, это была неправда.

Перед отъездом меня осмотрел д-р Баннерджи — он был очень огорчен тем, что меня переводят как раз в тот момент, когда состояние мое только что начало улучшаться. Он составил докладную записку об этом, выписал рецепт и переговорил с начальником тюрьмы, который одновременно являлся и городским врачом. Под его наблюдением я начал поправляться, но вскоре начался новый приступ астмы, и положение мое стало критическим. Предписания городского врача мне не помогали, и он послал за д-ром Баннерджи, который снова принялся меня лечить. Начальник тюрьмы посоветовал правительству отправить меня обратно в больницу. Когда пришел приказ, я заявил ему, что не желаю, чтобы меня без конца таскали из тюрьмы в больницу и обратно и предпочитаю оставаться в тюрьме, чем бы это ни кончилось. Тогда меня заверили, что не отправят в тюрьму до полного выздоровления.

На сей раз, попав в больницу, я был поставлен в более суровые условия и лишен некоторых прежних привилегий. Со мной разрешили остаться лишь двум женщинам из моей семьи и слуге; посещать меня дозволялось только родственникам, да и то раз в неделю и в присутствии полицейских. Я ничего не имел против этих ограничений, потому что никогда не вел с посетителями разговоров о политике. К тому же я был так болен, что даже не мог сидеть в кресле.

На этот раз заболевание мое оказалось более серьезным. Даже многократные уколы не оказывали, по-видимому, никакого действия. Ноябрь и декабрь были для меня тяжкими месяцами. Я проводил очень скверные ночи, и при мне неотлучно находились два студента медицинского колледжа. К концу де-

кабря врачи направили правительству письмо, в котором выражалось беспокойство по поводу моего здоровья. Правительство назначило медицинскую комиссию в составе д-ра Баннерджи, городского врача и ректора медицинского колледжа, которая должна была меня обследовать. Обычно приступы астмы прекращаются у меня после декабря. Так было и на этот раз: в январе 1934 года, когда меня осматривала комиссия, болезнь уже стала утихать. Увидев мое общее состояние, комиссия рекомендовала освободить меня, хотя в тот момент я об этом не знал. Срок моего заключения истекал примерно через два месяца, и правительство решило принять рекомендацию комиссии. Однажды, когда я отдыхал после полдника, мне передали весть от сэра Ганеш Датта Синга. Он сообщал, что правительство приняло решение о моем освобождении и что в ближайшие день-два меня уведомят об этом официально.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В БИХАРЕ

В тот день, когда я узнал, что меня вскоре освободят, и лежал в постели, размышляя о том, как переменчивы настроения властей. Когда меня вторично отправили в больницу, власти ввели новые ограничения и разрешили брату навещать меня только раз в неделю. Когда отсутствовала невестка, за мной хотела ухаживать сноха, но полиция не разрешила, чтобы при ней находился ее четырехлетний ребенок, и в результате ей пришлось уехать. А вот теперь власти вдруг смягчились и выразили готовность освободить меня. Так текли мои мысли, и, раздумывая в полудреме о том, согласиться мне на освобождение из тюрьмы или нет, я вдруг почувствовал, что кровать подо мной затряслась, потом захлопали двери и окна. Я подумал: неужели я настолько ослабел, что от малейшего умственного напряжения у меня начинает кружиться голова? Но тут послышался голос невестки — она кричала, что дрожит земля. Тут мне стало ясно, что началось землетрясение.

Вместе с другими больными я выскочил из палаты и стал на лужайке против дома. Толчки были такие мощные, что я едва сохранял равновесие. Они сопровождались треском и странным скрежетом, словно сразу двинулась с места сотня трамваев. Неподалеку от нас паслись коровы. Они сбились в кучу и, обезумев от страха, бросились в нашу сторону. Мы насторожились: похоже было, что они сейчас на нас кинутся. Но внезапно, совсем рядом с нами, они остановились и стали успокаиваться, словно решили, что здесь они в безопасности. В следующее мгновение у нас на глазах рухнуло двухэтажное здание, где жили сиделки. Из-за оглушительного грохота мы не слышали, как оно затрещало, — видели только, что взметнулся столб пыли, когда стали разваливаться каменные стены. От здания больницы тоже отвалились целые куски, но, к счастью, убитых и раненых не было. Через несколько мгновений все утихло.

Мне показалось, что землетрясение длилось около пяти минут. Позднее в газетных сообщениях из различных частей про-

винции говорилось, что толчки длились от четырех до семи минут. С того дня, как меня поместили в больницу, я впервые вышел из палаты и имел возможность говорить с посторонними. Мои друзья примчались из города посмотреть, все ли у меня в порядке. Мне рассказали, что в городе разрушено множество домов. На наших глазах в больницу привезли много пострадавших. До вечера мы все оставались на лужайке — нам вынесли туда постели. Дело было в январе, и с приближением ночи стало очень холодно. Я не хотел обострять свою болезнь, оставаясь под открытым небом, и пошел в помещение, несмотря на то, что стены нашей палаты треснули, и многие больные, направившиеся было туда, снова вышли на лужайку. Увидев, что я вошел в палату, за мной последовали и другие. Рядом с нашей находилась палата для детей, часть которой обвалилась. Всех ее обитателей вынесли на лужайку, и они спали под открытым небом. В час ночи последовал новый толчок, и мы стремглав кинулись на лужайку, но он оказался непродолжительным, и мы снова вернулись в палату.

На другой день меня навестил д-р Баннерджи, и в то время, как мы с ним беседовали на веранде, последовал третий толчок. От Баннерджи я узнал, что, хотя Патна пострадала основательно, в других округах ущерб еще больше, особенно в Монгхире. Точных данных о масштабе ущерба еще не было. Баннерджи очень беспокоился, так как Монгхир был его родным городом. Он сообщил мне, что правительство призвало всех врачей находиться в состоянии готовности, чтобы по первому сигналу немедленно выехать в наиболее пострадавшие районы; больницам было предложено подготовиться к приему пострадавших. Мне сообщили также, что здание гражданского секретариата частично разрушено, и из-за неразберихи, возникшей вследствие этого, приказ о моем освобождении задерживается. Он был получен лишь два дня спустя. Городской врач сообщил мне, что я могу покинуть больницу или оставаться там до выздоровления.

Когда поступили данные о больших разрушениях, причиненных землетрясением в Северном Бихаре, правительство освободило тех политических заключенных, которые были оттуда родом. Я размышлял о том, как лучше всего организовать помощь пострадавшим, и мои друзья, выпущенные уже из тюрьмы, пришли ко мне обсудить этот вопрос. Они были арестованы летом, и у них не было ничего теплого. Поэтому я добыл для них одеяла и кое-какие деньги, а затем послал их в различные пункты области Тирхут, чтобы уточнить масштабы ущерба и определить характер помощи, которую там надо организовать. Все средства сообщения были разрушены, и мои

друзья отправились в Северный Бихар на крестьянских лодках. Прошло уже несколько дней после землетрясения, а данные о масштабах трагедии все еще были весьма скудными. Но даже те отрывочные сообщения, которые мы получали, так ужасали нас, что невозможно было читать их без содрогания.

Я все еще чувствовал себя неважно, и врачи задержали меня в больнице. Но я уже мог двигаться и настоял на том, чтобы мне разрешили проводить работу по оказанию помощи пострадавшим. С каждым днем я чувствовал себя все лучше и лучше; слабость прошла, и я стал отдавать все силы делу оказания помощи. Когда Матхура Прасад и Сатьянараян Синха были отпущены из Хазарибагской тюрьмы, они тоже присоединились ко мне. Мы решили создать комитет по оказанию помощи, куда должны были войти представители всех партий и групп. В прошлом при возникновении чрезвычайных обстоятельств мы неизменно налаживали работу по оказанию помощи, но на сей раз перед нами стояла задача небывалой трудности.

Губернатор Бихара тоже подумывал о том, чтобы созвать совещание для обсуждения вопросов, касающихся организации помощи. Один из министров, Сейид Абдул Азиз, пришел ко мне в больницу и убеждал меня, что нам незачем создавать отдельную организацию по оказанию помощи и что мы должны сотрудничать с правительством. Приходил ко мне и Шафи Дауди — он доказывал то же самое. Оба они утверждали, что правительство сумеет выделить для этой цели кое-какие средства в дополнение к уже собранным, тогда как Конгресс едва ли соберет среди населения достаточно крупную сумму, ибо как организация он сейчас «не в форме» и многие конгрессисты все еще находятся в тюрьме. Я ответил и Азизу и Дауди, что мы приветствуем намерение правительства оказать помощь пострадавшим, а так как его и наши усилия направлены к одной и той же цели, то для конфликтов нет никаких оснований. Более того, доказывал я, такого рода комитет по оказанию помощи, какой мы решили создать, будет просто необходим, потому что многие предпочтут жертвовать деньги неофициальной организации, а не правительственному учреждению. Мы сумеем использовать свои фонды наилучшим образом и всегда готовы сотрудничать с правительством. Я заверил Азиза и Дауди, что речь вовсе не идет о каком-то соперничестве с правительством. Друзья одобрили мою позицию.

Несколько дней спустя в Патне состоялся публичный митинг, на котором было объявлено об учреждении Бихарского центрального комитета по оказанию помощи пострадавшим. Меня избрали его председателем. Мы немедленно обратились к населению с призывом вносить деньги в фонд помощи. Тогда

правительство тоже созвало публичный митинг (на котором я побывал) и обратилось к населению с аналогичным призывом. Когда подробные данные о разрушениях, причиненных землетрясением, появились в газетах, они вызвали в Индии и даже за границей волну сочувствия к его жертвам, и деньги в фонд помощи хлынули потоком. Джавахарлал Неру приехал в Патну, а оттуда направился в Монгхир и Тирхут, чтобы увидеть разрушения своими глазами. Он подал пример другим, помогая разбирать развалины зданий и выкапывать из-под них трупы. Из Бенгалии с деньгами и материалами приехал Сатиш Чандра Дас Гупта. Я уведомил о создавшейся ситуации Гандиджи, который в тот момент находился в Южной Индии, где вел пропаганду против неприкасаемости; он тоже немедленно опубликовал призыв к сбору средств в фонд помощи пострадавшим и сам стал собирать деньги.

Мы создали отделения нашего комитета во всех округах Бихара. Со всех концов страны к нам стали поступать пожертвования — деньги, рис, предметы домашнего обихода, одежда, одеяла и медикаменты. Мы сосредоточивали все эти поступления в Патне, а затем распределяли по округам в зависимости от потребности. Очень скоро работать нам стало невероятно трудно. Правительство освободило из тюрьмы большинство наших активистов, и они включились в работу по оказанию помощи. Джавахарлал Неру остался в Патне и дал нам много полезных советов по организации главного штаба. В тот период Неру приезжал в Бихар дважды и собирался полностью посвятить себя нашей работе, но его арестовали. Валлабхаи Патель находился в тюрьме, и потому мы не могли воспользоваться опытом, который он накопил при оказании помощи населению во время страшного наводнения в Гуджарате. У нас побывали Гандиджи и Джамуналал Баджадж. Из Соединенных провинций приехали Ачария Нарендра Део и Шри Пракас.

Невозможно перечислить всех друзей, приехавших, чтобы выручить нас из беды, но я не могу забыть помощи, которую оказал нам Дж. Кумараппа. Он был дипломированный бухгалтер-эксперт из Англии и, до того как Гандиджи взял его в Гуджаратский видьяпитх, имел прекрасную практику в Бомбее; в числе его клиентов были многие крупные компании. Теперь Гандиджи прислал его к нам, чтобы навести порядок в нашей отчетности. Можно без преувеличения сказать, что, если бы не Кумараппа, наше положение было бы чудовищно трудным. В работу по учету пожертвований включилось более двух тысяч активистов, действовавших в двенадцати округах. Мало кто из них был знаком с бухгалтерией, а наша работа носила многообразный характер, и для каждого ее вида требовалась

особая форма учета. Задача, стоявшая перед нами, приобретала пугающие масштабы, но благодаря Кумаранпе нам удалось с ней справиться.

Нашими средствами ведал Бихарский банк, и все собранные нами деньги направлялись туда. В среднем мы ежедневно получали триста денежных переводов и сотни посылок с различными предметами первой необходимости. Каждая поступавшая вещь заносилась в инвентарный список, и все отправления в районы, испытывавшие нужду, тоже регистрировались. Через некоторое время мы опубликовали свой первый отчет — список жертвователей, занимавший четыреста страниц. Я обратился к населению с призывом извещать нас о каждом случае, когда фамилия жертвователя не была внесена в список. Приятно отметить, что поступило всего около десятка таких жалоб. Когда мы в них разобрались, выяснилось, что даже в этих случаях фамилии не были пропущены — их напечатали, но по недосмотру отнесли к другому округу или провинции, о чем мы и уведомили тех, кто обратился к нам с жалобой. Я был очень пунктуален в этом вопросе, потому что, имея дело с общественными деньгами, следует проявлять большую осторожность, иначе могут возникнуть неприятности. Когда деньги и посылки хлынули в наш штаб в таком количестве, на какое мы не рассчитывали, меня охватило сильное беспокойство, однако благодаря Кумаранпе и проделанной им организационной работе я могу сказать, что каждая полученная нами рупия и каждая вещь были использованы с максимальной пользой.

По состоянию здоровья я вынужден был оставаться в больнице еще десять дней после освобождения из тюрьмы, но самочувствие мое постепенно улучшалось, и я стал выходить. Объем работы был так велик, что мне приходилось вставать в четыре часа утра: мне надо было читать сообщения о масштабах ущерба и о ходе нашей кампании, знакомиться с корреспонденцией и публиковать новые призывы об оказании помощи пострадавшим. Абдул Азиз предоставил в наше распоряжение свой дом, но из-за неожиданного увеличения объема работы он оказался мал, и нам пришлось перевести свой штаб в более просторное помещение. Мы создали много отделов, каждый из которых возглавлял кто-нибудь из старших работников. Джаяпракаш Нараян руководил работой всего штаба. Позднее к нему присоединился Ануграх Нараян Синха (выйдя из тюрьмы, он взял руководство штабом в свои руки). В Центральный комитет по оказанию помощи вошли представители всех групп и провинций, которые присылали нам посылки и деньги.

Несколько дней спустя нас посетил Гандиджи, но еще до его прибытия мне захотелось побывать в наиболее пострадав-

ших районах. До тех пор отчасти из-за физической слабости, отчасти из-за наплыва работы я не мог вырваться из нашего штаба в Патне. Но когда помощников стало больше и появилась возможность распределить обязанности, я до некоторой степени разгрузился. Таким образом, примерно через месяц после землетрясения я смог выехать в пострадавшие районы. Приезжая на новое место, я обычно посылал в наш штаб сообщения (впоследствии их издали в виде брошюры). Чтобы держать в курсе событий всех жертвователей, сочувствующих и активистов, мы стали издавать бюллетень.

Некоторые благотворительные организации не только присылали деньги и вещи, но и открыли в Бихаре свои собственные штабы и начали самостоятельно проводить работу по оказанию помощи, и мы, стараясь никому не препятствовать, следили за тем, чтобы в работе не было дублирования. Таким образом мы обеспечили наилучшее использование общественных средств, переданных нам или другим организациям. Этих организаций было очень много, и, выражая благодарность каждой из них, я хотел бы отметить здесь наиболее отличившиеся: общество *марвари* и общество *меманов*, «миссия Шри Рамакришны», группа баба Гурдит Синга, Красный Крест, Индийская медицинская ассоциация и бенгальская «Санкат тран самити», которой руководил Сатиш Чандра Дас Гупта.

Народное стремление помочь жертвам землетрясения было так велико, что некоторое время приток денег как в правительственный фонд, так и в наш, был почти одинаков. Центральный комитет по оказанию помощи и правительство публиковали данные о поступлениях за каждый день. Благодаря приезду Махатмы Ганди и более или менее постоянному пребыванию в Бихаре шета Джамуналал Баджаджа, включившегося в работу по оказанию помощи, положение мое значительно облегчилось.

В связи с распределением помощи возникло много затруднений. Всякое сообщение по железным и шоссежным дорогам было нарушено. В большинстве населенных пунктов нельзя было найти помещений для наших работников. Во многих местах не хватало питьевой воды. Мало-помалу дороги были починены и, хотя мосты и дрепажные трубы восстановить не удалось, все же для транспорта были созданы объездные пути. Все средства сообщения, начиная от воловьих упряжек и кончая лодками, были пущены в ход. Комитет по оказанию помощи закупил грузовики; для работников комитета были приобретены сотни велосипедов. За организацию этой работы и обучение ее участников комитет должен благодарить Ачарию Крипалани, д-ра Хардикура и мисс Софью Сомджи. Во многих местах для обеспечения своих работников жилищем комитет выстроил

крытые соломой хижины. Возможно, вызовет удивление тот факт, что расходы на питание каждого работника не превышали двух анн в день.

Мы должны были удовлетворять самые насущные нужды людей, оставшихся без крова, пищи и одежды. Даже в тех случаях, когда мы снабжали пострадавших зерном, они не могли приготовить пищу за неимением домашней утвари, а очень часто у них не было даже питьевой воды. Поэтому мы прежде всего организовали распределение пищи и одежды, а также других предметов первой необходимости. После того как было сделано все возможное, чтобы расчистить развалины и извлечь из-под них трупы, мы приступили к оказанию неотложной помощи, организовав распределение продовольствия, одежды и т. д. К приезду Гандиджи работа по оказанию неотложной помощи была почти закончена. Теперь надо было браться за долгосрочную программу восстановления; у нас уже были определенные планы — оставалось решить вопрос об очередности их выполнения.

Гандиджи не имел возможности посетить все районы землетрясения, но побывал в наиболее пострадавших местах и увидел там небывалые, колоссальные разрушения. Мы считали его приезд необходимым, ибо, во-первых, нам хотелось, чтобы он сам все посмотрел и посоветовал нам, как лучше всего организовать помощь жертвам землетрясения, и, во-вторых, пострадавшие нуждались в слове утешения и в том ободряющем воздействии, какое оказывало его присутствие.

Сотни домов оказались разрушенными. Было ясно, что помочь населению восстановить жилища — труднейшая задача, которая под силу лишь Геркулесу. Далее, предстояло разрешить проблему снабжения питьевой водой. Водоемы и колодцы либо высохли, либо таинственным образом исчезли. На месте многих прудов, озер и речек теперь была ровная земля или горы песка. Казалось, что разрешить эту проблему свыше человеческих сил. Другое серьезное затруднение возникло в связи с тем, что огромные площади обрабатываемой земли были занесены песком. Большие поля, покрытые пышными всходами, превратились в бесплодные пески. Создавалось впечатление, что целые районы внезапно превратились в пустыню. Мы опасались, что, если не убрать песок, земля может навсегда остаться бесплодной. Кое-где мы попытались удалить песчаные наносы, но такое предприятие оказалось чересчур дорогим и безуспешным, а потому нам пришлось отказаться от этой мысли, как от невыполнимой.

В Северном Бихаре большую площадь занимают плантации сахарного тростника и имеется много сахарных заводов.

Во время землетрясения пострадало техническое оборудование ряда предприятий. Между тем урожай сахарного тростника на миллионы рупий еще не был снят. Чтобы помочь крестьянам, мы постарались наладить уборку урожая и отжимку сока тростника в самодельных давилнях. С некоторыми затруднениями нам удалось собрать несколько тысяч давлений и распределить их между крестьянами. Правительству такая идея понравилась, и оно стало сотрудничать с нами в этом деле. К счастью, часть сахарных заводов после ремонта вошла в строй, и на них была переработана значительная часть урожая тростника.

Кроме того, надо было решить много и других вопросов подобного же характера, поэтому в Патне было созвано общее собрание членов Центрального комитета по оказанию помощи. На собрание были приглашены все видные его члены из различных провинций. Комитет выразил готовность предложить правительству свое всестороннее сотрудничество. Поскольку Центральный комитет являлся слишком большой и громоздкой организацией, в его рамках был создан узкий рабочий комитет и четко определено направление нашей деятельности. Рабочий комитет собирался часто, обсуждал стоящие перед ним проблемы и принимал необходимые решения.

Совет Гандиджи был таков: вместо того чтобы браться за невыполнимые задачи — например, убирать горы песка с обрабатываемых земель или помогать в строительстве домов, — следует прежде всего решить проблему водоснабжения. Вняв его совету, наши работники направили всю энергию на строительство новых колодцев и водоемов и восстановление старых там, где с их помощью можно было обеспечить население достаточным количеством воды. Мы убедились, что в финансовом отношении это предприятие нам не под силу, но все-таки не отказались от него. С помощью подрядчиков мы вырыли несколько артезианских колодцев, однако выяснилось, что от них мало проку. Во-первых, для того чтобы набрать воды, приходилось тратить массу времени — из такого колодца мог качать воду только один человек, а из шахтных колодцев — шесть человек одновременно. Во-вторых, артезианский колодец требовал сложного ухода, а крестьяне не могли освоить этой техники. Шахтный колодец обходится в ту же сумму, что и артезианский, а потому мы решили рыть шахтные колодцы — нам хотелось построить их как можно больше до наступления сезона дождей. Наши работники рыли колодцы вместе с крестьянами. К июлю было построено много тысяч новых колодцев и починено примерно столько же старых. Удалось ввести в строй много старых водоемов, из которых можно было поить скот. Но едва мы справились с этой задачей, как перед нами встала новая.

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ — НАВОДНЕНИЕ

Едва жертвы землетрясения начали оправляться, как на Бихар обрушилось новое бедствие: ручьи и реки вздулись, и началось наводнение. Правда, мы опасались, что из-за песчаных наносов в руслах Ганга, Сарды, Гандака и других рек может подняться их уровень, и потому до некоторой степени предвидели новое бедствие. Кроме того, мы организовали постройку лодок и плотов и держали их наготове на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств в тех местах, где обычно бывали наводнения. Правительство со своей стороны провело аналогичную подготовку.

В пострадавших от землетрясения районах у деревенских бедняков хватало работы и заработок им был обеспечен. При чрезвычайных обстоятельствах можно оказывать людям бесплатную помощь в течение нескольких дней, но держать их на пособии длительное время попросту вредно. Поэтому с самого начала наша политика заключалась в том, чтобы предоставить пострадавшим помощь в виде работы. Требовались рабочие всех профессий для таких работ, как разборка обвалившихся зданий, ремонт и строительство домов, рытье колодцев. Кроме того, Центральный комитет по оказанию помощи разработал обширную программу строительства новых колодцев и водоемов и восстановления старых. Помимо этого, в Бихаре было починено и построено заново несколько сот миль дорог. Таким образом, для сельских жителей нашлось много работы, но мы опасались, что во время наводнения они окажутся без дела.

Бхартуа — длинная ложбина, лежащая на пути из Музаффарпура в Ситамархи, некогда была цветущим уголком. Теперь она была затоплена водой, и еще до землетрясения почва ее стала непригодной для обработки. Причиной такого горестного положения явилось то, что единственный водоотводный канал в этом низменном районе был забит грунтом при разливе реки Багмати, проложившей себе новое русло. Единственный способ вернуть жизнь и плодородие этим землям заключался в том,

чтобы расчистить канал и отвести застоявшуюся воду. Так же как и при наводнении в Кози, от гниющей воды гибли даже большие деревья. Увидев эту опустошенную местность, Гандиджи был сильно подавлен.

Центральный комитет по оказанию помощи решил взять на себя эту задачу даже в том случае, если правительство не пожелает ему помочь. Поэтому, составив смету расходов, мы написали правительству, а сами начали рыть канал для отвода застоявшейся воды. Наши усилия вполне оправдали себя: земля в Бхартуа снова стала плодородной, и туда вернулась жизнь. Кроме основного канала, мы прорыли несколько небольших.

Обеспечили мы работой и деревенских женщин — они занялись прядением. Таким путем нам удалось сочетать работу по оказанию помощи пострадавшим с пропагандированием кхадии. Восстановленные районы взяли под свой надзор бихарское отделение «Чаркха сангх». Жилищное строительство велось в таких широких масштабах, что возникла острая нехватка строительных материалов. Комитет по оказанию помощи открыл в нескольких пунктах лавки, где по умеренным ценам продавались кирпич, известь, бамбук, строевой лес и листовое железо.

В период муссонов стала ощущаться нехватка риса, и цены на него начали расти. Тогда мы закупили рис в Бирме и развезли его по торговым складам Комитета. Чтобы пресечь вспышки малярии и холеры и ликвидировать их очаги, Комитет открыл аптеки во всех пострадавших районах. В сезон дождей наша работа усложнилась, но мы все же продолжали ее, используя заранее заготовленные плоты.

Во многих случаях мы предоставляли населению субсидии на ремонт домов. Из-за ограниченности своих ресурсов (которые правильнее было бы использовать для оказания помощи беднякам) Комитет решил отказывать в помощи состоятельным людям, а также тем, кто до землетрясения владел большими домами. Максимальная сумма помощи составляла 250 рупий. Оказывать же помощь богатым людям мы предоставили правительству.

В поездках Гандиджи по пострадавшим районам его иногда сопровождали две англичанки. Одной из них была мисс Мэриел Лестер, у которой Гандиджи останавливался в Лондоне во время конференции круглого стола; другой — мисс Агата Харрисон — общественная деятельница, питавшая сочувствие к нашей стране. Кроме них, в Бихаре побывали и многие другие европейцы, желая своими глазами увидеть картины опустошения; о своих впечатлениях они написали друзьям за границу. Приезжал, в частности, и Ч. Ф. Эндрюс — он объехал всю Би-

харскую провинцию и издал брошюру, которая была распространена затем в Англии и Америке. Результатом этой деятельности было возникновение в Англии и Соединенных Штатах мощной волны сочувствия к бихарцам в связи с постигшими их бедствиями, а также значительные пожертвования в фонд помощи пострадавшим.

Есть в Европе организация, выступающая против войны. Хотя члены ее очень высоко ценят такие замечательные свойства, как самоотверженность и смелость, которые проявляет человек на войне, однако они в то же время считают, что гораздо лучше использовать эти свойства на пользу людям, а не для их уничтожения. В этой организации существует военная дисциплина. Ее члены, независимо от вероисповедания и национальности, стремятся участвовать в благотворительных мероприятиях, оказывая помощь, где бы она ни требовалась. К тому времени у них уже был опыт по организации помощи в ряде населенных пунктов, разрушенных во время первой мировой войны. Возглавлял организацию швейцарец Пьер Серезоль, инженер по профессии, имевший большие связи; предки его занимали высокие посты в швейцарском правительстве. Вступив в антивоенную организацию, Серезоль оставил всякую другую деятельность, чтобы полностью посвятить себя ей. Он отбыл наказание за отказ пройти военную подготовку. Бихару посчастливилось воспользоваться услугами Серезоля — вместе с группой своих сотрудников он приехал в нашу провинцию с миссией помощи.

Некоторые населенные пункты были так сильно разрушены в результате землетрясения, что мы предложили жителям переехать в другие места. Мы убедили нескольких землевладельцев уступить участки людям, покинувшим насиженные места, и прилагали все усилия, чтобы уговорить крестьян переехать в новые районы, но ни один человек не пожелал покинуть место, где стоял дом его предков. Тогда мы изменили свои планы, решив провести переселение в широком масштабе. Жители нескольких деревень округа Музаффарпур, измученные постоянными наводнениями, согласились переехать в предложенные нами места. Мы решили выстроить для них новые деревни. Правительство оказало нам денежную помощь. Строительство домов мы поручили одному из местных комитетов по оказанию помощи, куда Центральный комитет направил д-ра Серезоля для руководства работой, дав ему в помощники одного из наших работников — Пханиндера Мохан Датта. Новые деревни были выстроены на новых местах за год-два. Д-р Серезоль неотлучно находился на строительстве, если не считать тех нескольких месяцев, которые он провел в Европе.

Вместе со своими товарищами он, не раздумывая, брался за тяжелую физическую работу, хотя в то время этому крепкому человеку уже перевалило за шестьдесят. Иной раз д-ру Серезолю и его соратникам не под силу было переносить бихарскую жару, но они мирились с этим и оставались в деревнях, обходясь без всяких удобств, к которым привыкли. Эти люди, работавшие целый день не покладая рук, своим примером воодушевляли наш народ. Одна из выстроенных деревень была названа Шантипур (Обитель мира). Эта прекрасная деревня стоит и по сей день, являясь образцовым поселением.

В результате землетрясения и последовавшего за ним наводнения вспыхнула эпидемия малярии. Центральный комитет обеспечил медицинскую помощь в зоне ее распространения, особенно в округах Музаффарпур, Дарбханга и Бхагалпур. Нам удалось проделать всю эту работу прежде всего благодаря энтузиазму наших активистов, их преданности делу — платные работники никогда бы не сумели сделать так много. Центральный комитет с самого начала отдавал себе отчет в том, что издержки на организацию и аппарат должны быть минимальными, а основные средства следует расходовать на самую помощь. Комитету посчастливилось привлечь к работе большое число добровольцев. Но, поскольку наша деятельность продолжалась свыше полутора лет, нам пришлось нанять несколько платных сотрудников для конторской работы. Что же касается всех прочих статей расхода, например оплаты помещений и транспорта, то тут нам удавалось экономить до последней крайности. В наших периодических отчетах данные об организационных издержках и о расходах по оказанию помощи населению приводились раздельно, чтобы люди видели, как мало тратим мы на тех, кто проводит в жизнь все мероприятия по оказанию помощи. Вначале у нас уходило много денег на транспорт, но когда Комитет занялся в основном рытьем водоемов и колодцев, а также распределением субсидий на жилищное строительство, нам постепенно удалось значительно сократить и эту статью расхода.

Правительство назначило опытного чиновника Бретта комиссаром по оказанию помощи. Он составил отчет о проведенных мероприятиях по оказанию помощи, в котором коснулся работы нашего Центрального комитета, заявив, что его организационные расходы велики. К тому времени, когда отчет был опубликован, Бретт уехал в отпуск в Англию. Убедившись, что приведенные в отчете данные о расходах Комитета неверны, мы написали правительству и запросили его, из какого источника получены эти цифры. Правительство заявило, что не может ответить нам на это, так как Бретт отсутствует; надо сказать, что оно так и не признало своей ошибки.

Когда мероприятия по оказанию помощи были закончены, Центральный комитет передал оставшиеся у него средства Совету попечителей, который хранил их в качестве резервного фонда на случай, если в Бихаре возникнут чрезвычайные обстоятельства. Время от времени эти средства расходовались на оказание помощи жертвам наводнения. Позднее, в связи с тем, что деньги лежали без движения, попечители, посоветовавшись с Гандиджи, передали их в качестве займа организации «Чаркха сангх». Этими попечителями были сардар Патель, шет Джамуналар Баджадж и я.

ПРЕКРАЩЕНИЕ САТЬЯГРАХИ

К середине 1933 года движение сатьяграхи пошло на убыль. При переходе к его индивидуальной форме появились некоторые признаки оживления этого движения, но ненадолго — вскоре снова наступил спад. К тому времени в Англии был достигнут значительный успех в разработке индийской конституции. После второй конференции круглого стола была опубликована Белая книга, в которой излагались принципы новой конституции. Многие считали, что, невзирая на недостатки предлагаемой конституционной реформы и независимо от того, захочет Конгресс содействовать ее принятию или провалить ее, он должен участвовать в следующих выборах. В конгрессистских кругах началась дискуссия на эту тему, инициаторами которой были д-р Ансари, д-р Б. Рой и Бхулабхай Десаи. Вероятно, Гандиджи, совершавший в то время поездку по Бихару, тоже размышлял над этим вопросом. Что касается меня лично, то я был слишком поглощен работой по оказанию помощи пострадавшим, чтобы думать о чем-нибудь другом.

Однажды во время поездки по районам, пострадавшим от наводнения, мы с Гандиджи остановились в деревне Сахарса (округ Бхагалпур). Был понедельник, и Гандиджи проводил свой обычный «день молчания». Я видел, что он что-то усиленно пишет. Вечером он вручил мне листок бумаги и попросил высказать свое мнение по поводу написанного. Я прочитал его заметки — в них поднимался вопрос об отмене сатьяграхи и о предстоящих выборах. Ганди сказал, что выводы его основаны на соображениях, высказанных кое-кем из его близких друзей после освобождения из тюрьмы. В нашей провинции после землетрясения не только ослабело движение сатьяграхи, но и вообще совершенно изменилась атмосфера. У нас никто не оказывал гражданского неповиновения и не собирался в нем участвовать. Политические деятели, выйдя из тюрьмы, всецело посвятили себя работе по оказанию помощи пострадавшим. Поэтому предложение Гандиджи не показалось мне странным, и я ска-

зал, что согласен с его заявлением, которое он хотел передать в печать. Телеграфа в Сахарсе не было, и я решил послать заявление Ганди в Патну с нарочным. Но прежде чем я сделал это, из Патны прибыл человек с телеграммой Махатме Ганди от д-ра Ансари. Последний сообщал, что приезжает в Патну с д-ром Роем и Бхулабхаи Десаем для переговоров с Гандиджи. В связи с этим Махатма решил не передавать свое заявление в печать, и мы выехали в Патну. После длительных переговоров с д-ром Ансари и другими Гандиджи опубликовал свое заявление. Хотя многие конгрессисты одобрили его решение, им не по душе были мотивы, которыми обосновывалось приостановление сатьяграхи.

После этого Гандиджи направился в Чхота-Нагпур проводить агитацию за права хариджанов; в Ранчи он вызвал видных лидеров Конгресса для консультации. Они съехались из всех провинций, и переговоры длились три дня. Было решено в мае 1934 года созвать в Патне заседание Всеиндийского комитета Конгресса, а до тех пор Гандиджи продолжал свою поездку по Бихару.

Хотя Индийский национальный конгресс как организация все еще находился вне закона, созыву заседания ВИКК не мешали. Правительство знало, что в скором времени намечается изменение политики Конгресса, и потому не чинило нам никаких препятствий. На заседании, открывшемся в Шримати-Радхика-синха-холле, была принята официальная резолюция, рекомендовавшая временно прекратить сатьяграху и уполномочивавшая одного только Гандиджи возобновить ее. В резолюции также одобрялось опубликованное Гандиджи заявление. Одни члены Комитета одобряли резолюцию, другие яростно выступали против нее и против тех мотивов, которыми Гандиджи обосновывал приостановление сатьяграхи. Третьи отнеслись безразлично к отмене сатьяграхи, но были против участия Конгресса в выборах. После жарких и продолжительных споров резолюция была принята. В числе тех, кто выступал против нее, находились члены только что созданной Конгресс-социалистической партии. Эта партия возникла на конференции социалистов в Патне и решила действовать в рамках Конгресса; ее лидерами стали Ачария Нарендра Део, больше всех критиковавший резолюцию Всеиндийского комитета Конгресса, и Джаяпракаш Нараян.

Итак, ВИКК отменил сатьяграху. Через несколько дней правительство в свою очередь отменило постановление, объявлявшее Конгресс вне закона. Постепенно оно вернуло Конгрессу все его помещения и имущество. Нам пришлось принять их, невзирая на состояние, в котором они были возвращены, и про-

вести самим весь необходимый ремонт. На сей раз между правительством и Конгрессом не было ни переговоров, ни дискуссий, как во времена заключения пакта Ганди — Ирвин. Каждая из сторон разъяснила свои позиции, опубликовав соответствующие заявления. Джамуналал Баджадж был назначен исполняющим обязанности председателя Всеиндийского комитета Конгресса. Было решено провести чрезвычайную сессию Конгресса в Бомбее, и она состоялась в октябре. Многие сатьяграхисты все еще находились в тюрьме. Сардар Пател был освобожден перед самой сессией, а Джавахарлал Неру — значительно позже.

СМЕРТЬ БРАТА

После заседания Всеиндийского комитета Конгресса в Патне я поспешил домой и не смог поехать в Вардху на заседание Рабочего комитета. В Чапуре меня ожидали личные неприятности. Брат, включившись в работу по оказанию помощи пострадавшим, сильно переутомился, и это сказалось на его здоровье. В мае 1934 года он поехал в Ассам, где, как я уже упоминал, он приобрел земельные участки; возвратившись из поездки, он пожаловался, что его лихорадит — в Ассаме он заболел малярией. Однако он быстро оправился, и когда я приехал в Чапур, то застал его уже окрепшим. Все же, видя его слабость, я посоветовал ему избегать работы, требующей большого напряжения, и вернулся в Патну. Три дня спустя я получил телеграмму, в которой мне сообщали, что брат в тяжелом состоянии, и просили прислать д-ра Рагхунатх Сарана. Телеграмма была дана по указанию врача города Чапры д-ра Раджешвар Прасада, и поэтому я очень забеспокоился.

Я уговорил д-ра Сарана поехать со мной в Чапур. На дневной пароход мы опоздали, переправились через Ганг на пароме и на моей машине добрались до Чапры в десять часов вечера. Брат находился под наблюдением нескольких врачей, причем д-р Раджешвар Прасад дежурил при нем круглые сутки. Кроме лихорадки, у брата началась болезнь почек; диабет, который ему удалось ликвидировать благодаря регулярному лечению и диете, теперь, когда он так ослабел, снова дал себя знать.

Д-р Саран послал кровь и мочу больного на анализ в Патну. Несмотря на все старания врачей, состояние брата продолжало ухудшаться. Мы вызвали из Патны знаменитого вайдью пандита Браджд Бихари Чаубе, но его лечение тоже не дало никаких результатов. Наконец врачи предложили удалить одну почку. Д-р Раджешвар Прасад, опытный хирург, не рещался взять на себя личную ответственность за операцию. Д-ра Баннерджи вызвать было нельзя, так как Медицинский колледж Патны был закрыт. У д-ра Батукдев Прасад Вармы, врача го-

рода Монгхира, один из пациентов был в тяжелом состоянии, и он не мог прибыть немедленно. Мы попытались связаться со знаменитым хирургом из Лакхнау д-ром Бхатиа, но он тоже не мог приехать. Наконец в ответ на мою телеграмму калькуттские друзья прислали известного хирурга д-ра Панчанаи Чаттерджи; по моей просьбе из Патны приехал также полковник Александер. Оба они заявили, что брат слишком слаб и не перенесет операции. Поэтому мы отказались от нее, и через два дня брата не стало.

К тому времени я уже вызвал в Чапру племянника Джанардана и его семью. Дочь брата и ее муж, жившие в Лакхнау, и остальные родственники, получив известие о тяжелом состоянии брата, поспешили к умирающему. Поэтому, когда брат испустил последний вздох, его окружали все члены семьи и друзья. Смерть брата была для меня тяжелым ударом, и в этот горький час я обратился за утешением к «Гите». Прежде я никогда не интересовался семейными делами, потому что обо всем заботился брат. Даже когда я занимался адвокатской практикой и был одним из кормильцев семьи, он заботился о моей жене и детях. Они оставались на его попечении и в дальнейшем, когда я принял участие в движении несотрудничества и был заключен в тюрьму. Моя жена и сыновья всегда жили вместе с ним, а я лишь время от времени приезжал домой повидаться с ними. Брат относился к моим детям, как к своим собственным, а мои сыновья любили и уважали его, как родного отца. Поэтому нетрудно представить себе, что означал для меня этот внезапный удар в тот момент, когда я был всецело поглощен другими делами.

Мы кремировали тело брата на берегу реки Сарды, неподалеку от Чапры, и вернулись домой поздно вечером. Наутро мы отправились в Зерадеи, где совершили обряд *шрадхи*. Брат занимал видное положение и был хорошо известен в Бихаре как общественный деятель. Нас буквально забросали телеграммами и письмами с выражением соболезнования. Эти проявления участия явились большой поддержкой в тот скорбный час. Сочувственное послание Махатмы Ганди очень утешило меня.

После смерти брата дела в доме оказались в хаотическом состоянии. Мы были полностью на его попечении. Даже в то время, когда я занимался адвокатской практикой в Патне, он заботился обо мне и об удовлетворении всех моих личных нужд. Приезжая в Патну, он всякий раз просил моего слугу показать ему весь мой гардероб и смотрел, не нужно ли мне что-нибудь из одежды. Он расспрашивал слугу, как я питаюсь, как себя чувствую, и наказывал ему или моему конторщику моулви Шарафат Хусайну следить за тем, чтобы у меня было все не-

обходимое. Я никогда не беспокоился о деньгах; все, что мне удавалось сберечь, я посылал брату. Наше родовое заминдари приносило 400—500 рупий дохода в месяц. Брат вел все счета и сам заботился об удовлетворении нужд каждого члена семьи.

После смерти отца у нас остался небольшой долг. Сразу же после этого события нам пришлось занять еще денег, чтобы выдать замуж племянницу. Общая сумма долга составила несколько тысяч рупий. При наличии такого поместья, как наше, это был, конечно, пустяк, и задолженность можно было бы покрыть без труда, добавляя какие-нибудь постоянные денежные поступления к доходу от заминдари. Брат был директором отделения Бихарского банка в Чапре, но жалованья ему не хватало даже на содержание своей семьи. В период своей адвокатской практики я зарабатывал довольно много, но и тратил деньги очень легко. Поэтому расплатиться с долгом не удавалось. А тут снова пришлось брать займы — мы выдали замуж другую племянницу. Вскоре после этого умерла моя тетья. У нас ушла некоторая сумма на совершение обряда шрадхи. Однако доля тети в доходах с нашего заминдари, составлявшая 1200 рупий в год (она расходовала ее на паломничество к святым местам), стала оставаться в семье. Мы жили хорошо, но расходы росли. Брат был человек с размахом, щедрый до расточительности. Таким образом, долговое бремя не уменьшалось. Брат надеялся, что долг удастся выплатить из моих заработков, но когда я решил отказаться от адвокатской практики, надежды его рухнули, однако он не сказал мне ни слова.

Брат знал о моих патриотических устремлениях и всегда поддерживал эту мою склонность, ни минуты не помышляя о том, чтобы оторвать меня от общественной деятельности. Его мечты о материальном благополучии не сбылись, однако он по-прежнему был счастлив и заботился о том, чтобы были счастливы и другие. В качестве директора банка он снискал хорошую репутацию и мог бы получить более выгодную должность, но даже думать не хотел об уходе из банка, в учреждении которого участвовал. Брат чувствовал себя скорее основателем этого банка, нежели его служащим, и отдавал ему больше сил, чем можно было ожидать от обычного служащего. Поэтому, когда брат стал уделять часть своего времени общественной работе, правление банка не чинило ему никаких препятствий; его еженедельные поездки в Зерадеи тоже не вызывали нареканий.

Чтобы увеличить свой доход, брат приобрел рисоочистительную фабрику. В то время я был настолько поглощен работой Конгресса, что узнал об этом лишь несколько месяцев спустя. Из-за своих многочисленных обязанностей брат не мог уделять новому предприятию много времени и доверил его управляю-

цему. Когда наступило время очистки риса, не оказалось необходимых денег для покупки неочищенного зерна. Брат надеялся, что если он сумеет достать денег, то в конце сезона выручит пзрядную сумму. Поэтому я по его совету обратился к Джамуналал Баджаджу, который охотно предоставил мне нужную сумму. Фабрика заработала с невероятной быстротой. Покупатели валили валом, и продукция была запродана еще до того, как рис был очищен. Однако из-за просчета управляющего дело обернулось не так, как мы ожидали. Поскольку я взял займы у Джамуналала, я проявлял к фабрике некоторый интерес и однажды поехал посмотреть, как она работает. Проверив счета, я обнаружил, что очищенный рис продается ниже себестоимости. Я обратил на это внимание управляющего, но он не признал своей ошибки. Я рассказал обо всем брату, мы проверили счета, и обнаруженный мною факт подтвердился. В результате мы понесли серьезные убытки, и выплата долга задержалась. Нам удалось отдать Джамуналалу только часть денег.

Положение создалось серьезное, и мы были совершенно беспомощны: у нас потребовали денег как раз в тот момент, когда мы не в состоянии были их уплатить. Но один из друзей Джамуналала, Байджнатх Кедиа, задумал купить земельный участок в Бихаре и с этой целью приехал с Джамуналалом в Зерадеи. Всего у нас было 70—80 бигхов земель *зеуиат* в одной миле от дома. Эта земля обеспечивала нашу семью продовольственным зерном. Кедиа предложил уплатить за нас все наши долги, которые, включая сумму, взятую у Джамуналала, составляли 60—70 тысяч рупий, если мы продадим ему землю и дом. Дом был кирпичный, вместительный. Брат сделал к нему пристройки и частично возвел второй этаж. В тот момент большая часть нашей семьи проживала в Чапре, и мы могли где-нибудь в другом месте дешево и без особого труда выстроить новый дом. Даже после продажи земли и дома мы получали бы с нашего поместья 500 рупий в месяц, поэтому я просил брата принять предложение Кедиа.

Джамуналал Баджадж советовал нам уплатить долги, пока они не приняли чудовищных размеров. Брат сперва не хотел расставаться с домом, в котором все мы родились, но по зрелом размышлении, по-видимому, склонился к тому, чтобы продать его. Однако в дальнейшем, по настоянию женщин из нашей семьи и некоторых друзей, включая Матхура Прасада, он окончательно отклонил это предложение, и тем дело кончилось. На некоторое время мы сохранили землю и дом, но в дальнейшем местные кредиторы стали так на нас наседаь, что мы вынуждены были расстаться со значительной частью нашего заминдари, чтобы хоть частично с ними расплатиться.

После провала затеи с рисоочистительной фабрикой брат решил взяться за другое дело. В 1930 году, когда я сидел в тюрьме, он основал в Чапре компанию по снабжению города электроэнергией. Лицензия была выдана правительством лично ему, а не компании. Поэтому ему пришлось строить электростанцию, магистральные линии передач и питающую сеть на свои средства. Часть необходимых денег он одолжил, а остальное предоставила компания из основного капитала. Вскоре генератор был установлен, и компания начала снабжать Чапру электроэнергией. Общая сумма нашей задолженности приобрела устрашающие размеры. Примерно за год до смерти брату пришлось, как я уже говорил, продать часть нашего заминдари, приносящую нам 2200 рупий в год. Но даже и после этого долги наши не уменьшились сколько-нибудь существенно. Расходы семьи увеличивались, и долги продолжали расти. Брат полагал, что, если удастся распродать все акции электрокомпании, большая часть долгов будет покрыта, но его расчеты оказались слишком оптимистическими. Электростанция не считалась собственностью компании и была записана на его имя, а потому при продаже акций мы натолкнулись на изрядные трудности.

Когда мой племянник Джанардан возвратился из Англии, где изучал металлургию, он получил место на предприятии «Тата айрон энд стил компани» в Джамшедпуре с окладом в 350 рупий. Однако этих денег ему хватало лишь на содержание собственной семьи, и он не мог помогать отцу. Так же как и меня, брат избавлял его от финансовых забот и никогда ничем не тревожил. Лишь после смерти брата мы осознали, как сильно увязли в долгах. Он пользовался таким доверием, что люди одалживали ему тысячи рупий, не беря никаких расписок.

Когда брат умер, мне очень трудно было составить список всех наших кредиторов. Я не знал, кто эти кредиторы и сколько их. Мне пришлось на некоторое время задержаться в Чапре. Один из служащих Бихарского банка, который был в курсе дел брата, ознакомил меня с истинным положением вещей, и я сумел связаться со всеми кредиторами. Узнав общую сумму долга, я был потрясен — мы не сумели бы расплатиться даже в том случае, если бы продали все до последней нитки. Найти покупателей на землю было невозможно, в особенности когда приходилось продавать ее в спешке. Такое тяжкое бремя было мне не по силам. Я хотел избавиться от всех долгов, полностью распродав наше имущество, но кредиторы не соглашались купить поместье. Поэтому я попросил их дать мне некоторый срок, заверив, что через год сумею с ними рассчитаться. Благодаря той репутации, которой пользовался брат, и доверию, которое внушил им я, кредиторы охотно согласились подождать. Я решил

урегулировать все эти вопросы после продажи поместья и вернуться к общественной деятельности лишь после того, как расплачусь с долгами.

Приближалась сессия Конгресса, которую намечено было провести в Бомбее, и на пост председателя была выдвинута моя кандидатура. Гандиджи очень хотел, чтобы я согласился. Однако при создавшихся обстоятельствах я не считал возможным принять это предложение. Махадев Десаи написал мне от имени Гандиджи письмо, в котором говорилось, что страна хочет выразить свою благодарность и удовлетворение моей работой по оказанию помощи жертвам землетрясения в Бихаре и что я должен согласиться председательствовать на сессии. Он писал также, что Гандиджи беседовал с Джамуналарамом по поводу моих долгов и сказал, что в дальнейшем постарается что-нибудь предпринять в этом направлении. Вероятно, он думал, что Джамуналарам — наш главный кредитор, и хотел, чтобы тот как-то урегулировал со мной финансовые дела.

Джамуналарам посетил нас в деревне после смерти брата, желая лично выразить свое соболезнование. Он и так знал о наших долгах, а понав в Зерадеи, получил полную информацию о состоянии дел. Он сказал мне, что если я сумею побороть свою привязанность к заминдари и соглашусь продать его целиком, то долги можно будет покрыть — разумеется, в том случае, если нам дадут настоящую цену. Я ответил, что вполне готов последовать его советам. Затем я рассказал ему, что написал мне Гандиджи. Этим я как бы перебросил давивший меня груз на плечи Джамуналарам, уполномочив его решать вопрос, как он сочтет нужным. Для покрытия долгов у меня оставался еще целый год; я почувствовал некоторое облегчение и согласился занять пост председателя Конгресса.

Но злоключения мои на этом не кончились. Я пережил новый удар: во время болезни брата его сын Джанардан приехал из Джамшедпура с женой и ребенком и после похорон решил побыть с нами. Его ребенок, славный шестилетний мальчуган, которого все мы любили, время от времени жаловался на головную боль. Я повез его в Патну полечить, но там он заразился тифом и, проболев три недели, умер. Перенести этот второй удар, последовавший сразу за первым, мне уже было не под силу, и я чувствовал себя глубоко несчастным.

Джамуналарам послал ко мне в деревню одного из своих агентов проверить наши счета, точно установить положение дел и выяснить, кто из наших кредиторов согласится в погашение долга взять земельные участки. Получив отчет агента, Джамуналарам взялся за ликвидацию наших долгов. Несколько кредиторов согласились взять землю, а остальным надо было уплатить

наличными. Все кредиторы, за исключением одного, проявили сговорчивость. Некоторые из них изъявили готовность отказаться от части суммы, причитавшейся им в качестве процентов, а после смерти брата многие вообще перестали брать проценты. После того как часть поместья была продана, нам осталось уплатить только Джамуналалу и нескольким другим кредиторам. Я передал на имя Джамуналала оставшуюся часть поместья, и он расплатился с последними кредиторами. Так как Джамуналал не мог расплатиться со всеми ними лично, он уговорил шета Гханшьям Дас Бирлу помочь ему в этом деле. Итак, с долгами было покончено, и мы лишились своего заминдари.

Надо сказать, что Джамуналал вовсе не собирался становиться бихарским заминдаром. Он согласился перевести земельные участки на свое имя лишь для того, чтобы распродать их и выручить деньги. Являясь юридическим владельцем поместья, он сдал его в аренду моему младшему сыну Джананджаю при условии, что ему будут выплачиваться проценты с вложенной суммы, а также — по мере возможности и в рассрочку — самая эта сумма. Я пытался найти покупателя на наше заминдари, но цена на землю заминдаров постепенно падала, потому что конгрессиистское правительство предоставило земледельцам ряд льгот, уменьшив тем самым доход с заминдари. К этому времени сыновья мои стали на ноги, и поместье уже не было для нас источником существования. Итак, мы начали выплачивать Джамуналалу проценты с долга и самый долг — частично из сбережений племянника, частично из доходов, которые мой сын получал с поместья, частично же из суммы, вырученной от продажи всех старинных шалей и ценностей, какие были у наших домочадцев. Каждую *найсу*, которую удавалось сберечь, мы отдавали Джамуналалу. Таким путем была выплачена часть основного долга и все проценты. Я надеялся, что постепенно мы сумеем выплатить весь долг, так и не продав поместья, заложенного Джамуналалу.

То были самые мрачные дни в моей жизни — долги давили на меня тяжким бременем. Благодаря такту и благородству Джамуналала, а также помощи со стороны Гханшьям Дас Бирлы мне удалось выпутаться из затруднений. В годину испытаний, наступившую после смерти брата, Джамуналал фактически взял на себя его функции: как и раньше, я был избавлен от необходимости заботиться о семье. Я никогда не сумею по-настоящему выразить ему свою благодарность. Я должен также высоко оценить ту смелость, преданность и любовь, которую проявили в эти тяжкие времена мой племянник и сыновья. Кризис не выбил их из колен, и они продолжали выполнять свои обязанности, сохраняя присутствие духа.

НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОНГРЕССА

Бомбейская сессия Конгресса была первой очередной сессией, созванной после мартовских событий 1932 года. Английское правительство опубликовало в Белой книге свое решение о конституции Индии и приступило к ее разработке в соответствии с изложенными в этой книге принципами. Конгресс уже не считался «противозаконной организацией» и должен был изложить свое мнение по поводу проекта конституции. Через несколько недель после сессии Конгресса предстояли выборы в Центральное законодательное собрание, и Конгрессу надо было решить вопрос об участии в этих выборах. Бомбейская сессия Конгресса имела поэтому весьма важное значение. Я учел все это при составлении своей речи, с которой должен был выступить на сессии в качестве ее председателя. Я подверг критике намечаемые реформы и показал проект своей речи д-ру Саччидананда Синхе, попросив его исправить фактические ошибки, которые могли в ней встретиться. Он согласился с моими критическими замечаниями по поводу реформ. Я выехал в Вардху, но мне пришлось остановиться в Джамшедпуре и задержаться там на несколько дней из-за приступа лихорадки и астмы. В Вардхе после обмена мнениями с Гандиджи я завершил работу над своей речью.

У жителей Бомбея было мало времени для подготовки к сессии Конгресса, и все-таки они сумели обставить все с небывалой пышностью. Конгресс-нагар возвышался на берегу моря. Был сооружен громадный пандал, способный вместить сто тысяч человек. Выставка кхадии также была устроена с большим размахом. Был разработан специальный церемониал встречи председателя. Я сошел с нагпурского почтового поезда в Кальяне. Перекусив, я тут же, на платформе, принял приветственные адреса от нескольких общественных организаций, после чего выехал специальным поездом в Бомбей.

По пути всюду, где останавливался поезд, нас приветствовали громадные толпы народа. На вокзале Виктории нас встре-

тили с большой помпой. Мой вагон завалили цветами, гирляндами и бесчисленными подарками. На вокзале наплыв публики был так велик, что я с трудом пробился к выходу. Мне подали экипаж, запряженный четверкой лошадей, на котором мне предстояло следовать во главе процессии. Хотя я был еще слаб, но нельзя было разочаровывать народ и Организационный комитет. Поэтому я уселся в экипаж вместе с женой, г-жой Сароджини Найду и К. Ф. Нариманом, и процессия тронулась. До этого дня мало кто знал, что у меня есть жена, так как она никогда не появлялась со мной на собраниях и публичных церемониях. Она и на этот раз направилась бы прямо в нашу резиденцию, если бы г-жа Сароджини Найду не настояла, чтобы она села в экипаж.

Процессия казалась нескончаемой. Город принял праздничный вид: магазины были разукрашены, на улицах воздвигнуты многочисленные триумфальные арки, всюду развевались флаги Национального конгресса. Большинство триумфальных арок выглядело очень своеобразно: они были украшены образцами продукции, которой славится данный район. Так, например, в районе Хлопкового рынка громадная арка была сооружена из кип хлопка. Мне сказали, что стоимость кип, которые пошли на сооружение арки, превышает 100 тысяч рупий. На всем пути следования процессии нас встречали цветами и музыкой. Наш экипаж был засыпан подарками. Говорили, что Бомбей никогда еще не устраивал никому подобной встречи. В 1918 году Хасан Иمامу тоже был оказан восторженный прием, когда он прибыл в Бомбей, чтобы председательствовать на чрезвычайной сессии Конгресса, однако нынешняя встреча была более грандиозной, что соответствовало возросшей политической сознательности масс. Процессии потребовалось три часа, чтобы добраться до Конгресс-нагара. Здесь меня препроводили в отведенную мне резиденцию. Я был страшно утомлен, но, к счастью, не заболел.

На следующий день прибыли Махатма Ганди и другие руководящие деятели Конгресса, и редакционная комиссия приступила к работе. На заседаниях комиссии развернулись довольно горячие споры, что в свете тогдашних событий было вполне естественно. Накануне сессии Гандиджи опубликовал заявление, в котором говорилось, что он намерен выйти из Конгресса и будет по мере сил служить ему, оставаясь вне организации. Он считал также желательным изменить устав Конгресса, с тем чтобы сделать партию более активной и более представительной по составу. Это заявление произвело сенсацию. Хотя Гандиджи и заверял, что, находясь вне Конгресса, он будет делать для партии все, что только в его силах, и утверждал, что

его уход не ослабит, а только усилит Конгресс, это мало кого убеждало. Я в своей речи поддержал решение Гандиджи, но Всеиндийский комитет Конгресса не был уверен в его правоте.

Я заявил, что в намерения Гандиджи, несомненно, не входит в какой-либо мере ослабить Конгресс и что мы сможем в любое время обращаться к нему за советом и руководством, однако его уход, бесспорно, означает, что отныне ответственность за принятие любых решений будет лежать уже не на Гандиджи, а на других лидерах. С тех пор как Гандиджи появился на политической арене Индии, он совершенно заслонила своей магнетической личностью всех прочих деятелей. Конгресс мог, конечно, похвалиться многими способными, дальновидными лидерами, умеющими всесторонне рассмотреть любую проблему. Однако, когда Гандиджи взял руководство в свои руки, многие ограничили свои функции тем, что стали соглашаться с ним и поддакивать ему во всем, и не считали нужным мыслить самостоятельно. Правда, надо признать, что ни одно решение, принятое при активном участии Гандиджи, не было вынесено без самого тщательного обсуждения. Махатма ставил перед собой только одну цель: чтобы его уход побудил других лидеров думать самостоятельно и чтобы рассеялось впечатление, будто бы все, что делается, делается по его настоянию.

Я поддержал его решение потому, что был согласен с ним в этом вопросе, однако другие смотрели на дело иначе. Некоторые боялись, что этот шаг Гандиджи будет означать его полный отход от Конгресса и что с ним невозможно будет впредь консультироваться. Другие опасались, что, если он покинет Конгресс, последний уже не будет пользоваться у народа прежним доверием и в результате влияние его ослабеет. Были и такие, кто считал, что Гандиджи недоволен вступлением в Конгрессе инакомыслящих людей и уходит именно поэтому. Они полагали, что надо убедить его остаться. На Гандиджи оказывали нажим со всех сторон, уговаривая его отказаться от выхода из Конгресса, но он твердо стоял на своем. Он продолжал подчеркивать, что его уход не причинит никакого вреда Конгрессу, и повторял свои заверения, что Конгресс сможет обращаться к нему в любое время, когда ему понадобится его совет. Он подчеркивал также необходимость изменения партийного устава. Когда стало очевидно, что решение его бесповоротно, мы перешли к другим пунктам повестки дня.

Столь же горячему обсуждению подверглось предложение об изменении устава Конгресса. Для выработки проекта поправок к уставу была образована специальная подкомиссия. Активное участие в этой работе принял Гандиджи, а также дея-

тели недавно возникшей Конгресс-социалистической партии. После этого мы занялись вопросом о конституции Индии, которая разрабатывалась в то время английским правительством. Английский проект включал «общинный закон» Рамсея Макдональда, в знак протеста против которого Махатма Ганди объявлял в свое время голодовку. С согласия заинтересованных сторон в «общинный закон» были внесены изменения, что и зафиксировано в самом законе. После продолжительных споров, главным образом по поводу «общинного закона», Рабочий комитет решил, что, несмотря на всю несправедливость этого закона, он не выскажется ни за его принятие, ни за его отклонение. Это не означало одобрения «общинного закона» (он был подвергнут резкой критике), но Рабочий комитет просто не хотел, выступив против закона, вызвать открытый конфликт с другими партиями. К тому же специальное упоминание об этом законе и не требовалось, так как Рабочий комитет отверг весь конституционный план, частью которого был «общинный закон». Отдельное заявление об отклонении закона могло быть истолковано как принятие остальных частей конституции, против которых комитет особо не выступил.

Кроме того, «общинный закон» составлял ту часть конституции, которую мы сами могли изменять, тогда как ни в одну из других статей конституции нам не разрешалось вносить никаких изменений. Ввиду всего этого Рабочий комитет решил отвергнуть конституцию целиком. Пандит Малавия и М. С. Ане резко возражали против резолюции Рабочего комитета. Споры по этому вопросу были весьма продолжительными. Гандиджи не в состоянии был убедить их, так же как им не удавалось переубедить его. Однако Конгресс в целом согласился с точкой зрения Рабочего комитета, и резолюция была вынесена на пленарное заседание.

Я был очень слаб, но все же мог руководить работой сессии. Конгресс-социалистическая партия принимала участие в прениях как самостоятельная группа. Среди членов этой группы были активные сатьяграхисты и образованные люди, всегда занимавшие независимую позицию. Они ставили передо мной множество процедурных вопросов, по которым я должен был принимать решение. Я никогда не был членом какого-либо законодательного органа, что же касается устава Конгресса, то в нем отсутствовали какие-либо процедурные правила. Когда подобные вопросы возникали, они обычно разрешались в соответствии с английской парламентской практикой и процедурой. На этот раз было поднято множество процедурных вопросов, и их надо было решать тут же, на месте. Я поступал в этих случаях так, как подсказывал мне здравый смысл, и мне было

приятно узнать впоследствии, что мои решения находились в согласии с общепринятыми правилами.

Я не стал зачитывать свою председательскую речь целиком, так как, посоветовавшись с Гандиджи, мы решили оставить как можно больше времени для прений по всем спорным вопросам. К тому же я знал по собственному опыту, что слушатели не любят, когда зачитывается целиком уже отпечатанная речь, текст которой они держат в руках. На сессии Конгресса в Белгауме Гандиджи распространил текст своей речи еще до открытия сессии и призвал делегатов высказаться по поводу нее. Поэтому я также зачитал только часть речи и пригласил делегатов приступить к обсуждению резолюции Рабочего комитета.

Пандит Малавия предложил поправку к резолюции по поводу «общинного закона» и произнес пространную речь. Прения продолжались два дня. Когда наступило время голосования, пандит Малавия снова попросил слова. Согласно правилам, он не мог вторично выступать по поводу предложенной им поправки, и все-таки он требовал слова. Положение создалось затруднительное. Я питал к нему глубокое уважение, но если бы я позволил ему говорить, другие стали бы требовать того же. Поэтому я решил не предоставлять ему слова и сослался на соответствующее правило. Я заверил его, что готов сам передать собранию все, что он желает сказать. При голосовании делегаты отклонили поправку Малавии и значительным большинством утвердили резолюцию Рабочего комитета. Однако некоторые из противников резолюции страшно рассердились и, сняв башмаки, стали угрожающе потрясать ими в сторону президиума.

Пандал, где происходила сессия, был оборудован мощными громкоговорителями, и Гандиджи, не присутствовавший на сессии, мог, сидя у себя в домике, следить за всей ее работой. Поэтому на следующий день он шутливо спросил меня, как мне удалось помешать говорить такому человеку, как пандит Малавия. Я сказал ему, что очень сожалею об этом, но я принял это решение как председатель Конгресса, а не как Раджендра Прасад.

Остальные резолюции не вызвали больших споров. Резолюция об изменении устава Конгресса была принята на пленарном заседании единогласно без всяких прений, ибо она уже раньше подверглась достаточно подробному обсуждению. Это была важная резолюция. До сих пор количество делегатов, избираемых на сессию Конгресса, было пропорционально численности населения провинции. Вследствие такого порядка независимо от того, насколько активной была конгрессистская организация данной провинции, если эта провинция обладала мно-

гочисленным населением, она всегда могла рассчитывать на представительство во Всеиндийском комитете и на сессии Конгресса. Отныне при выборах в ВИКК решено было исходить не из численности населения провинции, а из численности провинциальной организации Конгресса. Измененный устав предусматривал, что провинция избирает одного представителя на каждые пятьсот членов провинциальной организации Конгресса. Впоследствии этот порядок был изменен и было установлено, что число делегатов должно быть пропорционально также численности населения. Согласно этому положению, если провинция вербовала новых членов в организацию, чтобы послать больше делегатов, чем это оправдано численностью ее населения, то квота, установленная для каждого делегата, то есть число представляемых им членов организации, увеличивалась, и наоборот.

Другой вопрос заключался в том, как обеспечить представительство для групп меньшинства, имевших весьма малые шансы на успех при прямых выборах. Конгресс-социалистическая партия, являвшаяся группой меньшинства, высказывалась за пропорциональное представительство на основе внутреннего перераспределения полученных партией голосов. Что касается выборов делегатов, это предложение было неприемлемо, однако мы приняли его в отношении выборов во Всеиндийский комитет. Впоследствии мы обнаружили ряд недостатков в измененном уставе, поэтому его пришлось еще несколько раз изменять, однако основа оставалась прежней. Вопрос о пропорциональном представительстве вызвал серьезные разногласия. Ныне считается общепризнанным, что ограниченный контингент избирателей тоже может при известных обстоятельствах оказаться серьезным недостатком. Согласно уставу Конгресса, восемь членов этой партии имели право выдвинуть кандидата для баллотировки в члены ВИКК, так что, если кто-то сумеет завоевать на свою сторону восемь членов организации, он может быть избран. С другой стороны, тот, кто не вербует себе сторонников или не имеет друзей, которые активно собирали бы голоса в его пользу, не будет избран, даже если это авторитетный и опытный работник. Эта система поощряет образование мелких группировок, и при ней лучшие люди имеют куда меньше шансов быть избранными, чем политические комбинаторы. Поэтому указанная система ныне не слишком одобряется. Тем не менее это правило все еще остается в силе и сохраняется в уставе Конгресса. На Бомбейской сессии его недостатки еще не были замечены, и общее мнение было таково, что возражения против изменения устава могут диктоваться только одним — желанием держать подальше социалистов.

Сессия Конгресса закончилась на третий день в полночь. Я был счастлив, что состояние здоровья позволило мне справиться со своими обязанностями. Делегаты развезжались, полные энтузиазма и надежд. Их мысли были заняты предстоящими выборами в Центральное законодательное собрание. Учитывая подъем духа народа, можно было считать победу Конгресса на этих выборах обеспеченной.

Когда я добрался в ту ночь до своей резиденции, у меня начался приступ астмы. К счастью, дел позавтра было немного — я должен был заняться только формированием Рабочего комитета. Я уже наметил кое-какие кандидатуры, а теперь добавил к ним еще несколько и на следующий день передал список для опубликования в печати. Самым важным было подобрать подходящего генерального секретаря. Я хотел иметь на этом посту человека, который мог бы посвятить делу все свое время и чьи взгляды по важнейшим вопросам совпадали бы с моими. После многих размышлений я решил назначить на этот пост Ачарию Крипалани.

Я хотел ввести в Рабочий комитет кого-нибудь из бенгальцев, но не смог в то время этого сделать. Тем самым я навлек на себя критику моих бенгальских друзей, которые очень рассердились на меня за то, что я игнорирую такую важную провинцию. Однако моя позиция объяснялась тем, что в конгрессистской организации Бенгальской провинции существовали две группировки, причем обе они хотели быть представленными в комитете. Между тем в комитете не было места для двух представителей от Бенгалии. К тому же, если бы я включил двух представителей от Бенгалии, существовала опасность, что Рабочий комитет станет ареной борьбы между бенгальскими фракциями.

В Бомбее я решил, что Гандиджи не стоит беспокоить из-за повседневных дел Конгресса и что консультироваться с ним нужно только по важным вопросам. Я не хотел, чтобы он без особой надобности присутствовал на каждом заседании Рабочего комитета, и придерживался этого на протяжении всего срока пребывания на посту председателя Конгресса. Я часто посещал Вардху и обменивался с Гандиджи мнениями, но не обременял его просьбами участвовать в периодических заседаниях Рабочего комитета.

ВЫБОРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Выборы в Центральное законодательное собрание состоялись в ноябре 1934 года. У правительства сложилось впечатление, что во время продолжительной сатьяграхи ему удалось подавить Конгресс настолько, что у него уже нет надежды когда-либо возродиться. Однако готовность, с какою население откликнулось на обращение Центрального комитета по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения в Бихаре, и Бомбейская сессия Конгресса показали, что народ по-прежнему поддерживает старейшую политическую организацию страны. Многие, в их числе правительственные чиновники, не были уверены в том, представляет ли еще Конгресс всю страну в целом. Предполагалось, что предстоящие выборы покажут, оправданы ли утверждения Конгресса о том, что он представляет Индию. Поэтому мы придавали этим выборам большое значение.

В Мадрасе *Партия справедливости*, стоявшая у власти с 1920 года, сделала все, чтобы укрепить свои позиции. В ее рядах было немало способных людей. Будучи в основном партией небрахманов, она претендовала на то, что является выразительницей взглядов всех не принадлежащих к этой касте. В результате ее яростной пропаганды против брахманов в провинции стали отождествлять Конгресс с кастой брахманов. Партия справедливости пользовалась полной поддержкой правительства, так как значительное число помещиков и состоятельных людей, как и большинство населения, принадлежало к группе небрахманов.

Голосование должно было происходить не во всех провинциях одновременно. Результаты голосования в одной провинции должны были оказать влияние на ход выборов в других провинциях, а потому правительство, считавшее Мадрас наиболее надежным районом, решило провести там выборы в первую очередь. Конгресс выдвинул своих кандидатов во всех избирательных округах. Их соперниками были в основном ставленники правительства и других политических групп, но ос-

повная борьба велась между Конгрессом и Партией справедливости — сильнейшей после Конгресса партией в стране.

Заболев в Бомбее, я пролежал в постели до декабря и поднялся уже после того, как выборы закончились. Все, что я мог сделать во время избирательной кампании, — это посетить несколько пунктов в Бихаре. Зато другие, особенно сардар Патель, напрягали все свои силы, стремясь обеспечить поддержку кандидатам Конгресса. Результаты выборов в Мадрасе, состоявшихся раньше выборов в других провинциях, оказались совершенно неожиданными для правительства: кандидаты Конгресса не только были избраны во всех избирательных округах, но и получили подавляющее большинство голосов. Даже в тех округах, которые Партия справедливости считала находящимися под ее полным контролем, конгрессисты получили огромный перевес над ее кандидатами. В некоторых избирательных округах борьба была особенно острой. В одном из таких округов ныне покойный С. Сатьямурти одержал победу над весьма талантливым и известным деятелем Партии справедливости А. Рамасвами Мудальяром. Курия торговцев, которой Партия справедливости считала себя способной навязать любого, удобного ей кандидата, преподнесла ей неприятный сюрприз. С. Шанмугхам Четти, который в свое время избирался в Центральное законодательное собрание как кандидат Конгресса, а затем, во время движения сатьяграхи, порвал связи с Конгрессом, человек исключительных способностей и любимец лорда Уиллингдона, ныне представлял в этом округе Партию справедливости. Он был побежден конгрессистским кандидатом Венкачаталамом Четти.

Итоги выборов в Мадрасе оказали влияние на ход выборов во всех остальных провинциях. Вся страна была охвачена проконгрессистскими настроениями. Партия легко одержала победу во всех провинциях. В одном из избирательных округов Бихара кандидату Конгресса пришлось выступать против крупного предпринимателя шета Рамкришна Далмии. Он всегда сочувствовал Конгрессу и оказывал ему денежную помощь. Далмия решил выставить свою кандидатуру и заявил мне, что Конгресс должен снять своего кандидата Ануграх Нараяна Синху. Этого нельзя было сделать, так как Конгресс решил выдвинуть своего кандидата в каждом избирательном округе. Далмия не желал подчиниться дисциплине Конгресса и стать его кандидатом. Он потратил огромные деньги на избирательную кампанию и все-таки понес позорное поражение в борьбе со своим соперником-конгрессистом.

Имелись, однако, и кое-какие печальные обстоятельства, омрачавшие наш триумф на выборах. Пандит Малавия, безус-

пешно выступавший на Бомбейской сессии Конгресса против официальной резолюции по поводу конституционных предложений английского правительства, создал свою собственную группу и выставил почти во всех провинциях своих кандидатов в противовес конгрессиистским кандидатам. Конгресс не выдвигал своего кандидата только против М. С. Ане, и тот был избран единогласно. Во всех остальных округах происходила острая борьба между Конгрессом и группой Малавии. В Бихаре эта группа повсюду потерпела поражение, а в Бенгалии почти везде потерпел поражение Конгресс. В основном это объяснялось тем, что «общинный закон» был крайне непопулярен среди бенгальских индусов, составлявших 44 процента населения провинции. Будучи меньшинством, индусская община имела право на пропорциональное представительство, между тем, в соответствии с «общинным законом», ей было предоставлено всего лишь 39 процентов мест, то есть даже меньше ее процентной доли в общей численности населения. Поскольку же, согласно Пунскому пакту, заключенному между Гандиджи и лидерами хариджанов, значительная часть мест, предназначенных для индусов, должна была быть отведена представителям *зарегистрированных каст*, индусы высших каст могли рассчитывать на очень ограниченное количество мест. Поэтому они были крайне недовольны и являлись самыми резкими критиками «общинного закона».

ПЕРЕГОВОРЫ С ДЖИННОЙ

Хотя Конгресс и победил на выборах, надо было компенсировать ущерб, нанесенный организации за те четыре года, что она находилась под запретом, и оживить ее. В качестве первого шага в этом направлении мне казалось необходимым совершить поездку по стране. Провинциальные комитеты Конгресса тоже убеждали меня в необходимости этого. Так как в зимние месяцы я разъезжать не мог, я решил отправиться в поездку, как только прекратятся холода.

В январе в Дели открылась сессия Центрального законодательного собрания. В это же время было созвано заседание Рабочего комитета Конгресса, на котором присутствовал также Гандиджи. Население Дели оказало мне очень теплый прием, напоминавший встречу в Бомбее. Народ был охвачен таким же энтузиазмом, и мне пришлось проследовать по улицам города во главе торжественной процессии. Я чувствовал себя не совсем хорошо, и эти церемонии были слишком тяжелым испытанием для моего слабого здоровья.

Я встретился с Гандиджи, который сказал мне, что он по-прежнему предан Конгрессу и, если представится случай, продемонстрирует свою любовь к нему. Он был счастлив, что народ не забыл Конгресс и доказал ему свое доверие, отдав этой партии свои голоса на выборах. Горячий прием, оказанный мне в Бомбее и Дели, не был, по его словам, чем-то исключительным. Гандиджи был уверен, что такая же теплота и любовь были бы проявлены ко мне всюду, где бы я ни появился. Ему понравилась моя идея совершить поездку по стране и побывать во всех провинциях. Я не люблю больших процессий и пышных приемов, но мне приходилось с ними мириться, так как они были данью уважения председателю Конгресса. Я вспоминал о былых временах, когда в некоторых местах работники Конгресса не могли найти человека, готового дать им приют, и, наблюдая нынешний энтузиазм народа, поражался происшедшей перемене. Итак, я приступил к разработке марш-

рута поездки. Я решил захватить с собой Чакрадхар Сарана — деятеля Конгресса из Музаффарпура.

Однако прежде чем отправиться в поездку, необходимо было заняться одним весьма важным вопросом. «Общинный закон», с удовлетворением встреченный мусульманами, вызвал недовольство индусов. Все считали желательным достижение какого-то компромисса между индусами и мусульманами. Д-р Ансари, уже начавший переговоры с М. А. Джинной, внес это предложение на рассмотрение Рабочего комитета, и тот согласился изыскать все пути к достижению компромисса. Джинна прибыл в Дели, и как-то раз члены Рабочего комитета встретились с ним в доме д-ра Ансари. Однако переговоры носили слишком щекотливый характер, чтобы комитет мог вести их коллективно, и по инициативе Джинны было решено, что сначала переговорю с ним я, если же будет достигнуто какое-то соглашение, можно будет привлечь для обсуждения предложений Рабочие комитеты Конгресса и Мусульманской лиги, с тем чтобы они утвердили их. То, как начались наши беседы в первый день, не внушило мне особых надежд, но я не отчаивался и целиком посвятил себя этой задаче. Я не был уверен в своей способности вести подобные переговоры, но меня ободряло то, что я всегда мог обратиться за советом к д-ру Ансари и сардару Пателю, а также то, что переговоры получили благословение Гандиджи.

Наши беседы, тянувшиеся долгие недели, закончились безрезультатно. Мы разговаривали с Джинной по душам и, насколько я мог судить, симпатизировали друг другу. После каждой встречи я обычно делал краткие записи и постоянно информировал Гандиджи, сардара Пателя, д-ра Ансари, Ачарию Крипалани и г-жу Сароджини Найдю о ходе переговоров. Я очень сожалел о неудаче, ибо предложенные мною условия компромисса, которые я убедил Джинну принять, отвечали насущным интересам страны. Меня особенно огорчало то, что требования, вызвавшие провал переговоров, были совсем не существенны. Я считал, что настаивать на включении этих требований в условия компромисса так же глупо, как и отказываться из-за них от компромисса.

Я с самого начала ясно дал понять Джинне, что говорю только от имени Конгресса и не уполномочен выступать от имени других организаций. Я обязывался обеспечить утверждение Конгрессом любого соглашения, о котором договорюсь, и рассчитывал, что Джинна в свою очередь обеспечит одобрение его Мусульманской лигой. Джинна знал наше отношение к «общинному закону», вызвавшее конфликт с таким уважаемым деятелем, как пандит Малавия. Он видел также успех, сопутст-

вовавший Конгрессу на выборах во всех провинциях, кроме Бенгалии. Поэтому я полагал, что он морально подготовлен к компромиссу. Я ясно заявил ему, что ни о каком компромиссе не может быть и речи, если он не откажется от своего требования об отдельных куриях для мусульман и индусов, так как мы считали это крайне вредным для роста национализма. Я даже заявил, что переговоры могут начаться только при условии, если он согласится отказаться от отдельных курий. Джинна ответил, что мусульмане, уже давно привыкшие к этой системе, не откажутся от нее, если им не будет предложено взамен что-либо стоящее.

Я согласился с тем, что мусульмане должны получить такое количество мест в законодательных органах, какое предусмотрено для них «общинным законом». Мы взяли этот принцип за основу своих переговоров. Тогда Джинна выдвинул новое требование: в избирательных округах, где число избирателей-мусульман меньше, чем могло бы быть, учитывая численность мусульманского населения, ценз должен быть понижен, с тем чтобы число избирателей увеличилось и соответствовало бы численности мусульманского населения. Мусульмане, говорил он, бедны и отстали, а потому там, где избирательное право определяется способностью платить налоги, многие из них лишены права участвовать в выборах. Я внимательно изучил соответствующие цифры, относящиеся к Пенджабу, и установил, что в нескольких избирательных округах количество избирателей-мусульман не соответствует процентной численности мусульманского населения, однако это несоответствие составляет какие-нибудь 2 процента или даже меньше. В основном я считал требование Джинны справедливым, поскольку мы стояли за общие избирательные списки и за предоставление права голоса всему взрослому населению. Поэтому мне нетрудно было принять это требование. Однако, когда я сообщил о нем лидерам бенгальских индусов и сикхов, они решительно воспротивились. Хотя члены Центрального законодательного собрания от Бенгалии были склонны согласиться с этим требованием, бенгальские индусы возражали против него самым категорическим образом.

Когда я заговорил о требовании Джинны с пандитом Малавия, он заявил, что даст свое согласие, если требование лидера мусульман примут сикхи и бенгальские индусы. Я всячески старался собрать статистические данные о Бенгалии, однако на основании имевшихся материалов мне никак не удалось создать себе ясную картину. Не имея же необходимых данных, я не мог обсуждать этот вопрос с представителями индусов Бенгалии. Ввиду этого я попросил Джинну не настаивать

на своем требовании, поскольку оно не имело особого значения. Несоответствие между контингентом избирателей и численностью населения было столь невелико, что оно вряд ли могло оказать сколько-нибудь серьезное влияние на исход выборов. Однако Джинна не соглашался, и я от имени Конгресса принял его требование. Тогда Джинна стал настаивать, чтобы это требование было принято и пандитом Малавия, ибо, утверждал он, если бы Малавия начал агитацию против «общинного закона», соглашение с Конгрессом потеряло бы всякое значение.

В это самое время в Дели собралась конференция противников «общинного закона», осудившая этот закон. Я изо всех сил пытался убедить пандита Малавию согласиться со мной, но он поставил условие, чтобы норма представительства для мусульман в центральном и бенгальском законодательных органах была уменьшена. Со своей стороны Джинна твердо решил не подписывать никакого соглашения, если оно не будет подписано также и Малавией. Он готов был гарантировать, что соглашение будет одобрено всеми мусульманами, и желал получить аналогичную гарантию не только от меня, но и от пандита Малавии как представителя индусов. В результате переговоры были сорваны главным образом потому, что, хотя Джинна и имел дело со мной как с представителем Конгресса, он настаивал, чтобы и «Хинду махасабха» также была участницей соглашения. С тех пор позиция его изменилась: Джинна хочет, чтобы Мусульманская лига была признана единственной представительницей мусульман, Конгресс же он считает организацией, представляющей индусов. Между тем Конгресс не является и никогда не являлся чисто индусской организацией. Он всегда был и остается национальной организацией, двери которой открыты для представителей всех классов, взглядов и религий.

Провал переговоров, начатых с целью достигнуть компромисса, меня огорчил, ибо я был убежден, что в результате этого политическое положение в стране будет неуклонно ухудшаться. Последующие события, к сожалению, подтвердили мои опасения.

ПОЕЗДКА ПО ПРОВИНЦИЯМ

В марте, после делейских переговоров, я отправился в поездку по Пенджабу. Я с огорчением наблюдал острые разногласия между конгрессистами провинции и даже сам оказался жертвой этих раздоров. Рассказ о моем посещении Джалландара и Лахора даст представление о том, что приходится испытывать гостю в доме, где нет согласия. Джалландар был первой остановкой на моем пути. Меня сопровождал в поездке Крипалани. В Джалландаре два вокзала — один в военном поселке, другой в самом городе. Я не знал, где мне надо сойти, и решил выйти там, где нас будут встречать местные конгрессисты. Поезд прибыл на первый вокзал около четырех часов утра. Нас встретили какие-то люди и предложили сойти с поезда. Нас провели в зал ожидания, чтобы мы могли отдохнуть и немного подкрепиться. Я решил, что нас собираются проводить в город, когда рассветет. Тут я заметил, что среди встречавших нет Райзад Ханс Раджи, у которого мы должны были остановиться. Возможно, он опоздал, подумал я и решил немного подождать.

Спустя некоторое время появился Райзад Ханс Раджа. Он сообщил, что ожидал нас на втором вокзале и, убедившись, что мы не приехали, бросился на машине сюда. Выяснилось, что люди, встретившие нас, принадлежат к соперничающей группировке и не желают, чтобы мы остановились у Райзада — у них имеются свои собственные планы насчет нашего размещения. Между обеими группами начался спор. Мы с Крипалани чувствовали себя очень неловко, оказавшись свидетелями ссоры из-за того, где нам остановиться. В конце концов было решено, что обедать мы будем у Райзада, а завтракать — в доме представителя соперничающей группировки. Райзада я хорошо знал и телеграмму о своем приезде послал именно ему, но когда увидел провинциальные распри, мне не захотелось ввязываться в них, и я решил подчиниться любому распорядку, который для меня установят. Покончив с завтраком, мы двинулись в крупный центр производства кхади Адампур, где атмосфера была

уже менее напряженной. Оттуда мы направились к Райзаду обедать, а вечером выехали в Лахор.

В Лахоре повторилась та же история. Председатель провинциального комитета Конгресса д-р Сатьяпал находился в тюрьме, и программу нашей поездки пришлось разрабатывать другим лицам. На вокзале меня встретила группа людей, заявивших, что они все подготовили, чтобы мы могли остановиться в доме общества «Слуги народа». У меня было много друзей среди членов этого общества. Однако в этот момент прибыл посыльный от г-жи Шримати Сатьяпал с письмом, приглашавшим меня остановиться у нее. Я оказался в затруднительном положении, так как соперники начали пререкаться друг с другом. Крипалани вышел из себя и отчитал представителей обеих группировок за то, что они не договорились между собой и поставили гостей в неловкое положение. Однако общество «Слуги народа» уже организовало большой обед в нашу честь. Поэтому было решено, что я остановлюсь в резиденции д-ра Сатьяпала, но вечером явлюсь на обед в «Ладжпат рай бхаван» (Дом общества «Слуги народа»).

Затем большой процессией мы тронулись с вокзала. Не успели мы пройти несколько сот метров, как пошел сильный дождь. Я промок насквозь, но процессия продолжала свое движение, пока не остановилась возле резиденции д-ра Сатьяпала. Я не вымок бы так, если бы из-за спора между двумя враждующими группировками намеченный ранее маршрут процессии не был изменен. Вечером я присутствовал на обеде, а ночью у меня поднялась температура и начался приступ астмы. На следующий день моя болезнь приняла серьезный оборот, и мне пришлось остаться в постели.

Однако и во время моей болезни грызня между группировками продолжалась. Мои пенджабские хозяева никак не могли решить, какого врача или вайдю пригласить ко мне. Врач, вызванный одной группой, не понравился другой — она хотела вызвать своего врача, которому доверяла. От аллопатии мы перешли к гомеопатии. Так как все время, отведенное для моей поездки по Пенджабу, я провел в постели в Лахоре, я отменил намеченную программу и выехал в Бихар.

Однако с апреля до конца июня мне удавалось придерживаться заранее разработанной программы. Ни Всеиндийский комитет, ни сессии Конгресса ни разу не собирались в Центральных провинциях, поэтому я решил провести там заседание ВИКК. Оно состоялось в апреле в Джаббалпуре. У нас не было особенно важных тем для обсуждения, но я считал, что периодические встречи облегчат обсуждение общих проблем и обмен взглядами между конгрессистами. После заседания ВИКК я

отправился в Берар, где в это время под председательством пандита Г. Б. Папта происходило заседание провинциальной политической конференции. Я принял в нем участие, а затем начал поездку по Берарскому округу. Повсюду я наблюдал проявления энтузиазма. Дни моей поездки были заполнены бесконечными приемами, торжественными процессиями и массовыми митингами. Я впервые столько разъезжал по различным районам вне Бихара, и путешествие мне нравилось. Помимо того, что я видел множество новых мест, я имел возможность встречаться с народом, видными деятелями всей страны и укреплять конгрессистскую организацию.

Из Берара я отправился в поездку по провинциям Карнатка и Махараштра. Ежедневно я вставал в семь часов утра и ехал до очередного пункта, где программой предусматривалась остановка. Выступив в нескольких местах на митингах, я останавливался где-нибудь позавтракать и, отдохнув немного, снова пускался в путь. Так я двигался из одного населенного пункта в другой до поздней ночи. Ехали мы в основном по проселочным дорогам. За время этой поездки, продолжавшейся до июня, я возвращался в Бихар только один раз, чтобы совершить поминальную церемонию шрадхи по моему брату.

Мы побывали в больших и маленьких городах и деревнях. Проехав на машине через леса и вдоль морского побережья Карнатака, мы достигли княжества Майсур, откуда направились обратно через Шолапур, Сатару, Пуну, Белгаум, Малван, Ратнагири, Ахмаднагар и другие пункты, и я всюду выступал на многолюдных митингах. Я был очарован красотой и живописностью этих мест — высокими горами, густыми лесами и зелеными равнинами Декана. Особенно большое впечатление произвело на меня обилие языков, на которых здесь говорили, и яркие одежды жителей. За всем этим богатейшим разнообразием нельзя было не почувствовать, однако, некоего присущего Индии внутреннего единства. Один конец Деканского плоскогорья занимают иссушенные солнцем равнины Сатары и Шолапура, а другой — радующие глаз холмистые просторы Майсура и Курга. В Меркаре мы нашли на гребне холма обширную площадку, послужившую прекрасным местом для митинга. Оттуда можно было видеть тянувшиеся вниз, насколько хватал глаз, прекрасные зеленые леса. Земля здесь сплошь покрыта растительностью, леса необычайно густые, и в них водятся множество слонов и тигров.

Жители Махараштры любят цветы. Выходя встречать меня, они приносили с собой целые корзины, наполненные гирляндами цветов. В Махараштре обычно различные организации устраивают совместную встречу видному гостю, и представи-

тели каждой из них увенчивают его гирляндами. В тех местах, где своих цветов не было, их привозили из других районов. Видя, сколько денег тратится на цветы, я объявил, что буду очень доволен, если вместо цветочных гирлянд мне будут преподносить мотки ручной пряжи. Эта идея очень понравилась Шанкар Рао Део, и он постарался ее популяризировать. В результате во время остальной части моей поездки по району я получил столько пряжи, что даже после того, как щедро поделился ею с друзьями, у меня осталось достаточно, чтобы изготовить себе одежду из кхадии на несколько лет.

Комитет Конгресса провинции Махараштры постановил, что на каждом массовом митинге мне должны преподносить деньги. Всюду, где бы я ни появлялся, я получал денежные подношения. Иногда мою машину останавливали прямо на дороге и вручали мне деньги. Я собрал таким образом около 22 тысяч рупий. Крипалани отложил небольшую часть этой суммы для Всеиндийского комитета Конгресса, а остальную — более трех четвертей — передал провинциальному комитету Конгресса Махараштры для нужд этой провинции. Во время поездки на меня произвела большое впечатление умелая работа конгрессистов Махараштры. Они так искусно разработали маршрут и так хорошо рассчитали все сроки, что я смог посетить каждый пункт, значившийся в программе, точно в намеченное время. Шанкар Рао Део соблюдал строжайшую пунктуальность: меня нигде не торошили и не задерживали, и я имел достаточно времени для отдыха. К сожалению, в других местах все было совершенно иначе. В моей собственной провинции, когда Джавахарлал Неру посетил в 1937 году Банкипур и Патну, по вине организаторов, не сумевших привлечь во внимание все обстоятельства, митинги проводились и в полночь и в два часа ночи, и это в самом холодном месяце — январе! То, что масса людей, несмотря на жестокую стужу, терпеливо дожидалась с вечера начала собрания, делало честь Конгрессу, но сам факт, что им приходилось ждать, позволяет судить о наших организаторских способностях.

Дисциплинированность жителей Махараштры была образцовой. Они ни разу не заставили меня совершить непредвиденную остановку, нигде меня не осаждала толпа. Ярким примером может служить прием, устроенный мне в Шолапуре. В последнюю минуту власти, желая помешать населению участвовать в церемонии встречи, запретили всякие шествия. Организаторы решили подчиниться приказу, но они хотели, чтобы встреча оказалась столь же торжественной, как церемониальная процессия. Они обратились к жителям с призывом спокойно стоять перед своими домами и лавками или на крышах домов.

Меня провезли по тем самым улицам, по которым, согласно первоначальным планам, должна была проследовать процессия. Население повиновалось организаторам безоговорочно. Мой автомобиль двигался по намеченному маршруту в сопровождении одной или двух машин, а по правую и по левую стороны улицы я видел шеренги людей, стоявших недвижно и молча. Нигде не было никакой сутолоки. Каждый мог меня видеть, а мне было видно, какие большие приготовления провели горожане, чтобы встретить меня. Весь город был празднично украшен. В нескольких местах мою машину останавливали и публике разрешали увенчивать меня гирляндами цветов. Таким образом я был избавлен от пыли и грохота процессии, а население — от возможной давки. Хотя автомобиль двигался медленно, моя поездка по городу заняла меньше времени, чем понадобилось бы для торжественной процессии. Я поздравил организаторов приема с тем, что возможную неудачу они превратили в триумф, сумев устроить церемонию еще более эффектную, чем процессия. Для властей это было поражение, и организовано все было за какие-нибудь несколько часов. А не можем ли мы, спрашиваю я себя, делать то же самое и в других местах, даже когда процессии не запрещены? Я уверен, что сделать это можно. При существующем же обычае много времени и сил тратится на то, чтобы поддерживать порядок в толпах народа. В суматохе и сутолоке находится обычно множество самозванных распорядителей; почетного гостя то и дело окружают, заслоняют от публики, и так как люди все-таки стремятся взглянуть на него хоть одним глазом, толкотня еще больше усиливается. Движущаяся людская масса непрерывно растет. Естественно, поднимаются столбы пыли, и шум стоит ужасающий. От грохота и пыли больше всех страдает почетный гость, а если он при этом, подобно мне, астматик, ему, конечно, приходится за это дорого расплачиваться.

Во время этой поездки я услышал о страшном землетрясении в Кветте. Некоторые подробности катастрофы мы узнали только через несколько дней. Землетрясение, по-видимому, было столь же разрушительным, как бихарское. Был создан комитет по оказанию помощи жертвам землетрясения под моим председательством, и мы приступили к сбору средств. Подземные толчки в Кветте захватили менее обширный район, чем в Бихаре, но причиненные ими разрушения в городе и его окрестностях были ужасны. Кветта представляла собой военный форт, и армейские власти смогли сразу же взяться за оказание помощи пострадавшим. Однако никаким общественным организациям там действовать не разрешили. Правительство ввело предварительную цензуру на информацию, и те немногие газеты,

которые отважились нарушить правила, жестоко за это поплатились. Таким образом, Кветта оказалась совершенно изолированной от внешнего мира, и единственным источником сведений о том, что там творится, были официальные сообщения печати. Газеты начали кампанию протеста против действий правительства, но последнее не обращало на них никакого внимания. Люди, прибывавшие из Кветты, горько жаловались на тамошние условия, но никто не мог ни опубликовать, ни расследовать их жалобы. Ограничения, установленные правительством, создавали впечатление, что жалобы эти не лишены оснований, но мы были совершенно бессильны что-либо предпринять.

Большинство населения Кветты составляли пенджабцы и *синдхи*. Значительная часть уцелевших жителей города вернулась в свои родные провинции. Они-то и рассказали о размерах бедствия. Общественные организации сделали все возможное, чтобы приютить этих несчастных людей, многие из которых лишились своих кормильцев, в специально созданных лагерях, и всячески старались помочь им снова стать на ноги. Я очень хотел поехать в Кветту и использовать опыт, полученный в Бихаре, для оказания помощи пострадавшему населению, но правительство отказалось выдать мне разрешение на въезд туда.

Тогда я отправился в Карачи и посетил все города Синда, куда прибыли беженцы из Кветты. Я встречался с тысячами из них и выслушивал их скорбные истории. Я обратился к правительству с письмом, в котором подробно описывал бедственное положение жителей, излагал их жалобы и настаивал на выдаче мне разрешения посетить Кветту. В ответ на свое длинное письмо я получил две строчки от сэра Мориса Холлета, чиновника правительства Индии, который отказывал мне в разрешении, ибо, с его точки зрения, жалобы не заслуживали расследования. Тогда я сосредоточил свои усилия на оказании помощи беженцам из Кветты. Я создал комитеты помощи в тех городах Синда и Пенджаба, где собралось большое число беженцев, и распределил между ними несколько сот тысяч рупий, собранных комитетом помощи жертвам землетрясения в Кветте. В Синде работа по оказанию помощи была поручена Джайрамдасу Даулатрам, а в Пенджабе — д-ру Гоичанд Бхаргаве.

ПРОБУЖДЕНИЕ НАРОДА В КНЯЖЕСТВАХ

Конгресс всегда придерживался политики невмешательства в дела индийских княжеств. Каковы бы ни были первоначальные причины, побудившие Конгресс занять подобную позицию, в последующие годы, особенно после возникновения движения сатьяграхи, в княжествах началось политическое пробуждение и население этих районов все настойчивее требовало, чтобы Конгресс уделял больше внимания княжествам. Критические голоса раздавались и в самой партии; широкие круги конгрессистов настаивали на изменении традиционной политики.

Всего в стране насчитывалось около шестисот крупных и мелких княжеств. Некоторые из них по площади были не больше какого-нибудь общественного парка в крупном индийском городе, но были и такие княжества, территории которых равнялись тысячам квадратных миль, а население исчислялось миллионами. Большинство правителей княжеств были деспотами, не допускавшими на своих территориях никаких демократических институтов. Население совершенно не участвовало в государственном управлении. Более крупные княжества пользовались известной автономией во внутренних делах. Что же касается мелких княжеств, то они напоминали поместья заминдаров, управляемые в основном ставленниками английского правительства. Эти англичане пользовались большим влиянием в административных делах, в особенности в вопросах, касающихся назначения диванов, то есть министров. Таким образом, английское правительство косвенно осуществляло контроль над этими княжествами.

Ни в одном индийском княжестве правитель не мог предпринять сколько-нибудь важного шага без согласия английского правительства. Князь, навлекший на себя по той или иной причине недовольство английского правительства, уже не мог считать себя в безопасности — ему грозило отстранение от власти. Право наказывать правителя за плохое управление или за какие-либо проступки было прерогативой английской короны.

Князья, проявлявшие трогательную привязанность к старым договорам и своим историческим обязательствам в отношении английской короны, утверждали, что они обладают определенными договорными правами. Однако на деле стоило им оказать в чем-либо противодействие английскому правительству, как против них сейчас же принимались меры. Те князья, которые были достаточно благоразумны, чтобы угождать английским резидентам, находились в относительной безопасности и могли безнаказанно обращаться со своими подданными как им заблагорассудится.

В результате агитации, проводившейся на протяжении пятидесяти лет в районах, именовавшихся Британской Индией, индийский народ с течением времени получил нечто вроде ответственного правительства, в княжествах же по-прежнему не было ничего подобного. Территориально княжества и Британская Индия настолько тесно переплетены, что между ними, казалось бы, нет никаких различий. Население Британской Индии действительно ничем не отличается от населения княжеств: у них одинаковые взгляды на жизнь, одинаковые религиозные верования, обычаи и традиции. Поэтому казалось очень странным, что, в то время как часть одного и того же народа, живущая по одну сторону пограничной линии, пользовалась известными гражданскими правами, та часть, что живет по другую сторону этой линии, лишена всяких прав и ею управляют совершенно деспотически. Всякий шаг в сторону демократизации в Британской Индии не мог, таким образом, не затрагивать населения соседних княжеств. Жители этих районов начали создавать организации, призванные бороться за улучшение условий жизни и создание демократической системы управления. Они начали также участвовать в сатьяграхистском движении, проводившемся в Британской Индии. Постепенно и они стали критиковать Конгресс за его отношение к их проблемам и чаяниям.

Когда в 1920 году по решению Нагпурской сессии Конгресса провинциальные комитеты Конгресса были реорганизованы на языковой основе, устав партии был изменен и жителям княжеств было разрешено вступать в политические организации соседних провинций Британской Индии. В связи с этим население полуострова Катхиавара начало принимать участие в конгрессистской деятельности своих братьев, говорящих на языке гуджарати, по другую сторону границы, в Британском Гуджарате. При выборах делегатов сессий и членов Всеиндийского комитета Конгресса Катхиавар и Гуджарат стали рассматриваться как единый район. Единой территорией считались также Раджпутана и Раджастхан.

Конгресс не хотел создавать свои отделения непосредственно в княжествах из опасения оказаться вовлеченным в конфликт с князьями и их администрацией. Однако политическая сознательность населения княжеств повысилась, и оно начало требовать, чтобы Конгресс интересовался также и его делами. Конгресс считал, что если ему удалось добиться своего от английского правительства, то он сумеет сладить и с князьями, ибо в конце концов те черпали силу в поддержке англичан. Однако княжества находились в состоянии брожения. Объяснялось это множеством различных причин.

Представители князей участвовали в конференции круглого стола в Лондоне. Князья согласились принять новую конституцию, которую предполагалось разработать для Индии, при условии, если их права и привилегии будут должным образом обеспечены в ней. В соответствии с этим треть мест в проектируемом федеральном законодательном собрании была закреплена за представителями княжеств. Однако в то время как представителей от Британской Индии должно было избирать население, представителей княжеств должны были назначать князья. Население княжеств выражало свое недовольство таким решением. Недовольны были и мы, ибо считали, что федеральное законодательное собрание будет представительным только номинально, поскольку треть его членов будет назначаться английским правительством через резидентов. Это дало новую пищу критикам политики невмешательства, проводимой Конгрессом.

Под влиянием накаленной атмосферы, царившей в стране, в некоторых княжествах весьма неохотно были произведены кое-какие реформы. Были созданы так называемые законодательные собрания, но ни одно из них не имело тех прав, которыми по конституции 1920 года пользовались законодательные собрания Британской Индии. Однако некоторые княжества, как, например, Майсур, Траванкур и Барода, имели весьма прогрессивную администрацию и в некоторых областях, в частности в области просвещения, даже намного опередили Британскую Индию. Жители других княжеств были недовольны реформами, которые нерешительно вводились в их районах. Предприниматели — гуджаратцы и марвары, осевшие в Бомбее, Калькутте и других больших городах и принимавшие участие в движении сатьяграхи, хотели, чтобы движение за независимость охватило также и княжества. Группа членов Конгресса, стоявших за изменение партийной политики невмешательства в дела княжеств, все росла и к моменту Бомбейской сессии выдвинула требование, чтобы партия не делала различия между населением провинций Британской Индии и княжеств.

Сам Махатма Ганди был уроженцем одного из княжеств Катхиавара. Границы территорий Катхиавара и соседней провинции Британской Индии — Гуджарата настолько перемешались, что весь этот район напоминал хитро собранную игрушку-головоломку. Именно поэтому Гандиджи и сардар Патель имели тесные связи с тамошним населением. Гандиджи считал, что, если Конгресс начнет вмешиваться во внутренние дела княжеств, их население утратит инициативу, необходимую для ведения самостоятельной борьбы, и не сможет стоять на собственных ногах. Он хотел, чтобы движение за демократические институты возникло на местной почве, а не насаждалось извне. При всем своем сочувствии к чаяниям населения княжеств он не был сторонником распространения деятельности Конгресса на княжества. Партия готова была проявить сочувствие и оказать населению княжеств любую помощь, какая могла ему потребоваться, за исключением прямого участия в какой-либо агитационной кампании.

Гандиджи сообщил об этом в одном из своих выступлений. Как председатель Конгресса, я тоже сделал аналогичное заявление. Но эти декларации не удовлетворили население княжеств, а резолюция Рабочего комитета, составленная в духе моего заявления, только усилила недовольство. Этот вопрос подвергся обсуждению на заседании Всеиндийского комитета Конгресса, состоявшемся в Мадрасе во второй половине 1935 года, но ВИКК поддержал резолюцию Рабочего комитета. В результате спор продолжался с неослабевающим ожесточением. Однако все это имело и свой положительный результат, который и предвидел Гандиджи: население княжеств начало действовать самостоятельно. В большинстве княжеств возникли политические организации, известные под названием *праджа мандал*. Конгресс без всяких колебаний оказывал им помощь во всех необходимых случаях.

После заседания Всеиндийского комитета Конгресса в Мадрасе я отправился в поездку по Южной Индии. Весь этот год со здоровьем у меня обстояло неважно, но я все-таки был в состоянии выполнять свои обязанности и даже продолжать утомительные поездки. Я придерживался своего обычного распорядка: ехал весь день, выступая по пути на митингах, а ночь проводил в каком-нибудь населенном пункте. Во время этой поездки всплыла языковая проблема. В Мадхья-Прадеше (Центральные провинции) и Махараштре я говорил на хинди, но в Тамилнаде мне приходилось пользоваться английским, и мою речь фразой за фразой переводили на местный язык.

«Хинди праچار сабха» добилась больших успехов в Южной Индии. Но, несмотря на это, я не мог говорить на хинди, так

как многие слушатели не понимали этого языка. На многих митингах, как мне говорили, 90 процентов присутствующих не знали ни хинди, ни английского. Даже в городах, где процент знающих английский язык был выше, чем в деревнях, знающих хинди было немного. К тому же найти переводчиков с этого языка было труднее, чем с английского. Мне давно не приходилось произносить речи по-английски, но скоро я к этому привык. В Тамилнаде и Керале я говорил по-английски.

«Хинду», мадрасская ежедневная газета на английском языке, выходящая большим тиражом,— одна из лучших газет Индии.

Находясь в Мадрасе, я получил представление о том, насколько умело и оперативно она информирует своих читателей о происходящих событиях. Я прибыл в город днем. Население устроило мне торжественную встречу возле вокзала. Я сказал несколько слов в ответ на поднесенный мне адрес. Оттуда во главе торжественной процессии я проехал через различные районы города в Майланур, где должен был остановиться. Когда мой экипаж проезжал мимо редакции «Хинду», мне преподнесли свежий номер газеты (в то время «Хинду» была вечерней газетой). Перелистывая газетные страницы, я увидел, что в номере помещен подробный отчет о моем прибытии, торжественной встрече и процессии, несколько фотографий и полный текст моей речи. В каком бы пункте Мадрасской провинции я ни появлялся, всюду оказывался представитель «Хинду», посылавший в газету отчет о моем выступлении. В поездке меня не сопровождал ни один штатный корреспондент, ибо газета везде имела своих представителей. Никогда мои речи не передавались с такой точностью, как во время поездки по Тамилнаду и Керале.

Вряд ли во время этой поездки я пропустил хоть один город или крупную деревню. И тут мне пришлось испытать на себе, что такое рознь между брахманами и небрахманами. Это напомнило мне индусско-мусульманскую проблему на севере и бенгали-бихарскую — в Бенгалии и Бихаре. Партия справедливости, представлявшая небрахманов, потерпела поражение на выборах в Центральное законодательное собрание, но ожесточение, порожденное предвыборной борьбой, все еще оставалось. В тех местах, где население смотрело на Конгресс как на организацию брахманов, мне задавали каверзные вопросы. Я говорил слушателям, что двери Конгресса открыты для всех и что в Рабочем комитете есть несколько небрахманов, например Махатма Ганди, сардар Патель, Ачария Крипалани и я. Возможно, мои разъяснения произвели некоторое впечатление на тех, кто меня допрашивал, но мне больно было видеть недове-

рие, посеянное в душах людей злобной пропагандой некоторых личностей.

Еще интереснее был «прием», оказанный мне небольшой партией небрахманов, известной под названием Партии самоуважения. В некоторых местах меня встречали черными флагами и криками «Убирайся домой!». Но демонстранты составляли такую ничтожную кучку, что мы смотрели на все это просто как на шутку. Как-то раз, услышав на митинге крики «Убирайся домой!», я спросил, кто из присутствующих действительно хочет, чтобы я уехал, и предложил им поднять руки. Поднялось менее двух десятков рук. Мой вопрос и последовавший на него ответ вызвали взрыв хохота; даже демонстранты не удержались и смеялись вместе со всеми. После этого митинг продолжался уже без всяких помех.

Однажды, когда я выступал ночью перед большой аудиторией, какие-то личности начали безобразничать и что-то выкрикивать из угла. Я ничего не расслышал, но собрание было возмущено и не скрывало этого. Полиция арестовала крикунов и продержала их под замком в соседнем доме до окончания митинга. Я узнал об этом инциденте только позднее. Вообще же я заметил, что, как только митинг начинался, демонстранты с черными флагами замолкали и спокойно усаживались, чтобы прослушать речь, а после окончания митинга опять начинали выкрикивать свои лозунги.

Я побывал в Тируваннамалае, но, так как моя программа была очень насыщена, я смог только заглянуть к великому святому Раману Махариши. Мне очень хотелось получить у него *даршан* и подольше побыть в его ашраме, но такая возможность представилась мне лишь много времени спустя. Мой друг Шанкарлал Банкер, часто посещавший ашрам, советовал мне поехать в Тируваннамалай, так как это было бы полезно для моего здоровья. Он говорил, что у него после недолгого пребывания там стало лучше с сердцем. Позднее я поехал туда с Джамуналал Баджаджем. В Тируваннамалае я пробыл несколько дней и почти ежедневно посещал ашрам.

Я посетил также Чидамбарам, славящийся своим храмом Натарадж. Здесь находится Аннамалайский университет, основанный раджой Аннамалай Четтиярамом. Шринаваса Шастри, бывший в то время проректором университета, просил меня остановиться у него дня на два, и я соответственно построил свою программу. Хотя я знал Шастри уже довольно давно, мы впервые оказались в таком близком общении, и мое уважение к нему еще более возросло.

Во время поездки по Керале я посетил Кочин и видел древние водохранилища Татапурама. Я побывал на мысе Коморин —

крайней южной оконечности Индии, где Бенгальский залив сливается с Аравийским морем. Здесь я наблюдал, как солнце поднимается утром из морской пучины, а вечером погружает свой диск в воды. Это было великолепное зрелище. Индию часто изображают в образе женщины Бхарат Маты (Матери Индии) с мысом Коморин у ног. Я бродил вокруг, разглядывая нависшие над морем скалы. Мне рассказывали, что на этих скалах как-то раз побывал Свами Вивекананда и в знак поклонения пал ниц у ног Бхарат Маты. Когда я стоял там, глядя на безграничный водный простор, мне невольно пришло на ум, что сама природа хотела, чтобы именно здесь кончалась Земля. Ведь недаром сплошной массив суши тянется от Северного полюса до мыса Коморин, здесь обрывается, а отсюда уже до самого Южного полюса лежат безбрежные водные пространства!

От мыса Коморин я проехал на машине вдоль восточного побережья до самого Пури. В Андхре, так же как в Тамилнаде и Керале, мне была устроена торжественная встреча. В этой поездке меня сопровождал мой тамошний друг Сатьянараян, деятель общества «Хинди праچار сабха». Он говорит на хинди, как северянин, так что я мог, выступая на митингах в Андхре, пользоваться хинди, а он переводил мои речи на язык телугу. В Андхре больше членов общества «Хинди праچار», чем в Тамилнаде. В некоторых местах слушатели даже просили меня говорить на хинди и понимали мою речь без перевода. Именно во время этой поездки я понял огромное значение пропаганды языка хинди для осуществления нашей программы создания национального государства.

Конечным пунктом в маршруте моей поездки по Андхре был Висакхатнам. Оттуда я выехал поездом в Райпур, где должен был присутствовать на торжественном приеме, а из Райпура отправился прямо в Вардху. Если не считать княжества Хайдарабад, то к тому времени я в качестве председателя Конгресса успел объехать всю страну к югу от гор Виндхья.

СЕССИЯ КОНГРЕССА В ЛАКХНАУ

В декабре 1935 года исполнялось пятьдесят лет существования Индийского национального конгресса, и мы решили провести по всей стране торжественное празднование этого юбилея. Основное торжество должно было состояться в Бомбее, в том самом месте, где в 1885 году собралась первая сессия Конгресса. Бомбейский провинциальный комитет Конгресса провел все необходимые приготовления. Прибыв в Бомбей, я узнал, что Диншоу Вача, единственный оставшийся в живых участник первой сессии Конгресса и старейший из его председателей, серьезно болен. Я счел своим долгом навестить Диншоу Вача и испросить его благословения на проведение наших юбилейных торжеств. Однако, когда я пришел к нему, он был в беспомощности, так что мне не удалось поговорить с ним. За последние годы между ним и Конгрессом возникли разногласия, но это отнюдь не умаляло его больших заслуг перед партией.

Мы решили по случаю юбилея издать историю Конгресса и попросили д-ра Паттабхи Ситарамая, давно уже работавшего над созданием такой книги (на английском языке), закончить ее и выпустить в свет от имени Конгресса. Он закончил книгу, в Вардхе мы вместе с ним отредактировали ее, и я написал к ней предисловие. Книга была переведена на хинди, маратхи, тамили, телугу и другие языки. В день открытия юбилейных торжеств у нас уже были в руках почти все переводные издания, выпущенные в свет частными издательскими фирмами или провинциальными комитетами Конгресса, и английское издание, выпущенное ВИКК. Книга быстро расхищалась — издания на языках хинди и маратхи были раскуплены в несколько дней, — и нам пришлось отпечатать дополнительный тираж. Английский вариант тоже выдержал два издания. В это же время появилось немало и других книг о Конгрессе, в частности сборник резолюций Конгресса за пятьдесят лет, а также

составленный Г. А. Натесаном сборник речей председателей Конгресса.

В Бомбее и большинстве других городов страны юбилей праздновался торжественно и с большим подъемом. Повсюду проводились массовые митинги, на которых зачитывалось специальное заявление Рабочего комитета Конгресса и произносились речи, посвященные истории организации. По ночам устраивалась иллюминация, напоминавшая о празднике Дивали. По своему размаху эти юбилейные празднества были, пожалуй, невиданными в нашей истории.

Во время Бомбейской сессии Конгресса Джавахарлал Неру сидел в тюрьме, однако его вскоре освободили, чтобы он мог поехать в Европу, ибо Камала Деви Неру, давно уже болевшая и жившая в Швейцарии, находилась в тяжелом состоянии. Камала Неру скончалась почти сразу же после прибытия Неру в Швейцарию, и Джавахарлал вернулся в Индию с пеплом своей жены. Я поехал на Аллахабадский аэродром, чтобы его встретить. В аэропорту можно было наблюдать трогательные сцены. Ведь кончина Камалы Неру была не только личной утратой Джавахарлала, но и потерей для всей страны, ибо эта женщина была преданным деятелем Конгресса. Ее пепел был торжественно погружен в Ганг.

Между тем началась подготовка к очередной сессии Конгресса, которая должна была состояться в Лакхнау. Джавахарлал Неру избрали ее председателем. При выборах возникло небольшое осложнение, так как по существующему правилу нельзя избирать председателем сессии выходца из той провинции, где сессия созывается. Следующая сессия должна была состояться в Соединенных провинциях, а Джавахарлал был не только уроженцем этих провинций, но и их виднейшим деятелем. Но тут вмешался Гандиджи, заявивший, что устав партии не запрещает избрание такого лица, после чего нам уже ничто не помешало выдвинуть Неру председателем.

В Дели было созвано заседание Рабочего комитета, на котором присутствовал Гандиджи. Поскольку вновь избранный председатель Конгресса в течение некоторого времени был оторван от партии, ему предоставили возможность встретиться с членами Рабочего комитета и обменяться с ними мнениями по вопросам, которые могли подвергнуться обсуждению на сессии Конгресса. Было известно, что Джавахарлал Неру сочувствует идеям социализма. После поездки в Европу его взгляды стали более твердыми и определенными. В Индии уже возникла Социалистическая партия, и хотя Неру не был ее официальным членом, его взгляды часто совпадали со взглядами этой партии. Большинство из нас не понимало сущности социализма

и не верило в него. На заседании я обнаружил, что в некоторых вопросах расхожусь с Неру во взглядах. Разногласия касались не столько программы Конгресса или вопросов процедуры, сколько подхода к той или иной проблеме. Если даже мы оба были согласны в каком-нибудь вопросе, мы обычно предлагали два различных способа его разрешения.

За несколько дней до открытия сессии Конгресса в Лакхнау в Аллахабаде собрался Рабочий комитет. Мы знали, что подготовка проекта резолюций для сессии Конгресса обычно занимает довольно много времени. Вначале наблюдается тенденция попусту тратить время на всевозможные мелочи, а позднее, когда наступает время созыва заседания редакционной комиссии, нам приходится торопиться. В результате мы обычно не успеваем составить проекты всех резолюций своевременно, с тем чтобы вручить их печатные копии членам редакционной комиссии. Поэтому на заседании в Аллахабаде Рабочий комитет обсудил повестку дня предстоящей сессии в Лакхнау и подготовил много резолюций, оставив лишь несколько для обсуждения и разработки во время самой сессии.

Бомбейская сессия Конгресса уже отклонила предложенные английским правительством реформы. В самой партии имелись две точки зрения по этому вопросу. Одни считали, что Конгресс должен согласиться на принятие министерских постов, другие были против этого. Наиболее решительными противниками этих реформ выступали социалисты. Хотя Конгресс и отклонил реформы как таковые, он не принял никакого решения относительно того, в чем конкретно должно выразиться их отклонение. Нельзя ведь было ожидать, что реформы будут отменены или аннулированы только потому, что Конгресс их отверг. В связи с этим возник вопрос, должен ли Конгресс принять участие в выборах в законодательные органы, которые должны были состояться в соответствии с новой конституцией, и не следует ли ему полностью бойкотировать их, как он делал это в 1920 году. Допустим, с другой стороны, что он примет участие в выборах и получит большинство в провинции. Следует ли ему в таком случае сформировать там правительство или же он должен устроить обструкцию и сделать невозможным введение в жизнь конституции? Мы не считали возможным, да и желательным решать этот вопрос до выборов, полагая, что нам следует подождать и посмотреть, получают ли конгрессисты в каких-либо избирательных округах большинство голосов. Поэтому, когда во время моей поездки по Южной Индии мне задавали вопросы на этот счет, я разъяснял резолюцию Бомбейской сессии Конгресса. Мои ответы истолковывали по-разному, но, если бы я как председатель Конгресса изложил свою

точку зрения по вопросу о занятии министерских постов, споры внутри Конгресса еще более обострились бы и к ним было бы приковано всеобщее внимание.

В это же время возник еще один вопрос, не вызывавший сколько-нибудь серьезных разногласий. В Европе быстро складывалась военная обстановка. Италия вторглась в Эфиопию. Англия не одобряла итальянскую акцию, но избегала прямого конфликта с Италией по этому поводу. Лига Наций решила ввести экономические санкции против страны-захватчика, но это не произвело на агрессора никакого впечатления. Наши коллеги-социалисты требовали, чтобы Конгресс принял резолюцию, выражающую сочувствие Эфиопии и заявляющую об отказе Индии поддерживать Англию в какой-либо будущей войне из-за позиции, занятой ею в отношении жертвы агрессии. Что касается выражения сочувствия угнетенной стране, то это, разумеется, не могло вызвать никаких разногласий. Но хотя я был чрезвычайно далек от мысли, что в случае войны мы должны оказывать помощь Англии, я считал преждевременным для Конгресса высказываться по поводу международных проблем. Поэтому я был против того, чтобы резолюция шла дальше выражения сочувствия Эфиопии.

Джавахарлал Неру, который, как мы знали, был лучше нас осведомлен в международных делах и с мнением которого мы считались, тоже не соглашался с нами в этом вопросе. Он выступал также против принятия членами Конгресса постов в правительстве. Однако Рабочий комитет еще не вынес определенного решения на этот счет и не хотел до окончания выборов делать никаких обязывающих заявлений. Неру открыто выступил с изложением своей точки зрения, но при этом честно предупредил, что он выражает только свое личное мнение.

Трудно сказать сейчас, по каким именно конкретным вопросам существовали разногласия между двумя группировками в Конгрессе. Факт тот, что разногласия наблюдались по многим вопросам и большинство в Рабочем комитете составляли люди нашего образа мыслей. Однако эти разногласия не касались основных принципов Конгресса, и не возникало даже мысли о разрыве между двумя группировками, подобно тому как это произошло на сессии Конгресса в Гае, когда сваражистская партия и «противники перемен» порвали друг с другом. Собственно говоря, в Конгрессе на этот раз не было двух четко разграниченных группировок: ни одна из них, по существу, не думала и не действовала как единая группа, и разногласия между ними не отлились в такую определенную форму, чтобы навести на мысль о разрыве. По сути дела можно было говорить лишь о наличии двух различных взглядов на вещи, сохранив-

шихся, вероятно, и по сей день. Что касается программы Конгресса как таковой, то она не вызывала сколько-нибудь серьезных разногласий. Мы, представители старшего поколения, восхищались искренностью Джавахарлала Неру, его честностью, талантливостью, глубиной мышления, его самоотверженным служением родине. Порвать с ним было для нас невыносимо. Он в свою очередь знал, что мы, пожалуй, пользуемся большим влиянием среди провинциальных работников, и разделял наше горячее стремление к дружной, слаженной работе. И мы и сторонники Джавахарлала Неру считали, что дополняем друг друга и что, как бы ни были велики наши разногласия, народ не одобрит раскола в Конгрессе.

После сессии Конгресса в Лакхнау Неру столкнулся с трудностями при формировании своего Рабочего комитета. Он хотел внести туда свежую струю. Мы не возражали против этого, но считали, что, если он хочет оставить в комитете и нас, комитет должен быть сформирован так, чтобы мы могли оказывать влияние на его решения. Гандиджи рекомендовал Неру ввести в комитет любых социалистов, каких он пожелает, и даже назвал несколько имен. Мы также дали на это согласие, и новый Рабочий комитет был образован из представителей двух различных школ. Это, однако, не мешало деятельности комитета, хотя методы социалистов и внушали нам некоторую тревогу. Они выступали, прямо или косвенно, против некоторых тактических принципов Конгресса, выработанных Гандиджи после 1920 года, и мы чувствовали, что социалисты стремятся уничтожить все сделанное Махатмой — все, что составляло основу деятельности Конгресса и что до сих пор вело нашу страну вперед. Однако, насколько я знаю, в этом Неру не был заодно с социалистами, ибо, несмотря на расхождения с нами во взглядах, он безоговорочно признавал руководство Гандиджи и никогда не хотел его ослабления. Мы убедились, что с Неру мы можем сотрудничать, несмотря на все разногласия, но дружно работать с остальными нам было трудно.

*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

Через несколько дней после окончания сессии Конгресса в Лакхнау в Нагпуре была созвана конференция «Хинди сахитья саммелана», на которой мне предложили председательствовать. Поэтому я вместе с Гандиджи выехал из Лакхнау в Вардху, а оттуда должен был направиться в Нагпур. В Вардхе я написал текст речи, с которой намеревался выступить на открытии конференции.

Уже в течение некоторого времени велись споры о том, следует ли оставлять в языке хинди слова иностранного происхождения. В сущности это была неверная постановка вопроса, ибо даже литератор, ратующий за сохранение чистоты хинди, в действительности сам отнюдь не желает полностью бойкотировать иностранные слова и никогда этого не делает в своих сочинениях. По-настоящему борьба велась между сторонниками языка хинди и сторонниками урду. Авторы, пишущие на хинди, проявляли тенденцию заимствовать все больше и больше слов из санскрита, а пишущие на урду стремились вводить все больше слов, заимствованных из арабского и персидского языков, хотя среди пишущих как на хинди, так и на урду имелись способные литераторы, произведения которых отличались простотой стиля. Одни опасались, что хинди «выродится» в урду, в то время как другие боялись, что урду испортится под влиянием хинди. Некоторые считали, что хинди — это язык индусов, тогда как урду — язык мусульман. Таким образом в лингвистические споры вносился элемент религиозно-общинной розни, хотя среди мусульман было немало поэтов, пишущих на хинди, так же как среди индусов — немало поэтов, творивших на урду.

По настоянию Гандиджи и Пурушоттамдаса Тандона в уставе Конгресса слова «хинди» и «урду» вообще не употреблялись, а были заменены словом «хиндустани». С тех пор как Гандиджи взялся за пропаганду национального языка, он уже не рассматривал хинди и урду как самостоятельные языки, хотя между ними и имеется различие в лексике, различие тем более

заметное, что оба языка имеют одинаковую грамматику. Точку зрения Гандиджи поддерживали филологи, указывавшие, что отличительным признаком языка является своеобразие грамматического строя, а не лексики и что поэтому есть все основания рассматривать хинди и урду как две разновидности одного и того же языка. Хиндустани как бы включает в себя обе эти разновидности, ибо он избегает употребления трудных слов и в общем доступен пониманию как говорящих на хинди, так и тех, кто говорит на урду.

По моему мнению, о богатстве языка можно судить на основании его словарного состава. Если слово имеет много синонимов, с течением времени эти синонимы приобретают новые значения, что позволяет выражать тончайшие смысловые оттенки. Только язык, обладающий таким лексическим разнообразием, способен выражать самые тонкие нюансы мысли. Живой язык только выигрывает от соприкосновения с другими языками, ибо обогащает тем самым собственный словарный запас. Он не боится потонуть в гуле чужих голосов и не замыкается, как улитка, в своей тесной раковине. Разумеется, заимствования не должны разрушать индивидуальное своеобразие языка. Я всегда считал и продолжаю считать, что иностранные слова — будь то арабского, персидского или английского происхождения — можно свободно вводить в хинди, но при этом они должны подчиняться грамматическим законам этого языка. Я полагаю также, что хинди должен прибегать к заимствованиям из других индийских языков и диалектов, что может оказаться для него весьма полезным.

Следует остановиться также еще на одном вопросе — являются ли современные хинди и урду одним языком и могут ли они быть таковым? Несмотря на общность грамматического строя, различие между их лексикой день ото дня увеличивается. Речь оратора, выступающего перед слушателями, знающими хинди и урду, может остаться для части аудитории непонятной. Хинди может быть настолько уснащен санскритскими словами, что становится непонятным для слушателей, знающих урду, точно так же как урду, отягощенный заимствованиями из персидского и арабского языков, может быть непонятен людям, владеющим хинди. Однако, когда выступаешь на собраниях, пишешь статьи в газеты, сочиняешь рассказы или стихи, можно и, пожалуй, не так уж трудно пользоваться языком, который я называю хиндустани и который будет понятен обеим группам.

Технические и научные термины и выражения, естественно, будут понятны не всем, но это общее для всех языков явление. Заимствования в этой области окажутся почти вынужденными. Даже в английском языке большинство технических терминов

заимствовано из латинского. Думаю, что в технической терминологии нам придется прибегать к помощи санскрита или арабского языка, а может быть, даже и заимствовать слова европейского происхождения. Если эти термины будут почерпнуты из санскрита, они будут более понятны, ибо большинство местных языков широко прибегает к заимствованиям из него. Так, например, в Бенгалии, Гуджарате, Махараштре, Тамилнаде, Андхре и других районах слово «джийотиш», означающее «астрология», будет более понятным, нежели имеющее то же значение слово «ильм-э-наджум». Сторонники урду могут придерживаться иного мнения, но я твердо убежден, что слова, заимствованные из арабского или персидского языков, будут понятны лишь ограниченному кругу лиц. Таким образом, если для обиходных нужд мы можем пользоваться языком, приемлемым как для лиц, знающих хинди, так и для лиц, знающих урду, то в области технической терминологии эти два языка неизбежно обособятся, ибо для всех районов страны будут приемлемы только те технические термины, которые имеют санскритские корни. Если поборники урду хотят непременно иметь технические термины, заимствованные из персидского и арабского языков, — пожалуйста, но такие термины войдут только в язык урду и никогда не будут усвоены другими индийскими языками. Если эта точка зрения восторжествует, конфликт между сторонниками обоих языков в значительной мере разрешится.

Мы хотим иметь единый язык для всей страны — это для нас насущная практическая необходимость. Английский не может быть таким языком. Хинди — вот, по-моему, единственный язык, способный стать национальным языком, назовите его как хотите — хинди, урду или хиндустани. Конечно, он не вытеснит местные языки, которые будут продолжать развиваться и останутся господствующими в своих районах. Национальный язык будет использоваться только для общегосударственных нужд и в сношениях между провинциями и княжествами. Если же он будет перегружен арабскими и персидскими словами, он окажется неприемлемым для Ассама, Бенгалии, Уткала, Андхры, Тамилнада, Карнатака, Кералы, Махараштры, Гуджарата и других районов. Национальный язык не может быть узким и обособленным, он должен широко обогащаться за счет местных языков. Повторяю: нашим национальным интересам больше всего отвечал бы простой хинди, свободно заимствующий слова из всех индийских языков и диалектов.

Во время своих поездок по стране я вынужден был пользоваться двумя разновидностями хинди. В Пенджабе и Северо-Западной пограничной провинции мне приходилось в своих вы-

ступлениях на хинди вкрапливать в этот язык персидские слова, в то время как в Бенгалии, Махараштре и Южной Индии меня понимали только тогда, когда я пользовался санскритизированным хинди. Я не знаток персидского языка и санскрита, арабского же не знаю вовсе. И тем не менее я владею обеими разновидностями хинди, так что меня понимают и слушатели, владеющие хинди, и те, что говорят на урду. Это может показаться парадоксальным, но мое незнание классических языков, пожалуй, и составляет мою силу. Такой национальный язык, о котором я говорил, необходим человеку, подобному мне, который не является знатоком санскрита или персидского, а потому не может свободно прибегать к ним и вынужден выискивать подходящие выражения в своем собственном ограниченном словаре.

Все эти соображения были изложены в речи, с которой я выступил на открытии конференции «Хинди сахитья саммелана» в Нагпуре. Эта организация ставила перед собой две задачи — распространять хинди и поддерживать высокий литературный уровень языка. Мы старались, чтобы одно не мешало другому. По этому поводу на Нагпурской конференции возникли разногласия, однако при разработке практической программы не встретилось никаких трудностей. «Саммелана» образовала комитет «Раштра бхаша праچار самити» для пропаганды национального языка. Я был назначен его председателем.

На «Праچار самити саммелана» была возложена задача популяризации литературы на хинди в провинциях, где принят этот язык; «Раштра бхаша праچار самити» должен был взять на себя пропаганду хинди в районах, население которых не знает его. «Раштра бхаша праچار самити» развернул работу в районах, не охваченных деятельностью «*Дакишана бхарат хинди праچار сабха*», который многие годы весьма успешно работал в Южной Индии. Хотя председателем «Раштра бхаша праچار самити» был я, программу его деятельности разработал Гандиджи, а бремя забот по сбору средств лежало на Джамуналал Баджадже. Пурушоттамдас Тандон, Дайа Шанкар Дубей, д-р бабу Рам Саксена и некоторые другие видные члены «Саммеланы» входили в «Раштра бхаша праچار самити», который проделал замечательную работу в Махараштре, Ориссе, Ассаме, Мадхья-Прадеше и Гуджарате. Благодаря сотрудничеству общественных деятелей, пожертвованиям некоторых наших друзей промышленников, таких, как шет Падампат Сингхания, который внес 75 тысяч рупий, и прежде всего, конечно, благодаря тому, что наша организация получила благословение Гандиджи, комитет «Раштра бхаша праچار самити» укрепился и развернул успешную деятельность.

Чтобы положить конец резким спорам между сторонниками урду и хинди и установить некий «средний курс», Гандиджи основал еще одну организацию, которая называлась «Раштрабхаша паришад». Он добивался, чтобы в деятельности этой организации принимали участие как знатоки хинди, так и специалисты по урду. Эта работа была поручена К. М. Мунши, занимающему видное место среди литераторов, пишущих на гуджарати, а тот в свою очередь пытался заручиться сотрудничеством мунши Прем Чанда, моулви Абдул Хука и некоторых других писателей. Однако на первом же заседании выяснилось, что моулви не сходятся во взглядах с основателями «Паришада». К. М. Мунши и Прем Чанд основали при «Паришаде» ежемесячный журнал «Ханс». Однако, к несчастью, Прем Чанд в скором времени умер и «Паришад» захирел.

ПОДГОТОВКА К ВЫБОРАМ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ

На протяжении всего 1936 года мы были заняты подготовкой к выборам в провинциальные законодательные собрания, которые, согласно Закону об управлении Индией 1935 года, должны были состояться в начале 1937 года. Миллионы индийцев впервые получали возможность принять участие в выборах. Обеспечить Конгрессу поддержку этого громадного контингента избирателей было нелегкой задачей. Эти выборы, во время которых Конгресс намеревался выставить две тысячи кандидатов, по своим масштабам намного превосходили выборы в Центральное законодательное собрание, происходившие в 1934 году, когда предстояло избрать всего сто человек. Поэтому выдвижение кандидатов и сбор средств, необходимых для предвыборной борьбы, были весьма трудным делом.

Прежде всего необходимо было подготовить предвыборный манифест. В прошлом обычно важные заявления и резолюции составлял Гандиджи. Однако с тех пор как председателем Конгресса стал Джавахарлал Неру, эта работа почти всегда поручалась ему. Составленный им проект манифеста был великолепен, и Всеиндийский комитет конгресса его одобрил. Конгресс еще не принял определенного решения по вопросу о занятии министерских постов в провинциях. Одни считали, что Конгресс должен пойти на это и использовать всю власть, предоставляемую новой конституцией, для служения народу, другие же призывали Конгресс чинить обструкции и всячески мешать введению в действие конституции. Ввиду этого манифест искусно избегал каких-либо обязывающих заявлений на этот счет, ограничиваясь изложением общей программы, основанной на *Резолюции об основных правах*, принятой сессией Конгресса в Карачи.

Манифест обещал облегчить бедственное положение крестьян и улучшить условия их жизни путем изменения системы землевладения. Он призывал к изданию закона о наделении земель хлебопашцев и давал обязательство снизить земельный

налог. Рабочих манифест заверял в том, что их положение будет улучшено в результате обеспечения занятости, повышения жизненного уровня и предоставления им права создавать профессиональные союзы. Манифест обещал также запретить по всей стране продажу спиртных напитков. Короче говоря, в манифесте были предусмотрены все реформы, которых можно было ожидать от популярного правительства. Предполагалось, что, если конгрессисты сформируют правительства, они претворят эти обещания в жизнь, в противном случае они будут добиваться их осуществления от тех, кто войдет в состав будущих правительств. Хотя этот манифест предназначался для всей страны и излагал общие цели Конгресса, провинциальным комитетам Конгресса было тоже предоставлено право разработать свои собственные манифесты с учетом местных условий.

Подбор кандидатов был слишком трудной задачей для Рабочего комитета Конгресса, ибо он не располагал данными о прошлом кандидатов и ему приходилось полагаться на рекомендации провинциальных комитетов. Однако в некоторых провинциальных комитетах Конгресса имелись различные мелкие группировки и фракции, а потому не исключалось, что к отдельным кандидатам могли относиться несправедливо или что окажутся избранными лица, не пользующиеся доверием народа. Некоторые провинциальные комитеты высказывали пожелание, чтобы высшей инстанцией по выдвижению кандидатов был Всеиндийский комитет Конгресса. Так как подобная система была бы слишком громоздкой, для отбора кандидатов был создан Центральный избирательный комитет, в который вошли сардар Патель (председатель), маулана Азад и я. Провинциальные комитеты Конгресса производили предварительный отбор кандидатов и затем посылали список в Центральный избирательный комитет, который внимательно изучал кандидатуры и рассматривал заявления лиц, недовольных решением провинциальных комитетов Конгресса. Затем этот комитет требовал представления нужных документов и в случае необходимости выезжал в соответствующий избирательный округ, чтобы выяснить желания народа и вынести свое окончательное решение. Отрадно отметить, что, несмотря на большую трудность этого дела, комитет получил очень немного заявлений, оспаривавших решения провинциальных комитетов Конгресса. Впрочем, и в этих случаях удавалось прийти к тому или иному соглашению, приемлемому для всех заинтересованных сторон. Центральному избирательному комитету очень редко приходилось высказываться против каких-либо лиц или групп.

Подчиняется ли кандидат дисциплине Конгресса, признает ли он программу Конгресса и имеет ли реальные шансы

быть избранным — вот основные соображения, которыми руководствовался Центральный избирательный комитет. Имелось и еще одно немаловажное обстоятельство, а именно — способен ли кандидат сам покрыть расходы, связанные с выборами. Это было довольно серьезное соображение. Проведение избирательной кампании в двух тысячах округов неизбежно должно было обойтись очень дорого, даже если бы мы были скромны в расходах. Сумма расходов кандидата чаще всего зависела от возможностей его соперников: в тех случаях, когда его соперниками оказывались богатые люди, ему приходилось тратить больше средней суммы.

Однако финансовые соображения были второстепенными, главное значение придавалось двум другим пунктам — признанию кандидатом дисциплины Конгресса и его шансам на успех. Первое определялось тем, как кандидат служит Конгрессу и народу, второе — его популярностью в своем избирательном округе. Причиной популярности кандидата могли быть либо услуги, оказанные им обществу, либо его принадлежность к определенной касте или народности. В районах, где влияние Конгресса было невелико, выбор кандидата определялся иными соображениями. Мнения провинциальных комитетов Конгресса по всем этим вопросам были чрезвычайно ценны. Наиболее затруднительными для нас являлись те случаи, когда сразу несколько хороших, честных конгрессистов настаивали на включении их в список кандидатов Конгресса в одном и том же избирательном округе и ни один из них не соглашался снять свою кандидатуру. В этих случаях критерий популярности не подходил, и мы были вынуждены высказываться в пользу какого-либо одного кандидата, навлекая тем самым на себя недовольство остальных. В общем, однако, Центральный избирательный комитет под руководством сардара Пателя сумел преодолеть все эти трудности.

Помимо участия в работе Центрального избирательного комитета, я должен был руководить избирательной кампанией в своей провинции. В период пребывания на посту председателя Конгресса я мало уделял времени Бихару. В 1936 году меня избрали председателем Бихарского провинциального комитета, а потому я считал необходимым уделить больше внимания делам Бихара, совершить поездку по провинции и восстановить прежние связи. В Бихаре окружные комитеты Конгресса крайне редко принимают решения по важным вопросам, предоставляя это Бихарскому провинциальному комитету. Такую же позицию они заняли и во время выборов, стремясь избежать внутренних разногласий, которые могли бы ослабить шансы кандидатов Конгресса на выборах. Провинциальному комитету

Конгресса было трудно разрешать тот или иной спорный вопрос без изучения местных условий, и мне вообще не нравилось, что провинциальный комитет решает вопросы за комитеты округов. Однако, хотя в некоторых случаях возникали разногласия, и подчас весьма серьезные, большинство решений было принято провинциальным комитетом Конгресса единодушно. В ряде случаев, хотя лично я и придерживался иного мнения, я подчинился воле большинства и, насколько помнится, никогда не заносил в протокол свое особое мнение. Благодаря всему этому нам удалось успешно завершить работу по выдвижению кандидатов.

В основном мы старались выдвигать подлинных деятелей Конгресса, имеющих заслуги перед страной, выдержавших испытание временем, людей, от которых можно было ожидать, что они и в дальнейшем будут выполнять наказ партии. Однако в некоторых случаях местные условия и финансовые соображения заставляли нас идти навстречу желаниям людей, сочувствовавших Конгрессу, но никогда не являвшихся его активными членами. Свами Сахаджананд, член провинциального комитета Конгресса и руководитель «Кисан сабха», который начиная с 1933 года весьма активно действовал в округах Патна и Гая, представил нам список лиц, тесно связанных с «Кисан сабха», для выдвижения их кандидатами на выборах. Руководство Конгресса и «Кисан сабха» было более или менее общим, и обе организации работали в тесном сотрудничестве. Большинство кандидатур, предложенных Свами Сахаджанандом, было поэтому одобрено Рабочим комитетом Конгресса, хотя из-за разногласий, возникших по поводу некоторых лиц, соперничество между кандидатами Конгресса и «Кисан сабха» казалось неизбежным. К счастью, трудности удалось преодолеть, и мы пришли к обоюдному согласию по всем пунктам.

Другая особенность работы по выдвижению кандидатов заключалась в том, что приходилось принимать во внимание такое соображение, как кастовая принадлежность. Конгрессу это претило, но местные условия вынудили его подчиниться. К своему стыду, Бихарский провинциальный комитет Конгресса вынужден был в некоторых избирательных округах считаться с кастовыми ярлыками, ибо там от подобных вещей зависел успех кандидатов. Кроме того, нам приходилось заботиться о том, чтобы обеспечить надлежащее представительство всем важнейшим кастам. Для такой партии, как Конгресс, позорно действовать подобным образом, но успех на выборах был нашей первейшей целью. Не следует также упускать из виду то обстоятельство, что Конгресс — весьма широкая по

охвату организация, состоящая из представителей всех каст. Впрочем, так или иначе надо признать, что, хотя с точки зрения практической политики наша работа по выдвижению кандидатов увенчалась большим успехом, нам не следовало даже думать о классовых и кастовых различиях.

В соответствии с Пунским пактом шестнадцать мест в Законодательном собрании Бихара было оставлено для хариджанов. Мы выдвинули кандидатов на все шестнадцать мест, учтя мнение видных деятелей хариджанов, и нам удалось подобрать отличные кандидатуры. Это были люди, пользовавшиеся большой популярностью в своих общинах. Большинство кандидатов было избрано единогласно, а в тех немногих избирательных округах, где у них имелись соперники, они легко одержали победу. Это привело к значительному сокращению расходов, связанных с выборами. Среди хариджанов Бихара насчитывается множество людей, не получивших никакого образования. Они охотно принимали руководство Конгресса и не имели желания создавать отдельную организацию и иметь собственное руководство ради удовлетворения честолюбия отдельных лиц. Благодаря тому, что мы вели за собой подавляющее большинство хариджанов, мы были избавлены от раздоров, наблюдавшихся в некоторых других провинциях, где община хариджанов раскололась и часть ее выступала против Конгресса.

После того как выдвижение кандидатов было завершено, начался следующий этап — предвыборная кампания. Сбор средств лежал на обязанности Центрального избирательного комитета, но сардар Патель взял эту задачу в основном на себя. Провинциальные комитеты Конгресса также в меру своих возможностей занимались сбором средств. В Бихаре, где большую часть кандидатов составляли настоящие деятели Конгресса и притом в большинстве своем бедняки, изыскание средств было весьма трудным делом. Впрочем, несколько кандидатов были в состоянии обойтись собственными средствами, для остальных же Центральный избирательный комитет сделал что мог. Чтобы донести идеи Конгресса до масс и установить контакт между избирателями и кандидатом, неизбежно приходилось нести известные расходы, а в такой большой провинции, как Бихар, траты на эти нужды были довольно значительны. Нам необходимо было широко распространить в массах манифест Конгресса и другую конгрессистскую литературу не только для того, чтобы улучшить наши шансы на выборах, но и с целью просвещения народа. Расходы на эти нужды были неизбежны. Другой статьей расхода был транспорт. Хотя расходы по выборам должны были быть покрыты

Бихарским избирательным комитетом, мы постарались свести их к абсолютному минимуму.

Впрочем, если подходить с мерками Гандиджи, мы, конечно, не могли утверждать, что были достаточно экономны. Он считал, что своей бескорыстной деятельностью Конгресс должен в такой мере завоевать доверие народа, что достаточно будет распространить манифест Конгресса и список выдвигаемых им кандидатов, чтобы избиратели по собственной инициативе явились на пункты голосования и отдали свои голоса Конгрессу. Махатма полагал, что не должно быть никакой необходимости в собирании голосов и в агитации с целью убедить избирателей голосовать за Конгресс. Это, несомненно, справедливо, однако мы еще не достигли такого идеала в своем служении обществу. Тем не менее нельзя отрицать того, что доверие, внушенное нами народу, как и наш успех на выборах, были пропорциональны нашим заслугам на поприще общественной деятельности. Двадцать лет служения родине не пропали даром. Следует, однако, помнить, что это служение должно быть более всеобъемлющим, более постоянным и что здесь не должно быть места эгоистичным мотивам и честолюбивым стремлениям личного порядка.

Я не могу не отметить здесь того факта, что многие деятели Конгресса начали оценивать свои заслуги перед обществом с точки зрения их вознаграждения в виде депутатского кресла в законодательном собрании, поста члена муниципалитета или сотрудника окружного управления или хотя бы почетного и влиятельного места в каком-либо комитете Конгресса. Несомненно, на всех этих постах можно приносить пользу обществу, и в некоторых случаях тут открываются даже более широкие возможности. Но как определить, руководит ли тобой стремление служить обществу или просто честолюбие? Если человек добивается поста ради того, чтобы получить возможность приносить пользу обществу, это не может вызвать возражений. Боюсь, однако, что полной уверенности здесь быть не может, ибо самообман — не такое уж редкое явление. Наш разум часто вводит нас в заблуждение, прикрывая видимостью альтруизма личное честолюбие.

Гандиджи как-то сказал, что того, кто стремится стать председателем Конгресса, никогда не следует избирать председателем и что этот пост нужно оставлять для тех, кто не домогается его, а проникнут лишь одним желанием — служить делу. Тот, чья главная цель — служить, а не добиваться места, принимает председательский пост как мандат, который необходимо принять ради служения делу. Это относится вообще к любым постам, которые могут быть получены в результате

выборов. К сожалению, однако, положение ныне таково, что человек, добивающийся избрания на тот или иной пост, вынужден широко прибегать к саморекламе. Честолюбие заняло место скромности, и всякий пост рассматривается как средство для собственного возвышения. Все это противоречит индийской культуре и более соответствует западным идеям, которые, видимо, неизбежно проникли в наше сознание.

Нынче нельзя даже заикнуться о том, что не подобает самому выставлять свою кандидатуру на выборах, а следует предложить тем, кто имеет право выбирать, решить, чью кандидатуру они считают наиболее подходящей. Если выбор избирателей падет на тебя, ты должен повиноваться их воле и стараться в меру своих сил приносить пользу обществу. Боюсь, что мы будем весьма далеки от истинной демократии, если этот принцип не будет признан и не станет руководством к действию. Мы должны поддерживать и укреплять готовность к служению и жертвам и всячески осуждать и пресекать стремление воспользоваться плодами такого служения. Нашей главной целью должно быть служение обществу, а не самовозвышение.

Джавахарлал Неру был снова избран председателем сессии Конгресса, состоявшейся в декабре 1936 года в Файзпуре — деревне округа Кхандеш (*Махараштра*). Уже в третий раз он становился председателем Конгресса. Место для проведения сессии было выбрано в соответствии с пожеланием Гандиджи, чтобы в будущем сессии Конгресса созывались в деревнях. Махатма полагал, что это вызовет горячий интерес к Конгрессу у сельских жителей, ибо им придется участвовать в подготовке к приему делегатов; кроме того, расходы, связанные со встречей, размещением и питанием делегатов и гостей, также пойдут на пользу сельскому населению. Исходя из этого, Гандиджи хотел, чтобы при сооружении пандала и проведении всех других подготовительных работ использовались исключительно местные материалы, так как это должно дать толчок развитию домашних ремесел. Он настаивал, чтобы комитет Конгресса Махараштры по возможности покупал для нужд сессии только изделия сельских ремесленников.

Ежегодные сессии Конгресса обставлялись обычно весьма пышно, и где бы сессия ни созывалась, для ее проведения требовались серьезные приготовления. Поскольку решено было провести текущую сессию в деревне, задача еще более усложнилась, ибо там не было необходимых удобств. Нужно было позаботиться об организации водоснабжения, электрическом освещении, о создании санитарных условий для сотен тысяч людей и других вещах. Созданная нами система водоснабжения продолжала служить сельским жителям и после окончания

сессии. Домики и другие строения, сооруженные на время сессии, также использовались впоследствии местным населением. По желанию Гандиджи в ходе строительства применялись по большей части материалы местного производства. Произведения искусства для украшения были доставлены из деревни и соседних районов. Украшение Конгресс-нагара, пандала и организация выставки были поручены знаменитому художнику *Вишвабхарати* — Нандлал Босу, и он прекрасно справился с этой задачей. Самое замечательное заключается в том, что единственными материалами, которыми он пользовался, были местный бамбук и древесина. Простая форма ворот и других импровизированных сооружений придавали особую прелесть украшениям. Наиболее привлекательной чертой сессии в Файзпуре была ее простота.

Поскольку сессия проходила в последнюю неделю декабря, было уже довольно холодно; гости и делегаты мучились, ибо им негде было укрыться от стужи. Тысячи людей вынуждены были проводить ночь под открытым небом. Гандиджи был взволнован этим обстоятельством и рекомендовал Рабочему комитету проводить все будущие сессии Конгресса в марте.

Главным вопросом, занимавшим участников сессии, были выборы, до которых оставалось всего несколько дней. Многие видные деятели Конгресса не смогли присутствовать на сессии, так как были заняты предвыборной кампанией в своих районах. На сессии снова подвергся обсуждению вопрос, принимать или не принимать министерские посты в провинциях. Джавахарлал Неру был против формирования провинциальных правительств, тогда как большинство конгрессистов высказывалось за принятие постов. Однако время для вынесения окончательного решения еще не наступило, а потому Всеиндийскому комитету Конгресса поручено было решить этот вопрос после окончания выборов, когда станут известны их результаты.

УСПЕХ НА ВЫБОРАХ

После сессии Конгресса в Файзпуре все провинциальные комитеты Конгресса сосредоточили свое внимание на избирательной кампании. Джавахарлал Неру, начавший свою стремительную поездку по стране еще в то время, когда Центральный избирательный комитет занимался подбором кандидатов, продолжал свое триумфальное агитационное турне. Я думаю, что ни один председатель Конгресса никогда не работал с таким предельным напряжением сил и не сделал так много для пробуждения масс. Неру считал — как мне думается, вполне справедливо, — что Конгресс не может установить контакт с каждым избирателем и что, если бы даже он этого добился, все равно никто не смог бы предсказать, за кого избиратели будут голосовать. Поэтому Неру считал наиболее реальным и желательным создать в стране такую атмосферу, чтобы человек даже при желании не мог ей противостоять. Ценой неутомимых усилий ему действительно удалось создать такую атмосферу, и это принесло свои плоды.

Мы попросили Джавахарлала Неру побывать в некоторых районах Бихара. Он приехал через несколько дней после Файзпурской сессии Конгресса. Я чувствовал себя достаточно здоровым, чтобы поехать вместе с ним, но, так как Неру не мог побывать всюду, я решил не сопровождать его, а разработал для себя особый маршрут с таким расчетом, чтобы посетить те места, куда он не заедет. Таким образом нам удалось вдвоем объехать всю провинцию. Пандит Пант также посетил Бихар и побывал в некоторых его районах. Наблюдая энтузиазм народа, мы не сомневались в своем успехе, и когда результаты выборов были объявлены, наши оптимистические ожидания более чем оправдались.

В Бихаре из шестнадцати мест, оставленных хариджанам, Конгресс получил пятнадцать. Из мест, отведенных для женщин-индусок, три тоже завоевал Конгресс. Мы получили все места, выделенные для рабочих, кроме одного. В куриях замин-

даров Конгресс выдвинул кандидата только на одно место, но не получил его. Однако мы это предвидели, а потому не были разочарованы. В университетской курии д-р Саччидананда Синха одержал победу над кандидатом Конгресса.

В Законодательном собрании Бихара около сорока мест было отведено мусульманам. Мы попытались создать нечто вроде избирательного блока между Конгрессом и мусульманами-националистами. Некоторые мусульмане считали, что Конгресс должен выставить своего кандидата на каждое место, отведенное для мусульман. Другие высказывались за соглашение между Конгрессом и мусульманами-националистами. Эти разногласия поставили Конгресс в затруднительное положение. Все же несколько кандидатур мусульман-конгрессистов было выдвинуто, и против некоторых из них прочие мусульмане-националисты не возражали. В борьбе участвовали различные мусульманские партии, но Мусульманская лига не пользовалась большим влиянием в Бихаре и, насколько я помню, не претендовала ни на одно место в Законодательном собрании.

С помощью «Джамиат-уль-улема» в Бихаре была создана новая партия. Главным ее основателем был известный лидер «Джамиат» маулана Абул Мохсин Мухаммад Саджад. Мухаммад Юнус также примкнул к этой партии, которая была, по-видимому, наиболее влиятельной мусульманской партией в провинции. Конгресс заключил с ней соглашение и обещал полную поддержку ее кандидатам, которые лишь формально не числились конгрессистами и подвергались в прошлом тюремному заключению. Эта партия получила наибольшее количество мест из общего числа, отведенного для мусульман. Однако после выборов начало усиливаться влияние Мусульманской лиги.

После окончания выборов в Бихаре многие работники Конгресса выехали в Соединенные провинции, чтобы помочь в проведении избирательной кампании в этом районе. Я тоже в течение нескольких дней разъезжал по этой провинции, побывал в нескольких округах Ауда, в Джампуре, где предвыборная борьба была очень острой, и в предгорном районе Тараи, куда невозможно проникнуть на автомобиле и где до сих пор не бывал ни один руководитель Конгресса. В Тараи я посетил только один населенный пункт, где послушать меня собралась огромная толпа. В этом избирательном округе Конгресс с трудом одержал победу. Отсюда я направился в Центральные провинции. Я побывал в ряде пунктов близ Катни (округ Джаббалпур) и совершил утомительную поездку по округу Биласпур. В одном из избирательных округов Биласпура Рагхавендра Рао одержал победу над кандидатом-конгрессистом.

Далее наступил черед Махараштры и Карнатака. Я разъезжал по Махараштре несколько дней, но наш успех в этой провинции был не слишком выдающимся. Один митинг, на котором я должен был выступать и ради которого специально задержался, не был проведен из-за тактической хитрости представителя соперничающей партии, который заявил собравшимся, что меня задержали где-то в другом месте и что я не приеду. Конгресс получил довольно большое количество мест, но меньше, чем мы ожидали. Самое большое поражение мы понесли в Ратнагири, где конгрессистская организация Махараштры рассчитывала одержать победу. В Карнатаке мы потерпели одно или два неожиданных поражения, но к этому времени уже научились мириться с неудачами, столь обычными во время выборов.

Последней провинцией, где я побывал, была Андхра. Здесь я смог обехать только округ Беллари. К этому времени выборы закончились уже в большинстве провинций. По пути домой я заехал в Вардху.

Конгресс одержал победу над объединенными силами других партий в шести провинциях — Бихаре, Ориссе, Соединенных провинциях, Центральных провинциях, Мадрасе и Бомбее. Наиболее убедительной эта победа была в Мадрасе, где Конгресс получил в нижней палате 159 мест из 215, тогда как в нижней палате Бомбея, насчитывавшей 175 мест, он обладал большинством всего в одно место. В Бенгалии и Ассаме Конгресс был крупнейшей партией Законодательного собрания, но не располагал там абсолютным большинством. В Северо-Западной пограничной провинции Конгресс, располагавший всего 19 местами, уступал беспартийным мусульманам, получившим 21 место. В Пенджабе абсолютное большинство принадлежало *юнионистам*, которые занимали 99 мест из 175, тогда как Конгрессу пришлось довольствоваться всего 18 местами. Меньше всего мест мы имели в Синде — 8 из 60.

Теперь надо было решить вопрос, соглашаться ли на занятие министерских постов в провинциях, где Конгресс получил большинство. Для обсуждения этого вопроса в Дели было созвано заседание Всеиндийского комитета Конгресса. Одновременно председатель Конгресса созвал конференцию всех конгрессистов — членов законодательных собраний, с тем чтобы они дали клятву преданности и верности партии. Эта церемония была проведена в обстановке небывалого подъема. На заседании ВИКК Гандиджи предложил, чтобы Конгресс согласился сформировать провинциальные правительства лишь при условии, если губернаторы дадут заверение в том, что они не будут пользоваться чрезвычайными полномочиями, предоставляемыми им

Законом об управлении Индией 1935 года, и будут во всех вопросах считаться с мнением Совета министров. Гандиджи подчеркивал необходимость такого условия, ибо, говорил он, если губернаторы станут пользоваться своими чрезвычайными полномочиями, конгресси́стские правительства окажутся с самого начала связанными по рукам и ногам.

Это предложение не понравилось решительным сторонникам принятия министерских постов, ибо они считали, что английское правительство никогда не согласится на какой-либо прямой или косвенный шаг, который лишил бы конституцию силы. Те же, кто выступал против занятия министерских постов, радовались тому, что образование конгресси́стских правительств становилось теперь невозможным. В ходе развернувшихся прений Гандиджи отстаивал свою точку зрения. Он заявил, что, если Конгресс откажется сформировать правительства, это, безусловно, будет ошибкой, но еще большей ошибкой будет, если он даст на это свое согласие, не получив от губернаторов обязательства, о котором говорил. В период составления закона положение о чрезвычайных полномочиях губернаторов подвергалось резкой критике. Именно оно послужило одной из главных причин, в силу которых конституция была отвергнута. Выдвигая свое условие, Гандиджи стремился аннулировать как раз это положение конституции. Всеиндийский комитет Конгресса принял предложение Гандиджи и дал указание всем конгресси́стам — депутатам законодательных собраний избрать лидеров своих фракций, которые должны будут возглавить правительства, когда им это предложат губернаторы, но лишь в том случае, если последние публично дадут обязательство соблюдать условие о невмешательстве.

После этого партии, представленные в провинциальных законодательных собраниях, приступили к выборам лидеров своих фракций. В Бихаре я созвал заседание Провинциального комитета Конгресса совместно с конгресси́стами — депутатами Законодательного собрания. Мне хотелось, чтобы кандидатура была утверждена единогласно и чтобы не возникло соперничества между различными группировками. Между тем выдвинуто было несколько кандидатур, и началась энергичная агитация за них, так что я стал опасаться, что на заседании развернется острая борьба. Когда сторонники различных кандидатов обратились ко мне, я заявил им, что они не должны выступать как представители отдельных групп и что им следует раньше выяснить желания каждого кандидата. Собрание уполномочило меня переговорить с видными конгресси́стскими деятелями каждого округа и, узнав их мнение, вынести свое решение, кто должен быть лидером партии. Я согласился с этим предложе-

нием, так как оно устраняло необходимость голосования и связанные с ним споры.

На мое рассмотрение были предложены четыре кандидатуры: д-р Шри Кришна Синха, Ануграх Нараян Синха, д-р Сейид Махмуд и Рамдаялу Синха. Д-р Махмуд на протяжении многих лет был членом Всеиндийского и Рабочего комитетов Конгресса, а также генеральным секретарем Конгресса и Халифатского комитета. Однако, поскольку ему приходилось работать вне провинции, его знали меньше, чем других названных выше кандидатов. Рамдаялу Синха был известным деятелем Конгресса, и у него имелись горячие сторонники, однако часть конгрессистов, в том числе даже некоторые члены организации его же округа, решительно выступали против него. Пришлось поэтому исключить его кандидатуру. Ануграх Нараян Синха был способным организатором и администратором, но он заявил мне, что не хочет этой чести и что другие ведут агитацию за него, не считаясь с его нежеланием. Шри Кришна Синха завоевал в провинции большую популярность благодаря своему ораторскому таланту, несокрушимому мужеству и самоотверженности. Взвесив все обстоятельства, я решил, что лидером конгрессистской фракции в Законодательном собрании Бихара должен стать Шри Кришна Синха.

Некоторые были этим недовольны и утверждали, что я с самого начала остановил свой выбор на Шри Кришна Синхе, а затем развернул агитацию за него и заручился поддержкой представителей округов. Это было неверно, но если бы даже дело обстояло так, в этом не было ничего плохого, и я бы без всяких колебаний в этом признался. В действительности большинство склонялось к тому, чтобы избрать либо Шри Кришна Синху, либо Ануграх Нараян Синху; поскольку же последний не желал брать на себя обязанности лидера, мой выбор пал на Шри Кришна Синху. Я заявил, что мне бы не хотелось, чтобы были выдвинуты они оба, и в конце концов была предложена кандидатура одного Шри Кришна Синхи, который и оказался избранным единогласно.

Это решение вызвало озлобление мусульман, особенно мусульман нечленов Конгресса. Они утверждали, что д-ра Сейид Махмуда обошли только потому, что он мусульманин, хотя Сейид Махмуд дольше работал во всеиндийских органах Конгресса и его знают там лучше, чем Ш. К. Синху. По этому поводу обращались даже к маулана Азаду, но тот заявил жалобщикам, что, будь он на моем месте, он, возможно, принял бы точно такое же решение. Рассматривая весь этот инцидент в исторической перспективе, я и сегодня убежден, что не совершил никакой ошибки, отдав д-ру Ш. К. Синхе предпочтение

перед д-ром Махмудом. Это не означает, что я питаю к д-ру Махмуду меньше любви и уважения, чем к д-ру Ш. К. Синхе. Д-р Махмуд обладает поистине замечательными качествами, но в тех случаях, когда нужно выбрать человека для выполнения определенной работы в интересах страны, приходится останавливаться на каком-то одном лице, и именно это я сделал. Я испытывал чувство удовлетворения от сознания, что поступил правильно; то же чувство испытываю я и сегодня.

В Соединенных провинциях и Мадрасе вопрос об избрании лидера не вызывал никаких разногласий. Так же как в глазах населения Соединенных провинций единственным претендентом на этот пост мог быть только Говинд Баллабх Пант, в Мадрасе никому даже в голову не приходило, что у Ч. Раджагопалачария может быть соперник. В Бомбее лидером конгрессистской фракции в Законодательном собрании был избран Баласахиб Кхер. Хотя по своим способностям и душевным качествам этот человек не уступал никому, он был крайне скромн, а потому не пользовался широкой известностью в провинции. Он, без сомнения, обладал необходимой энергией и интеллектом, и все-таки для конгрессистов Бомбея это был неожиданный выбор. В Центральнх провинциях и Ориссе выборы прошли не так гладко: они вызвали немало споров и недовольства, приведших впоследствии к внутренним распрям и соперничеству между различными группировками.

Первое предложение сформировать конгрессистское правительство было получено в Мадрасе. Губернатор этой провинции лорд Эрскин предложил Ч. Раджагопалачарии, лидеру конгрессистов в Законодательном собрании, принять участие в формировании правительства. Раджаджи, следуя постановлению Рабочего комитета Конгресса, выдвинул условие о невмешательстве. Губернатор отказался дать заверение в том, что он не будет пользоваться чрезвычайными полномочиями, предоставленными ему конституцией, под тем предлогом, что его согласие на такое условие было бы равносильно изменению конституции. Получив такой ответ, Раджаджи отказался сформировать правительство. Та же процедура была повторена и в других провинциях, где Конгресс имел большинство в законодательных собраниях.

Английское правительство не желало отказываться от конституции, на разработку которой потратило столько трудов и которой так гордилось. Оно, вероятно, полагало, что конгрессисты не смогут долго противостоять соблазну занять государственные посты и что, если ему удастся сформировать правительства из лиц, готовых способствовать введению в действие конституции, оно сможет расколоть ряды конгрессистов и оторвать

от партии некоторые неустойчивые элементы. Поэтому в шести провинциях, где Конгресс имел абсолютное большинство в законодательных собраниях, были предприняты попытки сформировать правительства. К чести Конгресса следует отметить, что правительству не удалось заманить в свою ловушку ни одного конгрессиста. Тогда английские власти сформировали правительства из неконгрессистов, ибо надеялись, что за те шесть месяцев, в течение которых губернатор, согласно конституции, имел право управлять провинцией с помощью любого назначенного им самим правительства, они сумеют сломить единство Конгресса.

В Бихаре формирование правительства было поручено лидеру фракции Независимой мусульманской партии в Законодательном собрании Мухаммад Юнусу. Считали, что главный основатель этой партии маулана Саджад сочувствует Конгрессу. Поскольку маулана почти целиком принял программу Конгресса, кое-кто из мусульман-конгрессистов вступил в Независимую мусульманскую партию в надежде улучшить тем самым свои шансы на выборах. Однако, когда поступило предложение сформировать правительство, маулана не устоял и дал указание Юнусу принять предложение губернатора. Вслед за этим развернулась лихорадочная деятельность, сопровождавшаяся множеством самых различных слухов. Говорили, что мусульмане-конгрессисты, составлявшие в Независимой мусульманской партии меньшинство, были против принятия министерских постов, другие утверждали, что мнения партии никто и не спрашивал и что в то самое время, когда она обсуждала этот вопрос, Юнус уже дал согласие сформировать правительство и даже представил губернатору список министров, который тот одобрил. Таким образом партия была поставлена перед совершившимся фактом и ничего не могла поделать.

Но тут произошло нечто интересное: Юнус предложил один из постов в своем кабинете Джагдживан Раму, представителю хариджанов в Законодательном собрании. Он даже повел его к губернатору для переговоров. Это вызвало среди конгрессистов некоторую тревогу, но я оставался совершенно спокойным, так как был убежден, что Джагдживан Рам никогда не попадет на приманку. И я не ошибся: он отказался стать членом правительства Юнуса. Юнусу не удалось убедить ни одного конгрессиста войти в его кабинет.оборот, который приняли события, несколько нас не беспокоил, ибо мы располагали таким подавляющим большинством в Законодательном собрании Бихара, что могли свалить правительство, если бы спустя полгода оно поставило перед Законодательным собранием вопрос о доверии. В тот день, когда правительство Юнуса было приведено к присяге, в

Патне состоялись враждебные демонстрации под предводительством Джаяпракаш Нараяна. Джаяпракаш был арестован и приговорен к тюремному заключению, но Юнус досрочно освободил его.

Подобным же образом были сформированы правительства и в других провинциях, где Конгресс располагал большинством в законодательных собраниях. Это был не более как фарс, смысл которого состоял в том, чтобы показать народу, что конституция вводится в действие. Английские власти прекрасно понимали, что созданные ими правительства будут недолговечны, но они все-таки не теряли надежды и по-прежнему всяческими способами пытались нарушить единство Конгресса. Конгрессисты, выступавшие против принятия министерских постов, радовались тому, что конгрессистские правительства все-таки не были сформированы и что со временем они смогут чинить властям обструкции. С другой стороны, те, кто стоял за принятие государственных постов, были уверены, что рано или поздно английскому правительству придется пойти на уступки и дать Конгрессу заверение, на котором тот настаивает. Между тем временные правительства всячески стремились завоевать популярность, однако, несмотря на все их усилия, это им плохо удавалось. Время от времени английское правительство выступало с декларациями о своих благих намерениях, но Конгресс отклонял эти декларации как неудовлетворительные.

Наконец спустя три месяца после сформирования временных правительств было опубликовано заявление вице-короля. Оно казалось наиболее многообещающим из всех, делавшихся до сих пор, и Рабочий комитет Конгресса запросил разъяснений по поводу некоторых его пунктов. Правительство Индии не могло открыто и недвусмысленно заявить, что отдельные разделы конституции утратили свою силу (да оно и не было на это уполномочено), однако оно косвенным образом дало понять, что, хотя за губернаторами сохраняются их чрезвычайные полномочия, губернаторы, как правило, не будут ими пользоваться. Поскольку это не было сформулировано достаточно четко, Конгресс потребовал ясного заявления. Одновременно Рабочий комитет уполномочил лидеров конгрессистов в законодательных собраниях по получении надлежащих разъяснений по вопросу о чрезвычайных полномочиях сформировать правительства, если губернаторы им это предложат. Решение Рабочего комитета подготовило почву для создания конгрессистских правительств.

КОНГРЕСС ФОРМИРУЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Теперь, когда было уже ясно, что конгрессистские правительства будут созданы, провинциальные комитеты Конгресса приступили к обсуждению вопроса о составе кабинетов. Комитет Конгресса провинции Бихар собрался в Машпракхе — деревне округа Саран — под председательством Абдула Бари. После предварительного обмена мнениями мы разъехались. На обратном пути, в Чапуре, мы узнали, что Шри Кришна Синха получил через курьера приглашение встретиться с губернатором. Мы обсудили с Синхой необходимые подготовительные шаги и рекомендовали ему, в случае если его удовлетворят разъяснения губернатора, попросить, чтобы ему дали какое-то время для решения вопроса о составе кабинета. После этого в Патне собрался провинциальный комитет Конгресса, чтобы окончательно утвердить кандидатуры министров.

Выбор министров был сложным делом. В Бихаре Исполнительный совет при губернаторе состоял всего из четырех членов, и я считал, что если в прежнее время четыре человека могли справиться с делом, то и теперь четырех министров будет достаточно для выполнения функций, лежащих на конгрессистском правительстве. Если бы мы ввели в кабинет большее число людей, нас могли бы упрекнуть в том, что мы пытаемся искусственно создавать должности для тех, кто их домогается. В других провинциях, где также были сформированы конгрессистские правительства, кабинеты состояли из большего числа членов, нежели прежние Исполнительные советы при губернаторе, и я критиковал их за это. Хотя вряд ли можно было ожидать сколько-нибудь значительного увеличения расходов, так как существовала директива Конгресса, устанавливающая, что жалование министров не должно превышать пятисот рупий, я почему-то был убежден, что в Бихаре во всяком случае должно быть не более четырех министров. Исходя из моего позднейшего опыта, я, однако, должен признаться, что был неправ.

Наши министры не были знакомы с административной работой. Поскольку они должны были придерживаться новой программы и разработать новый политический курс (а это требовало времени для сбора необходимых данных и создания общественного мнения), я понял, что четырех министров недостаточно, а потому изменил свою прежнюю точку зрения.

Имелось, однако, еще одно обстоятельство, склонявшее нас к решению не создавать слишком много министерских постов. Среди конгрессистов — депутатов Законодательного собрания Бихара были некоторые лица, которые ввиду своих заслуг должны были автоматически войти в состав кабинета, но, если смотреть немного дальше вперед, подбор кандидатур на министерские посты представлял собой бесконечно трудную задачу. Поэтому, во избежание возможной тайной зависти и недовольства, мы и хотели ограничить состав кабинета четырьмя членами.

Все мы были единодушны в том, что один из министерских постов должен занимать представитель хариджанов. Многие считали наиболее подходящим кандидатом на этот пост Джагдживан Рама — способного, энергичного работника, сумевшего к тому же противостоять соблазну и отклонившего предложение Юнуса войти в правительство. Однако имелся еще один не менее выдающийся конгрессист — Джаглал Чоудхари, который в 1920 году откликнулся на призыв Конгресса, бросил науку, хотя в то время находился уже на последнем курсе Калькуттского медицинского института, и с тех пор целиком посвятил себя делу Конгресса. Ему пришлось испытать и тюремное заключение. Взвесив все обстоятельства, мы решили назначить Джаглала Чоудхари министром, а Джагдживан Рама — парламентским заместителем министра.

Конгрессист Рамнараян Синг, член Центрального законодательного собрания, развернул агитацию за то, чтобы ввести в правительство представителя Чхота-Нагпура. Он обосновывал свое требование тем, что Чхота-Нагпур — отсталый район и что Конгресс никогда не уделял должного внимания его развитию. Он и мне по-дружески жаловался на это, ссылаясь в подкрепление своих доводов на то, что я ни разу не удосужился пробыть в Чхота-Нагпуре сколько-нибудь длительное время. Я шутливо возражал, что за последние двадцать лет или около того нигде не жил так подолгу, как в Чхота-Нагпуре, поскольку мне приходилось отбывать заключение в тамошней Хазарибагской тюрьме. Однако Р. Синг продолжал настаивать, что Чхота-Нагпур должен быть представлен в кабинете. Если бы мы согласились с его требованием, единственным подходящим кандидатом мог бы явиться сам Рамнараян Синг, поистине не-

утомимый работник. Это означало, что ему пришлось бы уйти из Центрального законодательного собрания и через полгода баллотироваться в Законодательное собрание Бихара, когда один из нынешних депутатов Законодательного собрания освободил бы для него место. Это вызвало бы законное недовольство депутатов Законодательного собрания от Чхота-Нагпура, которые расценили бы такой шаг как пренебрежение к ним. Поэтому мы не сочли возможным принять его требование. Синг был очень огорчен и написал мне по этому поводу несколько писем. Я ответил, но мне так и не удалось его убедить. Однако все это неизбежно в политической борьбе. В таких случаях человек, подобный мне, чувствуя себя несчастным, если он вызвал у кого-то недоброжелательное чувство или озлобление, оказывается в затруднительном положении. Однако надо выполнять свой долг, и я думаю, что мое решение было верным и справедливым.

Итак, мы остановили свой выбор на следующих лицах: д-р Шри Кришна Синха — главный министр, д-р Сейид Махмуд, Ануграх Нараян Синха и Джаглал Чоудхари — члены кабинета. В помощь им были назначены восемь парламентских заместителей министров, в числе которых были: Кришна Баллабх Сахаи, Шарангадхар Синха, Джимутбахан Сен, Биноданаид Джха, Шиванандаи Прасад Мандал, Джагдживан Рам и Садыкуль-Хак. Рамдаялу Синха был избран спикером, а Абдул Бари — его заместителем. Хотя некоторые считали, что этот выбор оставляет желать лучшего, я находил его вполне удовлетворительным.

После того как кабинет был сформирован, я посоветовал всем министрам поселиться рядом или хотя бы собираться ежедневно для взаимных консультаций. Я считал, что они должны регулярно информировать друг друга о работе своих министерств, с тем чтобы каждый министр был осведомлен о положении дел во всех министерствах и чтобы они могли действовать согласованно. В тех случаях, когда предстояло принять важное решение, они могли обсудить вопрос сообща, призвав на помощь такт и личный опыт всех членов кабинета. Однако в Бихаре этого не наблюдалось. Как я узнал впоследствии, ни один министр никогда не знал о том, что делается в другом министерстве. Между тем в Бомбее Б. Г. Кхер ввел в практику совместное обсуждение вопросов и ежедневно проводил неофициальные заседания кабинета. В Соединенных провинциях и Мадраसे Говинд Баллабх Пант и Ч. Раджагопалачария, деятели, пользовавшиеся большим влиянием, сумели поставить дело так, что всегда были в курсе всего, что происходит в каждом министерстве.

Мне пришлось поехать в Ориссу, так как существовали опасения, что при формировании правительства в этой провинции могут дать себя знать внутренние распри. Спор из-за того, кому быть лидером конгрессистов в Орисском законодательном собрании, до сих пор не был разрешен, и этим вопросом пришлось заняться Парламентскому совету. Одним из виднейших конгрессистских деятелей этой провинции был пандит Нилакантх Дас, вступивший в Конгресс еще в 1921 году. Он был коллегой покойного Гопабандху Даса и отбывал вместе со мной заключение в Хазарибагской тюрьме. Мне вспоминается, что еще в 1933—1934 годах, когда мы сидели в тюрьме, пандит Нилакантх Дас высказывался за принятие Конгрессом министерских постов. В 1934 году его избрали в Центральное законодательное собрание по конгрессистскому списку. В 1937 году он не выдвигал своей кандидатуры в провинциальное Законодательное собрание, но, после того как всеобщие выборы закончились и Конгресс изъявил готовность принять министерские посты, Дас сообщил кое-кому из друзей о своем желании быть избранным лидером конгрессистской фракции Законодательного собрания. Во время избирательной кампании в провинции он действительно работал без устали и в какой-то мере способствовал успеху Конгресса на выборах. Однако проблема, возникшая перед конгрессистами — новыми членами Законодательного собрания, заключалась в том, как избрать своим лидером человека, не являющегося членом законодательного органа. Предполагалось, что когда губернатор решит предложить конгрессисту сформировать правительство, он пригласит для этой цели члена Законодательного собрания, а не кого-либо со стороны, хотя посторонний тоже может стать министром, если он в течение ближайшего полугодия добьется своего избрания в Законодательное собрание. Нилакантх Дас желал стать главным министром, ибо считал, что по своему положению и репутации, которой он пользуется в провинции, он вполне подходит для этого поста. Однако Парламентский совет постановил, что лидером конгрессистской фракции Законодательного собрания должен быть депутат этого собрания. В результате кандидатура Нилакантх Даса была снята, и лидером конгрессистской фракции в Законодательном собрании был избран Бишванатх Дас. Он был уроженцем округа Бурхампур и, когда этот округ входил в провинцию Мадрас, являлся членом Мадрасского законодательного собрания.

Другим щекотливым вопросом в Ориссе был вопрос о включении в состав кабинета представителя мусульман. В Законодательном собрании Ориссы мусульман было очень мало. Во временном правительстве был один министр-мусульманин, од-

нако среди депутатов Законодательного собрания мусульман-конгрессистов не было. Те мусульмане, которые обладали необходимыми данными и годились для занятия министерских постов, не были избраны по конгрессистскому списку и не желали вступить в Конгресс теперь. Поэтому как я ни старался, но ничего не мог сделать и, решив заполнить вакансию позднее, после консультации с маулана Азадом, покинул Ориссу.

В Соединенных провинциях тоже встретились трудности при назначении на министерские посты мусульман, и маулана Азад выехал туда уладить этот вопрос. Кроме одного мусульманина, избранного по конгрессистскому списку, все остальные мусульмане были избраны в Законодательное собрание в качестве независимых. Некоторые из них сочувствовали Конгрессу и были готовы прийти к какому-то соглашению с маулана Азадом. Однако против этого выступили видные конгрессистские деятели провинции, маулана же не мог дольше задерживаться, так как должен был ехать в Бомбей. Поэтому министрами были назначены Рафи Ахмад Кидвай — депутат Законодательного собрания, конгрессиист, и Хафиз Мухаммад Ибрахим — независимый. Вскоре после этого Хафиз Ибрахим отказался от своего депутатского места и баллотировался заново по конгрессистскому списку. Остальные мусульмане были всем этим недовольны. Быть может, если бы предполагавшееся соглашение между независимыми мусульманами и Конгрессом осуществилось, религиозно-общинная вражда, которую впоследствии так раздула Мусульманская лига, вообще бы не возникла. В Бомбее министром был назначен М. И. Нури, в Центральных провинциях — Шериф.

Я потому так подробно касаюсь вопроса о назначении мусульман министрами, что именно он послужил одним из главных поводов для недовольства Мусульманской лиги Конгрессом. Когда Конгресс и другие партии формировали правительства, они брали за образец английский кабинет и стремились следовать тем же правилам и традициям. Поэтому различные партии выставляли своих собственных кандидатов и, когда формировались правительства, партия большинства назначала министров исключительно из своей собственной среды. Деятели Конгресса считали, что включение в конгрессистский кабинет человека, не принадлежащего к их партии, противоречило бы духу парламентской демократии. Кроме того, среди членов Конгресса были мусульмане, и оказать предпочтение мусульманам-неконгрессистам было бы несправедливо по отношению к ним. Назначить же членов Мусульманской лиги министрами в провинциях, где Конгресс получил большинство, значило нарушить конституцию.

Собственно говоря, Мусульманская лига не пользовалась в то время сколько-нибудь большим престижем и популярностью. Она выставила кое-где всего лишь нескольких кандидатов и во многих избирательных округах понесла поражение. Поэтому у Конгресса не было никаких оснований вводить в состав кабинета представителя Мусульманской лиги. Кроме того, мы вели предвыборную борьбу под знаменем идей, изложенных в манифесте Конгресса, и теперь, когда мы пришли к власти, долг повелевал нам выполнить обещания, содержащиеся в этом документе. Там говорилось, что, если Конгресс будет не в состоянии это сделать, он немедленно откажется от власти. Но такое обязательство взяли на себя только конгрессисты. Отказ от государственных постов был важным оружием в руках Конгресса. Это было конституционное и весьма действенное средство, позволявшее влиять на губернаторов при возникновении каких-либо разногласий. Если бы Конгресс включил в состав кабинета кого-либо из неконгрессистов, не подписывавших этого обязательства партии, ему было бы трудно использовать это оружие — угрозу отставки. Наконец, существует принцип солидарной ответственности. Считается необходимым, чтобы все министры принадлежали к одной партии (если только положение самой партии не требует создания коалиционного кабинета), с тем чтобы они могли осуществлять функции управления сообща, а не придерживались бы своих собственных, противоречащих один другому курсов. И все-таки, несмотря на все эти соображения, мы всячески пытались прийти к соглашению с мусульманами-неконгрессистами. Но все было тщетно.

Даже теперь, оглядываясь назад, я по-прежнему придерживаюсь той точки зрения, что в этот начальный период провинциальной автономии мы не допустили никакого нарушения конституционных принципов. Поскольку мы были преданы демократии и принимали английскую систему парламентарного правительства, мы ни в мыслях, ни на практике не отступали от этих принципов. Другое дело, если кто-нибудь считает, что нам не следовало придерживаться английской системы, а надо было выработать свою собственную. В то время никто такой идеи не высказывал. Я не думаю, что кому-нибудь (разве что членам Мусульманской лиги) приходило в голову, что Индия должна иметь не демократическую, а какую-либо иную систему управления. И я не верю, чтобы Индия когда-либо согласилась отказаться от демократии. Для нее это значило бы отдать судьбу страны в руки одного человека или какой-нибудь группы. Даже мусульманам это вряд ли улыбалось. Ни одна политическая партия никогда не высказывала мнения, что демократия в Индии невозможна и что в нашей стране надо установить какую-

то другую систему правления. Мусульманская лига была единственной организацией, которая в одном или двух случаях высказала ту точку зрения, что Индии в целом не нужна полная демократия.

К концу июля 1937 года конгресси́стские правительства были сформированы в шести провинциях — Бихаре, Бомбее, Центральных провинциях, Соединенных провинциях, Ориссе и Мадрасе. Во всех этих провинциях временные правительства ушли в отставку, не ставя этот вопрос на голосование в законодательных собраниях. В Северо-Западной пограничной провинции, где Конгресс не имел большинства в Законодательном собрании, правительство сформировали беспартийные мусульмане, однако оно продержалось недолго, ибо, после того как Конгресс пришел к власти в шести названных провинциях, местное Законодательное собрание отказало ему в доверии. Маулана Азаду и мне предложили отправиться в Северо-Западную пограничную провинцию и помочь местной конгресси́стской фракции сформировать правительство. Задача оказалась нетрудной. Собственно говоря, д-р Хан Сахиб и Хан Абдул Гаффар-хан так успешно справились с делом, что нам оставалось только одобрить сделанное ими. К власти пришло конгресси́стское правительство во главе с д-ром Хан Сахибом.

ПОЕЗДКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНУЮ ПОГРАНИЧНУЮ ПРОВИНЦИЮ

Поездка с маулана Азадом была моим первым посещением Северо-Западной пограничной провинции. Мы направились прямо в Абботтабад — военный пост в горах, куда на лето перебирается местное правительство. Лидеры Конгресса вели здесь переговоры с губернатором. Население приготовилось устроить торжественную процессию в нашу честь, но маулана попросил извинения и проехал прямо в отведенную ему резиденцию. Мне пришлось принять участие в процессии, во время которой разразился ливень, промочивший всех нас до нитки. После успешного завершения переговоров мы с маулана Азадом совершили небольшое путешествие по провинции. Мы побывали в Мансехре, где из окон постоянного двора при почтовой станции открывается великолепный вид на суровые окрестные холмы. Оттуда мы поехали в Пешавар. Следующим пунктом в нашем маршруте была родная деревня д-ра Хан Сахиб Утманзая, куда мы прибыли через Чарсадду. Остановившись здесь ненадолго, мы возвратились в Пешавар через территорию племен.

На следующий день мы переправились через Хайберский перевал и достигли линии Дюранда, которая в то время отделяла территорию Британской Индии от Афганистана. По обе стороны границы стояли вооруженные часовые обеих стран. Летом Хайберский перевал — настоящее пекло. Несмотря на суровость здешней природы и почти полное отсутствие растительности, это совершенно изумительное место, а ландшафты, открывающиеся по обе стороны дороги, когда едешь по Хайберскому перевалу, просто великолепны. Весь этот район буквально оцетинился оборонительными сооружениями. Подходы к перевалу, длина которого составляет несколько миль, охраняют форт, а в середине перевала — еще один. Рядом с шоссе проходит железнодорожная линия, строительство которой потребовало немалого искусства от инженеров и, должно быть, стоило дорого. Здесь англичанам принадлежала только дорога, а

вся территория вокруг нее считалась свободной территорией, принадлежащей племенам. Английские законы здесь не имели силы, и если тот или иной инцидент происходил в нескольких ярдах от дороги, виновный не мог быть судим английским судом. Представителей местных племен мы всегда видели вооруженными, и нам говорили, что если какой-нибудь путник случайно забредет на их территорию, они его убивают, хотя бы для того только, чтобы продемонстрировать свое право.

В каждой деревне имеется высокая башня, с которой можно обозревать окрестности. С помощью этих башен племена стерегут свои земли от набегов. Жители здешних мест бедны, так как каменистая почва приносит скудный урожай. Воды здесь тоже очень мало. В то же время в Чарсадде (Пешаварский округ), где протекают Сват и другие реки, земля плодородна. Бедность населения была главной причиной той неустроенности, которая отличала его быт. Вряд ли когда-либо предпринималась хоть малейшая попытка улучшить экономические условия местных жителей. Быть может, английское правительство даже хотело — по политическим соображениям — увековечить их бедность, ибо я убежден, что, если бы средства, которые оно израсходовало на оборону в этом районе, были использованы на нужды экономического развития, этот край превратился бы в плодородную равнину, а населяющие его племена могли бы состязаться с населением других провинций в области сельскохозяйственного производства. Возможно, правительство не могло осуществить подобные мероприятия, поскольку племена были свободны и не подчинялись ему, но я поражаюсь, почему англичанам не приходило в голову, что народы, дорожающие своей свободой, могут также быть прекрасными соседями. Денег, которые уходили на то, чтобы время от времени подавлять эти народы с помощью пушек и самолетов, хватило бы, чтобы дать им образование и улучшить их экономические условия. Это была бы полезная трата средств, выгодная как для племен, так и для Индии.

На обратном пути в Патну мы с Матхура Прасадом остановились в Таксиле (Такшашила). Здесь мы осмотрели развалины, разбросанные на обширном пространстве, а также посетили музей, где экспонированы предметы, найденные во время раскопок. Этот древний город, по-видимому, был большим, благоустроенным и процветающим поселением, с широкими улицами, по обеим сторонам которых высились ряды домов. Его жители пользовались, должно быть, всеми благами жизни. В Таксиле находился знаменитый университет, привлекавший студентов со всех концов страны. Говорят, что памятники буддийской эры находили в провинции повсюду. Нам очень хоте-

лось повидать побольше, но мы не располагали временем, так что Кохат и Дера-Исмаил Хан пришлось вычеркнуть из нашего маршрута.

Мне, жителю Бихара, которому редко случается видеть какие-либо военные сооружения, если не считать военного городка Данапор, Северо-Западная пограничная провинция оказалась громадной военной базой. Куда ни пойдешь, повсюду военные поселения, стратегические дороги, вооруженные лагеря. На всем пути от Пенджаба к западу мы видели войска.

Хайберский перевал представляет собой долину, весьма удобную для обороны. Особенно верно это было в доавиационную эру. Я думал о том, что providение даровало Индии замечательный защитный барьер в виде Гималайского хребта и горных цепей на востоке и западе, на юге же от опасностей извне она защищена морем. Какое несчастье, что, располагая такими природными условиями для обороны, мы из-за внутренних раздоров оказались не в состоянии защитить себя! Все чужеземные захватчики, вторгавшиеся в Индию до англичан, пропикали в нашу страну через Хайберский перевал. И пока англичане оставались здесь, они боялись, как бы еще какие-нибудь чужеземцы не вторглись в Индию через горные проходы на севере, и тратили огромные средства на укрепление обороны северных районов.

С рождением авиации Хайберский перевал утратил свое былое значение. Но, оглядываясь назад, нельзя не пожалеть, что при наличии укреплений, созданных самой природой, мы все-таки не сумели защитить свою страну и позволили чужеземцам вторгнуться на нашу землю. Хайберский перевал и его роль в истории Индии служат подтверждением следующей истины: ни одна страна не может надеяться, что ей помогут природные защитные барьеры, если она должным образом не организована и не способна к самообороне. Государство, которое не использует свои природные возможности, неизбежно становится жертвой алчных агрессоров. Как при виде мыса Коморин у меня родилось ощущение величия Индии, так теперь, стоя перед Хайберским перевалом, я мысленно представил себе ее бессилие и неумелость.

Вскоре после моего возвращения из Северо-Западной пограничной провинции бихарскому правительству пришлось столкнуться с проблемой, которую, по общему мнению, нужно было разрешить как можно скорее. Правительство Юнуса назначило сэра Султан Ахмада генеральным адвокатом Бихара. Вскоре после этого он стал членом Исполнительного совета при вице-короле и к тому времени, когда Конгресс пришел к власти в Бихаре, оставался на этом посту. Было известно, что в качестве

члена Исполнительного совета он рекомендовал компромисс с Конгрессом. Этот делийский пост был временным, и спустя некоторое время сэр Султан, по-видимому, должен был освободиться. Перед кабинетом встал вопрос: утвердить ли решение правительства Юнуса или назначить другого генерального адвоката.

Конгрессиетское правительство считало необходимым назначить своего собственного генерального адвоката. Это объяснялось очень просто: в соответствии с новой конституцией генеральный адвокат — главный юридический советник кабинета — имел право выступать в Законодательном собрании по любому вопросу, не будучи депутатом этого органа. Это право было ему предоставлено с той целью, чтобы, в случае возникновения в ходе дебатов каких-либо юридических вопросов, правительство имело под рукой авторитетное лицо, которое могло бы выступать от его имени. Бихарское правительство считало, что генеральный адвокат должен иметь такой же ранг и занимать такое же положение в административной системе провинции, как и генеральный прокурор в Англии, где он в качестве главного юридического советника входит в кабинет и является членом палаты общин, причем каждое новое правительство назначает своего генерального прокурора. (Лорд-канцлер — высший юридический авторитет, председательствующий в палате лордов при обсуждении апелляций, также назначается вновь каждым приходящим к власти правительством.) Новое правительство считало, что генеральный адвокат должен назначаться и смещаться вместе с кабинетом, как это делается в Англии.

Его доводы были вполне резонны, ибо правительство должно иметь право назначать своим юридическим советником того, кому оно полностью доверяет и кто, по его мнению, разделяет его взгляды и программу. К примеру, крупнейшей проблемой, стоявшей перед бихарским правительством, было изменение законов о землевладении. Ясно, что в таком спорном вопросе правительство нуждалось в услугах стойкого конгрессиета, который помог бы ему не только разработать новый закон, но и провести его через Законодательное собрание. Сэр Султан Ахмад, человек независимый; вероятно, имел свои собственные взгляды по этому вопросу, которые вряд ли совпадали с взглядами Конгресса. Учитывая все это, правительство, посоветовавшись со мной, решило назначить нового генерального адвоката. Мы полагали также, что это создаст надлежащий прецедент на будущее.

Когда Шри Кришна Синха заговорил об этом с бихарским губернатором, тот не признал за новым правительством права

произвести такое назначение. Тогда Спиха обратился с письмом о назначении нового генерального адвоката к сэру Султану, занимавшему в центральном правительстве пост министра юстиции. Однако, поскольку срок пребывания сэра Султана на этом посту был продлен, он подал в отставку с поста генерального адвоката Бихара. Таким образом, сложная проблема легко разрешилась, и бихарское правительство назначило на этот пост Балдева Сахаи. Однако указанный эпизод напомнил о себе позже, когда мусульмане превратили его в предмет религиозно-общинного спора и стали утверждать, что сэра Султана постарались убрать ради того, чтобы освободить место для индуса. Между тем из сказанного мною должно быть ясно, что религиозно-общинные соображения не оказали никакого влияния на решение правительства. Вопрос был чисто политическим. Точно такая же проблема возникла и в Бомбее, где правительство хотело сместить генерального адвоката — англичанина по национальности. Конгресс придавал настолько важное значение этому вопросу, что не желал вмешательства губернатора в его решение. Поэтому он хотел изменить конституцию таким образом, чтобы губернатор стал конституционным главой провинции, а вся полнота власти принадлежала бы правительству. Поскольку же добиться немедленного изменения конституции было, по-видимому, невозможно, Конгресс пытался компенсировать это тем, что настойчиво требовал от губернаторов заверения, что они не будут пользоваться своими чрезвычайными полномочиями. В вопросе о генеральном адвокате английские традиции были на нашей стороне. Вот почему Конгресс проявил в этом вопросе такую настойчивость.

КОМПРОМИСС МЕЖДУ ЗЕМЛЕПАШЦЕМ И ПОМЕЩИКОМ

После того как были сформированы конгрессиетские правительства, обязанность по оказанию помощи им — особенно бихарскому правительству — была возложена на меня. Первое, чем мне пришлось заняться, — это земельной реформой в Бихаре. Работа была начата вскоре после сформирования правительства. Мы стремились разрешить этот вопрос путем консультации со всеми заинтересованными сторонами, не настраивая против себя ни заминдаров, ни крестьян.

Следует напомнить, что во время сатьяграхи 1933—1934 годов, когда шло обсуждение новых конституционных предложений, губернатор Бихара, желая организовать партию, которая была бы менее радикальной, чем Конгресс, и могла бы стать серьезной соперницей последнего на предстоящих выборах, помог заминдарам провинции создать организацию, получившую название Объединенной партии. Чтобы заручиться поддержкой крестьян, эта партия рекомендовала заминдарам — членам Законодательного собрания Бихара внести законопроект об изменении арендного законодательства, предусматривавший некоторые уступки арендаторам. Впрочем, наиболее дальновидные заминдары понимали: способствовать тому, чтобы крестьяне были довольны и счастливы, в их же собственных интересах, а потому они были искренними сторонниками реформы арендной системы. Несколько крестьянских деятелей, считавшихся вождями арендаторов, поверили декларациям заминдаров и вступили в новую партию.

Свами Сахаджананд, вдохнув новую жизнь в старую «Кисан сабха», организовал оппозицию по отношению к законопроекту. Агитационная кампания, развернутая им в отсутствие конгрессиетских деятелей, которые находились в то время за решеткой, была настолько успешной, что в закон об изменении арендной системы были внесены дополнительные поправки в пользу крестьян, и он был утвержден в такой форме. Выйдя в 1934 году из тюрьмы, мы решили, что арендное законодательство

нуждается в дальнейшем изменении с учетом мнений всех заинтересованных сторон, ибо хотя новые законы об аренде и предоставляли некоторые права крестьянам, они оставляли многие вопросы нерешенными. Однако мы могли начать действовать только после выборов в законодательные органы. В 1937 году во время выборов в Бихаре Конгресс нанес Объединенной партии сокрушительное поражение. Путь к реформам был таким образом расчищен.

Когда конгрессисты пришли к власти в Бихаре, представители заминдаров, понимавшие, что реформа арендной системы неизбежна, а потому лучше урегулировать этот вопрос полюбовно, по собственной инициативе обратились к правительству и предложили свою помощь и сотрудничество в разработке новых законов об аренде, улучшающих положение крестьян. Они высказались за то, чтобы начать переговоры по этому вопросу. Правительство приветствовало эту идею, и я тоже ее одобрил, ибо соглашение между заминдарами и крестьянами облегчило бы быстрее принятие новых законов. Поскольку конгрессисты располагали подавляющим большинством в Законодательном собрании Бихара, заминдары, без сомнения, были бесцельны помешать утверждению законов, облегчающих участь крестьянства, но они, конечно, могли прибегнуть к тактике проволок и задержать проведение в жизнь нового законодательства. Они были богаты и умели организоваться, тогда как земледельцы были неспособны на совместные действия. Кроме того, Конгресс твердо решил доказать непригодность новой конституции, а потому было вполне вероятно, что спустя какое-то время министрам придется уйти в отставку. Правительству следовало поэтому как можно скорее сделать все возможное для блага народа. Учитывая все это, правительство решило вступить в непосредственные переговоры с заинтересованными сторонами, а если это ни к чему не приведет, предпринять необходимые шаги самостоятельно. Я одобрил этот план и сам положил начало переговорам. В качестве членов Парламентского совета Конгресса маулана Азад и я начали в Патне переговоры с представителями заминдаров и крестьян.

Наши беседы продолжались в течение многих дней в Садакат-ашраме, где я обычно жил, ибо был не совсем здоров и мои друзья хотели избавить меня от необходимости выезжать из дому. Мы вели переговоры сначала с заминдарами, затем с крестьянами и наконец с бихарским правительством, стремясь достигнуть компромиссного соглашения, которое могло бы лечь в основу нового закона. Хотя проблемы крестьянства, всегда поддерживавшего Конгресс и верившего в него, были нам понятны и мы хотели помочь их разрешению, мы предпочитали,

чтобы крестьяне и заминдары согласились встретиться и решить эти вопросы самостоятельно. Однако без нашего участия такие переговоры вряд ли увенчались бы успехом. Мы считали, что ради достижения соглашения обеим сторонам придется пойти на уступки и что Конгресс должен играть в этих переговорах роль нейтральной стороны. Поэтому мы с самого начала разъяснили заминдарам, что ведем переговоры не от имени крестьян и что последние смогут, приняв те уступки, которых нам удастся для них добиться, выдвинуть впоследствии любые другие требования, какие они сочтут необходимыми. Однако правительство, желая увеличить свои доходы, намеревалось ввести новый налог, основная тяжесть которого должна была пасть на заминдаров. Мы рассматривали этот новый налог как часть соглашения, которое собирались заключить с заминдарами. Прежде всего мы занялись вопросом о сокращении ренты, выплачиваемой арендаторами. Мы хотели, чтобы со всеми обращались справедливо, и считали необходимым изменить порядки, существовавшие в то время в провинции, при которых размер ренты колебался от 4 анн до 25 рупий за акр. В некоторых местах рента была незадолго до того повышена, в других местах натуральная форма оплаты заменена денежной. Однако здесь невозможно было установить какое-то общее правило, так как то, что было выгодно одним, могло обречь на лишения других. При огульном подходе могло быть облегчено положение тех, кто в этом вовсе не нуждался, и созданы новые трудности для тех, кто и без того уже нес на себе невыносимое бремя. Поэтому мы отказались от мысли о единообразном снижении ренты для всей провинции. Мы высчитали, что реальным будет сократить ренту в среднем на 4 анны с каждой уплачиваемой рупии. После долгих споров мы разработали формулу, в соответствии с которой снижение проводилось в тех районах, где рента была очень высока, но не распространялось на районы, не нуждавшиеся в таком снижении. В некоторых случаях предполагалось снизить ренту на 8—10 анн с каждой рупии, в других не предусматривалось никакого снижения. В соответствии с нашими предложениями рента была снижена в среднем на 4 анны с каждой рупии.

Второй вопрос, которым нам пришлось заниматься, касался права крестьянина на передачу своей земли. Вообще говоря, согласно бенгальскому закону об аренде, действовавшему и в Бихаре, крестьянин не имел такого права. Усилиями изобретательных юристов и судей этот закон был превращен в запутанный клубок юридических хитросплетений. Неспециалист вряд ли способен был разобраться, при каких обстоятельствах крестьянин мог продать или передать кому-либо свой земельный

участок или часть его. Единообразных решений по этим вопросам не было. Иногда между двумя судьями возникали разногласия и вопрос приходилось выносить на обсуждение всей судейской коллегии. С течением времени в этом вопросе возникли новые осложнения. Когда Бихар отделился от Бенгалии, Высший суд в Патне стал смотреть на дело иначе, чем Верховный суд Индии. Мы хотели упростить этот закон, чтобы сделать его доступным пониманию любого человека. Надо было либо признать право передачи земли без всяких оговорок, либо не признавать его вовсе. В то время как представители крестьян требовали полного признания права передачи, заминдары возражали против этого, заявляя, что земля в действительности принадлежит им и предоставляется арендаторам только для обработки, так что крестьянин может продавать или передавать кому-либо свой участок только с разрешения помещика.

Я считал тогда и до сих пор считаю, что предоставление крестьянам безусловного права передачи земли привело бы лишь к тому, что мелкие арендаторы лишились бы своих участков, и я убежден, что если бы какая-нибудь беспристрастная организация изучила этот вопрос, она подтвердила бы мою правоту. Однако крестьяне решительно настаивали на праве передачи земли, и законом об изменении арендного законодательства заминдары по существу сами предоставили им такое право на том условии, чтобы при всякой продаже они получали известную долю от вырученной суммы. Мы заставили заминдаров согласиться не только на то, чтобы передача земельных участков была объявлена законной, но и на уменьшение и установление точного размера *салами*, то есть комиссионного сбора, взимаемого с арендаторов в момент передачи участка.

Третьим вопросом, который мы обсуждали, был вопрос о недоимках. По существующему закону заминдар был вправе через суд изгнать арендатора с земли за недоимки и распорядиться о продаже его участка с аукциона. Арендаторы жаловались, что помещики, пользуясь этим правом, продавали целые участки даже за небольшие недоимки. Однако заминдары заявляли, что сгон с земли — это обычное средство, к которому прибегают в случае неуплаты ренты, и утверждали, что получение арендной платы будет невозможным без той или иной формы контроля над арендаторами. Они приводили в пример Соединенные провинции, где сгон с земли практиковался весьма широко, и доказывали, что бихарские законы гораздо мягче. Однако мы договорились, что продаже должен подлежать не весь участок арендатора, а лишь часть его, которая, по мнению суда, при реализации покрывает сумму, причитающуюся заминдару.

Четвертым вопросом, обсуждавшимся в ходе переговоров, была система выплаты ренты натурой. При этой системе, господствовавшей в округах Патна и Гая, заминдар обычно получал 50 процентов урожая. В ходу были две различные системы раздела урожая между крестьянином и заминдаром. Одна из них называлась *баоли багай*. При этой системе дележ зерна производился после обмолота, причем половину зерна получал помещик. Арендаторы жаловались, что им разрешают убирать и обмолачивать хлеб только в присутствии агента заминдара, а, так как агент обычно не спешил прибыть на место, это создавало для крестьян большие трудности. Иногда заминдар нарочно медлил с посылкой агента, который должен был присутствовать при дележе урожая, чтобы досадить арендаторам. Если крестьяне убрали хлеб в отсутствие агента заминдара, помещик считал себя вправе потребовать любую долю урожая, и деспотичные заминдары пользовались этим, чтобы всячески притеснять арендаторов.

При второй системе, именованной *данабанди*, агент заминдара оценивал размер урожая еще на корню. Он определял урожай «выборочным способом», то есть либо просто оценивал на глаз, либо производил уборку небольшого участка поля и, исходя из этого, устанавливал долю заминдара в урожае со всего поля. Доля, причитавшаяся заминдару в соответствии с этой оценкой, реализовалась после того, как хлеб убрали и обмолачивали. В этих случаях крестьяне заявляли, что оценка была произвольной и несправедливой.

В соответствии с действовавшим законом как арендатор, так и заминдар могли потребовать, чтобы натуральная рента была заменена денежной, если кто-либо из них считал, что существующий порядок для него неудобен. Ставку денежной ренты устанавливал суд. После первой мировой войны, когда цены сильно возросли, многие арендаторы добились замены натуральной ренты денежной. Благодаря продолжавшемуся росту цен они могли уплачивать ренту, продав незначительную часть своего урожая. Однако когда в 1929—1930 годах наступил экономический кризис, рынок лопнул, и, поскольку цены на сельскохозяйственную продукцию упали, арендаторы уже не могли более выплачивать денежную ренту. Это было одной из причин, заставивших их требовать снижения ренты. В результате переговоров заминдары согласились снизить не только денежную ренту, но и свою долю в урожае арендатора.

Таковы были основные поправки к закону об аренде, относительно которых было достигнуто удовлетворительное соглашение между заминдарами, крестьянами и бихарским правительством. По вопросу о земельном подоходном налоге мы так-

же обсудили с заминдарами все подробности, касающиеся ставки налога и освобождения от него, и пришли к определенному соглашению. Новый законопроект вступил в силу спустя несколько месяцев после достижения этого соглашения. Затем правительство назначило нескольких специальных уполномоченных для проведения этого закона в жизнь. Им было поручено пересмотреть инструкции, относящиеся к выплате ренты помещикам. Эта работа была почти закончена к ноябрю 1939 года, когда конгрессистское правительство Бихара ушло в отставку. К этому времени закон о земельном подоходном налоге также вступил в действие.

Благодаря тому, что все делалось на основе компромисса и взаимного согласия, крестьяне смогли почти немедленно воспользоваться выгодами нового закона. Хотя у заминдаров, как и у арендаторов, иной раз и возникали кое-какие мелкие жалобы и они обрушивались с нападками на правительство, в целом проведение в жизнь нового закона не вызвало ни у кого чувства горечи или озлобления. Мне думается, что, если бы лидеры крестьян действовали более осмотрительно и в большем согласии с правительством, они могли бы добиться еще большего.

Существовал один важный вопрос, по которому невозможно было достигнуть соглашения и который вызывал известное недовольство у крестьян. Земли, купленные заминдарами на аукционах, которые устраивались во исполнение судебного предписания о реализации недоимок по арендной плате, оставались за заминдарами, и они не желали сдавать их арендаторам для обработки, ибо по закону даже при временной передаче земли крестьянин приобретал неотъемлемые права арендатора. Заминдары либо обрабатывали такие земли сами, либо оставляли их под паром. Если вначале только мелкие заминдары оставляли за собой земли, купленные на аукционе, то впоследствии так же стали поступать крупные заминдары, желавшие завести у себя механизированное хозяйство. Крестьяне были этим очень недовольны, но бихарское правительство ничем не могло им помочь. В некоторых местах крестьяне прибегли к методам сатьяграхи, чтобы заставить заминдаров передать эти земли арендаторам, однако правительство вынуждено было вмешаться. Конфликт продолжался на протяжении всего периода пребывания конгрессистского кабинета у власти, и крестьяне возлагали вину за свои бедствия не только на правительство, но и на меня лично.

И все-таки я должен сказать, что земельная реформа в Бихаре явилась серьезным достижением, каким, пожалуй, не могла похвастаться ни одна другая провинция. В Соединенных про-

винциях не удалось достигнуть такого соглашения с заминдарами, и они на всех стадиях переговоров выступали против предложений правительства. Хотя к моменту отставки конгрессистского правительства этой провинции законопроект об аренде и был принят, губернатор утвердил его значительно позднее. В Ориссе провести подобный законопроект вообще не удалось, а в Мадрасе конгрессистское правительство ушло в отставку, не успев принять никакого решения по поводу отличного доклада, представленного специальной следственной комиссией, правительство же, пришедшее ему на смену, положило доклад под сукно. В Бенгалии неконгрессистское правительство назначило специальную комиссию, которая подготовила доклад, однако никакого решения по этому докладу принято не было.

Другая возложенная на меня миссия касалась Соединенных провинций. Главный министр этой провинции пандит Пант желал, чтобы специальная следственная комиссия под моим председательством изучила положение фабричных рабочих Канпура. Это было важное поручение, и я заявил, что мне с ним не справиться, так как я мало участвовал в работе профсоюзов и был плохо знаком с проблемами, стоящими перед фабричными рабочими. Однако пандит Пант считал, что мои ограниченные познания в этой области — как раз преимущество, ибо это позволит мне подойти к делу непредвзято и здраво, и что как фабриканты, так и рабочие будут видеть во мне беспристрастного посредника. Он заявил далее, что мое назначение обрадует обе стороны, которые отнесутся ко мне с доверием. Это окончательно решило дело, и, несмотря на свое нежелание, я вынужден был принять поручение.

К концу переговоров с заминдарами и крестьянами я заболел. Отдохнув несколько дней в своей деревне, я поехал в Вардху на заседание Рабочего комитета Конгресса, а оттуда в Канпур. По пути туда я снова серьезно заболел — по-видимому, чем-то отравился. Однако, несмотря на это, я после весьма короткой передышки приступил к своей работе в Канпуре. Уже через несколько дней нам стало ясно, что будет крайне трудно достигнуть какого-либо результата, если комиссия будет пытаться убедить как фабрикантов, так и рабочих. Комиссия состояла — если не считать нейтральных лиц — из представителей обеих сторон, я же полагал, что нам было бы легче работать, если бы все ее члены были независимыми людьми, обладающими большей свободой действий, а не представителями враждующих групп. Однако основная тяжесть работы по составлению доклада пала на троих членов комиссии — Б. Шива Рао, имевшего немалый опыт работы в профсоюзных организа-

циях Мадраса, профессора Рудра и меня. Несмотря на болезнь, я смог завершить свою часть работы в Канпуре — записывал заявления, вел перекрестный допрос свидетелей и изучал документы, — но я был не в состоянии посетить фабрики, чтобы увидеть своими глазами условия труда рабочих. Я уехал в Патну, полагая, что после непродолжительного отдыха смогу заняться составлением доклада с помощью других членов комиссии.

Когда я прибыл в Патну, там заседал провинциальный комитет Конгресса, обсуждавший компромиссный вариант закона об аренде, и мне пришлось присутствовать на этом заседании. После горячих споров комитет утвердил соглашение. Я и без того был слаб, а дополнительное напряжение сил, потребовавшееся от меня в Патне, еще более ухудшило мое здоровье. Я даже дважды терял сознание во время работы, однако никому не говорил о своем состоянии и собирался, завершив работу в Патне, уехать отдыхать в Зерадеи. В то время Ануграх Нараян Синха попал в серьезную автомобильную катастрофу, в результате которой его спутник Параснатх Трипатхи был убит, а он сам и шофер угодили в больницу с тяжелыми ранениями. Меня очень огорчило это известие. Я навесил Синху в больницу, а затем сел на пароход, чтобы отправиться в Зерадеи. Однако едва я взшел на борт судна, как мне стало плохо. С большим трудом я пересел на поезд, шедший в Соне-пур. К счастью, в этом же поезде случайно оказался мой племянник Джанардан, который позаботился обо мне.

Меня все время мучила тошнота, и я не находил себе места. Две мили — от железнодорожной станции Бхатапокхар* до Зерадеи — меня пришлось нести на носилках. Ночью мне стало хуже, о чем было сообщено в Патну. Утром приехали врачи из Сивана и Чапры, а к вечеру прибыли д-р Баннерджи и д-р Саран из Патны. Они подозревали, что я все еще страдаю от последствий отравления. После недельного лечения в Зерадеи врачи нашли, что я в состоянии выдержать дорогу, и перевезли меня в Патну, в больницу, где я понемногу стал поправляться. Меня перевели в больничный домик, где находился и Ануграх Нараян Синха. Я пробыл там два месяца, но первые несколько дней мы не могли с ним видеться, так как оба не в состоянии были двигаться. Когда я стал поправляться, я обычно выходил из своей палаты на первом этаже и навещал Синху. Я заставлял его обложенным папками — лежа в постели, он диктовал инструкции своим помощникам. Мне говорили, что он начал работать уже через несколько дней после того, как попал в больницу.

* Впоследствии станция была переименована в Зерадеи.

Когда мне стало немного лучше, я закончил составление доклада о положении канпурских рабочих. Предприниматели были недовольны рекомендациями, заключавшимися в этом докладе. Рабочие тоже возражали против некоторых пунктов доклада. Началась забастовка, и конфликт продолжался долгое время. Не знаю, в какой степени наши рекомендации были осуществлены. Я не мог не сожалеть, что состояние здоровья не позволило мне до представления рекомендаций посетить Канпур и обсудить все вопросы с представителями обеих заинтересованных сторон. Если бы я это сделал, быть может, ни предприниматели, ни рабочие не возражали бы против мер, предпринятых правительством в соответствии с моими рекомендациями.

КРИЗИС КОНГРЕССИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ

В феврале 1938 года, когда я еще находился в больнице, в Хариपुरе состоялась очередная сессия Конгресса. В это время во всех провинциях, где Конгресс находился у власти, быстро назревал правительственный кризис. Конгрессиистские правительства находились у власти уже около восьми месяцев. Они твердо решили освободить политических заключенных — это было одно из обещаний, содержащихся в предвыборном манифесте Конгресса. В тот самый момент, когда правительства собирались поставить этот вопрос перед Центральным законодательным собранием, политические заключенные на Андамских островах объявили забастовку. С большим трудом удалось убедить правительство Индии перевести этих узников в их родные провинции. Когда заключенные вернулись туда, конгрессиистские правительства решили их освободить, но губернаторы не дали на это своей санкции. Обстановка во всех провинциях сильно обострилась. Маулана Азад прибыл в Патну и навестил меня в больнице, чтобы обсудить этот вопрос. Затем он встретился с сардаром Пателем и Гандиджи. После долгих споров было решено, что конгрессиистские правительства должны решительно настаивать на своих требованиях, а если последние будут отвергнуты, им следует подать в отставку. В Соединенных провинциях и Бихаре правительства всячески пытались убедить губернаторов согласиться на их требования, но это им не удалось. В результате за несколько дней до открытия Харипурской сессии Конгресса эти два правительства подали в отставку, однако губернаторы не приняли ее и предложили обоим правительствам остаться на местах, пока им не будет подготовлена замена. Все члены бихарского правительства, кроме Ануграх Нараян Синха, который все еще лежал вместе со мной в больнице, выехали в Харипур.

Отставка правительств явилась пробным шагом, ибо это был первый случай, когда губернаторы воспользовались своими чрезвычайными полномочиями, хотя и дали заверение, что не

будут к ним прибегать. Вся страна, так же как и английское правительство, была убеждена, что конгрессиетские правительства не отступят от своего решения. В Хариपुरе царила атмосфера напряженного ожидания. Опасения критиков, утверждавших, что конгрессиетские правительства, соблазненные властью, забудут о своих обязательствах и будут держаться за свои посты, не оправдались. Во время сессии Конгресса мы узнали, что английское правительство пошло на уступки и согласилось освободить заключенных.

На сессии Конгресса, проходившей под председательством Субхас Чандра Боса, царил небывалый подъем. Сессия была обставлена весьма пышно, на ее подготовку были затрачены большие деньги. К тому времени, когда участники сессии вернулись домой из Харипура, правительства взяли назад заявления об отставке. Министры вернулись в свои провинции, исполненные энтузиазма и решимости ускорить осуществление многочисленных важных мероприятий, к которым они только что приступили, ибо никто не знал, когда и по какой причине им, быть может, снова придется подать в отставку. Они хотели провести какие-то осязаемые реформы, прежде чем возникнут подобные критические обстоятельства.

После того как бихарское правительство взяло назад свое заявление об отставке, оно создало комиссию для обследования положения фабричных рабочих в провинции. Председателем комиссии назначили меня. Я только что закончил работу в канпурской следовательской комиссии, а потому мог принять новое поручение. Задание, возложенное на меня в Бихаре, было труднее моей работы в Соединенных провинциях, где мы интересовались только условиями труда на фабриках одного города — Канпура. В Бихаре в сферу компетенции следовательской комиссии входили условия труда рабочих всех специальностей по всей провинции, а Бихар, как известно, — это провинция, где имеются предприятия самых различных отраслей промышленности. Она стоит на первом месте в Индии по уровню развития горной промышленности и добывает больше угля, слюды, меди и выплавляет больше стали, чем все остальные провинции, взятые вместе. Металлургическая компания «Тата айрон энд стил компани» в Джамшедпуре — крупнейшее промышленное предприятие Азии. Кроме нее, в Джамшедпуре имеются и другие предприятия, производящие проволоку, кабель, рабочий инструмент и сельскохозяйственные орудия. Бихар — один из основных производителей сахарного тростника, и по количеству сахарных заводов он занимает в стране второе место после Соединенных провинций. Другой продукт, по производству которого провинция занимает ведущее место, —

это шеллак. Чхота-Нагпур — главный производитель шеллака в стране. В различных пунктах провинции имеются также джутовые и хлопчатобумажные фабрики.

Условия жизни и труда рабочих различных отраслей промышленности были неодинаковы. В Джемшедпуре рабочие находились в условиях большого современного города, где заводы работают круглосуточно. В то же время многие рабочие сахарных заводов продолжали жить в деревнях и занимались на заводы всего лишь на несколько месяцев. На шахтах и рудниках условия также были различными. Если в Джхари, где сосредоточено большинство угольных шахт, горняки жили в поселке, расположенном вблизи шахт, то на слюдяных рудниках, разбросанных среди лесов и в далеких горах, рабочие обитали в домах, отстоявших далеко один от другого. В то время как в Джхари горняков снабжали очищенной водой, на слюдяных рудниках вода не фильтровалась, да для этого и не было никаких возможностей. Обследовательская комиссия должна была ознакомиться с этими различными условиями жизни рабочих и порекомендовать меры к их улучшению. Я понимал всю грандиозность этой задачи и решил со всей энергией посвятить себя работе комиссии.

К числу других неотложных вопросов, которыми бихарскому правительству необходимо было заняться, относился и вопрос о положении производителей сахарного тростника. В прошлом крестьяне обычно выращивали лишь такое количество тростника, какое они могли превратить в «гур» (неочищенный коричневый сахар) с помощью своих дробилок, приводимых в движение волами. С появлением сахарных заводов крестьяне были избавлены от работы по дроблению тростника и производству неочищенного сахара. Так как заводы покупали большое количество сахарного тростника, крестьяне находили выгодным использовать значительную часть своей земли для выращивания этой доходной культуры. Собрав урожай, они нагружали телеги сахарным тростником и направлялись к ближайшему сахарному заводу. Однако они находились целиком во власти владельца завода. Если тот отказывался купить у них сахарный тростник, крестьяне были на целый год разорены. Такая ситуация сложилась в 1934 году, когда многие сахарные заводы были разрушены землетрясением. Правительству и комитету помощи пострадавшим от землетрясения пришлось прийти на помощь крестьянам и снабдить их дробилками местного изготовления. Обычно сахарозаводчики покупали тростник по твердо установленной цене, но иногда они произвольно снижали ее, и крестьяне были совершенно беспомощны. Поэтому правительство задолго до прихода к власти Конгресса взяло на себя уста-

повлечение цен на сахарный тростник и объявило противозаконной покупку тростника по цене ниже установленной. Таким образом крестьянам была обеспечена минимальная цена, а в случае повышенного спроса и конкуренции между заводами им удавалось выручить и больше.

В 1936 году, когда урожай сахарного тростника оказался ниже среднего, сахарные заводы старались перехватить друг у друга сырье. Цены поднялись, и крестьяне получили большую прибыль, несмотря на скудный урожай. На следующий год они отвели больше земли под эту культуру, и в результате в 1937 году сахарного тростника было собрано больше, чем заводы могли купить. Цены упали, и крестьяне были разорены. Это произошло в апреле, в то самое время, когда в Бихаре к власти пришло правительство Юнуса, но новое правительство ничего не сделало, чтобы облегчить бедственное положение крестьян. Однако провинциальная организация Конгресса пыталась убедить предпринимателей купить весь сахарный тростник; некоторые из них согласились и действительно купили весь урожай тростника в своих районах. Когда в июле 1937 года конгрессисты сформировали в Бихаре правительство, они решили принять какие-то действенные меры, чтобы кризис, пережитый сахарной промышленностью в 1936 году, не повторился. Я беседовал на эту тему с д-ром Сейид Махмудом, министром бихарского правительства, ведавшим этими вопросами, и мы решили, что, поскольку Соединенные провинции и Бихар — крупнейшие производители сахарного тростника, правительства обеих провинций должны действовать сообща. Мы обсудили этот вопрос с правительством Соединенных провинций, после чего была созвана объединенная конференция, в которой и я принимал участие.

Конференция установила минимальную цену не только на сахарный тростник, но и на сахар. После некоторого сопротивления сахарозаводчики согласились на это. В дальнейшем они объединились в синдикат, который был признан правительством. Заводы, не входившие в синдикат, лишались права производить сахар. С тех пор крестьяне получали справедливую цену за свою продукцию, но я считал, что, если мы будем слишком нажимать на сахарозаводчиков, они могут не выдержать конкуренции с заводами других провинций, находившихся вне нашего контроля. Поэтому я хотел, чтобы все провинциальные правительства сообща обсудили эту проблему и попытались разрешить ее. Однако центральное правительство не желало ничего предпринять. Мы пытались ставить этот вопрос перед отдельными правительствами, но ни одно из них, включая и конгрессистские, не согласилось поддержать Соединенные про-

винции и Бихар. Это привело к тому, что сахарозаводчики в других провинциях, и особенно в княжествах, где они не были связаны каким-либо правительственным контролем, получили незаслуженные преимущества перед предпринимателями Бихара и Соединенных провинций и положили в карман огромную прибыль. Соблазнившись этим, некоторые предприниматели закрыли свои заводы в Бихаре и основали новые в других провинциях. Однако, несмотря на все это, крестьяне в Бихаре получали за свою продукцию больше, чем раньше, и продолжали пользоваться выгодами новой системы, пока конгрессистское правительство оставалось у власти.

Д-р Махмуд, возглавлявший министерство просвещения, хотел ввести меня в сенат университета Патны, из которого я вышел в 1921 году. Д-р Саччидананда Синха, проректор, тоже настаивал, чтобы я вошел в состав сената, и мне пришлось согласиться. Став членом сената, я внес резолюцию, в которой предлагалось назначить комиссию для разработки плана улучшения всей системы образования — от начальной ступени до высшей. Несмотря на критические замечания преподавателей, резолюция была одобрена единогласно. В то время я был болен, но все-таки смог присутствовать на заседании сената, хотя зачитать резолюцию пришлось за меня одному из моих друзей. После одобрения этого решения правительством была создана комиссия под председательством бомбейского профессора К. Т. Шаха, в которую включили и меня.

Незадолго до того как я внес резолюцию на обсуждение сената университета, Махатма Ганди выступил в своем еженедельнике «Хариджан» с интересной статьей о реформе образования. Главный пункт выдвинутой им программы состоял в том, что обучение детей должно вестись не посредством печатного слова, а с помощью ремесла. Он указывал, что деньги, которые дети заработают, занимаясь различными ремеслами, смогут пойти на покрытие расходов, связанных с их начальным обучением. Его план преследовал двойную цель: перестроить существующую систему и обеспечить нужные средства для более широкого распространения образования, уменьшив при этом бремя, лежащее на государственной казне. Этот план должен был облегчить организацию бесплатного обязательного обучения, которого народ требовал еще со времен Гокхале; он позволял покончить с недостатком средств — этой извечной причиной бездеятельности правительства. В нескольких пунктах Британской Индии такой опыт был проделан, однако в столь ничтожном масштабе, что невозможно было судить, окажется ли он пригодным для всей страны. Так, например, несколько лет назад в округе Чапра совместными усилиями моего брата и

тогдашнего инспектора школ была введена система бесплатного обучения. Несмотря на то, что правительство отнеслось к этой инициативе с полнейшим безразличием, опыт оказался довольно успешным.

План Гандиджи произвел настоящую сенсацию в педагогическом мире. Гандиджи созвал в Вардхе совещание опытных педагогов для обсуждения своего предложения. Была создана подкомиссия для разработки плана реформы образования под председательством д-ра Закира Хусайна. Этот план получил впоследствии название «Вардхского плана реформы образования». В своем докладе подкомиссия в основном поддержала идеи Гандиджи, кроме положения о том, что дети должны одновременно и учиться и зарабатывать, — с этим она была не совсем согласна. С другой стороны, многие специалисты в области педагогики поддерживали этот принцип и приводили в подтверждение своей точки зрения высказывания европейских и американских ученых. По-видимому, мысли, к которым Гандиджи пришел самостоятельно, совпадали со взглядами современных педагогов. Внося на обсуждение сената университета Патны свою резолюцию, я имел в виду именно план, разработанный в Вардхе.

Бихарское правительство назначило еще одну комиссию, которая должна была принять участие в составлении словаря простых слов арабского и персидского происхождения, понятных для людей, знающих как хинди, так и урду, с тем чтобы рекомендовать писателям пользоваться только лексикой, собранной в этом словаре. Учитывая некоторые мои высказывания на Нагпурской конференции «Хинди сахитья саммелана», происходившей в 1936 году, д-р Махмуд считал, что председателем этой комиссии следует назначить меня. Однако я был занят множеством других дел и к тому же не считал себя способным справиться с такой трудной задачей. Поэтому я отказался возглавить комиссию, но дал согласие стать ее членом. Председателем был назначен муалана Азад. Таким образом, я взял на себя множество самых различных обязанностей в провинции. Кроме того, я был членом Парламентского совета при Рабочем комитете Конгресса, к которому конгрессиистские правительства обращались с важными политическими вопросами, требовавшими решения.

Помимо всего прочего, перед нами встал вопрос о постоянно повторяющихся наводнениях, разрешить который мы были не в состоянии. На пространстве между Чапрой и Патной протекают четыре реки — Сарда, Ганг, Сон и Гандак; все они сливаются и превращаются в одну большую водную артерию. Когда в районе истоков или в каком-либо пункте, расположенном по

течению этих рек, выпадают обильные дожди, вода выходит из берегов и затопляет обширные пространства в Северном Бихаре. Хотя наводнения бывали в Бихаре всегда, эта проблема приобрела особенную остроту после землетрясения. Опасались, что в результате землетрясения русла рек, возможно, поднялись, и поэтому вода может выйти из берегов. Кроме того, отсутствие в насыпях железнодорожного пути достаточного количества дренажных и водоотводных труб, которые препятствовали бы свободному разливу вод, вышедших из берегов, еще больше осложняло положение. Железнодорожные власти никогда не прислушивались к жалобам публики. У нас было несколько дамб, построенных специально для предотвращения наводнений, но польза их была весьма сомнительной. Я еще ранее написал несколько статей на тему о наводнениях, и когда в Бихаре к власти пришло конгрессиистское правительство, оно занялось этим вопросом. Правительство созвало конференцию инженеров и представителей населения для обсуждения мер борьбы с наводнениями. Однако конференция ни к чему не привела, так как ее участники придерживались совершенно различных взглядов относительно причины наводнений и способов их предотвращения. Сам я по болезни не смог присутствовать на конференции, но мои предложения обсуждались на ней.

«ГАНДИ СЕВАК САНГХ»

В конце марта 1938 года я вышел из больницы. Моим первым общественным делом было участие в ежегодной конференции общества «Ганди севак сангх», состоявшейся в деревне Деланг близ Пури (провинция Орисса). Я отправился туда вместе со своей женой, сестрой и невесткой. Гандиджи и сардар Патель также присутствовали на конференции. У нас было четыре или пять заседаний, на которых подробно обсуждались организационные дела, а также вопросы, касающиеся принципиальных основ нашей программы. По вечерам мы все вместе пряли или слушали лекции, на которые приглашалось и местное население. Такие годовичные конференции давали возможность работникам «Севак сангх» пожить несколько дней вместе с Гандиджи, обсудить с ним важнейшие дела и услышать из собственных уст Махатмы его мнение по различным вопросам.

Члены «Ганди севак сангх» посвятили себя осуществлению конструктивной программы Конгресса, то есть распространению ручного прядения и ручной выделки ткани кхади, служению хариджанам, возрождению деревенской кустарной промышленности и пропаганде просвещения. Часть членов «Севак сангх» занималась улучшением пород скота. В их обязанности входило также свеживание туш павших животных, обработка шкур и изготовление из них обуви и других предметов. Некоторые члены общества ведали организационной работой Конгресса, но от них требовалось, чтобы они всегда подчеркивали важность практической деятельности по выполнению конструктивной программы Конгресса.

В связи с приближавшимися выборами в законодательные органы некоторые члены общества выразили желание выдвинуть свои кандидатуры на выборах. Для обсуждения этого вопроса пришлось созывать две специальные конференции. Некоторым членам «Севак сангх» было разрешено баллотироваться в законодательные собрания. В Бихаре два члена общества, Джаглал Чоудхари и Кришна Баллабх Сахаи, стали один — министром, другой — парламентским заместителем министра. До

выборов они дали обещание довольствоваться пособием, получаемым от «Севак сангх». Когда же они начали получать жалование, выдача пособия была прекращена; они представляли обществу подробный отчет о сумме получаемого жалования и о своих расходах.

Общество «Ганди севак сангх», как правило, не принимало участия в политической деятельности. Обычно никто из его членов не участвовал в выборах в муниципалитеты, окружные управления или законодательные собрания. Если же кто-нибудь из них выдвигал свою кандидатуру и оказывался избранным, то это было исключительно следствием его личных заслуг, а не принадлежности к «Севак сангх». Среди членов этого общества были люди, вроде Джамуналал Баджаджа, сардара Пателя и меня, являвшиеся членами Рабочего комитета Конгресса и виднейшими конгрессиетскими деятелями своих провинций. Что касается Гандиджи, то он был не рядовым членом, а руководителем общества.

Кое-кто утверждал, что «Севак сангх» — часть конгрессиетской организации, нечто вроде отколовшейся группы, наподобие свараджистской или социалистической партий. Ничто не может быть дальше от истины; единственная цель «Севак сангх» состояла в том, чтобы готовить кадры работников, заинтересованных в осуществлении конструктивной программы Конгресса. Члены общества обязаны были следовать принципам Гандиджи в своей личной жизни и всячески пропагандировать их. Членство в «Севак сангх» морально возвышало человека, если он действовал честно и оставался верным своим принципам. Лучшее подтверждение тому — жизнь некоторых членов этого общества, которая может служить идеалом для всех нас. К сожалению, после бенгальской конференции общества, незадолго до сессии Конгресса в Рамгархе, общество «Ганди севак сангх» было распущено.

Когда мы находились в Ориссе, группа местных конгрессиетов, возглавлявшаяся пандитом Нилакантх Дасом и Годавари Мисра, обратилась к нам с жалобой на провинциальное правительство. Мы с сардаром Пателем как члены Парламентского совета решили, что этот давний конфликт необходимо урегулировать раз навсегда. Выслушав обе стороны, мы вынесли свое решение. Организационную работу мы поручили Гопабандху Дасу, члену «Севак сангх», который не принадлежал ни к какой группировке и занимался конструктивной деятельностью. Однако дело на этом, к сожалению, не кончилось, и впоследствии нам снова пришлось заниматься этим вопросом.

Во время конференции «Ганди севак сангх» несколько работников этого общества в сопровождении членов моей семьи

побывали в храме *Джаганнат* в Пури. Когда Гандиджи узнал об этом, он очень огорчился, ибо в этот храм не допускались хариджаны. Гандиджи никогда не посещал храмов, двери которых были закрыты для хариджанов, ибо, говорил он, индусы высших каст не имеют права молиться там, куда нет доступа хариджанам. Некоторые члены общества и даже кое-кто из тех, кто считал себя последователями Гандиджи, находили, что Гандиджи слишком строг. Однако этот маленький инцидент лишней раз показал, какое большое значение Махатма придавал вопросу о доступе в храмы и как велика была его любовь к хариджанам.

Когда меня выписали из больницы, врачи посоветовали мне немного отдохнуть. Я выбрал город Насик, где семья Бирла имеет дом, который она превратила в санаторий. Дж. Д. Бирла любезно пригласил меня к себе. Однако я остановил свой выбор на этом городе еще и по другой причине. В мае в Бомбее должно было состояться заседание Всеиндийского комитета Конгресса, и из Насика мне было легче добираться до Бомбея.

До моего отъезда в Насик бихарское правительство попросило меня разработать план улучшения положения сельского населения. Такими вопросами в провинции ведал специальный департамент, и меня попросили назвать подходящую кандидатуру на пост его руководителя. До тех пор власти очень мало заботились об улучшении положения крестьян. Чиновники считали себя господами, стоящими над народом. Нам нужно было сколотить группу работников, которые посвятили бы себя служению интересам крестьян. Я разработал план и выбрал на пост руководителя департамента Праджапати Мишру. В помощь ему были подобраны люди, обладавшие опытом практической работы в сельских районах. Если мы выбрали для этого конгрессистов, то это объяснялось вовсе не желанием найти для них тепленькие местечки, а тем, что никто, кроме них, не обладал необходимым опытом. Им поручили обучать этому делу других. План был окончательно разработан уже после моего отъезда в Насик, куда Праджапати Мишра приехал для консультации со мной. Департамент многое делал для народа, пока конгрессистское правительство находилось у власти, однако после ухода правительства в отставку позиция департамента изменилась, а вскоре после этого он был вообще ликвидирован.

Чакрадхар Саран, исполнявший обязанности моего секретаря, не мог сопровождать меня в Насик, и его место занял Амбика Кант Синха. Мне составил компанию очень интересный человек, Даиварат Брахмачария из Гокарны (Карнатак). Я встретил его впервые на конференции в Музаффарпуре, где

он обратился ко мне с приветственной речью. Ближе мы познакомились, когда он с несколькими друзьями посетил Садакаташрам. На меня произвели большое впечатление его глубокие познания в области санскрита, и я пригласил его в Зерадеи, где мы провели вместе некоторое время. Отправляясь в Насик, я попросил его снова составить мне компанию, и он охотно согласился.

Брахмачария так хорошо знал древние памятники, что мог наизусть читать отрывки из Вед и Упанишад. Я узнал от него, что практика заучивания наизусть текстов из Вед и Упанишад все еще распространена среди брахманов в его краях. Они декламируют отрывки из этих книг даже в то время, когда трудятся в поле или занимаются какой-нибудь другой работой. Приехав в Насик, Брахмачария принялся за составление карты, показывающей происхождение и эволюцию Земли на основании соответствующих стихов из Вед. То, что он мог взяться за такую трудную работу, совершенно не прибегая к помощи справочников, как нельзя лучше говорит о его учености. Он жил одно время в Тируваннамалае вместе с великим ученым Раманом Махариши. Брахмачария был учеником Ганапати Шастри, большого ученого и постоянного собеседника Махариши. Он-то и представил Брахмачарию великому человеку. В биографии ученого содержатся теплые упоминания о Брахмачарии и высоко оцениваются его научные достижения. Отправившись как-то в поездку по северным районам, он быстро изучил хинди и так хорошо стал говорить на этом языке, что его можно было принять за северянина. В настоящее время он руководит школой и *гошалой* в Гокарне.

Мы очень приятно проводили с ним время в Насике. Днем мы обычно беседовали об Упанишадах и Ведах, а по вечерам гуляли или посещали близлежащие районы. Мы совершили паломничество в Тримбак, где берет начало река Годавари. Я не мог сам взобраться на вершину горы, и меня подняли туда. Близ Тримбака мы видели несколько древних пещер, где сохранились произведения искусства древности. Побывали мы и на монетном дворе в Насике, где печатают банкноты, почтовые марки и гербовую бумагу. Нас сопровождал мастер-англичанин — бывший офицер, ставший инвалидом во время первой мировой войны.

Мой друг Брахмачария из Карнатака был йогом, и он сказал мне, что если я буду систематически делать определенные упражнения, предписываемые йогами, то избавлюсь от астмы. Он показал мне некоторые упражнения, но я не мог продолжать их, так как должен был ехать в Бомбей. Там я снова заболел.

ДОСАДНЫЙ ИНЦИДЕНТ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ПРОВИНЦИЙ

Заседание Всеиндийского комитета Конгресса, состоявшееся в мае 1938 года в Бомбее, было первым после сессии Конгресса в Хариपुरе. Хотя я и приехал в Бомбей, но принять участие в работе комитета не смог из-за болезни. Важнейшим решением, принятым на этом заседании, было создание комитета по вопросам планирования для разработки плана развития страны. Председателем комитета был назначен Джавахарлал Неру, секретарем — профессор К. Т. Шах. Комитет подразделялся на несколько подкомитетов, разрабатывавших каждый соответствующие разделы плана. Все провинциальные правительства оказывали комитету всяческое содействие в его работе. Когда доклад комитета был уже почти готов, вновь началась борьба с английским правительством, а потому этот доклад не мог быть в то время опубликован.

Живя в доме Бирла, я заболел бронхо-пневмонией, и мой хозяин делал все возможное, чтобы облегчить мои страдания. Как раз в это время в Бомбее начали практиковать несколько врачей-евреев, бежавших из Германии после прихода к власти Гитлера. Один из них бывал в доме Бирла и, когда я заболел, начал лечить меня. Бомбейские врачи были оскорблены тем, что немецкого врача предпочли местным. Когда мы услышали об этом, мы пригласили местных врачей. Один из них, д-р М. Д. Д. Гилдер, являвшийся членом бомбейского правительства, начал меня лечить. Однако мне ничто не помогало, и по совету Гандиджи я уехал с ним в Вардху. Перемена обстановки не улучшила моего состояния. Я написал д-ру Баннерджи и д-ру Сарану, прося их приехать в Вардху. Приехать смог только Баннерджи, которого сопровождал д-р Дамодар Прасад. Их лечение оказало немедленное действие, и я начал поправляться.

В Бомбее я услышал о печальных делах, творившихся в правительстве Центральных провинций. Правительство раздирали внутренние распри, и Парламентский совет решил заняться

этим вопросом. Сардар Патель и маулана Азад отправились в Пачмархи — летнюю резиденцию правительства. Я был прикован к постели и не мог их сопровождать. Наиболее серьезные разногласия в правительстве были между главным министром д-ром Н. Б. Кхаре и членом кабинета Д. П. Мишрой. До образования конгрессиетского правительства в том районе провинции, население которого говорит на языке хинди, существовали две группировки, одну из которых возглавлял Д. П. Мишра, а другую — Рави Шанкар Шукла. Лидер конгрессиетской фракции мог быть избран лишь при полной поддержке членов организации, говорящих на языке хинди.

Накануне выборов в Законодательное собрание Центральных провинций Мишра оказался вовлеченным в одно судебное дело. Он ушел со всех постов в Конгрессе, пока суд не снимет с него все обвинения. По окончании выборов д-р Кхаре был избран — в основном благодаря поддержке Д. П. Мишры — лидером конгрессиетской фракции Законодательного собрания. К тому времени, когда губернатор предложил д-ру Кхаре сформировать правительство, дело против Мишры было прекращено, ибо власти признали выдвинутые против него обвинения необоснованными. Кхаре ввел Мишру в состав своего кабинета, как и лидера другой группы конгрессиетов, говорящих на языке хинди, — Шуклу. Кхаре и Мишра были большими друзьями, тогда как Мишра и Шукла считались соперниками. Однако после того как правительство было сформировано, Шукла и Мишра нашли общий язык и стали все больше сближаться, в то время как между этими двумя деятелями, с одной стороны, и д-ром Кхаре — с другой, наметились расхождения. Кхаре начал жаловаться на Мишру, а Мишра нападал на Кхаре.

Сардар Патель и маулана Азад, прибыв в Пачмархи, рассмотрели их жалобы и как-то уладили конфликт. Договорились, что Кхаре и Мишра впредь будут работать дружно. Однако компромисс оказался недолговечным, и вскоре вопрос снова стал весьма острым. Д-р Кхаре был настолько настроен против Мишры, что начал прибегать к всевозможным маневрам, дабы вывести его из состава кабинета. Между тем Мишра и Шукла стали большими друзьями. В конце концов мы узнали, что д-р Кхаре намеревается изгнать их обоих из правительства. Все старания предотвратить кризис оказались тщетными, и тогда Парламентский совет и Рабочий комитет Конгресса решили собраться в Вардхе. В это время я как раз находился там. Я узнал, что накануне заседания Парламентского совета и Рабочего комитета д-р Кхаре пытался заручиться поддержкой губернатора, с тем чтобы произвести изменения в составе своего правительства. В ночь перед заседанием Рабочего комитета я

написал Кхаре письмо, призывая его отказаться от своего намерения, однако в ту же ночь, еще до получения моего письма, Кхаре представил губернатору заявление об отставке правительства. Губернатор принял отставку и поручил Кхаре сформировать новое правительство, что тот и сделал, не включив в состав нового кабинета ни Мишру, ни Шуклу. Все это было сделано в такой тайне, что даже я, несмотря на свою близость с Кхаре, узнал об этом только после того, как смена правительства состоялась.

Когда на следующее утро в Вардхе собрались Рабочий комитет Конгресса и Парламентский совет, они оказались перед совершившимся фактом. Парламентский совет был глубоко возмущен поступком Кхаре и потребовал от обеих сторон объяснений. В Вардху прибыл также председатель Конгресса Субхас Бос, и участники спора должны были изложить ему свою позицию. Парламентский совет твердо стоял на той точке зрения, что формирование нового правительства накануне заседания Парламентского совета и Рабочего комитета — поступок вызывающий. Членам вновь созданного кабинета было предложено немедленно подать в отставку. Прения затянулись далеко за полночь; когда решение было, наконец, принято, д-р Кхаре позвонил губернатору по телефону и сообщил ему о своем намерении уйти в отставку. На следующее утро он подал заявление об отставке от своего собственного имени и от имени своих коллег. В Вардхе было созвано собрание членов конгрессистской фракции Законодательного собрания Центральных провинций для выборов нового лидера. Д-р Кхаре на собрание не явился, и лидером был избран Шукла. Когда Шукла сформировал новое правительство, он ввел в него Мишру, но не включил Кхаре.

Эти события нарушили безмятежное течение политической жизни в Центральных провинциях. Д-р Кхаре был крайне недоволен оборотом дела и поносил не только Парламентский совет, но и самого Гандиджи. Инцидент приобрел характер конфликта между маратхом и представителями немаратхского населения, ибо Кхаре — брахман из Махараштры, тогда как Шукла и Мишра — говорящие на языке хинди брахманы родом из *Канья Кубджа*. В течение некоторого времени Конгрессу угрожал раскол. Кто-то распространил печатную брошюру, в которой поступок Кхаре оправдывался, а действия Парламентского совета осуждались. Тогда Субхас Бос, находившийся в то время в Вардхе, выехал в Нагпур, где написал подробное заявление, опровергавшее эти обвинения. Заявление было отпечатано в типографии и распространено во время заседания Всеиндийского комитета Конгресса в Нагпуре. Всесто-

ронне обсудив этот инцидент, ВИКК исключил д-ра Кхаре из партии.

Я был очень близок с Кхаре. Наша дружба началась в 1934 году. Тогда он был решительным сторонником Конгресса и выступал на выборах в Центральное законодательное собрание против д-ра Мунджи. После смерти Абхаянкара его стали считать лидером района Центральных провинций, население которого говорит на языке маратхи. Кхаре был со всеми в хороших отношениях. Во время выборов в законодательное собрание Парламентский совет совещался с ним по всем вопросам, и, когда пришло время формировать правительство, на него, естественно, смотрели как на лидера. Парламентский совет относился к нему с полным доверием. Когда я в качестве председателя Конгресса объезжал Центральные провинции, он сопровождал меня на протяжении всей поездки. И странно было, что сейчас он повел себя подобным образом. То, что такой способный человек, как Кхаре, стал противником Конгресса, было, конечно, весьма огорчительно. После исключения его из партии он считал своим долгом порочить Конгресс при каждом удобном случае: публиковал всевозможные заявления и говорил о Конгрессе такие вещи, которые, пожалуй, постеснялись бы выговорить его самые ярые хулители. Решение, принятое нами, имело единственной целью поддержать дисциплину и репутацию Конгресса.

В это время как будто бы появились шансы сформировать конгрессистский кабинет в Ассаме, где правительство было создано разношерстной группой неконгрессистских элементов. В Ассамском законодательном собрании, помимо индусов и мусульман, имелось довольно много представителей европейцев и местных племен. В немусульманских куриях Конгресс добился большого успеха и оказался в результате выборов крупнейшей партией Законодательного собрания. Однако он не располагал большинством, и в апреле 1937 года неконгрессистские элементы объединились и сформировали правительство. Этот искусственный и непрочный орган просуществовал немногим более года, а в конце 1938 года некоторые члены правительственной партии перешли на сторону Конгресса, и появились вполне реальные шансы на создание конгрессистского правительства. Конгрессистская фракция в Ассамском законодательном собрании запросила мнение Парламентского совета по этому вопросу.

В Ассам выехал председатель Конгресса Бос в сопровождении маулана Азада. После переговоров в Шиллонге Субхас Бос решительно высказался за создание правительства, однако маулана Азад был против этого. Они снеслись с сардаром Пателем

и со мной по телефону. Я стоял на той же точке зрения, что и маулана Азад, считая, что в провинциях, где Конгресс не располагает абсолютным большинством, он не может с успехом выступать в роли правящей партии, так как ему придется во всех важных вопросах зависеть от поддержки других групп. Благодаря тому что в Ориссе Конгресс обладал большинством, он сумел воспрепятствовать назначению сэра Джона Дэйна губернатором. Сомнительно, чтобы предполагаемое конгрессистское правительство в Ассаме смогло в важных случаях действовать подобным образом. Это правительство могло бы заниматься лишь текущими делами, но не было бы в состоянии осуществлять политическую линию Конгресса, намеченную в предвыборном манифесте. Я заявил, что Конгресс не может просто назначать своих людей на министерские посты — он может формировать правительства лишь на основе определенных принципов. Однако Субхас Бос утверждал, что, когда Конгресс сформирует правительство, конгрессистская фракция в Законодательном собрании Ассамы станет более многочисленной. Сардар Патель также поддержал эту точку зрения, и верховное руководство Конгресса дало свою санкцию на формирование конгрессистского правительства в Ассаме. Вскоре после этого новое правительство приступило к исполнению своих обязанностей.

Как уже было упомянуто выше, в Ориссе старшим чиновником гражданской службы был Дэйн. Когда губернатор Ориссы должен был уйти на несколько месяцев в отпуск, Дэйн был назначен исполняющим обязанности губернатора. Конгрессистское правительство заявило протест против этого на том основании, что назначение чиновника, подчиненного правительству, на губернаторский пост, с которого он через несколько месяцев может быть возвращен на прежнюю должность, затруднит нормальную работу административного аппарата. Не следует ставить подчиненного на короткий срок над правительством. Если это войдет в практику, правительству будет нелегко держать в руках подчиненных ему чиновников. Правительство пригрозило подать в отставку, если Дэйн будет назначен исполняющим обязанности губернатора. На этот раз губернатор Ориссы не пошел в отпуск. Впоследствии, когда губернатор той или иной провинции уезжал в отпуск, старшего чиновника гражданской службы этой провинции не назначали исполняющим обязанности губернатора.

ДО И ПОСЛЕ ТРИПУРСКОЙ СЕССИИ КОНГРЕССА

Заседание Всеиндийского комитета Конгресса уже закончилось, но члены Рабочего комитета находились еще в Нагпуре, когда мы узнали о том, что Гитлер собирается напасть на Чехословакию и что Н. Чемберлен направился в Мюнхен для встречи с ним. Мы опасались, что провал миссии Чемберлена может ускорить войну между Англией и Германией. Члены Рабочего комитета задержались, чтобы обсудить вопрос, какую позицию должен занять Конгресс в случае возникновения войны в Европе. Вопрос состоял в том, как может Конгресс, придерживающийся принципа ненасилия, помочь кому-либо в войне, если он исключает для себя всякую возможность насильственных действий. Однако одновременно нам приходилось задумываться и над тем, что конгрессистские правительства не смогли в своей административной деятельности исходить исключительно из принципа ахимсы — иной раз они прибегали к оружию для подавления беспорядков. Полиция и тюрьмы оставались в целости и сохранности. Над центральным правительственным аппаратом Конгресс не имел власти, но он никогда не выступал по идеологическим соображениям против сохранения армии. В случае возникновения войны Конгресс мог оказаться вовлеченным в конфликт.

При обсуждении этих вопросов мы имели возможность консультироваться с Гандиджи. К сожалению, взгляды Джавахарлала Неру мы выяснить не могли, так как он находился в это время в Европе. Когда Рабочий комитет решил разработать директиву для конгрессистских правительств, оказалось, что у членов комитета нет единого мнения по обсуждаемому вопросу. Позиция председателя Конгресса оставалась для нас неясной, и мы не знали, какую директиву он намеревается издать. Пока мы искали выход из этого затруднительного положения, пришло радостное известие, что Англия и Франция достигли соглашения с Гитлером и что война предотвращена.

Приближались выборы делегатов на сессию Конгресса и членов ВИКК, и нам следовало подумать о кандидатуре председателя очередной сессии, которая должна была состояться в Трипуре, близ Джаббалпура, в марте 1939 года. Многие поддерживали кандидатуру маулана Азада, но некоторые как будто предпочитали вторично избрать на этот пост Субхас Боса. Последний, по-видимому, и сам хотел быть переизбранным на второй срок, однако он никогда не говорил Рабочему комитету об этом своем желании. Бос был единогласно избран председателем сессии Конгресса в Харипуре по инициативе самого Гандиджи, и если бы он на этот раз сообщил Гандиджи и всем нам о своем желании, мы, может быть, как-нибудь уладили бы этот вопрос. Но он и его сторонники не сочли нужным этого сделать, и в Конгрессе наметилась трещина.

Когда Рабочий комитет собрался затем в Бардоли, где Гандиджи обычно проводил один из зимних месяцев, мы снова в неофициальном порядке обсудили вопрос и пришли к единодушному мнению, что председателем следует избрать маулана Азада. Маулана Азад дал свое согласие, но Субхас Босу никто ничего не сообщил. Сам Бос тоже никогда не затрагивал этой темы, но мы слышали, что всюду, где бы он ни появлялся, он призывал поддержать его собственную кандидатуру. Спустя некоторое время маулана Азад изменил свое решение и сообщил об этом Гандиджи. Я был в Патне, когда пришла телеграмма от сардара Пателя, в которой сообщалось, что предполагается выдвинуть на пост председателя сессии Конгресса д-ра Паттабхи Ситарамая и что я должен присоединиться к подписавшим заявление в поддержку этой кандидатуры. Мы одобрили это назначение. Таким образом борьба должна была развернуться между Субхас Босом и Ситарамая.

Обычно мы выдвигали нескольких кандидатов на пост председателя, из которых избирался один, но острой борьбы между кандидатами не было уже на протяжении нескольких лет. Провинциальные комитеты Конгресса словно каким-то чутьем предугадывали, кто из кандидатов будет поддержан большинством, и именно его выдвигали, и обычно он единогласно избирался. Однако на этот раз выборы обещали быть совсем не такими, как прежде. Очевидно, предстояла острая борьба между теми, кто разделял идеи Гандиджи, и теми, кому они были чужды. Хотя Гандиджи и вышел из Конгресса, к нему обращались за советом почти по всем важным вопросам. Всякий раз, сталкиваясь с какими-либо трудностями, мы, естественно, обращались к нему, и он разрешал все наши проблемы. Теперь, по-видимому, положение могло измениться и пост председателя Конгресса мог занять человек, который разработает свою собст-

венную программу и поведет партию за собой. Хотя такие мысли приходили в голову многим, открыто никто об этом не говорил. Гандиджи хранил молчание и не делал никаких заявлений по поводу выборов. Мы не сомневались, что, если бы маулана Азад согласился выдвинуть свою кандидатуру, он был бы избран подавляющим большинством голосов, так как рядовые конгрессисты его любили и не хотели порывать с гандистской программой. А в Ситарамая они не способны были увидеть представителя Гандиджи, а потому на выборах победил Субхас Бос, получивший значительное большинство.

Накануне заседания Рабочего комитета, которое было созвано в Вардхе, чтобы подготовить проекты резолюций для редакционной комиссии, большинство членов комитета подали заявления об отставке. Мы не разделяли взглядов председателя Рабочего комитета и считали, что лучше предоставить Субхас Босу самому подготовить резолюции, ибо в будущем основное бремя руководства конгрессистской организацией будет лежать на нем и на его сторонниках. Кроме того, мы не хотели стеснять его своим присутствием. Если бы мы, члены Рабочего комитета, стали выступать на сессии против официальных резолюций, это выглядело бы некрасиво. Поэтому мы хотели предоставить Босу свободу действий, с тем чтобы он сформировал свой собственный Рабочий комитет и разработал такие резолюции, какие он и его сторонники готовы поддерживать. Мы считали, что наша позиция отвечает демократическим принципам. К открытию заседания Рабочего комитета мы, его члены, отправились в Вардху. Однако Субхас Бос заболел и не приехал, так что никакого решения относительно нашей отставки принято не было. Мы могли подготовить резолюции для редакционной комиссии в отсутствие Боса, однако считали это неэтичным, а потому отложили заседание Рабочего комитета до Трипурской сессии Конгресса.

Гандиджи не мог присутствовать на сессии, так как находился в это время в Раджкоте, где объявил голодовку в знак протеста против нарушения властями этого княжества соглашения с народом. Между населением и правителями княжеств полуострова Катхиавар с некоторых пор начались конфликты. Конгресс в целом не вмешивался в дела княжеств, но отдельные конгрессисты интересовались борьбой народов княжеств. Джавахарлал Неру и Паттабхи Ситарамая были председателями *Конференции народов княжеств*. Сардар Патель вмешался в конфликт между населением княжества Раджкот (одного из княжеств Катхиавара) и его правителем. В конце концов было достигнуто соглашение, которое поддержал и Махатма. Однако спустя некоторое время правитель и администрация княжества нарушили условия соглашения. Огорченный таким оборотом со-

бытий, Гандиджи отправился в Раджкот, чтобы убедить власти выполнить условия соглашения, а когда это ему не удалось, объявил бессрочную голодовку.

В Трипуре на сессии Конгресса господствовала атмосфера напряженности и неопределенности. Во время выборов председателя Конгресса обнаружилась трещина в партии, грозившая серьезным расколом. Сторонники Боса были раздосадованы отставкой Рабочего комитета и утверждали, что мы вышли в отставку только для того, чтобы поставить их в трудное положение. Мы со своей стороны доказывали, что они должны приветствовать нашу отставку и взять на себя ответственность за разработку политики и программы Конгресса, если они действительно ведут за собой большинство, как это можно было заключить по результатам выборов председателя. Нам было бы трудно работать вместе с ними в силу различия наших взглядов по многим вопросам. Ведь если бы между нами не было разногласий, они не стали бы поддерживать кандидатуру Субхас Боса. Если же они сомневаются в том, что большинство действительно их поддерживает, и полагают, что люди отдавали за них голоса по неведению или какой-либо иной причине, в таком случае выборы не имеют никакого значения и являются не более как фарсом. Наша отставка имела целью разъяснить нашу позицию и предотвратить такое положение, при котором программа разрабатывалась бы сторонниками Боса, а ответственность за ее осуществление лежала бы на нас. Однако из-за болезни председателя Рабочего комитета наша отставка не могла быть принята, и к открытию Трипурской сессии Конгресса комитет оставался в прежнем составе.

Отсутствие единства среди деятелей Конгресса породило неразбериху и споры, наблюдавшиеся как до сессии, так и на самой сессии. Тем не менее Организационный комитет провел большую работу по подготовке встречи председателя Конгресса и созданию необходимых удобств для делегатов. Для торжественной процессии в честь председателя из соседних княжеств пригнали слонов — ровно столько, сколько лет насчитывалось Конгрессу. Для председателя был разбит отдельный лагерь, где могло разместиться много народу. Рабочий комитет помещался в другом месте, а делегаты из провинций жили в отдельных лагерях, которые стали центрами ожесточенных споров.

Поскольку вновь избранный председатель Конгресса был болен, а партию раздирали внутренние противоречия, Рабочий комитет не мог провести официальное заседание. Мы снова попытались настоять на том, чтобы председатель назначил новый Рабочий комитет и мы могли присутствовать на сессии в качестве независимых делегатов. Однако нам не удалось этого

добиться. Мы не могли себе представить, в чем заключается программа председателя, а те немногие пункты, которые мы знали, были для нас неприемлемы. Исходя из всего этого, Рабочий комитет подготовил резолюцию, в которой давалась характеристика сложившейся ситуации и указывалось, что председатель Конгресса имеет полную возможность сформировать свой собственный Рабочий комитет и представить свою программу на одобрение сессии. Если же председатель не согласится на это, заявляли мы, он должен сформировать Рабочий комитет и разработать программу, консультируясь с Гандиджи. Субхас Бос не хотел делать ни того, ни другого, ибо он, по-видимому, понимал, что, хотя он и был избран большинством голосов, шансы на то, что его программа будет одобрена сессией, весьма сомнительны. Ему оставалось одно — либо принять программу Гандиджи, либо отказаться от поста председателя Конгресса. Но он не желал ни того, ни другого, а хотел, чтобы мы взяли на себя ответственность за его программу. Некоторые из нас беседовали с ним, но ничего не добились. В конце концов мы решили представить нашу резолюцию на рассмотрение редакционной комиссии сессии.

Большого председателя Конгресса кое-как доставили на заседание редакционной комиссии. Он лежал на возвышении для президиума; за ним ухаживали мать и несколько родственников; тут же находились его брат д-р Сунил Бос и еще несколько врачей. Субхас Бос произнес короткую речь, в которой разъяснил свои взгляды. Мы внесли свою резолюцию, которая была одобрена большинством голосов. На этом заседании стало ясно, что Бос не будет располагать поддержкой большинства в редакционной комиссии, состоявшей из членов Всеиндийского комитета Конгресса, и что ему придется приноравливаться к ним, пока не будут проведены выборы и образован новый Всеиндийский комитет. Что же касается пленарной сессии, то, хотя мы и считали, что большинство делегатов нас поддержит, мы не могли быть в этом уверены, пока сессия не началась. На обсуждение сессии должны были быть представлены две резолюции — резолюция председателя и наша.

Сессия начала свою работу в атмосфере тревожного ожидания. Так как новый председатель Конгресса — который, как все знали, был нездоров — долго не появлялся, маулана Азада попросили временно исполнять его обязанности. Кто-то зачитал речь председателя. Вначале некоторые конгрессисты возражали против того, чтобы в отсутствие председателя выносить на обсуждение сессии резолюции, однако вряд ли было правильно откладывать сессию, на которую люди съехались со всех концов страны. Маулана Азад объявил, что резолюции могут предла-

гаться, а обсуждение их состоится на следующий день, когда Субхас Бос, возможно, будет в состоянии присутствовать на заседании. Тут какие-то личности внезапно подняли крик. Их было немного, но и маленькая кучка людей может сорвать большое собрание. Джавахарлал Неру подошел к краю помоста, на котором помещался президиум, и призвал аудиторию соблюдать тишину. Но все было тщетно: крики становились все громче и слышались все ближе и ближе. Джавахарлал продолжал призывать пятидесятитысячное собрание к порядку. Большинство подчинилось, и когда подрывные элементы, составлявшие ничтожную кучку, приблизились к помосту, их легко было отличить от остальной массы. В конце концов они тоже успокоились, и программа дня была успешно завершена.

Резолюции были оглашены, но обсуждение и голосование их перенесли на следующий день. По-видимому, беспорядок, возникший на заседании, произвел неприятное впечатление на делегатов и гостей. Выходка этих людей, пытавшихся завоевать симпатии аудитории, сыграла роль бумеранга и нанесла ущерб им самим. На следующий день пленарное заседание сессии проходило не в главном павильоне, а в шатре редакционной комиссии; чтобы облегчить подсчет голосов, на заседание были допущены только делегаты. Состоялись прения по обеим резолюциям, и, когда было проведено голосование, наша резолюция была принята подавляющим большинством голосов. После этого предлагались резолюции, не вызывавшие споров. Все они были утверждены, и на этом сессия закончила свою работу.

Однако после сессии озлобление и взаимное раздражение только усилились. Мы не решили ни одного важного вопроса, а только вынесли свои внутренние распри на публику. Резолюция, предложенная председателем, была отвергнута, а резолюцию, не получившую его поддержки, сессия приняла. «Что же будет дальше?» — спрашивали мы себя. Если председатель захочет выполнить принятую резолюцию, ему придется сформировать Рабочий комитет с учетом мнения Гандиджи. Поскольку Субхас Бос продолжал болеть, по окончании сессии состав Рабочего комитета не был объявлен, как это делалось обычно.

Субхас Бос, видимо, не был склонен проводить в жизнь резолюцию сессии, а состояние его здоровья не позволяло нам обсуждать с ним эти вопросы. Я встретился с ним в шахтерском поселке Джхамаду, близ Джхарии, где он поправлялся после болезни под присмотром своего брата, но мы совершенно не касались в разговоре проблем, стоявших перед Конгрессом. Дела Конгресса обстояли скверно. Спустя некоторое время Бос созвал в Калькутте заседание ВИКК. Гандиджи прибыл в это время в

Калькутту, но не присутствовал на заседании; все время, пока мы были в городе, он находился в Сонеपुरе.

Первое заседание Всеиндийского комитета Конгресса, на котором Бос не присутствовал, закончилось, не приняв никаких конкретных решений, однако на этом заседании стало совершенно ясно, что председатель Конгресса не пользуется доверием ВИКК. Когда пандит Пант, огласивший в Трипуре нашу резолюцию, выходил вместе с Бхулабхаи Десаи из пандала, на них напали сторонники враждебной нам группировки; Ачарию Крипалани тоже окружила толпа, угрожавшая ему расправой. Когда весть об этом нападении на лидеров Конгресса разнеслась по городу, жители пришли в ярость, и атмосфера сильно накалилась. Опасались, что на заседании, которое должно было состояться на следующий день, произойдут беспорядки, и Джавахарлал Неру ходил по городу и успокаивал людей, так что в конце концов нам удалось овладеть положением.

Так как Субхас Бос явно не мог больше оставаться на своем посту, мы начали подыскивать ему преемника. В сардаре Пателе Босу и другим лицам не нравилась его грубая откровенность. А Джавахарлал, недовольный общим положением дел, не хотел занять пост председателя. С маулана Азадом, чья кандидатура была бы наиболее подходящей, на вокзале в Аллахабаде произошел несчастный случай — он сломал ногу, а потому его нельзя было обременять серьезными обязанностями. Да он и не хотел такой чести. Предложили мою кандидатуру. Я не желал занимать председательский пост по двум причинам: во-первых, по складу своего характера я принадлежу к тем, кто старается держаться в стороне от всяких споров, а, во-вторых, следующая сессия Конгресса должна была проходить в Бихаре, и, если бы мне пришлось заниматься общеиндийскими вопросами, я не смог бы посвятить себя подготовке к этой сессии. Я считал, что не смогу, заняв председательский пост, исправить положение дел и что разброд в Конгрессе прекратится только тогда, когда будут проведены выборы нового председателя. Однако Гандиджи приказал мне взять на себя обязанности председателя, и мне пришлось отказаться от всех своих доводов.

На следующий день Субхас Бос подал заявление об отставке с поста председателя Конгресса. Всеиндийский комитет Конгресса принял его отставку и назначил председателем меня. Когда на заседании ВИКК я встал, чтобы сказать несколько слов, из одного конца пандала послышались крики. Я спокойно выждал, пока шум прекратился. После этого заседание протекало нормально, и вечером ВИКК закончил свою работу. По окончании заседания несколько человек вызвались проводить меня до моей резиденции. По пути кое-кто из этих лю-

дей — очевидно, те, кто сочувствовал группе Боса, — по-видимому, решил как-нибудь досадить мне, но они отважились только на то, что дергали меня за пиджак. Я отделался несколькими оторванными пуговицами и благополучно прибыл домой. Об этом инциденте я не рассказал никому, опасаясь, как бы это еще больше не накалило атмосферу. Уезжая в тот вечер в Патну, я узнал на вокзале, что какие-то негодяи устроили демонстрацию перед домом д-ра Б. Ч. Роя, потом ворвались внутрь и переломали мебель. Я ввел д-ра Роя и д-ра П. Ч. Гхоша в новый Рабочий комитет, состав которого объявил на следующий день. Джавахарлал Неру не захотел войти в него, но обещал новому комитету свое сотрудничество.

Вернувшись из Трипуры, я вместе с несколькими другими бихарскими деятелями начал подыскивать место для проведения следующей сессии Конгресса. Поскольку было решено проводить сессии в сельской местности, я вначале остановил свой выбор на деревне Сонепур в Северном Бихаре, где сходятся границы трех округов и где ежегодно в ноябре в праздник *Картики пурнима* устраивается одна из крупнейших в Индии ярмарок; на этой ярмарке выставляются на продажу тысячи голов скота. Здесь есть несколько колодцев, так что водоснабжение было бы обеспечено. Я считал, что, когда ярмарка закончится, мы сможем очень дешево купить бамбук и другие строительные материалы для нужд сессии Конгресса, которая откроется тремя месяцами позже. В прошлом две сессии Конгресса состоялись в Южном Бихаре, в Патне и Гае, а потому я считал, что на этот раз нужно оказать эту честь Северному Бихару, население которого твердо поддерживало нашу партию.

Надо было, однако, подумать и о других возможных местах и выбрать наилучшее. Мы стали объезжать провинцию в поисках наиболее подходящего места. По моему приглашению, в этих поисках к нам присоединился Рамдас Гулати, инженер, который жил вместе с Гандиджи в Севаграме и принимал деятельное участие в строительных работах в Харипуре и Трипуре. Мы побывали в Раджгрихе (округ Патна), древнем поселке, с которым связано много исторических ассоциаций. Он находился в здоровой и красивой местности, но туда было трудно добираться и там было плохо с водой. Мы наметили было другой пункт — Пхулвари Шариф, неподалеку от Патны, однако он находился слишком близко от столицы провинции, что лишало его самостоятельного значения, и к тому же там не было необходимых удобств.

В конце концов мы остановили свой выбор на Рамгархе (Хазарибагский округ). Жители Чхота-Нагпура, в частности Рамнараян Синг, старейший конгрессист из Хазарибага, всегда

обвиняли нас в том, что мы не уделяем внимания Чхота-Нагпуру. Они хотели, чтобы на этот раз мы провели сессию в их районе. Рамдас Гулати тоже стоял за Рамгарх, и мы решили провести сессию здесь. В этой местности здоровый климат. Мы были уверены, что эта сессия, которая будет проходить среди лесов, на берегу реки Дамодар, явится небывалой в истории Конгресса. Сам участок, где должны были разместиться постройки, был покрыт кустарником, который надо было вырубить. Я поручил эту работу Амбика Кант Синхе. Он оставался в этом районе до самого конца и потрудился весьма усердно. Рамдас Гулати составил проект всех подготовительных работ. Я поселился на некоторое время в Ранчи, в тридцати милях от Рамгарха, и часто наезжал в Рамгарх, чтобы знать, как идет строительство. Затем я отправился в поездку по провинции с целью собрать деньги на проведение сессии.

НЕПРИЯТНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

Поскольку в Калькутте мы не смогли заняться обычными делами, через несколько дней после калькуттского заседания Всеиндийского комитета Конгресса в Бомбее было созвано новое заседание. Необходимо было разрешить один важный вопрос. Дело в том, что с некоторых пор в деятельности конгрессиистских правительств возникли осложнения, источник которых крылся внутри Конгресса, а не вне его. Некоторые конгрессиисты, недовольные по той или иной причине конгрессиистскими правительствами, жаловались на них и мешали им работать. Правительства руководствовались в своей деятельности директивами партии, и Парламентский совет никогда не вмешивался в их решения, а лишь следил за тем, чтобы они проводили политическую линию Конгресса и выполняли предвыборные обещания партии. И конгрессиистские правительства действительно стремились осуществить цели, провозглашенные партией во время выборов. Тем не менее часть конгрессиистов систематически пыталась ставить им палки в колеса.

Оппозиция со стороны врагов Конгресса была бы понятной, так же как и подлинные разногласия между конгрессиистами и правительствами, которые можно было уладить (надо сказать, что правительства всячески стремились урегулировать подобные разногласия), но здесь налицо было нечто совсем другое, чего никак не могли понять настоящие конгрессиисты и что крайне их огорчало, а именно — организованная оппозиция внутри Конгресса в отношении правительств.

Эту оппозицию поддерживали конгрессиисты-раскольники, которые были взбешены резолюцией пандита Панта, принятой на сессии в Трипуре и предлагавшей Субхас Босу сформировать Рабочий комитет при консультации с Гандиджи, если он не желает брать ответственность на себя. Эти раскольники играли на том, что пандит Пант был главным министром правительства Соединенных провинций; они голословно утверждали, будто конгрессиистские правительства были настроены против Субхас

Боса и использовали свое влияние, чтобы добиться принятия нашей резолюции в Трипуре. Таким образом была предпринята организованная попытка дискредитировать правительства. К этой группе примкнули недовольные элементы вроде д-ра Кхаре и его коллег, которые были введены из правительства Соединенных провинций. Они пытались мстить правительствам за все то, что делали и чего не делали конгрессисты вроде нас, вовсе не входившие в правительства.

Действовать непосредственно против нас Кхаре и его коллегам было трудно, правительства же представляли собой удобную мишень, ибо они всегда что-то делали, и найти к чему придраться в их решениях ничего не стоило. Заслуживающие внимания жалобы должны были направляться в провинциальные комитеты Конгресса, Парламентский совет, Рабочий комитет и, если необходимо, во Всеиндийский комитет, где в отношении допустивших ошибку министров или правительств были бы приняты меры. Со стороны конгрессистов было крайне неэтично выступать открыто и дискредитировать правительства в глазах народа. Но именно к этому и стремились раскольники, и ВИКК не мог не обратить на это внимания.

На бомбейском заседании Всеиндийского комитета была внесена резолюция, предлагавшая конгрессистам прекратить нападки на правительства. Субхас Бос и его сторонники выступили против этой резолюции, но большинство членов комитета ее поддержало, и она была принята. Мы надеялись, что резолюция умиротворит пыл этих людей, но ошиблись: они еще больше усилили свою вредную оппозиционную деятельность, и мы были вынуждены принять дисциплинарные меры против Боса.

Спустя несколько дней Бос, открыто попирая мнение большинства Конгресса, объявил, что он намерен организовать по всей стране демонстрацию протеста против решения Всеиндийского комитета. Я как председатель Конгресса послал ему телеграмму, в которой призывал его отказаться от подобных действий. Но он ничего не хотел слушать и продолжал свои приготовления. В нескольких местах были проведены демонстрации, в которых участвовали деятели Конгресса. Конгресс не мог мириться с подобным открытым неповиновением его директивам. В конце концов единственный демократический метод разрешения любых разногласий — это метод голосования, и когда большинством вынесено определенное решение, его необходимо уважать; нельзя действовать наперекор ему. Демонстранты нарушили решение большинства открыто, несмотря на предупреждения, и это неизбежно должно было нанести ущерб престижу Конгресса. Поэтому мы не могли не принять мер против нарушителей.

Рабочий комитет созвал заседание и предложил Субхас Босу объяснить свои действия. Бос на заседание не явился, но прислал письменное объяснение, в котором оправдывал свое поведение. Ввиду этого комитет вынужден был признать справедливым применение дисциплинарных мер против него. Нелегко было принимать подобные меры против такого видного лидера Конгресса, как Бос. Он дважды избирался председателем Конгресса; его патриотизм, искренность и самоотверженность не подлежали сомнению. Как можно было наказывать такого человека? Большинству из нас мысль об этом внушала ужас. Что касается меня лично, то я всегда был к нему расположен, а с братом его Сарат Босом, учившимся вместе со мной в Колледже Калькуттского президентства и жившим в том же общежитии, мы были добрыми друзьями. Но сейчас речь шла не о личных симпатиях или антипатиях — это был вопрос долга: надо было решить, может ли Конгресс оставаться спокойным, когда наносится ущерб его престижу. Мы были вынуждены исключить Субхас Боса из Конгресса. Что же касается других конгрессистов, действовавших заодно с ним, то вопрос о них был передан на усмотрение провинциальных комитетов Конгресса.

Еще со времени Трипурской сессии Конгресса Субхас Бос подумывал о создании новой партии под названием «Форвард блок». Когда его исключили из Конгресса, он целиком посвятил себя делу организации этой партии. После того как провинциальные комитеты Конгресса приняли меры и против других конгрессистов — сторонников Боса, последние примкнули к «Форвард блоку», который начал открыто выступать против Конгресса.

Конгрессу пришлось заниматься разрешением еще двух конфликтов. Это был самый неприятный период за все время моего вторичного пребывания на посту председателя Конгресса. Начали поступать жалобы на орисское правительство. В свое время, когда мы с сардаром Пателем были в Каттаке, мы пытались примирить враждующие группировки в конгрессистской фракции Законодательного собрания Ориссы, однако наши усилия не увенчались успехом. Впоследствии этим вопросом пришлось заняться Парламентскому совету. Председатель совета сардар Пател потребовал представить жалобы в письменном виде, заявив, что, если в результате расследования они подтвердятся, меры будут приняты против правительства, в противном же случае — против жалобщиков. Несколько ранее, когда Субхас Бос был еще председателем Конгресса, он поручил мне расследовать некоторые жалобы. Я несколько раз ездил в Ориссу, где мне пришлось перевернуть груды бумаг, выслушать

обе стороны и зафиксировать показания свидетелей. К тому времени, когда я закончил составление своего доклада, представлявшего собой беспристрастное заключение, Субхас Бос подал в отставку. Теперь этот доклад поступил на рассмотрение Парламентского совета и Рабочего комитета. Основные жалобы оказались необоснованными, и было решено принять меры против жалобщика. Однако он принес извинения, и наказание было отменено. Зато теперь обнаружилось, кто стоял за спиной жалобщика.

Среди недовольных конгрессистов, выступавших против правительства Ориссы, главную роль играли пандит Нилакантх Дас и Годавари Мисра. Оба они с самого начала были противниками главного министра Бисванатх Даса. Оба были членами Конгресса с 1920 года и пользовались всеобщим уважением в Ориссе. Нилакантх Дас, являвшийся во время выборов 1937 года членом Центрального законодательного собрания, не баллотировался в провинциальное Законодательное собрание, но он претендовал на пост лидера. Годавари Мисра был избран в Законодательное собрание Ориссы. Когда попытки Нилакантх Даса занять пост главного министра потерпели неудачу, он начал выступать против Бисванатх Даса, пытаясь бросить тень на его честность и моральные качества. Это возмутило сардара Пателя, который решил предостеречь жалобщиков об ответственности, прежде чем заняться расследованием их жалоб.

Когда планы пандита Нилакантх Даса дали осечку, он объединился с Субхас Босом после исключения того из Конгресса. Его деятельность в Центральном законодательном собрании, куда он был избран по конгрессистскому списку, становилась все более и более враждебной Конгрессу. В конце концов Дас отказался подчиняться дисциплине Конгресса и вышел из партии. После начала войны в Европе, когда конгрессистские правительства ушли в отставку, он и Годавари Мисра настойчиво пытались сформировать правительство. Их жажда власти была столь велика, что, когда их попытки соблазнить конгрессистов — членов Законодательного собрания Ориссы, провалились, они связали свою судьбу с помещиками. Было образовано правительство, в котором пост главного министра занял махараджа Парлакимеди, а один из министерских портфелей достался Годавари Мисре. Им удалось как-то заручиться сотрудничеством отдельных членов Конгресса; нескольких конгрессистов — членов Законодательного собрания Ориссы они бросили в тюрьму и таким образом обеспечили себе большинство в законодательном органе этой провинции.

Второй конфликт, который нам пришлось разбирать, касался Центральных провинций, где также были жалобы на

правительство. В правительстве возникли нелады, главным образом между Шуклой и Д. П. Мишрой, с одной стороны, и д-ром Кхаре — с другой, завершившиеся уходом Кхаре и образованием нового кабинета во главе с Шуклой. Однако и после этого продолжали поступать жалобы на Д. П. Мишру — министра нового правительства. Парламентский совет поручил расследование этих жалоб Бхулабхаи Десаи, однако жалобщики заявили, что они ему не доверяют, и мне пришлось самому взяться за это дело. Я провел тщательное расследование и сообщил свои выводы Рабочему комитету, который их одобрил. Кое-кто из раскольников продолжал требовать изменения моего доклада, но решение было объявлено в печати и вопрос был исчерпан. Дела такого рода занимали почти все мое время, так что в период вторичного пребывания на посту председателя Конгресса у меня не было почти никакой возможности делать что-либо конструктивное. К тому же я утратил почти всякую связь со своей собственной провинцией, хотя мне все же удалось побывать кое-где и собрать средства на проведение сессии Конгресса в Рамгархе.

КОНГРЕСС И МИРОВАЯ ВОЙНА

Я находился в Рамгархе и наблюдал за подготовкой к сессии Конгресса, когда газеты сообщили, что Гитлер вторгся в Польшу. Спустя два дня Англия и Франция объявили войну Германии. Началась мировая война. Английское правительство без консультации с индийскими лидерами объявило Индию воюющей стороной. Джавахарлал Неру находился в то время в Китае. Махатма Ганди встретился с вице-королем лордом Линлитгоу и после беседы с ним сделал заявление, в котором выразил сочувствие Англии и рекомендовал Индии оказать ей безоговорочную помощь. Многие в стране неправильно истолковали это заявление.

В Вардхе было созвано заседание Рабочего комитета для обсуждения создавшегося положения. Я был не совсем здоров, и Гандиджи специально прислал за мной в Рамгарх Махадева Десаи, чтобы тот сопровождал меня в Вардху. Накануне заседания Джавахарлал Неру вернулся из Китая. Нам предстояло решить, какую позицию мы должны занять по вопросу о войне: должен ли Конгресс оказывать содействие военным усилиям, и если да, то должна ли его помощь быть безоговорочной или же ее следует предоставлять на определенных условиях? Каким образом Конгресс, провозгласивший политику ненасилия, может оказывать какую-либо помощь участнику вооруженного конфликта? После многодневных споров Рабочий комитет решил избрать средний путь. Джавахарлал Неру предложил очень умно сформулированную резолюцию: заявляя о своей враждебности нацизму и фашизму, Рабочий комитет осуждал также империализм и требовал, чтобы английское правительство разъяснило цели, которые оно ставит перед собой в войне, чтобы дать возможность Индии добровольно оказать помощь Англии в ее военных усилиях.

Эта недвусмысленная резолюция дала англичанам повод обвинить Гандиджи в том, будто он отказался от своего первоначального заявления. В свою очередь многие конгрессисты

были против предложения Гандиджи об оказании безоговорочной помощи Англии в империалистической войне. В действительности, однако, как те, так и другие были неправы. Гандиджи никогда не имел в виду, что Индия окажет помощь военным усилиям людьми и деньгами. Он считал, что сочувствие зависимой страны, подобной Индии, окажется для англичан чрезвычайно ценным, ибо обеспечит им сочувствие всего мира. Заявление Гандиджи, несомненно, произвело сенсацию в политических кругах, хотя, когда он выступал с ним, он имел в виду лишь нашу моральную поддержку и сочувствие Англии.

На заседании Рабочего комитета стало совершенно ясно, что, хотя Конгресс и придерживается принципа ненасилия, он не может отказать англичанам в помощи и, если обстоятельства этого потребуют, не остановится даже перед тем, чтобы помочь им людьми и оружием. Необходимо сказать об этом со всей четкостью, ибо некоторые англичане, в частности Л. С. Эмери, министр по делам Индии во время войны, вице-король лорд Линлитгоу и некоторые высокопоставленные чиновники правительства Индии, не раз впоследствии заявляли, будто бы Конгресс не поддерживал военные усилия Англии из-за гандистской политики ненасилия. Между тем резолюция Рабочего комитета ясно давала понять, что, если английское правительство сумеет удовлетворительным образом определить свои цели в войне, Конгресс будет вынужден помочь военным усилиям англичан. Многие индийцы, и в том числе конгрессисты, в то время сочувствовали Англии, и, если бы последняя сумела привести какие-то доказательства того, что она действительно борется за демократию, как об этом кричали на всех перекрестках ее руководящие государственные деятели и газеты, вся Индия безоговорочно встала бы на ее защиту.

После того как резолюция была принята, я как председатель Конгресса дважды встречался с лордом Линлитгоу — в первый раз вместе с Джавахарлалом Неру, а во второй — вместе с Гандиджи и Мухаммад Али Джинной. В то время вице-король вел переговоры с представителями всех слоев индийской общественности, стремясь заручиться ее поддержкой в войне. Однако он допустил одну ошибку: как только началась война, вице-король, ни с кем не проконсультировавшись, объявил, что Индия — на стороне Англии в ее войне с Германией. В то время происходила сессия Центрального законодательного собрания и в одиннадцати провинциях у власти находились народные правительства, однако лорд Линлитгоу не считал важным или необходимым поинтересоваться их мнением, как будто бы война совершенно не касалась ни одного человека и ни одной организации в Индии. Рабочий комитет Конгресса,

выражавший мнение различных слоев индийского народа, был возмущен этим поступком вице-короля. При таких обстоятельствах было неуместно, да и невозможно выступать с какими-либо заявлениями, пока англичане не разъяснят свою позицию.

Чтобы умиловить индийские политические партии, лорд Липлитгоу предложил ввести в состав Исполнительного совета при генерал-губернаторе еще двух индийцев, с тем чтобы индийцы имели там большинство, но в то же самое время он решительно заявил, что эти члены Исполнительного совета будут пользоваться такими же правами и привилегиями, какие имели до сих пор прежние члены Совета, иными словами, что они будут не более как главами министерств, лишенными какой бы то ни было самостоятельной власти. Он заявил, что заседания Исполнительного совета созываются для того, чтобы информировать его членов о положении дел в их министерствах и облегчить обсуждение вопросов, но ответственность за принятие решений по всем важным вопросам в конечном счете лежит на вице-короле, который один облечен всей полнотой власти. Вице-король не желал допускать какие бы то ни было конституционные изменения во время войны. Любые предложения, которые он вносил, должны были рассматриваться в рамках Закона об управлении Индией 1935 года.

Конгресс выдвигал два требования: во-первых, помимо разъяснения целей Англии в войне, он хотел, чтобы английское правительство включило в свои послевоенные планы пункт о предоставлении Индии независимости, и, во-вторых, требовал, чтобы индийским представителям были немедленно предоставлены определенные административные полномочия в центральных органах управления, с тем чтобы они могли осуществлять управление страной в соответствии с желаниями населения и были бы в состоянии оказать действительную помощь военным усилиям. Но даже если бы мы и не настаивали на том, чтобы Англия заявила о своем намерении предоставить в будущем Индии независимость, немедленная передача самим индийцам некоторых полномочий была совершенно необходима, чтобы воодушевить индийский народ и побудить его с готовностью оказывать помощь англичанам.

Однако, несмотря на все это, Конгресс никогда не придерживался политики противодействия военным усилиям. Неизменный сторонник демократии и враг империализма, Конгресс хотел, чтобы английский империализм, эволюционируя, превратился в подлинную демократию и чтобы все английские владения и колонии могли стать свободными. Англия, разумеется, никогда не отвергала этот наш идеал, она даже соглашалась с тем, что конечной целью ее политики является предо-

ставление независимости. Но при этом она утверждала, что Индия и другие колонии пока еще не способны управлять собой, а потому она считает своим долгом нести ответственность за руководство этими странами и подготовку их к самоуправлению. Мы, индийцы, не одобряли этой позиции, и в этом заключалась причина нашего конфликта с Англией.

В начале войны было много разговоров о демократии, но Конгресс развенчал претензии Англии, поставив перед ней несколько неприятных вопросов. Наш главный вопрос состоял в следующем: получают ли обещанную демократию также Индия и другие поработанные страны Азии и Африки или же она будет только достоянием англичан и других европейских народов? Если заявление английского правительства относилось в равной мере и к народам Азии и Африки, то мы хотели, чтобы об этом было ясно сказано, чтобы азиатским и африканским народам не только были даны заверения на этот счет, но и переданы некоторые полномочия, что явилось бы практическим подтверждением благих намерений Англии.

В период с октября 1939 по 1942 год Индия и Конгресс не получили удовлетворительного ответа на свои вопросы. Англия пыталась замаскировать свою истинную цель — сохранить в целостности империю. Лорд Линлитгоу не раз делал попытки к примирению, однако его предложения не могли удовлетворить ни одну политическую партию. Чтобы угодить Мусульманской лиге, он объявил, что Закон об управлении Индией 1935 года будет после войны пересмотрен. Конгресс также решительно выступал против закона 1935 года, и по существу ни одна политическая партия, если не считать отдельных либералов и умеренных, не согласилась содействовать его проведению в жизнь. Могло показаться поэтому, что лорд Линлитгоу пытался угодить не только Мусульманской лиге, но и другим партиям. Однако его действия этого не подтверждали. Он просто хотел восстановить другую партию против Конгресса, а затем сослаться на то, что ничего не в состоянии сделать, пока обе партии не смогут выработать общие требования.

Таким образом лорд Линлитгоу хотел показать всему миру, что Англия готова передать власть в руки индийцев, но что они безнадежно разъединены, и это вынуждает англичан сохранять бразды правления в своих руках. Лорд Линлитгоу более или менее успешно вел эту игру на всем протяжении своего пребывания на посту вице-короля.

Убедившись в том, что наши беседы с лордом Линлитгоу не дают никаких результатов, мы созвали в октябре 1939 года заседание Рабочего комитета, чтобы обсудить дальнейшие шаги. Положение конгрессиистских правительств в провинциях стало

невыносимым, и надо было решать, можем ли мы с этим мириться. Вопрос вызвал продолжительные споры. Некоторые конгрессисты высказывались за сохранение в наших руках хотя бы той незначительной власти, которой нам удалось добиться, и выступали против отставки конгрессистских правительств. Эти конгрессисты считали, что, оставаясь у власти в провинциях, Конгресс сможет принести немало пользы народу, — ликвидировать ущерб, причиненный войной, а также максимально использовать выгоды, которые может принести с собой война.

Однако большинство конгрессистов полагало, что, если военная ситуация обострится, центральное правительство будет стремиться захватить как можно больше полномочий, в результате чего провинциальные правительства окажутся совершенно лишены власти. Не было никаких шансов ввести в состав Исполнительного совета при вице-короле влиятельных индийцев, которые защищали бы интересы провинций. Этот орган сам будет бессильным и сможет лишь выполнять волю вице-короля и военного министра. Англия будет ожидать от Индии пожертвований в военный фонд, а, поскольку на добровольные пожертвования рассчитывать не приходится, провинциальные правительства будут поставлены в тяжелое положение: им придется при сборе средств оказывать нажим, что противоречит принципам народного правления. Лучше уйти из провинциальных правительств, чем очутиться в таком невыносимом положении, когда ответственность возложена на Конгресс, но власти у него нет.

Исходя из всех этих соображений, Рабочий комитет решил, что, в случае если ответ английского правительства окажется неудовлетворительным, придется рекомендовать конгрессистским правительствам подать в отставку. Всеиндийский комитет Конгресса, который также собрался в Вардхе, утвердил это решение. Поскольку от вице-короля не было получено удовлетворительного ответа, Рабочий комитет потребовал от провинциальных правительств провести через законодательные собрания резолюции, содержащие требования Конгресса, а затем подать в отставку. В соответствии с этим в ноябре 1939 года все конгрессистские правительства в провинциях ушли в отставку.

Конгресс обладал таким значительным большинством в законодательных собраниях, что ни одна другая партия не могла сформировать правительства. Это было только на руку англичанам, которые могли установить прямой контроль над административными органами и таким образом получить возможность делать все что им вздумается. В соответствии со статьей 93 Закона об управлении Индией 1935 года вице-король взял

управление провинциями в свои руки. Губернаторы, которым были переданы административные функции, были даже уполномочены изменять и отменять существующие законы. Вскоре после начала войны вице-король, ссылаясь на военное время, изменил конституцию 1935 года, чтобы иметь возможность в любое время взять в свои руки управление провинциями. Отставка конгрессиетских правительств лишь облегчила ему эту задачу.

Некоторые считают, что со стороны конгрессиетских правительств было ошибкой уйти в отставку и что, оставшись у власти, они смогли бы предотвратить эксцессы и зверства англичан. Однако эти люди, по-видимому, забывают об условиях действовавшего в то время дополнения к конституции. В тех провинциях, где народные правительства остались у власти, они ничего не могли сделать для предотвращения эксцессов. Наилучшей иллюстрацией этого может служить пример правительства Бенгалии. Губернатор мог по своему усмотрению формировать и смещать кабинеты. Сотни тысяч жителей этой провинции умерли от голода, а правительство не имело никакой возможности ни устранить причины, вызвавшие голод, ни оказать помощь его жертвам, пока в дело не вмешалось центральное правительство. Несмотря на все свои так называемые полномочия, ни Фазлул Хак, ни Кхваджа Назимуд-дин не смогли предотвратить катастрофу. Беспомощность правительств Пенджаба и Синда также стала очевидной, когда центральное правительство заставило их принять меры для установления твердых цен и организации экспорта зерна.

Провинциальные правительства и без того располагали весьма ограниченными полномочиями, а декреты, изданные после начала войны, лишили их даже этих полномочий. Тем самым центральное правительство доказало, что власть провинциальных правительств была иллюзорной и что подлинная власть принадлежит вице-королю. Несмотря на то что правительства Бенгалии, Пенджаба и Синда стояли за поддержку военных усилий, правительство Индии с ними совершенно не считалось. Нет ни малейшего сомнения, что, если бы конгрессиетские правительства остались у власти без надлежащего соглашения между Конгрессом и центральным правительством, им пришлось бы совершать поступки, противоречащие принципам и идеологии Конгресса, и, если бы они не смирились с ролью подневала англичан, им все равно пришлось бы уйти в отставку.

В последние годы войны стало очевидно, что опасения, возникшие у Конгресса в 1939 году, были вполне обоснованными. Черчилль совершенно ясно заявил, что англичане намерены

сохранить то, что они имеют, и что он «стал первым министром короля не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи». Заявления английского премьер-министра и министра по делам Индии Л. С. Эмери не оставляли никаких сомнений относительно намерений английского правительства. Поэтому я убежден, что мы поступили правильно, предложив конгрессистским правительствам подать в отставку. В тогдашних условиях конгрессисты не могли принести никакой пользы на постах министров, и губернаторы попросту использовали бы их как свое орудие для поддержания военных усилий.

Тем не менее нельзя сказать, чтобы я желал поражения Англии в войне. Разумеется, я не мог допустить даже мысли о победе Германии. Германия вторглась в Чехословакию потому, что последняя была слабее ее. В то время Венгрия и Польша не смогли противостоять искушению наброситься на поверженную жертву, чтобы разделить с Германией добычу. Поэтому, когда Польше самой пришлось столкнуться лицом к лицу с гитлеровскими ордами, я на первых порах не мог отделаться от мысли, что поляки лишь пожинают то, что посеяли. Однако, когда затем германская армия одним махом захватила Данию, Норвегию, Голландию и Бельгию, я был глубоко встревожен, ибо Гитлер ясно дал понять, что он не пощадит ни одной слабой страны. Мой гнев на англичан за то, что они лишают Индию прав, несколько смягчился, и я почувствовал, что наш долг — помочь англичанам разгромить Германию и помешать тем самым распространению гангрены.

Эти мысли настолько завладели мной, что я не мог не выступить с заявлением на этот счет. Я уверен, что мои чувства разделяли многие конгрессисты. Несмотря на слабость английского правительства и его несправедливое обращение с Индией, германская агрессия настолько нас потрясла, что все мы на какое-то время забыли о деяниях английских империалистов. Поэтому неверно было бы заявлять, как это делали в то время англичане, что индийский народ радовался бедствиям Англии, считая, что они открывают для него благоприятные возможности.

Когда в июле 1940 года Всеиндийский комитет Конгресса, собравшийся в Бомбее, потребовал от английского правительства в качестве условия своей помощи военным усилиям Англии дать заверение, что после войны Индии будет предоставлена свобода, ни один индиец — я это утверждаю — не чувствовал озлобления против англичан, и огромное большинство индийцев действительно считало своим долгом оказать помощь англичанам. Индийский народ хотел лишь получить некоторую

власть, которая позволила бы ему выполнить свой долг. Без этого невозможно было зажечь в народе энтузиазм.

Предложения ВИКК были приняты вопреки возражениям Гандиджи, а потому он вновь вышел из Конгресса. Когда даже эта резолюция была бесцеремонно отклонена англичанами, Индия тяжело пережила оскорбление, а последующие заявления У. Черчилля и Л. С. Эмери только усилили чувство горечи. Если бы соглашение было достигнуто в то время, бирманская проблема тоже была бы разрешена и, быть может, Япония десять раз подумала бы, прежде чем развязать войну. Если бы Япония была убеждена, что индийцы со всеми их ресурсами — на стороне англичан, она не решилась бы так наброситься на дальневосточные страны и Малайе, Сингапuru и Бирме не пришлось бы пережить того, что выпало на их долю. Я убежден, что за всю свою долгую историю Англия никогда не проявляла такой недалёковидности, как в 1940 году, когда она не приняла руку дружбы, протянутую Конгрессом. Пожалуй, единственным другим примером подобного рода было отклонение ею предложения американских колоний в 1775 году *. Последствия этой недалёковидности были неблагоприятны для Англии, хотя они, несомненно, оказались полезными для всего остального мира.

---

* 10 мая 1775 года Второй континентальный конгресс народов Америки, собравшийся в Филадельфии, потребовал от Англии суверенитета для ее американских колоний. Отказ английского правительства удовлетворить это требование привел к вооруженной борьбе американского народа за независимость и к образованию 4 июля 1776 года Соединенных Штатов Америки.— *Прим. ред.*

*

СЕССИЯ КОНГРЕССА В РАМГАРХЕ

Во время войны сессии Конгресса, созываемые ежегодно, стали проводиться нерегулярно. Однако мы твердо решили созвать Рамгархскую сессию в марте 1940 года. Я не мог уделять много времени подготовительным работам, и за ходом их наблюдал Амбика Кант Синха, остававшийся все это время в Рамгархе. Когда правительства вышли в отставку, к нему на помощь прибыли и другие конгрессисты, в частности Ануграх Нараян Синха, Кришна Баллабх Сахай и Рам Нараян Синха.

В Рамгархе не было недостатка в бамбуке и древесине, рабочей силы тоже было сколько угодно. Поэтому мы быстро справились с расчисткой кустарника и строительством домов. Рамдас Гулати, инженер, руководивший строительством, заболел и вынужден был уехать. К счастью, как раз в это время Рамджи Прасад Варма, ветеран-конгрессист, сидевший в 1930 году в тюрьме за участие в национально-освободительном движении, возвратился из Англии, где он окончил аспирантуру в строительном институте, и эта работа была поручена ему. Были воздвигнуты жилые дома и отдельные пандалы для пленарных заседаний, для Рабочего комитета и редакционной комиссии. Закончены были также работы по устройству электрического освещения.

Те несколько колодцев, что имелись на участке, выбранном для проведения сессии, не могли обеспечить потребности даже небольшой части людей, которые должны были съехаться в Рамгарх. Поэтому мы решили использовать для водоснабжения реку Дамодар, на берегах которой строился Конгресс-нагар. Хотя в период дождей эта река выходит из берегов и производит огромные опустошения в Бихаре и Западной Бенгалии, особенно в округе Бурдван, летом она пересыхает и превращается в небольшой ручеек. Однако здесь имеется много подпочвенных вод, которые мы и решили использовать для наших нужд. Было вырыто несколько колодцев в дне реки, построены

два или три больших водохранилища, проложены трубы к ним, и работы по водоснабжению на период сессии Конгресса закончились. В этих работах приняли участие инженеры — служащие муниципалитетов Гаи и Бхагалпура. Водопровод, построенный нами, имел один недостаток: поскольку наши колодцы были вырыты в дне реки, они могли выйти из строя, если бы вода в реке внезапно поднялась. Но кто мог думать о разливе Дамодара в марте!

Близ Рамгарха в Дамодар впадает небольшая речушка Хурхури, которую мы запрудили, чтобы брать из нее питьевую воду. Часть плотины представляла собой нечто вроде водоема, который можно было использовать как плавательный бассейн; когда он переполнялся, по другую сторону образовывался маленький водопад.

Трудная задача организации традиционной выставки продукции деревенских промыслов была поручена Лакшми Нараяну, секретарю «Чаркха сангх». С помощью «Всеиндийской чаркха сангх» и Ассоциации содействия деревенским промыслам он организовал прекрасную выставку. Энтузиаст деревенских кустарных ремесел, Нараян добился, чтобы помещения выставки не освещались электричеством. В Бихаре ожидали в то время приезда нескольких талантливых художников, и мне посоветовали заказать и выставить во время сессии картины, изображающие наиболее яркие события истории Бихара. Я одобрил эту идею, и за ее реализацию взялся знаменитый художник Ишвари Прасад Варма, в прошлом заместитель директора Калькуттского художественного училища, перебравшийся потом в Патну. Мы не только организовали выставку картин, созданных Вармой и его коллегами, но и сделали с них репродукции, которые были выпущены в виде альбомов. Другой хорошей идеей, которую мы осуществили, хотя она и не сулила никаких доходов, было издание истории Бихара на языке хинди для участников сессии Конгресса. Джай Чандра Видьяланкар написал эту книгу, а Рамлочан Шарма издал ее. Книга успела выйти в свет к самому открытию сессии, но раскупали ее не слишком бойко.

Я был избран председателем Организационного комитета. Этой чести добивалось несколько человек, и чтобы избежать споров между ними, друзья уговаривали меня занять этот пост. Я согласился. После окончания заседания Рабочего комитета в Патне я выехал на автомобиле в Рамгарх. По пути я остановился в Наланде и осмотрел здания, обнаруженные при раскопках, и Археологический музей. Мне было стыдно, что, прожив столько времени в Патне, я до сих пор не удосужился побывать в этом месте, находящемся в округе Патна. Это посе-

щение еще более увеличило мое уважение к великому прошлому Бихара. Из Наланды я выехал в Раджоули. Здесь я остановился на два дня в гостинице при почтовой станции, из окон которой открывался прекрасный вид на густые леса и возвышавшиеся вдалеке горы. В этой красивой местности я написал свою речь, с которой должен был выступить на сессии как председатель Организационного комитета. В этой речи я дал краткий обзор истории Бихара, сознательно не коснувшись текущих проблем и актуальных вопросов.

Наконец я прибыл в Рамгарх, чтобы взглянуть на последние приготовления к сессии. Конгресс-нагар, если смотреть на него с главной дороги и с моста через Дамодар, представлял собой чрезвычайно живописное зрелище: домики, построенные из бамбука и циновок, сплетенных из листьев хоглы, были прелестны; ряды домов, построенных на берегах Хурхури и Дамодара для деятелей Конгресса, в том числе и для Гандиджи и председателя Конгресса, и протянувшиеся между ними дороги и аллеи имели внушительный вид. Конгресс-нагару было присвоено имя Мазхарул Хака, а одни из ворот были названы в честь Дип Нараян Синга.

Гандиджи прибыл как раз вовремя, чтобы успеть открыть выставку. Накануне шел сильный дождь, затруднивший работы в павильонах, но мы все же кое-как завершили их, и Гандиджи открыл выставку точно в намеченный срок. Мы надеялись, что небо прояснится и после такого ливня погода улучшится, но нас ожидали новые испытания.

Вновь избранный председатель сессии маулана Азад (он одержал победу над своим соперником М. Н. Роем и получил подавляющее большинство голосов) сошел с поезда на станции Ранчи-руд и прибыл в Конгресс-нагар в сопровождении громадной процессии.

Двухдневные заседания редакционной комиссии и Всеиндийского комитета Конгресса успешно закончились, и в Рамгархе собрались тысячи людей, желавших присутствовать на пленарном заседании сессии. Доход от продажи входных билетов составлял свыше 6 тысяч рупий в час. Сессия должна была открыться в пять часов вечера. Существовал обычай сопровождать председателя и видных руководителей Конгресса к помосту для президиума целой процессией. Я направился в домик председателя, чтобы проводить его в пандал. Процессия уже собиралась тронуться, как вдруг хлынул дождь. Он был так силен, что на дорогах и аллеях сразу же появились глубокие лужи. Гости и делегаты терпеливо сидели в открытом пандале, надеясь, что дождь прекратится, но он все не унимался. Вода начала проникать в пандал, и вскоре помост стал похож на

остров. Осветительная сеть и громкоговорители вышли из строя. Председателю кое-как удалось добраться до помоста. Время для речей было неподходящее, и поэтому я, выступавший в качестве председателя Организационного комитета, свел свое приветствие всего к нескольким словам, затем к собравшимся с двухминутной речью обратился председатель сессии, и на этом заседание закончилось.

На следующий день дождь уже только моросил, и так как пандал пришел в полную негодность, мы решили провести пленарное заседание под открытым небом, вокруг флага. Несмотря на накрапывавший дождь, народу собралось очень много. Махатма Ганди и другие лидеры сидели прямо на земле возле флага, а делегаты и гости, присев на корточки, расположились вокруг них. Были оглашены резолюции, принятые после недолгих прений. Политика, проводившаяся Рабочим комитетом и Всеиндийским комитетом Конгресса со времени возникновения войны, тоже получила одобрение. Это была непродолжительная и деловая сессия, на которой с краткой речью выступил Ганди. В заключение я извинился перед участниками сессии за причиненные им неудобства. Так как разлив реки Дамодар вывел из строя наш водопровод, а запаса очищенной воды в резервуарах могло хватить не более чем на сутки, гостям пришлось бы пить мутную речную воду. Поэтому я предложил им уехать. На этом сессия закончилась. Ее участники последовали моему совету, и Конгресс-нагар стал быстро пустеть. Председатель Конгресса и другие лидеры отбыли с вечерним поездом.

Одновременно с сессией Конгресса в Рамгархе происходило еще одно многочленное собрание — так называемая *Антикомпромиссная конференция*, созданная по инициативе Субхас Боса. Организаторами ее были главные сторонники Боса в Бихаре Свами Сахаджананд и Дхаирадж Шарма. Конференция привлекла много народу. Ее главным лозунгом было: никакого компромисса с англичанами. В своих решениях конференция утверждала, будто Конгресс намерен пойти на компромисс с английским правительством, хотя бы это и нанесло ущерб стране. На самом деле Конгресс вовсе не стремился достигнуть соглашения ценою благополучия родины, но он и не боялся компромисса. Впрочем, не следовало всерьез относиться к этим обвинениям. В конце концов, что представлял собой «Форвард блок» — новая партия, основанная Босом? Это было пестрое сборище людей самых различных взглядов, из которых многие не были ни политически, ни идеологически близки с Босом, а просто, поссорившись с Конгрессом, воспользовались случаем, чтобы развернуть против него кампанию.

Через несколько дней после сессии Конгресса в Рамгархе состоялась годовичная сессия Мусульманской лиги. В резолюции, принятой на этой сессии, Лига высказалась за образование Пакистана, что было ее главным лозунгом. В следующем году Лига признала образование Пакистана своей основной целью. Я плохо был знаком с планами создания Пакистана до ноября 1939 года, когда, будучи в Вардхе, специально занялся изучением этого вопроса. Я написал тогда пространную статью, которая была напечатана в «Хиндустан таймс» во время Рамгархской сессии. Позднее эта статья была опубликована в виде брошюры, которая помогла многим разобраться в сути требования о создании Пакистана.

Здесь будет уместно дать краткий обзор деятельности Мусульманской лиги. Во время выборов в законодательные органы в 1937 году Лига была слабой организацией. Она не пользовалась сколько-нибудь значительным влиянием в стране, а во многих провинциях вообще не имела своих отделений. Вот почему представители Лиги не могли быть включены в конгрессиистские правительства, и в них пришлось ввести независимых мусульман, избранных в законодательные органы. В Соединенных провинциях была сделана попытка включить в кабинет представителя Лиги, но так как договориться по этому вопросу не удалось, в него не вошел ни один мусульманин. Быть может, если бы эта попытка оказалась успешной, Лига не приобрела бы такого влияния в провинции, какое она впоследствии завоевала. Неудача вызвала сильное недовольство среди членов Мусульманской лиги, и эта партия сделала своим главным занятием яростную пропаганду против Конгресса.

Изо дня в день Мусульманская лига утверждала, будто бы конгрессиистские правительства несправедливо обращаются с мусульманами. Эта кампания привела к тому, что была создана специальная комиссия по расследованию под председательством раджи Пирпура. Комиссия составила доклад, в котором приводился длинный перечень «зверств, совершенных Конгрессом в отношении мусульман». В Бихаре адвокат Шариф опубликовал аналогичный доклад в двух томах. Авторы обоих докладов дали полную волю воображению. В законодательных собраниях провинций, где Конгресс имел большинство, представители правительства ответили на каждое обвинение, полностью опровергнув их. Однако, что бы Конгресс ни говорил, до мусульман это не доходило, ибо их пичкали лишь лживой пропагандой Лиги. В этой кампании Лига придерживалась стратегии гитлеровского министра пропаганды Геббельса — старалась опорочить противника, выдвигая против него разные бездоказательные обвинения, которые в результате постоянного

повторения не могли не оказывать влияния на людей. Кампания ненависти, проводившаяся Мусульманской лигой, расширяла пропасть между индусами и мусульманами.

Обвинения, содержащиеся в докладах Пирпура и Шарифа, никогда не были расследованы беспристрастным трибуналом или судом. В 1939 году, будучи председателем Конгресса, я написал Джинна, сообщив ему, что мы готовы передать жалобы мусульман на расследование главному судье федерального суда сэру Морису Гуайеру или какому-либо другому беспристрастному лицу. Джинна отклонил мое предложение и заявил, что этот вопрос поставлен перед вице-королем, который поступит так, как сочтет нужным. Однако лорд Линлитгоу так и не высказался по поводу обвинений, выдвинутых Мусульманской лигой, быть может, потому, что сам Джинна этого не хотел. Вице-король был не слишком доволен позицией, занятой Конгрессом в вопросе о военных усилиях, и поэтому был готов поддерживать Мусульманскую лигу как оплот против Конгресса. Он принял требование Лиги о пересмотре конституции после войны и об отмене плана федерации. Именно этого Лига и добивалась. Поэтому она с восторгом приветствовала решение вице-короля. Когда конгрессистские правительства ушли в отставку, Джинна приказал мусульманам отпраздновать по всей стране «день избавления». Пропаганда Лиги оказала настолько пагубное влияние даже на здравомыслящих мусульман, что в тот день, когда бихарское правительство вышло в отставку, покойный Кхуршед Хаснаян прислал мне поздравительную телеграмму!

СОНЕПУРСКИЙ ЛАГЕРЬ

Мы решили немедленно заняться практической работой, значение которой было особо подчеркнуто Рамгархской сессией Конгресса. Гандиджи призвал работников Конгресса и добровольцев уделять некоторое время прядению и жить интересами общины. Мы решили поэтому организовать лагерь, в котором активисты конгрессистской организации Бихара смогли бы пройти подготовку по меньшей мере в течение недели каждый. Лагерь решено было основать в Сонеपुरе; был назначен и день открытия. Однако я не мог туда отправиться, не покончив с делами, которыми был в то время занят.

Бихарское правительство дало мне три поручения: я был назначен председателем комиссии по обследованию условий труда рабочих Бихара, а также членом комитета по вопросам образования и комитета по изучению проблем языка хиндустани. Я хотел, чтобы комитеты быстро завершили свою работу. Правительство, создавшее эти комитеты, ушло в отставку, однако следовало все-таки довести до конца работу по составлению отчетов, ибо они могли пригодиться впоследствии.

Председателем комитета по вопросам образования был известный экономист-теоретик и педагог, профессор К. Т. Шах; в состав комитета, кроме меня, входили: д-р Закир Хусайн, К. Г. Сайидайн, д-р Саччидананда Синха и Бадринатх Варма. Доклад, подготовленный нами, состоял из трех частей. В первой части содержались наши рекомендации по вопросам начального образования. Наши основные предложения строились на принципах вардхской системы начального обучения. К. Т. Шах, д-р Хусайн и Сайидайн были главными сторонниками этой системы. Я был счастлив, что система, связанная с именем Гандиджи, встретила в Бихаре всеобщее одобрение. Однако положение, согласно которому дети должны одновременно учиться и зарабатывать, вызвало разногласия. Я, как и Гандиджи, был убежден, что принятие этой системы оказало бы помощь такой бедной стране, как наша, и в значительной

мере облегчило бы покрытие расходов на образование. Однако остальные члены комитета не желали заходить так далеко и считали, что если мы станем придавать первостепенное значение денежной стороне дела, то эстетическим вопросам будет уделяться меньше внимания, в результате чего пострадает обучение детей. Но вскоре был найден выход из положения. Мы указали, что не игнорируем полностью экономическую сторону проблемы, но подчеркнули, что этим наши цели ею не определяются: дети должны изучать ремесла с образовательной целью и для приобретения практических навыков, а не ради того, чтобы зарабатывать деньги в процессе обучения. Вторая часть доклада касалась среднего образования и третья — высшего технического и университетского образования. Каждая часть доклада подготавливалась специальным подкомитетом; я был членом подкомитетов по начальному и университетскому образованию. После того как доклады подкомитетов были одобрены комитетом, их представили правительству.

К. Т. Шах был очень трудолюбивым человеком и очень много работал в комитете. Я близко познакомился с ним и был восхищен его добротой, эрудицией и глубокой преданностью делу. Работа в комитете близко свела меня также с д-ром Закир Хусайном и Сайидайн, и я проникся уважением к ним обоим. Д-р Саччидананда Синха еще со студенческих лет был для меня чем-то вроде опекуна: он относился ко мне как к своему младшему брату. Политические разногласия, имевшиеся между нами, никогда не ослабляли нашего взаимного расположения, а совместная работа в этом комитете еще более повысила уважение, которое мы питали друг к другу. Если для д-ра Синхи я был младшим братом, то Бадринатх Варма считал меня своим старшим братом. У нас с ним никогда не было никаких политических разногласий. Секретаря комитета Бхаванатха Мукерджи я знал давно — он был моим учеником в Бхумихарском брахманском колледже в Музаффарпуре, когда я там преподавал. Впоследствии он стал педагогом и занимал видный пост в министерстве просвещения. Он и сейчас относится ко мне с таким же уважением, как и в дни нашей совместной работы в комитете.

Члены комиссии по обследованию условий труда рабочих (эта комиссия интересовалась исключительно положением фабричных рабочих) совершили поездку по провинции и побывали на всех крупных заводах и шахтах. Ни в одной другой провинции рабочих не используют на таких разнообразных работах, как в Бихаре. Я побывал вместе с членами комиссии почти всюду, кроме сахарных заводов, и имел возможность воочию увидеть условия труда рабочих. Мы беседовали с рабо-

чими и предпринимателями и записывали их заявления. Составление доклада было поручено секретарю комиссии Раджендра Кишор Сарану. Доклад был закончен к моменту открытия Рамгархской сессии, и после ее окончания я созвал в Патне заседание комиссии, чтобы окончательно его отредактировать. Две недели мы ежедневно заседали с семи тридцати утра до восьми вечера с часовым перерывом на обед и обсуждали доклад; в апреле 1940 года он был наконец одобрен.

Этот доклад, основные рекомендации которого были утверждены единогласно, явился плодом упорного труда всех членов комиссии. Представители предпринимателей, рабочих и нейтральные лица объединили свои усилия, чтобы разработать документ, приемлемый для всех заинтересованных сторон. Таким образом, этот доклад представлял собой весьма ценный документ. Хотя до сих пор война не оказала сколько-нибудь заметного влияния на экономические условия в нашей стране, мы понимали, что положение скоро серьезно изменится. Мы сознавали также, что может сложиться такая ситуация, при которой наши рекомендации останутся неосуществленными, однако мы все-таки выполнили свой долг настолько могли добросовестно, ибо считали, что собранные нами данные могут пригодиться при любом обследовании, которое может быть предпринято в будущем. Мы были уверены, что, если Конгресс снова придет к власти, он займется изучением нашего доклада, однако, к сожалению, наши надежды не сбылись: доклад так и остался в архиве, куда его сдало правительство, пришедшее на смену конгрессиистскому кабинету. Как мы узнали позднее, кое-какие шаги были предприняты для реализации только одного нашего предложения — о создании самостоятельного министерства труда.

В состав комиссии по обследованию условий труда рабочих Бихара входил Хеймен, который после своего ухода из железнодорожного управления поступил главным бухгалтером в фирму «Тата». Он оказался очень усердным работником и человеком весьма прогрессивных взглядов. Если бы он и М. П. Гандхи — представители предпринимателей — не работали так усердно, доклад не мог бы получить единогласного одобрения. Трудно было бы достигнуть единодушия и в том случае, если бы представитель рабочих Абдул Бари не проявил уступчивости. Радхакамал Мукерджи и Раджендра Кишор глубоко изучили трудовые проблемы и оказали тем самым большую помощь комиссии. Опыт Бакхле в области профсоюзной работы и хорошее знакомство Джагат Нараян Лала и Харендра Бахадур Чандры с положением рабочих в Бихаре также принесли комиссии большую пользу.

Работа комитета по изучению проблем языка хиндустани, которому было поручено составление словаря технических и других терминов, приемлемых как для сторонников хинди, так и урду, грамматики языка хиндустани и учебников для старших классов, затянулась надолго и была завершена лишь в 1943 году. Для выполнения различных задач, возложенных на комитет, были созданы специальные подкомитеты. Я смог участвовать только в предварительной работе, связанной с образованием этих подкомитетов, а арест в 1942 году вообще прервал мою связь с комитетом. Создание этого комитета было неодобрительно встречено как в Бихаре, так и за его пределами. Сторонники хинди усмотрели в этом выпад против этого языка. Я, конечно, не могу согласиться с тем, что я противник хинди или что я способен «строить козни» против этого языка. Точно так же сторонники урду не могут считать д-ра Абдул Хака противником урду, ибо он очень много сделал для этого языка и принимал активное участие во всех движениях литераторов, пишущих на урду. Поборники как хинди, так и урду ополчились на наш комитет. Они выдвигали против него необоснованные обвинения, сбивая с толку общественность.

Закончив работу в комиссии по обследованию условий труда рабочих, я выехал в Вардху, где происходило заседание Рабочего комитета Конгресса. По окончании заседания я отправился в Сонепур, где был создан лагерь для активистов Конгресса и где собрались двести видных конгрессистов. В лагере я пробыл неделю. Помимо того, что я пряд и обучал других искусству прядения, я ежедневно проводил несколько бесед с конгрессистами. Вечерние наши встречи принимали форму массовых собраний, ибо к нам присоединялись жители соседних деревень. Мы придавали огромное значение конструктивной деятельности как главному источнику нашей силы не потому, что она подготавливала народ к восстанию, а потому, что она учила людей искусству владеть собой и подчиняться дисциплине — важнейшим качествам сатьяграхиста, — и давала работникам Конгресса возможность завязывать тесные связи с народом. Вернувшись в Патну, я слег: огромная работа, которую я взвалил на себя после Рамгархской сессии, надломил мои силы. Через несколько дней после возвращения я почувствовал головокружение и упал, почти потеряв сознание. Д-р Шарма и д-р Баннерджи, немедленно прибывшие, чтобы заняться моим лечением, выразили тревогу по поводу моего состояния. Головокружение не прекращалось несколько дней, и, когда я наконец от него избавился, врачи предписали мне длительный отдых. Я уехал в Зерадеи. Месяц, проведенный в тишине и покое, сказался на моем здоровье весьма благотворно.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ САТЬЯГРАХА

Положение в Европе было угрожающим: Гитлер захватывал одну страну за другой. К маю 1940 года он уже оккупировал Польшу, Данию и Норвегию. За этим последовало вторжение в Бельгию, Голландию и Люксембург, и спустя десять дней эти три страны капитулировали. Когда бронетанковые дивизии Гитлера обрушились всей своей мощью на Францию, положение английских войск оказалось безвыходным, и им с большим трудом удалось эвакуироваться из Дюнкерка. Правительство Чемберлена пало, и на смену ему пришло национальное правительство во главе с Уинстоном Черчиллем (пост министра по делам Индии в нем занял Л. С. Эмери). Сочтя момент благоприятным, Италия присоединилась к Германии и объявила войну Англии и Франции. К концу июня 1940 года военные действия во Франции прекратились. Это было критическое для Англии время.

В Дели собрался Рабочий комитет Конгресса, чтобы обсудить создавшееся серьезное положение. Он постановил просить Англию раз навсегда разрешить индийскую проблему, с тем чтобы Конгресс мог предложить ей всю помощь, на какую он только способен. Споры по этому вопросу были весьма продолжительными. Гандиджи был против оказания активной помощи Англии в ее военных усилиях, ибо считал, что это противоречило бы конгрессиистскому идеалу ахимсы; он стоял за то, чтобы предложить Англии лишь моральную поддержку. Гандиджи полагал (и я был полностью с ним согласен), что, если Англия при создавшихся обстоятельствах согласится предоставить Индии независимость, ее моральный престиж поднимется настолько высоко, что ни одна страна в мире не решится выступить против нее. Достаточно будет заявления Конгресса, что Индия полностью удовлетворена и что она на стороне Англии, чтобы вознести последнюю на пьедестал. Невзирая на нейтралитет Конгресса, Англия и так получает от Индии все, чего только желает в смысле помощи военным усилиям, а потому, говорил Гандиджи, Конгрессу незачем отступать от

своего идеала. К тому же он был твердо убежден, что, если Индия сумеет остаться верной принципу ахимсы, это окажет сильнейшее влияние на мировое общественное мнение после войны.

С другой стороны, некоторые считали, что мы будем обязаны оказать активную помощь Англии, если нам предоставят независимость, которой мы от нее требуем. Идеал ахимсы, которого придерживается Конгресс, относится, говорили они, только к борьбе Конгресса за свободу и неприменим к тем условиям, которые сложатся после получения независимости или в случае вторжения иностранной державы. Они утверждали, что мы не можем давать подобного обязательства от имени завтрашней Индии. В одном, однако, все мы были единодушны — в том, чтобы придерживаться принципа ахимсы в борьбе за свободу и при разрешении внутренних конфликтов.

Таким образом четко обозначились две группировки, одна из которых стояла за ограниченное применение принципа ахимсы, а другая принимала его без всяких оговорок и ограничений. Хотя ход войны и огорчал меня, я разделял точку зрения Гандиджи. Хан Абдул Гаффар-хан также продолжал непоколебимо верить в ненасилие. Поэтому, когда Рабочий комитет решил оказать активную помощь Англии при условии, если она немедленно передаст власть в руки индийцев, Гаффар-хан, я и еще несколько членов комитета подали в отставку. Однако председатель Конгресса маулана Азад попросил нас повременить, пока английское правительство не ответит на требование Конгресса, и некоторые из нас взяли назад свои заявления об отставке. Но лидера Северо-Западной пограничной провинции Гаффар-хана переубедить было невозможно. Гандиджи решил порвать все связи с Конгрессом. Все эти события вызвали волнение в стране.

В Вардхе было созвано еще одно заседание Рабочего комитета, а несколько позднее в Пуне состоялось заседание Всеиндийского комитета Конгресса. Противники делийских решений присутствовали на этих заседаниях, но Гандиджи не принял в них участия. Ликвидировать разногласия на этих заседаниях не удалось. На заседании Всеиндийского комитета я разъяснил точку зрения критиков резолюции и заявил, что мы не будем выступать против резолюции, а в случае голосования останемся нейтральными. Однако, несмотря на мое заявление, некоторые представители нашей группы голосовали против резолюции. Большинством голосов ВИКК одобрил решение Рабочего комитета. Если бы многие из противников резолюции не воздержались, по всей вероятности, она была бы отклонена. Резолюция была послана вице-королю. Надеялись, что английское

правительство отнесется к этому посланию с должным вниманием, а затем начнет переговоры с Конгрессом. Однако этого не произошло. Спустя несколько дней было объявлено, что правительство отклонило предложение Конгресса.

Лорд Линлитгоу опубликовал коммюнике, в котором говорилось, что английское правительство не может изменять конституцию в то время, когда Англия ведет борьбу не на жизнь, а на смерть. Она может включить видных индийских деятелей, связанных с ведущими политическими партиями, в состав Исполнительного совета при вице-короле, но они будут иметь тот же статус и те же полномочия, что и нынешние члены совета. Вице-король сообщил, что, кроме того, будет создан специальный Консультативный совет, задача которого — давать рекомендации по вопросам, касающимся ведения войны, и в состав этого комитета тоже будут включены видные индийцы. Коммюнике ясно давало понять, что английское правительство не желает передавать власть в руки индийцев. Так в один миг развалился карточный домик, построенный Рабочим комитетом и ВИКК.

Заседание ВИКК в Пуне приняло также резолюцию о насилии, в которой подтверждалась верность Конгресса этому идеалу в борьбе за достижение независимости и при разрешении внутренних споров. Хотя эта резолюция была принята единогласно, я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из конгрессистов помнил о ней. Объяснялось это тем, что война сделала наше понятие ахимсы довольно-таки гибким, что было, впрочем, вполне естественно. Многие соглашались придерживаться этого принципа только по политическим соображениям, и лишь незначительное меньшинство исповедовало ее как свою религию. Внутренние разногласия по этому вопросу не всплывали до сих пор на поверхность потому, что Конгресс впервые столкнулся с необходимостью применить свой символ веры к новой ситуации, не касающейся борьбы с английским правительством. Теперь, когда разногласия обозначались со всей ясностью, рядовые члены партии пришли в замешательство. Это замешательство с течением времени все возрастало, напоминая трещину в плотине, все более и более расширяющуюся под напором воды.

В Пуне я заболел воспалением легких, но все-таки кое-как добрался до Вардхи. Стоял дождливый сезон, не благоприятствовавший моему выздоровлению. Когда мне стало немного лучше, шет Джамуналал Баджадж рекомендовал мне продолжительный отдых в Раджастхане, славящемся своим сухим климатом, и вызвался сопровождать меня. Гандиджи одобрил эту идею, и мы с Джамуналалом выехали в Джайпур. Мы поехали туда в дождливую погоду, и у меня произошел рецидив,

вынудивший задержаться там, на несколько дней. Когда я немного поправился, мы по совету друзей уехали в сухое песчаное место Сикар, где я пробыл месяц. В Сикаре я и начал писать свою автобиографию. Живя там, мы посетили деревню Каши-ка-бас, где родился шет Джамуналал, а также красивое селение Локагарджи, служащее местом паломничества. К концу месячного пребывания в Сикаре я почувствовал себя много лучше и смог возвратиться в Патну.

Пока мы находились в Сикаре, Всеиндийский комитет Конгресса собрался в Бомбее, чтобы обсудить заявление английского правительства. ВИКК решил отклонить содержавшееся в нем предложение *. Я считал, что для Конгресса наступила пора действовать, и обратился к Гандиджи с просьбой разработать план борьбы. Гандиджи предложил организовать новый вид сатьяграхи. Она должна была быть не коллективной, а индивидуальной, и для участия в ней должны были отбираться только лица, проявившие себя в какой-либо сфере конструктивной деятельности. Далее, к участию в ней допускались только лица, имеющие право претендовать на то, что они представляют народ, например члены таких организаций и учреждений, как провинциальные законодательные собрания, местные органы власти и комитеты Конгресса. Всеиндийский комитет Конгресса одобрил эту программу и поручил ее проведение Гандиджи. Он согласился и заявил, что ни один человек не будет допущен к участию в сатьяграхе без его разрешения. Начать движение он поручил Винобе Бхаве, одному из достойнейших деятелей Конгресса.

Виноба начал сатьяграху, выкрикивая антивоенные лозунги в маленькой деревушке, расположенной в нескольких милях от Вардхи, и был немедленно арестован. Затем разрешение прибегнуть к сатьяграхе стали один за другим получать члены законодательных собраний и комитетов Конгресса. Затем пришел черед активистов, которые занимались пропагандой ручного прядения и вели борьбу за уничтожение неприкасаемости. Провинциальные комитеты Конгресса составляли списки подходящих лиц и пересылали их Гандиджи; в сатьяграхе участвовали только те, чьи кандидатуры были одобрены им. Сатьяграхист объявлял, что он не станет делать ничего, что могло бы содействовать военным усилиям. Его сразу же арестовывали, судили и приговаривали к годичному тюремному

* Речь идет о предложении английского правительства Конгрессу от 8 августа 1940 года, в котором оно обещало по окончании войны предоставить Индии статус доминиона, но отказывалось от создания временного ответственного правительства Индии и от предоставления ей полной независимости сразу после войны.— *Прим. ред.*

заклучению, однако, поскольку заключенным обычно сокращали срок наказания, через девять месяцев его выпускали из тюрьмы. Сатьяграхисты начали сочинять лозунги вроде: «На эх бхай на эх пай» («Ни одного рекрута, ни одной пай»). Проводя сатьяграху, мы заявляли свое право проповедовать и претворять в жизнь приципы, в которые верим. Мы хотели утвердить это наше право, выступая даже в критический период войны против поддержки военных усилий.

Некоторые возражали против такой сатьяграхи, другие ее высмеивали. Левые смеялись над нами и заявляли, что подобного рода действия никому не могут принести пользы и что нам нечего надеяться произвести хоть какое-нибудь впечатление на английское правительство. Кое-кто намекал, что утверждения, будто бы цель сатьяграхи — добиться свободы слова, это только обман, ибо на самом деле ее назначение — противодействовать военным усилиям, только у нас не хватает мужества открыто заявить об этом. Все эти критики ошибались. Мы стремились показать всему миру, что мы не на стороне англичан в этой так называемой войне за свободу человечества, и сделать это мы хотели без излишнего шума. В тогдашних критических обстоятельствах проведение коллективной сатьяграхи было невозможно без серьезного конфликта с английским правительством. Это была индивидуальная сатьяграха, но она проводилась от имени всей страны и таким образом имела коллективную основу.

Поскольку мне из-за плохого состояния здоровья не рекомендовали участвовать в движении, бремя организации сатьяграхи в Бихаре пало на д-ра Шри Кришна Синху. Было решено, что в первый день д-р Синха применит сатьяграху в Банкипур Майдане, а тотчас же вслед за ним то же самое сделает Ануграх Нараян Синха. Когда д-р Синха прибыл в Майдан, там собралась огромная толпа, преимущественно студенты. Началась шумная демонстрация, не прекращавшаяся до тех пор, пока его не арестовали и не препроводили в тюрьму. Я считал, что демонстранты нарушили все указания Гандиджи и что, если мы не положим конец подобным демонстрациям, события выйдут из-под нашего контроля и народ перестанет подчиняться дисциплине. Поэтому я попросил Ануграх Нараяна не прибегать к сатьяграхе и отсрочить начало движения в провинции до тех пор, пока народ не согласится точно следовать указаниям Гандиджи. На следующий день ко мне явилась целая толпа людей. Они заверяли меня, что подобные демонстрации больше не повторятся и что, если сатьяграха будет отменена, это запятнает славную репутацию Бихара. Чувствуя, что обстановка улучшилась, я разрешил через несколько дней возобновить кампанию. В результате нам удалось провести сатьяграху мирно.

Когда конгрессистские правительства вышли в отставку, губернаторы в соответствии со статьей 93 Закона об управлении Индией 1935 года взяли управление провинциями в свои руки. Некоторое время они выжидали в надежде, что Конгресс, быть может, еще вернется к власти, но когда убедились, что это невозможно, прекратили выплату жалованья депутатам законодательных собраний. Спикеры тоже перестали получать жалованье, но их слуги и помощники остались при них. Членам местных административных органов Конгресс не предлагал выйти в отставку. Конгрессисты занимали в ряде таких органов посты председателей и вице-председателей, и когда некоторые из них ушли в отставку, их посты захватили оппозиционеры. В некоторых местах, где состоялись новые выборы, кандидатуры конгрессистов не выдвигались, но Конгресс совершил ошибку, выдвинув на освободившиеся вакансии беспартийных, оказавшихся оппортунистами; он полагал, что последние будут подчиняться дисциплине Конгресса. В некоторых местах конгрессисты сами выставили свои кандидатуры и добились переизбрания. Все это вело к неизбежному ослаблению дисциплины в местных органах. Жалобы и контржалобы стали теперь обычным явлением, и разлад в партии вышел наружу. В результате Конгресс приобрел дурную славу.

В Бихаре ответственность за поддержание дисциплины в партии целиком лежала на мне, но я не мог посвящать этой задаче все свое время, ибо по большей части находился в Вардхе. Поскольку маулана Азад навлек на себя тюремное заключение, обязанности председателя Конгресса легли на Гандиджи, и он настаивал, чтобы генеральный секретарь Конгресса Ачария Крипалани, которого сознательно не допускали к участию в сатьяграхе, и я находились при нем и помогали ему. Поэтому в ноябре 1941 года я создал небольшой комитет для наблюдения за деятельностью конгрессистов в местных органах власти. Несмотря на все принятые нами меры предосторожности, положение не улучшалось, и я решил, что конгрессисты должны уйти из местных органов власти. Однако поскольку как раз в это время несколько видных деятелей конгрессистской организации Бихара должны были выйти на свободу, я решил дождаться их возвращения. После консультации с ними было дано указание об уходе всех конгрессистов из местных органов. Однако, как мне сообщили в Вардху, в то время как большинство конгрессистов подчинилось моей директиве, некоторые отказались ее выполнить. Провинциальные и окружные комитеты Конгресса приняли против нарушителей дисциплинарные меры.

Представитель Майсурского комитета Конгресса Х. Ч. Даспа, будучи в Вардхе, попросил Гандиджи уговорить меня

поехать в Майсур, чтобы открыть их ежегодную политическую конференцию. Гандиджи согласился и предложил мне отправиться в Майсур. Я выехал вместе с Дасаппой в Харихар, расположенный на берегах реки Тунгабхадра, где происходила конференция. После окончания конференции Дасаппа показал мне достопримечательности здешних мест.

Побывав в Бангалоре и Майсуре, мы отправились в Шраван Белголу и Халебад осматривать местные памятники древности, принадлежащие к лучшим образцам джайнской и индусской архитектуры. Эти два городка относятся к числу тех мест на земном шаре, где каждый непременно должен побывать. Громадная высеченная из камня статуя *Махавиры* на вершине горы близ Халебада видна за пятнадцать миль. Скалы, ранее окружавшие статую, убраны, чтобы ничто не мешало смотреть на нее издали. Эта гора служит местом паломничества для *джайнов* со всех концов страны.

Халебадские образцы архитектуры великолепны. Я видел высеченные на стенах храмов сцены из *пуран*. Особенно большое впечатление произвело на меня одно мастерское изображение: это была рельефная фигура на стене, держащая в руке букет цветов. На одном из лепестков сидела пчела, вырезанная из того же камня, что и вся фигура. Издали каменная пчела выглядела совсем как настоящая. Этот образец тончайшего искусства напомнил мне высеченные из камня цепи, которые я видел в храмах Южной Индии. На высокой стене стояла еще одна каменная фигура идола со множеством украшений, вырезанных из того же камня. Через маленькую дырочку в носу идола было продето кольцо. Кольцо было меньше чем в полдюйма толщиной, и его можно было свободно вращать!

В Герсаппе, где смыкаются Майсур и Мадрас, нашим взорам открылись чудесные картины природы. Какое поистине великолепное зрелище эти водопады! Вода низвергается с высоты тысячи футов, и этот поток можно видеть с двух сторон. Я долго сидел там, совершенно зачарованный. В то время в Герсаппе строилась гидроэлектростанция, и вокруг было много рабочих. «Не осквернит ли создание рук человеческих эту красоту?» — спрашивал я себя. Однако правительство сумело позаботиться о тех, кто приезжает сюда отдохнуть.

ПОГРОМЫ В БИХАР ШАРИФЕ

Я вернулся из Майсура в Патну, а оттуда через несколько дней выехал в Вардху. Уже садясь в поезд, я узнал о трениях между индусами и мусульманами в Бихар Шарифе. Но мне и в голову не пришло, что они могут привести к серьезным последствиям. Приехав в Вардху, я узнал из газет о погромах в Бихар Шарифе и в тот же день получил телеграмму, в которой сообщалось об ужасных событиях. Гандиджи хотел, чтобы я немедленно вернулся в Бихар, поэтому я первым же поездом выехал в Патну. Мне сообщили, что Шах Мухаммад Узаир Муними и мой секретарь Матхура Прасад уже спешно выехали в Бихар Шариф, что погромы распространяются на соседние деревни и что как среди индусов, так и среди мусульман имеется много убитых. Все это напомнило мне о погромах, вспыхнувших в 1918 году в Шахабаде и распространившихся на другие районы округа, и я боялся, что история может повториться.

Поэтому я решил немедленно отправиться в Бихар Шариф. К счастью, в тот же день в Патну прибыл Абдул Бари, который согласился меня сопровождать. Мы наняли несколько грузовиков и вместе с группой преподавателей и студентов Бихарского видьяпитха и несколькими другими работниками отправились в Бихар Шариф. Муними и М. Прасад информировали нас о положении дел, которое немного улучшилось. Правительство направило для восстановления порядка крупные полицейские силы, начальник округа, комиссар полиции и другие высшие чиновники уже были на месте. Муними и Матхура Прасад бросались в каждый пункт, где возникали беспорядки, и, пренебрегая опасностью, уговаривали людей воздерживаться от насилия.

Я объехал районы, охваченные беспорядками, и видел душераздирающие сцены. Меня глубоко огорчило агрессивное настроение как индусов, так и мусульман, забывших о своей религии и о человечности. Хотя пострадали обе общины, потери

мусульман были тяжелее. Я разделил наших работников на группы и разослал их по соседним деревням, которые, как мне сообщили, пострадали в результате погромов. Они объехали весь район и всюду опровергали ложные слухи и успокаивали население. Спустя несколько дней положение значительно улучшилось. Я встретился с председателем бихарской организации Мусульманской лиги Мухаммадом Исмаилом и имел с ним беседу. Мы оба выехали на один день в Патну, где выступили на массовом митинге. Затем я снова вернулся в Бихар Шариф, где утешал пострадавших от погромов и старался успокоить охваченных яростью людей. Когда мир был восстановлен, я уехал в Вардху.

В это время туда же приехал Валчанд Хирачанд и Шанти Кумар Нароттам Морарджи — директора индийской судоходной компании «Синдиа», чьи суда курсировали вдоль индийского побережья и между Индией и Бирмой. Как они сообщили Гандиджи, им хотелось, чтобы я поехал в Висакхапатнам и заложил первый камень фундамента их будущей верфи в этом портовом городе. Они говорили об этом с Ганди потому, что в то время я ничего не предпринимал, не посоветовавшись с ним. Гандиджи одобрил эту идею и посоветовал мне ехать. В Висакхапатнаме, пользуясь материалами, которые предоставили в мое распоряжение директора компании «Синдиа», я тщательно изучил историю индийского торгового флота. Хотя я и раньше знал кое-что о том, каким образом англичане монополизировали судоходство, обслуживающее как каботажные, так и внешнеторговые линии Индии, подробнее я ознакомился с этим в Висакхапатнаме. Закладка фундамента судостроительной верфи была радостным событием, и компания «Синдиа» отпраздновала его пышно и торжественно. Во время этой церемонии, на которой присутствовали видные деятели со всех концов страны, я рассказал об истории индийского торгового флота. Директора компании передали в мое распоряжение некоторую сумму денег, и, проконсультировавшись с ними, я внес пожертвования на различные общественные нужды. Мне пришлось также принимать бесчисленные подарки.

После этого в сопровождении Матхура Прасада я выехал в Калькутту, а оттуда в Дакку, где вспыхнули индуско-мусульманские погромы, распространившиеся и на сельские районы. Деревни были разграблены и сожжены, а в городе Дакка произошло серьезное кровопролитие. Я встретился с главным министром Бенгалии Фазлулом Хуком и министром внутренних дел Кхваджа Назимуд-дином. С Хуком я познакомился еще в то время, когда начинал свою юридическую практику в Верховном суде Индии, а с Назимуд-дином мне довелось встречаться в

связи с голодовкой, объявленной политическими заключенными бенгальских тюрем.

В тот день, когда я прибыл в Дакку, там было все спокойно. Индусы тяжело пострадали и были крайне возбуждены. Я остановился у Шириш Чандр Чаттерджи — старейшего конгрессиста и председателя окружного комитета Конгресса. Местные мусульмане пригласили меня в резиденцию наваба Дакки на чашку чая, и мы долго обсуждали создавшуюся ситуацию и меры, необходимые для восстановления мира. Я посетил близлежащие деревни, разграбленные и сожженные. Это было страшное зрелище. Большинство домов в Бенгалии строится из бамбука, соломенных циновок и деревянных столбов, полы покрываются цементом для предохранения от сырости. В некоторых деревнях остались только обугленные деревянные столбы и цементные полы, напоминавшие о том, что здесь когда-то было человеческое жилье. То, что произошло в этих деревнях, нельзя было даже сравнить с погромами в Бихар Шарифе. В Бихар Шарифе, где большинство составляют индусы, наибольшее число убитых было среди мусульман, в Дакке же, где большинство населения — мусульмане, наибольшие жертвы понесли индусы. Но Бихар Шариф не мог идти ни в какое сравнение с Даккой по масштабам грабежей и поджогов. Проведя два или три дня в разъездах по сельским районам, я вернулся в Дакку.

Там я узнал, что правительство создало комиссию по расследованию и что мой давнишний близкий друг Джогендра Нараян Маджумдар, советник бенгальского правительства, командирован в Дакку в качестве представителя правительства. Когда я пришел к Маджумдару, который жил на пароходе, стоявшем на реке Хугли, нам сообщили, что в городе снова начались погромы и что два человека были убиты. Беспорядки продолжались всю ночь, и к утру с ними уже невозможно было совладать. Было много убитых. Дело дошло до того, что всякий раз, когда убивали представителя одной религиозной общины, та мстила за свою потерю убийством представителя другой общины. Виновным неизменно удавалось скрыться, а ни в чем не повинные люди расплачивались своей жизнью. В этих условиях продолжать расследование было невозможно, и мы решили его отсрочить. Маджумдар решил уехать, и мы оба отправились на пароходе в Калькутту. Оттуда я выехал в Патну. В пути у меня поднялась температура и начался кашель. С началом дождливого сезона мое состояние еще более ухудшилось, и я на два месяца слег в постель. Как только я поправился, я уехал в Вардху.

Во время поездки по Бенгалии я, к своему удивлению, встретил в одной из охваченных беспорядками деревень двух

выходцев из Зерадеи. Подобно многим другим бихарцам, они приехали туда в поисках работы. В Бенгалии, как и в Ассаме, было много бихарцев. Предприимчивость необразованных бихарцев представляет резкий контраст с той ленью духа, которая свойственна бихарцам образованным. Мало кто из последних любит выезжать за пределы своей провинции, меж тем как неграмотных сельских жителей можно встретить повсюду — от Бомбея до Бирмы, а также в Ассаме и Бенгалии. Быть может, это английское воспитание повинно в том, что эта часть нашего народа такая ленивая и беспечная.

Бедные бихарцы, занимающиеся тяжелым физическим трудом в Бирме и отдаленных провинциях Индии, не брезгают никакой работой: они трудятся на полях, прокладывают дороги, копают колодцы и водоемы, строят дома, работают кучерами, носильщиками и сторожами в домах богачей. Они переводят домой, в Бихар, довольно крупные суммы денег. В одной только Зерадеи сумма денежных переводов, полученных за неделю, составляла 4—5 тысяч рупий. Подсчитано, что в среднем Бихар получает извне около 50 миллионов рупий в год. Некоторые мои бенгальские друзья говорили мне, что жалобы бихарцев на то, что в их провинцию приезжает на заработки слишком много бенгальцев, лишены основания, поскольку-де множество бихарцев в свою очередь приезжают в Бенгалию в поисках работы. Действительно, от бихарцев можно было услышать такие жалобы, особенно со стороны образованных жителей провинции, которым приходилось выдерживать конкуренцию бенгальцев в правительственных учреждениях и адвокатуре. Трудно сказать, бихарцы ли получают больше от Бенгалии или бенгальцы — от Бихара, ибо бенгальцы, работающие в правительственных учреждениях, преподавателями в школах и колледжах, адвокатами и врачами, не переводят деньги домой, как это делают бедные бихарцы. Следует, однако, сказать, что работа, выполняемая бихарцами, крайне важна — без них бенгальцам было бы трудно поддерживать привычный уклад жизни, тогда как бенгальцы берутся в Бихаре лишь за легкую работу, с которой бихарцы и сами могут справиться. Жители Бихара указывали также, что общий доход бенгальцев от их легкой канцелярской работы равен тому, что удается заработать множеству бихарцев, которые трудятся в поте лица в малярийных районах Бенгалии. В связи с этим между двумя провинциями наблюдались известные трения.

Когда в Бихаре было сформировано конгрессиистское правительство, этот вопрос превратился в яблоко раздора. Бихарцы жаловались, что даже спустя тридцать лет после отделения Бихара от Бенгалии бенгальцы занимают господствующую

щее положение в правительственных учреждениях, как и в ту пору, когда Бенгалия еще не была разделена. Бенгальцы отвечали на это, что большинство их соотечественников в Бихаре — постоянные жители, и, хотя они говорят на бенгальском языке, на них надо смотреть как на бихарцев и их не следует подвергать дискриминации при приеме на государственную службу. Они утверждали, будто бы в отношении бихарцев, говорящих на бенгальском языке, допускается дискриминация. Когда эти жалобы дошли до верховного руководства Конгресса — в то время председателем Конгресса был Субхас Бос, — мне предложили разобраться в них. Я произвел самое тщательное расследование и представил пространный доклад, в котором объяснял исторические корни этого конфликта и предлагал конструктивные меры, которые должны были обеспечить справедливое разрешение вопроса. Рабочий комитет принял мои рекомендации и посоветовал бихарскому правительству претворить их в жизнь. Хотя я и не согласился со всеми требованиями, выдвигавшимися заинтересованными сторонами, мои рекомендации оказались приемлемыми для участников спора.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КРИПСА

Двадцать второго июня 1941 года, когда Гитлер вторгся в Россию, я находился в Дакке. К этому времени Германия уже властвовала над всей Европой, если не считать Швецию на севере и Италию и Испанию — на юге. Вся Северная Африка вплоть до границ Египта была оккупирована нацистами. Союзники объединились с Россией. Соединенные Штаты Америки, воздерживаясь от прямого вступления в войну, помогали союзникам вооружением и другими материалами, поставляя их в кредит. Однако вскоре они тоже оказались втянутыми в войну: в декабре 1941 года Япония подвергла бомбардировке Пирл Харбор. Японцы предприняли молниеносное наступление на английские, американские и голландские владения на Тихом океане, вторглись в Малайю, быстро захватили эту колонию и проникли далеко в глубь Бирмы. Америка вступила в войну и мобилизовала все свои ресурсы для достижения победы. Англия, опасавшаяся, что в конце концов вооруженные силы Германии и Японии встретятся и объединятся, вела ожесточенную борьбу с немцами в Северной Африке. Вместе с Россией она нейтрализовала Иран. Вскоре Индии пришлось думать об отражении возможного наступления японцев со стороны бирманской границы. Лондон извлек урок из того, что произошло в Малайе и происходило в Бирме. Одной из причин быстрой ликвидации английского сопротивления в этих странах было полное безразличие, проявленное их поработенными народами. Поэтому Англия хотела предотвратить возможность таких поражений в дальнейшем. К тому же и Соединенные Штаты постоянно указывали ей на необходимость как-то договориться с Индией.

В силу всех этих обстоятельств Англия пришла к выводу, что в ее интересах прийти к какому-то соглашению с Индией, и 23 марта 1942 года в Индию прибыл сэр Стаффорд Крипс с планом в кармане. Сэр Стаффорд был в то время лордом-хранителем печати в правительстве Черчилля и лидером палаты общин. Человек радикальных взглядов, он после начала войны

вынужден был даже выйти из лейбористской партии. Черчилль назначил его послом в Россию, и в критический период, предшествовавший нападению Гитлера на СССР, он вел трудные переговоры, склоняя Кремль к соглашению с Англией. Успех усилий Крипса, завершившихся после нападения Гитлера на Советский Союз заключением англо-советского соглашения, еще более укрепил его репутацию исключительно способного посредника. Именно он убеждал Черчилля в необходимости прийти к соглашению с Индией, и английское правительство, в состав которого входили представители как консервативной, так и лейбористской партий, разработало план и послало с ним Крипса в Индию.

План был совершенно секретным, и единственное, что сообщалось о нем, это что он имеет чрезвычайно важное значение для нашей страны. Сразу же по прибытии сэр Стаффорд начал переговоры с Махатмой Ганди, председателем Конгресса маулана Азадом и другими лидерами. Спустя несколько дней план был опубликован в печати. Для его обсуждения в Дели было созвано заседание Рабочего комитета. Большинство из нас находилось в Дели все время, пока шли переговоры, — свыше двух недель, но Гандиджи через несколько дней пришлось уехать в Севаграм из-за болезни его жены Кастурбай. Маулана Азад и Джавахарлал Неру вели от имени Конгресса беседы с Крипсом, а по ночам обсуждали ход переговоров с членами комитета.

План Крипса состоял из двух частей. Первая касалась метода разработки будущей конституции Индии, вторая обещала немедленную реорганизацию Исполнительного совета при вице-короле. План содержал недвусмысленное заверение, что после войны Индии будет предоставлен такой же статус, какой имеют все остальные доминионы, и что она будет свободна оставаться в рамках Британского Содружества Наций или порвать с ним. Разработку конституции Индийского Союза предполагалось поручить Учредительному собранию, члены которого избирались провинциальными законодательными собраниями. Провинции имели право оставаться в Индийском Союзе или выйти из него, и английское правительство сохраняло с отделившейся провинцией или провинциями такие же связи, как и со всей остальной Индией. Таким образом, план удовлетворял требование Мусульманской лиги об образовании Пакистана. Что касается перемен, которые будут произведены немедленно, то в плане не разъяснялось, каковы будут полномочия Исполнительного совета при вице-короле, а указывалось лишь, что этот Совет не будет иметь права голоса в вопросах, относящихся к вооруженным силам и военным усилиям. Из этого следовало, что все осталь-

ные области деятельности правительства будут входить в юрисдикцию Совета. Такое толкование было впоследствии подтверждено Крипсом.

Махатма Ганди не был удовлетворен планом Крипса и прямо заявил об этом во время встречи с ним. У Рабочего комитета этот план также не встретил одобрения, тем не менее комитет подверг его самому подробному обсуждению. Рабочий комитет не желал согласиться с той частью плана, где допускалось образование Пакистана, хотя и признавал, что принуждать какую-либо провинцию оставаться вопреки ее желанию в Индийском Союзе было бы несовместимо с принципом самоопределения. Наибольшее внимание комитет уделил немедленным изменениям, предусматривавшимся планом. Рабочий комитет считал, что Исполнительному совету при вице-короле придется нести на себе основную тяжесть военных усилий, и, если Совет будет лишен права голоса в вопросах, касающихся обороны и войны, он, несомненно, окажется в совершенно невозможном положении. Поэтому комитет потребовал подробных разъяснений насчет того, будет ли Исполнительный совет осуществлять хоть какой-то контроль над вооруженными силами и военными усилиями или же вся власть окажется сосредоточенной в руках вице-короля и главнокомандующего. Сэр Стаффорд согласился предоставить Исполнительному совету кое-какие ограниченные полномочия по руководству военными усилиями и армией, но когда его попросили уточнить эти полномочия, из его ответов стало ясно, что они будут чисто номинальными и что вся реальная власть останется в руках вице-короля и главнокомандующего.

Говорили, что Исполнительный совет будет обладать верховной властью во всех остальных областях и что вице-король будет по всем вопросам консультироваться со своими советниками, однако представлялось совершенно очевидным, что в условиях войны все остальные министерства, помимо военного и обороны, будут играть лишь вспомогательную роль. Поскольку нас лишали права контроля над важнейшими министерствами — военным и обороны, сохранение в наших руках остальных министерств утрачивало всякое значение. Поэтому Рабочий комитет после продолжительного обсуждения решил отвергнуть план. Сэр Стаффорд просил нас обнародовать свое решение, с тем чтобы он мог переговорить с английским кабинетом и выяснить, насколько он будет в состоянии сблизить точку зрения Англии с нашей. После переговоров с английским правительством Крипс согласился предоставить членам Исполнительного совета кое-какие ограниченные права контроля над военным министерством и министерством обороны. Однако это

не удовлетворило Рабочий комитет, и ему не оставалось ничего иного, как отклонить план.

В это время в Индию прибыл личный представитель президента Рузвельта полковник Джонсон, который встретился с Джавахарлалом Неру. Джонсон попросил дать ему время, чтобы он мог попытаться договориться с англичанами. Его старания привели к дальнейшему уточнению полномочий, сохранявшихся за главнокомандующим и предоставлявшихся индийцам — членам Исполнительного совета. Английское правительство приняло резолюцию, в которой содержался перечень прав, сохранявшихся за англичанами, а также перечень полномочий, передаваемых индийцам. Все это звучало неплохо, но вопрос заключался в том, какие из передававшихся полномочий действительно представляли для нас интерес. В результате этого разъяснения оказалось, что наши права и полномочия оставались точно такими, как это было определено в решении английского правительства, принятом по настоянию Крипса. Таким образом стало совершенно очевидно, что позднейшее предложение было лишено всякого содержания и представляло собой попросту жонглирование словами.

Еще в то время, когда мы были склонны заняться обсуждением вопроса о передаче в ведение индийцев всех остальных министерств, кроме военного, и просили разъяснить нам, каковы будут полномочия членов Исполнительного совета, сэр Стаффорд не смог дать нам на этот счет никаких заверений. Он рекомендовал нам обратиться с этими вопросами к вице-королю, ибо члены Исполнительного совета были подчинены ему, и, поскольку конституция не подлежала изменению, только вице-король мог сказать, какие полномочия могут быть переданы его советникам в соответствии с действовавшей тогда конституцией. Когда мы потребовали, чтобы английское правительство дало вице-королю указание не пользоваться своими чрезвычайными полномочиями, а действовать с учетом мнения своих советников, нам было заявлено, что правительство не может этого сделать. Тогда мы поняли, что вице-король никогда не станет считаться со своими советниками и что он вовсе и не собирается передавать им какие бы то ни было из своих полномочий.

Когда стало ясно, что даже так называемая передача министерств не означает передачи реальной власти, Рабочий комитет вынужден был принять резолюцию, отвергающую план Крипса. В тот же день сэр Стаффорд объявил, что предложение, которое он привез с собой, берется назад и что он возвращается в Англию. Мусульманская лига, выжидавшая, чтобы Конгресс высказал свое отношение к плану, также отклонила его сразу же после опубликования резолюции Рабочего коми-

тета. Лига заявила, что план признает только возможность образования Пакистана, но не предусматривает его фактическое создание и что поэтому она его отвергает.

Конгресс был недоволен той частью плана, которая касалась будущего государственного устройства, потому что, хотя он и не хотел, чтобы провинции удерживались в составе Индийского Союза против их желания, не следовало даже подразумевать возможность создания Пакистана. Если бы в этом возникла необходимость, вопрос о его создании можно было решить позднее, когда для этого пришло бы время. Однако прямой причиной отклонения Конгрессом плана Крипса явилось то, что он не предусматривал немедленной передачи реальной власти в руки индийцев, хотя при этом предполагалось, что индийцы должны оказывать всяческую помощь военным усилиям Англии. Фактически это означало, что функции индийцев — членов Исполнительного совета свелись бы к сбору денег в военный фонд и к участию в вербовочной кампании.

Раджагопалачария был единственным членом Рабочего комитета, который вначале высказывался за принятие плана Крипса, ибо он считал, что над всеми остальными министерствами, кроме военного и обороны, индийцы будут осуществлять полный контроль. Однако когда стало очевидно, что вице-король не желает поступаться своими чрезвычайными полномочиями, даже Раджагопалачария перестал оспаривать правильность нашей позиции. Как выяснилось позднее, резолюцию Рабочего комитета не все правильно поняли, однако наша позиция была совершенно ясна. Мы сожалели о том, что в своем последнем заявлении Крипс утверждал, будто бы план отвергнут из-за разногласий между индусами и мусульманами. Это обвинение было лишено всякого основания, ибо во время переговоров мы так и не подошли к обсуждению состава Исполнительного совета при вице-короле, когда могли бы возникнуть разногласия по поводу представительства индусов и мусульман. Переговоры прервались на самом простом вопросе — о немедленной передаче реальной власти в руки индийцев — членов Исполнительного совета. Мы никогда ни на одну минуту не задумывались над тем, как в этом совете будут представлены индусы и мусульмане.

Теперь мы должны были передать этот вопрос на рассмотрение Всеиндийского комитета Конгресса, которому предстояло принять твердое решение относительно будущей политики партии. Японцы быстро продвигались, и английские войска были не в состоянии сдержать их. В Индию спешно посылались крупные контингенты английских и американских войск и новейшее вооружение, однако наша страна не была должным образом

подготовлена к отражению угрозы вторжения. Нам надо было решить вопрос, должны ли мы, в случае если японцы вторгнутся в Индию, покориться агрессору или же вступить с ним в борьбу. По сути дела Рабочий комитет еще во время обсуждения плана Криппса отказался от гандистской политики ненасилия и изъявил готовность сражаться против японцев бок о бок с англичанами, и он готов был привести свои слова в исполнение. Однако комитет мог сделать это лишь при условии, если бы англичане отнеслись к индийцам как к равноправным партнерам. Между тем, несмотря на то что англичане, отвечавшие за оборону нашей страны, явно не справлялись с этой задачей, они не желали ослабить свой контроль над Индией.

Черчилль неоднократно заявлял, что, хотя Англия не собирается захватывать какие-либо страны или новые территории, она, невзирая на переживаемые ею бедствия, отнюдь не намерена отказываться от каких-либо из своих нынешних владений. В самый критический момент войны Черчилль предложил Англии и Франции образовать союз — союз двух империй, куда вошли бы территории, из-за которых обе страны на протяжении нескольких веков воевали друг с другом. Однако Индию он не мог рассматривать как равного партнера. Он не желал признать равноправия индийцев даже ради того, чтобы дать им возможность сражаться с японцами.

Ввиду этого нам надо было решить, как организовать оборону. Если бы индийский народ утратил мужество и уверенность в своих силах, это лишь облегчило бы быструю оккупацию страны японцами. Пожалуй, известная часть нашего народа готова была довольно безразлично отнестись к японской оккупации, если бы в результате ее из Индии были изгнаны англичане. Они считали, что с Японией впоследствии как-нибудь удастся сладить, а потому эти индийцы не видели ничего дурного даже в том, чтобы обратиться к Японии за помощью для изгнания англичан. Однако в местных конгрессиистских организациях и в Рабочем комитете не было ни одного человека, который высказывался бы за сохранение нейтралитета или за стовор с Японией. Мы положительно ненавидели японцев, которые вторглись в Китай и оккупировали значительную часть его территории. Япония так же горячо стремилась создать собственную империю, как Англия — сохранить свою. Мы, разумеется, не хотели избавиться от английского ига только для того, чтобы попасть в рабство к японцам. Поскольку английское правительство отвергло нашу помощь в борьбе с Японией, несмотря на наш отход от принципа ненасилия, у нас не оставалось иного выбора, кроме как бороться с японцами своими собственными методами, сводившимися к тому, чтобы вселять в на-

род мужество и уверенность. Могла ли страна бороться с новым агрессором, когда она не сумела ликвидировать английский империализм или не захотела это сделать? Мы считали, что при существующих обстоятельствах лучший способ отразить опасность — это зажечь пламя свободы и патриотизма в сердце каждого индийца.

Это означало борьбу как против Японии, так и против Англии, но англичане не могли осуждать нас: они сами на это напросились. Ввиду их отказа предоставить нам даже ограниченную свободу, которой мы готовы были довольствоваться, мы вряд ли могли проводить какое-либо различие между англичанами и японцами: одни лишили нас независимости, а другие стремились занять место первых и основать в Индии новую империю. Нам не из чего было выбирать. Правда, англичане собирались предоставить нам статус доминиона после успешного завершения войны. Но японцы тоже обещали нам свободу, если мы поможем им изгнать англичан из Азии. Кому мы должны были верить? Мы решили не доверять ни тем, ни другим, а по мере сил готовиться к тому, чтобы завоевать свою свободу и отстаивать ее, как бы ни относились к этому англичане.

Гандиджи начал писать горячие статьи в газете «Хариджан». Он подготовил проект резолюции для Всеиндийского комитета Конгресса, который созывался в Аллахабаде, и послал его через г-жу Майробен. Когда Рабочий комитет приступил к обсуждению этой резолюции, сразу же выявились разногласия: часть членов комитета поддержала ее, другие же, разделявшие мою точку зрения, выступили против. Делались попытки внести в резолюцию поправки, но они оказались безуспешными. В конце концов в интересах сохранения единства мы сняли свои возражения и согласились с тем, чтобы резолюция была принята в той форме, как этого хотели другие. Когда собрался Всеиндийский комитет Конгресса, стало ясно, что Махатму поддерживает вся страна. Если бы его резолюция была внесена на рассмотрение ВИКК, ее одобрение было бы обеспечено, однако любое обсуждение этой резолюции обнаружило бы перед публикой наши разногласия. Поэтому мы решили не выставлять напоказ эти расхождения и, отложив резолюцию Махатмы, предложили вместо нее другую, имевшую, однако, много общего с резолюцией, предложенной им. Когда Гандиджи впоследствии ознакомился с ней, он заявил, что, хотя она и не вполне его удовлетворяет, он принимает ее, ибо эта резолюция предоставляет достаточно широкие возможности для его деятельности в Конгрессе.

ЯПОНСКАЯ УГРОЗА

Из Аллахабада я вернулся в Патну, повидавшись в Вардхе с Гандиджи. Мне казалось, что мы приближаемся к прямому столкновению с англичанами. В стране повсюду чувствовалось недовольство. Статьи Гандиджи становились все более и более резкими. Я решил совершить поездку по Бихару, чтобы разъяснить народу точку зрения Гандиджи, а также подготовить его к надвигающемуся кризису. Надо было ободрить людей, напуганных беспрепятственным продвижением японцев, и объяснить им, что они должны делать, если японские войска пересекут наши границы.

Как раз в это время произошел один инцидент, виновником которого, боюсь, был я. На заседании Рабочего комитета Конгресса в Аллахабаде я пытался внести поправки в проект резолюции, составленный Гандиджи. Уезжая из Аллахабада, я забыл захватить с собой листок бумаги, на котором записал свои поправки, и вспомнил об этом только по пути в Вардху. Я написал в канцелярию Конгресса и попросил немедленно переслать мне этот листок в Вардху, поскольку Гандиджи мог пожелать с ним ознакомиться. Однако я не получил никакого ответа и, решив, что мое письмо не дошло, выехал в Патну. Позднее я узнал, что полиция совершила налет на «Сварадж бхаван», обыскала все помещения и захватила копию резолюции Гандиджи и протоколы последнего заседания Рабочего комитета. Мне сообщили также, что полиция перехватила мое письмо, из которого узнала о существовании резолюции Гандиджи, что и послужило причиной налета. Министр внутренних дел сэр Ричард Тотенхэм постарался как мог обыграть этот материал в своей брошюре, опубликованной тотчас после августовских беспорядков. Я все более проникался уверенностью в неизбежности столкновения с правительством.

Власти вели себя глупо и деспотично. Они начали готовиться к обороне в прибрежных районах, где опасались высадки японцев. Чтобы лишить агрессора десантных средств, они начали реквизировать лодки, принадлежавшие жителям прибреж-

ных деревень. Особенно широко это проводилось в Бенгалии, где был отдан приказ уничтожить все речные суда. Деревенское население, для которого лодки были не только средством транспорта, но и важнейшим источником существования, было разорено. В некоторых районах Бенгалии жизнь деревень оказалась совершенно парализованной. Это было начало глупейшей тактики «выжженной земли», которую пытались проводить правительство. Правительство захватило также рисовые склады в деревнях, чтобы они не попали в руки врага.

В Бихаре на пространстве от Чхота-Нагпур до реки Сон велись приготовления с целью создать новый фронт. В нескольких местах были построены аэродромы и дороги. Для этих строек правительство захватывало тысячи акров пахотной земли, обрекая крестьян на тяжелую нужду. Им обещали справедливую компенсацию за дома и земли, реквизируемые правительством, но так ничего и не заплатили. Крупные контингенты английских и американских войск непрерывным потоком прибывали в Северный Бихар и Чхота-Нагпур, превратившиеся в гигантский военный лагерь. Так как война подошла к границам Ассамы и железные дороги использовались преимущественно для транспортировки войск, с транспортом стало очень туго. Особенно большая нагрузка приходилась на Ауд-Тирхутскую железную дорогу (ныне Северо-Восточная дорога), связывающую Ассамы и Северный Бихар с Аудом. Железнодорожные составы везли подкрепления на фронт и доставляли раненых в Северную Индию. Жители прибрежных районов начали перебираться в Бихар, Соединенные провинции и еще дальше на запад. Эта добровольная эвакуация породила в массах чувство неуверенности. Делались попытки построить новые дороги, открыть гостиницы, организовать снабжение беженцев пищей и питьевой водой. Все это в какой-то мере облегчало положение людей, но в стране царил ожидание чего-то неотвратимого. Каким бы упорным ни было сопротивление противнику, казалось, все было готово к поспешному отступлению.

Результатом всего этого были смутнение и страх, охватившие страну. Чтобы рассеять их, я решил объехать весь Бихар. Состояние здоровья уже не позволяло мне выступать с речами по восемь-десять раз в день, поэтому я решил ограничить свою программу посещением одного или двух населенных пунктов в каждом округе, где намеревался выступать на массовых митингах и перед работниками Конгресса. В провинции ощущался острый недостаток тканей и зерна, и я решил встретиться с торговцами и обсудить с ними меры по его ликвидации. Тщательно разработав свою программу, я отправился в поездку в конце апреля 1942 года и завершил ее через два месяца.

Я говорил своим слушателям о предстоящей борьбе с правительством, подчеркивая, что время для выдвижения определенной программы еще не наступило, но что столкновение неизбежно. Движение примет характер гражданского неповиновения, ненасильственной борьбы, но оно будет более решительным и напряженным, чем все те кампании, которые мы проводили до сих пор. Японцы распространяли через Токийскую радиостанцию настойчивую пропаганду насчет своего стремления освободить Индию от английского ига. Я в своих речах предупреждал слушателей, чтобы они не верили японцам, и напоминал о зверствах, которые те творили в Китае. Мы не хотели освободиться от англичан только для того, чтобы попасть в лапы японцев, и поэтому я говорил, что мы будем бороться против обеих империалистических держав. Я сознавал, что по сравнению с прошлыми временами, когда я неизменно проповедовал мир и умеренность, мои речи на этот раз отличались небывалой горячностью, и мои слушатели тоже наверняка это чувствовали.

Мне вспоминается в этой связи один случай на массовом митинге в Патне в 1930 году, в самом начале сатьяграхи. Городская молодежь была возбуждена и выступала с зажигательными речами. Меня попросили выступить и, когда я поднялся, кто-то из молодых людей проворчал, что я уж постараюсь вылить ушат холодной воды, чтобы умерить энтузиазм народа. Услыхав это замечание, я сказал, что, если народный энтузиазм не уменьшится, несмотря на холодный душ, я буду считать его подлинным и здоровым энтузиазмом, в противном же случае их пыл следует рассматривать попросту как лихорадочный жар большого, а их демонстрацию — как стоны страждущего.

На этот же раз я меньше всего помышлял о холодном душе, стремясь своими речами вдохнуть мужество и решимость в души людей. В то же время я не упускал из виду и конструктивную программу и призывал население и торговцев помочь ликвидировать недостаток одежды и продовольствия. Если бы правительство желало заручиться сотрудничеством народа и действовало более осмотрительно, эти нехватки не привели бы к такому острому кризису. Поэтому я говорил своим слушателям, что они должны сами о себе позаботиться. Цель моих речей была не стремление настроить народ против правительства, а желание подготовить его к сопротивлению японцам и объяснить ему, что, поскольку власти ничего не сделали, чтобы мобилизовать его на отражение угрозы, он должен действовать сам, не рассчитывая на их помощь.

Повсюду создавались аэродромы и военные лагеря, и правительству приходилось реквизировать все больше и больше земель. Когда я приехал в Гаю, там меня ожидала большая де-

путация, которая излила мне свои жалобы. Это были крестьяне и помещики, чьи земли правительство реквизирировало для расширения уже действовавшего аэродрома. Обещанной компенсации им не выплатили. Положение их было поистине бедственным. В Гае я повсюду наблюдал кипучую деятельность: расширялся аэродром, строились новые посадочные площадки, целые колонны грузовиков везли строительные материалы к аэродрому, где трудились тысячи рабочих. В то же самое время часть деревень была уже эвакуирована, а несколько других находилось в процессе эвакуации. Люди, лишившиеся крова и земли, бесцельно бродили вокруг, и о них некому было позаботиться. Здесь в наших руках был легко воспламеняющийся материал, и если бы мы стремились помешать властям в их военных усилиях, более благоприятной возможности трудно было ожидать. Между тем я говорил этим людям, что правительство не могло не реквизирировать их землю в интересах обороны страны и что, если они получают достаточную компенсацию, которая позволит им переселиться в другое место, они не должны мешать действиям властей. Я обещал им помочь добиться от правительства компенсации, хотя и не был уверен, что оно захочет меня слушать.

Вернувшись в Патну, я написал советнику бихарского правительства письмо, перечислив в нем лиц, которых затронула конфискация земли в Гае, и внес свои предложения относительно справедливой компенсации. Так как при распределении компенсационных сумм часто допускались ошибки, я предложил, чтобы деньги распределялись в присутствии представителей Конгресса. Помимо земли, реквизирированной для строительства аэродромов и различных зданий, значительная часть ее использовалась просто под посадочные площадки и лагеря. Я предложил советнику, чтобы такие земли по миновании критического положения были возвращены первоначальному владельцу в таком состоянии, чтобы крестьяне могли использовать их под пахоту. За ту продукцию, которая могла быть получена с земельного участка крестьянина в период, когда он не мог им пользоваться, должна быть выплачена компенсация. За земли, на которых были построены те или иные сооружения и которые ввиду этого не могли быть возвращены, крестьянам должно быть уплачено по их полной стоимости, так же как и за разрушенные дома. Правительство реагировало на мое письмо немедленно: я получил от чиновника правительственной администрации Патны письмо, в котором он полностью соглашался с моим подходом к сложной проблеме компенсации.

Прибыв в округ Манбхум, я застал там точно такую же картину. Окружной коллектор реагировал на мои предложения так

же, как и чиновник правительственной администрации Патны. Я потому так подробно останавливаюсь на этом вопросе, что в 1942 году, когда начались августовские беспорядки, правительство выдвинуло против нас ложные обвинения, будто мы стремились помочь Японии и чинили всяческие помехи английским властям. Впоследствии, правда, правительство взяло назад свои обвинения как необоснованные, но наши «друзья» из Мусульманской лиги без устали, к стати и не к стати, повторяли эти инсинуации.

Завершив свою поездку, я направился в Вардху для участия в заседаниях «Всеиндийской чаркха сангх» и Рабочего комитета Конгресса. На заседании «Чаркха сангх», которое состоялось первым, обсуждался вопрос о расширении производства кхади. Так как большинство текстильных фабрик было занято производством тканей для армейского обмундирования, нужды населения оставались неудовлетворенными. Поэтому мы решили увеличить выпуск ткани, изготавливаемой на ручных станках, а для этого активизировать деятельность «Чаркха сангх», поставив ее на широкую ногу. Затем состоялось заседание Рабочего комитета. Обсуждение программы его деятельности на ближайший период заняло несколько дней.

*

РЕЗОЛЮЦИЯ «ВОН ИЗ ИНДИИ!»

Во время обсуждения в Рабочем комитете предложения начать сатьяграху некоторые возражали против него. Среди них был и д-р Сейид Махмуд. Дебаты затянулись, но комитет не смог прийти к какому-либо соглашению. Обеспокоенный этой нерешительностью, я обратился к Гандиджи с просьбой посоветовать нам, какого курса держаться. Он наотрез отказался что-либо делать, пока мы окончательно не решим начать сатьяграху. Только тогда, говорил Гандиджи, он смог бы выработать какой-то план; теперь же в Рабочем комитете не было единства взглядов и нельзя было предугадать, какой будет реакция правительства на его решение. В столь неопределенных условиях, сказал Гандиджи, он не в состоянии помочь Конгрессу. По его мнению, сатьяграха должна была принять исключительный размах. А это грозило ее участникам не только тюрьмой, но требовало от них еще более тяжелых жертв: возможно, мы лишились бы всего нашего имущества и достоинства. Вполне вероятно, что пришлось бы пожертвовать всем достоинством «Всеиндийской чаркха сангх», которое оценивалось в 4 миллиона рупий, и ее работниками, хотя мы только на днях решили расширить деятельность этого общества. Поэтому прежде чем выработать план движения, необходимо было иметь ясное представление об обстановке. Мы все считали эту неопределенность большой слабостью, но нам приходилось с этим мириться, так как в конечном счете программой должен был составить Гандиджи, а на этой стадии он не мог ее выработать. В конце концов было решено, что Рабочий комитет соберется в начале августа в Бомбее и примет окончательное решение по этому вопросу.

Перед отъездом из Вардхи я зашел попрощаться с Гандиджи. Я застал у него нескольких друзей, обсуждавших вопрос, совместимо ли с ненасилием разрушать железнодорожное полотно и перерезать телеграфные провода. Мне было известно, что эта проблема сильно занимала некоторых членов Конгресса с тех самых пор, как зашла речь о сатьяграхе. Я сразу же ска-

зал Гандиджи, что во время подобной кампании 1930 года, когда он и многие другие руководители находились в тюрьме, а обязанности председателя Конгресса выполнял пандит Мотилал Неру, я присутствовал на заседании Рабочего комитета в Аллахабаде, где был поднят тот же вопрос; фактически кое-где уже наблюдались случаи повреждения телефонных и телеграфных проводов, но затем все это было прекращено, так как мы не поощряли подобных методов. Я не удивился поэтому, что такой вопрос был поднят снова, и просил Гандиджи, чтобы, формулируя свою программу, он дал ясные инструкции и на сей счет.

Гандиджи отметил, что вопрос о насилии или ненасилии не встает, когда мы режем сталь или дерево, что так часто приходится делать в повседневной жизни. Но совсем другое дело резать телеграфные и телефонные провода или разбирать железнодорожное полотно. Является ли данное конкретное действие насильственным или нет, зависит от побудительных мотивов, от способа выполнения и от вытекающих из него последствий. Если в результате такого акта погибнут люди или пострадает невинный, значит, это было насилие, но можно представить себе и такой случай, когда подобный акт будет носить ненасильственный характер.

Мы поняли его так, что насильственный или ненасильственный характер действия определяется тем, угрожает ли оно чьей-либо жизни и берет ли исполнитель на себя полную ответственность за свой поступок, дабы за него не пострадали другие. Но все эти рассуждения оставались беспредметными. Программа действий не была принята, и вряд ли можно было ожидать ее утверждения до заседания Всеиндийского комитета Конгресса в августе. Это, однако, не помешало впоследствии правительству обвинить Конгресс в том, что нарушение коммуникаций осуществлялось по плану кампании сатьяграхи. Ганди возразил, что правительство ошибочно приняло теоретическое обсуждение программы за самую программу, и он был совершенно прав.

По пути в Патну я заехал в Гонду, где выступил на митинге, а затем отправился в Бенарес на сессию «*Бхаратья итихас Паришад*». Теперь, когда сатьяграха должна была начаться со дня на день, я хотел закончить кое-какую работу, которую выполнял для «Паришада». Дело в том, что это общество поручило некоторым ученым написать труды по ряду проблем истории Индии. Том об *Акбаре* был почти готов и должен был выйти к четырехсотлетию со дня его рождения, приходившемуся на этот год. Но «Паришад» испытывал ряд трудностей, не хватало бумаги, и негде было взять справочные издания, так как располагавшие ими библиотеки Калькутты и Мадраса были перенесены в другое место в качестве меры предосторожности на слу-

чай японских бомбардировок. Джай Чандра Видьялапкар, являвшийся душой «Паришада», хотел посоветоваться со мной по всем этим вопросам. В Гонде я собрал для «Паришада» некоторую сумму денег, которые передал теперь его правлению; я побеседовал также с Джай Чандрой о том, что следует предпринять для выпуска труда об Акбаре и еще некоторых работ, также уже почти законченных.

Затем я отправился к Тарапур (округ Монгхир), где состоялась конференция «Кисан сабха», много раз откладывавшаяся из-за того, что я не мог на ней присутствовать. Конференцию открыл Ачария Крипалани, а председательствовал на ней Кришна Баллабх Сахай. На конференции присутствовали также д-р С. К. Синха, Ануграх Нараян Синха и другие видные деятели Бихара. По приезде на место у меня начался приступ астмы, но я все же принял участие в работе конференции. Когда меня попросили выступить и я уже поднялся, чтобы произнести речь, пошел дождь, и конференцию буквально «смыло» водой, как это случилось раньше с Рамагархской сессией Конгресса. Переночевав в Тарапуре, я выехал наутро в Патну. Мне стало хуже, и у меня поднялась температура. Еще во время сессии Рабочего комитета в Вардхе я испытал приступ болезни, но все же как-то умудрился присутствовать на всех заседаниях. Сейчас же оставалось всего две недели до важной сессии Всеиндийского комитета Конгресса, и я горячо надеялся поправиться к этому времени.

Тридцать первого июля я созвал в Садакат-ашраме заседание Бихарского провинциального комитета Конгресса, чтобы выяснить, как его члены относятся к предложению о сатьяграхе, которое должно было обсуждаться в Бомбее. Несмотря на болезнь и вызванную ею слабость, я выступил с горячей речью. Рассказав о совещании в Вардхе, я разъяснил людям, чего им следовало ожидать от предстоящей борьбы и почему она имела столь большое значение для страны. Спустя день-другой после этого заседания бихарцы — члены ВИКК выехали в Бомбей, но меня болезнь задержала в Патне.

Газеты того времени писали о решительной позиции правительства и его готовности арестовать всех руководителей Конгресса во время заседания Всеиндийского комитета в Бомбее, чтобы подавить агитацию в зародыше. В Бихаре распространялись также слухи, что власти намерены арестовать всех руководящих деятелей Конгресса этой провинции; говорили, что тюрьму Кэмп, до тех пор пустовавшую, спешно готовят к приятию видных конгрессистов. Я опасался, что, если эти сообщения подтвердятся, люди останутся без всякого плана действий, а поэтому считал нужным разработать такой план хотя

бы для своей провинции. Я припомнил, как Гандиджи говорил нам раньше, что в случае, если все лидеры будут арестованы, а народу не успеют сообщить программу действий, каждый член Конгресса обязан смотреть на себя как на руководителя и в соответствии с принципами ахимсы разработать собственный план сатьяграхи и последовательно проводить его в жизнь, так как это должно было стать последней стадией нашей борьбы за свободу. Чувствуя себя недостаточно здоровым, чтобы сидеть и писать, я пригласил Дип Нараяна Синга и Матхура Прасада, подробно изложил им свои предложения и попросил подготовить проект в этом духе. После того как они — вместе с Ануграх Нараян Синхой, не поехавшим в Бомбей, — закончили составление проекта, я просмотрел его и внес некоторые поправки. Затем исправленный вариант был сдан в набор. Я сказал своим друзьям, что, если все видные деятели Конгресса будут арестованы, а программа Всеиндийского комитета не дойдет до народа, в провинции должны придерживаться плана, изложенного в моем проекте. Определенная в нем программа действий, основанная на ненасилии, мало отличалась от программы предыдущих кампаний, но имела более активный характер.

Тем временем из Дели поступило сообщение, что до 8 августа правительство не будет предпринимать никаких мер против Конгресса в ожидании того, как он поступит. По поводу Конгресса в этом сообщении говорилось, что, прежде чем предпринимать следующий шаг, Гандиджи хотел бы встретиться с вице-королем и что движение будет начато только в случае провала переговоров. Я был склонен поверить этому и полагал, что нет надобности спешить с обнародованием моей программы. Я решил, прежде чем что-либо предпринимать, дожидаться возвращения из Бомбея бихарцев — членов Конгресса, которых ожидали 11 августа. Поскольку было принято такое решение, Ануграх Нараян отправился в Раз-Барели навестить больного брата, а Дип Нараян поехал по делу в Музаффарпур. Матхура Прасад и Чакрадхар Саран остались со мной в Садакат-ашраме.

На историческом заседании Всеиндийского комитета Конгресса в Бомбее Гандиджи произнес большую речь, в которой призывал народ «добиться победы или умереть». Он сказал также, что попытается еще раз встретиться с вице-королем и прийти к компромиссу. С зажигательной речью, вызвавшей всеобщее восхищение, выступил сардар Патель. Вечером 8 августа 1942 года ВИКК принял знаменитую резолюцию с требованием «Вон из Индии!» — она настаивала на немедленном уходе англичан из нашей страны. На следующее утро я узнал по радио об аресте Махатмы Ганди и членов Рабочего комитета.

СНОВА В ТЮРЬМЕ

Утром 9 августа мой секретарь Матхура Прасад отправился в город, а я лежал в постели в Садакат-ашраме, просматривая газетные сообщения о заседаниях Рабочего комитета, как вдруг появился начальник округа Арчер в сопровождении городского врача майора Мардока. Арчер справился о моем здоровье и о «программе Конгресса». Мне сразу же стала ясна цель его визита. На мой вопрос, чему приписать честь его посещения, он ответил, что в связи с моей болезнью он запросил инструкции у правительства, которое передало вопрос на решение городского врача, чтобы тот определил, могу ли я выдержать длительный переезд. Врач выслушал меня и пришел к заключению, что я не в состоянии ехать. Тем временем ко мне пришли жена и сестра, которых известили, что меня, возможно, арестуют. В полдень меня увезли в тюрьму Банкипур.

Матхура Прасад и Чакрадхар Саран проводили меня в тюрьму, сделали все необходимое, чтобы устроить меня поудобнее, и вернулись к себе. Через несколько минут ввели Фулан Прасад Варму. К ночи в тюрьму был доставлен Матхура Прасад, имевший перед тем беседу с Арчером. На следующий день число арестованных увеличилось. Шри Кришна Синха, Сатьянараян Синха и Махамая Прасад были арестованы по возвращении из Бомбея и вместе с Ануграх Нараяном препровождены в тюрьму Банкипур. Я узнал, что суды закрыты и что у ворот резиденции бихарского правительства собралась огромная толпа. Газеты доставлялись в тюрьму беспрепятственно, но в них мало что можно было почерпнуть. Единственным источником информации оставались вновь прибывшие заключенные.

На следующий день тысячная толпа двинулась к административному центру. Полиция открыла огонь — девять юношей были убиты и многие ранены. Около сорока молодых людей, арестованных за участие в демонстрации, были доставлены в тюрьму Банкипур. Они-то и рассказали нам о событиях этого дня. В тот же день начали резать телефонные и телеграфные

провода. Телефонная сеть в Патне была парализована. Всю ночь люди шли по улицам, и шум проникал к нам даже сквозь тюремные стены.

Тюрьма была набита до отказа, так как из-за роста грабежей и других преступлений там содержалось большое число уголовных преступников. Многие из них ожидали суда. Поскольку с притоком политических заключенных камер стало не хватать, власти решили перевести заключенных класса «А» в тюрьму Банкипур, а остальных — в тюрьму Кэмп. Сорок арестованных в тот день молодых людей должны были быть переведены на завтра в тюрьму Кэмп. Эти юноши, размещенные в отдельном двухэтажном корпусе, имели возможность переговариваться с толпой, собравшейся у тюремных ворот. Они рассказывали, что на следующий день их намерены перевести в тюрьму Кэмп, поэтому толпа терпеливо ждала до трех часов утра, когда прибыл транспорт для заключенных. Как только первый грузовик выехал за ворота тюрьмы, толпа остановила его, освободила юношей и подожгла машину. Остальные грузовики не тронулись с места. Заключенных вернули в тюрьму. На место происшествия явились войска, очистившие весь район. Позже юноши были перевезены в тюрьму Кэмп под воинским конвоем.

Число заключенных класса «А» росло изо дня в день, так что вскоре их некуда было девать, кроме тюремной больницы. Поговаривали о переводе их в тюрьму Хазарибаг, но к этому времени железнодорожное движение было полностью нарушено и поезда не ходили. Почти месяц заключенных класса «А» держали в больнице и других помещениях, пока не появилась возможность перевести их в Хазарибаг. Я, однако, остался в Банкипуре, поскольку по состоянию здоровья не мог выдержать переезда, да и климат Хазарибага не подходил для меня.

Спустя несколько дней после моего прибытия в тюрьму стали распространяться слухи, что меня скоро переведут куда-то за пределы Бихара, где содержатся в заключении остальные члены Рабочего комитета. Но, поскольку единственным средством передвижения оставался самолет, а я не мог бы выдержать путешествия по воздуху, от этой мысли отказались. Я находился в Банкипуре уже десять месяцев, когда меня навестил городской врач майор Мардок. Стояло лето, здоровье мое улучшилось, и поэтому визит врача заинтриговал меня: я догадался, что меня опять собираются куда-то перевести. Когда я обратился с этим вопросом к Мардоку, он сказал, что не получил на этот счет никаких официальных предписаний, а если бы даже получил, то не стал бы об этом говорить. Тем не менее он сообщил мне по секрету, что моя догадка правильна. Далее я узнал, что меня хотят перевести не в Хазарибаг, а куда-то

на юг, в район Пуны. Но из этого ничего не вышло. Уже выйдя из тюрьмы, я узнал, что меня собирались доставить в крепость Ахмед-нагар, в которой содержали членов Рабочего комитета и где для меня даже было приготовлено помещение. Почему от этого плана потом отказались, я не знаю.

До своего ареста я лечился у Вайдыраджа Брадхи Бихари Чаубе — врача, лечившего по принципам аюрведы. Я не был уверен, что власти разрешат мне продолжать лечение в тюрьме даже по моей просьбе. К тому же я не любил просить об одолжениях. Поэтому мне пришлось переключиться на аллопатию. Обычно моими врачами были директор Медицинского колледжа Патны д-р Т. Н. Баннерджи, д-р Рагхунатх Саран и д-р Дамодар Прасад. Власти разрешили мне пригласить д-ра Баннерджи, если городской врач, являвшийся по долгу службы и инспектором тюрьмы, сочтет это необходимым. Д-р Баннерджи часто навещал меня. Если состояние мое ухудшалось, он приводил с собой д-ра Рагхунатх Сарана и д-ра Дамодар Прасада. Таким образом в тюрьме я имел возможность пользоваться советами крупнейших врачей Патны. Мне не приходилось жаловаться на то, что правительство не заботилось о моем лечении и удобствах. Власти с самого начала разрешили Матхур Прасаду и Чакрадхару остаться со мной. Позже разрешение присоединиться ко мне было дано и Бальмике.

Немного погодя частые перемещения заключенных в Банкипуре прекратились, так как вновь арестованных отправляли прямо в тюрьму Кэмп. Одно время заключенные, внесенные в списки больных, служили для меня своего рода связующим звеном с моими коллегами в Хазарибаге, так как таких арестованных, прежде чем поместить в общую больницу Патны, доставляли в тюрьму Банкипур. Но и этому вскоре пришел конец, потому что их стали направлять прямо в больницу, и все же новости всегда доходили до нас. Читателям будет интересно узнать, что известие о том, что члены Рабочего комитета находятся в крепости Ахмед-нагар, было получено нами через несколько дней после нашего ареста, вероятно задолго до того, как об этом стало известно широкой публике.

Газеты Патны перестали выходить спустя несколько дней после нашего ареста. Правительство Бихара начало издавать ежедневную газету «Патна ньюс». Нам разрешалось читать ее, и оттуда мы узнали о введении в провинции коллективных штрафов и о том, какая сумма взималась с каждого района. Мы высчитали, что за несколько месяцев штрафы выросли почти до двух миллионов рупий!

Пребывание в тюрьме всегда тягостно, поскольку оно лишает человека свободы, но я должен сказать, что в конечном

счете мне не так уж плохо жилось в Банкипуре. Вскоре я прировнился к своему окружению, а к тюремным порядкам привык еще в Хазарибаге, где сидел за несколько лет до этого. Прибытие новых заключенных всегда вызывало у нас радость, так как они приносили свежие новости. Немного погодя мы начали получать газеты, но вести о том, что происходило в стране, не радовали нас. Когда приток новых заключенных прекратился, я начал ткать, а также читал и писал. Со здоровьем у меня было, конечно, неважно, хотя я и не был прикован к постели. Часто меня навещали родные, которые почти всегда приводили с собой внуков. Те полчася, что я проводил, играя с детьми, были очень радостными. Мой внук Арун, которому было в то время два с половиной года, так освоился в тюрьме, что от тюремных ворот бежал прямо в больницу, где я находился. Обычно я оделял его и внучек сладостями, но Арун уходил разочарованный, когда я говорил ему, что не смогу пойти с ним домой, как он хотел.

Я пережил тревожное время, когда мы узнали из газет, что Гандиджи начал голодовку. Я обратился к властям с просьбой разрешить моим друзьям, находящимся на воле, ежедневно информировать меня по телеграфу, как протекает голодовка, и получил соответствующее разрешение. Но телеграммы всякий раз проходили цензуру, что вызывало задержку на сутки, к тому же в них не содержалось ни слова сверх того, что было уже опубликовано в газетах. Поэтому я отказался от получения телеграмм. Однажды в Патне распространились слухи, что Махатма скончался, хотя я лично не получил об этом сведений. На другой день газеты сообщили, что он поправляется и что кризис миновал. Вскоре, к нашей огромной радости, мы узнали, что он благополучно закончил голодовку.

В то же время к нам стали просачиваться сообщения о репрессивных мерах армии, полиции и судебных властей. Новые указы — настоящие орудия подавления — применялись не только к политическим, но и к уголовным делам. Это можно проиллюстрировать двумя примерами. Однажды во время драки из-за земли в одной из деревень округа Патны (это случилось через несколько дней после нашего ареста) был убит крестьянин. Полиция придала потасовке политическую окраску и арестовала восемь человек, утверждая, будто погибший был убит членами Конгресса за то, что вступил в армию вопреки их желанию. Специально назначенный судья, разбиравший это дело, выяснил, что убитый никогда не служил в армии, но поскольку факт убийства был неоспорим, судья приговорил восемь человек к смертной казни. По указу, на основании которого их судили, приговор подлежал утверждению одним из

членов Высшего суда. Высший суд оправдал семерых обвиняемых, но утвердил смертный приговор восьмому. Апелляция, поданная в Тайный совет, была отклонена. Тюремные власти, видимо, были заинтересованы в том, чтобы от имени приговоренных к смерти подавались прошения о помиловании. Меня попросили составить такое прошение от имени этого человека, и губернатор Бихара принял прошение и смягчил приговор. Поскольку полиция отнесла обвиняемого к разряду политических заключенных, после образования конгрессиистского правительства в 1946 году этот человек был освобожден вместе с другими заключенными. Выйдя на свободу, он сразу же явился в Садакат-ашрам, чтобы засвидетельствовать мне свое уважение.

Другой случай касался инвалида, обвиненного в бандитизме и приговоренного на основании новых указов к семи годам тюрьмы. Полиция сообщила, что на дороге Ранчи — Патна бандиты задержали повозку, груженную мешками с рисом; они забрали мешки и, взвалив их на спину, пытались убежать. На крики возчика сбежались прохожие. За бандитами снарядили погоню, и все они были схвачены. Но среди задержанных оказался и какой-то инвалид. Как больного, его поместили в тюремный госпиталь Банкипура. Это был хромой шестидесятилетний старик, с трудом передвигавшийся. Из-за увечья пальцы на его руках остались скрюченными. Как он мог пробежать целую милю с мешком риса на спине, было выше моего понимания! Но мировой судья, явившийся в тюрьму, чтобы допросить инвалида, предпочел поверить обвинению, а не собственным глазам и приговорил этого человека к семи годам тюрьмы! Однажды несчастный пришел ко мне и, упав к моим ногам, заплакал. Я обещал ему помочь. Через тюремщика мне удалось достать определение суда, и я написал апелляцию. Высший суд Патны оправдал этого человека.

Что же касается политических дел, то чем меньше об этом будет сказано, тем лучше. Мне вспоминается один забавный случай. В сезон дождей часть территории округа Патны покрывается водой. Из окна поезда можно видеть широкие потоки воды по обе стороны железной дороги. Все деревни, расположенные в затопляемом районе, который носит название Тал, на два месяца оказываются отрезанными от внешнего мира. Даже почтальон, обычно навещающий в эти деревни раз в неделю, никогда не появляется там в период дождей.

В одной такой деревне жители вели долгую тяжбу с помещиком. Находчивый землевладелец решил использовать новые указы к своей выгоде. Он выдвинул фантастические обвинения: ему удалось убедить полицию (если ее вообще нужно было в

этом убеждать), что крестьяне якобы создали собственное правительство во исполнение резолюции Всеиндийского комитета Конгресса от 8 августа. По его словам, они назначили своего собственного раджу, министров и главнокомандующего и ввели высокие налоги. К обвиняемым применили некоторые наиболее суровые статьи уголовного кодекса, и их имущество было конфисковано. «Раджа», «министры» и «главнокомандующий» были заключены до суда в тюрьму Банкипур. «Главнокомандующий» оказался настолько больным, что большую часть времени провел в госпитале. Когда их дело слушалось в суде, обвиняемые указали, что все оно от начала до конца сфабриковано помещиком из местности, что они не имели ничего общего с Конгрессом и никогда не слышали о бомбейской резолюции. Судья принял доводы защиты и вынес решение считать обвинения необоснованными, поскольку во время заседания ВИКК и после него крестьяне были отрезаны от внешнего мира и потому не могли ничего знать о резолюции Конгресса. Все обвиняемые были оправданы, но они провели два года в тюрьме и немало потратились на адвокатов!

Был и еще случай с двадцатилетним юношей, очевидно замешанным в воровстве; по какой-то причине полиция хотела надолго упрятать его в тюрьму. За несколько дней до 8 августа он был задержан в поезде за проезд без билета. В то время, когда он находился в тюрьме, начались беспорядки, и полиция воспользовалась этим, чтобы обвинить его в соучастии в поджогах и разграблении полицейских участков, повреждении железнодорожных путей и телеграфных проводов. За проезд без билета юноша был приговорен к тюремному заключению на одну неделю и после отбытия наказания отпущен. Но полиция задержала его вместе с политическими заключенными и возбудила против него новое дело. Он был оправдан, так как сумел доказать, что в день поджога находился в тюрьме. Но полиция не так-то легко выпускала свою добычу: против него было возбуждено еще одно дело. В свою защиту молодой человек опять сослался на тот факт, что в день, когда он якобы совершил приписываемое ему государственное преступление, он на самом деле сидел в тюрьме. Это, однако, не помогло, и судья приговорил его к нескольким годам заключения. Первая апелляция юноши была отклонена. Тогда он подготовил еще одну, в которой указывал на свою невиновность и заявлял, что по тюремным книгам можно установить, что он находился в тюрьме в момент приписываемого ему преступления и что на этом основании он уже был оправдан по другому делу. Когда в тюрьму прибыл для проверки начальник округа, юноша вручил ему свою апелляцию. Начальник удивился, но все же взял

апелляцию. Затребовав дело и убедившись в невинности юноши, он добился его оправдания.

Делам, подобным этому, нет числа, и кто знает, сколько невинных людей — наряду с политическими деятелями — стали жертвами произвола! Несколько человек были приговорены к двадцати и пятидесяти годам тюрьмы! Не являлись редкостью и приговоры к пожизненному тюремному заключению. А число приговоренных к четырем — пяти годам было поистине огромно. Когда Верховный суд объявил о некоторых указах, на основании которых возбуждались дела *ultra vires*, вице-королю пришлось издать новый указ, разрешавший обжалование. Когда же обвиняемые использовали свое право апелляции, Верховный суд многих оправдал, а некоторым смягчил наказание. Несколько заключенных были освобождены, так как уже успели отбыть тюремное заключение во время следствия.

Во время предыдущих кампаний Конгресса политические деятели никогда не прибегали к защите в суде. Экспессы, конечно, случались, но какое-то уважение к закону и справедливости все же соблюдалось, и приговоры не были такими произвольными, как во время августовских беспорядков 1942 года. Иногда взымались большие штрафы, но люди не боялись их и охотно следовали указаниям Махатмы не пользоваться защитой. Но теперь позиция правительства, видимо, изменилась. Тяжелые наказания, в том числе смертная казнь, стали обычным явлением. Поэтому встал вопрос, должны ли деятели Конгресса прибегать к защите или же им следует мириться с подобной жестокостью. Я решительно высказался за то, чтобы в таких случаях обвиняемые приглашали адвоката. Некоторые не разделяли моих взглядов, а кое-кому они, вероятно, были попросту неизвестны, поэтому многие конгрессисты не воспользовались правом защиты и понесли суровое наказание. Одним из пострадавших был мой друг Джаглал Чаудхари, приговоренный к десяти годам тюрьмы. Его «преступление» заключалось в следующем. Узнав о том, что его сын застрелен, он отправился в полицейский участок выяснить, где находилось тело убитого. Вместо ответа он подвергся аресту!

Когда был издан пересмотренный указ, разрешавший подавать апелляции, я еще раз высказался за то, чтобы пользоваться правом защиты. За это говорили два довода: во-первых, если бы мы начали защищаться, это, возможно, побудило бы судей действовать не столь беззастенчиво; во-вторых, я видел, что в различных кампаниях участвовало много людей, не имевших никакого отношения к Конгрессу и желавших пользоваться услугами защитника, да и многие члены Конгресса этого хотели. Я указал, что, если не дать таким людям возможности

защищаться, это может вызвать недовольство, а в некоторых случаях привести к нарушению инструкций. При таких обстоятельствах самое лучшее было разрешить всем пользоваться услугами адвокатов. Я был убежден, что большинство из нас будет освобождено одновременно, какие бы приговоры нам ни вынесли. Нельзя было допустить, чтобы некоторые конгрессисты были осуждены на длительные сроки и остались в тюрьме после нашего освобождения.

Поэтому я был очень доволен, что Гандиджи по выходе из тюрьмы распорядился предлагать защитников во всех случаях. Предметом нашего беспокойства были люди, приговоренные к смертной казни, так как все другие рано или поздно подлежали освобождению. В Патне было приговорено к смерти довольно много людей, но большинству из них удалось избежать виселицы. Выйдя из тюрьмы, Гандиджи начал переговоры с новым вице-королем лордом Уэйвеллом по поводу смертных приговоров, и ему удалось добиться их смягчения. А с образованием конгрессистских правительств все эти люди были освобождены. К несчастью, в округах Музаффарпур, Бхагалпур и Монгхир было спешно казнено несколько человек, прежде чем Гандиджи успел вмешаться.

ВОЛНЕНИЯ 1942 ГОДА

В октябре 1943 года Чакрадхар Саран был переведен в тюрьму Хазарибаг, а в 1944 году по рекомендации специально созданного комитета, члены которого в соответствии с новым правительственным указом навещали заключенных в тюрьме для пересмотра их дел, был освобожден и Матхура Прасад. Бальмики оставался со мной до декабря 1944 года. Члены комитета, посещавшие Банкипур, спрашивали и меня, не хочу ли я выйти на свободу. «Не раньше, чем будут освобождены все», — твердо ответил я. Тогда мне задали вопрос, будет ли неожиданностью для меня, если меня освободят. На это я ответил утвердительно. Один из членов комитета поинтересовался, каким образом программа разрушительных действий стала известна и начала осуществляться столь быстро по всей стране, если Конгресс не разрабатывал и не распространял ее заранее. Я ответил, что, когда 9 августа газеты опубликовали резолюцию Конгресса от 8 августа, правительство издало коммюнике, в котором делалась попытка объяснить причины ареста Гандиджи и членов Рабочего комитета. В коммюнике утверждалось, что в программу Конгресса входило уничтожение средств связи: почты, телеграфа и железных дорог. На следующий день министр по делам Индии Л. С. Эмери выступил по Лондонскому радио с речью, которая была опубликована во всех индийских газетах и где повторялись утверждения относительно мнимой программы Конгресса. Мне представлялось поэтому, что, поскольку Конгресс не обнародовал никакой программы, у народа на основании этих сообщений сложилось впечатление, будто разрушение средств связи было предусмотрено Конгрессом, и люди начали действовать в соответствии с этой информацией, переданной по радио высшими органами самого английского правительства.

Я уверен, что народ именно таким путем пришел к убеждению, что Конгрессом принята программа разрушительных действий, и стихийно выступил в соответствии с ней. К тому же

эта программа, видимо, была совместима с идеями, и раньше возникавшими у некоторых людей, как я уже упоминал об этом выше, и поэтому они поймали правительство на слове. Еще будучи в тюрьме, я получил достаточно доказательств справедливости своего мнения. Фулан Прасад Варма, арестованный и заключенный в тюрьму вечером того же дня, когда был арестован и я, сказал мне, что некоторые, узнав о моем аресте, приходили к нему и спрашивали насчет программы, полагая, что я должен был ему об этом сказать. Он, однако, ответил, что давно не виделся со мной и ничего не знает. Но в то же утро появилось правительственное коммюнике, которое привлекло внимание этих людей. И Фулан Прасад Варма отослал их к этому коммюнике, якобы разъяснявшему программу Конгресса.

Два дня спустя от молодых людей, арестованных и посаженных в тюрьму Банкипур в связи с поджогом административного здания, я узнал, что все они были убеждены в том, что разрушение средств связи входило в программу Конгресса. В тот вечер, когда толпа у ворот тюрьмы подожгла грузовик и освободила молодых заключенных, которых перевозили в тюрьму Кэмп, молодые люди, сидевшие в других машинах, были водворены на прежнее место заключения. Беседа с этими юношами, я назвал инцидент с освобождением неподобающим делом. Они возразили, что если нарушаются и уничтожаются средства связи, то с таким же успехом можно сжечь государственный грузовик. Они держались очень вежливо, хотя мои слова пришлись им не по вкусу. Широкие массы народа были явно убеждены в том, что программа разрушений разработана Конгрессом.

Из-за подобного рода действий оказалось прерванным на некоторое время железнодорожное сообщение на главной магистрали между Мохал Сара и Асансолом. За этим последовала приостановка движения на линии Патна — Гая. Оказалась неповрежденной только линия Грэнд Корд, и движение по ней продолжалось без перерыва. В районах к северу от Ганги разрушения на Ауд-Тирхутской железной дороге были столь серьезными, что поезда не ходили несколько месяцев. По этой причине за пределами нашей провинции сложилось впечатление, что наиболее сильные волнения произошли в восточных округах Соединенных провинций и в Бихаре. Понятно, что репрессии в этом районе приняли особенно жестокий характер. Полиция и войска убили большое число людей. Многие дома были сожжены и разграблены, и людям пришлось претерпеть неслыханные страдания. Число арестованных и брошенных в тюрьмы не поддавалось определению; чтобы разместить их всех, власти были вынуждены выпустить на свободу уголовных преступников. Среди освобожденных в Бихаре находилось тридцать —

сорок бандитов, которых выпустили из тюрьмы в расчете на то, что они будут совершать грабежи в деревнях и тем самым вызовут в народе недовольство Конгрессом. Однако вместо этого кое-кто из уголовников, видимо, принял участие в кампании Конгресса. Один из них был приговорен за это к смертной казни, несколько других — к длительным срокам тюремного заключения. По выходе из тюрьмы я обратил внимание губернатора Бихара на этот факт. В ходе проведенного им расследования выяснилось, что ряд преступников были умышленно освобождены досрочно. Я узнал также, что в разгар агитации в охваченных ею районах не было случаев воровства или бандитизма.

Участники волнений разгромили и частично сожгли много почтовых отделений. Первое время они не брали денег ни для себя, ни для финансирования кампании. Самое большее — они жгли бумажные ассигнации. Но позже положение изменилось: кое-кто стал забирать деньги, ссылаясь на то, что они нужны для движения; под таким предлогом было совершено даже несколько вооруженных грабежей. Никому не известно, куда делись эти деньги и кто ими воспользовался.

Должен сказать, что в период волнений правительственные чиновники подстрекали людей к эксцессам. Служащие почтовых отделений радовались пожарам и грабежам, так как независимо от того, были изъяты деньги или нет, всегда можно было заявить, что дело обстояло именно так. Полицейские чиновники вначале действовали заодно с народом: они приводили людей к полицейским участкам, помогали водружать национальные флаги и выкрикивали вместе со всеми лозунги. Понятно, что к таким чиновникам относились хорошо. Мне говорили, что в ряде случаев чиновникам устраивали теплые проводы, когда они уезжали в округ, а в их отсутствие народ захватывал полицейские участки. Однако всякий раз, когда полицейский чиновник проявлял непреклонность, с ним сурово расправлялись. Были даже случаи убийств. Некоторые из старших инспекторов полиции показали себя настоящими тиранами. С прибытием войск поведение полиции изменилось — она стала прибегать к крайним мерам. В целом ответственность за такие эксцессы лежит не на рядовых полицейских, а на офицерах.

Приходится признать, что народ причинил значительный ущерб железным дорогам, почте и телеграфу, а также сжег некоторые административные здания; но если учесть размах волнений и то, с какой быстротой они распространялись, нельзя не прийти к выводу, что их участники обошлись с правительственными чиновниками не слишком сурово: убийство или даже избивание чиновников было редким явлением. По-видимому,

большинство считало, что физическая расправа противоречит принципам ненасилия, тогда как уничтожение имущества вполне с ними совместимо. При желании народ мог бы без труда уничтожить большое число представителей власти, но он этого не сделал. Однако правительство расстреляло в порядке репрессий много индийцев. Мне думается, что за каждого убитого правительственного чиновника заплатились жизнью пятьдесят-шестьдесят человек, но за отсутствием точных цифр это остается всего лишь предположением. Тем не менее следует признать, что агитация за изгнание англичан из Индии не обошлась без насилий и что люди потеряли самообладание.

Собственно, кампания 1942 года сохраняла свой размах лишь в первые два месяца, после чего она пошла на убыль и люди ограничивались в основном обороной против репрессивной политики правительства. Кое-кто пытался оживить кампанию, но без большого успеха. То тут, то там вспыхивали отдельные инциденты, которые не оказывали никакого действия ни на правительство, ни на публику и только давали властям повод продолжать репрессии. Некоторые организаторы кампании избежали ареста и продолжали работать на свободе, другие, попавшие в тюрьму, присоединились к ним по выходе из нее. Хотя стало ясно, что, после того как спал первый подъем, возродить кампанию не удастся, те, кто продолжал добиваться этой цели, оставались в подполье. К этой категории принадлежал ряд работников Конгресса. Вскоре нелегальное положение стало, по видимому, наиболее надежным способом избежать ярости властей, но и уйдя в подполье, эти люди не успокоились, а предпринимали действия, свидетельствовавшие о беспримерном мужестве. Кое-где они создали такие сплоченные организации, что правительству так и не удалось их разогнать или выследить их организаторов.

Только после создания в провинциях конгрессиистских правительств, когда были прекращены все дела против подпольщиков, можно было сообщить о их местопребывании. Эти люди, бесспорно, заслуживают всяческой похвалы за свое мужество и энергию. Мне кажется, что, не уйдя они в подполье, многие из них были бы повешены или понесли бы другое суровое наказание. Но зато в этом случае не страдали бы так сильно ни в чем не повинные люди, кампанию можно было бы продолжить, и попытки правительства подавить ее потерпели бы провал, ибо руководители были бы на виду у народа, который с готовностью пошел бы по их зову на жертвы. Одним из результатов подпольной деятельности явилось то, что кампания не приобрела достаточно широкой базы и из-за действий небольшой группы лиц пострадало население в целом. Поэтому, на мой

взгляд, если бы те, кто разрушал железнодорожные пути и систему связи, делали это открыто и признавались в совершенном, то остальные проявили бы куда больше мужества и последовали бы примеру руководителей. Многие ни в чем не повинные люди были избавлены от необходимости вести нелегальное существование со всеми сопутствующими ему опасностями и риском. Но как бы то ни было, это вопрос веры в правильность принципа ненасилия. Те же, кто не верит в него, не могут считать себя связанными его принципами. Степень участия людей в движении зависела от политики открытого протеста. Продолжай они эту политику, они достигли бы очень многого.

В 1943 году в тюрьме я услышал о страшном голоде, разразившемся в Бенгалии. Я узнал о головокружительном росте цен на зерно и с болью услышал, что простому народу становится все труднее покупать самые необходимые продукты питания. Это напомнило мне о голоде, вспыхнувшем в дни моего детства, когда я учился в Патне и Чапре. Я вспоминаю, как по распоряжению правительства в ряде мест начали рыть котлованы с целью предоставить людям работу — один такой котлован был вырыт в соседней с нами деревне. Кое-где голодающим раздавали горячую пищу. Цена на высокосортный рис возросла тогда настолько, что на одну рупию можно было купить уже не пятнадцать *сиров* риса, как обычно, а только девять, а в разгар голода цена на рис еще более возросла.

Мы прочли в газетах, что положение в Бенгалии ухудшилось. Затем поступили сообщения о случаях голодной смерти: на улицах Калькутты подбирали умерших от голода. Фото-снимки и страшные подробности ярко рисовали весь ужас положения. Я продолжал читать газеты, но однажды почувствовал, что больше не в силах это делать, и отбросил газету. На некоторое время я вообще перестал читать газеты: я просто не мог выносить весь этот ужас, преподносимый изо дня в день. Меня мучило сознание собственного бессилия. Общественные организации приступили к оказанию помощи и начали сбор средств, но я продолжал прозябать в тюрьме. Я мог лишь поддержать призыв к сбору денег, выпущенный П. Р. Дасом в Патне; при этом я высказал предположение, что поскольку в Бихаре как раз наступила уборка урожая, то, может быть, удастся организовать сбор зерна и отправить его в Бенгалию. Несколько дней спустя я узнал, что власти перехватили мое письмо П. Р. Дасу и отказались вручить его адресату!

Голод унес 5 миллионов жизней, хотя по правительственным подсчетам число жертв не превышало 2 миллионов. По неизвестной причине правительство ничего не могло предпринять с целью уменьшить смертность. Главным министром правитель-

ства Бенгалии в то время был Кхваджа Назимуд-дин, а министром продовольствия — Х. С. Сухраварди. Как могли люди в Бенгалии спокойно смотреть на все это, было выше моего понимания. Как могло правительство оставаться у власти, словно ничего не случилось, и почему члены Законодательного собрания мирились с подобным благодушием? Следует, однако, помнить, что это было военное время и страна управлялась с помощью указов. У власти находилась Мусульманская лига. Никто ничего не мог предпринять. Лорд Линлитгоу, положивший столько сил, чтобы подавить деятельность Конгресса, не мог принять никаких мер против голода, погубившего больше людей, чем потеряли в боях все участники второй мировой войны, вместе взятые; он даже не удосужился побывать в Бенгалии. Его преемник лорд Уэйвелл, посетив терпящую бедствие провинцию вскоре же после занятия им нового поста, призвал армию помочь голодающим и направил в Бенгалию губернатора Бихара вместо заболевшего бенгальского губернатора. Новый вице-король проявил большую энергию, и по истечении нескольких месяцев положение улучшилось и люди перестали умирать от голода на дорогах.

Ходили слухи, что в эти тяжелые дни многие из тех, кому надлежало бы оберегать народ от бедствия, набили собственные сундуки и разом разбогатели.

Выше я упоминал о политике «выжженной земли», которую правительство проводило перед лицом угрозы наступления японских войск. В приморских районах власти конфисковали все запасы риса и всю тягловую силу, чтобы они не попали в руки захватчиков. Именно эта политика в большой мере вызвала голод. В период ее осуществления главнокомандующим вооруженными силами Индии был лорд Уэйвелл, и самая идея тактики «выжженной земли» принадлежала ему. Поэтому, став вице-королем, он постарался исправить причиненный им вред, заставив войска помочь народу.

В Бихаре также отмечался значительный рост цен на продовольствие. Одно время маунд риса стоил тридцать рупий, но до такого бедственного положения, как в Бенгалии, дело не доходило. В Бихаре по меньшей мере не было случаев голодной смерти. Бедствие ярко продемонстрировало одну вещь, а именно что в этот тяжелый час на помощь Бенгалии поднялась вся Индия — подобно тому, как она помогала Бихару, когда его постигло землетрясение. Различие заключалось в том, что голод вспыхнул во время войны, когда у людей не было запасов. Купить зерно на деньги нельзя было без содействия правительства, а если даже и удавалось достать зерно, то без разрешения властей его нельзя было перевезти в Бенгалию, так как все сред-

ства транспорта контролировались. Поэтому люди смогли сделать меньше, чем им хотелось бы. Район, охваченный голодом, был очень обширен, и вызванные им бедствия оказались затяжными, тогда как бихарское землетрясение продолжалось всего лишь несколько минут. Все, что нам нужно было сделать в Бихаре, это возместить ущерб, причиненный землетрясением. Сколь ни горестны эти стихийные бедствия, они демонстрируют, что Индия представляет собой одно целое и что индийский народ един. Но дошел ли этот урок до сознания тех, кто добился раздела страны?

*

Я ПИШУ В ТЮРЬМЕ

На этот раз моя попытка написать кое-что в тюрьме увенчалась успехом в отличие от 1930 года, когда даже небольшое написанное мною пропало. Я решил внимательно изучить требование о разделе Индии, которым и раньше уже немного занимался, и изложить свои взгляды на его осуществимость или неосуществимость. Я достал все вышедшие до тех пор книги, в которых поддерживалась идея образования Пакистана, и изучил лежавшие в ее основе послышки. Проанализировав причины, породившие подобное требование, я указал, что представлял бы собой Пакистан, если бы требование о разделе было принято, и разобрал вопрос о жизнеспособности нового государства. Я придерживался той точки зрения, что идея создания Пакистана основана на ложных предпосылках и является неосуществимой. Я решил изложить народу, особенно мусульманам, все «за» и «против», с тем чтобы другие могли, подобно мне, убедиться в непрактичности идеи создания Пакистана. Поэтому я писал очень подробно.

Изложив свои возражения против создания Пакистана, я счел необходимым проанализировать и другую сторону вопроса, а именно утверждение, будто индусы и мусульмане представляют собой две различные нации, и поэтому те и другие должны получить собственную родину посредством раздела страны. Рукопись разрасталась. Из-за болезни работа моя двигалась довольно медленно — иногда я месяцами не мог ничего делать. Кроме того, не было, видимо, никакой нужды спешить, так как я не надеялся получить разрешение на издание своего труда, покамест находился в тюрьме, а шансы на скорое освобождение были слабы. Поэтому я продолжал работать не спеша.

Тем временем один из моих освобожденных друзей рассказал какому-то корреспонденту, что я пишу книгу о Пакистане, и сообщение об этом появилось в газете. Вслед за тем меня посетил полицейский комиссар, поинтересовавшийся, как подвиг-

гается моя работа. По его просьбе, я показал ему рукопись. Прочсть ее было нелегко, так как, экономя бумагу, которой у меня было немного, я писал очень убористо на обеих сторонах листа. Между строками и на полях были вписаны различные поправки и изменения, к тому же я пользовался разными чернилами. Полистав рукопись, полицейский комиссар спросил, собираюсь ли я ее публиковать. Когда я кивнул, он сказал, что правительство могло бы дать разрешение только по прочтении труда и что мне пришлось бы представить его напечатанным на машинке. Я ответил, что мог бы это сделать, если бы правительство предоставило мне возможность напечатать рукопись.

После этого я обратился к правительству, прося разрешить моему помощнику Чакрадхар Сарану, разбиравшему мой почерк, печатать рукопись в тюремной канцелярии (Саран был уже освобожден, и канцелярия тюрьмы являлась единственным местом, где он мог работать). Правительство могло также нанять за мой счет кого-либо другого или же перевести в тюрьму Банкипур любого заключенного, умеющего печатать на машинке. Затем я вспомнил, что член Конгресса Майкл Джон, профсоюзный лидер из Джамшедпура, находившийся в Хазарибагской тюрьме, тоже умеет печатать, и поэтому написал властям, что, если бы Джона можно было послать ко мне, это было бы весьма удобно, так как в этом случае никто посторонний не увидит рукопись раньше, чем она будет одобрена правительством.

Власти удовлетворили мою просьбу, и Майкл Джон был переведен в тюрьму Банкипур. Он с большим усердием взялся за работу и закончил перепечатку к 14 июня 1945 года; в тот же вечер меня уведомили, что на следующее утро я буду освобожден. Начальник тюрьмы запросил правительство, следует ли задержать до официального одобрения не только перепечатанные экземпляры, но и рукопись или же ее можно оставить у меня. К счастью, правительство решило передать мне рукопись целиком, так что по выходе из тюрьмы я захватил ее с собой.

Тем временем с марта 1944 года я остался совершенно один, и поэтому, когда в тюрьму явились члены инспекционного комитета, было решено рекомендовать правительству послать в Банкипур кого-нибудь, кто мог бы составить мне компанию. В ответ на запрос правительства я назвал несколько имен, и в результате в Банкипур был переведен Фулан Прасад Варма. Но в начале 1945 года он был освобожден, и его место занял Маниндра Кумар Гхош, переведенный из Хазарибагской тюрьмы. Это был трудолюбивый и способный человек. Он сверил перепечатанный экземпляр с рукописью и проверил все цифры. Гхош отметил и один недостаток: в своем труде я не указал, что проблема отношений между индусами и мусульманами все

более усложнялась, так что в итоге Мусульманская лига уже не видела иного выхода, кроме раздела. Я учел замечание Гхоша, но в тюрьме не мог написать ничего нового. Я закончил работу над рукописью в Пилани в августе 1945 года, уже после освобождения, дополнив ее подробным изложением истории отношений между индусами и мусульманами. С помощью Чакрадхара и М. Прасада я еще раз просмотрел рукопись и спустя несколько недель, во время посещения Бомбея, вручил ее издателям. В январе 1946 года книга вышла из печати под названием «Разделенная Индия» и была распродана за месяц. Два месяца спустя появилось ее второе издание.

В тюрьме я продолжал также писать свои воспоминания. Я начал их в 1940 году в Сикаре (Раджастан), куда приехал вместе с Джамуналал Баджаджем на отдых во время болезни. Я не говорил об этом никому, даже своему секретарю Матхура Прасаду, который всегда жил у меня. В Сикаре я, по своему обыкновению, подымался в четыре часа утра и работал два-три часа, пока все еще спали. Однако там я не смог написать много, а после отъезда из Сикара мне некогда было и подумать об этом. Два года спустя, когда я был уже в тюрьме, кое-кто из друзей, уже узнавших к этому времени о моей работе, стал уговаривать меня закончить ее. Но я не помнил даже, где оставил рукопись: она лежала где-то в деревне, и я не мог послать за ней без того, чтобы ее не прочли в полиции. Однако, положившись на свою память, я решил продолжать работу с того места, где она была прервана. Мало-помалу и эта рукопись начала разбухать. Я, возможно, закончил бы ее в тюрьме, если бы «Разделенная Индия» не отнимала у меня столько времени.

Порой меня охватывало сомнение, стоит ли вообще писать воспоминания или автобиографию. Всем, чем я обладаю или чего я достиг, я всецело обязан доброте моего брата и Гандиджи. У меня не было уверенности, могут ли другие почерпнуть что-либо от меня или из рассказа о моей жизни. Конечно, я посвятил себя общественной деятельности, в частности работе в Конгрессе, и, быть может, думал я, моя биография послужит источником информации о нашей политической борьбе. Но, разумеется, она не могла иметь никакой исторической ценности, так как в течение всего этого периода я не написал ничего такого, что могло послужить мне в качестве архива, и не сохранял копий написанного. Некоторые собирают материал о текущих событиях, но я не делал даже этого; другие ведут дневник, но я не имел и этой привычки. Таким образом, мне оставалось полагаться только на свою память, которая с точки зрения истории не может считаться источником. Иногда эти размышления вызывали у меня сомнения в полезности моего

труда, который, казалось мне, может быть воспринят как проявление чистейшего эгоизма. Тем не менее, раз начав работу, я счел за благо довести ее до конца, не заботясь насчет ее издания.

Воспоминания о периоде до Рамгархской сессии Конгресса мне удалось написать в тюрьме. Остальная часть была закончена в Пилани после моего освобождения. В известном отношении страницы эти представляют собой воспоминания в прямом смысле этого слова, ибо я заносил на бумагу лишь то, о чем помнил в тот момент, когда писал. Быть может, в некоторых случаях я не упомянул о ряде важных событий или же несколько отклонился от фактов, поскольку здесь упомянуты только те события и вопросы, которые произвели на меня неизгладимое впечатление, а все остальное опущено. Тем не менее я могу утверждать с полной уверенностью, что ни один факт не был искажен умышленно. Мои друзья, прочитавшие рукопись, настаивали на том, что я должен ее напечатать. Они показали работу другим лицам, считавшимся авторитетами в этой области, и те также высказались за появление моих воспоминаний в печати, тем более, что писал я их на языке хинди.

СМЕРТЬ ДРУЗЕЙ

В 1944 году в Бихаре вспыхнула эпидемия малярии, унесшая много жизней. Освобожденные к этому времени из тюрьмы д-р Шри Кришна Синха и Ануграх Нараян приступили к организации помощи. Они создали комитет под председательством д-ра Т. Н. Баннерджи, располагавший известными средствами, которые остались от фонда помощи пострадавшим от бихарского землетрясения и были переданы мною комитету. Как я уже говорил, мы учредили опеку над оставшимися от фонда средствами в целях оказания помощи Бихару в случае новых стихийных бедствий. Обычно фонд этот использовался при повторявшихся время от времени наводнениях, но для этого хватало процентов с него. Позже большая часть фонда была передана организации «Чаркха сангх», которая открыла свой особый счет. Во время беспорядков 1942 года деятельность «Чаркха сангх» прекратилась, и ее банковские счета были блокированы правительством. Теперь я обратился к властям с письменной просьбой разблокировать средства, выделенные для оказания помощи пострадавшим от стихийных бедствий. Получив согласие, я снял деньги со счета, который был открыт на мое имя, и передал некоторую сумму комитету, созданному врачами. Затем, когда Ш. К. Синха и Ануграх Нараян основали другой комитет, я также предоставил в их распоряжение известную сумму, благодаря чему они смогли начать работу по оказанию помощи. В конечном счете правительство сняло запрет со всех блокированных счетов, но израсходована была лишь часть средств, а основная сумма остается до сих пор нетронутой. К моей большой радости, во время эпидемии малярии правительство заняло иную позицию, нежели в период голода в Бенгалии, и не мешало мне участвовать в работе по оказанию помощи.

Как раз в это время выходившая в Патне газета «Индийейн» выступила с рядом редакционных статей, требуя осво-

бодить меня для надлежащей организации помощи. Со стороны общественности также раздавались голоса, требовавшие моего освобождения. Узнав об этом, я был очень недоволен, поскольку меня арестовали по политическим причинам и я не хотел выходить на свободу, пока оставались неурегулированными спорные вопросы, вызвавшие мой арест, и не были освобождены мои товарищи.

Кроме того, я не считал непосредственное участие в оказании помощи таким уже необходимым, поскольку Ш. К. Синха и Ануграх Нараян прекрасно справлялись со своими задачами. Я полагал также, что правительство может истолковать агитацию за мое освобождение в дурную сторону и решит, что организация помощи используется только как предлог для моего вызволения из тюрьмы; оно даже могло вообразить, что агитация проводилась с моего одобрения. Поэтому я направил членам правительства письмо, в котором указал, что агитация является стихийной и что я не требую своего освобождения.

Позже, выйдя из тюрьмы, я узнал, что губернатор Бихара действительно собирался освободить меня, но что этому помешала неблагоприятная позиция правительства Индии. Получив мое письмо, губернатор заявил участникам кампании, что не следует поднимать вопрос о моем освобождении, так как я сам этого не хочу.

За то время, что я провел в тюрьме, умерли многие мои друзья и общественные деятели. Многие пали от руки полиции и войск. Из этих мучеников я мало кого знал лично, так как в своем большинстве это были рядовые работники. Кроме того, многие из них вообще не участвовали прежде в работе Конгресса и присоединились к кампании 1942 года потому, что считали, что это последний бой Гандиджи за свободу. Довольно высока была в этот период и смертность в тюрьмах. В Бихаре мы лишились таким образом нескольких человек, которые скончались в тюрьме форта Тапа Бхагатс в Ранчи.

В других провинциях умерло в тюрьмах несколько человек, утрата которых была невозможна. Самым выдающимся среди них был Махадев Десаи, умерший через несколько дней после ареста. Его держали вместе с Гандиджи во дворце Ага-хана в Пуне, где он и скончался от разрыва сердца. Смерть эта глубоко потрясла Гандиджи, так как Махадев был его правой рукой. Примкнув к Гандиджи, Махадев старался слепо следовать его идеалам и принципам, и это ему в значительной степени удавалось. Он работал буквально за троих. Занимался он самыми разнообразными делами — от наведения порядка в гардеробе Гандиджи до выступлений в роли эmissара при самых слож-

ных переговорах; он писал прекрасные статьи, очень напоминавшие по стилю работы самого Махатмы. Всем этим занятиям Махадев Десаи придавал одинаковое значение и делал все и умело и весело. Он был настолько прост и добродушен, что вряд ли когда-либо ссорился с кем-нибудь. Мы познакомились с ним, когда Гандиджи привел его и его жену Дурга Бен для работы в школе, открытой им в Чампаране. С тех самых пор мы были добрыми друзьями, и поэтому известие о его смерти явилось для меня большим ударом.

В 1944 году, тоже во дворце Ага-хана, скончалась после долгой болезни жена Гандиджи Кастурбай. Гандиджи находился возле нее, когда она испустила последний вздох. Все звали ее «ба», то есть «мать». Мы познакомились с ней еще в 1917 году, когда она приезжала в Чампаран во время пребывания там Гандиджи. Нас было пятнадцать человек в доме, и мы наняли повара, который готовил нам пищу. Когда приехала Кастурбай, Гандиджи попросил нас отпустить повара. Нам показалось странным, что она станет готовить на всех нас — она выглядела такой слабой и хрупкой. Но Гандиджи не хотел ничего слушать и просил нас не беспокоиться на этот счет, заверив, что она привыкла к тяжелой работе. Кастурбай взяла все в свои руки, легко управлялась с делами и по-матерински заботилась о нас.

С тех пор, где бы мы ни находились — в Сабармати-ашраме, в Маганваде, в Севаграме или в поезде, — мы неизменно ощущали ее материнскую заботу. Жена Махатмы была идеальной индусской женщиной, символом индийской культуры и олицетворением любви. Однажды Гандиджи сказал мне:

— Мне и самому приятно называть ее, мою жену, «ба»!

С давних пор отношения, установившиеся между ними, были выше обычных отношений между мужем и женой, и «ба» стала матерью и для Гандиджи. Трагическую историю ее последних дней можно узнать из писем Гандиджи правительству во время ее болезни. Эти трогательные послания опубликованы Ванмала Парикхом и д-ром Сушила Найяром в книге под названием «Хамари ба» («Наша сестра»).

В тюрьме скончалась и жена маулана Азада. Было особенно больно узнать, что на первой стадии болезни жены Азад не получил разрешения навестить ее. Мы ее никогда не видели, ибо она соблюдала обычай парды. Зато я хорошо знал умершего в это же время Р. С. Пандита, и известие о его смерти потрясло меня.

Правительство держалось странной политики в отношении заключенных. Как правило, им разрешалось переписываться только с близкими родственниками. Но иногда я получал

письма от лиц, не состоявших со мной ни в каком родстве, тогда как мои телеграммы с выражением соболезнования и сочувствия маулана Азаду и Виджаялакшми Пандиту так и не дошли до них.

В моей родной провинции самой тяжелой утратой для меня была смерть Рамдайялу Синхи, с которым я учился в одном колледже. Позже мы стали близкими друзьями. Здоровье у него было слабое, что помешало ему принять участие в кампании, проводившейся Конгрессом, и поэтому правительство пощадило его. Он умер через несколько месяцев после моего освобождения — так оборвалась наша дружба, продолжавшаяся тридцать пять лет. Рама был великим бихарцем, и пустоту, образовавшуюся после его смерти, будет нелегко заполнить.

Было несколько друзей и вне Конгресса, которых я не застал в живых по выходе из тюрьмы. Одним из них являлся Вайдьярадх Брадх Бихари Чаубе, известный врач аюрведической школы, лечивший меня. Когда меня арестовали, он поспешил в Садакат-ашрам повидаться со мной. Он дал мне лекарства и был настолько встревожен, что в простоте душевной даже брался переговорить обо мне с губернатором, если я не имею ничего против, как добавил Брадх. Плохо же он знал, что приказы об аресте исходили от лиц, которых губернатор не смел послушаться! Но меня это глубоко тронуло, и я не могу забыть этого случая.

Еще одним другом был Ганеш Датта Синг, с которым я познакомился в бытность свою студентом в Калькутте, где он имел адвокатскую практику. Он всегда был добр ко мне, хотя мы и расходились во взглядах по политическим вопросам. В течение многих лет он был министром в бихарском правительстве, и его деятельность подвергалась критике со стороны членов Конгресса, причем я находился в числе тех, кто критиковал его особенно резко. Но и на посту министра и позже, в отставке, Ганеш Датта Синг всегда проявлял большую заботу о здоровье и благосостоянии общественных деятелей. Поэтому ему было не по душе, что мы отправлялись в тюрьму. Будучи министром, он откладывал значительную часть своего жалованья на благотворительные цели; собрав таким образом несколько сот тысяч рупий, он пожертвовал их на общественные нужды. В сущности, он являл собой идеальный пример, которому не легко было следовать. Министры — члены Конгресса получали всего пятьсот рупий, что почти исключало возможность сбережений, но я знаю случаи, когда небольшие суммы все же откладывались и направлялись на общественные нужды.

Отношения дружбы и взаимного уважения, которых не могли омрачить разногласия по политическим вопросам, связывали меня также с Нирсу Нараяном Синхой. Понесла утрату и моя семья: в то время, когда я находился в тюрьме, скончалась моя племянница. Она была старшей дочерью брата и первым ребенком, которого я нянчил в Зерадеи. Ко мне она питала глубокую привязанность. Однажды она навестила меня в тюрьме Банкипур, и я не подозревал, что то была наша последняя встреча. Но, когда она умирала, ее муж и дети находились возле нее.

СНОВА НА СВОБОДЕ

За несколько дней до нашего освобождения распространились слухи, что члены Рабочего комитета скоро выйдут из тюрьмы. Правильность этих сведений, казалось, подтверждалась тем, что руководящих деятелей, содержавшихся в крепости Ахмед-нагар, перевели в другие места. Наконец вечером 14 июля лорд Уэйвелл сделал заявление (оно транслировалось по Всеиндийскому радио), что отдано распоряжение освободить членов Рабочего комитета на следующее утро и что он созывает в Симле совещание лидеров Конгресса, чтобы обсудить новые предложения, изложенные им в заявлении. Услышав это выступление, жители Патны собрались у ворот тюрьмы — они полагали, что меня освободят в ту же ночь. Люди долго не расходились, несмотря на заверения тюремных властей, что ночью никого освобождать не будут. К утру у тюрьмы была уже огромная толпа.

Перед выходом на волю я стал размышлять о событиях, происшедших в тюрьме за те три долгих года, что я провел в ней. Было приятно сознавать, что мы сумели завоевать расположение заключенных в Банкипуре. Они прониклись к нам большим уважением и считали нас более важными персонами, нежели тюремное начальство. Хотя нам и не разрешалось встречаться с другими обитателями тюрьмы, однако начальство смотрело на такие встречи сквозь пальцы, и результатом явилось возникновение странной дружбы. Должен также сказать, что все то время, пока мы находились в тюрьме, надзиратели хорошо обращались и с другими заключенными. Действительно, многие завсегдашние тюрьмы говорили нам, что отношение надзирателей к ним изменилось. Да и вообще надзиратели в тюрьме Банкипур подобались на редкость хорошие. Трудно сказать, как эти заключенные восприняли весть о нашем освобождении. Быть может, они полагали, что их тоже скоро выпустят. Если это так, то я должен сказать, что надежды многих из них развеялись.

Я немедленно выехал в Бомбей, где состоялось заседание Рабочего комитета, обсудившего план Уэйвелла. В разгар обсуждения Махатма Ганди и маулана Азад как председатель Конгресса получили от лорда Уэйвелла приглашение немедленно прибыть в Симлу. Проводив их, я выехал поездом в Патну, но спустя два дня получил срочный вызов в Симлу, где созывалось заседание Рабочего комитета.

Там я пробыл вместе с другими около двух недель. Вначале лорд Уэйвелл вел особые переговоры с руководителями. Конгресс был представлен Гандиджи, маулана Азадом и Джавахарлалом Неру. Мусульманскую лигу представляли Джинна, Лиакат Али-хан и другие. В конечном счете была созвана расширенная конференция, на которую, кроме председателей Конгресса и Мусульманской лиги, пригласили также главных министров провинциальных правительств, а там, где эти правительства перестали функционировать, — бывших главных министров.

Предложения лорда Уэйвелла сводились к следующему: предложение Криппса оставалось в силе, и новую конституцию Индии должны были выработать сами индийцы. В качестве временной меры признанные лидеры индийских политических кругов должны были образовать Исполнительный совет, в который вошло бы равное число представителей от индусов и от мусульман. Все члены Совета, кроме вице-короля и главнокомандующего вооруженными силами Индии, были бы индийцами. За хариджанами признавалось право иметь своих представителей в национальном правительстве. Со своей стороны Конгресс принял эти предложения и даже приступил к выдвижению своих представителей в правительство.

Война еще продолжалась, и положение в стране было нелегким. Нам казалось, что мы, возможно, сумеем улучшить его, если примем новые предложения. Мы высказались за кабинет из пятнадцати министров, помимо вице-короля и главнокомандующего: пяти представителей индусов, пяти мусульман и трех представителей от сикхов, христиан, парсов и других общин. Мы предложили пятнадцать имен, включая пять мусульман, из которых трое были членами Мусульманской лиги, один — членом Конгресса и один — независимым, предоставив, однако, Лиге возможность вносить любые изменения в список ее представителей. Но Джинна заявил, что только Мусульманская лига имеет право избирать мусульманских представителей. Лорд Уэйвелл оказался в затруднительном положении: он не возражал против того, чтобы исключить мусульманина — члена Конгресса, но не мог отстранить таких мусульман, которые, подобно Кизр Хиат-хану, не принадлежали ни к Лиге, ни к Кон-

грессу. Мы не знали, кого именно лорд Уэйвелл хотел бы включить в кабинет, но, по-видимому, он желал иметь четырех представителей от Лиги и одного — от *Юнионистской партии* Пенджаба. Но даже это не устраивало Джинну, и конференция закончилась провалом.

Обосновывая свое отклонение плана Уэйвелла, Джинна заявил, что Мусульманская лига должна быть признана единственным представительным органом индийских мусульман и что только она имеет право избирать мусульманских представителей. Он привел новый примечательный довод, заявив, что, если у мусульман будет в правительстве всего пять мест из пятнадцати, им вечно придется иметь дело с объединенным блоком индусов и представителей других меньшинств, которые, как он думал, вследствие общности взглядов между ними и Конгрессом всегда будут становиться на сторону индусов. Таким образом мусульмане будут располагать одной третью голосов, то есть окажутся в меньшинстве, а это для Лиги неприемлемо. Я назвал этот довод примечательным потому, что до тех пор Джинна изображал из себя поборника интересов всех меньшинств и называл Конгресс партией только высших индусских каст. Подобное утверждение было явно несостоятельно, так как различные меньшинства на своих конференциях всегда возражали против раздела страны и поддерживали Конгресс. Очень часто Джинна объявлял себя защитником прав хариджанов. Ныне карты были раскрыты: в самых недвусмысленных выражениях Джинна заявил, что Лига может полагаться только на мусульман, и притом на таких, которые будут назначены ею самой, тогда как другие меньшинства были заодно с индусами и Конгрессом. Теперь стало ясно, чего добивался Джинна: не равного числа представителей от индусов и мусульман, а распределения мест в правительстве поровну между мусульманами и всеми другими общинами, взятыми вместе!

Но каково было в то время положение в провинциях? После отставки конгрессистских правительств шесть провинций из одиннадцати управлялись губернаторами. В двух главных провинциях с мусульманским большинством — в Пенджабе и Бенгалии — правительства Мусульманской лиги пали. В Пенджабе Кизр Хиат-хан образовал после разрыва с Лигой свое правительство, а Шаукат Хиат-хан, сын бывшего главного министра покойного сэра Сикандар Хиат-хана, перешел на сторону Лиги и повел яростную агитацию против Кизр Хиат-хана. В Бенгалии правительство Лиги потерпело поражение. Если бы оппозиции была предоставлена возможность сформировать кабинет, как это и должно было быть в соответствии с демократической процедурой, это могло бы привести к образованию

правительства, враждебного Лиге. Но губернатор, следуя общей политике умиротворения Мусульманской лиги, игнорировал неоднократные требования оппозиции и присвоил себе все полномочия на основании статьи 93 конституции. В Северо-Западной пограничной провинции Лига после отставки конгрессистского правительства образовала министерство, но оно снискало такую дурную славу, что за несколько дней до нашего освобождения потерпело поражение в Законодательном собрании и уступило место конгрессистскому правительству. Единственной провинцией, где в период переговоров в Симле существовало правительство Мусульманской лиги, был Синд, хотя и там губернатору пришлось активно вмешаться, чтобы отстранить лидера националистов Алла Бакша (позже Алла Бакш был убит). В Ассаме, который Лига тоже считала провинцией с мусульманским большинством, хотя мусульмане составляли там менее одной трети населения, деятель Лиги сформировал кабинет после ухода конгрессистов, и во время переговоров в Симле это непопулярное правительство доживало свои последние дни.

В этих условиях нужно было быть Джинпой, чтобы утверждать, будто только Мусульманская лига представляла индийских мусульман, и требовать, чтобы только ее представители были включены в правительство на равных началах со всеми остальными общинами. Надо сказать также, что лишь английское правительство могло признать провал конференции в Симле на том основании, что Джинна выдвинул подобные требования. Премьер-министром Англии все еще был Черчилль, а министром по делам Индии — Л. С. Эмери.

Есть еще один-два момента, о которых я хотел бы упомянуть. В список лиц, представленных Конгрессом лорду Уэйвеллу для образования центрального правительства, не был включен Бхулабхай Десаи. Он был лидером партии Индийский национальный конгресс в Центральном законодательном собрании до того, как Конгресс начал бойкотировать этот орган, и на этом посту снискал большой авторитет. С первых дней вступления в Конгресс в период Бардолийской сатьяграхи 1928 года Бхулабхай Десаи принимал активное участие в работе партии, даже помогал ей деньгами и никогда не колебался идти на риск тюремного заключения. Признанием его способностей и готовности к самопожертвованию явилось его избрание в состав Рабочего комитета. То обстоятельство, что сейчас его не включили в список кандидатов Конгресса, глубоко задело его. Десаи не был честолюбив, но здесь он решил, что его просто не сочли достойным такого назначения. Хотя имена лиц, рекомендованных Конгрессом, не были обнародованы, все же о том,

что Десаи не попал в список, стало известно, и это вызвало неблагоприятную реакцию, особенно со стороны членов Центрального законодательного собрания.

Мне не пристало, да и не к чему приводить здесь причины, в силу которых Бхулабхаи Десаи был исключен из списка, что же касается меня лично, то я не был доволен списком, хотя другого выхода, видимо, не оставалось. Бхулабхаи был очень привязан ко мне, питал ко мне глубокое доверие, о чем он часто говорил людям. Спустя некоторое время, когда он был уже тяжело болен, я встретил его в Бомбее, и он высказал мне свое глубокое разочарование изменившимся к нему отношением. Несмотря на это, когда правительство возбудило против генерал-майора Шах Наваз-хана и его товарищей по индийской национальной армии процесс по обвинению в измене и мы попросили Бхулабхаи Десаи защищать их, он с радостью согласился, хотя и был нездоров. На суде обнаружился его редкий дар красноречия, а его защитительную речь можно поставить в один ряд с лучшими выступлениями адвокатов во всем мире. В известной степени именно эта тяжелая задача погубила его. По окончании дела он тяжело заболел и скончался. В лице Бхулабхаи Индия потеряла великого человека, утрату которого нелегко будет восполнить. Я могу лишь сожалеть, что, несмотря на большие заслуги Бхулабхаи перед Конгрессом и страной, его пришлось исключить из списка министров, представленного лорду Уэйвеллу.

В этот список Рабочий комитет включил и меня. Мне не хотелось принимать назначение отчасти потому, что по состоянию здоровья я не мог много работать, а отчасти из-за отсутствия опыта. К тому же у меня имелись и возражения принципиального характера: я считал, что мне не подобало взваливать на себя это бремя в столь критический момент; кроме того, я думал, что мне больше подходит работа вне правительства. Я поделился своими сомнениями с Гандиджи, но он посоветовал мне согласиться с решением Рабочего комитета, после чего я не стал возражать, хотя на душе у меня было тревожно. Поэтому, когда в конце концов переговоры были прерваны, я испытал двойное чувство: сожаление как патриот и облегчение просто как человек.

*

ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМ ЗА УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

В Симле здоровье мое снова ухудшилось, и д-р Б. С. Рой посоветовал мне отдохнуть где-нибудь в районе с сухим климатом. Я решил поехать в Пилани (Раджастхан), но по возвращении в Дели снова почувствовал себя хуже и в течение двух недель не мог тронуться с места. Как только мне стало немного лучше, я тут же выехал — в сопровождении жены и сестры — в Пилани, где пробыл месяц. Семейство Бирла постаралось обставить мое пребывание там как можно комфортабельнее. Управляющий Хариш Чандра заботился о нас, и я находился там в обществе учителей колледжа Бирла. За время, проведенное в Пилани, я закончил свою книгу «Разделенная Индия». Все нужные мне справочники имелись в библиотеке колледжа.

Нас очень беспокоили страдания, которые выпали на долю наших соратников в Бихаре во время кампании 1942 года, особенно тех, кто находился под следствием или был приговорен к длительным срокам тюремного заключения. Защита таких людей требовала денег, и обычно она организовывалась оставшимися на свободе. Многие члены Конгресса вышли из тюрьмы с подорванным здоровьем, и необходимо было позаботиться о их лечении. Во многих случаях аресту подверглись кормильцы семей, и их близким приходилось очень туго. Были также семьи, лишившиеся своего главы, казненного властями. По выходе из тюрьмы я ближе столкнулся с бедственным положением наших товарищей и поэтому решил собрать деньги, чтобы помочь им. Посетив затем Бомбей, я переговорил кое с кем из друзей, но они дали мне малоутешительный ответ: население Бомбея оказало значительную денежную помощь во время кампании 1942 года, и потому сейчас было бы невозможно провести новый сбор, тем более что речь шла, в сущности, только об одной провинции. Тогда я решил сначала собрать значительную сумму в самом Бихаре и только после этого обратиться к жителям крупных городов, вроде Бомбея и Калькутты.

Сбор начался самым неожиданным образом в Пилани. Случайно я упомянул о нем в разговоре с директором колледжа Бирла С. Д. Панде. Дня два спустя, точнее 9 августа 1945 года, директор созвал в колледже собрание и попросил меня выступить. К моему приятному удивлению, учащиеся и преподаватели колледжа вручили мне тысячу рупий. Затем в ответ на давнишние приглашения я посетил такие пункты, как Сурьягарх и Фатехгарх в Раджастанхане, и всюду мне передавали собранные деньги. В Пилани я вернулся с 16 тысячами рупий.

Затем я отправился в Бомбей, где было созвано заседание Всеиндийского комитета Конгресса. Климат Бомбея плохо на меня действует, и поэтому у меня начался приступ астмы. К счастью, заседание было перенесено в Пуну. Там, однако, шли непрерывные дожди, и из-за этого я поправлялся медленно. По окончании заседания ВИКК я договорился об издании в Бомбее «Разделенной Индии», затем вернулся в Патну, где принял решение объехать всю провинцию, чтобы собрать деньги для помощи тем, кто пострадал за участие в политических кампаниях. Чувствуя себя слабым, я собирался сначала отдохнуть дней десять в Зерадеи. Я поставил в известность местные комитеты Конгресса о программе своей поездки и наметил примерную сумму, которую намеревался собрать в каждом округе.

Сойдя с парохода в Пахлеза Гхате, я направился пешком на вокзал, чтобы сесть в поезд, идущий в Зерадеи, как вдруг увидел большую толпу, которая ожидала меня. Я обратился к собравшимся с импровизированной речью, в которой говорил о том, что больше всего занимало в тот момент мои мысли. В толпе находились местные деятели Конгресса, которые уже слышали о моих планах, поэтому они собрали деньги заранее и принесли их с собой, чтобы вручить мне. Вслед за тем остальные провели сбор на месте и тоже передали мне значительную сумму. Поощренный столь сочувственным откликом, я выступал перед народом на всех промежуточных станциях по пути в Зерадеи, и пожертвования лились потоком. В Зерадеи в честь моего приезда после четырехлетнего отсутствия был устроен большой прием. Во время приема мне передали деньги. Это ободрило меня, вселив уверенность в успехе моей миссии.

Я приехал в Зерадеи на отдых, но отдыхать мне не пришлось: люди приходили каждый день и изливали свои жалобы, но одновременно они делали свои взносы в фонд. В Зерадеи и в соседних деревнях я побывал у тех жителей, чьи дома были сожжены по распоряжению властей. Я встречал семьи, потерявшие своих близких, убитых во время волнений. Среди них была семья наших хороших друзей, один из членов которой

погиб во время расстрела демонстрации в административном центре Патны. В самом Зерадеи от полицейских пуль погиб один человек. Все это вместе дало мне представление о зверствах, которые чинились властями по отношению к народу. Из собранных средств я оказал некоторую помощь пострадавшим семьям.

Во время пребывания в Зерадеи меня навестил в ответ на мое приглашение Дварка Прасад Мишра из Джаббалпура. Будучи арестованным в 1941 году за индивидуальную сатяграху, он начал писать свою книгу «Кришнаяна», которая приобрела с тех пор широкую известность. После его освобождения мы встретились в Джаббалпуре, где он прочел мне часть своей книги. Свое произведение Дварка Прасад Мишра закончил во время трехлетнего пребывания в тюрьме, куда его снова посадили в 1942 году. Впоследствии он написал мне, что хотел бы дочитать мне книгу и получить от меня предисловие к ней. Он провел некоторое время в Зерадеи, доставив мне огромное наслаждение чтением своей книги. В ней повествуется о жизни бога Кришны в стиле «Рамаяны» Тулси Даса.

Из Зерадеи я выехал в шестинедельную поездку по Бихару. Репрессивная политика правительства возмутила народ, и поэтому он горячо откликнулся на призыв помочь деньгами людям, пострадавшим за участие в политической борьбе. Деньги поступали непрерывно, и, где бы я ни появлялся, я всюду собирал большие суммы. Сбор в большинстве округов превысил мои наметки. Я намеревался собрать 300 тысяч рупий в Бихаре и 200 тысяч в таких торговых центрах, как Бомбей и Калькутта, но один только Бихар дал всю сумму — 500 тысяч рупий, и поэтому я отказался от посещения других мест.

Это была очень утомительная поездка: мне приходилось беспрестанно переезжать с места на место и выступать в течение одного дня на нескольких митингах. Хотя слабость еще не прошла, однако я чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы выдержать напряжение. Все же мне не удалось закончить поездку, так как к концу ее, когда оставалось посетить еще два или три округа, я почувствовал себя разбитым, а в Катихаре заболел воспалением легких. Из Патны приехал лечить меня д-р Баннерджи. Как только мне стало немного лучше, меня отправили специальным поездом в Патну. Я вынужден был пропустить заседание Всеиндийского комитета, проходившее в Калькутте. Немного погодя, поправившись, я объехал районы, в которых не был ранее, но обнаружил, что энтузиазм народа начал спадать.

Тем временем д-р Джадунатх Саркар и Матхура Прасад выразили желание взяться за издание ряда томов истории Индии,

которое осуществлялось по инициативе «Бхаратья итихас паришад», но было приостановлено в период движения 1942 года из-за ареста Джай Чандра Видьяланкара. Две рукописи были уже готовы, и их оставалось только напечатать. Это были том четвертый об эпохе *Вакагакас*, написанный д-ром Рамеш Чандра, Маджумдором и д-ром Алтакармом, и том пятый — об эпохе *Гупта*, принадлежавший перу профессора К. А. Нилаканта Шастри. Шестой том находился уже в типографии. Мы вели переговоры с К. М. Мунши об издании четвертого и пятого томов бомбейским издательством «Видья мандир», но из этого ничего не вышло. Затем я выехал ненадолго в Калькутту, чтобы договориться окончательно с д-ром Маджумдором и д-ром Джадунатхом Саркармом. Шестой том был издан, а четвертый сдан в набор.

Когда спустя некоторое время был освобожден Джай Чандра Видьяланкар, я решил, что теперь работа пойдет полным ходом, но что-то произошло, и д-р Джадунатх Саркар охладел к изданию и ушел из «Паришада». Джай Чандра не смог заняться этой работой, и она застыла на мертвой точке. Я был очень занят и взялся за работу по изданию только по просьбе Джай Чандры и из уважения к памяти д-ра Каши Прасад Джаясвала, но внезапно дело застопорилось.

ВЫБОРЫ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

На выборах в Центральное законодательное собрание в 1945 году Конгресс получил подавляющее большинство мест, отведенных немусульманам, тогда как места, предназначенные для мусульман, отошли главным образом к Мусульманской лиге. Вскоре последовали выборы в провинциях, где повторилась та же картина. В Бихаре Конгресс объединился с тремя мусульманскими партиями — «Джамиат-уль-улема», «Джамиат-уль-момин» и Независимой партией, — чтобы дать бой Мусульманской лиге. Число сторонников Независимой партии было невелико, но «Джамиат-уль-момин» представляла собой сплоченную организацию, пользовавшуюся значительным влиянием. При распределении мест мы выделили этой партии наибольшее количество мандатов. Мусульманская лига не жалела денег во время предвыборной кампании, поэтому избирательная борьба была очень острой. Из сорока мест, отведенных мусульманам, тридцать четыре получила Лига, пять — организация моминов и только одно занял мусульманин — член Конгресса д-р Сейид Махмуд. Крупнейшей неудачей Конгресса было поражение профессора Абдула Бари. Из кандидатов «Джамиат-уль-улема» не прошел никто, и поражение этой партии в избирательном округе, где ее кандидат имел многочисленных горячих приверженцев, явилось для нас большой неожиданностью.

В немусульманских избирательных округах Конгресс не встретил серьезной оппозиции, если не считать округов Ранчи и Сингхбхум в Чхота-Нагпуре. В этих районах нашим главным соперником была организация «Адиваси махасабха», которая уже в течение некоторого времени вела работу среди племен, населявших Чхота-Нагпур. Ее лидером тогда, как и теперь, был Джайпал Синг из округа Ранчи. «Адиваси махасабха» выдвигала своих кандидатов как в резервированных, так и в нерезервированных избирательных округах, поскольку это разрешалось ей конституцией. Конгресс также добивался избрания своих кандидатов в избирательных округах обоих типов.

Кампания не обошлась без актов насилия — многие кандидаты Конгресса и их сторонники подверглись избиениям. В результате некоторые из жертв длительное время находились на излечении в больницах. В одном месте было убито пять членов «Адиваси махасабха». Побывав в округе Ранчи, я увидел доказательства применения насильственных методов и обратился поэтому к правительству с жалобой, в которой привел подробные сведения об эксцессах, но власти не обратили на это никакого внимания. «Адиваси махасабха» вступила в союз с Мусульманской лигой и начала выдвигать лозунги в поддержку плана создания Пакистана. Мусульманская лига со своей стороны поддержала союзников, открыто обвинив Конгресс в убийстве членов «Адиваси махасабха» и даже выступив с утверждением, будто конгрессисты убили более ста членов этой организации.

Но, несмотря на все свои старания, «Адиваси махасабха» завоевала только шесть мест: три резервированных, два от округа Сингхбхум и одно от Ранчи. Ей удалось провести своих кандидатов лишь на два из семи резервированных мест. Один сторонник «Адиваси махасабха» был избран на место, резервированное для христиан. Все остальные места были получены Конгрессом. Венцом всего явилось поражение самого Джайपालа Синга.

В округах Монхир и Шахабад и в рабочих избирательных округах против Конгресса выдвинули своих кандидатов Радикально-демократическая партия М. Н. Роя и Коммунистическая партия Индии. Учитывая прошлую деятельность этих партий, у них не было ни малейшего шанса на победу, но они воспользовались своим правом выдвижения кандидатов. Здесь кампания также носила немирный характер. В одном месте избиратели сильно избили одного из коммунистических лидеров. Я должен с сожалением признать, что выборы настолько отравили атмосферу, что наши принципы несколько пострадали. Обе упомянутые партии везде были побеждены кандидатами Конгресса, а в некоторых случаях они потеряли свой избирательный залог.

Затем Конгресс должен был решить, следует ли ему формировать свои правительства. С окончанием войны отпала и причина, побудившая конгрессистские правительства уйти в отставку. К тому же народ был сыт по горло существующими режимами и ждал, что Конгресс возьмет власть в свои руки. Большинство конгрессистов и даже некоторые люди вне Конгресса стояли за образование конгрессистских правительств. Поэтому Конгресс решил пойти на такой шаг.

Это не составило труда в Северо-Западной пограничной про-

винции, Соединенных провинциях (впоследствии переименованных в Уттар-Прадеш), в Бихаре, Центральной провинции (впоследствии — Мадхья-Прадеш), Ассаме, Ориссе, Мадрасе и Бомбее — то есть всюду, где Конгресс имел большинство. В Пенджабе ни одна партия в отдельности не завоевала решающего большинства, но по числу полученных голосов на первом месте стояла Мусульманская лига. Конгресс, сикхи и Юнионистская партия образовали коалиционное правительство. В Синде места разделились примерно поровну между Мусульманской лигой и ее противниками и даже сотрудничество трех европейских членов не обеспечивало ей большинства в Законодательной ассамблее. Тем не менее губернатор Синда предложил лидеру местной организации Мусульманской лиги сформировать правительство. В Бенгалии поддержка со стороны европейцев давала Мусульманской лиге большинство и поэтому к власти пришло правительство, сформированное этой организацией.

В правительство, созданное в Бихаре, которое возглавил в качестве главного министра С. К. Синха, вошли все его бывшие коллеги. Джагдал Чаудхур, приговоренный к десяти годам заключения и все еще находившийся в тюрьме, был освобожден правительством и назначен на министерский пост. Некоторое время спустя кабинет был расширен путем введения в него еще пяти министров.

Теперь мне хотелось бы сказать несколько слов о моей заинтересованности в разведении скота, особенно коров. Махатма Ганди высказал свою точку зрения на этот вопрос. При Сабармати-ашраме и Севаграм-ашраме у него имелись гошалы. Под городом Вардха существовала в течение многих лет гошала, управляемая Радхакришна Баджаджем под наблюдением Джамуналал Парнекара, одного из наших работников, который приобрел специальные знания в области разведения крупного рогатого скота по принципам, сформулированным Гандиджи. До своей смерти Джамуналал успел превратить эту гошалу в крупную ферму. Я бывал там, как и в гошале при Севаграм-ашраме, и очень заинтересовался этой работой, хотя никогда ее специально не изучал. Мне была знакома экономика гошалы, и, кроме того, я изучал работу приданного ей кожевенного завода и даже написал по данному вопросу несколько статей. Мне было понятно, насколько полезно создавать кожевенные заводы при гошалах, и однажды я даже попытался убедить в необходимости этого руководителей многих гошал, особенно Дарбхангской. Однако я никогда не состоял в организации «*Го сева сангх*».

В 1946 году Радхакришна Баджадж и Джанки Деви Баджадж обратились ко мне с письменной просьбой председателъ-

ствовать на конференции по вопросу об охране коров, созванной в Вардхе; в письме указывалось, что этого хотел Ганди. Поэтому я выехал в Вардху. На конференции присутствовали такие эксперты, как сардар Датар Синг, Лалла Хардев Сахаи и Шри Шахи из провинции Мадхья-Прадеш. Я много работал над речью, с которой выступил на конференции. Увидев успехи, достигнутые в Вардхе, я решил созвать аналогичную конференцию в Патне и посоветовался по этому вопросу с работниками Дарбхангской гошалы. Идея эта оказалась плодотворной, и на конференцию приехали, кроме Датар Синга, Хардева Сахаи, Сейида Рахимтулл Кази, Назира Ахмед Шервани и работников бихарской администрации — специалистов по разведению крупного рогатого скота, представители всех гошал Бихара. Я председательствовал на конференции, а организационный комитет возглавлял Баншидхар Дхандхания из Бхагалпура; в качестве почетного гостя на ней присутствовал Джанки Деви Баджадж.

Мой доклад на конференции, над которым я много работал, был должным образом оценен экспертами. Я интересовался этим вопросом не из-за его религиозного аспекта, а потому, что гошалы были необходимы для нашей своеобразной сельской экономики. Если делать упор на экономическую сторону вопроса, то можно заручиться сотрудничеством всех жителей страны, даже тех, кто в отличие от индусов не относится к корове с благоговением; примешивать же сюда еще и религиозные соображения — значит провоцировать мусульман и разжигать фанатизм индусов, а от этого пострадает важное дело. Я разъяснил значение коров в экономике по преимуществу аграрной страны и показал, как из-за своей слепой веры и невежества мы скорее мешаем, чем содействуем, улучшению содержания коров и к тому же вызываем вражду других групп населения, вместо того чтобы заручиться их сотрудничеством.

Приведу пример. В день праздника Бакр-ид мусульмане приносят в жертву коров. Это ведет к осложнениям, а иногда вызывает и индусско-мусульманскую резню. Но беспокоились ли когда-нибудь индусы о тысячах коров, ежедневно забиваемых на бойнях, особенно в военных лагерях? Никто не знает, сколько тысяч голов крупного рогатого скота было забито в Индии во время войны для иностранных армий. Никому не приходило в голову сделать разведение коров выгодным предприятием, с тем чтобы у индусов никогда не появлялось соблазна продавать их неиндусам. Индусы, считающие коров священными животными, продают их на бойни, когда это выгоднее, чем держать их у себя. За мясо, шкуру, жир, кости и рога можно выручить больше, чем за молоко. Если же ухаживать за ко-

ровой так, как этого требует наука, — увеличить надой молока, полностью использовать навоз, а в случае падежа коровы — шкуру, кости и рога животного, — то содержание коров станет источником прибыли, а не убытка, как это имеет место сейчас.

В тех странах, где быки — источник получения мяса и кож, а коров разводят для производства молока, на телят не обращают особого внимания. Но в такой стране, как Индия, где люди не едят говядины и где бык широко используется в хозяйстве, коровы должны не только давать достаточно молока, но и производить крепких быков. А этого можно достигнуть лишь при условии разведения скота на научной основе. В прошлом наши соотечественники уделяли внимание этому вопросу. Даже в наши дни можно видеть, что некоторые породы волов в состоянии везти тяжелый груз, но не могут быстро бегать, тогда как другие, наоборот, быстро двигаются, но не в силах везти большую тяжесть. Одни коровы дают много молока, но производят на свет хилых телят, другие — наоборот. Индийский крестьянин не может держать коров обоих типов, и поэтому мы должны поощрять разведение таких животных, от которых можно получить хорошее молоко и крепких телят. При правильной постановке работы в гошалах разведение коров станет экономически выгодным делом и их забой прекратится сам по себе. Тогда мы сумеем также позаботиться о старых и больных животных благодаря прибыли, полученной от их эксплуатации. Только при условии применения этих научных методов люди, будь то индуусы или мусульмане, станут считать разведение коров прибыльным занятием. Убедиться в этом на практике — значит проложить путь к правильному использованию коров. Исходя из этих принципов и в соответствии с решением конференции об охране коров, мы создали федерацию гошал с постоянным местопребыванием ее руководящего органа в Садакат-ашраме, где основали образцовую гошалу.

ПЛАН АНГЛИЙСКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ МИССИИ

В июле 1945 года — после июньского краха плана Уэйвелла — в Англии пришла к власти лейбористская партия. В сентябре 1945 года лорд Уэйвелл сделал заявление, в котором вновь выражалось намерение правительства его величества созвать как можно скорее представительный орган для выработки конституции. В марте 1946 года новое правительство объявило, что в Индию для ведения переговоров с индийскими лидерами и вице-королем в целях урегулирования проблем, стоящих перед страной, выедут три члена правительства — лорд Петик-Лоуренс, сэр Стаффорд Криппс и А. В. Александер. Премьер-министр Клемент Эттли заверил, что, хотя будет сделано все возможное для ограждения интересов меньшинств, ни одному меньшинству не будет позволено стоять на пути политического прогресса Индии. Англия выражала готовность предоставить свободу Индии и хотела бы, чтобы эта страна осталась в Британском Содружестве Наций, но и этот вопрос должна была решить сама Индия. На первый взгляд это заявление казалось нам удовлетворительным.

Двадцать третьего марта 1946 года три министра прибыли в Индию и после предварительной беседы с вице-королем лордом Уэйвеллом и членами его Исполнительного совета начали переговоры с различными индийскими политическими партиями. Министры встретились с председателем Конгресса маулана Азадом и Махатмой Ганди. После затяжных и, казалось, бесплодных переговоров английские министры обратились к Конгрессу и Мусульманской лиге с просьбой назначить по четыре своих представителя для продолжения переговоров в Симле. Эти восемь лидеров и вице-король совещались с министрами, но не пришли ни к какому решению. Объявив о закрытии совещания, члены миссии английского правительства заявили, что они представят свой план в Дели. 16 мая 1946 года он был передан для опубликования в печати.

План делился на три части. В первой приводились веские основания, в силу которых выдвинутое Мусульманской лигой требование о создании Пакистана признавалось неосуществимым, и говорилось, что оно не может быть удовлетворено. Вместо этого предлагалось выработать для Индии федеральную конституцию, к которой могли бы примкнуть и княжества. В ведение центрального правительства отходили три вопроса, а именно оборона, внешние сношения и средства связи; кроме того, оно наделялось полномочиями взимать налоги для покрытия расходов по этим трем статьям. Все остальные вопросы относились к ведению провинциальных правительств, так же как все прочие права, не оговоренные особо. Во второй части приводились подробности, касавшиеся организации Учредительного собрания, которое должно было выработать конституцию страны. Третья часть касалась немедленного воссоздания правительства Индии. Там указывалось также, что Индия вправе остаться в Британском Содружестве Наций или выйти из него.

Учредительное собрание предполагалось образовать следующим образом. Все провинциальные законодательные собрания избирают по одному члену на каждый миллион жителей: мусульмане и сикхи должны выдвинуть своих кандидатов на основе самостоятельных избирательных округов. Кург и Белуджистан избрали бы своих представителей заново, тогда как лица, посланные в Центральное законодательное собрание от Дели и Адмир — Мервар, должны были рассматриваться как представители этих районов в Учредительном собрании. Все эти люди обсудили бы с делегатами индийских княжеств вопрос о представительстве в Учредительном собрании, причем княжества также избрали бы своих представителей из расчета один депутат от каждого миллиона жителей. Таким образом, Британская Индия имела бы в Учредительном собрании всего 292 члена, в том числе 240 немусульман, 78 мусульман и четыре сикха.

Провинции делились на три группы. В первую — входили Мадрас, Бомбей, Соединенные провинции, Бихар, Центральные провинции и Орисса; во вторую — Пенджаб, Северо-Западная пограничная провинция, Синд и Белуджистан, тогда как Бенгалия и Ассам образовывали третью группу. На своем первом заседании Учредительное собрание изберет должностных лиц и определит процедуру своей работы. После этого члены всех трех групп, заседая раздельно, выработают конституции для своих групп. Каждая группа решит, хочет ли она иметь общую конституцию для страны в целом, и если да, то какие именно вопросы следует отнести к сфере действия такой конституции. Наконец Учредительное собрание снова соберется на

пленарное заседание с участием представителей княжеств и выработает конституцию для всей Индии. Специальный комитет определит способы охраны прав меньшинств, и его рекомендации будут включены в конституцию. Затем, в соответствии с новой конституцией, должны быть проведены выборы в законодательные органы, причем каждая провинция получит право остаться в той группе, к которой ее отнесут, или выйти из нее.

Временно вице-король должен был восстановить свой Исполнительный совет, куда вошли бы по возможности представители всех индийских партий. Хотя Закон об управлении Индией 1935 года оставался в силе и в соответствии с ним вице-король был облечен всей полнотой власти, однако предусматривалось, что будут приложены все усилия, чтобы вести работу, консультируясь с Исполнительным советом и сообразуясь с его желаниями.

План не принимал полностью требований ни одной из политических партий, но в нем делалась попытка угодить всем им, пойдя в чем-то на уступки каждой. Хотя требование Мусульманской лиги в отношении Пакистана было отклонено, авторы плана надеялись, что ее пожеланиям в значительной степени отвечает принятие конституции, которая предусматривает трехстепенную систему: центральную власть Индийского Союза, промежуточную власть группы провинций со смешанным населением и, наконец, органы власти остальных провинций. Эта система сводила к минимуму значение численного преобладания индусов как граждан Союза. Оппозиция со стороны других партий стала тем более сильной, что весь Пенджаб, Бенгалия и Ассам были объединены в две группы, которые, вероятно, отделились бы от центра, хотя целые районы Пенджаба и Бенгалии были населены в основном индусами, а в Ассаме мусульмане составляли не более одной трети населения.

Рабочий комитет Конгресса рассматривал предложения англичан в течение нескольких дней. Во время этих заседаний председатель Конгресса и другие члены Рабочего комитета несколько раз встречались с вице-королем, чтобы выяснить некоторые моменты и обратить его внимание на отдельные недочеты плана. Комитет считал, что не следует принуждать провинции присоединяться к тем группам, к которым их отнесли. Хотя по плану любой провинции разрешалось отделиться от своей группы после выработки конституции, Рабочий комитет настаивал на том, что провинции должны обладать свободой отделения и в период составления конституции. Северо-Западная пограничная провинция и Ассам были против вступления в группы, к которым их отнесли, и от имени этих провинций Рабочий ко-

митет требовал права не входить в группы с самого начала. Он полагал, что в конечном счете это отвечало задачам плана в целом.

Представители английского правительства возразили, что в их намерения не входит разрешить провинциям держаться вне своих групп с самого начала. Но Рабочий комитет остался при своем мнении и решил, что будет претворять предложения англичан в жизнь лишь в соответствии с собственными взглядами. Мусульманская же лига критиковала предложения за то, что в них не принималось безоговорочно требование насчет Пакистана, но видела в делении провинций на группы зародыш будущего Пакистана и поэтому приняла предложения как шаг вперед к достижению ее конечных целей.

Переговоры об образовании Временного правительства продолжались несколько дней. Вице-король предложил создать кабинет из двенадцати членов — пяти индусов, пяти мусульман и двух представителей от меньшинств. Конгресс возражал против этого прежде всего потому, что это означало равенство между индусами и мусульманами, несмотря на то, что индусов было в три раза больше. Во-вторых, представительство от меньшинств было урезано по сравнению с квотой, на которую вице-король согласился во время переговоров в Симле, когда предлагалось сформировать кабинет из пятнадцати членов — пяти индусов, пяти мусульман и пяти представителей от меньшинств, включая двух хариджанов. Поэтому вопрос стоял не только о равенстве индусов и мусульман. Конгресс принял первые предложения лорда Уэйвелла, учтя военную обстановку, но теперь положение изменилось, и он не мог согласиться на новые, худшие предложения. Конгресс считал, что удовлетворить требования представителей меньшинств удастся только в том случае, если кабинет будет состоять из пятнадцати членов.

Тогда вице-король согласился увеличить число членов предлагаемого Совета министров до тринадцати, с тем чтобы в него вошли пять индусов, пять мусульман, один хариджан и два других представителя от меньшинств. Когда и это предложение было отклонено Конгрессом, английская правительственная миссия и вице-король заявили, что их усилия сформировать правительство, приемлемое для обеих крупнейших общин, закончились провалом, и 16 июня 1946 года они обнародовали список из четырнадцати человек, которых вице-король приглашал сформировать новый кабинет. В список входило пять членов Мусульманской лиги, пять членов Конгресса от высших каст индусов, один конгрессист от хариджанов, один сикх, один христианин и один парс; в общем это соответствовало списку из тринадцати имен, который Неру как-то представил во время пе-

реговоров с вице-королем, за тем исключением, что мусульманин — нечлен Лиги был заменен представителем этой организации и, кроме того, один член Конгресса оказался замененным другим. Фамилию царса добавил вице-король.

В то время, когда мы рассматривали последние предложения, вице-король начал консультации с Джинной и принял ряд пожеланий последнего. Известие об этом каким-то образом проникло в газеты, и мы были очень удивлены таким оборотом дел. Когда мы поставили этот вопрос перед вице-королем, он прислал нам выдержку из своего письма Джинне, где говорилось о принятии предложений последнего. Так, вице-король согласился не увеличивать число членов кабинета до четырнадцати, назначать представителей меньшинств только после консультации с Мусульманской лигой и добиться, чтобы новое правительство не предпринимало ничего такого, что могло бы вызвать недовольство большинства Лиги. Таким образом, было ясно, что согласия Лиги будут добиваться не только в целях сформирования правительства, но и в целях постоянного сотрудничества с нею. Поскольку вице-король вычеркнул из списка фамилию мусульманина — нечлена Мусульманской лиги, заявив, что Лига должна иметь не менее пяти представителей, то Конгресс начал подумывать, не включить ли в квоту, отведенную индусам, какого-нибудь мусульманина-националиста. Но вице-король предупредил нас, прислав письмо, в котором просил не предлагать никого из мусульман, поскольку это было бы неприемлемо. Рабочий комитет в свою очередь не мог согласиться с таким положением, так как это было бы равносильно признанию того, что Конгресс является индусской организацией и что единственным представителем всей мусульманской общины в Индии была Мусульманская лига. Поэтому Конгресс решил отклонить эти предложения.

Тем временем в Дели собрался Рабочий комитет Конгресса, продолжавший обсуждать предложения об Учредительном собрании. За исключением двух-трех человек, члены комитета высказались за принятие предложений, но поставили некоторые условия. Махатма Ганди решительно поддержал предложения от 16 мая. Но в это самое время мы получили из Ассама телеграмму от конгрессиста, обратившего наше внимание на одно из правил порядка избрания представителей в Учредительное собрание от третьей — восточной группы; в соответствии с этим правилом каждый кандидат должен был подписать декларацию, подтверждавшую его согласие с планом деления на группы, равно как и с другими частями предложений. В толковании конгрессиста из Ассама это правило означало принятие заранее обязательств в вопросе о делении на группы. Поскольку воз-

ники опасности, было решено более тщательно изучить правила, определявшие порядок функционирования конституционных органов. Обсуждение было отложено на день, пока шло это изучение. Однако на молитвенном собрании в тот же вечер Гандиджи сказал, что он встревожен телеграммой из Ассама.

Собравшись на следующий день, мы решили, что упомянутое правило не дает оснований для такой интерпретации, какую давал ему ассамский конгрессист. Затем Гандиджи встретился с членами миссии английского правительства, которые тоже подтвердили нашу точку зрения и предложили изменить формулировку правила, если в первоначальном виде она не устраивает Гандиджи. В конечном счете формулировка была изменена, и мы решили принять предложения от 16 мая с оговорками, отклонив в то же время план от 16 июня, касавшийся создания Временного правительства. Это решение с копией вынесенной нами резолюции было послано вице-королю и членам английской правительственной миссии.

Мусульманская лига в свою очередь уже приняла долгосрочный план и ожидала резолюции Конгресса относительно Временного правительства, прежде чем объявить о своем решении. Получив решение Конгресса, вице-король встретился в тот же день с Джинной и показал ему письмо Рабочего комитета. Пункт 8 плана от 16 июня предусматривал, что, даже если какая-то партия отклонит его, вице-король будет продолжать свои усилия по формированию Временного правительства при участии партий, принявших план от 16 мая. Это он и намеревался теперь сделать, поскольку и Конгресс и Лига приняли план от 16 мая. Лига питала большую надежду, что, если Конгресс отклонит план от 16 июня, она получит всю власть и будет господствовать во Временном правительстве. Намерение вице-короля продолжать усилия по формированию Временного правительства несколько напугало Джинну, и в ту же ночь Мусульманская лига решила принять план от 16 июня.

На следующий день вице-король объявил, что Конгресс отклонил план от 16 июня, но что в соответствии с пунктом 8 этого плана он, вице-король, попытается сформировать Временное правительство из представителей Конгресса и Мусульманской лиги. Но так как правительственная миссия сразу же отбывала в Англию, то вице-королю требовалось некоторое время для формирования правительства, пока же необходимые функции должны были выполнять различные ведомства. 30 июня правительственная миссия выехала из Индии, и было образовано так называемое переходное правительство.

Джинна считал себя обманутым и выражал недовольство решением вице-короля и членов английской правительственной миссии. Руководители Мусульманской лиги выступили с пространными заявлениями. Было созвано заседание Совета Лиги, на котором утверждалось, что конгрессисты не приняли *план от 16 мая*, ибо они подвергли его такой критике и настолько урезали, что это было равносильно отклонению. Члены Лиги заявляли, что Конгресс не делал тайны из своих намерений не соглашаться на деление провинций на группы, которое являлось неотъемлемой частью плана, и собирался участвовать в Учредительном собрании лишь для того, чтобы сорвать его работу.

Тем временем в Бомбее собрался Всеиндийский комитет Конгресса, заседания которого проходили под председательством Джавахарлала Неру, вновь избранного председателем Конгресса. Несмотря на оппозицию социалистов, ВИКК одобрил решение Рабочего комитета относительно предложений английской правительственной миссии. Затем последовали выборы в Учредительное собрание.

Конгресс придерживался политики избрания также и неконгрессистов, тогда как Мусульманская лига выдвинула только своих кандидатов. Сам Джинна был избран от Пенджаба. Северо-Западная пограничная провинция избрала трех мусульман, в том числе маулана Азада и Хана Абдул Гаффар-хана. Единственными мусульманами — нечленами Лиги, избранными в Учредительное собрание, были Рафи Ахмед Кидваи от Соединенных провинций, Асаф Али от Дели и Фазлул Хук от Бенгалии. Большинство руководителей Конгресса — видные специалисты по конституционным проблемам и многие другие патриоты баллотировались успешно. От Бенгалии был избран д-р Б. Р. Амбедкар.

Собравшись по окончании выборов, Совет Мусульманской лиги решил изменить свою позицию и отклонить предложения и от 16 мая и от 16 июня. Он высказался также за прямые действия с целью создания Пакистана. В знак протеста против позиции англичан Совет предложил членам Лиги отказаться от всех званий, присвоенных им английским правительством. Выступавшие на заседании Совета произносили такие неумеренные речи, метали такие молнии против Конгресса и правительства, что мы решили, что Совет Лиги готовится начать борьбу с обоими.

Тем временем собравшийся в Вардхе Рабочий комитет Конгресса утвердил резолюцию, принимавшую предложение от 16 июня относительно Временного правительства. В соответствии с пунктом 8 плана от 16 июня вице-король решил создать Вре-

менное правительство без Мусульманской лиги. Он пригласил Джавахарлала Неру и поручил ему формирование правительства. Неру послал приглашение Джинне войти в правительство, но тот отказался, поэтому у Неру не было другого выхода, кроме как сформировать кабинет без Мусульманской лиги. После беседы с вице-королем он созвал в Дели заседание Парламентского совета, который должен был помочь Неру в формировании кабинета. Членами этого комитета были сардар Патель, маулана Азад и я.

КАЛЬКУТТСКАЯ РЕЗНЯ

В то самое время, когда мы занимались формированием Временного правительства, Калькутта была потрясена небывалыми беспорядками, начавшимися 16 августа. В тот день Мусульманская лига решила устроить торжества в поддержку своего требования о Пакистане. Она призвала мусульман по всей стране соблюдать хартал во исполнение принятого решения. В Бенгалии и Синде правительства Мусульманской лиги объявили 16 августа праздничным днем. Все учреждения и банки пришлось закрыть. Это явилось злоупотреблением властью со стороны Мусульманской лиги. На протяжении двадцати семи или двадцати восьми лет своей борьбы против английского владычества Конгресс не раз организовывал успешные харталы, но ни разу с того момента, как взял в свои руки бразды правления в провинциях, не проводил хартал против англичан. Однако Лига игнорировала все протесты и критику. В Бенгальском законодательном собрании накануне дня хартала члены оппозиции заявили решительный протест против того, чтобы этот день был объявлен официальным праздником; они указывали, что слишком большое число людей окажется свободным и что процессии и публичные митинги грозят осложнениями. Однако главный министр Сухраварди не обратил никакого внимания на протесты, утверждая, что провозглашение праздничного дня отвечает интересам поддержания порядка.

Утром 16 августа активисты Мусульманской лиги стали принуждать владельцев магазинов закрывать свои предприятия. Это, естественно, привело к столкновениям. Начались грабежи и поджоги. Правительство не принимало никаких мер до полудня 17 августа. Но к этому времени тысячи людей уже были убиты, а тысячи домов разграблены и сожжены. Попытки подавить беспорядки в городе увенчались успехом только после того, как в течение четырех дней в нем царил разнузданный террор. Говорят, что в огне погибло свыше шести тысяч человек. Несколько дней мертвые тела загромождали улицы; было

подобрано более трех тысяч трупов. Много трупов было, по-видимому, сброшено в канализационные колодцы, и улицы стали непроходимы из-за страшного зловония. Число людей, погибших в горящих домах и сброшенных в реку Хугли, не поддается исчислению. Не щадили никого — ни стариков, ни женщин, ни детей.

Это была, пожалуй, самая кровавая резня, какую когда-либо испытала Индия со времени разграбления Дели *Надир-шахом*, хотя я не уверен, что его армии действительно могли убить столько народа. За несколько дней до калькутской резни один из лидеров Мусульманской лиги Фероз Хан Нун хвастался, что Лига создаст такую обстановку, которая заставит людей позабыть о деяниях Чингисхана и *Халаку-хана*. Это и был образец того, что несли стране самочинные выступления Лиги. В тот же день вспыхнули волнения в некоторых других городах, например в Дакке, Бенаресе, Аллахабаде, Ранигандже и Дели, но они не шли ни в какое сравнение с калькутской резней, и порядок там удалось быстро восстановить.

В самой Калькутте Сухраварди спустя несколько дней начал свою миротворческую деятельность, призывая соблюдать спокойствие. Это напомнило мне индийскую пословицу: «Кошка съела семьдесят мышей и отправилась на богомолье». Даже калькуттская газета «Стейтсмен», всегда поддерживавшая правительство Мусульманской лиги, была вынуждена заявить, что оно не в состоянии управлять, и потребовала его отставки. Такую же позицию заняли лондонские газеты, в том числе «Таймс». Но всеобщие протесты и осуждение не подействовали на Лигу и ее руководителей. Люди, которые в 1937—1939 годах поднимали без всякого повода страшный крик против конгрессистских правительств, обвиняя их в эксцессах, теперь после столь серьезных беспорядков, поджогов и убийств молчали, а ведь если они и не организовывали все эти дела, то во всяком случае потворствовали им. Джинна мог сказать только, что люди, ответственные за беспорядки, должны быть наказаны, но поскольку он не располагает полными сведениями, то и не может сказать, кого именно следует наказывать. Тем не менее он выразил уверенность в том, что члены Лиги не могли действовать вопреки ее инструкциям, но если кто-либо все же нарушил их, то против таких людей будут приняты дисциплинарные меры. Официальный орган Мусульманской лиги газета «Доон» в течение некоторого времени вообще замалчивала беспорядки, а потом стала помещать краткую информацию о них без всяких комментариев.

Сообщалось, что вначале большинство жертв в Калькутте составляли индусы, но, видя, что резня не прекращается и что

власти не оказывают им никакой помощи, они вынуждены были принять меры к защите своей жизни. Положение обернулось против зачинщиков беспорядков, и было убито также большое число мусульман. Неважно, однако, кого погибло больше — индусов или мусульман; вся беда в том, что в большинстве случаев поплатились жизнью ни в чем не повинные люди, никогда не участвовавшие в беспорядках.

За четыре дня было уничтожено имущества на несколько десятков тысяч рупий, по большей части принадлежавшего индусам.

Все это время продолжались переговоры о формировании правительства, так как вице-король и Джавахарлал Неру решили, что калькуттские события не должны сорвать усилия по образованию правительства в самое ближайшее время. Проконсультировавшись с нами, Неру составил окончательный список лиц, которые должны были войти в его кабинет. Я отдыхал в Джайпуре, когда пришла телеграмма из Дели с просьбой одобрить список. Закончив эту работу, я выехал в Пилани, где хотел пробыть до конца августа, когда Временное правительство должно было приносить присягу. 27 августа в Дели состоялось заседание Рабочего комитета, на котором присутствовал Гандиджи. Я вернулся из Пилани, чтобы принять участие в обсуждении.

В список министров было внесено и мое имя. Когда во время переговоров в Симле меня включили в список, представленный Конгрессом, я согласился на это очень неохотно, так как у меня имелись принципиальные возражения. Но после окончания войны эти возражения отпали. Вначале предполагалось выдвинуть мою кандидатуру на пост председателя Мирутской сессии Конгресса, поскольку Джавахарлал Неру должен был войти в состав Временного правительства и поэтому ему пришлось бы оставить председательский пост. Второе предложение заключалось в том, чтобы избрать меня председателем Учредительного собрания, не вводя в состав Временного правительства. Я лично ничего не мог сказать по этому поводу, и любое решение было для меня приемлемо. Но если говорить о моих личных склонностях, то посты председателя Конгресса или председателя Учредительного собрания были мне больше по душе, нежели министерский портфель. Однако дело было не в моих симпатиях или антипатиях: Рабочий комитет решил, что я должен войти в состав Временного правительства, и я подчинился этому решению.

Я уже двадцать шесть лет принимал участие в работе Конгресса. За все это время я никогда не занимался своими личными делами, если не считать короткого промежутка после

смерти брата. Родную деревню я посещал исключительно в дни болезни. Только Садакат-ашрам в Патне был моим домом. Сейчас мне предстояло начать новую жизнь. Я должен был создать себе дом в Дели и позаботиться о его управлении. Мне полагалось ежемесячное жалованье, но я не знал, какие указания будут даны Конгрессом относительно того, сколько мы должны получать и расходовать. К тому же у меня не было опыта административной работы.

Одно время я был председателем муниципалитета в Патне, но это продолжалось очень недолго. Моя работа в Конгрессе в счет не шла, так как там мне приходилось больше иметь дело с людьми, чем выполнять административные обязанности. Вот какие задачи стояли передо мной, и я раздумывал, как мне взяться за их решение. Я не знал, какой портфель получу, хотя ходили слухи, что мне достанется министерство продовольствия и сельского хозяйства; если бы это подтвердилось, я получил бы работу по сердцу, хотя нехватка продовольствия была очень острой, и я знал, что разрешить эту задачу будет нелегко.

Я полагал, что нам придется работать в сотрудничестве с должностными лицами, в числе которых было немало людей, отправлявших нас в тюрьму и причинивших много страданий нашему народу. Но я не питал предубеждения против кого бы то ни было и был уверен, что сумею заручиться сотрудничеством любого человека. Нас ожидало множество трудностей. Кто мог знать, что намеревалась предпринять Мусульманская лига и как станет реагировать народ на ее позицию? Я был убежден, что, если только мы станем служить народу искренне и бескорыстно, все будет хорошо. Эти мысли и занимали меня в то время больше всего.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

В главе сто седьмой я рассказал, как и когда начал писать автобиографию и как она была закончена; она охватывала события моей жизни до момента образования Временного правительства. Однако в течение четырех месяцев готовая рукопись лежала у меня, а за это время произошло много важных событий, о которых я предпочел рассказать в послесловии.

Временное правительство было сформировано 2 сентября 1946 года. В него вошли двенадцать министров: Джавахарлал Неру, сардар Валлабхаи Патель, Сарат Чандра Бос, С. Раджагопалачария, Асаф Али, д-р Джон Маттхаи, Джагдживан Рам, Шафат Ахмед-хан, Балдев Синг, Ч. Х. Бхабха, Али Захир и я. В то же утро обитатели дома Бирла, где гостили сардар Патель, Джагдживан Рам и я, устроили в нашу честь торжественный прощальный прием. Вместе с другими нашими коллегами мы посетили Гандиджи, получили его благословение и затем отправились в резиденцию вице-короля принести присягу.

Всю свою жизнь мы боролись против английского империализма. Правильно ли мы поступали теперь, собираясь присягнуть на верность английскому королю? Этот вопрос занимал умы многих еще до того, как мы принесли присягу. Дело в том, что церемония присяги при вступлении на официальный пост предусматривается английской конституцией, так же как, скажем, демократическая система предполагает управление в соответствии с желаниями народа. Король не может ничего сделать без мандата народа, а мнения последнего становятся известны через парламент. Этими мнениями и руководствуется в своей деятельности премьер-министр. Король не вмешивается в работу правительства, он выполняет желания кабинета и зачитывает речи, подготовленные этим последним. Какой-то эксперт по конституционным проблемам сказал, что английский король в такой степени обязан подписывать любую бумагу, представленную ему премьером, что не мог бы даже отказаться

подписать самому себе смертный приговор. Вынужденное отречение Эдуарда VIII по совету его премьер-министра Стэнли Болдуина было делом еще совсем недавнего прошлого. Поэтому мы утверждали, что деятельность в интересах достижения независимости Индии не может считаться несовместимой с такого рода присягой. Если Болдуин мог посоветовать королю отречься от престола, то Джавахарлал Неру мог порекомендовать королю передать власть в руки индийцев, несмотря ни на какие присяги в верности. Поэтому мы не усматривали никакого противоречия между тем и другим, и все принесли требуемую присягу.

Мне достался портфель министра продовольствия и сельского хозяйства. В стране ощущалась острая нехватка продуктов питания, в особенности на юге, в районах рисовых плантаций. 1945 год был засушливым, урожай риса сильно пострадал по всей Индии, но особенно на юге. Засуха неблагоприятно сказалась и на урожае *раби*. Некоторые районы Индии всегда испытывали недостаток продовольствия, восполнявшийся правительством с помощью импорта риса из Бирмы; но в годы войны ввоз из этой страны прекратился. Это, собственно, и явилось одной из причин голода в Бенгалии. В начале 1946 года казалось, что в течение ближайшего года следует ожидать острой нехватки продовольствия, и индийское правительство решило ввезти зерно из-за границы. Но поскольку недостаток продуктов питания ощущался во всем мире, была создана международная организация, ставившая целью приобретение излишков зерна в любой точке земного шара и предоставление его нуждающимся странам. Индия стала членом этой организации.

Вести о тяжелом продовольственном положении нашей страны достигли Соединенных Штатов. В Индию прибыл бывший президент США Г. Гувер, глава ЮНРРА (Организация помощи и восстановления Объединенных Наций), совершавший поездку по остро нуждающимся районам мира. Бедственное положение Индии произвело на него глубокое впечатление, и он рекомендовал оказать ей помощь. Затем последовал визит американской делегации во главе со специалистом по вопросам продовольствия и сельского хозяйства Шульцем — она также была озабочена нашим шатким продовольственным положением. В результате ЮНРРА выделила Индии известное количество зерна, но она не могла полностью удовлетворить наши нужды, так как ей необходимо было помочь и другим странам.

Таким образом, положение в период, когда я стал министром, было далеко не блестящим. Необходимо было принять

меры, чтобы избежать голода. Все зерно, какое можно было достать за границей, ввозилось и распределялось по бедствующим районам страны, но я хорошо сознавал справедливость слов Махатмы Ганди, что было бы безумием полагаться на иностранную помощь, ибо на пути импорта неизбежно возникли бы сотни препятствий. Поэтому я решил, что мы должны сами позаботиться о себе, и сразу же призвал всех индийцев, занятых производством продовольствия, производить его как можно больше, не расходовать впустую и побольше экономить для других. Мы продолжали ввозить из-за границы все, что только удавалось достать; ввезенное продовольствие и запасы из районов страны, располагавших излишками продуктов питания, отправлялись туда, где ощущалась особенно острая нужда. Соблюдался режим строгой экономии.

Наиболее критическим периодом мы считали четыре месяца — с сентября по декабрь. Нормирование продовольствия было уже введено, теперь же мы сократили нормы выдачи. Мы посылали пшеницу и кукурузу в районы, где люди прежде никогда их не ели и не умели даже готовить. Несмотря на все лишения, народ перенес тяжелое время твердо и мужественно. Во второй половине 1946 года выпали обильные дожди, и урожай риса был неплохой. Когда наше беспокойство за рисопотребляющие районы несколько уменьшилось, возникло тревожное положение в районах потребления пшеницы. Там предстояло убрать урожай пшеницы, но малейшее бедствие могло сорвать возможность хорошего сбора зерна. Поэтому мы должны были вернуть запасы пшеницы, направленные в рисопотребляющие районы, и распределить их в районах потребления пшеницы. Импорт пшеницы из Соединенных Штатов внезапно задержался из-за вспыхнувшей там забастовки портовых грузчиков и шахтеров. Хотя положение создалось серьезное, я, однако, был уверен, что мы преодолеем и этот кризис, подобно тому как мы справились с нехваткой риса.

Продовольственное положение было предметом не только моих забот — им постоянно занимались и все служащие подведомственных мне департаментов. На них и лежала главная ответственность за спасение страны от голода. Я был новичком, но мне приятно сказать, что между мной и работниками моих департаментов никогда не возникало никаких разногласий и что мы все сообща стремились устранить опасность, угрожавшую стране. И мы преодолели кризис. Мы возблагодарили бога за то, что к концу декабря, последнего тяжелого месяца, ни один человек не умер от голода.

Мой недолгий опыт лишний раз убедил меня в том, что такая аграрная страна, как Индия, должна сама обеспечивать

себя продовольствием. Я сознавал, что это нелегкая задача: население нашей страны растет, а площадь пахотных земель ограничена. Даже до войны мы ежегодно ввозили 50—60 миллионов маундов риса. А в 1946 году, когда население увеличилось, возросли и наши потребности, и следовало ожидать, что они будут расти. Было хорошо известно, что народ питался недостаточно — потреблял мало продуктов, да и выбор их был невелик. Поэтому я высказался за увеличение производства молока, рыбы, мяса, растительных и животных жиров, фруктов и овощей.

Меня занимал вопрос, как лучше достичь самообеспеченности. Правительство могло только советовать. За эту работу должны были взяться люди, чьим главным занятием является земледелие. Население оказало всемерную поддержку делу помощи нуждающимся. Многие откликнулись на мой призыв потреблять меньше зерна, отказавшись от одной трапезы в день. Я надеялся, что люди точно так же станут сотрудничать со мной с целью увеличения производства продовольственного зерна и достижения конечной цели — самообеспеченности.

Тем временем лорд Уэйвелл пытался убедить Мусульманскую лигу принять участие во Временном правительстве и Учредительном собрании. Вскоре после нашего назначения он вступил в переписку с Джинной, и наступил такой момент, когда и Неру пришлось присоединиться к переговорам. В них принял также участие наваб Бхопала, и были приложены усилия достичь компромисса между Конгрессом и Мусульманской лигой. Но все оказалось напрасным. В конце концов Джинна решил войти во Временное правительство, не достигнув соглашения с Конгрессом, а только договорившись с вице-королем. Вице-король и мы считали, что в ходе совместной работы Конгресс и Лига сблизятся и в конечном счете, возможно, придут к взаимопониманию. Однако вице-король попросил Джинну выполнять восьмой пункт плана от 16 июня, который предусматривал принятие предложений от 16 мая 1946 года о порядке создания органа по выработке новой конституции Индии в качестве предварительного условия вхождения во Временное правительство; вице-король заверил нас, что Лига была предупреждена о том, что ее участие в правительстве означает согласие с планом 16 мая.

Войдя во Временное правительство, мы решили действовать как кабинет с совместной ответственностью, а это означало, что правительство будет отвечать за действия каждого из своих министров и в случае отставки хотя бы одного из них выйдет в отставку целиком. Министры должны были действовать не

на свой страх и риск, а совместно. Мы приступили к работе в соответствии с этими принципами. Мы считали это серьезным отходом от старой политики, поскольку вице-королю вряд ли представился бы случай вмешаться в нашу работу. Вмешательство же в деятельность одного из нас стало бы рассматриваться как вмешательство в дела всех, так что весь кабинет решил бы либо остаться, либо уйти. В прошлом каждый член Исполнительного совета при вице-короле назначался отдельно, контакт друг с другом члены совета поддерживали только через вице-короля, и поэтому устранение одного из них не отражалось на других. Мы же образовали кабинет и назывались не советниками, как раньше, а министрами. Мы собирались ежедневно в пять часов вечера, обсуждали все важные проблемы и принимали по ним совместные решения. Когда в правительство вступили члены Мусульманской лиги, мы надеялись, что они присоединятся к нам, но нашим надеждам не суждено было сбыться.

Мусульманская лига вступила во Временное правительство 15 октября 1946 года. Ее представителями были Лиакат Алихан, раджа Газанфар Али-хан, сардар Абдур Раб Ништар, И. И. Чундригар и Джогендра Натх Мандал. Последний был хариджаном, которого Джинна выбрал, чтобы показать, что Лига представляет интересы меньшинств.

Едва войдя в правительство, члены Лиги заявили, что они не брали на себя никакого обязательства снять свои возражения против плана от 16 мая и не подписывались под принципом совместной ответственности. Они отклонили приглашение Джавахарлала Неру принять участие в наших ежедневных совещаниях. К нам они присоединялись только тогда, когда вице-король созывал заседание кабинета министров.

Тем временем положение в стране ухудшилось. Ужасная резня в Калькутте вызвала неприятные последствия и в других районах. В Бомбее, Аллахабаде, Дакке и других местах участились столкновения между индусами и мусульманами, в результате чего погибло много ни в чем не повинных людей. Во время беспорядков в Калькутте мирное течение жизни бихарцев было нарушено: многие из них были убиты, а некоторые вернулись в Бихар. Рассказы этих людей о пережитых ужасах произвели глубокое впечатление на жителей Бихара. В это самое время поступило сообщение из Бенибада (округ Музаффарпур), что один мусульманин похитил индусскую женщину из Калькутты и держит пленницу у себя в деревне. Сдерживаемое возбуждение прорвалось. Большая толпа индусов двинулась в эту деревню, разгромила и сожгла дома мусульман, убив много людей. Бихарское правительство сурово

покарало индусов: были произведены многочисленные аресты и наложен коллективный штраф.

Слухи об инциденте проникли за пределы провинции Бихар, вызвав на этот раз возбуждение среди мусульман. В бенгальских округах Ноакхали и Трипур, где большинство населения составляли мусульмане, вспыхнули беспорядки. Мусульмане напали на дома индусов, перебили много народа и сожгли несколько деревень. Тысячи индусов были насильственно обращены в мусульманство, многих индусских женщин похитили и силой заставили выйти замуж за мусульман. Поскольку большинство индусов бежало из охваченных беспорядками районов, стало невозможно проверить правильность всех этих сообщений. Индусы не могли поехать в эти районы, которые находились на осадном положении. Правительство обвиняли в том, что оно не пыталось остановить резню и в сущности предоставило ее участникам свободу действий, как это было и в Калькутте. Прошло некоторое время, прежде чем беспорядки пошли на убыль. Разница между событиями в Калькутте, с одной стороны, и в Ноакхали и Трипуре — с другой, заключалась в том, что в Калькутте большинство населения составляли индусы, которые, когда прошла растерянность, сплотились и стали мужественно защищаться; в Ноакхали и Трипуре, напротив, индусы были в меньшинстве и не могли отомстить мусульманам.

Расправа с их братьями взволновала индусов по всей стране, породив жажду мести. Руководители Мусульманской лиги и мусульманские газеты подливали масло в огонь и бросали вызов индусам. В Северо-Западной пограничной провинции создалась напряженная атмосфера, и Джавахарлал Неру предпринял туда официальную поездку. Стало известно, что чиновники политического департамента, непосредственно подчиненного вице-королю, подстрекали народ оскорблять Неру и устраивать против него демонстрации. В одном месте на Бадшах-хана (Хан Абдул Гаффар-хана) и Неру напала буйная толпа, и они с трудом спаслись. Бадшах-хан был ранен в руку и в течение нескольких месяцев был вынужден носить ее в лубке. Несмотря на подобного рода отдельные инциденты, поездка Неру прошла с большим успехом, и народ в общем оказал ему теплый прием. Но в глазах индусов других районов страны события в Северо-Западной пограничной провинции свидетельствовали о наличии сговора между английскими властями и Мусульманской лигой, направленного на подавление индусов.

В Бихаре вспыхнули беспорядки. Огромные толпы индусов начали совершать нападения на мусульманские деревни. В некоторых районах округа Патны, где имелись полицейские

участки, много мусульман было убито, немало других подверглось пыткам, большое количество домов было сожжено. Беспорядки охватили округа Монгхир, Гая и Чапра. В Бихар для изучения положения прибыли Неру и сардар Патель в сопровождении Лиакат Али-хана и сардара Абдур Раб Ништара. Совершив поездку по охваченным волнением районам и посетив Патну, сардар Патель и Ништар вернулись в Дели, а Неру и Лиакат-хан остались еще на некоторое время в Бихаре. Я также прибыл самолетом в Патну, и мы обсудили вопрос о том, что нужно сделать для восстановления порядка. Бихарское правительство приняло энергичные меры, чтобы остановить резню, призвав на помощь армию. Гандиджи, находившийся в это время в Ноакхали, где он призывал к миру между индусами и мусульманами, пригрозил, что уморит себя голодом, если беспорядки в Бихаре не прекратятся в ближайшее время. Это произвело желаемое действие, и положение более или менее нормализовалось.

Но случившееся было достаточно ужасным. Число убитых достигало нескольких тысяч; впрочем, заявления Джинны, будто погибло 30 тысяч человек, были сильно преувеличены; по моим подсчетам, погибших было не более 3 тысяч. Но независимо от числа жертв, не приходится отрицать, что события в целом были невыразимо трагическими и что мы не могли не стыдиться их. Беспорядки нанесли сильный удар по единству между индусами и мусульманами. В районах, где мусульмане были в меньшинстве, царили страх и неуверенность; многие из них бросали насиженные места и перебирались в города. Бихарское правительство прилагало все старания, чтобы вернуть их домой. Хотя беспорядки продолжались всего несколько дней, они причинили огромные бедствия и увеличили административные трудности для властей.

Очередная сессия Конгресса в этом году должна была состояться в Мируте. Незадолго до нее в Мирутском округе во время ярмарки в Гархмуктешваре вспыхнули беспорядки, в результате чего много мусульман было убито. Позже мусульмане отомстили. Вслед за тем волнения охватили всю Северо-Западную пограничную провинцию; во многих городах происходили стычки, и на какое-то время там создавалось напряженное положение. Мы уже подумывали о том, чтобы перенести сессию Конгресса в другое место, но положение улучшилось, и сессия была проведена там, где и намечалась первоначально. Единственное отличие состояло в том, что пришлось отказаться от таких мероприятий, как выставки и конференции, которые обычно устраивались во время сессии Конгресса. Мы не поощряли даже визиты гостей, пригласив только делегатов. Тем

не менее гостей съехалось очень много, и сессия, проходившая под председательством Ачарии Крипалани, оказалась успешной. Конгресс принял две резолюции: одна содержала указания конгрессистам в отношении их роли в Учредительном собрании, а другая — рекомендацию о том, что Индия должна стать демократической республикой.

Когда мы вернулись из Мирута в Дели, из Уайтхолла пришло приглашение руководящим деятелям Индии прибыть в Лондон на переговоры с английским правительством; Конгресс должны были представлять Неру и сардар Патель, Мусульманскую лигу — Джинна и Лиакат Али, а сикхов — сардар Балдев Синг. Нам было непонятно, зачем понадобилась новая конференция и для чего было приглашать лидеров Конгресса, если мы и без того приняли план от 16 мая и именно поэтому работали во Временном правительстве, тогда как Мусульманская лига, оставаясь в нем, по-прежнему отклоняла этот план. Поэтому мы ответили английскому премьер-министру, что, поскольку приближалась первая сессия Учредительного собрания и поскольку наши оговорки в связи с планом от 16 мая уже известны английскому правительству, а поездка в Лондон не могла существенно изменить наших взглядов, мы просим не включать нас в число приглашенных, добавив, однако, что, если на нашем приезде будут настаивать, мы не станем возражать. В ответной телеграмме английский премьер-министр К. Р. Эттли заявил, что приезд наш необходим, и заверил нас, что мы успеем вернуться к открытию первой сессии Учредительного собрания.

Мусульманская лига со своей стороны решила было послать своих представителей в Лондон (после того как Джинна заявил, что конференция, видимо, созывается потому, что всю проблему следует рассмотреть заново), но затем отклонила приглашение, так как, узнав, что между Конгрессом и английским правительством произошел обмен нотами, решила, что Конгресс получил какие-то заверения, прежде чем выразить свою готовность принять приглашение. Вице-король отправился в Карачи, где в то время находился Джинна, и после небольшой дискуссии убедил его поехать в Лондон.

Джавахарлал Неру, Балдев Синг, Джинна и Лиакат Алихан вылетели в Лондон вместе с вице-королем.

На Лондонской конференции 5 декабря 1946 года английское правительство внесло изменения и добавления в план от 16 мая о порядке создания органа по выработке новой конституции Индии. Это было сделано под тем предлогом, что он нуждался в дальнейшем разъяснении, хотя и члены английской миссии и вице-король заверяли нас, что план не подлежит из-

менению. Не оставалось сомнений, что к нему добавлены новые пункты, которых не было в первоначальном варианте. Конференция мало что дала, разве что еще более увеличила путаницу, и Неру вернулся из Лондона разочарованный. 5—6 января 1947 года было созвано специальное заседание Всеиндийского комитета Конгресса, рассмотревшее изменения, внесенные во время лондонских переговоров в план от 16 мая. Было решено принять новое толкование плана и внесенные в него изменения. Мы дали понять, однако, что не потерпим никаких нечестных махинаций по отношению к какой бы то ни было провинции и что, если такого рода махинации все же будут иметь место, мы сочтем себя вправе предпринять необходимые шаги.

Но еще до всего этого, 9 декабря 1946 года, открылось Учредительное собрание, проходившее в здании Центрального законодательного собрания, где имелась библиотека, оборудованная специальной радиоустановкой, системой отопления и со вкусом украшенная. До избрания постоянного председателя мы решили выбрать для ведения заседаний старейшего члена Собрания; эта честь выпала на долю д-ра Саччидананда Синхи, бихарца, который весьма успешно справился со своей задачей. Старейшими членами Законодательного собрания являлись также сэр Хари Синг Гаур и Т. Пракасам из *«Андрха кесари»*, но оба они были моложе д-ра Синхи.

Перед отъездом Неру в Лондон мы обсудили вопрос о постоянном председателе Учредительного собрания и решили избрать на этот пост нечлена Конгресса. Наш выбор пал на Н. Гопаласвами Айянгара, способного и опытного деятеля, которому мы помогли стать депутатом Собрания. Поэтому до прибытия депутатов на сессию Учредительного собрания предполагалось, что именно он и будет выдвинут на председательский пост. Но когда депутаты начали съезжаться в Дели, положение, очевидно, изменилось, так как ко мне обратились с вопросом, согласен ли я занять этот пост. По-видимому, это предложение поддерживало большинство депутатов. Я считал, что это повлечет за собой слишком большую ответственность, и отказался, так как уже ведал в правительстве двумя министерствами. Когда вопрос этот подвергся в конечном счете обсуждению в Рабочем комитете, я сказал, что, если бы меня освободили от работы в правительстве, я не стал бы возражать против занятия поста председателя Учредительного собрания. Однако комитет не принял во внимание это условие. По всей видимости, многие члены Собрания решили избрать меня, и я подчинился их воле. После этого Собрание единогласно избрало меня на пост председателя. Поздравляя меня с избранием, люди по своей

доброте говорили мне много хорошего, но я чувствовал, что взял на себя тяжелое бремя. Уповая на бога, я приступил к исполнению новых обязанностей.

В этот период Бихар понес тяжелую утрату: умер Брэдх Кишор Прасад. Из-за болезни он уже в течение некоторого времени не мог работать, и провинция была лишена его большой помощи. Бихар навеки сохранит благодарную память о многообразной деятельности этого патриота. У кого еще найдем мы столь острый ум, непоколебимую решимость, безошибочную прозорливость, величайшую самоотверженность и преданность? Еще в те времена, когда мы, бихарцы, считали общественную деятельность занятием для препровождения времени, Б. К. Прасад показал, что такое подлинное служение народу, и убедил в этом многих. Всякий раз, когда мы падали духом, его негибаемая решимость вдохновляла нас на дальнейшее служение идеалу. Свою деятельность в интересах крестьян он начал в то время, когда в деревне господствовали владельцы плантаций индиги и было крайне рискованно выступать против них.

Для меня его смерть явилась особенно тяжелым ударом. Брэдх Кишор Прасад полюбил меня еще тогда, когда я занял первое место на выпускных экзаменах в средней школе, а позднее, когда я принял участие в организованной им кампании, целью которой было прекращение агитации против поездов за границу, мы сблизились. С тех пор он всегда приходил ко мне на помощь во всех моих затруднениях. После женитьбы моего сына Мритьюнджайи на дочери Брэдх Кишор Прасада узы, связывавшие нас, стали еще теснее. Он занял место моего скончавшегося брата и, пока позволяло здоровье, помогал нам в наших семейных делах. Известие о его кончине глубоко огорчило меня, но письмо с выражением соболезнования, которое Гандиджи направил его сыновьям, принесло утешение и мне. Махатма писал, что в том состоянии, в каком находилось тело Прасада, его освобождение от смертной оболочки должно вызывать скорее радость, чем печаль. Это было действительно так, и я согласился с Гандиджи. Да поможет бог сыновьям Брэдх Кишор Прасада, человека великой души!

По случаю шрадхи Мритьюнджайи и его жена Видьявари поехали в Дарбхангу, где жили ее брат и мать и где умер Брэдх Кишор Прасад. Мритьюнджайя оставил там жену, а сам вернулся в Патну. Бог знает, что случилось с ней, но немного погодя она внезапно заболела и два дня спустя скончалась. Узнав о ее болезни, Мритьюнджайя тут же выехал в Дарбхангу, но в пути его настигло печальное известие. Я узнал о несчастье перед самым своим отъездом в Патну, где мне предстояло помочь восстановлению порядка в охваченной волне-

ниями провинции. Горевала вся наша семья, я тоже испытывал глубокую печаль, но считал невозможным откладывать отъезд: что значило в конечном счете мое личное горе в сравнении с горем многих сотен семей, потерявших своих близких и любимых во время беспорядков! Я видел свой долг в том, чтобы совладать со своей печалью и отправиться на помощь ни в чем не повинным бихарцам. И я выполнил свою миссию в Патне.

Но меня ожидал еще один удар: после непродолжительной болезни в Ранчи скончался маленький сын Джанардана — Пракаш. О его болезни меня известили по телефону, и я уже собрался выехать из Дели в Ранчи, как вдруг узнал о его смерти. Дважды годами ранее, тоже в юном возрасте, умер старший брат Пракаша — Мохан. Я никак не мог понять, почему на долю Джанардана и Чандрамукхи выпали одна за другой такие трагедии, но мог ли я утешить их в их непоправимом горе?

Жизнь в Дели совсем не походила на мое прежнее существование. Мне впервые пришлось работать в учреждении, и я старался приноровиться к новым условиям. Продовольственный кризис был еще не вполне преодолен, но положение определенно улучшилось. Не знаю, сделал ли я что-либо заслуживающее похвалы, но люди стали счастливее, чем прежде, и по своей доброте приписывали это улучшение моим стараниям. Должен, однако, сказать, что заслуга здесь принадлежит сотрудникам моего министерства, справившимся со своей задачей, и самому населению, которое оказывало мне бескорыстную поддержку. Один я не смог бы сделать ничего. Я был очень занят, у меня не было времени даже встречаться с друзьями. К счастью, здоровье мое улучшилось, и приступы астмы не мешали моей работе. Я надеялся, что так будет и в дальнейшем и что благодаря этому я смогу выполнять свои трудные обязанности председателя Учредительного собрания.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ*

Абир — красный порошок, которым индийцы осыпают друг друга во время народных празднеств.

Адиваси — аборигены, коренные жители страны.

«*Адиваси махасабха*» («Великий союз аборигенов») — реакционная шовинистическая организация, созданная Джайлал Сингом тридцать лет назад в Чхота-Нагпуре. Целью ее было выделение районов Бихара, населенных санталами, в автономную область, а главным методом борьбы — раздувание в народе национальной и религиозной розни.

Азан — призыв к молитве у мусульман.

Акали (букв. бессмертный) — название одной из сект в сикхизме (см. сикхи). В начале 20-х гг. XX в. акали выступили против махантов (см.), владевших большими участками земли и распоряжавшихся доходами храмов. Выступление акали было по сути дела облеченным в религиозную форму движением пенджабских крестьян против церковных и светских феодалов, причем последние получали открытую поддержку английских колониальных властей. В июле 1920 г. в Амритсаре был созван съезд сикхов-акали, который избрал комитет по управлению храмами. Маханты отказались подчиняться решениям комитета и оказали сопротивление попыткам лишить их привилегий. Произошли кровавые столкновения, причем насилие осуществлялось главным образом ставленниками махантов, так как акали использовали методы ненасильственной борьбы. С помощью полиции и войск выступление акали было жестоко подавлено.

Позднее секта акали стала реакционной шовинистической организацией.

Акали-дал. Так назывались отряды участников движения акали, созданные руководителями движения.

Акбар (1542—1605) — падишах Индии (1556—1605) из династии Великих Моголов. Путем войн и дипломатических

* Составлены П. М. Шаститко.

интриг значительно расширил империю. Период правления Акбара — период расцвета империи Великих Моголов.

Аллопат — здесь — врач, лечащий методами народной медицины.

Анант Чатурдаши — религиозный праздник индусов в честь бога Вишну (см.). Отмечается 14 числа месяца бхадрапад (начало сентября по григорианскому календарю).

Англо-индийцы — английский термин, относящийся к лицам, происшедшим от смешанных англо-индийских браков.

«Андхра кесари» (букв. «Лев Андхры») — проанглийская политическая организация в области Андхра, преследовавшая националистические, шовинистические цели. Существенного влияния на политическую жизнь Южной Индии не имела.

Антикомпромиссная конференция Боса — конференция, созданная видным деятелем Индийского национального конгресса Субхас Чандра Босом. В апреле 1940 г. одновременно с Рамгархской сессией Конгресса Бос и его сторонники созвали конференцию, на которой выступили против руководства Конгресса (в первую очередь против Ганди) и потребовали немедленного и полного разрыва с Англией, призвав к активной борьбе против вовлечения Индии в войну на стороне союзников. Бос вышел из Конгресса и организовал новую партию — «Форвард блок». В январе 1941 г. Бос уехал сначала в Германию, через два года — в Бирму, а затем в Малайю. Там он создал так называемую Индийскую национальную армию и начал в Ассаме военные действия на стороне японцев против англичан. В этих боях армия Боса потерпела ряд поражений. Бос погиб в результате авиационной катастрофы в августе 1945 г.

«Арья самадж» («Общество ариев») — секта в индуизме, основанная в 1875 г. гуджаратским религиозным реформатором Даянандом Сарасвати (1824—1883). Имела наибольшее влияние в Пенджабе, а также в Соединенных провинциях. Арья-самаджисты проповедовали возвращение к религии древних ариев, отраженной в священных книгах индуизма — ведах (см.) и выступали против поклонения изображениям богов, строгости кастовых ограничений и т. д.

Ахимса (букв. ненасилие, непричинение зла, воздержание от причинения страданий) — учение, возникшее в древней Индии и нашедшее свое выражение в индуизме, буддизме и джайнизме (см. джайны). Принципы ахимсы стали неотъемлемой частью учения Ганди и политической концепции гандизма.

Ахиры — каста пастухов и скотоводов в Северной и Центральной Индии.

Ачкаш — легкая куртка до колен, особенно распространена среди мусульман Индии.

Ачхут (букв. неприкасаемый) — общее название низших каст в Индии. Ганди заменил термин «ачхут» термином «хариджан» (см.).

Ашвин — месяц индийского календаря, соответствующий сентябрю — октябрю по григорианскому календарю.

Ашрам (букв. обитель). Ганди и его последователи называли ашрамами основанные ими трудовые общины, члены которых придерживались принципов и методов гандизма.

«Аюрведа» — древнеиндийский медицинский трактат.

Бабуль — разновидность акации, отличающаяся особо прочной древесиной.

Бакр-ид — мусульманский религиозный праздник. В этот день последователи ислама приносят в жертву коров или других домашних животных.

Баоли батай — вид арендной платы, которая взимается с орошаемых при помощи колодцев земель. *Баоли* — тип колодца в Северной Индии. По системе баоли батай помещик получал около пятидесяти процентов урожая, причем взимание платы производилось сразу после обмолота зерновых.

Бара Базар — район Калькутты.

Басант — время года, соответствующее марту — маю по григорианскому календарю.

Бетель — растение, листья которого жуют вместе с семенами арековой пальмы и различными специями.

Бигх — земельная мера, равная одной четверти гектара.

Брахманы — члены касты жрецов и священнослужителей, занимающей у индусов высшее положение в сословно-кастовой иерархии.

Бунгало — особняк европейца в Индии.

«Бустан» — дидактическая поэма классика таджикской и персидской литературы Муслихиддина Саади (1184—1291) (см. также «Гулистан»).

«Бхагават» или *«Бхагаватгита»* (букв. «Песнь божества») — философско-религиозный трактат, входящий в древнеиндийский эпос «Махабхарата» и повествующий о размышлениях Кришны — одного из воплощений Вишну (см.).

Бхандары — кладовые, склады.

Бханды — развлекательные народные сказки, шутки, пародии.

«Бхаратгья итихас паришад» — Индийский конгресс историков.

Бхикку или *бхикшу* — странствующий буддийский монах или священнослужитель.

Бходжпури — один из диалектов, на котором говорит население Бихара.

Бхумихары — члены касты, причисляющие себя к брахманам; населяют центральную часть Северной Индии.

Вайдья — врач, лечащий методами народной индусской медицины.

Вакатаки — династия правителей древнеиндийского государства, расположенного в Центральной Индии. Владычество этой династии относится ко второй половине III в. н. э.

Вакилатнаме — письменное заключение адвоката или коллегии адвокатов.

Веды — древнейший литературный памятник, восходящий к концу III — началу II тысячелетия до н. э. Веды почитаются индусами как священные книги. Написаны на так называемом ведическом санскрите.

Вивекананда Свами (1863—1902) — известный индийский философ-моралист. Основал организацию «Миссия Рамакришны», которая ставила своей целью «служение человечеству». Мировоззрение Вивекананды и его аскетический образ жизни оказывали сильное влияние на его современников.

Видьяпитх — учебные заведения, школы, колледжи, где обучение велось на национальных индийских языках.

Вишвабхарати — букв. вся Индия.

Вишну — бог солнца, хранитель всего живого. Наряду с Брахмой и Шивой — один из триады наиболее чтимых богов индусского пантеона. Согласно легендам, Вишну имел десять воплощений, главнейшими из которых являются Рама (см.), Кришна и Будда.

Вишудхананда сарасвати видьялай — колледж в Калькутте, где обучение велось на индийских национальных языках.

Гадди (букв. подушка для сидения) — чин, должность, звание.

«*Ганди севак сангх*» (букв. «Общество последователей Ганди») — организация, возникшая в 1923 г., члены которой ставили целью проводить в жизнь так называемую конструктивную программу Ганди, а также популяризировать его учение и методы борьбы. «Ганди севак сангх» примыкала к Индийскому национальному конгрессу.

Гатка — национальная игра, в которой играющие фехтуют длинными палками, обернутыми кожей.

Гита (букв. песня) — см. «Бхагаватгита».

Говинд Синг (1675—1708) — гуру (см.) сикхов, проводивший политику ограничения власти феодалов. В 1699 году Говинд преобразовал секту сикхов в самостоятельную религиозную общину-хальсу. Вся высшая духовная и светская власть, сосредоточенная до этого времени в руках наследственных гуру, перешла в руки хальсы.

Гокхале Гопал Кришна (1866—1915) — профессор истории и политической экономики в Пуне, один из основателей и первых руководителей партии Индийский национальный конгресс. Председательствовал на сессии Конгресса в Бенаресе в 1905 г. Лидер «умеренных» (см.).

Гонды — горные племена в Центральной Индии численностью около 2 миллионов человек.

«Го сева сангх» (букв. «Общество служения корове») — общество, созданное последователями Ганди и занимающееся практическим осуществлением некоторых положений его учения. «Го сева сангх» шефствует над гошалами (см.).

Гошала — молочная ферма, на которой уход за коровами — этими священными для индусов животными — осуществляется по особым правилам.

«Гулистан» (1258 г.) — выдающееся произведение Муслихиддина Саади, состоящее из ряда новелл назидательного характера.

Гульзарбагх — район г. Патны.

Гупта — династия правителей древнеиндийского государства Магадхи в Северной Индии (IV в. — середина V в. н. э.).

Гуркхами называют наемных солдат англо-индийской армии, завербованных среди некоторых племен Непала.

Гуру — духовный наставник, учитель сикхов, глава религиозной общины. Люди, исповедующие сикхизм, считают своим главным гуру первого руководителя религиозной общины сикхов Нанака (1469—1538).

Гурудвар — сикхский храм.

«Дакшана бхарат хинди праچار сабха» (букв. «Южноиндийское общество по пропаганде хинди») — см. «Хинди праچار».

Данабанди (от «дана» — зерно и «банди» — мера сыпучих тел) — форма арендной платы. Данабанди выплачивается натурой после взвешивания или измерения собранного урожая. Размер аренды определяется агентом помещика, когда урожай еще находится на корню.

Дарбар — торжественный прием у знатных феодалов, отличавшийся большой пышностью. Так же именовался съезд индийских князей, созывавшийся вице-королем Индии.

Даршан — 1) система взглядов, мировоззрение, философия; 2) богослужение; 3) проповедь или беседа особо чтимого служителя культа или выдающегося человека. Давать даршан — предоставлять возможность выслушивать или видеть кого-либо. Верующие добиваются даршана от духовных наставников или выдающихся лиц.

«Дастур-ус-симья» — средневековый схоластический трактат по химии.

Дашарха — индийский религиозный праздник в честь «рождения Ганга».

Деванагари — древнее индийское слоговое письмо, которым написаны памятники санскритской литературы; некоторые новые индийские языки (например, хинди — государственный язык Индии) пользуются им и теперь.

Дешбандху (друг страны) — почетный титул, присвоенный Ч. Р. Дасу его последователями.

Джоганнатх — храм в г. Пури в честь Йоганатха, «владыки мира». Одно из наиболее чтимых индусами мест паломничества. Памятник средневековой архитектуры Индии, отличающийся богатством и изяществом форм. Современный вид приобрел в 1198 г.

Джайны — последователи джайнизма, религиозного течения, близкого к буддизму. Джайнизм, как полагают, возник в VI в. до н. э. Основателем его считается мифический герой Махавира (VI в. до н. э.), носящий почетное имя Джинна (победитель), от которого и произошло название джайнизма.

Джалманвала Багх — площадь в г. Амритсаре, где 13 апреля 1919 г. по приказу английского генерала Дайера была расстреляна мирная демонстрация индийцев.

Джамма Масджит — соборная мечеть в Дели, построенная в 1644—1658 гг.

«Джамиат-уль-момин» — см. Организация моминов.

«Джамиат-уль-улема» — политическая организация мусульман Северо-Западной и Северной Индии, возникшая в начале XX в. «Эта организация с консервативным, основанным на старых традициях мировоззрением и неизбежно религиозная была в то же время в политическом отношении передовой и антиимпериалистической», — пишет Дж. Неру. («Открытие Индии», Издательство иностранной литературы, 1955, стр. 418). В 20—30 гг. эта партия часто выступала в политической борьбе вместе с Национальным конгрессом; после второй мировой войны ее влияние заметно уменьшилось.

Диара — народность, населяющая провинцию Бихар.

Дивали — народный индийский праздник света и огня, продолжающийся три дня.

Диван — министр или высокопоставленный чиновник княжества.

Дистрикт (округ) — основная административная единица Индии с населением в 1—2 миллиона человек.

Добровольцами Конгресса называли лиц — членов этой партии или сочувствующих ей, которые входили в специальные отряды, поддерживавшие порядок и дисциплину во время массовых собраний, демонстраций, кампаний бойкота иностранных товаров и т. д. Перед вступлением в такой отряд человек обязан был дать клятву, что будет пользоваться только ненасильственными методами борьбы. На сессии в Нагпуре (1920 г.) Конгресс принял решение создать 150-тысячный корпус добровольцев для организации и проведения кампании несотрудничества с английскими колониальными властями.

Домы — каста метельщиков; музыкантов и реже — торговцев и ростовщиков.

Дурга — в индийской мифологии богиня-мстительница, супруга бога разрушения Шивы. Во время праздника Дурги жрец обвязывает статую богини священным шнуром.

Дусадхи — представители касты, занимающейся разведением свиней.

Дхармашала — постоянный двор, гостиница для паломников, убежище.

Закон об обороне Индии — принят в сентябре 1939 г. после того, как английское правительство без ведома Индии объявило ее воюющей стороной. Закон предусматривал создание специальных трибуналов для разбора дел, связанных с преступлениями «против обороны», а также предоставлял полиции право запрещать митинги, собрания, закрывать органы печати, распускать любые организации и арестовывать лиц, деятельность которых признавалась «опасной для обороны» Индии.

Закон о постоянном заминдарстве — законодательный акт, принятый в 1793 г. генерал-губернатором Индии Корнуоллисом. По этому закону почти вся земля в Бенгалии, Бихаре и Ориссе была объявлена частной собственностью феодальных откупщиков-заминдаров. По существу, этот закон означал экспроприацию крестьянства. «*Корнуоллис и Питт осуществили искусственную экспроприацию бенгальских землевладельцев*», — писал К. Маркс («Хронологические выписки по истории Индии», М., Госполитиздат, 1947, стр. 98).

Закон об управлении Индией 1935 года был опубликован в августе того же года. Как писал Джавахарлал Неру, закон был составлен таким образом, что «представители индийского народа лишались малейшей возможности воздействовать на находящийся под английским контролем государственный аппарат или изменить его. Изменения и улучшения могли быть произведены только английским парламентом» (Дж. Неру, Цит. произвед., стр. 394). Закон предусматривал образование Индийской федерации, состоявшей из провинций Британской Индии и индийских княжеств. Федеральную исполнительную власть должны были осуществлять генерал-губернатор (носивший титул вице-короля Индии) и совет министров. Министры назначались генерал-губернатором и могли быть по его усмотрению смещены в любое время. В наиболее важных вопросах (оборона, внешние сношения и религиозные проблемы) генерал-губернатор был уполномочен действовать по собственному усмотрению. Федеральную законодательную власть в Индии должен был осуществлять король Великобритании через генерал-губернатора, а также две палаты — Центральное законодательное собрание и Государственный совет. Цель авторов «федеральной схемы» заключалась в том, чтобы не допустить образования в центральных законодательных органах страны большинства депутатов оппозиционных партий, прежде всего Конгресса. Выборы в новые центральные и местные законодательные органы должны были осуществляться на основании «общинного закона» (см.). Закон об управлении Индией предусматривал незначительные изменения в административном делении страны. В частности, Бихар и Орисса были преобразованы в самостоятельные провинции. Народные массы Индии ответили на новый конституционный закон подъемом национально-освободительного движения.

Заминдар — феодальный землевладелец.

Заминдари — владение заминдара.

Зарегистрированные касты — группы населения Индии, внесенные английской колониальной администрацией в список угнетенных каст. Этот список, составленный в конце XIX в., был затем дополнен в соответствии с переписями населения 1901, 1911, 1921 и 1931 гг. По переписи 1931 г. было зафиксировано более 3,5 тысячи каст, охватывающих почти две трети населения страны, в том числе 429 угнетенных каст, численность которых составляла около 60 миллионов человек.

Зериат — разновидность земельной собственности. На землях зериат землевладелец сам вел хозяйство. В Бихаре на таких землях часто выращивали индигоносы.

Индийская гражданская служба. До провозглашения независимости Индии существовало три категории государственной гражданской службы: а) всеиндийские, б) центральные и в) провинциальные.

Всеиндийские службы подчинялись правительству страны и провинциальным правительствам, а комплектовались английским министром по делам Индии. Наиболее важными среди этих служб являлись Индийская гражданская служба и Индийская полицейская служба. В этих службах были преимущественно европейцы. Так, в 1935 г. из 3420 человек, занятых в Индийской гражданской службе, 2193 составляли европейцы и только 1227 — индийцы. Наиболее характерной чертой этой службы было то, что ее члены не просто выполняли административные функции, но и проводили политический курс английского правительства в Индии. На верхней ступени Индийской гражданской службы стояли губернаторы провинций и советники центральных и провинциальных законодательных органов.

После провозглашения независимости персонал Всеиндийской службы был сильно обновлен, а название «Индийская гражданская служба» изменено на «Индийскую административную службу».

Индийский национальный конгресс — первая всеиндийская политическая организация национальной буржуазии и помещиков, создана в 1885 г. В первый период не была связана со стихийной борьбой народных масс. В период подъема национально-освободительного движения 1918—1922 гг. руководство Конгресса взяло курс на превращение его в массовую партию, с тем чтобы возглавить антиимпериалистическую освободительную борьбу индийского народа. Превращение Национального конгресса в массовую партию связано с именем Мохандаса Карамчанда Ганди. На сессии Конгресса в Нагпуре в декабре 1920 г. было принято решение (наряду с важными резолюциями о целях и методах борьбы) о новых формах партийной организации. Конгресс создал свои отделения на местах — в городах и деревнях всех провинций страны. В этот период Конгресс объединял в своих рядах представителей различных классов и групп индийского общества — буржуазии, помещиков, интеллигенции, рабочих и крестьян. Индийский национальный конгресс сыграл большую роль в национально-освободительной борьбе Индии и достижении ею независимости в 1947 г. В настоящее время Конгресс — правящая партия Республики Индии.

Организационная структура. Ежегодно Конгресс созывает сессии, на которые каждая провинция посылает одного делегата от каждых 100 тысяч населения. Сессия, являющаяся высшим органом партии, избирает сроком на один год (недавно этот срок

продлен до трех лет) председателя Конгресса, наделенного широкими полномочиями. В период между сессиями руководство осуществляет Всеиндийский комитет Конгресса (ВИКК). Из членов ВИКК председатель Конгресса назначает Рабочий комитет партии, состоящий из председателя и двадцати членов, включая казначея и двух генеральных секретарей. Рабочий комитет является высшим исполнительным органом Конгресса при ВИКК. Он имеет право контролировать деятельность всех провинциальных комитетов Конгресса и руководить ими, а также применять дисциплинарные меры к любому члену партии. Для руководства парламентской деятельностью Конгресса Рабочий комитет создает Парламентский совет, состоящий из пяти членов и возглавляемый председателем Конгресса. Имеется также Центральный избирательный комитет, состоящий из членов Парламентского совета и пяти других членов, назначенных ВИКК. Этот комитет окончательно утверждает кандидатов Конгресса, выдвигаемых на выборах в центральные и местные законодательные органы.

Для руководства деятельностью партии на местах создают провинциальные комитеты Конгресса, имеющие широкие автономные права (включая право иметь свой устав, если он соответствует духу общепартийного устава). Провинциальным комитетам Конгресса подчинены комитеты округов, талуков (*см.*) или таксиллов (районов), городов и деревень.

К Национальному конгрессу примыкает ряд организаций, в том числе «Сарва сева сангх», или «Сарводайя самадж», которая объединяет одиннадцать организаций, в том числе Всеиндийскую организацию кустарной промышленности, «Хариджан сева сангх», «Го сева сангх» (*см.*), «Адиваси сева сангх» и др., ставящие своей целью следовать учению Ганди. Конгресс имеет прочные позиции в Индийском национальном конгрессе профсоюзов — одном из крупнейших профсоюзных объединений Индии.

«Йога сутра» — первое систематическое изложение философской системы йоги, приписываемое древнеиндийскому мудрецу Патанджали (II в. до н. э.).

Кабадди — игра, похожая на чехарду.

Кабир (1440—1518) — индийский мыслитель и поэт, руководитель религиозно-реформаторского движения, получившего название бхакти. Выступал против кастового строя и высмеивал обрядность как индуизма, так и ислама. Произведения Кабира до сих пор пользуются широкой популярностью в Индии.

Кайтхи — алфавит, на котором была написана древняя литература Бихара.

Кали — в индийской мифологии богиня-мстительница. Изображается с четырьмя руками, кинжалом и черепом. Обряды поклонения богине Кали сопровождалась жертвоприношениями.

Канья Кубдж — древнее название города Канаудж, расположенного по среднему течению Ганга.

«Карима» — сборник философских поэм и стихотворений, приписываемый классику таджикской и персидской литературы Саади.

Карттика — осенний месяц, соответствующий октябрю — ноябрю григорианского календаря. *Карттика пурнима* — последний день полнолуния месяца карттика. Отмечается как религиозный праздник индусов.

Катха — устный рассказ, часто на религиозную тему.

Кастхи — каста писцов в Северной и Восточной Индии.

Керзон, Джордж Натаниел (1859—1925) — лорд, английский государственный деятель и дипломат. Идеолог империалистической политики Великобритании на Востоке; вице-король Индии (1899—1905); министр иностранных дел Англии (1919—1923).

Будучи вице-королем Индии, Керзон провел в 1905 г. реформу, по которой западная часть Бенгалии, Бихар и Орисса были выделены в отдельную провинцию — Бенгал (с центром Калькутта), а восточная часть Бенгалии и Ассам составили новую провинцию — Восточный Бенгал и Ассам. Раздел имел целью нанести удар национальному движению в Бенгалии и углубить индусско-мусульманскую вражду. Реформа Керзона вызвала взрыв возмущения по всей Индии и послужила толчком к новому подъему движения народных масс. В качестве одного из средств борьбы был использован бойкот английских товаров и агитация за свадеши (см.). В 1911 г. раздел Бенгалии был отменен и ее территория, за исключением Бихара и Ориссы (выделенных в самостоятельную административную единицу), была восстановлена в прежних границах.

«Кисан сабха» (букв. «Крестьянский союз») — крестьянские организации Индии, руководимые различными политическими партиями. Начали создаваться накануне и в период революционного подъема 1928—1933 гг. Особое распространение получили в 1939—1948 гг. в период подъема освободительного движения, главным образом в Бенгалии, Бихаре, Мадрасе и Пенджабе. В 1936 г. в Файзпуре был созван первый съезд «Кисан сабха» и организован Всеиндийский крестьянский комитет. К 1947 г. «Кисан сабха» насчитывал около миллиона членов.

Коери — каста земледельцев и садовников в Северной Индии.

Коллектор — чиновник английской колониальной администрации округа в Индии.

«Комитеты широмани гурудвара прабандхак» (букв. комитеты по управлению храмами) — созданные акали (см.) организации, которые ставили своей целью ограничить права сикхских церковных магнатов — махантов. Зарождение их относится к двадцатым годам XX в.

Конгресс-нагар (букв. городок Конгресса) — небольшие поселки для размещения делегатов сессий Индийского национального конгресса.

Конгресс-социалистическая партия — национал-реформистская партия, отколовшаяся от левого крыла Индийского национального конгресса. Первая конференция ее состоялась в октябре 1934 г. в Бомбее. Принятая на конференции программа предусматривала борьбу за предоставление Индии независимости, созыв Учредительного собрания и построение «социалистического общества». В уставе партии указывалось, что она работает в составе Национального конгресса, с тем чтобы вынудить его «принять социалистические принципы». Членами партии могли быть только члены Конгресса; лидерами ее являлись Джайпракаш Нараян, Ашока Мехта, Ачария Нарендра Дев.

Конференции народов княжеств — периодические собрания, проводившиеся под лозунгами Конгресса с конца 20-х гг. и до начала второй мировой войны в индийских княжествах. Ставили целью привлечь к национально-освободительному движению население многочисленных княжеств Индии.

Кумхары — каста гончаров, распространена по всей Индии, за исключением юга страны.

Куркума — желтая краска, изготавливаемая из корней растения того же названия.

«Кушахал симья» — памятник средневековой персидской философской литературы.

Кхаддар — см. кхади.

Кхади — домотканое бумажное полотно. Ганди призывал изготавливать хлопчатобумажные ткани в самой Индии с помощью ручной прялки (чаркхи) и бойкотировать иностранные текстильные товары. Пропаганда кхади рассматривалась сторонниками Ганди как часть программы борьбы против английского господства. Члены партии Индийский национальный конгресс обязаны были носить одежду из кхади.

Кшатрии — крупное объединение (варна) индусских каст воинов.

Лакшман — младший брат Рамы — героя классического произведения индийской литературы «Рамаяна» (см.), принимавший участие во всех его похождениях.

Лакшми — богиня счастья и красоты, супруга бога Вишну.

Ланка — старое название Цейлона и столицы державы Равана (см.), одного из героев «Рамаяны», разрушенная в жестоком бою Равана с Рамой.

Латхи — обитая жестью бамбуковая палка, которой вооружены индийские полицейские.

Локаманья (букв. любимец народа) — почетный титул, присвоенный Балгангадхару Тилаку его последователями. Балгангадхар Тилак (1856—1920) — выдающийся деятель индийского национально-освободительного движения, один из лидеров Индийского национального конгресса, возглавлявший его радикальное крыло — экстремистов (см.). Боролся за завоевание политической власти путем изгнания англичан из Индии всеми средствами, включая насильственные. За свою антиимпериалистическую деятельность дважды подвергался тюремному заключению. Приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России.

Магоут — погонщик слонов.

«*Маздур сангх*» (букв. «Союз рабочих») — реформистская профсоюзная организация, возникшая в 1919 г. в Ахмадабаде. Впоследствии такие организации появились в различных городах Индии.

Мамкима (искаженное от мамкамат) — сборник рифмованной прозы авторов персидской литературы.

Маратхи — язык маратхов — народа, населяющего Махараштру (см.); принадлежит к группе североиндийских языков. На нем говорит около 30 миллионов человек.

Марвари — одна из народностей Раджпутаны, области в Северо-Западной Индии. В Индии так называют всех ростовщиков и торговцев — выходцев из этой области.

Марич — один из героев «Рамаяны». Царь Ланки — Равана (см.), глава демонов (духов тьмы), приказал Маричу обратиться в золотую лань. Другой герой поэмы — Рама (см.) по просьбе своей супруги Ситы погнался за этой ланью и убил ее. Тем временем, воспользовавшись отсутствием Рамы, Равана похитил Ситу.

Матха — храм, монастырь.

Маулана (букв. наш господин) — почетный титул знатных мусульман.

Маунд — мера веса, равная примерно 37 килограммам.

Махавира — см. Джайны.

Махант — смотритель храма у сикхов. В начале XX в. маханты превратились в крупных земельных магнатов, распоряжавшихся доходами храмов по собственному усмотрению.

Маханаринирвана (букв. великая нирвана). Согласно догматам буддизма Будда после смерти погрузился в нирвану, то есть в совершенное, высшее состояние человеческой души, которого он достиг после прекращения своих перевоплощений.

Махараджа — титул правителя крупного индийского княжества.

Махарани — супруга махараджи.

Махараштра (страна маратхов) — область, занимающая центральную часть Деканского нагорья и Конканское побережье. Столица — г. Пуна.

Махатма (букв. великая душа) — почетный титул, присвоенный Ганди его последователями. Впервые его употребил Рабиндранат Тагор вскоре после возвращения Ганди из Южной Африки, где началась общественно-политическая деятельность последнего. *Джи* — грамматическая частица, присоединяемая к личному имени того или иного человека в знак особого к нему уважения.

Медресе — мусульманская школа.

Меманы — мусульманская каста торговцев. Выходцы из Синда, Катхиавара и Кача, меманы к концу XIX в. расселились по многим районам Индостана и за его пределами, главным образом в Африке.

Мокарри — право на постоянную аренду земли с установленной неизменной арендной платой.

Монтэгю — Челмсфорда реформа, или «Акт об управлении Индией» — закон, вступивший в силу в декабре 1919 г. В основу его был положен доклад министра по делам Индии Э. С. Монтэгю (1874—1924) и вице-короля Индии лорда Ф. Д. Н. Челмсфорда (1868—1933), содержавший проект реформы управления Индией. Характерно, что в этом докладе авторы, говоря о начавшемся подъеме национально-освободительного движения в Индии, писали: «Революция в России с самого начала рассматривалась в Индии как победа над деспотизмом. ...Революция дала толчок индийским политическим устремлениям». По новому закону при генерал-губернаторе Индии создавался законодательный орган, состоявший из двух палат — Государственного совета и Законодательного собрания, члены которых частично избирались, а частично назначались генерал-губернатором. Генерал-губернатору предоставлялось право накладывать вето на любые решения обеих палат. Закон предусматривал также создание во всех провинциях Индии провинциаль-

ных законодательных собраний, члены которых частично назначались губернаторами провинций, а частично избирались.

По этому закону участвовать в выборах в законодательные органы могла лишь ничтожная часть населения: в центральные — около 1 процента, а в провинциальные — около 3 процентов. Реформа Монтэгу — Челмсфорда вызвала решительный протест со стороны различных слоев индийского общества.

Мопла — так называют мусульман Малабарского побережья Индии. Большинство мопла состояло из сельскохозяйственных рабочих и батраков, принадлежавших к низшим кастам индийского населения и принявших ислам. В 1921 г. мопла подняли восстание против английского господства и притеснений феодалов. В районах, освобожденных повстанцами, было создано «халифатистское царство». Колонизаторы направили против восставших карательные отряды, которым после жестоких боев удалось разгромить плохо вооруженные отряды мопла.

Моули — учитель, знаток религиозных трактатов у мусульман.

Мохаррам — мусульманский праздник в память убийства детей святого Али-Гасана и Гусейна, особо чтимый мусульманами-шиитами.

Мохенджо-Даро (букв. место мертвых) — древний город, расположенный на территории нынешнего Пакистана в бассейне реки Инд. Относится ко II—III тысячелетиям до н. э. Раскопки Мохенджо-Даро свидетельствуют о высокой культуре населения Индии эпохи древнейшего рабовладельческого государства.

Мури — одна из угнетенных каст Северной Индии.

Мусульманская лига — первоначально политическая партия мусульманских помещиков и буржуазии. Создана в 1906 г. в период подъема национально-освободительного движения в Индии при активном содействии английской колониальной администрации. Одним из наиболее видных организаторов этой партии был глава секты исмаилитов Ага-хан. Первоначальной целью Лиги было достижение льгот и привилегий для мусульманской верхушки и расширение представительства мусульман в совещательных органах при вице-короле Индии. К началу первой мировой войны Мусульманская лига сблизилась с Национальным конгрессом на базе требования о предоставлении Индии статуса доминиона. После первой мировой войны в связи с развитием массового антиимпериалистического движения мусульман (халифатистского движения) влияние Лиги упало. После спада халифатистского движения руководители и активные участники последнего влились в Лигу. После начала второй мировой войны 1939—1945 гг. эта партия повела активную

агитацию за раздел Индии на два государства: мусульманское — Пакистан и индуское — Бхарат. Длительное время признанным руководителем Мусульманской лиги был Мухаммад Али Джинна (1876—1948).

Мухтар — управляющий, агент, адвокат.

Наваб — титул наместника в империи Великих Моголов в Индии — мусульманский князь.

Навартрас — девять дней месяцев чайтра и ашвин индийского календаря (соответственно март — апрель и сентябрь — октябрь), считая с новолуния. В этот период особенно почитается богиня Кали.

Надир-шах (Тахмасп-Кули-хан) (1688—1747) — персидский шах (1736—1747). Предпринимал многочисленные завоевательные походы. В 1739 г. Надир-шах вторгся в Индию. Захватив Дели, он разграбил и разрушил город.

Нанак (1469—1538) — индийский религиозный реформатор, первый руководитель религиозной общины сикхов, призывал к преодолению религиозной и кастовой раздробленности Индии. Почитался первым гуру — религиозным наставником сикхов.

Нанкана — местечко близ Лахора, где находится гробница гуру Нанака.

Национальная махавидьялая — институт в столице Бихара — г. Патне, где преподавание велось на национальных языках, в отличие от других высших учебных заведений, где оно осуществлялось на английском языке.

Невар — плотная широкая тесьма, идущая на изготовление сетки для чарпай (*см.*).

Ниведита, или *сестра Ниведита* — псевдоним Ноубл Маргарет, ирландки по происхождению, участницы национально-освободительного движения Индии. Ниведита выступала как последовательница и сподвижница Свами Вивекананды (*см.*).

Низам — титул правителя крупнейшего в Индии княжества Хайдарабад.

Нилакантха (букв. «синешейка») — голубая сойка, считающаяся у индусов священной птицей.

Нонья — индульская каста, члены которой занимаются добычей соли.

«Общество возрождения» — студенческая организация в Калькутте, основанная С. Г. Мукерджи и преследовавшая просветительские цели.

«Общинный закон», или *«Общинное решение»*, — избирательный закон, принятый в соответствии с Законом об управлении Индией 1935 года. Закон этот делил всех избирателей на двенадцать курий, каждая из которых получала определенное число мест в законодательных органах. В наиболее благоприятном положении находилась европейская курия. В Бенгалии, например, европейцев насчитывалось всего 16 тысяч человек, но они получили 25 мест, что позволяло им оказывать решающее влияние на состав правительства. Особые курии были созданы для мусульман, сикхов, индусов и т. д. Меньше всего мест (38) было отведено специальной рабочей курии. Разделение на курии, с одной стороны, ограничило участие в выборах широких народных масс, а с другой — привело к обострению религиозно-общинной розни.

Организация момингов — немногочисленная партия мусульманской мелкой буржуазии. В своих выступлениях поддерживала политику Национального конгресса и находилась в оппозиции к Мусульманской лиге.

Пайса — индийская мелкая разменная монета.

Пакт Ганди — Ирвин, или *Делийский пакт*. Так называется соглашение между лидером национально-освободительного движения Индии М. К. Ганди и вице-королем Индии Ирвином, подписанное ими 5 марта 1931 г. Пакт предусматривал полное прекращение кампании гражданского неповиновения. Правительство в ответ обязалось прекратить репрессии, отменить законы о военном положении, кроме тех, которые были связаны с так называемой «коммунистической угрозой» и террористическим движением, и освободить всех политических заключенных, кроме лиц, «виновных в насилии».

Пали — язык индийской буддийской литературы (VI—II вв. до н. э.). Как язык религии употребляется и поныне. Принадлежит к индийской группе индоевропейских языков.

Палки — паланкин, носилки, на которых переносят знатных индийцев.

Панда — брахман, служитель при храме.

Пандал — шатер или тент, защищающий от дождя и зноя.

Пандит — почетный титул индусов, получивших богословское образование.

Панчяят (букв. совет пяти) — фактически совет из любого числа лиц. В сельских общинах Индии — орган общинного самоуправления, возглавляемый сельским старостой.

Парда (букв. покрывало, занавес). Обычай парды означает затворничество женщины.

Парсы — группа населения Гуджарата и Бомбея. Выходцы из Персии, покинувшие ее в период раннего средневековья и исповедующие религию зороастризма. Занимаются главным образом торговлей и ростовщичеством. Парсов насчитывается около 120 тысяч, говорят они на языке гуджарати.

Партия справедливости — помещичья проанглийская партия, возникшая в Мадрасе в конце 20-х гг. Особую активность проявила в период подъема крестьянского движения в 1935—1936 гг. В дальнейшем значительного влияния на политическую жизнь Индии не оказывала.

Патаны — индийское название афганских племен, населяющих северо-западную часть Индостана. Небольшие группы патанов живут в Пенджабе, Белуджистане, Рохильканде и некоторых других местах Индии.

План 16 мая — так называют предложения миссии членов английского кабинета (в нее входили министр торговли Стаффорд Криппс, министр по делам Индии лорд Петик-Лоуренс и морской министр А. В. Александер), прибывших в Индию в марте 1946 г. для переговоров о предоставлении ей независимости.

16 мая одновременно в Лондоне и Дели была опубликована декларация, подводившая итоги деятельности миссии. По плану миссии Индия получала статут доминиона, представляющего собой союз провинций и княжеств, которые должны были получить широкую автономию. Все провинции делились на три зоны: а) провинции с преобладанием индусского населения; б) восточная зона провинций с преобладанием мусульманского населения и в) западная зона с преобладанием мусульманского населения. Миссия предлагала созвать учредительный орган для разработки конституции доминиона. Выборы в Учредительное собрание должны были производиться по религиозным куриям. Делегаты от княжеств назначались князьями. Демократические слои народа ответили на этот план волной протестов.

Политическая конференция провинции Бихар, или *Конференция провинции Бихар*, — периодически созываемые Бихарским провинциальным комитетом Конгресса собрания, на которые приглашаются лица, придерживающиеся целей и методов Конгресса, независимо от партийной принадлежности и вероисповедания этих лиц. Первый съезд Конференции состоялся в 1908 г. под председательством Али Имама.

«Прабхат фери» — утреннее шествие по случаю какого-либо праздника, праздничная демонстрация, которую начинают с восходом солнца.

«Праджа мандаль» — политические организации, возникшие в индийских княжествах и примыкающие к Националь-

ному конгрессу в 30-х годах. «Праджа маңдалы» ставили целью своей деятельности ограничение власти феодалов и завоевание некоторых демократических свобод для населения княжеств.

Промежуточный экзамен — экзамен после двух (или трех) лет обучения в университете, после которого студентам разрешают готовиться к сдаче необходимого минимума на звание бакалавра.

Пуджа — поклонение богу, религиозная церемония, молитва по обрядам индуизма.

Пураны — сказания о древности, близкие по характеру к «Махабхарате».

Пури — лепешка из муки грубого помола, жаренная на масле.

Пури-мальпуа — вид лакомства: лепешка из муки, замешанная на сахарном сиропе с добавлением различных фруктов и зажаренная на коровьем масле.

Раби — весенний сев и весенний урожай.

Равана — отрицательный герой классического произведения индийской литературы «Рамаяна», могучий царь ракшасов (демонов), похитивший у Рамы его супругу Ситу. Бой между Рамой и Раваной — один из кульминационных моментов «Рамаяны».

Раджа — титул правителя княжества, влиятельного феодала.

Раджпуты — высшая каста воинов в Западной, Северной и Центральной Индии.

Райят — крестьянин, владеющий собственным участком земли и платящий налог непосредственно государству. Такая система налогообложения, называемая райятвари, преобладает на юге Индии. Слово «райят» иногда употребляется и в другом смысле — просто как крестьянин.

«Ракша далы» — организации защиты от индуско-мусульманских погромов. Целью ракша далов была организация помощи жертвам погромов и разъяснительная работа о пагубности религиозных распрей и междоусобиц. Эти организации создавались главным образом Конгрессом.

Рамлил — праздник в честь Рамы, одного из воплощений бога Вишну. В этот день разыгрываются сцены по мотивам «Рамаяны» (см.).

Рам Мохан Рай (1774—1833) — выдающийся индийский просветитель-гуманист, выступал против консервативного ортодоксального индуизма и призывал к освоению прогрессивной культуры Запада.

«*Рамаяна*», или «Море подвигов Рамы», — героическая поэма классика индийской литературы Тулси Даса (1532—1642), созданная по мотивам древнеиндийского народного эпоса. В «Рамаяне» описываются подвиги мифического героя Рамы, преданность и любовь его супруги Ситы.

«*Раштра бхаша праچار самити*» (букв. «Общество популяризации национального языка») — организации, возникшие в Индии в конце 30-х — начале 40-х годов нашего века и ставившие своей целью изучение и издание литературы на национальных языках.

«*Резолюция об основных правах*» — программная декларация, принятая в 1931 г. на сессии Индийского национального конгресса в Карачи. Резолюция содержала план буржуазно-демократических преобразований страны и некоторого улучшения условий жизни трудящихся. Важнейшие ее пункты заключались в следующем: 1) гарантия общедемократических свобод, 2) отмена кастовых и религиозных ограничений, 3) создание провинций по лингвистическому принципу и развитие национальных языков, 4) введение протекционистских тарифов и защита местной промышленности, 5) снижение налогов, 6) запрещение принудительного неоплачиваемого труда крестьян на помещиков, 7) отмена соляной монополии, 8) защита прав рабочих (охрана труда, установление минимума заработной платы, введение восьмичасового рабочего дня и т. д.).

Роулетта закон принят 18 марта 1919 г. в целях подавления национально-освободительного движения в Индии, предоставлял генерал-губернатору чрезвычайные полномочия и давал властям право арестовывать людей и заключать их в тюрьму без суда.

Сабармати-ашрам (ашрам — букв. обитель) — главная резиденция Ганди и его последователей, основанная им в мае 1915 г. на реке Сабармати близ г. Ахмадабада. Сабармати-ашрам был своеобразным центром, где проповедовались религиозно-философские и этические воззрения Ганди.

Сабха — организация, а также название местного комитета Индийского национального конгресса.

Садху — аскет, подвижник, посвятивший себя служению богу.

Салами (букв. приветствие, почтение). Широко распространенный в Индии своеобразный вид налога. Салами вручается арендатором помещику в виде «подарка» при заключении договора или ежегодных расчетах по арендной плате. Кроме того, этим же термином называются ежегодные взносы, выплачи-

ваемые держателями земли, освобожденной от других видов податей.

«Саммелана» — см. «Хинди сахитья саммелана».

«Самити» — см. «Сева самити».

«Санатана дхарма» («санатани» — букв. вечная, непреходящая; «дхарма» — учение, наука) — ортодоксальная доктрина индуизма. Санатанистами называют самых верных последователей индуизма.

Сардар (букв. начальник, командир) — широко распространенный титул знатных индийцев.

Сати — закрепленный догматами индуизма обряд самосожжения вдов на погребальном костре мужа. Прогрессивные общественные деятели Индии решительно выступали против этого жестокого обычая.

Сатьяграха (букв. упорство в истине) — термин, введенный Ганди для обозначения использовавшегося им метода политической борьбы, исключавшей насильственные методы. В зависимости от обстановки Ганди и его последователи применяли разные формы сатьяграхи: гражданское неповиновение, бойкот властей, неуплата налогов, голодовки и т. д.

Сахиб — господин. Обращение к знатным или уважаемым особам. Распространенное обращение к европейцам в Индии.

Свадеш (букв. отечественный) — движение за бойкот иностранных товаров, за развитие национальной промышленности. Движение свадеш возникло во время революционного подъема в Индии в 1905—1910 гг. Участники его носили национальную одежду домашнего производства. Видную роль в этом движении играл классик индийской литературы, выдающийся мыслитель и общественный деятель Рабиндранат Тагор.

Сварадж (букв. свое правление) — термин, выдвинутый в качестве лозунга в борьбе за независимость Индии на Калькутской сессии Конгресса (1906 г.). В программном требовании Конгресса говорилось о предоставлении Индии самоуправления — «такого же, как в Англии и в самоуправляющихся странах Британской империи». В статье I устава Национального конгресса, принятого в 1921 г., было записано: «Целью Индийского национального конгресса является достижение народом Индии свараджа всеми законными и мирными средствами».

В самой партии отношение к путям достижения свараджа было различным. Влиятельные лидеры Конгресса Мотилал Неру и Ч. Р. Дас разошлись в этом вопросе с Ганди и образовали в марте 1923 г. партию свараджистов. Основной пункт программы этой партии гласил, что партия выставит своих кандидатов в Законодательное собрание Индии и законодатель-

ные собрания провинций. Через эти законодательные органы партия предполагала добиться удовлетворения национальных требований, одним из главных требований был статус доминиона. Впоследствии свараджисты вновь вошли в состав Конгресса.

«Сева дал» — см. «Хиндустан сева дал».

«Сева самити» — организация, близкая «Хинди сахитья саммелана»; ставила своей целью пропаганду языка и литературы хинди и служение народу.

Сейиды — почетный титул мусульман в Индии. Сейиды составляют обособленную сословную группу.

Сенат университета — руководящий орган, целью которого является контроль за учебной и дисциплиной студентов, а также научно-педагогической деятельностью профессорско-преподавательского состава.

Сикхи — последователи сикхизма, одного из религиозных учений, зародившегося в XVI в. Возникший в качестве ереси индуизма сикхизм длительное время был знаменем борьбы крестьян и ремесленников против произвола мусульманских и индусских феодалов. Для него характерно отрицание сословного и кастового деления общества, проповедь единобожия, отказ от сложных религиозных ритуалов и т. д. Сикхизм исповедуют свыше 6 миллионов индийцев. Населяют сикхи главным образом Пенджаб.

Синдикат университета — руководящий орган, избираемый из членов сената и занимающийся финансовой деятельностью, изданием университетских трудов и т. д.

Синдхи — народность, населяющая Синд (область в Северо-Западной Индии в нижнем течении реки Инд). Синдхов насчитывается свыше 5 миллионов.

«Слуги Индии» — политическое и религиозное общество, основанное в г. Пуне в 1905 г. видным деятелем национально-освободительного движения Индии Кришна Гокхале. Общество придерживалось курса соглашения с английским правительством.

Сита — героиня «Рамаяны», супруга Рамы. Похищение Ситы коварным царем демонов Раваном, ее поиски и борьба за нее между Раваном и Рамой и друзьями последнего — обезьянами — составляют основную сюжетную линию «Рамаяны».

Сир — мера веса, равная примерно 900 граммам.

Ступа — в индийской архитектуре — монументальное сооружение, памятник буддийской культуры.

Тазия — траурные представления у мусульман-шиитов, сюжетом которых является мученическая смерть святого Гасана и святого Гусейна.

Тайный совет — совещательный орган при английском монархе; состоит из высших сановников и является высшим кассационным судом Великобритании.

Такли — ручное веретено.

Талуки — административная единица на юге и востоке Индии. Талуки входили в состав округов.

Тамаринды — так называются плоды тамаринда — индийского финика, дерева из семейства бобовых.

Тинкатия и *панчкатия* — кабальная форма арендной системы, по которой арендатор обязан отводить определенную часть арендованной земли под индигоносы.

Трипитаки (букв. три корзины или три сосуда) — общее название буддийской канонической литературы, состоящее из трех частей: а) *Виная-питака*, где говорится о правилах приема в буддийскую монастырскую организацию и о нормах поведения буддийских монахов; б) *Сутта-питака*, где в форме изречений и рассказов-притч, приписываемых Будде, излагаются буддийские религиозные доктрины; в) *Абхидхамма-питака*, в которой тоже в форме вопросов и ответов излагается сущность буддийской философии.

Тулси Дас — см. «Рамаяна».

Турха — одна из угнетенных каст Северной Индии.

Тхаккар бана. Бана на языке хинди — отец.

Унани — мусульманский средневековый медицинский трактат.

«*Умеренные*» — название правого крыла партии Индийский национальный конгресс (конец XIX — начало XX вв.) Лидеры «умеренных» — Г. К. Гокхале (см.) и Сурендранатх Банерджи (1848—1925). В отличие от экстремистов (см.) «умеренные», стремясь добиться отдельных уступок для индийской буржуазии и помещиков, проводили политику сотрудничества с английским правительством и колониальной администрацией. В 1907 г. на сессии Конгресса в Сурате произошел открытый разрыв «умеренных» с Конгрессом, но на сессии в Лакхнау (1916 г.) они вновь объединились. На Нагпурской сессии (1920 г.) «умеренные» окончательно откололись от Конгресса и образовали Либеральную партию.

Упанишады (букв. сокровенное знание, тайное учение) — многочисленные философские комментарии к ведическим текстам, представляющие собой беседы на философские темы, которые вели кшатрии (см.), брахманы (см.) и цари. Основная идея брахманских упанишад сводится к формуле: «Познай самого себя — и ты познаешь бога».

Урду — один из наиболее распространенных литературных языков в Индии, развившийся на основе одного из диалектов языка хинди и содержащий большое число элементов персидского и арабского языков.

Федеральное законодательное собрание — см. Закон об управлении Индией 1935 года.

Федерация либералов — политическая организация индийской буржуазии, отколовшейся в 1918 г. от Национального конгресса. Либералы придерживались старых петиционных форм борьбы и выступали против участия масс в освободительной борьбе. Свою последнюю сессию Федерация либералов провела в Лахоре в 1945 г.

Хаким — врач, лечащий методами народной медицины мусульман.

Халифат, халифатистское движение — движение мусульман Индии, возникшее в XIX в. под влиянием идей панисламизма. Халиф — верховный религиозный глава мусульман. С начала XVI в. титул халифа носили турецкие султаны, которые считались покровителями и защитниками ислама во всем мире. Prestиж султанов усиливался еще и тем, что в их владениях находились священные мусульманские города Мекка и Медина. Во время первой мировой войны, когда Турция и Англия оказались воюющими сторонами, халифатистское движение получило новый толчок. Поскольку существованию Турции, где ислам был государственной религией, угрожали империалистические державы, и прежде всего Англия, халифатистское движение в Индии приобрело антианглийскую направленность. Во главе движения стояли такие видные деятели национально-освободительной борьбы, как братья Шаухат и Мухаммад Али, Азад и др.

Для широких народных масс вопрос о халифате и судьбе турецкого султана не имел первостепенного значения. В народе слово «халифат» приобрело новый смысл: крестьяне считали, что оно происходит от слова «хилаф», что на языке урду означает «против», и воспринимали халифатистское движение как движение, направленное против английского господства. По стране повсеместно были созданы халифатистские комитеты. Несмотря на свою религиозную форму, после первой мировой войны халифатистское движение в Индии имело прогрессивное значение, ибо содействовало сплочению индусов и мусульман в борьбе против английского господства. После установления

в Турции республиканского строя и ликвидации халифата правительством Кемалю (1923 г.) халифатистское движение в Индии прекратилось.

Хануман — один из героев «Рамаяны», мудрый советник царя обезьян — Сугрива, оказавший помощь главному герою поэмы Раме в его борьбе с Раваном.

Хариджань (букв. божьи люди). Так Ганди и конгрессисты называли неприкасаемых. Борьбе за предоставление хариджанам равных с остальными индийцами прав Ганди отдал много сил; с этой целью он длительное время издавал газету «Хариджан». По его инициативе в 1932 г. была создана организация «Хариджан сева сангх» («Общество служения хариджанам»).

Харгал (букв. закрытие лавок) — форма забастовочного движения, направленная против английских колониальных властей. Харгалы сопровождалась закрытием лавок, прекращением торговли и работы на фабриках и заводах, бойкотом учащимися и преподавателями учебных заведений, служащими — учреждениями и т. д.

Хинди — один из наиболее распространенных новоиндийских языков. В настоящее время — государственный язык Республики Индии.

«Хинди пракар» — организация, ставившая своей целью пропаганду языка и литературы хинди, а также древнеиндийской литературы. На сессии этой организации в Мадрасе присутствовал М. К. Ганди.

«Хинди сахитья паришад» — см. «Хинди сахитья саммелана».

«Хинди сахитья саммелана» («Конференция по литературе хинди») — организация, основанная в 1910 г. в Аллахабаде и ставящая своей целью пропаганду языка и литературы хинди во всей Индии. «Саммелана» рекомендовала пользоваться хинди в официальной переписке в государственных учреждениях, печати, а также ввести преподавание на этом языке в университетах. В 1919 г. организация «Саммеланы» была создана и в Патне.

Хинду махасабха («Великий союз индусов») — религиозно-общинная партия наиболее реакционных индусских помещиков и капиталистов; возникновение ее в 1906 г. явилось реакцией на создание Мусульманской лиги. Деятельность партии сводится в основном к организации индусских религиозных общин, культивированию обычаев и традиций индуизма и разжиганию индусско-мусульманской розни. Особенно активную деятельность начала вести с 1925 г. После разделения страны на Индию и Пакистан «Хинду махасабха» создала вооруженную организацию «Раштрия сева сангх» («Общество служителей государ-

ства»), которая явилась главной силой в разжигании индуско-мусульманской резни и организации погромов. Один из членов этой организации в 1948 г. убил М. К. Ганди. После этого злодейского акта партия была распущена, однако уже в конце 1948 г. ее Всеиндийский совет сделал заявление о политике партии и ее программе, в котором утверждалось, что цель ее — «Акханда Бхарата», или «неделимая Индия», что означало ликвидацию раздела страны.

«Хиндустан сева дал» (букв. «Общество служения Индии») — организация, руководившая деятельностью добровольцев Конгресса (см.). Члены этой организации выполняли задания руководящих органов Национального конгресса. Решение о создании «Хиндустан сева дал» было принято на сессии Конгресса в Коканаде в 1923 г. При вступлении в общество добровольцы давали клятву, что будут придерживаться ненасильственных методов борьбы.

Холи — индийский народный праздник, отмечаемый в начале лета пышными карнавалами и представлениями в честь эпических героев.

Хулагу-хан — основатель монгольской феодальной династии Чингисидов, правившей в Закавказье, Персии и сопредельных странах в XIII—XIV вв. Государство Хулагу-хана, созданное после ряда разрушительных походов монгольских войск, сопровождавшихся разграблением захваченных территорий, представляло собой временное и непрочное военно-административное объединение.

Чаддар — накидка, покрывало.

Чамары — члены угнетенной касты кожевников и скорняков в Северной и Центральной Индии.

«Чаркха сангх» (букв. «Общество чаркхи») — общество, созданное Ганди и его последователями. (Чаркха — ручная прялка, на которой изготавливается нить для кхади.) Пропаганда чаркхи и выработка кхади считались у лидеров Национального конгресса важной формой антианглийской борьбы, которая включала в себя бойкот иностранной машинной продукции. Чаркха и ныне является эмблемой Конгресса.

Чарпай — деревянная кровать с веревочной сеткой.

Четти — каста купцов Южной Индии. Постепенно четти расселились по всей Индии и вели коммерческие операции даже в Бирме.

Четырнадцать пунктов Джинны — так называлась резолюция, принятая по предложению лидера Мусульманской лиги Мухаммада Али Джинны (1876—1948) на сессии этой партии,

состоявшейся в 1932 г. в Лакхнау. В основном резолюция сводилась к следующему: 1) превращение Индии в федерацию; 2) предоставление мусульманам третьей части мест в центральных законодательных органах; 3) обеспечение за мусульманами постоянного большинства в законодательных органах Пенджаба, Бенгалии и Северо-Западной пограничной провинции; 4) полная религиозная свобода; 5) обеспечение достаточного представительства мусульман в министерствах и на государственной службе; 6) выделение Синда в самостоятельную провинцию; 7) защита мусульманской культуры и т. д.

Чикка — игра, участники которой догоняют друг друга, бегая по кругу.

Чоукидари — налог, взимаемый с крестьян для оплаты полицейских и сторожей в деревнях.

Шанкар Ачария — выдающийся индийский писатель, живший в VIII в. н. э., с именем которого связано возникновение философской системы адвайта веданта, или недуалистической веданты. Эта система представляет господствующие философские взгляды современного индуизма.

Шейх — глава мусульманской секты.

Шет — 1) старшина общины купцов или купец вообще; 2) приставка к имени богатых купцов.

Шива — один из членов триады, которую составляют боги Брахма, Вишну, Шива. Почитается как бог разрушения и созидания. Согласно легендам, ездил на слоне.

Шиваиты — поклонники бога Шивы.

Шиварагри — праздник в честь бога Шивы, приходящийся на вторую половину месяца пхальгун, что соответствует февралю — марту.

Шраван — пятый месяц индийского календаря (июль — август).

Шрадха — обряд поклонения усопшему, поминальная церемония.

«Экстремисты» — название левого крыла партии Индийский национальный конгресс, образовавшегося в конце XIX — начале XX вв. Лидером «экстремистов» был выдающийся деятель национально-освободительного движения Индии Б. Г. Тилак. «Экстремисты» выступали за полную независимость Индии любыми средствами, включая и насильственные методы. Методы борьбы другого крыла Конгресса, а именно «умеренных» (см.), они называли «политическим попрошайничеством». Антиимпе-

риалистическая деятельность «экстремистов» особенно активизировалась в 1905—1908 гг. в период подъема национально-освободительного движения в Индии. В 1907 г. в результате усилившихся разногласий с «умеренными» «экстремисты» вышли из состава Конгресса и предприняли неудачную попытку создать самостоятельную партию. В 1908 г. после ареста Тилака «экстремисты» раскололись на ряд мелких партий. В 1916 г. они вновь вошли в состав Национального конгресса, выступая против колониальных порядков, отвергая западную культуру и идеализируя средневековые религиозные и кастовые предрассудки. В 20-х гг. XX в. название «экстремисты» стало выходить из употребления и было заменено термином «левые».

Юнионисты — члены партии юнионистов, созданной в 1935 г. в Пенджабе крупным чиновником Хусайном. Эта партия, отражавшая интересы крупных пенджабских помещиков, стояла за сотрудничество с английскими колониальными властями.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора к русскому изданию	3
От автора	5
Глава 1. Мои предки	7
Глава 2. Детские впечатления	10
Глава 3. Моулви сахиб	13
Глава 4. Жизнь в деревне	15
Глава 5. Английское образование	20
Глава 6. Заминдари	23
Глава 7. Женитьба	25
Глава 8. Снова в школе Чапры	29
Глава 9. Я еду в Калькутту	34
Глава 10. Агитация против поездок за границу	39
Глава 11. Пробуждение политического сознания	44
Глава 12. Студенческая конференция Бихара и Индийский национальный конгресс	51
Глава 13. Неудачная попытка поехать за границу	55
Глава 14. Конец учения	58
Глава 15. Я готовлюсь стать адвокатом	62
Глава 16. Встреча с Гокхале	67
Глава 17. Обычай делать приданое	70
Глава 18. Адвокатская практика	72
Глава 19. Общественная деятельность	78
Глава 20. Первая встреча с Гандиджи	83
Глава 21. Чампаран	89
Глава 22. Реформы Монтегю — Челмсфорда	103
Глава 23. Закон Роулетта	108
Глава 24. Кампания несотрудничества и халифат	112
Глава 25. Бихарский видьяитх и ашрам в Садакате	122
Глава 26. Кампания несотрудничества	127
Глава 27. «Деш» и «Серчлайт»	133
Глава 28. Репрессии	135
Глава 29. Индусско-мусульманское единство и пропаганда кхадхи	138
Глава 30. Ненасилие и индусско-мусульманский вопрос	142
Глава 31. Наводнение в Чапре	150
Глава 32. Подготовка к сатьяграхе	153
Глава 33. Аресты и поиски компромисса	156
Глава 34. Ахмадабадская сессия Конгресса и сатьяграха	160
Глава 35. Чаури-Чаурэ и приостановка сатьяграхи	164
Глава 36. Конструктивная программа	171
Глава 37. Репрессии в Ассаме и в Сантал Паргапа	176
Глава 38. События в Гуру-ка-Багхе и Мултани	180

Глава 39.	Подготовка к сессии Национального конгресса в Бихаре	185
Глава 40.	Сессия Конгресса в Гае	188
Глава 41.	Рождение партии свараджистов	194
Глава 42.	Сатьяграха в Нагпуре	200
Глава 43.	Чрезвычайная сессия Конгресса в Дели. Очередная сессия Конгресса в Коканаде	202
Глава 44.	Освобождение Гандиджи	205
Глава 45.	В муниципальном совете Патны	209
Глава 46.	Переговоры в Джуху	216
Глава 47.	Трехнедельная голодовка Махатмы Ганди	221
Глава 48.	Компромисс с партией свараджистов	229
Глава 49.	Храм Будды в Гае	233
Глава 50.	Смерть Дешбадху Даса	236
Глава 51.	Социальные реформы	239
Глава 52.	Поездка Махатмы по Бихару	241
Глава 53.	Разногласия в партии свараджистов и Канпурская сессия Конгресса	244
Глава 54.	Независимая группа в Конгрессе	248
Глава 55.	Бихарский видьяпихт и внедрение кхадхи	253
Глава 56.	Поездка по Ассаму и сессия Конгресса в Гаухати	258
Глава 57.	Комиссия Саймона и Мадрасская сессия Конгресса	265
Глава 58.	Поездка на Цейлон	268
Глава 59.	Путешествие в Англию	270
Глава 60.	Поездка по Европе и антивоенная конференция	277
Глава 61.	Комиссия Саймона	282
Глава 62.	Калькуттская сессия Конгресса и межпартийная конференция	286
Глава 63.	Разделение политических заключенных на категории	291
Глава 64.	Поездка в Бирму	294
Глава 65.	Соляная сатьяграха	299
Глава 66.	Сатьяграха в Бихаре	304
Глава 67.	Бойкот иностранных тканей и одежды	308
Глава 68.	Сатьяграха в Бихлуре	312
Глава 69.	За решеткой	316
Глава 70.	Смерть пандита Мотилала Неру	322
Глава 71.	Пакт Ганди — Ирвин	326
Глава 72.	Гандиджи на конференции круглого стола	334
Глава 73.	Возобновление репрессий	339
Глава 74.	Гандиджи объявляет бессрочную голодовку	344
Глава 75.	Аллахабадская конференция единства	351
Глава 76.	Землетрясение в Бихаре	359
Глава 77.	После землетрясения — наводнение	367
Глава 78.	Прекращение сатьяграхи	372
Глава 79.	Смерть брата	375
Глава 80.	На посту председателя Конгресса	382
Глава 81.	Выборы в Центральное законодательное собрание	389
Глава 82.	Переговоры с Джинной	392
Глава 83.	Поездка по провинциям	396
Глава 84.	Пробуждение народа в княжествах	402
Глава 85.	Сессия Конгресса в Лакхнау	409
Глава 86.	Национальный язык	414
Глава 87.	Подготовка к выборам в провинциальные законодательные собрания	419
Глава 88.	Успех на выборах	427
Глава 89.	Конгресс формирует правительства	435

Глава	90.	Поездка в Северо-Западную пограничную провинцию	442
Глава	91.	Компромисс между землепашцем и помещиком . . .	447
Глава	92.	Кризис конгрессиетских правительств	456
Глава	93.	«Ганди севак сангх»	463
Глава	94.	Досадный инцидент с правительством Центральных провинций	467
Глава	95.	До и после Трипурской сессии Конгресса	472
Глава	96.	Неприятная обязанность	481
Глава	97.	Конгресс и мировая война	486
Глава	98.	Сессия Конгресса в Рамгархе	494
Глава	99.	Сонепурский лагерь	500
Глава	100.	Индивидуальная сатьяграха	504
Глава	101.	Погромы в Бихар Шарифе	511
Глава	102.	Предложение Криппса	516
Глава	103.	Японская угроза	523
Глава	104.	Резолюция «Вон из Индии!»	528
Глава	105.	Снова в тюрьме	532
Глава	106.	Волнения 1942 года	540
Глава	107.	Я пишу в тюрьме	547
Глава	108.	Смерть друзей	551
Глава	109.	Снова на свободе	556
Глава	110.	Помощь пострадавшим за участие в политической борьбе	561
Глава	111.	Выборы в провинциальные законодательные органы	565
Глава	112.	План английской правительственной миссии . . .	570
Глава	113.	Калькутская резня	578
Глава	114.	Послесловие автора	582
Примечания	редакции		593

В переводе книги
Р. П р а с а д а «Автобиография»
принимали участие:

ИСАКОВИЧ В. В., КЛИВАНСКАЯ И. С., КУНИНА Д. Э.,
МИТИНА С. О., ПАВЛОВ В. Н.

Консультант
ШАСТИТКО П. М.
Редактор перевода
АНТОНОВИЧ Б. Н.

Раджендра Прасад
АВТОБИОГРАФИЯ

Художник *Г. И. Мануйлов*
Художественный редактор *Б. И. Астафьев*
Технические редакторы *Е. С. Потапенкова* и *А. Д. Хомяков*
Корректор *Г. К. Болгарева*

* * *

Сдано в производство 5/1—1961 г. Подписано к печати 12/II—1961 г.
Бумага 60 × 90^{1/16} = 19,6. Бум. л. 19,6. Печ. л. 39,1. В т. ч. 1 вкл.
Учетно-изд. л. 35,1. Изд. № 7/353. Цена 2 р. 31 к.

* * *

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.